

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Экономические и социальные перемены

№ 1 (155)
январь — февраль 2020

ГОСУДАРСТВО
И ОБЩЕСТВО

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77   Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2020. — № 1 (155). — 483 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

А. М. Алмакаева, Н. В. Гашенина

Субъективное благополучие: концептуализация, измерение и российская специфика 4

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Д. А. Леонтьев

Счастье и субъективное благополучие:
к конструированию понятийного поля 14

Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова, А. О. Панфилова

Образ благополучия в нарративах жителей Дальнего Востока:
результаты исследовательского проекта 38

М. А. Абрамова

Визуальная репрезентация образа «Счастье» как способ исследования
социокультурного архетипа 51

Е. В. Щекотин, М. Г. Мягков, В. Л. Гойко, В. В. Кашпур, Г. Ю. Коварж

Субъективная оценка (не)благополучия населения регионов РФ
на основе данных социальных сетей 78

Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев

Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия:
психометрические характеристики и сравнительный анализ 117

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

А. М. Климова, К. Ш. Чмель

Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли
социальная политика эффекты неравенства в России? 143

Э. А. Камалов, Э. Д. Понарин

Национальная гордость и субъективное благополучие россиян 177

Е. А. Настина, А. М. Алмакаева

Роль уровня притязаний и социальных сравнений в детерминации
удовлетворенности жизнью 206

Е. Б. Мелкумян

Религиозность и удовлетворенность жизнью:
опрос православных приходов 225

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: январь — февраль 2020 250

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

Т. О. Арчакова, Э. Ш. Гарифулина

Измерение субъективного благополучия детей в России:
от локальных социальных практик до федеральной стратегии 276

В. А. Сибирев, Н. А. Головин

Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью
и чувстве счастья в России (на материалах Европейского
социального исследования) 296

А. В. Андрееenkova

Межстрановые различия в уровне счастья в постсоветских странах —
сравнительный анализ 316

И. А. Зеленев, В. А. Прохода

Субъективное благополучие и доверие в контексте психологической
безопасности в современной России и других европейских странах 340

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

Н. Э. Соболева

Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой
в удовлетворенность жизнью в России 368

О. В. Вередюк

Динамика субъективного благополучия при внутрифирменной трудовой
мобильности в России 391

I. A. Antoshchuk, I. Gewinner

Still a Superwoman? How Female Academics from the Former Soviet Union
Negotiate Work—Family Balance Abroad 408

IN MEMORIAM

И. Шульц

Десятая жизнь, или Пражское наследие Бориса Грушина 436

В. М. Бачишин, П. В. Разин, М. Б. Владимирова

Метод анализа текстов массового сознания (МАТЕМС)
(на основе научного семинара Б. А. Грушина на факультете журналистики
МГУ им. Ломоносова 1983—1989 гг.) 455

В МИРЕ КНИГ

М. П. Каширина

Обзор книги «Источники счастья: наука о благополучии
на протяжении всей жизни» 465

А. А. Балова

Обзор книги «Генетика психологического благополучия:
роль наследственности и генетики в позитивной психологии» 472

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.01

Правильная ссылка на статью:

Алмакаева А. М., Гашенина Н. В. Субъективное благополучие: концептуализация, измерение и российская специфика // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 4—13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.01>.

For citation:

Almakaeva A. M., Gashenina N. V. (2020) Subjective Well-Being: Conceptualization, Assessment and Russian Specifics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 4—13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.01>.

А. М. Алмакаева, Н. В. Гашенина СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, ИЗМЕРЕНИЕ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, ИЗМЕРЕНИЕ
И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

SUBJECTIVE WELL-BEING: CONCEPTU-
ALIZATION, ASSESSMENT AND RUSSIAN
SPECIFICS

АЛМАКАЕВА Анна Михайловна — кандидат социологических наук, заместитель заведующего Лабораторией сравнительных социальных исследований; старший преподаватель департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aalmakaeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2710-1525>

Anna M. ALMAKAEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Laboratory for Comparative Social Research Deputy Head; Senior Lecturer at the School of Sociology
E-MAIL: aalmakaeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2710-1525>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ГАШЕНИНА Наталья Валерьевна — кандидат экономических наук, ведущий специалист группы «Финансовое поведение», ООО «инФОМ», Москва, Россия
E-MAIL: gashenina@fom.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5924-171X>

Natalya V. GASHENINA² — *Cand. Sci. (Economics), Leading Specialist of the “Financial Behavior” Group*
E-MAIL: gashenina@fom.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5924-171X>

² inFOM, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлен краткий обзор особенностей российской традиции исследования субъективного благополучия. Анализируется смысловая наполненность таких концептов, как «субъективное качество жизни», «социальное настроение», «социальное самочувствие». Авторы показывают, что наиболее распространенным в отечественной социальной литературе является понятие «социальное самочувствие», имеющее две трактовки: широкую и узкую. При этом лишь узкую трактовку следует считать аналогом субъективного благополучия (subjective well-being). В работе также описываются существующие российские и международные базы данных, которые могут служить источниками изучения благополучия во временной и межстрановой перспективе.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальное настроение, субъективное качество жизни, межстрановые исследования, опросы общественного мнения

Благодарность. Мы выражаем искреннюю благодарность авторам, рецензентам, а также команде журнала «Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены» Анне Кулешовой, Анне Кокаревой и Илье Ломакину за плодотворную работу по подготовке этого номера. Мы также очень признательны Российскому научному фонду (РНФ) за финанси-

Abstract. The current paper provides a brief overview of subjective well-being studies in Russia. The authors analyze definitions and measurement of such concepts as «subjective quality of life», «social mood», «social well-being». The concept of «social well-being», which has the widest application among Russian social researchers, has two possible interpretations (wide and narrow). Only its narrow interpretation can be treated as a synonym for subjective well-being. The paper also describes existing Russian and cross-country datasets which can be used to investigate time trends and cross-country variation of subjective well-being.

Keywords: subjective well-being, happiness, life satisfaction, social well-being, social mood, subjective quality of life, cross-country research, public opinion polls

Acknowledgments. We are grateful to all the authors and reviewers, the editorial board of the Monitoring of Public Opinion Journal and personally Anna Kuleshova, Anna Kokareva and Ilya Lomakin for their fruitful work on this issue. We are also thankful to Russian Science Foundation (RSF) for the funding the research project no. 18-18-00341 “Transformation of Values and Subjective Quality of Life:

рование исследовательского проекта № 18-18-00341 «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива», благодаря которому возникла идея подготовить тематический выпуск, посвященный различным аспектам и специфике субъективного благополучия в России.

A Regional Perspective”. This project became a trigger to issue a special volume on happiness and subjective well-being in Russia.

*«А чем вы занимаетесь?» — спросил я.
«Как и вся наука, — сказал горбоносый. —
Счастьем человеческим».*

Аркадий и Борис Стругацкие.
Понедельник начинается в субботу

Изучение субъективного благополучия в последние десятилетия стало настоящим исследовательским мейнстримом. Это во многом обусловлено практическим интересом со стороны государственных структур, рассматривающих субъективное благополучие в качестве одного из ключевых ориентиров развития государства. В научной среде это направление давно стало междисциплинарным и межстрановым. Различные аспекты этого феномена изучаются в философии, антропологии, социологии, экономике, психологии, медицине, генетике, менеджменте, маркетинге и других смежных областях. Тема благополучия, счастья и удовлетворенности — неотъемлемая часть множества межстрановых сравнительных исследований качества жизни, проводимых по инициативе международных организаций. Отдельные вопросы и целые «наборы для мониторинга» включены в такие масштабные опросы, как Всемирное исследование ценностей (World Values Survey)¹, Европейское исследование ценностей (European Values Study)², Европейское социальное исследование (European Social Survey)³, Евробарометр (Eurobarometer)⁴, Всемирный опрос Института Гэллага (Gallup World Poll)⁵, Европейское исследование качества жизни (European Quality of Life Surveys)⁶ и другие, а Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработала обширный вопросник и подробные методические рекомендации [OECD, 2013].

¹ World Values Survey Official Website. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (accessed: 24.02.2020).

² European Values Study Official Website. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu/> (accessed: 24.02.2020).

³ European Social Survey Official Website. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (accessed: 24.02.2020).

⁴ Eurobarometer: The EP and the Expectations of European Citizens. *European Parliament*. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/en/be-heard/eurobarometer> (accessed: 24.02.2020). С барометрами, проводящимися в других частях света, можно ознакомиться на официальном сайте Глобального барометра: Global Barometer Surveys. URL: <https://www.globalbarometer.net/> (accessed: 24.02.2020).

⁵ Gallup World Poll. *Gallup Official Website*. URL: <https://www.gallup.com/services/170945/worldpoll.aspx> (accessed: 24.02.2020).

⁶ European Quality of Life Surveys (EQLS). *European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions*. 2017. December 7. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/surveys/european-quality-of-life-surveys> (accessed: 24.02.2020).

Во многих странах рассчитываются разнообразные национальные индексы для оценки уровня и динамики объективных и субъективных показателей благополучия, проводятся качественные исследования для понимания его сущности, смысловой наполненности и специфических особенностей. Однако вследствие комплексности и междисциплинарности единого общепринятого определения «субъективного благополучия» до сих пор не существует, и вряд ли это возможно. Тем не менее, с годами выработались некоторые общие подходы к его измерению, в том числе благодаря деятельности международных организаций. В крупных международных проектах чаще всего используются показатели удовлетворенности и счастья, а психологи работают с устоявшимися и апробированными во многих странах методиками⁷.

В России обсуждаемое направление далеко не так популярно, как за рубежом, но интерес к нему постепенно усиливается. В то же время нельзя сказать, что эта тема совершенно новая для отечественной науки. И советские, и российские исследователи изучали и изучают субъективное благополучие, счастье, удовлетворенность работой и жизнью в целом. Однако здесь ситуация осложняется тем, что наряду с понятием «субъективное благополучие» (subjective well-being) в отечественных работах употребляется ряд схожих терминов. Например, А. Подузов и В. Языкова [Подузов, Языкова, 2014] говорят о «субъективном качестве жизни», определяя его как степень практической реализации индивидуальной системы ценностей. Встречаются также термины «субъективные оценки благополучия» [Шилова, 2019] и «субъективное восприятие качества жизни» [Россошанский, 2019], однако более распространенным все же следует считать концепт «социальное самочувствие».

Если обращаться к конкретным показателям самочувствия, то они довольно сильно варьируются. С одной стороны, можно выделить узкие трактовки, использующие лишь счастье и удовлетворенность и, фактически, являющиеся аналогом субъективного благополучия [Бессокирная, 2008; Головаха, Панина, Горбачик, 1998; Левыкин, 1981; Орлова, 1998]. С другой стороны, существует и расширенная интерпретация. Здесь набор дополнительных показателей самочувствия может включать множество аспектов: представления о будущем (оптимизм) [Авксентьев, Гриценко, Маслова, 2008; Воронин, 2001; Крупец, 2003; Михайлова, 2010], ценности [Ковалева, 2001; Петрова, 2000], оценку положения дел в стране и происходящих изменений [Воронин, 2001; Ковалева, 2001], восприятие существующих социальных проблем [Хасбулатова, Егорова, 2002], статусную идентификацию (восприятие социального статуса) [Козырева и др., 2002], потребительскую активность [Чугуенко, Бобкова, 2013] и так далее.

Особняком стоит подход Ж. Тощенко и С. Харченко. Они вводят термин «социальное настроение» и считают социальное самочувствие его базовым компонентом. По их мнению, в структуру самочувствия должна входить информация, важная для личной и общественной жизни индивида; чувства, возникающие в ответ на значимые условия жизни и события; историческая память и оценка злободневных проблем [Тощенко, Харченко, 1996].

⁷ Подробнее об этих методиках можно прочитать в статьях Д. Леонтьева и Е. Осина, опубликованных в разделе «Методология и методы» настоящего выпуска.

Многообразие и некоторая расплывчатость понятийного аппарата создают определенные барьеры для конструктивного диалога между исследователями. Однако справедливости ради следует отметить, что в последнее время на первый план выходит концепция субъективного благополучия и происходит активная интеграция и адаптация мирового опыта.

Зарубежные методики измерения благополучия и счастья, позволяющие учитывать не только объективные (материальные) аспекты благополучия, но и субъективные — в том числе когнитивный, гедонистический, эвдемонический и социальный, — уже сейчас эффективно применяются и совершенствуются российскими учеными. Многие исследовательские коллективы вовлечены в сбор межстрановых данных, включающих в том числе показатели субъективного благополучия и позволяющих сравнивать Россию с другими странами. В частности, Центр социологических исследований при РАНХиГС является официальным представителем проекта «Евробарометр» в России⁸, Лаборатория сравнительных социальных исследований (ЛССИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) — Всемирного исследования ценностей и Европейского исследования ценностей⁹, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) — Европейского социального исследования¹⁰. Отдельные показатели субъективного благополучия и социального самочувствия в его расширенной интерпретации регулярно включаются в общероссийские опросы общественного мнения. Примеры подобных трендов можно найти практически у всех ведущих исследовательских компаний: Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)¹¹, Фонда «Общественное мнение» (ФОМ)¹², «Левада-центра»¹³. В своих исследованиях сотрудники Института психологии РАН¹⁴ и Института социологии ФНИСЦ РАН¹⁵ неоднократно обращались к рассматриваемой проблематике, а коллектив Лаборатории позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ¹⁶ внес неоценимый вклад в адаптацию и апробацию зарубежных методик измерения субъективного благополучия.

⁸ Евробарометр // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. URL: <https://www.ranepa.ru/uceniy-issledov/strategii-i-doklady/evrobarometr/evrobarometr/> (последний доступ: 24.02.2020).

⁹ Лаборатория сравнительных социальных исследований // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://lcsr.hse.ru/> (последний доступ: 24.02.2020).

¹⁰ Европейское социальное исследование в России // Институт сравнительных социальных исследований «CESSI». URL: <http://www.ess-ru.ru/> (последний доступ: 24.02.2020).

¹¹ Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/> (последний доступ: 24.02.2020).

¹² Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/> (последний доступ: 24.02.2020).

¹³ Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады «Левада-центр». URL: <http://www.levada.ru/> (последний доступ: 24.02.2020).

¹⁴ Официальный сайт Института психологии Российской академии наук. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/rus_index.html (последний доступ: 24.04.2020).

¹⁵ Официальный сайт Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. URL: <https://www.isras.ru/isras.html> (последний доступ: 24.02.2020).

¹⁶ Международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://positivelab.hse.ru/> (последний доступ: 24.02.2020).

Отдельно стоит упомянуть Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)¹⁷, который проводится ежегодно начиная с 1994 г. и содержит также панельную часть выборки. Эти материалы открывают огромные возможности, ведь, строго говоря, только панельное исследование и соответствующие методы анализа данных позволяют делать выводы о причинно-следственных, а не корреляционных связях.

Изучение субъективного благополучия важно и с практической точки зрения. Все чаще эта тема поднимается в выступлениях представителей российских органов власти, и в скором будущем она, вероятно, будет востребована в процессе принятия политических решений и разработки мер по совершенствованию социальной политики. Например, спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко поддержала предложение замерять индекс счастья россиян¹⁸, а глава Счетной палаты Алексей Кудрин, выступавший на посвященной теме счастья Общероссийском гражданском форуме 2018 г., подчеркивал важность учета счастья как показателя меры качественного развития страны, в отличие от уходящего в прошлое ВВП¹⁹.

Для установления субъективного благополучия в качестве индикатора успешности проводимой политики необходимо более-менее точное понимание российской специфики функционирования этого социального феномена. Такая задача требует всестороннего анализа с использованием данных различного характера. Мы искренне надеемся, что настоящий тематический номер станет стартовой площадкой, приглашением к диалогу между представителями различных дисциплин, заинтересованными в совершенствовании данной предметной области.

Работая над содержанием, мы постарались отразить различные точки зрения и аспекты субъективного благополучия и счастья. Открывает номер рубрика «Методология и методы» и обзорная статья Дмитрия Леонтьева «Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля», посвященная истории и эволюции этого феномена в мировой и российской науке. В ней подчеркивается важность многомерного эвдемонистического подхода к анализу благополучия, выходящего за пределы гедонистической трактовки и делающего акцент на осмысленности целеполагания и деятельности. В работе Елены Костиной, Надежды Орловой и Анны Панфиловой «Образ благополучия в нарративах жителей Дальнего Востока» предлагается обыденная реконструкция смыслового поля благополучия и неблагополучия, представленная в материалах полуструктурированных интервью с жителями Приморского края. Текст Марии Абрамовой «Визуальная репрезентация образа „счастье“ как способ исследования социокультурного архетипа», напротив, описывает опыт использования невербальных, рисуночных методик в Республике Саха (Якутия). Евгений Щекотин и его коллеги прибегают к возможностям Big Data и на базе публикаций пользователей в социальной сети «ВКонтакте» строят рейтинг 46 регионов РФ. В его основе лежат оценки различных

¹⁷ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/rims/> (последний доступ: 24.02.2020).

¹⁸ Калюков Е. Матвиенко предложила измерять влияние действий власти на счастье россиян // РБК. 2019. 5 марта. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/03/2019/5c7e53f99a7947dcc6456c22> (дата обращения: 23.02.2020).

¹⁹ Фейнберг А., Гордеев В. Кудрин предложил считать уровень счастья показателем экономики // РБК. 2018. 8 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/12/2018/5c0b75a99a79470f8e6bf81a> (дата обращения: 23.02.2020).

сфер жизни: ЖКХ, медицины, экологии, социальной поддержки и т. д. Завершает рубрику статья Евгения Осина и Дмитрия Леонтьева «Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ», в которой представлены результаты валидации русскоязычных версий психологических шкал измерения субъективного благополучия (шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера (ШУЖ), субъективного счастья С. Любомирски (ШСС), спектра психологического здоровья (МНС), индекс личного благополучия взрослых (PWI-A), шкалы позитивного и негативного аффекта).

Раздел «Государство и общество» состоит из четырех статей. Айгуль Климова и Кирилл Чмель используют репрезентативные данные по 34 регионам РФ, собранные в 2019 г. сотрудниками Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ и Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) и пытаются ответить на вопрос, могут ли большие затраты на социальную политику в регионах компенсировать негативные эффекты неравенства в отношении субъективного благополучия. Их многоуровневый анализ, выполненный в русле байесовского подхода, дает положительный ответ на этот вопрос, однако такой эффект обнаруживается лишь для затрат на здравоохранение. Эмиль Камалов и Эдуард Понарин обращаются к недооцененной роли национальной гордости. На материалах Всемирного исследования ценностей и Европейского исследования ценностей авторы, во-первых, показывают общероссийские тренды счастья и удовлетворенности с 1990 по 2017 гг. и, во-вторых, подтверждают наличие позитивного влияния гордости, причем более выраженным оно оказывается для людей с низкими доходами. Екатерина Настина и Анна Алмакаева изучают роль уровня притязаний и социальных сравнений. Такую возможность предоставляет 25-я волна Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ. Авторы подчеркивают важность учета кризисного опыта 1990-х гг. в плане детерминации удовлетворенности жизнью. Для молодежи, не заставшей этот травматический период, важнее оказывается сравнение с обеспеченными группами (восходящая логика). Удовлетворенность старших возрастных групп зависит от ориентации на менее обеспеченные слои (нисходящая логика). В фокусе внимания Елены Мелкумян оказывается такой параметр, как религиозность. Опрос 12 православных приходов в Москве, Иркутской, Калужской, Ростовской, Самарской и Ярославской областях, Алтайском и Красноярском краях показал, что значимыми механизмами улучшения благополучия являются моральная поддержка, которую дает вера, а также аккумуляция социального капитала, реализующаяся через вовлеченность в деятельность прихода и расширение социальной сети поддержки.

Следующая часть тематического номера «Социальная диагностика» начинается с текста Татьяны Арчаковой и Эльвиры Гарифулиной «Измерение субъективного благополучия детей в России: от локальных социальных практик до федеральной стратегии». Они фокусируются на специфических особенностях детского возраста и существующих показателях детского благополучия, применяемых при оценке эффективности деятельности 69 государственных и некоммерческих организаций, работающих в сфере поддержки социального сиротства. Остальные статьи рубрики написаны в русле сравнительной методологии. Владимир Сибирев и Николай

Головин на материалах всех доступных волн Европейского социального исследования отслеживают поколенческую динамику счастья и субъективного благополучия, а также сопоставляют нашу страну с другими европейскими странами. Анна Андрееенкова обращается к сравнению стран бывшего СССР. Илья Зеленев и Владимир Прохода дополняют показатели субъективного благополучия психологической безопасностью, генерализованным и институциональным доверием. В целом их анализ позволяет выделить ряд тенденций. Во-первых, относительно других европейских стран уровень счастья, удовлетворенности жизнью, генерализованного доверия и психологической безопасности в России довольно низкий, чего нельзя сказать о доверии институциональном. Во-вторых, уровень субъективного благополучия у российской молодежи выше, но именно эти поколенческие группы характеризуются нисходящими трендами, в то время как для более старших когорт выраженной динамики не наблюдается.

В рубрике «Социология труда» собраны статьи, посвященные влиянию различных аспектов профессиональной жизни на субъективное благополучие. Наталья Соболева использует данные упомянутого выше репрезентативного опроса по 34 регионам РФ и многоуровневое регрессионное моделирование. Ее результаты показывают ожидаемый положительный эффект удовлетворенности работой в отношении удовлетворенности жизнью, однако его выраженность, а также гендерная специфика, варьируются в зависимости от региона РФ. Олеся Вередюк на базе РМЭЗ 2017 и 2018 гг. изучает влияние внутрифирменной мобильности на удовлетворенность работой и ее отдельными аспектами (оплатой труда, условиями труда, возможностями карьерного роста). Регрессионное моделирование продемонстрировало несимметричные эффекты мобильности. Так, карьерный рост действительно позитивно сказывается на удовлетворенности работой, а вот понижение в должности не влечет за собой негативных изменений. Ирина Антошук и Ирина Гевиннер исследуют стратегии достижения баланса жизни и труда среди женщин-ученых, эмигрировавших из Советского Союза.

В рубрике «В мире книг» представлены обзоры, сделанные студентками первого курса международной магистерской программы «Сравнительные социальные исследования» НИУ ВШЭ. Мария Каширина рассказывает о книге «Источники счастья: наука о благополучии на протяжении всей жизни» (The Origins of Happiness: The Science of Well-Being over the Life Course, 2018), а Александра Балова — о коллективной монографии «Генетика психологического благополучия: роль наследственности и генетики в позитивной психологии» (Genetics of Psychological Well-Being: The Role of Heritability and Genetics in Positive Psychology, 2015). Завершают номер статьи, посвященные одному из классиков отечественной социологии — Борису Грушину. Ирина Шульц описывает пражский период его деятельности, а Владимир Бачишин, Павел Разин и Мария Владимирова рассказывают о регулярном семинаре Бориса Грушина, проводившемся с 1983 по 1989 гг. на факультете журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и посвященном методам анализа текстов массового сознания (МАТЕМС).

Авторы и приглашенные редакторы номера – Анна Алмакаева, Наталья Гашенина и Эдуард Понарин – надеются, что этот тематический выпуск будет интересен не только академическому сообществу, но и практикам, работающим в сфере управления.

Список литературы (References)

- Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Социальное самочувствие молодежи северного Кавказа // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 91—96.
Avksentyev V. A., Gritsenko G. D., Maslova T. F. (2008) Social Well-Being of Youth in the Northern Caucasus. Sociological Studies. No. 2. P. 91—96. (In Russ.)
- Бессокирная Г. П. Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 34—37.
Bessokirnaya G. P. (2008) Social Well-Being in the Workplace. Sociological Studies. No. 3. P. 34—37. (In Russ.)
- Воронин Г. Л. Социальное самочувствие россиян (1994—1996—1998 гг.). «Мерцающая» стратификация // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 53—66.
Voronin G. L. (2001) Social Well-Being of Russians (1994—1996—1998). «Fluctuating» Stratification. Sociological Studies. No. 6. P. 53—66. (In Russ.)
- Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 1998. № 10. С. 45—71.
Golovakha E. I., Panina N. V., Gorbachik A. P. (1998) Measuring Social Well-Being: Integrated Social Well-Being Test. Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (4M). No. 10. P. 45—71. (In Russ.)
- Ковалева Н. Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 73—79.
Kovaleva N. G. (2001) Social Well-Being in Old Age. Sociological Studies. No. 7. P. 73—79. (In Russ.)
- Козырева П. М., Герасимова С. Б., Киселёва И. П., Низамова А. Э. Эволюция социального самочувствия россиян и особенности социально-экономической адаптации (1994—2001 гг.) // Россия реформирующаяся / под редакцией Л. М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 160—183.
Kozyreva P. M., Gerasimova S. B., Kiselyova I. P., Nizamova A. E. (2002) The Evolution of Social Well-Being of Russians and Socio-Economical Adaptation (1994—2001). In: Drobizheva L. M. (ed.) Reforming Russia. Moscow: Academia. P. 160—183. (In Russ.)
- Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143—144.
Krupets Ya. N. (2003) Social Well-Being as an Integral Indicator of Adaptation. Sociological Studies. No. 4. P. 143—144. (In Russ.)
- Левыкин И. Т. Образ жизни как объект междисциплинарного изучения // Социологические исследования. 1981. № 1. С. 57—63.
Levykin I. T. (1981) Way of Living as an Object of Interdisciplinary Study. Sociological Studies. No. 1. P. 57—63. (In Russ.)
- Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45—50.

Mikhaylova L. I. (2010) Social Well-Being and the Perception of the Future of Russians. *Sociological Studies*. No. 3. P. 45—50. (In Russ.)

Орлова Л. А. О социальном самочувствии учителей Московской области (по результатам социологических опросов) // *Социологические исследования*. 1998. № 8. С. 89—94.

Orlova L. A. (1998) On Social Well-Being of Teachers in the Moscow Region (Based on Results of Sociological Surveys). *Sociological Studies*. No. 8. P. 89—94. (In Russ.)

Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // *Социологические исследования*. 2000. № 12. С. 50—55.

Petrova L. E. (2000) Social Well-Being among Young People. *Sociological Studies*. No. 12. P. 50—55. (In Russ.)

Подузов А. А., Языкова В. С. О теории и измерении качества человеческой жизни // *Проблемы прогнозирования*. 2014. № 4 (145). С. 84—97.

Poduzov A. A., Yazykova V. S. (2014) On the Theory and Measurement of the Quality of Human Life. *Problems of Forecasting*. No. 4 (145). P. 84—97. (In Russ.)

Россошанский А. И. Методические аспекты оценки субъективного восприятия качества жизни населения региона // *Вопросы территориального развития*. 2019. № 5 (50). С. 1—10. <https://doi.org/10.15838/tdi.2019.5.50.7>.

Rossoshanskii A. I. (2019) Methodological Aspects of Assessment of the Quality of Life Subjective Perceptions in Regions. *Territorial Development Issues*. No. 5 (50). P. 1—10. <https://doi.org/10.15838/tdi.2019.5.50.7>. (In Russ.)

Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М. : Academia, 1996.

Toshchenko J. T., Kharchenko S. V. (1996) *Social Mood*. Moscow: Academia. (In Russ.)

Хасбулатова О. А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // *Социологические исследования*. 2002. № 11. С. 48—54.

Khasbulatova O. A., Yegorova L. S. (2002) Social Well-Being of Women and Men in the Middle Cities of Russia. *Sociological Studies*. No. 11. P. 48—54. (In Russ.)

Чугуенко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // *Социологические исследования*. 2013. № 1. С. 15—23.

Chuguenko V. M., Bobkova E. M. (2013) New Trends of the Social Well-Being Studies in Population. *Sociological Studies*. No. 1. P. 15—23. (In Russ.)

Шилова В. А. Субъективные оценки благополучия: теоретические основания, методологические подходы к измерению, результаты исследования // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 3. С. 136—150. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6694>.

Shilova V. A. (2019) Subjective Assessment of Well-being: Theoretical Approach, Measurement, Results. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 7. No. 3. P. 136—150. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6694>. (In Russ.)

OECD (2013) *OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-Being*. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development. <https://doi.org/10.1787/9789264191655-en>.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02

Правильная ссылка на статью:

Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.

For citation:

Leontiev D. A. (2020) Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 14—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.

Д. А. Леонтьев

СЧАСТЬЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: К КОНСТРУИРОВАНИЮ ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ

СЧАСТЬЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: К КОНСТРУИРОВАНИЮ ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ

HAPPINESS AND WELL-BEING: TOWARD THE CONSTRUCTION OF THE CONCEPTUAL FIELD

ЛЕОНТЬЕВ Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, зав. Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dmleont@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>

Dmitry A. LEONTIEV¹ — Dr. Sci. (Psychology), Head of the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation
E-MAIL: dmleont@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Статья содержит аналитический обзор пересекающихся конструктов, описывающих максимально позитивные переживания или высшее благо: счастье, субъективное благополучие, психологическое бла-

Abstract. The article provides an analytical overview of intersecting constructs describing maximally positive emotional experience of the supreme good, namely happiness, subjective well-being, psychological well-being, quality of life,

гополучие, качество жизни, гедония, эвдемония. Подробно рассмотрены дискуссионные вопросы соотношения этих конструктов и их операционализации в эмпирических исследованиях. В качестве основания для разведения близких конструктов предложено качество мотивации, то есть уровневая и содержательная характеристика тех потребностей, об удовлетворении которых сигнализируют положительные эмоции; показано, что наряду с общим параметром переживания близости фактического и желаемого, адекватно описываемым понятием субъективного благополучия, важно учитывать индивидуальную специфичность и уровневую характеристику самих потребностей, описываемую, в частности, в различии дефицитарной и бытийной мотивации (А. Маслоу). На этой основе предложена авторская двухуровневая модель счастья, различающая дефицитарное счастье, характеризующее меру удовлетворенности универсальных базовых потребностей, обусловленную материальными и другими ресурсами, и бытийное — или самодетерминированное — счастье за пределами простого благополучия, характеризующее успешность в реализации индивидуального экзистенциального проекта, или осмысленных жизненных целей. Намечена также авторская многомерная модель «эвдемонии 3D», учитывающая дополнительные критерии позитивности, помимо эмоционального баланса, а именно успешность и осмысленность.

Ключевые слова: счастье, благополучие, субъективное благополучие, психологическое благополучие, гедония, эвдемония, качество жизни, обратная связь, смысл, потребности

hedonia, and eudaimonia. The paper considers the relationships between the constructs and their operationalization in empirical research. To distinguish close constructs the authors highlight the quality of motivation featuring those needs which is satisfied when signaled by positive emotions. Along with the common dimension of the perceived proximity between the desired and the actual well defined by the notion of subjective well-being, it is also important to pay attention to individual features and level-specific characteristics of the needs themselves described by the difference between Deficiency and Being-motivation (A. Maslow). The author proposes an original two-level happiness model differentiating between deficiency-motivated happiness (happiness reflecting the degree of basic needs satisfaction dependent on material and other resources) and being-motivated, or self-determined, happiness (happiness beyond ordinary well-being, indicative of successful self-actualization or achievement of meaningful life goals). The paper also presents a “3D eudaimonia” multi-dimensional model designed by the author; this model takes into account positivity criteria beyond emotional balance, such as success and meaningfulness.

Keywords: happiness, well-being, subjective well-being, psychological well-being, hedonia, eudaimonia, quality of life, feedback, meaning, needs

Благодарность. Статья подготовлена в ходе/в результате проведения исследования/работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Acknowledgments. The paper is based on the findings of a study carried out in the framework of the HSE Basic Research Program and funded by the “5-100” Russian Academic Excellence Project.

Введение

В последние два-три десятилетия счастье и субъективное благополучие вошли в ряд наиболее популярных и востребованных мишеней эмпирических исследований в науках о человеке в диапазоне от экспериментально-психологических исследований на небольших выборках (в лучшем случае сотни участников), но часто с довольно изощренным инструментарием, до массовых социологических опросов на больших выборках (тысячи и десятки тысяч респондентов), но с ограниченным набором фиксируемых переменных. Рост внимания к факторам, способствующим переживанию людьми счастья и благополучия, — это, безусловно, положительный процесс. Он был во многом порожден таким возникшим на рубеже веков явлением, как позитивная психология — направление исследований и прикладных разработок, сосредоточенное на достоверном эмпирическом выявлении условий и факторов, способствующих счастью и благополучию и исходящее из того доказанного факта, что одного лишь устранения проблем и нарушений для этого недостаточно: позитивная динамика человеческой жизни имеет свои закономерности, не сводимые к зеркальному отображению ее негативной динамики (см. подробнее [Селигман, 2006; Леонтьев, 2012]).

Главной мишенью исследований позитивной психологии — особенно на раннем этапе ее развития (1997—2010), для которого были характерны, во-первых, преимущественный интерес к эмоциональным явлениям и, во-вторых, некоторая недооценка негативных переживаний (в последующем эти две тенденции стали более сбалансированы), — стало счастье. Это не удивительно: счастье как высшее доступное человеку благо еще по меньшей мере с Античности входило в число наиболее значимых тем не только для философов, но и для массового сознания, а к концу прошлого столетия стало значимым конструктом массовой культуры общества потребления [Брюкнер, 2007]. Вместе с тем многозначность и размытость понятия счастья делали его плохо применимым в конкретных научных исследованиях. Когда такие исследования стали разворачиваться в начале 1970-х гг., появилось понятие «субъективного благополучия» как операциональный, сравнительно четко определяемый и измеримый аналог понятия счастья. Чуть позже стало применяться понятие «психологического благополучия», обозначающее набор личностных характеристик, предсказывающих счастье, попытки на конкретно-психологическом уровне объяснить сохранившееся из античной

философии различие двух видов счастья, гедонистического и эвдемонистического, а также стало происходить сближение конструкта субъективного благополучия с конструктом качества жизни, который в конце XX в. использовался для характеристики условий жизни, характерных для наций или больших социальных групп, однако в последние 30 лет стал конвергировать в направлении большей индивидуализации, вплоть до того, что некоторые исследователи перестали видеть различие между конструктами качества жизни и субъективного благополучия [Camfield, Skevington, 2008]. Наконец, была сделана попытка ввести максимально обобщенное понятие благополучия [Seligman, 2011].

Таким образом, на сегодняшний день междисциплинарное понятийное поле конструктов, обозначающих высшее благо [Аристотель, 1983], или оптимальное переживание [Чиксентмихайи, 2011], плохо структурировано. Упомянутые выше и другие конструкты используются как взаимозаменяемые, с нечеткими разграничениями и отсутствующими или сильно пересекающимися определениями. Задача данной статьи видится в том, чтобы прояснить и по возможности недвусмысленно и аргументированно определить ключевые понятия этого поля, в первую очередь понятия счастья и субъективного благополучия, а также благополучия, психологического благополучия, гедонии и эвдемонии. Путь к этому видится через выстраивание наиболее сложного и многогранного понятия счастья как многомерного конструкта, по отношению к которому другие конструкты будут выражать отдельные его измерения.

Счастье как абсолют

Проблема счастья как высшего блага, доступного человеку, его определения, принципиальной возможности и путей достижения вполне закономерно занимала мысли философов и деятелей культуры не одно тысячелетие [Татаркевич, 1981]. Еще в 1 веке до н. э. римский философ Варрон насчитал 289 точек зрения на счастье.

Уже в Античности проявились два основных расхождения во взглядах на счастье, которые в тех или иных формах сохранились и по сей день. Первое из них касалось возможности определить счастье объективно, с позиций внешнего наблюдателя. Большинство мыслителей соглашались с этой точкой зрения, понимая счастье как то, что можно оценить со стороны, сказать: «Да, вот этот человек должен быть счастлив», потому что он обладает достоинствами, приносящими счастье. При этом само содержание счастья, набор благ, входящих в его состав, понималось по-разному: одни связывали счастье преимущественно с наслаждениями, другие — с моральными благами, считая, например, высшим счастьем героическую смерть за отчизну на поле боя, третьи говорили об их сочетании [см. Татаркевич, 1981: 34—35]. Характерно, что само древнегреческое слово «эвдемония» (счастье) дословно означало судьбу человека, находящегося под покровительством богов, как и русское слово «счастье» имеет один корень со словом «участь» [Гусейнов, Апресян, 1998: 296]. Так что сначала счастье связывалось прежде всего с удачей, фортуной. Но удача или фортуна раздает свои дары не случайно, это подарок богов, выражение их благосклонности, а боги смотрят, кому они дарят свои дары. Поэтому понимание счастья как счастливой судьбы, фортуны не только не противоречит пониманию счастья как заслуженного блага, но и тесно переплетено

с ним. Вместе с тем счастье нельзя добыть прямыми усилиями, человек над ним не властен. Альтернативная точка зрения восходит к Марку Аврелию, который чуть позже, во 2 в. н. э., утверждал, что счастье зависит от качества мыслей и ни один человек не счастлив, если он не считает себя таковым. Счастье или несчастье связано не с обстоятельствами, а с внутренней позицией, отношением. «Куда бы я ни попал, я могу быть счастлив. Счастлив же тот, кто уготовил себе благу участь. Благая же участь — это благие склонности души, благие стремления, благие дела» (V, 36) [Аврелий, 1994: 100]. Именно такое, субъективистское понимание счастья, не очень характерное для Античности, возобладало в Новое время; забегая вперед, отметим, что сегодня мы нуждаемся в соединении обоих взглядов.

Второе различие касается разногласий между отождествлением счастья с максимальным удовольствием и удовлетворением и более сложным взглядом, примером которого является определение счастья как «деятельности души в полноте добродетели» [Аристотель, 1983: 74]. Эти разногласия известны как споры между гедонизмом и эвдемонизмом как философскими взглядами на счастье, они обрели новое дыхание в психологии последних трех-четырёх десятилетий. Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что Аристотель связывал различие между этими двумя трактовками с глубиной понимания счастья. «Первый попавшийся, в том числе раб, будет вкушать телесные удовольствия, наверное, ничуть не хуже самого добродетельного. Но долю в счастье никто не припишет рабу, если не припишет и участие в жизни. Ведь счастье состоит не в таком времяпрепровождении, но в деятельностих сообразно добродетели» [там же: 281]. Таким образом, Аристотель отличает примитивное, гедонистическое счастье, которое действительно можно свести к эмоциональному балансу, от подлинного счастья, связанного с деятельностью, добродетелью и участием в жизни. Как бы предвосхищая расхожие, поверхностные трактовки счастья, так характерные для массовой потребительской культуры наших дней, Аристотель пишет: «Не стоит рассматривать и мнения большинства людей, необдуманно говорящих обо всем, а особенно о счастье; нелепо, в самом деле, обращаться с рассуждениями к лицам, коим нужны не рассуждения, а [острые] ощущения» [он же, 2005: 11]. Комментарии, пожалуй, излишни.

Особенностью категории счастья, при понимании его и как объективного блага, и как субъективного переживания выступает его абсолютный характер. Счастье не может быть умеренным, половинчатым; оно всегда рассматривается как предельное состояние, которое не может быть большим или меньшим; количественно измерять можно только длительность или устойчивость его проявления в жизни человека. Это же находит отражение и в языке: как отмечает специально изучавшая эти вопросы А. Вежбицкая, существительное «счастье» (*happiness, Glück, bonheur, felicità*) во всех европейских языках обозначает исключительное состояние, близкое к абсолюту. То же относится и к большинству образованных от него прилагательных (*счастливый, glücklich, heureux*), за исключением английского *happy*: это прилагательное в словоупотреблении используется как относительное и вполне органично смотрится в оборотах “*less happy*”, “*reasonably happy*”, “*moderately happy*” и других. Именно поэтому, вероятно, в исследованиях субъективного благополучия (см. ниже), опирающихся преимущественно на исходно англоязычные теоретические модели и методики, относительный по своей

природе конструкт «благополучный» выступает как операциональный синоним или заменитель столь же относительного в английском языке прилагательного «счастливый». В целом же Вежбицкая называет иллюзией представления о том, что английские слова *happy* и *happiness*, в особенности первое, имеют точные семантические эквиваленты в китайском или других европейских языках. Разные культуры порождают разные установки по отношению к конструктам, выражающим психологические состояния [Wierzbicka, 2004].

Если теперь посмотреть на счастье под психологическим углом зрения, можно однозначно классифицировать его как эмоциональное (или аффективное) состояние (или переживание), характеризующееся максимальной выраженностью положительной окраски. Счастье выражает особое качество переживаемого слияния желаемого и сущего, которое затрагивает не отдельные желания, а охватывает человека целиком и сигнализирует субъекту о том, что в его жизни сейчас все происходит именно так, как он желает; о разного рода рассогласованиях или неполном соответствии между желаемым и фактическим сигнализируют другие эмоциональные состояния. Наиболее наглядным выражением такого слияния выступает острое переживание счастья «здесь и теперь», в данный момент. Не случайно такие мгновения полной реализации желаний и абсолютного блаженства нередко описываются как момент, в который можно было бы — или даже хотелось бы, — умереть, поскольку стремиться уже не к чему, лучше ничего уже не будет, и мотивация «обнулилась»; в психологии описан «синдром Мартина Идена» [Ротенберг, Аршавский, 1984] — суицид как следствие достижения высших жизненных целей. Наряду с «острой» формой счастья можно, с некоторыми оговорками, говорить и о его «хронической» форме. В этом случае речь идет не о кратковременном полном слиянии, а о более длительном неполном, но достаточно хорошем соответствии между желаемым и действительным. В англоязычной литературе используется термин «*sustainable happiness*» (устойчивое счастье). Однако «хроническая» форма счастья, в отличие от «острой», не является абсолютным состоянием и может иметь разную степень количественной выраженности. Это сближает понятие счастья с понятием субъективного благополучия, к которому мы переходим.

Как измерить счастье: конструкт субъективного благополучия

В качестве отправной точки эмпирических исследований счастья в психологии признается обзор Уорнера Уилсона [Wilson, 1967]. В этом обзоре была сделана попытка обобщить все соображения, которые имелись на тот момент по поводу коррелятов счастья, удовлетворенности, положительных эмоций в отсутствие прямых эмпирических данных: понимание счастья, констатировал автор, не продвинулось со времен античных философов. По всей видимости, заключал Уилсон, счастливый человек — это человек преимущественно «молодой, здоровый, с хорошим образованием, с хорошим доходом, экстравертированный, оптимистичный, свободный от тревог, религиозный, состоящий в браке, с высокой самооценкой, с высокой трудовой моралью, умеренными притязаниями, пол и интеллект которого могут быть любыми» [ibid.: 294]. Теоретические гипотезы, объясняющие неодинаковый уровень счастья, Уилсон сводил к двум постулатам: (1) «Надлежащее удовлетворение потребностей порождает счастье, а постоянное неудовлетворение

потребностей порождает несчастье»; (2) «Степень успешности, необходимая для удовлетворенности, зависит от уровня адаптации или уровня притязаний, который обусловлен прошлым опытом, сравнением с другими, личными ценностями и другими факторами» [ibid.: 302].

Прогресс в понимании счастья за четыре десятилетия, прошедшие после этой публикации, оказался вполне сопоставим с тем, что было сделано за предыдущие два тысячелетия. Интересно, что уже в первой большой обзорной статье Э. Динера, посвященной феномену субъективного благополучия [Diener, 1984], было сделано большинство принципиальных выводов, касающихся психологических и других коррелятов субъективного благополучия, а последующие исследования в основном уточняли и развивали эти выводы. Подтвердились около половины предположений Уилсона.

Динер констатировал, что счастье можно рассматривать как черту и как состояние: существует определенная личностная предрасположенность испытывать некоторый уровень эмоций, и она может измеряться независимо от оценки текущего состояния. Из многих переменных, которые сопоставлялись в эмпирических исследованиях, удовлетворенность жизнью оказалась наиболее устойчивой и стабильной, из чего Динер сделал вывод о том, что у нее существует определенная личностная основа. Впоследствии это получило очень серьезные эмпирические подтверждения.

Еще в 1976 г. Ф. Эндрюс и С. Уизи зафиксировали три компонента, из которых складывается субъективное благополучие (эта структура сейчас общепризнана): удовлетворенность жизнью, позитивные эмоции и негативные эмоции [Andrews, Withey, 1976]. Субъективное благополучие предсказуемо положительно коррелирует с положительными эмоциями и отрицательно — с отрицательными; что же касается удовлетворенности жизнью, она не является чисто эмоциональной оценкой, а включает момент когнитивного суждения. К этому времени уже было эмпирически установлено, что положительные и отрицательные эмоции представляют собой два сравнительно независимых измерения, обнаруживающих значимую обратную корреляцию, но не очень высокую [см. Diener, 1984]. Наиболее распространенные методы прямого измерения субъективного благополучия, которые при очень простой структуре имеют хорошие психометрические показатели, — это шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера [Diener et al., 1985] и шкала субъективного счастья С. Любомирски [Lyubomirsky, Lepper, 1999]. Первая методика в несколько большей степени отражает рефлексивно-оценочные компоненты субъективного благополучия, а вторая — его эмоционально-чувственные компоненты (подробнее см. [Осин, Леонтьев, 2020]). В некоторых исследованиях было показано несовпадение эмоциональных переживаний непосредственно в ходе определенного процесса — как положительно, так и отрицательно окрашенных, — и ретроспективных эмоциональных оценок этих переживаний по прошествии некоторого времени, причем оказалось, что лучше предсказывают последующие решения и действия именно ретроспективные оценки, сохраняющиеся в памяти в переработанном виде [Redelmeier, Katz, Kahneman, 2003].

Несмотря на трехкомпонентную структуру, субъективное благополучие обычно рассматривают как одномерный, не разложимый на составные части количественный показатель, дающий максимально обобщенную, интегральную

оценку субъективного качества жизни и счастья. Экспериментально показано, что удовлетворенность теми или иными сферами жизни определяется общей удовлетворенностью, и редко — наоборот; кроме того, оценка жизни в целом на 70 % предсказывается сиюминутным настроением [см. Seligman, 2011: 13]. Оно существует только в настоящем, оно отражает единое и целостное психологическое переживание собственной жизни, и оно легко измеримо, представляя собой достаточно универсальный показатель для исследований и мониторинга в различных фундаментальных и прикладных областях наук о человеке. Оно выступает достаточно точным операциональным эквивалентом понятия счастья, рассматриваемого в парадигме субъективного переживания.

Обзор психологических исследований за последние несколько десятилетий, зависимой переменной в которых выступает субъективное благополучие (переживание определенного устойчивого уровня счастья) [см. Леонтьев, 2006], позволяет развеять некоторые распространенные мифы на этот счет. Наиболее ложными и дезинформирующими оказались мифы о случайности, непредсказуемости счастья и его всецелой зависимости от внешних благоприятных обстоятельств. Субъективное благополучие оказывается относительно независимым от объективных условий жизни. Эта особенность была названа парадоксом субъективного благополучия [Staudinger, 2000]. Не исключая полностью факторы случайности и внешних обстоятельств, разнообразнейшие исследования тем не менее согласованно подтверждают, что мера переживания счастья и субъективного благополучия в гораздо большей степени зависит от личности (отчасти от врожденных, отчасти от прижизненно сформировавшихся устойчивых особенностей), а также от таких во многом зависящих от нас самих факторов, как характеристики межличностных отношений, целей, ценностей и мировоззрения. И наоборот, «жизненные обстоятельства вносят лишь небольшой вклад в дисперсию счастья по сравнению с вкладом самой личности» [Kahneman, Tversky, 2000: 685]. О том же говорит известная «модель пирога» [Lyubomirski, Sheldon, Schkade, 2005; см. Любомирски, 2014: 26]: внешними условиями объясняется лишь около 10 % дисперсии индивидуального счастья. Более того, их влияние также оказывается опосредовано личностными переменными.

В соответствии с этим внимание исследователей постепенно сместилось со стабильных факторов на способы собственными действиями увеличить роль счастья в своей жизни и жизни окружающих. «Если ранние исследования были посвящены в основном систематизации различных ресурсов и демографических факторов, коррелирующих с субъективным благополучием, то исследования на рубеже веков укрепили наше понимание того, что внешние факторы влияют на счастье лишь в незначительной мере, и переориентировали исследователей на анализ того, как темперамент, познавательные процессы, цели, культура и адаптационные механизмы опосредуют влияние жизненных событий и обстоятельств на субъективное благополучие» [Diener et al., 1999: 286]. Учитывая, что цели и ценности у людей разные, не исключено, что для разных людей будут работать разные стратегии достижения субъективного благополучия [ibid.: 295].

Можно говорить про три основные особенности подхода в терминах субъективного благополучия [Diener, 1984]. Во-первых, это субъективистский подход, связанный с тем принципом, что единственный способ оценить счастье чело-

века — спросить его. Во-вторых, этот подход основывается на методах прямого измерения позитивных аспектов жизни, а не отсутствия негативных факторов. В-третьих, это суммарная, глобальная оценка всех аспектов жизни, хотя делаются и работы по оценке отдельных областей жизни: супружеской удовлетворенности, удовлетворенности трудом и т. д.

Новый объективизм: качество жизни

Качество жизни, в отличие от счастья и субъективного благополучия, имеет объективную основу, которую может оценить внешний наблюдатель или эксперт. Само понятие качества жизни было введено и первоначально разрабатывалось в науках об обществе применительно к оценке условий жизни больших социальных групп, в частности наций. Оно стало заменой экономическим показателям уровня жизни, когда исследования привели к осознанию недостаточности чисто экономической меры и необходимости дополнения уровневой характеристики качественными оценками возможностей и доступности здравоохранения, образования, позднее — качества государственного управления и др. (см. подробнее [Леонтьев, 2020]). В последние 20 лет наблюдается заметная конвергенция исследований качества жизни на макросоциальном уровне с исследованиями субъективного благополучия на индивидуально-психологическом уровне; некоторые авторы приходят даже к выводу о тождестве этих двух конструктов.

Мы склонны рассматривать их как существенным образом пересекающиеся, но не тождественные. Целесообразно различать две стороны качества жизни: социологическую, характеризующую меру благоприятности внешних социальных условий существования индивида для удовлетворения его потребностей и реализации потенциала, и психологическую, характеризующую меру успешности формируемых индивидом жизненных стратегий, позволяющих ему по-разному строить взаимодействие с объективными условиями жизни. Первую сторону мы связываем с социотипическим образом жизни; вторую — с индивидуально-своеобразным стилем жизни.

При анализе качества жизни как оценки жизни индивида под углом зрения ее объективного и субъективного благополучия, мы различаем его объективные, субъективные и субъектные аспекты. Объективная сторона качества жизни соответствует традиционному пониманию этого конструкта как оценки инвариантных условий жизни больших социальных групп, без учета индивидуальных различий. Эта оценка связана с мерой удовлетворенности инвариантных базовых потребностей, общих для всех людей. Объективное качество жизни влияет на оценку субъективного благополучия, однако лишь в ограниченной степени. Субъективная сторона качества жизни определяется уже не групповыми, а индивидуальными оценками удовлетворенности не только общих, но и индивидуально специфических потребностей. В субъективное благополучие индивида вносят вклад не только объективные условия, но и близкие люди, непосредственное социальное окружение, а также индивидуальные ожидания и критерии оценки. Наконец, следует выделить еще субъектный аспект жизни: не самое высокое качество жизни может быть скомпенсировано ее осмысленностью, эвдемонистическим счастьем за пределами простого благополучия, создаваемым и выращиваемым самим субъектом

на основе собственного личностного потенциала. За него несет ответственность только сам субъект — или при поддержке объективных обстоятельств, или вопреки им [см. Леонтьев, 2020].

Одно счастье или два: лабиринты эвдемонии

Почти параллельно с ранними исследованиями Динера, в 1980-е — 1990-е гг., в психологии возникли теоретические попытки, позднее подкрепленные эмпирическими исследованиями, подойти к проблеме счастья несколько более сложным и нелинейным образом, отталкиваясь от античного противопоставления двух подходов к счастью — гедонизма и эвдемонизма. Первый, идущий от Эпикура, отождествляет счастье с максимумом удовольствий и минимумом страданий; второй, идущий от Аристотеля, связывает счастье с определенными формами душевной деятельности. В изданиях Аристотеля на русском и на английском понятие «эвдемония» переводится как «счастье», хотя в Британской энциклопедии отмечается, что это не вполне адекватный перевод¹.

В понимании гедонизма особенных расхождений ни среди философов, ни среди психологов не наблюдается: суть этой формы счастья в максимизации положительных эмоций здесь и теперь и в минимизации отрицательных факторов, что, в свою очередь, связано с максимальным удовлетворением желаний или потребностей. Гедонизм делает акцент на непосредственных удовольствиях. Напротив, как в трактовке, так и в оценке эвдемонизма расхождения очень велики.

Еще на заре научных исследований субъективного благополучия и счастья А. Уотерман ввел определение счастья на основе эвдемонического подхода. Само слово «эвдемония» происходит от древнегреческого корня «даймон», которое означает внутреннюю силу; речь идет о том, чтобы люди жили в согласии с их истинным Я. Уотерман писал, что эвдемония имеет место, когда жизнь и деятельность человека не просто вызывает положительные эмоции, но согласуется с его глубинными ценностями и предполагает полное его включение и вовлечение. Даймон, по мнению Уотермана, — это внутренний идеал совершенства, подлинная сущность, с которой человек сверяет свои действия, чтобы выразить и реализовать себя, а эвдемония — это жизнь, в ходе которой человек не только получает удовольствие, но и реализует свое подлинное Я [Waterman, 1993]. При всей размытости и неконкретности такого понимания, оно породило немало дискуссий и попыток его операционализации. И. Бонивелл прямо пишет, что в понимании эвдемонии имеет место каша [Бонивелл, 2009: 66], и хотя за прошедшее десятилетие этой проблеме был посвящен не один десяток публикаций и несколько книг, картина не очень прояснилась. Единственный момент, в отношении которого наблюдается относительное согласие, — тот, что эвдемонизм предполагает долгосрочную стратегию максимизации блага, которое может не быть оптимальным для оптимизации удовлетворения здесь-и-теперь, но в конечном счете принесет большее ощущение устойчивого счастья. Можно сказать, что гедонизм и эвдемонизм, рассматривая счастье как высшее благо, расходятся в понимании того, что есть высшее благо: первый сводит его к балансу положительных и отрицательных

¹ Eudaemonism. *Encyclopædia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/eudaemonism> (accessed: 09.02.2020).

эмоций, второй, не отрицая этого баланса, вводит дополнительные измерения, относящиеся к добродетели, деятельности, соответствию подлинному Я.

К эвдемонистическим могут быть отнесены два наиболее популярных подхода, альтернативных концепции субъективного благополучия. Один из них — теория потока М. Чиксентмихайи [Чиксентмихайи, 2011]. Эта теория посвящена одной особой разновидности счастья, которое автор характеризует как оптимальное переживание, а именно аутотелическому переживанию, или переживанию потока. Главной характеристикой переживания потока является, наряду с позитивным эмоциональным знаком, ощущение полного слияния со своей деятельностью, самозабвения и растворения в ней при сохранении полного контроля над ней. Переживания потока могут возникать только в ходе выполнения значимой, осмысленной деятельности на грани своих возможностей, и для их повторного возникновения требуется одновременное усложнение целей и развитие способностей и умений. Введение измерений смысла, саморегуляции и увлеченности позволяет отнести теорию потока к эвдемонистическим. Второй подход — теория К. Рифф, выдвигающая в центр понятие психологического благополучия [Ryff, 1989; см. об этом Леонтьев, 2011с]. Рифф противопоставляет эмоциональному балансу идею позитивного функционирования, опирающегося на определенные личностные характеристики, предсказывающие благополучие их обладателям. Эти характеристики, выведенные автором из совокупности взглядов гуманистической психологии, Рифф называет психологическим благополучием. Благополучие в понимании Рифф — это не эмоциональное переживание, а объективная оснащенность необходимыми психологическими особенностями, позволяющими субъекту функционировать во всех отношениях более успешно, чем при их отсутствии. В структуру психологического благополучия входят шесть характеристик: самопринятие, позитивные отношения с другими, автономия, контроль над окружением, целенаправленность жизни, личностный рост. Это те психологические блага, которыми, по идее, должен обладать счастливый человек и недостаток которых создает ситуацию уязвимости при возможных невзгодах. К. Рифф разработала опросник психологического благополучия, который получил широкую известность.

В первом представительном обзоре по проблеме гедонистического и эвдемонистического благополучия [Ryan, Deci, 2001] оба вида благополучия были представлены как разновидности благополучия вообще как многомерного феномена, первое из которых связано с балансом эмоциональных оценок, второе — с чем-то еще помимо этого. С чем именно? В работах, которые авторы включают в свой обзор, называются потребности (Р. Райан и Э. Деси), личностный рост (У. Комптон), смысл (Л. Кинг, В. Хута), подлинное Я (К. Шелдон). Позднее, помимо перечисленного, появились такие новые «добавления» к эмоциональному балансу в поисках «подлинного» счастья, как осознанность (Р. Райан, Э. Деси), внутренняя мотивация (Р. Райан, Э. Деси, В. Хута), ориентация на развитие, представленная в жизненных нарративах (Д. Мак-Адамс), мировоззрение — представление о себе и о других (Д. Мак-Адамс) — и увлеченность (Й. Виттерсё). Понятие эвдемонии продолжало размываться, и стали возникать сомнения в правильности разделения двух видов благополучия.

В 2008 г. была опубликована вызвавшая большую дискуссию статья Т. Кашдана, Р. Бисвас-Динера и Л. Кинг «Пересмотр понятия счастья: во что нам обходится раз-

личение между гедонизмом и эвдемонией» [Kashdan, Biswas-Diener, King, 2008]. Авторы обосновывают тезис, что это разведение порождает больше проблем, чем пользы. По их мнению, надо уходить от абстрактных терминов и подвергать скептической проверке философские допущения, на которых строятся теоретические модели; следует рассматривать благополучие больше как динамический процесс, а не как статичную переменную; не надо смешивать переменные разного уровня: важно сохранять диалог между исследованиями, отталкивающимися от теории, и исследованиями, отталкивающимися от данных. Последовавшая дискуссия не убедила авторов, которые считают правильным рассматривать не два разных вида счастья — гедонию и эвдемонию, — а две традиции в понимании счастья — гедонизм и эвдемонизм [Biswas-Diener, Kashdan, King, 2009].

Последовавший за этим бурный рост количества публикаций на данную тему, включая несколько представительных антологий по проблеме эвдемонии, не привел к качественному улучшению понимания. В. Хута [Huta, 2014], констатируя размытость понимания эвдемонии, перечисляет девять тем, относящихся к эвдемонии как способу поведения, и семь тем, относящихся к эвдемонии как форме благополучия.

М. Селигман в книге «Процветай!» [Seligman, 2011] отказывается от термина «счастье» как от слишком затасканного и выдвигает на передний план понятие благополучия (без эпитетов) и процветания как «золотого стандарта» для измерения благополучия. Если такой реальный феномен («реальная вещь»), как счастье, ранее объяснялся через субъективную оценку удовлетворенности жизнью, то теперь Селигман считает неправильным довольствоваться лишь субъективными эмоционально-оценочными измерениями и вводит новый конструкт благополучия, включающий несколько измеряемых элементов. Он проводит аналогию конструкта благополучия с такими конструктами, как «погода» или «свобода»: и то, и другое есть целостность, которую нельзя измерить непосредственно, но можно измерить по отдельности различные компоненты, из которых состоит каждый из них [ibid.: 15]. В конструкт благополучия включены пять компонентов: позитивные эмоции, увлеченность, позитивные отношения, смысл и достижения (модель PERMA). С одной стороны, эта модель полнее предыдущих, с другой — она крайне эклектична; вопрос о том, как именно соотносятся между собой эти пять компонентов, даже не ставится. Селигман довольствуется констатацией того, что каждый из них вносит вклад в благополучие, самодостаточен и все они независимы друг от друга [ibid.: 16]. Хотя Селигман не использует понятия эвдемонии, по сути пафос модели PERMA состоит в том же: в переходе от субъективно-оценочного понимания счастья и благополучия к более объективному.

Иную позицию занял К. Шелдон [Sheldon, 2016]. отождествляя счастье с субъективным благополучием, он рассматривает эвдемонию не как разновидность благополучия, а как его предиктор, не как душевное или эмоциональное состояние, а как деятельность, порождающую переживания субъективного благополучия, как «правильную жизнь», находящуюся в согласии с собственным Я и закономерно порождающую вознаграждающие такую жизнь переживания субъективного благополучия. Это положение находит свое дальнейшее развитие в модели эвдемонической активности [Sheldon, Lyubomirsky, 2019], которая предполагает, что активная вовлеченность в определенные виды деятельности, способствующие

удовлетворению базовых потребностей в автономии, компетентности и отношениях, приводит к росту субъективного благополучия; само же субъективное благополучие определяется традиционно, через эмоциональный баланс, и рассматривается Шелдоном как единственно адекватная мера собственно благополучия.

Счастье и субъективное благополучие в контексте жизненных задач: к многомерной рабочей модели

Обобщая все изложенное выше, можно выделить следующие относительно определенные на сегодняшний день положения, касающиеся ключевых рассматриваемых нами конструктов.

1. Счастье представляет собой субъективное состояние максимально выраженных положительных эмоций.
2. Субъективное благополучие — это субъективная шкала, обобщенно оценивающая суммарный баланс положительных и отрицательных эмоций и когнитивных оценок жизни в целом, как она ощущается на данный момент жизни. Счастье выступает как верхнее предельное значение этой шкалы.
3. Качество жизни — это предиктор субъективного благополучия, характеризующий меру благоприятности объективных внешних условий жизни индивида.
4. «Психологическое благополучие», или позитивное функционирование — это предиктор субъективного благополучия, характеризующий меру зрелости и оптимальности личностных механизмов саморегуляции жизнедеятельности. Позитивное функционирование выступает модератором связи между внешними условиями (ресурсами) и субъективным благополучием: высокий уровень психологического благополучия позволяет извлечь максимум позитива из наличных ресурсов и смягчить негативные эффекты неблагоприятных условий; низкое психологическое благополучие делает индивида уязвимым в ситуации дефицита ресурсов и мешает в полной мере воспользоваться благоприятными условиями. Другим конструктом, описывающим близкую реальность, является личностный потенциал [Леонтьев, 2016b].
5. Эвдемония, или самодетерминированное благополучие — это аспект субъективного благополучия, выражающий индивидуализированную и самодетерминированную сторону счастья, в отличие от качества жизни, которое непосредственно не зависит от самого индивида.

Анализ соотношений между этими конструктами предполагает их изучение в определенном контексте, а именно в контексте жизни человека, рассматриваемой с позиций «функциональной парадигмы» [он же, 2011b, 2016a]. Функциональная парадигма, воплотившаяся во второй половине XX века в таких общенаучных и психологических подходах, как культурно-деятельностная психология, экзистенциальная психология и системно-кибернетические модели саморегуляции и самоорганизации, утверждает, что процесс (функционирование, деятельность, или бытие-в-мире) первичен, а все устойчивые структуры вторичны. Она прямо противоположна традиционной диспозициональной парадигме, исходящей от идеи Аристотеля о внутренних сущностях, которые постоянно вновь и вновь раскрываются во внешних проявлениях, воплощенной в объяснениях

в терминах инстинктов, влечений или черт личности и обнаружившей к концу прошлого столетия свою ограниченность.

Жизнь, с позиций функциональной парадигмы, — это взаимодействие с миром. Оно представляет собой непрерывный циклический процесс, управляемый на каждом этапе соотношением желаемого с действительным, того, что мы стремимся достичь, с тем, что реально происходит. По результатам этого сличения мы корректируем наши действия, и все эмоции, включая счастье, служат в этой системе механизмами обратной связи о том, как это взаимодействие идет и требует ли оно коррекции со стороны субъекта. Подход к эмоциональным явлениям как сигналам обратной связи о текущем состоянии потребностей живого организма и об успешности их удовлетворения [Симонов, 1975; Klinger, 1977; Diener, Scollon, Lucas, 2004] опирается на идею саморегуляции [см. Леонтьев, 2011b, 2016b]. Саморегуляция — это универсальный принцип активности всего живого, проявляющейся в коррекции действий в зависимости от воспринимаемого несогласования между желаемым и реальным положением вещей. Такой подход представляется наиболее адекватным для понимания счастья как эмоционального по своей природе явления.

Субъективное благополучие — обобщенный сигнал обратной связи, соотносящийся с жизнью в целом, в то время как эмоции, включая счастье, характеризуют обратную связь в более локальном контексте. М. Веллер [Веллер, 1999] описывает счастье как дистанцию между желаемым и имеющимся, между желательным и сущим. Строго говоря, такой дистанцией является субъективное благополучие, а счастье — это почти недостижимый идеал, то, чего нет в реальности, но что служит критерием оценки реального положения вещей. Счастье как сигнал обратной связи информирует субъекта о том, что в его жизни сейчас все происходит именно так, как он желает; о разного рода несогласованиях или неполном соответствии между желаемым и фактическим сигнализируют другие эмоциональные состояния.

Именно поэтому переживание счастья не может быть целью человеческих устремлений, как и утверждали многие философы прошлого и настоящего, и не может длиться долго; иллюзию перманентности счастья подробно анализировал Р. Баумайстер [Baumeister, 1991]. Счастье, напротив, необходимо в качестве средства, плацдарма для того, чтобы сделать следующий шаг в своем личностном и духовном совершенствовании [Иванченко, 2008; механизм этого см. Sheldon, Lyubomirsky, 2019]. Поскольку счастье — это сигнал обратной связи, может возникать искушение фальсифицировать его, независимо от того, как идет жизнь на самом деле. Положительные эмоции достигаются «в обход жизни», посредством своеобразного короткого замыкания желаний и ощущений помимо действий или, по крайней мере, при максимальном редуцировании этих действий. М. Селигман дает такой (далеко не полный) список уловок, позволяющих приобрести положительные эмоции без усилий: наркотики, шоколад, секс без любви, шопинг, мастурбация и телевидение [Селигман, 2006: 21]. К этому можно добавить и «духоподъемную» политическую пропаганду, являющуюся неотъемлемой чертой всех тоталитарных (и, в меньшей степени, авторитарных) режимов. Описанный эффект сдвига цели на ощущения, на обратную связь типичен для всех видов зависимостей, от наркотических до нехимических, которые стали диагнозом нашего времени.

Введение в определение счастья желаемого, то есть потребностей, и меры их удовлетворения позволяет дифференцировать формы счастья в зависимости от видов удовлетворяемых потребностей [Леонтьев, 2011а].

На существование не только количественных, но и качественных различий счастья, не сводящихся к шкале субъективного благополучия, указывает хорошо известная закономерность, устанавливающая зависимость переживания счастья и субъективного благополучия от материального благосостояния (уровня ВВП на душу населения) [напр., Селигман, 2006; Леонтьев, 2006]. Кривая этой зависимости делится на две части. При низких значениях ВВП обнаруживается прямая линейная зависимость уровня субъективного благополучия от материального благосостояния. Эта зависимость, однако, кончается при достижении определенного уровня обеспеченности (в среднем при ВВП около 15 000 долларов на душу населения в год). Если перейти от межнациональных сравнений к индивидуальным различиям людей в одной и той же стране, изменится только положение точки перелома, сама же закономерность не изменится. Можно, таким образом, говорить про счастье-минимум, прямо связанное с качеством жизни, обеспечивающим удовлетворение базовых потребностей. При низком уровне благополучия можно, повышая материальную обеспеченность, сделать человека более счастливым. Такое счастье может быть подарено или обеспечено другим человеком или государством, его можно купить за деньги, собственно, оно и заключается в деньгах, позволяющих купить все необходимое — жилище, полноценное и здоровое питание, отдых и развлечения, семейный очаг, секс, безопасность и уверенность в завтрашнем дне — «как у людей». Оно имеет верхний предел, который можно считать психологической нормой, а недостаточный уровень — отклонением.

Но в какой-то точке, где универсальные базовые потребности насыщаются, счастье перестает зависеть от внешних обстоятельств и начинает определяться другими факторами. Это уже счастье-максимум, связанное с индивидуальными стратегиями, смыслом, деятельностью и добродетелью; именно к нему применимо понятие эвдемонии. Такое счастье у каждого свое, его нельзя дать или установить как норматив, но можно только найти в осмысленной деятельности. Оно не имеет ни верхнего предела, ни стандартов для сравнения и вообще с трудом измеримо количественно, зато его качественно-феноменологическая характеристика оказывается весьма значимой. В этих формах активности мы испытываем не столько удовлетворенность, или субъективное благополучие, сколько радость. Удачным можно считать определение такого эвдемонического счастья как «меры успешности в реализации личного экзистенциального проекта» [Galati, Sotgiu, 2004]; оно тем самым зависит не только от успешности, но и от того, каков этот проект. Можно трактовать эту закономерность в понятиях саморегуляции целенаправленных систем как отражающую переход к качественно иному уровню целей и иным механизмам целеполагания. При низком уровне экономического развития основной массив целей подавляющего большинства людей, задающих критерии желаемого и порождающих при их достижении переживание счастья, самоочевиден и однотипен и сводится к преодолению дефицитов жизненно необходимого и более полному удовлетворению базовых потребностей. В верхней же части графика целеполагание становится более разнообразным и связанным

с индивидуальными особенностями личности. При переходе от состояния «жить, чтобы есть» к состоянию «есть, чтобы жить», возникает необходимости учета роли уже не столько напряженности и фрустрированности базовых потребностей, сколько деятельности, смысла и личности. Именно эту мотивационную динамику в свое время А. Н. Леонтьев описал так: «От “действовать, чтобы удовлетворить свои естественные потребности и влечения” к “удовлетворять свои потребности, чтобы действовать, делать дело своей жизни, осуществлять свою жизненную человеческую цель”» [Леонтьев, 2004: 220].

Это различие двух уровней счастья хорошо соотносится со второй теорией мотивации А. Маслоу [Maslow, 1968; см. Леонтьев, 2002], в которой различаются две качественно разные формы мотивации: дефицитарная и бытийная. Первая (д-мотивация) исходит из нехватки чего-то жизненно важного (питательных веществ, информации или любви), активность направляется на устранение этого дефицита. Вторая (б-мотивация) не предполагает никакого изначального дефицита и возникает из стремления к актуализации внутренних возможностей, потенциалов. Самые разные виды мотивации могут иметь д- и б-формы. Соответственно, мы можем охарактеризовать две описанных формы счастья как д-счастье и б-счастье, первое предсказывается мерой удовлетворения универсальных базовых потребностей и имеет предел насыщения, а второе индивидуально, оно предсказывается личными осмысленными целями и значимыми отношениями, в которые мы вкладываем усилия. На этом втором уровне каждый не только добытчик, но и дизайнер и кузнец своего счастья, это самодетерминированное счастье, добытое собственными усилиями. В эмоциональном измерении б-счастье и д-счастье могут порождать одинаковую меру субъективного благополучия, и одна лишь оценка эмоционального баланса и удовлетворенности жизнью не позволяет определить, удовлетворение каких именно потребностей и достижение каких именно целей лежит за этой оценкой.

Потребности — это форма отношений с миром [Леонтьев, 1992]. Они могут образовывать континуум от ограниченных и невзыскательных до очень качественно разнообразных потребностей. Одни пытаются ограничить спектр своих потребностей, другие, наоборот, стремятся к его неограниченному расширению. Характеристикой потребностей человека является не столько их интенсивность (напряженность), сколько их качественный спектр. Чем более разнообразны и индивидуальны потребности человека, тем более богаты его связи с миром, более многообразна и разностороння его жизнь.

Э. Фромм предлагает различать потребности, способствующие развитию человека, и вредящие ему. «Только то исполнение желаний, которое в интересах самого человека, ведет к счастью» [Фромм, 2013: 188]. Точнее было бы, как это делают Р. Райан и Э. Деси [Ryan, Deci, 2001], использовать это различие как критерий эвдемонического счастья, или — в терминах нашей модели — б-счастья. Полное удовлетворение потребностей, irrelevantных развитию человека или даже вредных для него, может также привести к полной удовлетворенности и высшей мере эмоционального ощущения счастья; по шкале субъективного благополучия оно вряд ли отличимо от аутотелических переживаний, связанных с высшими и сложнейшими потребностями человека; различие между ними следует искать в другой

плоскости. Именно поэтому счастье доступно каждому, но не любое: некоторые из его форм еще надо заработать или вырасти до них. Более простые формы счастья, вытекающие из удовлетворения базовых потребностей, более доступны и, соответственно, более распространены, в отличие от самодетерминированных форм счастья, требующих вложения усилий и поиска индивидуального пути. Об этом говорит и опрос через средства массовой информации более 200 человек, отвечавших на вопрос «что такое счастье?». Безусловным лидером оказался самый пассивный взгляд на счастье как на отсутствие страданий, покой, безмятежность, отсутствие забот. В три раза реже встречается подход, определяющий счастье через удовольствие и наслаждения, когда «душа поет», «душа радуется», когда «тебе хорошо». Примерно столько же ответов напрямую привязывают счастье к любви. На четвертом месте идут определения счастья через исполнение желаний, мечты, достижение целей. Был представлен и целый ряд других воззрений, которые, однако, встречаются еще реже [Воркачев, 2004].

Таким образом, необходимо различать два независимых измерения: степень приближения к достижению желаемого, то есть субъективное благополучие, и качественный уровень этого желаемого, или качество счастья. Человек может быть очень далек от удовлетворения своих желаний, но если сами желания у него высокие и возвышенные, то сильная их фрустрированность — это трагедия, а если низкие и примитивные, то точнее говорить про убожество. То же относится к удовлетворению потребностей. Если удовлетворены примитивные потребности, пусть полностью — это не более чем удовольствие, или насыщение (вспомним образ существа, удовлетворенного желудочно, из повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»). Удовлетворение же высоких потребностей лучше всего описывается понятием потока [Чиксентмихайи, 2011], или триумфа. Введение качественного измерения, наряду с количественной мерой субъективного благополучия, позволяет увидеть различие между насыщением и потоком, между убожеством и трагедией. Менее эгоцентрические и более осмысленные в широком контексте желания порождают счастье более высокого качества, хотя по интенсивности или временной характеристике оно может не отличаться от счастья с более примитивной мотивационной основой.

Отсюда вытекают две возможные стратегии достижения счастья. 1. Игра на понижение — снижение интенсивности и качества желаний: чем меньше хотеть, тем больше вероятность того, что жизнь будет им соответствовать, и положительные эмоциональные сигналы будут поступать без чрезмерных усилий. 2. Игра на повышение: если многое в жизни интересно и цели высоки, то придется прикладывать усилия, развиваться, усложняться для того, чтобы быть на уровне растущих в качественном отношении желаний, и добиваться успеха в их удовлетворении. Это путь, которым движутся выдающиеся люди в искусстве, культуре, науке, изобретательстве и многих других областях. Если человек на этом пути не сможет реализовать все задуманное, он все равно добьется гораздо большего, чем если бы он ставил менее амбициозные цели. Уже сам путь к цели приносит счастье, радость и те эмоции, которые не приносит путь к реализации более простых потребностей. И даже не придя в искомую точку, можно в самом процессе движения обрести желаемое.

Предлагаемая модель легко поддается операционализации и позволяет по-новому подойти к традиционной проблеме соотношения этики и личностного развития, с одной стороны, и гедонистического самоублажения — с другой. Гедонистическая ориентация как вариант «игры на понижение» повышает вероятность достижения счастья, одновременно ограничивая его качественную характеристику.

Заключение

Проведенный анализ подводит к выводу о многомерности понятия счастья. Многие дискуссии вокруг этого понятия связаны с игнорированием этой многомерности и сведением всей проблемы к максимальной выраженности положительных эмоций или количественной мере преобладания положительных эмоций над отрицательными. В свою очередь, аффективный баланс обусловлен соотношением желаемого (потребностей, целей, ожиданий) и фактического. Безусловно, это задает наиболее базовое и универсальное измерение счастья и субъективного благополучия. Если, однако, ограничиться только этим измерением, не уточняя качественные характеристики желаемого и вклад активности субъекта в его достижение, утрачиваются многие важные различия, в частности, между гедонистическим и эвдемонистическим благополучием, между дарованным и самодетерминированным благополучием, между трагедией и убожеством и др.

Из приведенного анализа следует, что все рассмотренные конструкты благополучия связаны с мотивацией. Все они описывают благоприятное состояние и перспективы удовлетворения потребностей индивида, отражающееся в позитивном балансе положительных и отрицательных эмоций, и в предельном случае — в высшей степени выраженности положительных эмоций. Субъективное благополучие выступает при этом наиболее обобщенной, интегральной оценкой, не учитывающей качество самих потребностей; качество жизни — нормативной оценкой с позиций социального проектирования, учитывающей лишь ожидаемые, предполагаемые, социотипические «разумные» потребности, но не индивидуальные вариации; гедония (или удовольствие) характеризует состояние удовлетворения дефицитарных потребностей, а эвдемония — состояние или процесс удовлетворения индивидуально специфических бытийных потребностей, сопровождающийся переживаниями усилия и смысла и выражающийся в эмоциях радости и увлеченности, это самодетерминированное счастье индивидуального «покроя», выходящее за пределы простого благополучия.

Таким образом, если в первом приближении в качестве критерия «что такое хорошо и что такое плохо» оправданно рассматривается субъективное благополучие как обобщенная мера удовлетворенности имеющихся потребностей и преобладания положительных эмоций над отрицательными, то более пристальный взгляд обнаруживает еще несколько критериев, углубляющих это понимание. Нами предложена система из трех таких критериев [Леонтьев, 2015; 2016b]. Человек стремится не только к приятному, к позитивному эмоциональному балансу и удовлетворенности, но также к успешному и осмысленному. Под успешностью мы понимаем контроль над результатами действий, связь усилий с результатом, разрыв которой проявляется в феномене «выученной беспомощности». Маленькие

дети обычно счастливее, чем взрослые, поскольку их потребности и мечты легче удовлетворить, но они мало контролируют свое счастье, успешность их действий меньше зависит от них самих. Третий критерий — осмысленность. Ценность событиям и действиям придает то, что они связаны с широким контекстом и отдаленными последствиями для себя и для других, при этом они не обязательно дают максимум удовольствия. Поэтому люди нередко жертвуют благополучием, счастьем и даже порой жизнью ради того смысла, который больше индивидуальной жизни. Трехмерная структура переживаний удовольствия, смысла и усилия задает многомерную модель «эвдемонии 3D», операционализацией которой служит новая методика переживаний в деятельности [Леонтьев, 2015], на основании которой разворачивается большой цикл экспериментальных исследований. Тем самым раскрываются новые возможности позитивной психологии, выходящие далеко за рамки ошибочно приписываемого ей прямолинейного гедонизма.

Список литературы (References)

- Марк Аврелий. Размышления. Магнитогорск : Амрита-Урал, 1994.
Marcus Aurelius. (1994) *Meditations*. Magnitogorsk: Amrita-Ural. (In Russ.)
- Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 53—294.
Aristotle (1983) *Nicomachean Ethics*. In: Aristotle. *Selected Works in 4 Volumes. Vol. 4*. Moscow: Mysl. P. 53—294. (In Russ.)
- Аристотель. Евдемова этика. М. : Институт философии РАН, 2005.
Aristotle (2005) *Eudemian Ethics*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Бонивелл И. Ключи к благополучию: что может позитивная психология. М. : Время, 2009.
Boniwell I. (2009) *Positive Psychology in a Nutshell*. Moscow: Vremya. (In Russ.)
- Брюкнер П. Вечная эйфория: Эссе о принудительном счастье. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2007.
Bruckner P. (2007) *Perpetual Euphoria: On the Duty to Be Happy*. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House. (In Russ.)
- Веллер М. Все о жизни. СПб. : Нева, 1999.
Veller M. (1999) *Everything about Life*. Saint Petersburg: Neva. (In Russ.)
- Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004
Vorkachev S. G. (2004) *Happiness as a Linguistic and Cultural Concept*. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
- Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М. : Гардарика, 1998.
Guseynov A. A., Apresyan R. G. (1998) *Ethics*. Moscow: Gardarika. (In Russ.)
- Иванченко Г. В. Концепт счастья в (пост)гуманистической перспективе // Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций. Доклады и выступления

Международной конференции 26—27 октября 2007 года / сост. и общ. ред. У. Новотного, С. Андреевой. М. : РУДН, 2008. С. 145—148.

Ivanchenko G. V. (2008) The Concept of Happiness in a (Post)Humanistic Perspective. In: Novotny U., Andreeva S. (eds.) *Humanistic Foundations of the Interaction of Civilizations*. Moscow: RUDN University. P. 145—148. (In Russ.)

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл ; Академия, 2004.
Leontiev A. N. (2004) *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Smysl; Academiya. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 2. С. 107—120.

Leontiev D. A. (1992) Human's Life-World and the Problem of Needs. *Psychological Journal*. Vol. 13. No. 2. P. 107—120. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // Человек. 2011а. № 5. С. 34—46.

Leontiev D. A. (2011a) To the Anthropology of Happiness: The State of Well-Being and the Path of Joy. *Chelovek*. No. 5. P. 34—46. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. (В печати).

Leontiev D. A. (2020) Quality of Life and Well-Being: Objective, Subjective and Agentic Aspects. *Psychological Journal*. (In Press). (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Переживание счастья как зависимая переменная в психологических исследованиях // Психология психических состояний. Вып. 6. / под ред. А. О. Прохорова. Казань : Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. С. 36—58.

Leontiev D. A. (2006) The Experience of Happiness as a Dependent Variable in Psychological Research. In: Prokhorova A. O. (ed.) *Psychology of Mental States*. Vol. 6. Kazan: Vladimir Ulyanov-Lenin Kazan State University. P. 36—58. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Переживания, сопровождающие деятельность, и их диагностика // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса. Сборник материалов III Всероссийской конференции по психологической диагностике / отв. ред. Н. А. Батурин. Т. 1. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 175—179.

Leontiev D. A. (2015) The Experiences That Accompany the Activity and Their Diagnosis. In: Baturin N. A. (ed.) *Contemporary Psychodiagnostics of Russia: Overcoming the Crisis: A Collection of Materials from the III All-Russian Conference on Psychological Diagnostics*. Vol. 1. Chelyabinsk: Publishing Centre of YuUrGU. P. 175—179. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Подход через позитивные черты личности: от психологического благополучия к добродетелям и силам характера // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011с. С. 76—91.

Leontiev D. A. (2011c) Approach through Positive Personality Traits: From Psychological Well-Being to Virtues and Character Strengths. In: Leontiev D. A. (ed.) *Personality Potential: Structure and Assessment*. Moscow: Smysl. P. 76—91. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Позитивная психология — повестка дня нового столетия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 36—58.

Leontiev D. A. (2012) Positive Psychology: An Agenda for the New Century. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 9. No. 4. P. 36—58. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 13—46.

Leontiev D. A. (2002) Self-Actualization as the Moving Force of Personality Development: Historical and Critical Analysis. In: Leontiev D. A. (ed.) *Contemporary Psychology of Motivation*. Moscow: Smysl. P. 13—46. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016b. № 4 (62). С. 18—37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>.

Leontiev D. A. (2016b) Autoregulation, Resources, and Personality Potential. *Siberian Journal of Psychology*. No. 4 (62). P. 18—37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Саморегуляция как предмет изучения и как объяснительный принцип // Психология саморегуляции в XXI в. / под ред. В. И. Моросановой. СПб.: Нестор-История, 2011b. С. 74—89.

Leontiev D. A. (2011b) Self-Regulation as a Subject of Study and as an Explanatory Principle. In: Morosanova V. I. *Psychology of Self-Regulation in XXI Century*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 74—89. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016a. № 3. С. 3—15.

Leontiev D. A. (2016a) Existential Approach in Contemporary Psychology of Personality. *Voprosy Psikhologii*. No. 3. P. 3—15. (In Russ.)

Любомирски С. Психология счастья. Новый подход. СПб.: Питер, 2014.

Lyubomirski S. (2014) *The How of Happiness: A Practical Approach to Getting the Life You Want*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117—142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>.

Osin E. N., Leontiev D. A. (2020) Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being. *Monitoring of Public Opinion. Economic and Social Changes*. No. 1. P. 117—142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>. (In Russ.)

Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984. Rotenberg V. S., Arshavsky V. V. (1984) *Search Activity and Adaptation*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Селигман М. Новая позитивная психология. М.: София, 2006.

Seligman M. (2006) *Authentic Happiness*. Moscow: Sofiya. (In Russ.)

- Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека: Мотивационно-эмоциональные аспекты. М.: Наука, 1975.
- Simonov P. V. (1975) Higher Nervous Activity of Human: Motivational-Emotional Aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981.
- Tatarkevich V. (1981) On Happiness and Human Perfection. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Фромм Э. Искусство быть. М.: АСТ, 2013.
- Fromm E. (2013) The Art of Being. Moscow: AST. (In Russ.)
- Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина Нон-фикшн, 2011.
- Csikszentmihalyi M. (2011) Flow: The Psychology of Optimal Experience. Moscow: Smysl; Alpina Non-Fiction. (In Russ.)
- Andrews F. M., Whitey S. S. (1976) Social Indicators of Well-Being. Americans' Perceptions of Life Quality. New York: Plenum Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-2253-5>.
- Baumeister R. (1991) Meanings of Life. New York: Guilford Press.
- Biswas-Diener R., Kashdan T. B., King L. A. (2009) Two Traditions of Happiness Research, Not Two Distinct Types of Happiness. *The Journal of Positive Psychology*. Vol. 4. No. 3. P. 208—211. <https://doi.org/10.1080/17439760902844400>.
- Camfield L., Skevington S. M. (2008) On Subjective Well-Being and Quality of Life. *Journal of Health Psychology*. Vol. 13. No. 6. P. 764—775. <https://doi.org/10.1177/1359105308093860>.
- Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 95. No. 3. P. 542—575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>.
- Diener E. D., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S. (1985) The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 49. No. 1. P. 71—75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13.
- Diener E., Scollon C. N., Lucas R. E. (2004) The Evolving Concept of Subjective Well-Being: The Multifaceted Nature of Happiness. *Advances in Cell Aging and Gerontology*. Vol. 15. P. 187—219. [https://doi.org/10.1016/s1566-3124\(03\)15007-9](https://doi.org/10.1016/s1566-3124(03)15007-9).
- Diener E., Suh E. M., Lucas R. E., Smith H. L. (1999) Subjective Well-being: Three Decades of Progress. *Psychological Bulletin*. Vol. 125. No. 2. P. 276—302. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>.
- Galati D., Sotgiu I. (2004) Happiness and Positive Emotions. *Ricerche di Psicologia*. Vol. 27. No. 1. P. 41—62.
- Huta V. (2014) Eudaimonia. In: David S. A., Boniwell I., Ayers A. C. (eds.) *The Oxford Handbook of Happiness*. Oxford: Oxford University Press. P. 201—213. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199557257.013.0015>.

- Kahneman D., Tversky A. (2000) *Choices, Values and Frames*. New York: Cambridge University Press.
- Kashdan T. B., Biswas-Diener R., King L. A. (2008) Reconsidering Happiness: The Costs of Distinguishing between Hedonics and Eudaimonia. *The Journal of Positive Psychology*. Vol. 3. No. 4. P. 219—233. <https://doi.org/10.1080/17439760802303044>.
- Klinger E. (1977) *Meaning and Void: Inner Experience and the Incentives in People's Lives*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Lyubomirsky S., Lepper H. S. (1999) Measure of Subjective Happiness: Preliminary Reliability and Construct Validation. *Social Indicators Research*. Vol. 46. No. 2. P. 137—155. <https://doi.org/10.1023/a:1006824100041>.
- Lyubomirsky S., Sheldon K. M., Schkade D. (2005) Pursuing Happiness: The Architecture of Sustainable Change. *Review of General Psychology*. Vol. 9. No. 2. P. 111—131. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.9.2.111>.
- Maslow A. H. (1968) *Toward a Psychology of Being*. New York: Van Nostrand.
- Redelmeier D. A., Katz J., Kahneman D. (2003) Memories of Colonoscopy: A Randomized Trial. *Pain*. Vol. 104. No. 1—2. P. 187—194. [https://doi.org/10.1016/s0304-3959\(03\)00003-4](https://doi.org/10.1016/s0304-3959(03)00003-4).
- Ryan R. M., Deci E. L. (2001) On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being. *Annual Review of Psychology*. Vol. 52. No. 1. P. 141—166. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.141>.
- Ryff C. (1989) Happiness is Everything, Or is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. No. 6. P. 1069—1081. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>.
- Seligman M. (2011) *Flourish. A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being*. New York: Simon & Schuster.
- Sheldon K. (2016) Putting Eudaimonia in its Place: On the Predictor, Not the Outcome, Side of the Equation. In: Vittersø J. (ed.) *Handbook of Eudaimonic Well-Being*. Cham: Springer. P. 531—541. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42445-3_36.
- Sheldon K., Lyubomirsky S. (2019) Revisiting the Sustainable Happiness Model and Pie Chart: Can Happiness be Successfully Pursued? *The Journal of Positive Psychology*. <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1689421>.
- Staudinger U. M. (2000) Viele Gründe sprechen dagegen, und trotzdem geht es vielen Menschen gut: Das Paradox des subjektiven Wohlbefindens. *Psychologische Rundschau*. Vol. 51. No. 4. P. 185—197. <https://doi.org/10.1026//0033-3042.51.4.185>. (In German).
- Waterman A. S. (1993) Two Conceptions of Happiness: Contrasts of Personal Expressiveness (Eudaimonia) and Hedonic Enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 64. No. 4. P. 678—691. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.64.4.678>.

Wierzbicka A. (2004) 'Happiness' in Cross-Linguistic & Cross-Cultural Perspective. *Daedalus*. Vol. 133. No. 2. P. 34—43. <https://doi.org/10.1162/001152604323049370>.

Wilson W. R. (1967) Correlates of Avowed Happiness. *Psychological Bulletin*. Vol. 67. No. 4. P. 294—306. <https://doi.org/10.1037/h0024431>.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.03

Правильная ссылка на статью:

Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О. Образ благополучия в нарративах жителей Дальнего Востока: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 38—50. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.03>.

For citation:

Kostina E. Yu., Orlova N. A., Panfilova A. O. (2020) The Image of Well-Being in Narratives of Far-Easterners: Results of a Research Project. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 38—50. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.03>.

Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова, А. О. Панфилова ОБРАЗ БЛАГОПОЛУЧИЯ В НАРРАТИВАХ ЖИТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

ОБРАЗ БЛАГОПОЛУЧИЯ В НАРРАТИВАХ ЖИТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

THE IMAGE OF WELL-BEING IN NARRATIVES OF FAR-EASTERNERS: RESULTS OF A RESEARCH PROJECT

КОСТИНА Елена Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-MAIL: kostina.eyu@dvfu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4482-9497>

Elena Yu. KOSTINA¹ — Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities

E-MAIL: kostina.eyu@dvfu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4482-9497>

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

ОРЛОВА Надежда Александровна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
E-MAIL: orlova.na@dvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1892-0097>

ПАНФИЛОВА Анна Олеговна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
E-MAIL: panfilova.ao@dvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6156-828X>

Аннотация. Статья посвящена анализу субъективных представлений о благополучии, основанных на результатах серии интервью с респондентами — жителями Приморского края. Путем обобщения качественных данных и контент-анализа формулируются содержательные и функциональные характеристики представлений респондентов на заданную тему. Участникам предлагалось дать характеристику своего видения благополучия и его практического смысла, поразмышлять об его источниках, описать обратное явление неблагополучия. По итогам работы с качественными данными показано, что субъективно представления о благополучии у респондентов в большей степени соотносятся с терминальными ценностями; понятийные ассоциации и оценочные суждения также имеют ценностный характер. Наиболее значимая роль в достижении благополучия отводится личной активности и мотивированности на достижение важных жизненных целей.

Nadezhda A. ORLOVA¹ — Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities
E-MAIL: orlova.na@dvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1892-0097>

Anna O. PANFILOVA¹ — Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities
E-MAIL: panfilova.ao@dvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6156-828X>

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract. Based on a series of interviews with Primorsky Krai residents this paper analyzes subjective perceptions of well-being. By means of generalization drawn from qualitative data and content analysis the author attempts to describe respondents' views of well-being. The participants were offered to define how they perceive well-being and its practical implications, to ponder over its sources and to describe the reverse of ill-being. The findings suggest that subjectively respondent views of well-being largely correlate with the terminal values; discursive associations and evaluative judgments are value-based. A major role in attaining well-being is assigned to individual's activity and motivation to achieve crucial life goals.

Ключевые слова: благополучие, социальное благополучие, ценности, удовлетворенность жизнью, счастье, субъективные представления

Keywords: well-being, social well-being, values, life satisfaction, happiness, subjective assessment

Благополучие в предметном поле научных исследований

Благополучие в современной интерпретации — весьма неоднозначная категория. Это измеряемая и описываемая величина, интегральный индикатор, при определении которого почти всегда необходимо подбирать синонимичные и направляющие понятия — успешность, счастье, востребованность, высокое качество жизни, так или иначе показывающие грани самочувствия человека в текущих общественных условиях. О социальном благополучии можно говорить, оценивая жизнь человека или общества в целом, а можно «разбивать» эту оценку на составляющие, характеризующие отдельные аспекты жизни (семейное, профессиональное и т. д. благополучие). Благополучие человека определяют и через оценку или самооценку его социального статуса и положения, его представлений о возможности и реалистичности достижения желаемого.

Исследователи по-разному трактуют благополучие, наполняя его смежными понятиями и смысловыми гранями. Так, социальное благополучие и непосредственно связанные с ним категории анализа (такие как «счастье», «удовлетворенность жизнью», «социальное самочувствие») имеют определенные психологические, экономические и политические основания. Соответственно, терминологически выделить благополучие в «чистом виде» весьма сложно. Так, ряд зарубежных исследователей сознательно не разводят понятия «счастье», «субъективное благополучие», «удовлетворенность жизнью». К примеру, Р. Истерлин использует их как синонимы [Easterlin, 2003: 11176], а в одной из последних работ Э. Динера встречается фраза: «субъективное благополучие, которое в народе называют счастьем или удовлетворением» [Diener, Oishi, Tay, 2018: 253].

Говоря о субъективном благополучии человека, можно заметить, что оно в большей степени описывается в рамках психологического дискурса. Так, исследователи указывают, что во многом оно зависит от индивидуальных особенностей личности, от того, как человек воспринимает, объясняет и оценивает внешний, окружающий его мир [Andrews, 1991]. П. Коста и Р. МакКрэй еще на рубеже 1970—1980-х гг. собрали данные о наличии стабильной связи субъективного благополучия с экстраверсией (положительные) и нейротизмом (отрицательные) [Costa, McCrae, 1980]. Эти результаты неоднократно подтверждались и в более поздних исследованиях, показавших связь индивидуальных свойств личности и присущего ей базового уровня благополучия [Vittersø, Nilsen, 2002; Steel, Schmidt, Shultz, 2008]. В современной исследовательской практике имеются данные, указывающие и на роль генетического фактора, его влияние на субъективную оценку благополучия [Bartels, 2015; Gureev et al., 2018].

Отметим, что только индивидуальными особенностями невозможно объяснить «предрасположенность» людей к определенному уровню благополучия. Так, имеются данные, показывающие, что не все люди «возвращаются» к базовому уровню

благополучия после переживания серьезных негативных событий в своей жизни, соответственно, значимой оказывается роль факторов внешнего порядка. К примеру, Б. Ван Прааг указывает, что благополучие человека зависит переменных от двух типов: первый тип — характеристики самого человека, а второй — переменные, характеризующие социальную группу, к которой человек принадлежит [Van Praag, 2011]. Выраженность представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде через удовлетворенность ею, ощущение счастья в их субъективной оценке представлены и в российской исследовательской практике [Шамионов, 2014: 77].

Для социологов субъективное благополучие — предмет изучения в связке с ценностями общества, социальным контекстом, формирующим поведенческие стратегии, и социальной напряженностью [Мареева, 2018: 696]. Оценивая свое благополучие, люди часто прибегают к сравнению себя с другими. Если раньше это были лица ближайшего социального окружения (родственники, соседи), то в современных информационных условиях это происходит опосредованно. Люди сравнивают себя с медиаобразами благополучных людей, транслируемыми средствами массовой информации и социальными сетями. Ситуации, когда рост собственных доходов не успевает за изменением идеальной «медиакартинки», можно оценивать как социальный источник внутреннего диссонанса, затрудняющего и осложняющего положительную оценку субъективно ощущаемого благополучия.

Р. Истерлин, изучая взаимосвязь счастья с экономикой и политикой, указывает, что если рост дохода не вызывает прямого роста уровня счастья в стране, то полная занятость и безопасность — это две базовые точки, продуцирующие рост социального благополучия населения [Easterlin, 2013: 14]. На уровне отдельных людей зафиксировано прекращение роста эмоционального благополучия после достижения определенного годового дохода [Kahneman, Deaton, 2010]. Часто встречается смысловая коннотация благополучия с удовлетворенностью жизнью, ее условиями и течением. В субъективных положительных оценках этих позиций имеет значение фактор экономического роста (в долгосрочной перспективе), но при условии сохранения социального доверия и снижения социального неравенства в обществе [Mikucka, Sarracini, Dubrow, 2017].

Благополучие как научная категория вплетено и в предметную исследовательскую область социальной географии, подтверждая свой сложный междисциплинарный статус и требуя к себе соответствующего внимания. Так, различия в субъективных оценках благополучия часто детерминированы пространственным фактором — местом проживания, региональной локацией, экономико-географическими особенностями местности. Это подтверждают работы исследователей в области географии благополучия [Aslam, Corrado, 2012; Oswald, Wu, 2010; Allik et al., 2018]. При этом важно учитывать не просто этногеографические особенности определенной территории, культурные и этнические различия, но также и своеобразие социально-исторического опыта, культурного пути социума, поскольку через их призму осмысливаются и социальное благополучие, и счастье [Sortheix, Schwartz, 2017].

Таким образом, благополучие человека — это сложный социальный процесс с материальными, реляционными и субъективными оценками, которые люди осуществляют на индивидуальном и коллективном уровне [White, 2010: 159]. Это предмет исследования психологов, социологов, политологов, экономистов, через

анализ которого они оценивают и уровень счастья, и социальное самочувствие, и меру реализации целей государственной социальной политики. Поэтому важно исследовать не только внешние объективные (чаще всего — статистические) показатели благополучия, но и его субъективные составляющие, включающие в себя особенности социального восприятия и установок, жизненный опыт, отношение к повседневности и т. д.

В рамках настоящей работы определим благополучие как целевое, желательное ощущение-состояние человека, позволяющее ему оценивать свою жизнь и ее течение положительно. В основе такой оценки лежит параметр удовлетворенности значимыми жизненными целями и ценностями, мерой их реализации. Соответственно, благополучие является, во-первых, процессом; во-вторых, — процессом формируемым и развивающимся; и, в-третьих, — имеющим оценочный характер, поскольку фиксируется через оценочное отношение к важным для человека бытийным компонентам-ценностям.

Как было отмечено Р. Инглхартом на основе данных «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey — WVS), уровень субъективного благополучия и счастья не зависит от экономического положения государства, и его показатели остаются стабильными в большинстве стран от волны к волне измерений [Inglehart, 2000]. Так, когда люди в одних странах чувствуют себя более счастливыми, сталкиваясь с одной и той же социально-экономической ситуацией, чем в других, исследователи говорят о своеобразной чувствительности стран [Mizobuchi, 2017]. Культурные факторы также могут определять уровень удовлетворенности жизнью, который принято демонстрировать в тех или иных культурах. К примеру, для современной западной культуры личное счастье является одной из основных ценностей [Joshanloo, Weijers, 2014], в других же культурах демонстрация личного счастья или несчастья неприемлема (так, некоторые исследователи заявляют, что определенная ценность и рефлексия переживаемого несчастья — отличительная особенность «русской души» [Goodwin et al., 2002]).

Такое смешение в исследовательской практике не всегда конструктивно: порой возникают методологические и методические сложности, затрудняется очерчивание предмета исследования. Несмотря на это, интегрально благополучие вырисовывается как стратегическая социальная и государственная ориентация-состояние, на достижение которого генерируются усилия общественно-политических организаций и институтов. Одновременно это и ключевой стандарт социального государства, и миссия его функционирования. «Цель социального государства одна — общее благо, социальное благополучие и социальная гармония, то есть общество, в котором, живут свободные люди, гордые своей древней историей и смело смотрящие в будущее» [Охотский, 2015: 49].

Исследовательский проект

Будучи своего рода «воротами» России в Азиатско-Тихоокеанский регион, Приморский край обладает географической, социально-экономической и демографической спецификой, детерминируемой целым рядом социально-исторических и социокультурных факторов. Несмотря на прикладываемые государством и правительством усилия по стимулированию развития социального и эконо-

мического потенциала региона, результаты проявляются не столь заметно, как хотелось бы. Так, регион до сих пор демонстрирует отрицательное сальдо миграции населения, устойчивую тенденцию миграции трудоспособного населения в центральные и южные регионы России; является одним из лидеров среди российских регионов по стоимости жилья; традиционно отличается сырьевым характером экономики по сравнению с другими регионами России, выраженным приоритетом рыбодобывающей, рыбообрабатывающей, лесной торговой, логистической отраслей занятости. Социальное и экономическое своеобразие края дает основания предпринять социологическую оценку представлений жителей региона о благополучии в их субъективном выражении.

Качественное исследование, реализованное авторами, состояло из серии полуструктурированных интервью и было построено по принципу критериального отбора информантов. Критериальные фильтры выборки следующие: проживание на территории Приморского края не менее трех последних лет и возраст не младше 18 лет (критерий совершеннолетия). Цель — анализ субъективных представлений о содержании благополучия как желаемого социального состояния, его источниках и «антифакторах» как препятствиях его достижения. Продолжительность каждого интервью составила примерно 30—40 минут; данные в ходе исследования собирались до возникновения устойчивого эффекта повтора вербальных конструкций ответов, т. е. до достижения «порога насыщения».

Гайд интервью был структурирован тематически. Его структурные блоки: содержание (наполнение) конструкта благополучия/неблагополучия; их источники; уровень беспокойства и тревожности; субъективные представления о счастье как о вариативном компоненте благополучия. После транскрибирования в работе с полученными данными применялись методы тематического анализа текстов, контент-анализа, семантический подход к оценке данных, работа с контентом на основе ассоциаций.

Субъективное понимание благополучия в обобщенных качественных данных

Транскрибирование ответов и их последующий контент-анализ позволили установить ряд категорий, детерминирующих индивидуальное понимание благополучия информантами. К ним относятся: семья и семейное благополучие, материальное благосостояние, личная целеустремленность, жизненный успех («жизнь удалась»), душевное спокойствие, уверенность в себе и своих силах, уверенность в завтрашнем дне.

Заметным трендом в ответах стало описание благополучия через терминальные ценности (таковым воспринимается и само благополучие). Семья, дети, здоровье, труд/работа/любимое дело, душевное спокойствие, уверенность — ассоциируемые и связываемые с ним ценности. Не будем абсолютизировать этот показатель, поскольку на самом деле часто эти ценности не связаны напрямую с ощущением человеком благополучия. Это может носить, к примеру, характер социальной установки (особенно у представителей молодежной подгруппы, еще не имеющей собственной семьи и детей), заданной ранее агентами социализации. Тем не менее отметим качественную выраженность этой ассоциативной установки.

В высказываниях также выражена значимость материального фактора собственного благополучного положения. Анализ контента позволяет указать на то, что финансовая уверенность — признак, по которому информанты не просто судят о благополучии, но и описывают собственные ощущения. Имеющиеся сложности материального плана — скудная пенсия, невысокий доход — заставляют беспокоиться о своем материальном положении более 60 % опрошенных в интервью, что явно обращает на себя внимание. Наиболее беспокоящиеся в этом отношении группы — старшего и пожилого возраста.

Контент-тренд уровня личной тревожности как антифактора благополучия можно оценить как средний¹; контент-анализ показал, что большинство отвечающих тревожатся:

- о «будущем своих детей/внуков» (наиболее частый фактор тревожности);
- о «собственной/дальнейшей жизни» (здоровье, деньги, работа и т. д.; о том, из чего и каким образом она будет складываться, и что ее может осложнить).

Связываются жизненные риски и тревоги²:

- с неудовлетворительным текущим материальным положением (чаще всего);
- ситуацией в сфере отечественного здравоохранения (его высокой коммерциализацией, невысоким качеством предоставляемых услуг);
- возможной потерей работы, снижением дохода и т. п.

Общий контент-тренд, зафиксированный в этом смысловом блоке, — тревожность-неопределенность, то есть беспокойство, вызванное неизвестностью, сложностью личного прогноза развития, отсутствием внятных стратегических жизненных перспектив, а также ощущением трудности долгосрочного планирования на будущее в таких условиях.

Субъективное ощущение благополучия у информантов чаще всего не связано с ощущением стабильности в обществе, уверенности в завтрашнем дне. Напротив, некоторые высказывания разводят эти два состояния:

«Да, я социально благополучный человек... А вот в настоящее время не уверена в завтрашнем дне. Потому как сейчас нет той стабильности, которая необходима для человека» (женщина, 73 года).

То, насколько благополучно ощущают себя люди, не зависит напрямую от социально-экономического положения, международной и внутрисполитической ситуации. Можно быть благополучным и в не очень благоприятных общественных условиях, высказывая при этом глубокую озабоченность происходящим вокруг, тревожась за будущее детей.

Представления о неблагополучии: факторы и причины

В смысловом блоке, оценивающем субъектное восприятие неблагополучия, можно выделить внутренние, внешние и комбинированные детерминанты. В первом случае описание причин неблагополучия сводится к диспозиционным ха-

¹ По итогам контент-анализа — при семантической обработке ответов по блоку «Уровень беспокойства и тревожности».

² По итогам подсчета семантических единиц — начиная с наиболее частой и далее в порядке частотного убывания.

рактеристикам, то есть ответственность за сложившуюся ситуацию возлагается на самого человека и связывается с его личностными качествами, намерениями, мотивацией к достижению поставленных целей. В данном контексте информанты исходят из обобщенной позиции: «это вина человека» (мужчина, 25 лет), «сам [человек] виноват» (женщина, 29 лет), «это происходит по его вине» (мужчина, 49 лет), неблагополучие человека объясняют ленью («ленивый, скорее всего» (женщина, 51 год), «все люди обленились» (мужчина, 25 лет), «потому что он ленивый» (женщина, 65 лет), «лень родилась раньше, чем человек» (мужчина, 46 лет)), отсутствием воли («у него нет воли» (женщина, 46 лет), «силы духа нет у человека» (женщина, 47 лет)), неспособностью и нежеланием ставить цели и достигать результата, преодолевать жизненные трудности и проблемы («человек не прилагал достаточно усилий или выбрал не ту жизненную цель» (мужчина, 47 лет), «это происходит из-за отсутствия мотивации» (мужчина, 49 лет), «человек сдается и не достигает поставленных перед собой целей» (женщина, 25 лет), «не хочет сам чего-нибудь достигать» (женщина, 62 года). К диспозиционным объяснениям можно отнести и высказывания, связанные с экзистенциальными трудностями («не находят свой смысл жизни» (мужчина, 26 лет), «нет стимула к этой/такой жизни» (мужчина, 27 лет)). Суммируя высказывания по данной группе, можно свести их к следующим тезисам: «все зависит от самого человека» и «мы сами кузнецы своего счастья» (мужчина, 54 года).

Вторая группа высказываний содержит ситуационные объяснения неблагополучия, когда причины усматриваются во внешних обстоятельствах, факторах социального или физического мира, не зависящих от самого человека. В данном случае, исходя из общего представления о том, что неблагополучие возникает вследствие «каких-то событий, обстоятельств в жизни, воздействия негативных факторов», «стрессовых ситуаций» и влияния «окружающей среды», его причины люди находят в сложной жизненной ситуации («потеря работы, потеря дома, какого-то капитала» (женщина, 46 лет), «меняют жизнь человека различные заболевания» (мужчина, 26 лет), «постигла какая-то неудача» (женщина, 46 лет)), а также связывают их с результатами воспитания («в детстве просто не научили каким-то основам» (женщина, 25 лет), «среда, где он воспитывался все-таки» (мужчина, 62 года), «все идет с детства, зависит от воспитания» (мужчина, 53 года), «родители не объясняют, да и в школе не объясняют детям, что нужно им, ну то есть, не учат тому, что на самом деле нужно во взрослой жизни» (женщина, 31 год)) и ролью государства («все зависит от нашего государства» (женщина, 31 год), «я считаю, что только государство виновато» (мужчина, 53 года), «отсутствие заботы со стороны государства» (женщина, 64 года)). В целом по данной группе ответов обобщающим является тезис: «все мы зависимы от обстоятельств» (мужчина, 71 год).

Третья группа представляет собой комбинацию диспозиционных и ситуационных объяснений причин неблагополучия человека. Это такие высказывания, как «люди просто не хотят работать, или это сложная жизненная ситуация» (женщина, 25 лет), «зависит как от ситуации в стране, так и от самого человека» (мужчина, 25 лет), «или сам человек не достиг того в жизни, чего мог бы достичь или в чем-то по вине государства» (женщина, 44 года), «где-то ему не повезло, возможно, где-то сыграло нежелание человека трудиться ради своей цели» (мужчина, 50 лет). Отметим,

что менее всего информанты в своих высказываниях были склонны объяснять неблагополучие человека комбинацией диспозиционных и ситуационных причин.

Схожая логика имеется и в выражении группового тренда, который позволяет обозначить благополучие в субъективных представлениях как «активное» и функциональное состояние, как формируемый процесс. Благополучие достигается в большей степени через усилия и действия самого субъекта, нежели через везение, случайный успех и т. д. Иными словами, выделяется установка на конструирование желаемого жизненного состояния как источника его благополучия. Отметим, что в достижении последнего важны уже инструментальные ценности, те качества, которые человек использует, чтобы добиться желаемого. Важно, что эта позиция значительно в большей степени характерна для лиц молодого (18—34 лет) и среднего возраста (35—54 года).

В этом же контексте ответы обнаруживают выраженную ассоциативно-семантическую связку «благополучие — осмысленность существования — целеполагание — целедостижение — удовлетворенность». Фиксируется также и формирующая в плане благополучия и жизненной удовлетворенности роль жизненных целей и усилий по их достижению: «...Цель в жизни должна быть обязательно, когда есть цель — человек двигается» (женщина, 65 лет); «неблагополучие — когда человек не понимает, что ему нужно от жизни» (женщина, 31 год); «...нежелание трудиться ради своей цели» (мужчина, 50 лет); «нету стремления...» (мужчина, 26 лет) и т. п. «Обесмысливание» жизни в плане отсутствия значимых целей, или пассивная позиция по отношению к их реализации — знаковый момент в плане потери ощущения благополучия.

Интересно, что в ответах представителей старшей возрастной подгруппы (55 и более лет) заметен тренд «пассивного» благополучия, большее значение придается фактору удачи, случая, везения и т. д. Это можно объяснить тем, что с возрастом накапливается значительный и разнообразный опыт. Вместе с ним человек приобретает и определенную долю социального пессимизма, видя, что далеко не все усилия и устремления приводят к достижению целей и срабатывают на успех. Одновременно часть личных неудач можно списать на невезение, в определенной мере оправдав ими свои ошибки, реабилитировав свою в них роль.

Содержание благополучия в обобщенных субъективных оценках

Основываясь на данных исследования и их анализа, можно обозначить следующее понятийное наполнение благополучия. Так, в контент-трендах выделяются две оценочные установки, различающиеся по возрастному фактору и функциональной природе. Это различие может быть объяснено, во-первых, влиянием фазы жизненного цикла: представление людей о своем благополучии и его оценка меняются в зависимости от того, достигли ли они уже достаточного уровня, или еще находятся «в пути». Во-вторых, значение имеют и определенный социальный оптимизм, и мотивация на личные усилия.

Первая оценочная установка, носителями которой преимущественно выступают молодые (18—34 лет) и среднего возраста (35—54 года) люди, предстает как деятельностно-активная. Ее выразители уверены, что их благополучие зависит от личной целеустремленности («формирую Я»), способности услышать самого себя и свои

желания, а также расставить цели и задачи в нужном приоритете. Высказывается достаточный социальный оптимизм, влияние других субъектов вторично.

Носители второй установки в большинстве своем старше 55 лет, сильнее беспокоятся о своем материальном положении и более других признают роль факторов случая и везения в жизненном успехе. Ее можно обозначить как пассивно-функциональную. Уровень оптимизма невысокий, благополучие в большой степени связывается с влиятельными другими («формируемое у меня») и различными формами неконструктивного и препятствующего воздействия общественных субъектов и институтов. Соответственно, в этой группе можно говорить о более низком уровне оценки благополучности жизни и об определенном пессимизме вплоть до признания неспособности к собственным усилиям и решению существующих проблем.

Если рассматривать счастье как компонент или определенный уровень благополучия, то оно ассоциативно сопряжено с такими категориями, как семья и дом («счастье, прежде всего это дом, семья» (женщина, 51 год), «счастье — это когда у тебя есть дети и у тебя есть семья» (женщина, 31 год), «дом и семья, и еще раз дом и семья» (женщина, 51 год)), эмоциональная стабильность и эмоциональные состояния («счастье — это когда ты чувствуешь себя гармоничным и наполненным» (женщина, 29 лет), «состояние, когда все твои потребности удовлетворены» (мужчина, 27 лет), «счастье — это когда ты ни о чем не жалеешь, ты наслаждаешься каждым моментом своей жизни» (женщина, 46 лет)), любовь («счастье это любовь» (женщина, 48 лет), «когда ты любишь и тебя любят» (женщина, 28 лет), «это когда люди любят друг друга» (мужчина, 61 год)), социальные отношения («счастье это когда тебя слушают» (мужчина, 25 лет), «это когда тебя понимают и, когда понимаешь ты людей» (женщина, 71 год), здоровье («когда ты сам здоров и твои близкие здоровы» (мужчина, 54 года)), жизнь («счастье — это жизнь, жизнь, жизнь и еще раз жизнь» (женщина, 62 года), «когда нет войн» (мужчина, 27 лет), «когда у тебя есть уверенность в завтрашнем дне» (женщина, 31 год)). Среди минимально представленных в ответах категорий можно выделить материальное («доход») и профессиональное благополучие («работа»). Соответственно, субъективные представления о счастье определяются личностными ценностями благополучия, в то время как представление о благополучии в целом значительно шире и детерминировано факторами социокультурного порядка.

Вместо заключения

Таким образом, высказываемые субъективные оценки благополучия понятийно основываются на базовых и терминальных ценностях, в целом релевантных системе базовых социальных ценностей, характерной для современного российского общества (семья, здоровье, труд/работа, материальное благополучие). В их реализации благополучие как целевое состояние и ориентация находит себе подпитку и развитие. Следовательно, основа этого состояния имеет ценностный характер, а понятийные ассоциации благополучия представляют собой именно ценности. Можно указать и на то, что при отсутствии серьезных экономических и политических потрясений благополучие человека формирует его ближайшее окружение и опыт личных поведенческих практик. Отмечается интегральный контент-тренд

интервьюирования — в текущий момент времени преобладает положительная оценка личного благополучия.

В эмпирической оценке благополучие вырисовывается как состояние:

- социально зрелого человека, в достаточной мере приспособленного к преодолению трудностей жизни именно в «нашем» обществе;
- фундаментом которого выступают семья, ее психологическая и финансовая стабильность;
- которое формируют: личная активность, целеустремленность, желание достичь большего, ориентированность на результат;
- процессуально конструируемое повседневностью, а также способностью черпать силы и оптимизм в повседневных практиках;
- в определенной мере зависимое от позиции государства в плане реализации мер социальной поддержки, защиты, обеспечения.

Критериально социальное неблагополучие в представлениях информантов коррелирует с низкой личной активностью и нацеленностью на результат, нежеланием прикладывать усилия и двигаться вперед, с отсутствием внятных и значимых жизненных ориентиров, а также в небольшой степени с социальной апатией, приспособленчеством как формой нивелирования потребностей и злоупотреблением алкоголем. Бесцельное, пассивное существование, отсутствие значимого занятия (работы, хобби как ценностей и вида повседневной практики), приносящего результат и удовлетворение, люди ассоциативно выражают как антипод благополучия. Недостаточная индивидуальная мобильность — еще один антифактор благополучия человека. Соответственно, элементы аддикции, личностной аномии, затягивающейся маргинальности, социального отчуждения формируют поле, в котором социальное благополучие нивелируется, механизмы его достижения не развиваются.

Список литературы (References)

Мареева С. В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695—707. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707>.

Mareeva S. V. (2018) Subjective Well-Being and Ill-Being Zones in the Russian Society. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. No. 4. P. 695—707. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707>. (In Russ.).

Охотский Е. В. Социальное государство: реальность или миражи социального благополучия? // Труд и социальные отношения. 2015. № 6. С. 47—62.

Okhotsky E. V. (2015) Social State: Realities or Mirages of Social Well-Being. *Labor and Social Relations*. No. 6. P. 47—62. (In Russ.).

Шамионов Р. М. Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 68—81.

Shamionov R. M. (2014) Ethno-Cultural Factors of Person's Subjective Well-Being. *Psychological Journal*. Vol. 35. No. 4. P. 68—81. (In Russ.).

- Allik J., Möttus R., Realo A., Rozgonjuk D. (2018) What Makes Young Russians Happy and Satisfied with Their Lives? *SAGE Open*. Vol. 8. No. 3. P. 1—11. <https://doi.org/10.1177/2158244018803136>.
- Andrews F. M. (1991) Stability and Change in Levels and Structure of Subjective Well-Being: USA 1972 and 1988. *Social Indicators Research*. Vol. 25. No. P. 1—30. <https://doi.org/10.1007/BF00727649>.
- Aslam A., Corrado L. (2012) The Geography of Well-Being. *Journal of Economic Geography*. Vol. 12. No. 3. P. 627—649. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr041>.
- Bartels M. (2015) Genetics of Wellbeing and Its Components Satisfaction with Life, Happiness, and Quality of Life: A Review and Meta-analysis of Heritability Studies. *Behavior Genetics*. Vol. 45. No. 2. P. 137—156. <https://doi.org/10.1007/s10519-015-9713-y>.
- Costa P.T., McCrae R.R. (1980) Influence of Extraversion and Neuroticism on Subjective Well-Being: Happy and Unhappy People. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 38. No. 4. P. 668—678. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.4.668>.
- Diener E., Oishi S., Tay L. (2018) Advances in Subjective Well-Being Research. *Nature Human Behavior*. Vol. 2. No. 4. P. 253—260. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0307-6>.
- Easterlin R. A. (2003) Explaining Happiness. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 100. No. 19. P. 11176—11183. <https://doi.org/10.1073/pnas.1633144100>.
- Easterlin R. A. (2013) Happiness, Growth, and Public Policy. *Economic Inquiry*. Vol. 51. No. 1. P. 1—15. <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.2012.00505.x>.
- Goodwin R., Allen P., Nizharadze G., Emelyanova T., Dedkova N., Saenko Y., Bugrova I. (2002) Fatalism, Social Support, and Mental Health in Four Former Soviet Cultures. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 28. No. 9. P. 1166—1171. <https://doi.org/10.1177/01461672022812002>.
- Gureev A. S., Ananieva E. D., Rubanovich A. V., Inglehart R. F., Ponarin E. D., Borinskaya S. A. (2018) Association of MAOA-uVNTR Polymorphism with Subjective Well-Being in Men. *Russian Journal of Genetics*. Vol. 54. No. 5. P. 562—567. <https://doi.org/10.1134/s1022795418050058>.
- Inglehart R. (2000) Globalization and Postmodern Values. *The Washington Quarterly*. Vol. 23. No. 1. P. 215—228. <https://doi.org/10.1162/016366000560665>.
- Joshanloo M., Weijers D. (2014) Aversion to Happiness across Cultures: A Review of Where and Why People are Averse to Happiness. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 15. No. 3. P. 717—735. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9489-9>.
- Kahneman D., Deaton A. (2010) High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 107. No. 38. P. 16489—16493. <https://doi.org/10.1073/pnas.1011492107>.

- Mikucka M., Sarracini F., Dubrow J. K. (2017) When Does Economic Growth Improve Life Satisfaction? Multilevel Analysis of the Roles of Social Trust and Income Inequality in 46 Countries, 1981—2012. *World Development*. Vol. 93. P. 447—459. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.01.002>.
- Mizobuchi H. (2017) Measuring Socio-Economic Factors and Sensitivity of Happiness. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 18. No. 2. P. 463—504. <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9733-1>.
- Oswald A. J., Wu S. (2010) Objective Confirmation of Subjective Measures of Human Well-Being: Evidence from the U.S.A. *Science*. Vol. 327. No. 5965. P. 576—579. <https://doi.org/10.1126/science.1180606>.
- Sortheix F. M., Schwartz S. H. (2017) Values that Underlie and Undermine Well-Being: Variability across Countries. *European Journal of Personality*. No. 31. No. 2. P. 187—201. <https://doi.org/10.1002/per.2096>.
- Steel P., Schmidt J., Shultz J. (2008) Refining the Relationship between Personality and Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 134. No. 1. P. 138—161. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.1.138>.
- Van Praag B. (2011) Well-Being Inequality and Reference Groups: An Agenda for New Research. *The Journal of Economic Inequality*. Vol. 9. No. 1. P. 111—127. <https://doi.org/10.1007/s10888-010-9127-2>.
- Vittersø J., Nilsen F. (2002) The Conceptual and Relational Structure of Subjective Well-Being, Neuroticism, and Extraversion: Once Again, Neuroticism Is the Important Predictor of Happiness. *Social Indicators Research*. Vol. 57. No. 1. P. 89—118. <https://doi.org/10.1023/A:1013831602280>.
- White S. C. (2010) Analyzing Wellbeing: A Framework for Development Practice. *Development in Practice*. Vol. 20. No. 2. P. 158—172. <https://doi.org/10.1080/09614520903564199>.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.04

Правильная ссылка на статью:

Абрамова М. А. Визуальная репрезентация образа «Счастье» как способ исследования социокультурного архетипа // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 51—77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.04>.

For citation:

Abramova M. A. (2020) Visual Representation of the Image “Happiness” as a Way to Study the Socio-Cultural Archetype. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 51—77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.04>.

М. А. Абрамова

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА «СЧАСТЬЕ» КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АРХЕТИПА

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА «СЧАСТЬЕ» КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АРХЕТИПА

VISUAL REPRESENTATION OF THE IMAGE “HAPPINESS” AS A WAY TO STUDY THE SOCIO-CULTURAL ARCHETYPE

АБРАМОВА Мария Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований, Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
E-MAIL: marika24@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

Mariya A. ABRAMOVA¹ — Dr. Sci. (Pedag.), Professor, Leading Researcher, Head of Department of Social and Legal Research
E-MAIL: marika24@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

¹ Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia

Аннотация. Концепт «счастье» трактуется индивидуально каждым человеком, но в то же время является культурно обусловленным и имеет признаки социокультурного архетипа. Новизна исследования состоит в по-

Abstract. The happiness concept is interpreted individually, but at the same time it is a culturally-based phenomenon featuring a particular sociocultural archetype. The author employs phenomenological, linguocultural and sociocul-

пытке сопоставить вербализированные результаты опросов респондентов на тему «счастье» с его визуальными репрезентациями на основе феноменологического, социокультурного, лингвокультурного и лингвокогнитивного подходов. Использование принципа дополнительности показало, что полученная на основе типологизации изображений информация и вербализация концепта «счастье» не противоречат друг другу. Вербализуемый, как и изображаемый концепт, становясь частью семантического пространства индивида, отражает его гендерные, этнические, социально-психологические особенности.

Использование проективных методов исследования позволяет обойти ограниченность вербальной системы, выявляя смыслы, переживаемые респондентами на уровне пред- и подсознания (особенно это становится актуальным в условиях полиэтничного сообщества). Данная методика ориентирована на изучение скрытых от осознания слоев информации, относящейся как к универсальным культурным архетипам, выступающим в качестве спонтанно действующих устойчивых структур обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта, так и к зависящим от гендерных, этнических, аксиологических и психологических особенностей личности. Интерпретация визуальных изображений позволила дифференцировать социокультурные характеристики феномена «счастье», обусловленные индивидуально-психологическими особенностями и ценностно-смысловыми ориентациями личности.

tural approaches and attempts to compare the verbalized results of surveys on happiness and respondent's visual representations. Using the complementarity principle the paper shows that the information based on image classification does not contradict with the happiness concept verbalization. Both the verbalized concept and the visualized one become part of individual's semantic field and reflect individual's gender, ethnic, social and psychological characteristics. Projective techniques used in the study allow bypassing the limitations of verbal system and detect meanings experienced by respondents pre-consciously and instinctively (in a poly-ethnic society this is especially important). The tool helps reveal the hidden layers of the unconscious mind related to universal cultural archetypes. These archetypes act spontaneously as stable structures dealing with information processing, storage, and representation of collective experiences, and depend on gender, ethnic, axiological and psychological characteristics of an individual. Visual image interpretations help differentiate between those sociocultural features of the happiness driven by individual's psychological characteristics and that resulting from individual's value-semantic orientations.

Ключевые слова: счастье, типы личности, типы рисунка, ценностные ориентации, социокультурный стереотип, гендерные особенности, социально-психологические особенности, этнические особенности

Keywords: happiness, personality types, types of drawing, value orientations, sociocultural stereotype, gender characteristics, socio-psychological characteristics, ethnic characteristics

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»).

Acknowledgments. The study is financed by RFBR (project no. 18-011-00223 “Influence of linguistic and cultural specificity of the environment on the formation of attitudes of young people in interethnic relations”).

Проблема и актуальность

Несмотря на интенсивное использование понятия «счастье» в публичном дискурсе и активные попытки конструирования его образа для продвижения идей и товаров, этот феномен остается трудно описываемым и сложным в изучении. Особую актуальность исследования счастья приобрели с момента создания рейтингов стран мира по степени удовлетворенности жизнью, таких как «Всемирный доклад о счастье» (World Happiness Report), «Международный индекс счастья» (The Happy Planet Index), «Индекс лучшей жизни» (The OECD Better Life Index), «Индекс процветания Института Legatum» (The Legatum Prosperity Index). Основная идея ранжирования заключается в сопоставлении стран и отдельных регионов по условиям, созданным государством для благополучной жизни граждан. Среди ключевых критериев оценки благополучия преобладают социально-экономические и политические параметры (уровень ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, наличие гражданских свобод, чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, стабильность семей, гарантии занятости, уровень коррупции), а также косвенные показатели состояния общества (уровень доверия, великодушие и щедрость). Именно по данным критериям исследователи пытаются выявить уровень субъективного ощущения благополучия у населения страны. Критерии World Happiness Report уже начали использовать в программах регионального развития в России¹.

В то же время восприятие людьми счастья не всегда коррелирует с условиями их жизни и интересами: оно сугубо индивидуально и отличается от его статистически выверенного осмысления. Несмотря на субъективность восприятия, термин «счастье» остается притягательным как для людей, желающих ощутить себя счастливыми, так и для тех, кто хочет «сделать счастливыми» других. В связи с этим мы полагаем, что сопоставление качественной и количественной оценки инди-

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2030 года с определением основных направлений до 2050 года // Официальный сайт Окружной администрации г. Якутска. URL: [https://якутск.рф/city/proekty/03.%20%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%20%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8-2030%20\(16.11.2016\).pdf](https://якутск.рф/city/proekty/03.%20%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%20%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8-2030%20(16.11.2016).pdf) (дата обращения: 15.02.2020).

видуальных репрезентаций понятия «счастье» через вербальное и графическое представление могло бы значительно обогатить исследования данного феномена.

Теоретическая база исследования

Понимание счастья меняется исторически, социально и даже этнически. В XVIII в. Ш. Фурье подсчитал, что в Риме существовало 278 противоречивых мнений относительно того, что такое истинное счастье [Фурье, 1939: 330]. Две главные традиции понимания счастья были сформированы еще в Античности: эвдемонизм (счастье как высшее благо) и гедонизм (счастье как удовольствие). Мысль об умении сочетать социальное и моральное развивал Демокрит, полагая, что счастье — это умение распоряжаться и наслаждаться жизненными благами [Диоген Лаэртский, 1986]. Традиции народов Севера, связанные с воспитанием гармоничной личности, содержат много общего с идеями эвдемонизма, постулируя, что достижение состояния счастья возможно только при соблюдении в жизни принципа гуманизма и нравственности [Абрамова, Неустроев, 2003]. Сторонниками данного принципа были Аристотель, Платон, Фома Аквинский, Л. Фейербах и др.

В. Татаркевич, типологизировавший в фундаментальном труде «О счастье» основные значения этого понятия, выделял четыре его типа: (1) благосклонность судьбы, удача; (2) состояние интенсивной радости; (3) обладание наивысшими благами, положительный баланс жизни; (4) чувство удовлетворения жизнью. Результатом анализа стало разграничение в концепте «счастье» того, что зависит от самого индивида и определяется степенью его духовного развития, совершенства, добродетельности, от того, что ему неподконтрольно, предзадано внешними условиями [Татаркевич, 1981: 31—41].

Во второй половине XX века под влиянием идей гуманистического направления в психологии [Маслоу, 1999: 77—105; Роджерс, 1994; Франкл, 2000; и др.] счастье начали рассматривать как психически обусловленный феномен, связанный с условиями жизнедеятельности человека и возможностями его самореализации. В конце XX в. возникло новое направление — позитивная психология [Селигман, 2010; Чиксентмихайи, 2011], предметом исследования которой стал концепт «счастье», а также факторы, обуславливающие его восприятие индивидом [Аргайл, 2003; Diener, Helliwell, Kahneman, 2010; Diener, Tay, Oishi, 2013; Kahneman et al., 2006].

В отечественной традиции понятие «счастье» в основном рассматривается как подарок свыше за соблюдение человеком нравственных заповедей [Арутюнова, 1998; Потеня, 2000]. В. Даль усиливает данную трактовку, определяя обсуждаемое понятие через маркеры «рок, судьба, участь, доля» [Даль, 2001: 371—372]. Тем не менее утверждение активной позиции индивида в строительстве своей судьбы также присуще российским философам. Так, Л. Н. Толстой писал о понятии «высшее счастье», которое дается человеку посредством труда, самоутверждения и любви. Таким образом, представление о счастье у писателя пересекается с процессом социализации индивида и его задачей совершить свой экзистенциальный выбор между добром и злом. Интересно мнение Л. Н. Толстого о том, что современная культура не делает человека счастливее, тогда как обычное счастье не делает его добродетельнее: «Несчастье делает добродетельным, добродетель делает счастливым, счастье делает порочным» [Толстой, 1965: 60].

Отечественные психологи (И. А. Джидарьян, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Б. И. Додонов, Е. П. Ильин и др.) рассматривают счастье как ценность и аффективное состояние. Так, согласно И. А. Джидарьян, в российской интерпретации счастье — это *судьба* (ориентация на жизненное начало, предназначение, верования, карьера, обряды, будущее, перспектива), *радость* (эмоционально-чувственное состояние, начиная от экспрессивных: восторг, восхищение, ликование, до умиротворенных, имеющих христианскую основу: наслаждение, спокойствие, умиротворение), *деятельность* (процесс и результат труда, профессиональное мастерство, интеллектуальный труд) [Джидарьян, 2013; Русакова, 2007ab].

Лексико-семантический анализ интерпретаций слова «счастье», выполненный Г. Н. Урбанович, демонстрирует, что идея счастья «воплощается с помощью категорий веселья, легкости, полезности, порядка, красоты, соответствия, попадания в цель, благоденствия, райской жизни» [Урбанович, 2007: 4]. Н. М. Шанский раскрывает содержание термина как «хорошая доля», тем самым акцентируя внимание на счастье как божественном благе, не отрицающем субъектную и действительную роль индивида в формировании собственной судьбы [Шанский, 1964].

Более полный анализ сопоставления лингвокультурологических концептов «счастье» и «несчастье» предлагает И. Б. Русакова, демонстрируя, что они «связаны с процессом деления на части, распределения целого между членами одной группы... Субъектом такого деления является некая высшая сила. Изначально в ее качестве мог выступать старейшина рода или общины. Силой, наделяющей человека счастливой или несчастливой долей, могло быть божество Род, в христианском учении — Бог» [Русакова, 2007a: 12]. Таким образом, человек в данной картине мира занимает неоднозначную позицию. С одной стороны, он может проявлять волю (искать свою долю, счастье) и в случае адекватного понимания, предначертанного свыше, становится счастливым, и наоборот. При этом, как отмечает И. Б. Русакова, «несчастье воспринимается как нечто тяжелое, горькое, серьезное, а счастье может пониматься как легкое, незаслуженное, либо иметь значение высшей степени блаженства, что приближает его к сфере „высокого“, а, следовательно, иллюзорного» [там же].

Мы полагаем, что полученные И. Б. Русаковой результаты на самом деле обладают свойством универсальности в отношении культур народов России. Традиционная культура провозглашала, что, поступая согласно обычаю, человек совершает нравственный поступок. Будучи членом закрытой группы и совершая какое-либо действие согласно обычаю, человек поступает правильно, и поэтому возникает ощущение покоя и счастья. Сила обычая в формировании человечности заключается в том, что человек усваивает не нравственную норму, а способ действия, который нравственен по отношению к членам закрытого сообщества. Через обычай человек идентифицирует себя со своим народом, воспринимает себя как потомка рода. Подвиги народных героев, отражая духовные ценности культуры, становятся средством воспитания подрастающего поколения, а образы, формирующие представление о добре и зле, о счастье и несчастье, отражают архетипы.

На основе анализа трудов К. Г. Юнга [Юнг, 1991] и сочинений Дионисия Ареопагита «О божественных именах» [Дионисий Ареопагит, 2002] нами было сформулировано рабочее определение термина «социокультурный архетип». Под

ним мы понимаем «бессознательную форму восприятия индивидом фундаментальных структур социокультурного пространства, явленных в его сознании как архетипические образы, изобразительные черты которых определяются культурной средой и способом метафорической репрезентации» [Абрамова, 2008: 121; Абрамова, 2014: 205]. Это первообраз психической деятельности человека, формирующийся под воздействием внешних факторов и являющийся результатом социокультурной деятельности людей.

Важной составляющей социокультурного архетипа считаются архаические образы в сознании личности, определяющие ее мировоззрение, мироощущение и миропонимание. Поскольку социокультурный архетип носит коллективный характер, то архетипические образы, обуславливающие систему ценностей личности и социальной группы, играют также важную роль в формировании психических реакций человека в процессе его социализации, идентификации и инкультурации, выступая стабилизаторами не только межличностных отношений, но и различных типов коммуникаций (межгрупповой, этнической и пр.).

Актуализация журналистами и рядом психологов темы инстинктов провоцирует ситуацию снижения внимания к проблемам духовного созревания молодежи и акцентуацию на развитии культуры потребления. Тот образ идеального «Я», который был представлен в сознании человека, сформированного в традиционной культуре, начинает конфликтовать с навязываемыми нормами поведения в обществе потребления, что отчасти было выявлено и в рамках нашего исследования. Так мы видим в рисунке студентки противопоставление образа счастья в обществе потребления в виде девушки, наблюдающей за счастьем других. При этом образы счастливых людей передают традиционные семейные ценности: любовь, семью, детей (см. рис. 1).

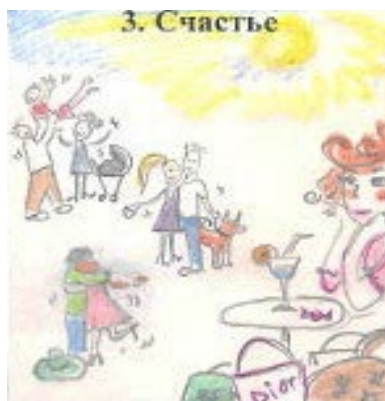

Рис. 1. «Счастье». Студентка, 18 лет

Данная тенденция обусловила актуальность изучения репрезентаций понятия «счастье» молодежью, находящейся уже в меньшей степени под влиянием традиционной культуры и в то же время активно потребляющей продукты глобализирующейся культуры. Именно для молодежи в большей степени значима

проблема соотнесения ценностей традиционной культуры с новыми. Так, одним из отражений формирования новых представлений о счастье у молодежи стало появление его репрезентации в виде неполной семьи (см. рис. 2).

Рис. 2. «Счастье». Студентка, 24 года

Важно отметить, что концепт «счастье» имеет индивидуальную трактовку, но в то же время является культурно обусловленным и обладает признаками социокультурного архетипа. Использование теории социальных представлений [Московичи, 1995] расширяет методологические возможности изучения социокультурных архетипов [Юнг, 1991], а также их образов [Дионисий Ареопагит, 2002; Петренко, 2005], в том числе такого многозначного понятия, как «счастье».

Содержание архетипов раскрывается не только через понятие (закрепленное вербальное обозначение [Фуко, 1977]) и дискурс [Карасик, 2002], но и иконически, то есть посредством изобразительной формы. Социокультурные архетипы явлены в сознании как образы, изобразительные черты которых определены культурной средой и способом метафорической репрезентации [Урбанович, 2007].

Ряд научных источников, посвященных использованию рисунка в качестве диагностического инструментария, утверждает, что существование внутренней связи между создаваемым визуальным образом и социокультурным архетипом подразумевается, но не является предметом специального изучения [Беллак, 2002; Величковский, Блинникова, Лапин, 1986; Севостьянов, 2018].

Понятие «счастье» имеет ярко выраженную социокультурную специфику и для каждого наполнено богатым конкретным содержанием, в котором с наибольшей силой выражено единичное, отражающее более широкое общее [Артемьева, 1980; Татаркевич, 1981]. Мы акцентируем внимание на данном моменте, поскольку, учитывая все многообразие трактовок и подходов к пониманию концепта «счастье», важно отметить, что кроме проблем с его содержательной интерпретацией существуют проблемы инструментальные, затрудняющие исследование. Их легче всего представить на основе модели коммуникации М. де Флэра [DeFleur, Ball-Rokeach, 1989; DeFleur, Kearney, Plax, 1997], согласно которой участники коммуникации не всегда осознают, что посланное и полученное сообщения могут не совпадать.

В связи с этим коммуникативные проблемы исследования феномена «счастья» как факта или явления, познание которого доступно лишь через чувственное восприятие индивида, могут быть представлены с различных сторон: адекватность кодирования для вербальной передачи исследователю информации, адекватность декодирования полученной информации исследователем, проблемы обобщения для получения типологии и построения возможных сценариев «улучшения» благополучия людей и проч.

Использование в исследованиях счастья рисуночных методов не упрощает процесс, но позволяет получить информацию, которая, с одной стороны, обусловлена социокультурной средой, где формируется человек, а с другой — содержит в себе первичную реакцию, не подвергнутую многоэтапной процедуре рефлексии. Мы полагаем, что это даст возможность выявить связь между гендерными, аксиологическими, социокультурными и психологическими особенностями восприятия респондентами концепта «счастье».

Новизна исследования состоит в попытке сопоставить результаты тематических вербальных опросов респондентов с визуальными репрезентациями счастья на примере результатов опросов, проведенных автором в Республике Саха (Якутия), а также результатов конкретных исследований И. С. Гавриловой, И. Б. Русаковой и др.

Целью работы является изучение социокультурной, гендерной и психологической специфики репрезентаций личностью понятия «счастье», а также сопоставление возможностей в исследовании феномена «счастье» вербальных и проективных методов исследования.

Дизайн исследования и методы

Исследование визуальных репрезентаций счастья проведено нами в Республике Саха (Якутия) с 2009 по 2012 гг. Выбор региона обусловлен геополитической, этнокультурной и демографической спецификой, позволяющей изучать установки населения, сформировавшегося в мультикультурной и билингвальной среде.

В рамках исследования были опрошены 1317 респондента одновременно заполнявшие опросник, индивидуально-типологический опросник (ИТО) Л. Н. Собчик [Собчик, 2003], тест для изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца [Schwartz, 1992; Schwartz, Sagiv, 1995; Карандашев, 2004] и выполнявшие зарисовку на тему «Счастье» (репрезентации). Всего были собраны 1317 анкет, 1317 тестов ИТО, 1317 тестов Шварца и 1317 рисунков (репрезентаций) концепта «счастье». Возраст респондентов от 15 до 58 лет, 87 % из которых на момент проведения исследования были в возрасте от 18 до 30 лет. Поскольку на вопрос о национальности в анкете ответ дали 1303 респондента (74 % — саха, 16 % — русские, 3 % — КМНС² и 8 % — остальные), а о поле — 1188 человек (40 % мужчин и 60 % женщин), то в вопросах, где данные маркеры являются основными мы анализ проводили на сокращенном массиве.

Использование междисциплинарной методологии с опорой на реализацию принципа дополнительности позволяет в полной мере реализовать социокультурный

² Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

подход в трактовке П. Сорокина, позволяющий учитывать специфику личности, культуры и социума [Сорокин, 2000]. Принцип дополнительности предполагает, что «для воспроизведения целостности исследуемого объекта» применяются «„дополнительные“ классы понятий, которые, будучи взяты раздельно, могут взаимно исключать друг друга» [Порус, 1997: 107]. Включение социологических и психологических методик исследования позволило связать интерпретацию понятийной составляющей с аксиологической и образной. Проективная методика «Изображение на тему», когда респондентам предлагалось изобразить первые ассоциации, возникающие при восприятии термина «счастье», позволила выявить скрытые от осознания слои информации, относящиеся как к универсальным культурным архетипам, выступающим в качестве спонтанно действующих устойчивых структур обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта, так и к обусловленным гендерной, аксиологической и психологической особенностям личности.

Важно отметить, что традиционно принятые графологические расшифровки рисунков («Дом. Дерево. Человек»; «Рисунок Семьи»; «Несуществующее животное» и др.) для поставленных нами задач оказались малоинформативными, поскольку, во-первых, в большей степени отражают индивидуальные особенности личности, характеризующие респондента на момент исследования. Во-вторых, они базируются на исследовании структуры рисунка в согласии с теорией уровней моторного построения, разработанной отечественным психофизиологом и биомехаником Н. А. Бернштейном. Данный подход, исследуя порядок построения изобразительного акта, на первый план выводит низшие структуры, выполняющие только техническую, неосознаваемую работу, а высшие нервные структуры (ответственные за передачу осознанной информации, создание образа) находятся в подчиненном положении по отношению к ним [Севостьянов, 2018].

Поскольку для нашего исследования более значимо не то, почему рисунок получился таким и какие психофизиологические особенности респондента повлияли на качество рисунка, а то, что именно нарисовано и какую идею автор пытался зафиксировать, то для нас более важна была его социокультурная интерпретация. В данном контексте более информативным оказался феноменологический подход [Гуссерль, 2010], основывающийся на понимании лингвокультурного концепта как условной ментальной единицы, являющейся проекцией элементов культуры, опредмечивающихся вербально и изобразительно. Под концептом мы понимаем мыслительную единицу, содержание которой вмещает совокупность знаний по определенной теме (тема, как правило, и является именем концепта). В структуру лингвокультурного концепта вошли: понятийный элемент, аксиологическая и образная составляющие. Данный подход обусловил процедуру исследования, включившую в себя фиксацию элементов изображения и дифференциацию их в различные ассоциативные ряды.

Результаты интерпретации

Мы выделили четыре основных компонента художественной работы, отражающей представления респондента: когнитивный (понимание), эмоционально-ценностный (эмоциональное отношение, воплощенное в рисунке), проективный (перенесение в рисунок образа) и семиотический (знаковое воплощение). Каждый

компонент имеет характеристики, свойственные как категории «общее», так и категории «особенное». В связи с этим интерес представляет высказывание М. Фуко о том, что «язык располагается на полдороге между зримыми формами реального мира и тайными соответствиями эзотерических смыслов» [Фуко, 1977: 282].

Выявлено, что «общее» в рисунках можно обнаружить на уровне образно-тематического строя изображения, повторяющегося воспроизведения мотивов или сюжетов целиком, а «особенное» — не только на ассоциативном уровне, но и на уровне структурирования образа. Разнообразие содержательных элементов в рисунках достигло 67 единиц, при этом некоторые элементы рисунка были объединены в микрогруппы (например, изображение жестов: «круто», «победа» и пр.).

Поскольку второй задачей данного исследования было сопоставление информации, получаемой при помощи вербальных и проективных методов об одном и том же феномене, то мы постарались выделить несколько работ, в рамках которых также на основе ассоциативного ряда изучалось понятие «счастье». Среди немногих, с которыми мы смогли ознакомиться, было исследование И. Б. Русаковой, проведенное как свободный ассоциативный эксперимент среди студентов и преподавателей факультета иностранных языков Московского гуманитарного педагогического института [Русакова, 2007b: 114]. В ходе эксперимента в ответ на термин «счастье» испытуемые должны были привести слова-реакции, вызванные данным стимулом. Возраст респондентов — от 18 до 61 года. Всего на стимул «счастье» И. Б. Русаковой было получено 210 реакций, 75 из которых различны.

Мы выбрали из общей совокупности самые многочисленные группы ассоциаций, представленные в обоих экспериментах, сделав поправку по возрасту в нашей совокупности опрошенных (см. табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление визуальных и вербальных ассоциаций с понятием «счастье», %

Ассоциации	Репрезентации	
	Вербальные (исследование И. Б. Русаковой)	Изобразительные (исследование М. А. Абрамовой)
Радость, улыбка	11	51
Любовь	9	12
Семья	4	7
Друзья	3	6
Деньги	3	6

Самой многочисленной группой и в нашем эксперименте, и у И. Б. Русаковой оказались ассоциации со словом «счастье», акцентирующие внимание на его эмоциональном восприятии: «Радость», «Улыбка», «Улыбающееся Солнце», «Улыбающийся человек» и пр. (11 % и 51 % для вербальных и изобразительных репрезентаций соответственно). Можно отметить совпадение групп и рисунков, представляющих счастье как «семью» (см. рис. 3, 4), «друзей» и «деньги».

Рис. 3. «Счастье». Студентка, 19 лет

Рис. 4. «Счастье».

Муниципальная служащая, 27 лет

Среди менее распространенных ассоциативных рядов, зафиксированных И. Б. Русаковой и нами, можно выделить «счастье» как «покой», «душевный комфорт», «отдых», «праздник» (например, изображение воздушных шаров). Особо выделяется группа контекстуальных изображений, представляющих счастье как пейзаж: солнце, море, горы, зеленая трава, покой, красота, гармония.

Полученные результаты свидетельствуют, что наборы вербальных ассоциаций и изобразительных репрезентаций имеют много общего. Так же, как и в эксперименте И. Б. Русаковой, нами была отмечена определенная гендерная специфика ассоциаций (см. рис. 5). Изображения денег, любви, машины, различных символов оказались более свойственны мужчинам.

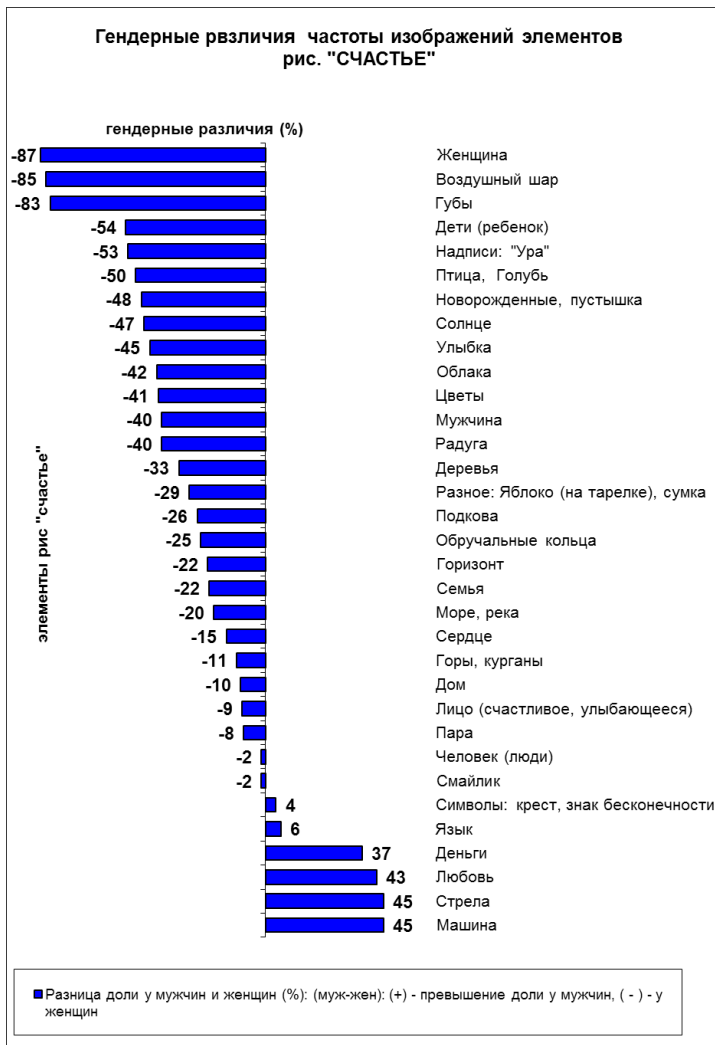

Рис. 5. Сопоставление элементов изображения ассоциаций на тему «счастье» (гендерные различия), %

Результаты нашего исследования отчасти подтверждает сделанный И. С. Гавриловой в рамках лингвокультурного анализа «счастья» вывод о том, что «положительный образ счастья в глазах женщины, сложившийся в российской картине мира — совокупность всех благ, предоставляемых ей мужской половиной человечества, а также дети как объект воплощения всех ее интенций» [Гаврилова, 2003: 22] (см. рис. 6, 7).

Рис. 6. «Счастье». Студентка, 18 лет

Рис. 7. «Счастье». Студентка, 17 лет

За исключением одного немаловажного факта: репрезентации «счастья» респондентками в нашем исследовании имеют ярко выраженный эмоциональный характер и большее разнообразие, которое не ограничивается совокупностью благ, получаемых при участии мужчины.

Необходимо отметить, что работа с элементами рисунка при всем их многообразии не дает общего видения социокультурных архетипов. Используя метод типологизации, мы дифференцировали изображения по двум основаниям: идея рисунка и ценности, представленные в нем. В результате были выделены следующие типы рисунков: изображение эмоций, ощущений; реалистические (изображение домов, семей, себя на фоне природы и пр.); символические; Солнце, свет как благо; вечность, космос (пейзажи, природа); развитие, цветение; удача, проявление высших сил (см. рис. 8); призрачность счастья (см. табл. 2).

Таблица 2. *Распределение рисунков по концептуальному содержанию, %*

Тип рисунка по концептуальному содержанию	Всего	Муж.	Жен.
Изображение эмоций, ощущений	55	58	55
Реалистические изображения	12	14	11
Символические изображения	7	10	5
Изображение Солнца, света как блага	8	6	10
Изображение вечности, космоса, пейзажа, природы	4	3	4
Развитие, цветение	8	6	9
Удача, проявление высших сил	4	3	4
Призрачность счастья	2	0	2
Всего	100	100	100
Всего респондентов, чел.	1188	473	715

Рис. 8. «Счастье». Студентка, 18 лет

Использование метода типологии позволило не только конкретизировать интерпретацию рисунков по воплощенной в рисунке идее и ценностям, но и отметить ошибочность некоторых стереотипов. Так, излишняя эмоциональность, традиционно приписываемая восприятию женщин, не нашла подтверждения. По доле изображений счастья, отражающих эмоциональную доминанту, мужчины едва ли отличаются от женщин по критерию эмоциональности (58% и 55% соответственно), что дает основания поставить под сомнение не только сложившееся представление о гендерных различиях в эмоциональности, но и в большей рациональности и конкретности мужского мышления, поскольку доля реалистических изображений, представляющих счастье, у мужчин оказалась больше лишь на 3 п. п. (14% и 11%).

Во второй типологии за основу были взяты сюжеты, которые можно было однозначно интерпретировать как изображение определенных ценностей (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение рисунков по изображенным ценностям, %

Тип рисунка по изображенным ценностям	Всего	Муж.	Жен.
Духовные	6	4	8
Материальные	16	29	4
Духовные и материальные	14	14	15
Семья как ценность	23	17	29
Любовь как ценность	35	32	37
Здоровье	1	1	0
Еда	3	2	4
Отдых	2	1	3
Всего	100	100	100
Всего респондентов, чел.	290	136	154

Попытка типологизации рисунков по зафиксированным в них ценностям значительно уменьшила рассматриваемую совокупность до 290. Причинами сокращения стали возможность неоднозначной интерпретации или чрезмерная обобщенность в рисунке (51 % рисунков — «улыбка», «смайлик», «улыбающееся солнце» и пр.). Поэтому мы можем лишь констатировать, что и в сюжетных изображениях, нарисованных мужчинами, доминируют материальные ценности (29 %, у женщин — 4 %), что свидетельствует о некоторой сконцентрированности респондентов на атрибутах счастливой жизни: машине, деньгах, доме как строении и пр.

Вроде бы незначительные, в пределах погрешности, отличия в доле женщин, видящих счастье в развитии (см. табл. 2: 9 % женщин и 6 % мужчин), получают более серьезную интерпретацию через качественный анализ изображений, где ассоциации «развития» связаны с ценностями семьи (29 % у женщин и 17 % у мужчин). Возможно, именно эта составляющая отличает восприятие любви как счастья у мужчин и у женщин (32 % и 37 % соответственно). Если для первых большее значение имеет эмоциональный фон, то для вторых она представляет определенный этап личностного развития.

Второй пример неоднозначной интерпретации вербальных ответов мы находим у И. Б. Русаковой, которая приходит к выводу, что «счастье», ассоциируясь с блаженством, ближе к миру «высокого» (а, следовательно, ирреального) [Русакова, 2007а: 13—15]. Результаты наших исследований показали большую склонность респондентов к эмоционально-восторженному восприятию самого понятия, чем к ассоциациям с миром трансцендентного (см. табл. 2. Рисунки в группе «Призрачность счастья»). Причем этот вывод не зависит от этнической самоидентификации респондента (см. табл. 4). Доминирующим типом рисунка для большей части молодежи остается эмоциональное восприятие счастья. Этническая специфика проявилась в доминировании эмоционального восприятия счастья у коренных малочисленных народов Севера.

Таблица 4. **Распределение типов рисунков респондентов на основании их этнической самоидентификации, %**

Тип рисунка	Саха	Русские	КМНС	Смешанные	Все
Эмоции, ощущения	55	52	76	51	55
Реалистические	12	11	6	16	12
Символическое	7	11	6	2	8
Солнце, свет как благо	9	8	6	7	8
Изображение вечности, космоса, пейзажа, природы	4	3	0	3	4
Развитие, цветение	7	11	6	11	8
Удача, высшие силы	5	3	0	7	4
Призрачность счастья	1	1	0	3	1
Всего	100	100	100	100	100
Всего респондентов, чел.	964	204	35	100	1303

Вторым признаком, который мы сопоставили с типом рисунка, стал минимальный размер желаемой заработной платы (см. табл. 5). Реалистичные изображения в большей степени представлены у группы респондентов, предположивших, что для жизни им будет достаточно до 20 тысяч рублей (отметим, что эта цифра соотносится со средними размерами заработной платы в 2010—2012 гг.).

Таблица 5. **Распределение респондентов по желаемой минимальной заработной плате и типу визуальной репрезентации счастья, %**

Тип рисунка	Минимальная заработная плата			
	До 10 тыс. руб.	11—20 тыс. руб.	21—35 тыс. руб.	36—70 тыс. руб.
Эмоции, ощущения	58	53	45	54
Реалистические	11	15	11	8
Символическое	6	9	17	0
Солнце, свет как благо	9	6	7	13
Изображение вечности, космоса, пейзажа, природы	3	4	3	4
Развитие, цветение	8	7	12	17
Удача, высшие силы	4	4	4	0
Призрачность счастья	1	2	1	4
Всего	100	100	100	100
Всего респондентов, чел.	728	308	73	24

С одной стороны весьма эмоциональными, а с другой — ориентированными на развитие оказались ответившие, что минимальная заработная плата должна составлять от 36 до 70 тыс. рублей. Наибольшая доля изобразивших счастье как эмоцию — среди тех, кто ответил, что им для проживания достаточно будет

и 10 тыс. рублей. Учитывая возраст ответивших и их статус — учащаяся молодежь, можно предположить, что в эту группу попали респонденты, частично находящиеся на попечении родителей.

Достаточно большая доля в группе адекватно оценивающих реальные размеры заработной платы на которую может рассчитывать среднестатистический россиянин в 2010—2012 гг. навела нас на мысль о критерии адекватности, который использует Д. Канеман. Он анализирует влияние на ощущение счастья совокупности приятных переживаний, строящейся на дихотомии «опыт — память», в которой значительное место отводит критерию адекватности восприятия реальности бытия [Канеман, 2011]. Д. Канеман утверждает, что основная оценка собственного счастья производится так называемым «помнящим Я», принимающим во внимание лишь яркие моменты жизни индивида, оставившие наиболее сильное впечатление. Даже если «Я испытывающее» находится в состоянии постоянного комфорта, это не будет иметь значение для позитивного восприятия индивидом своего прошлого. По мнению исследователя, положительные чувства о прошлом вызывают удовлетворенность, чувство выполненного долга, гордость, спокойствие. В то же время ощущение счастья в будущем подарит уверенность в себе, надежду и оптимизм. Таким образом, значительное влияние на переживание счастья и формирование представлений о нем оказывают детский опыт и специфика социокультурной среды, в которой социализируется индивид.

В этой связи мы предположили, что сопоставление изображенных ассоциаций на тему «счастье» с детскими воспоминаниями о коммуникационном пространстве семьи могли бы дать нам новую информацию для анализа. В рамках нашего исследования мы соединили вербальные методы с проективными, дифференцировав в зависимости от композиции изображения: «семья как ценность» (большая часть представлена среди реалистических рисунков), «дети как символическое изображение будущего, продолжение рода» (развитие) и «дружные отношения в семье» (эмоциональные), — что позволило получить дополнительную информацию для сопоставления вербальной оценки уровня удовлетворенностью респондентами жизнью, их оптимизма в отношении будущего с характеристикой отношений с родителями. Первые два критерия нами объединены в интегральный показатель адаптированности, который имеет три уровня: хорошо адаптирован, средне и плохо. Поскольку мы в таблице 6 соединили два параметра, то для четкости демонстрации различий мы показываем их крайние значения (хорошо, плохо).

Итак, чем менее человек удовлетворен жизнью (что проявляется в ощущаемом дискомфорте, пессимизме относительно будущего), тем меньше счастье представлено в виде эмоционально позитивно окрашенных рисунков (42 % и 22 %). Самая большая доля рисунков, выполненная плохо адаптированными респондентами, представляет счастье в виде символов (30 %). Как показывает анализ, респонденты, выбравшие такой стиль изображений, требуют отдельного рассмотрения, поскольку среди хорошо адаптированных этот тип рисунка один из самых малочисленных. Из этого мы можем сделать вывод, что специфика восприятия мира, обуславливающая особенности выбора семантики изображений, возможно, приводит рисунок к усложнению, что может свидетельствовать о затруднениях, испытываемых респондентами в коммуникации с окружающими.

Таблица 6. *Распределение типов рисунков по уровню адаптированности и эмоциональному фону отношений с родителями, %*

Тип рисунка	Адаптированность					
	Хорошо			Плохо		
	Отношения с родителями					
	Хорошие	Есть напряжение	Хорошие	Есть напряжение	Хорошо	Плохо
Эмоции, ощущения	44	34	20	31	42	22
Реалистические	37	33	25	21	36	24
Символическое	40	13	29	31	35	30
Солнце, свет как благо	49	26	17	30	43	20
Изображение вечности, космоса, пейзажа, природы	41	57	12	29	44	15
Развитие, цветение	52	37	17	33	47	23
Удача, высшие силы	38	**	24	**	37	26
Доли групп в совокупности	34	7	16	7	41	23

** — совокупности небольшие.

Но больше всего нас заинтересовал факт связи между рисунком респондента и его оценкой прошлых отношений с родителями. В согласии с концепцией Д. Канемана, *чувствовать себя счастливым относительно прожитой жизни и быть счастливым в данный момент — разные понятия*. Но выполненные рисунки показали, что респонденты не только хорошо адаптированные к жизни, но и имеющие благоприятные эмоциональные отношения с родителями, чаще чем другие ассоциировали счастье с развитием (52%), Солнцем, светом (49%). И в то же время их нельзя охарактеризовать как группу людей, полагающуюся на удачу или веру в высшие силы (38%). По последнему критерию они не выделяются из общей группы хорошо адаптированных.

Рис. 9. «Счастье». Педагог, женщина, 26 лет

Рис. 10. «Счастье». Студентка, 21 год

Мы уточнили ответы респондентов о причинах радости, задав открытый вопрос «Что Вас радует в жизни?», и сопоставили ответы с их рисунками счастья. Самым многочисленным ответом стали положительные эмоции, связанные с семьей (23%). На втором месте — близкие, друзья, любимые (17%). И на третьем месте — «Любовь, счастье, позитивные эмоции (улыбка ребенка), все хорошее» — 10% (см. рис. 9, 10). Наши данные еще раз подтвердили результаты исследования Р. Уолдингера³, выявившего, что среди факторов, делающих человека счастливым, наиболее важны отношения с близкими, наличие друзей и семьи. Сопоставление полученных нами ответов с визуальными репрезентациями респондентов стало очередным подтверждением информативности использования проективных методов исследования.

Более глубокий качественный анализ полученных рисунков можно сделать, соотнеся тип рисунка «счастья» и результаты диагностирования индивидуальных ценностей по методике Ш. Шварца с индивидуально-типологическими особенностями личности респондента, выявленными по методике Л. Н. Собчик, направленной на диагностику самосознания, самооценки, самоконтроля личности. Ведущие тенденции (свойства личности, черты характера) определяют индивидуальный тип переживания, силу и направленность мотивации, стиль межличностного общения и познавательных процессов. Из всего комплекса вопросов методики нами были выбраны те параметры, которые позволяют определить локус контроля и уровень саморефлексии респондента. В иерархии ценностных ориентаций (Ш. Шварц) мы сфокусировали внимание на ценности «гедонизм». В начале статьи мы упоминали о самой распространенной типологии понимания счастья: гедонистическое (счастье как удовольствие) и эвдемонистическое (счастье как высшее благо). В результате была разработана типология респондентов, основанная на критерии их отношения к гедонизму. Данная характеристика, являясь, с одной стороны, личностной, обуславливает выбор индивидом стратегии поведения, реализуемого в обществе. В результате была получена типология на основе признака «гедонизм — аскетизм»: *гедонисты* (высоко ценят получение наслаждения и реализуют

³ Счастье: исследование длиною в жизнь // Моноклер. URL: <https://monocler.ru/schaste-issledovanie-dlinoyu-v-zhizn> (дата обращения: 15.02.2020).

этот принцип в своем поведении), *аскеты* (отвергают гедонизм как жизненную ценность и не стремятся к нему в своих поведенческих моделях), *провокаторы* (на словах стремятся к гедонизму, но в поведении не следуют ему), *конформисты* (вербально отвергают получение наслаждения как высшую ценность, но в деятельности стремятся вести гедонистический образ жизни) [Абрамова, Гончарова, Костюк, 2014]. У гедонистов в иерархии ценностных ориентаций одноименная ценность занимает лидирующее положение, также как и у провокаторов, для которых она важна. Но если у первых локус контроля экстернальный, то у вторых — интернальный. У аскетов на фоне высокого уровня рефлексии и интернального локуса контроля, наоборот ценность «гедонизм» занимает последнее место в иерархии. Конформисты, не ставя «гедонизм» в иерархии высоко, тем не менее обладают низким уровнем саморефлексии и экстернальным локусом контроля. В таблице мы представили две типологии в сопоставлении с типом рисунка: (1) по уровню гедонизма в иерархии (ценно — значимо — не значимо) и (2) по типу личности (см. табл. 7).

Таблица 7. Сопоставление типа рисунка с ценностью гедонизма и типом личности, %

Тип рисунка	Гедонизм*				Тип личности				
	1	2	3	Всего	Гедонисты	Аскеты	Провокаторы	Конформисты	Всего
Эмоции, ощущения	36	32	32	100	48	29	12	11	100
Реалистические	40	25	35	100	54	32	9	6	100
Символическое	46	26	28	100	61	18	16	4	100
Солнце, свет как благо	32	24	44	100	29	55	4	13	100
Вечность, Космос, Пейзажи. Природа	34	22	44	100	32	44	12	12	100
Развитие, цветение	40	21	39	100	43	41	8	8	100
Удача, высшие силы	51	29	20	100	76	19	0	5	100
Призрачность счастья	**	**	58	100	**	**	**	**	100
Доли групп в совокупности	37	29	34	100	47	33	10	10	100

* — 1 — «ценно»; 2 — «значимо»; 3 — «не значимо»;

** — малочисленные группы.

В результате было выявлено, что на проявление гедонистического отношения к жизни уровень саморефлексии индивида и его ориентация на экстернальный локус контроля оказывают существенное влияние. Так по типу рисунка «Удача, высшие силы» сама большая доля тех, для кого гедонизм представляет ценность (51%). Эта же взаимосвязь подтверждается и доминированием типа рисунка «Удача, высшие силы» (76%) у выделенного нами типа «гедонист». Отметим, что символический тип рисунка также больше представлен у тех, кто ценит гедонизм (46% в иерархии и 61% — тип личности). Аскеты ассоциируют счастье скорее с Солнцем и светом, природой и космосом. На третьем месте по частоте изображения у них — ассоциации счастья с образами развития и цветения. Провокаторы

счастье представляют чаще символически (16%), а конформисты апеллируют к Солнцу (13%), вечному покою и балансу (12%), ищут эмоционального комфорта (11%) (см. рис. 11).

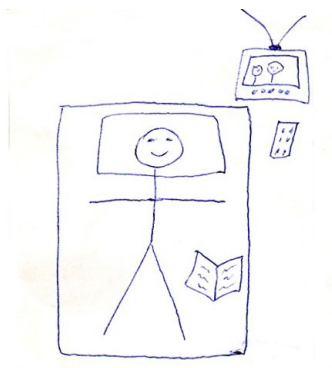

Рис. 11. «Счастье». Студент, 21 год

Результаты, полученные нами с использованием проективных методов совместно с психологическими методиками, не подтвердили предположение о преобладании в российском социуме гедонистической модели счастья, сделанное И. Б. Русаковой на основании вербальных исследований: «большинству респондентов присущ именно гедонистический принцип в восприятии счастья и несчастья, о чем свидетельствуют ассоциаты „благополучие семьи, здоровье, любовь, радость, легкость бытия, достаток“» [Русакова, 2007b: 61]. Данные исследования позволяют сделать вывод, что различия гедонистического (счастье как удовольствие) и эвдемонистического (счастье как высшее благо) типов понимания счастья могут быть обоснованы индивидуально-типологическими особенностями личности, среди которых доминирующее значение имеют: ориентация на удовлетворение своих потребностей или решение задач высокой общественной значимости, уровень саморефлексии, локус контроля.

Обсуждение и заключение

Изучение визуальных ассоциаций на тему «счастье» дает основания сделать вывод о влиянии социокультурных, индивидуально-типологических особенностей и ценностных ориентаций респондентов на восприятие и репрезентацию ими счастья.

Результаты исследования выявили связь между вербализованными и изображенными ассоциациями, а дополнение рисунков материалами по анкетированию и психологическому диагностированию расширило возможности интерпретации на основе применения феноменологического, социокультурного, лингвокультурного и лингвокогнитивного подходов. Использование принципа дополнительности позволило выявить, что полученная нами информация при помощи вербальных и проективных методов к пониманию субъективного восприятия концепта «счастье» не является взаимоисключающей. Как отмечает

В. И. Карасик, концепт вербализируется и становится частью семантического пространства языка, получая для своего выражения систему языковых знаков [Карасик, 2002]. В то же время концепт, получивший вербализацию, по мере погружения в культурное пространство приобретает как когнитивный элемент дополнительные вторичные признаки — образ и оценку.

Анализ данных позволил сделать заключение, что формирование ощущения счастья, скорее всего, предшествует его вербализации как концепта. Поэтому образ счастья, который может описать или изобразить респондент, является лишь посредником в коммуникации. Но для понимания факторов, обусловивших его формирование, важен анализ социокультурных условий, в которых социализировался индивид, а также индивидуально-типологических особенностей, предопределивших специфику восприятия им себя и своего места в мире.

Такое понимание логики формирования концепта поясняет многовариантность вербальных интерпретаций «счастья», которые на уровне обобщенного изображения приобретают более концентрированную форму, передающую главное содержание — ощущения и переживания респондента, что объясняет многочисленность изображений положительных эмоций (51 %).

Использование метода типологии позволило выявить, что гендерная специфика в восприятии и визуальных репрезентациях термина «счастье» проявляется в большем разнообразии изобразительных ассоциаций у женщин, а эмоциональность, реалистичность и ориентация на материализацию счастья в рисунках присуща мужчинам не в меньшей, а иногда в большей степени, чем женщинам.

Неожиданным оказалось то, что ассоциация счастья с тенденцией к развитию у женщин встречается чаще, чем у мужчин. Но перспективы этого развития в большей степени связаны для них с ценностью семьи (29 % и 17 %), что подчеркивает ее важность как определенного этапа личностного развития.

Этническая специфика проявилась в доминировании эмоционального восприятия счастья у коренных малочисленных народов Севера.

Результаты исследования подтвердили предположение, что большая часть индивидов в процессе репрезентации концепта «счастье» изображает рисунок, зависящий от жизненной ситуации, в которой находится индивид на момент опроса, а также от его детского опыта. Этот вывод подтверждается данными о существовании взаимосвязи между типом репрезентации и ожидаемой заработной платой, а также степенью адаптированности индивида.

Среди основных причин, делающих человека счастливым, на первом месте оказались эмоции, связанные с семьей, в частности с хорошими отношениями в семье. На втором месте — близкие, друзья, любимые. И на третьем месте — любовь.

Изучение ценностных ориентаций в сопоставлении с типами рисунков выявило, что различия гедонистического и эвдемонистического типов понимания счастья обусловлены индивидуально-типологическими особенностями личности, среди которых доминирующее значение имеют ориентация на удовлетворение своих потребностей или решение задач высокой общественной значимости, уровень саморефлексии, локус контроля. Изучение визуальных репрезентаций в совокупности с типологиями не подтвердило вывод о преобладании гедонистической модели счастья у респондентов.

Таким образом, можно утверждать, что интерпретация визуальных изображений позволила выявить гендерные, социокультурные, психологические и этнические особенности формирования концепта «счастье», а также дифференцировать социокультурные характеристики архетипа с обусловленными индивидуально-психологическими особенностями и ценностно-смысловыми ориентациями личности.

Список литературы (References)

- Абрамова М. А., Неустроев Н. Д. Гуманистические представления в культуре народов Якутии. М.: Academia, 2003.
- Abramova M. A., Neustroyev N. D. (2003) Humanistic Representations in the Culture of Folks of Yakutia. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Абрамова М. А. Мультикультурность как свойство картины мира современной молодежи Севера. Новосибирск: Нонпарель, 2008.
- Abramova M. A. (2008) Multiculturalism as a Characteristic of the View of the World of Contemporary Youth of the North. Novosibirsk: Nonparel. (In Russ.)
- Абрамова М. А. Общее и особенное в графических репрезентациях «картины мира» молодежью Арктики // Культура Арктики: коллективная монография / под ред. У. А. Винокуровой. Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. С. 200—210.
- Abramova M. A. (2014) General and Special in Graphic Representations of the «View of the World» of Youth of the Arctic. In: Vinokurova U. A. (ed.) *Culture of the Arctic*. Yakutsk: M. K. Ammosov North-Eastern Federal University Publishing House. P. 200—210. (In Russ.)
- Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск : Автограф, 2014.
- Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. (2014) Sociocultural Types of Youth: Ethnic and Regional Aspects. Novosibirsk: Avtograf. (In Russ.)
- Аргайл М. Психология счастья. СПб. : Питер, 2003.
- Argyle M. (2003) Psychology of Happiness. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М.: Издательство Московского государственного университета, 1980.
- Artemyeva E. Yu. (1980) Psychology of Subjective Semantics. Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ.)
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Arutyunova N. D. (1998) Language and the World of Human. Moscow: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.)
- Беллак Л. О проблемах концепции проекции // Проективная психология. М.: Эксмо-Пресс, Апрель-Пресс, 2002. С. 6—29.
- Bellak L. (2002) On the Problems of the Conception of Projection. In: *Projective Psychology*. Moscow: Eksmo-Press, April-Press. P. 6—29. (In Russ.)

Величковский Б. М., Блинникова И. В., Лапин Е. А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 103—112.

Velichkovsky B. M., Blinnikova I. V., Lapin E. A. (1986) Representation of Real and Imaginary Space. *Voprosy Psikhologii*. No. 3. P. 103—112. (In Russ.)

Гаврилова И. С. Аксиологический смысл концепта «счастье» в лингвокультуре : автореф. дис. ... канд. филос. культуры. Волгоград, 2003.

Gavrilova I. S. (2003) Axiological Meaning of the Concept «Happiness» in Linguoculture. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Philosophy of Culture. Volgograd. (In Russ.)

Гуссерль Э. Картезианские медитации. М. : Академический проект, 2010.

Husserl E. (2010) Cartesian Meditations. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russ.)

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х тт. М. : Астрель, 2001.

Dal V. I. (2001) Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Moscow: Astrel. (In Russ.)

Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М. : Когито-Центр, 2013.

Dzhidaryan I. A. (2013) Psychology of Happiness and Optimism. Moscow: Kogito-Center. (In Russ.)

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Кн. X. М. : Мысль, 1986.

Diogenes Laërtius (1986) On Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers. Vol. X. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Дионисий Ареопагит. О божественных именах // Дионисий Ареопагит. Сочинения. СПб. : Алетейя, 2002. С. 207—560.

Dionysius Areopagite. (2002) On the Divine Names. In: Dionysius Areopagite. *Works*. Saint Petersburg: Aleteya. P. 207—560. (In Russ.)

Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М. : АСТ, 2011.

Kahneman D. (2011) Thinking, Fast and Slow. Moscow: AST. (In Russ.)

Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб. : Речь, 2004.

Karandashev V. N. (2004) Schwartz's Methodology for the Study of Personal Values: Conception and Methodological Guide. Saint Petersburg: Rech. (In Russ.)

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.

Karasik V. I. (2002) Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Евразия, 1999.

Maslow A. (1999) Motivation and Personality. Saint Petersburg: Yevraziya. (In Russ.)

Московичи С. (1995) Методологические и теоретические проблемы психологии // Психологический журнал. Т. 16. № 2. С. 3—14.

Moskovichi S. (1995) Methodological and Theoretical Problems of Psychology. *Psychological Journal*. Vol. 16. No. 2. P. 3—14. (In Russ.)

Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб. : Питер, 2005.

Petrenko V. F. (2005) Fundamentals of Psychosemantics. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Порус В. Н. Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 93—111.

Porus V. N. (1997) Epistemology: Some Trends. *Problems of Philosophy*. No. 2. P. 93—111. (In Russ.)

Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М. : Лабиринт, 2000.

Potebnya A. A. (2000) Symbol and Myth in Popular Culture. Moscow: Labirint. (In Russ.)

Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. : Прогресс, 1994.

Rogers C. R. (1994) On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy. Moscow: Progress. (In Russ.)

Русакова И. Б. Концепты «счастье» — «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц : автореф. дис. ... канд. филол. М., 2007а.

Rusakova I. B. (2007a) Concepts of «Happiness» — «Unhappiness» in the Linguistic and Cultural Content of Russian Proverbs. Extended Abstract of PhD dissertation in Philology. Moscow. (In Russ.)

Русакова И. Б. Концепты «счастье» — «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц : дис. ...канд. филол. н. М., 2007б.

Rusakova I. B. (2007b) Concepts of «Happiness» — «Unhappiness» in the Linguistic and Cultural Content of Russian Proverbs. PhD Dissertation in Philology. Moscow. (In Russ.)

Севостьянов Д. А. Человек рисующий. Отображение иерархических и инверсивных отношений в графической деятельности. М. : ИНФРА-М, 2018.

Sevostyanov D. A. (2018) Homo Drawing. Representation of Hierarchical and Inverse Relationships in Graphical Activity. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)

Селигман М. На пути к процветанию. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010.

Seligman M. (2010) On the Road to Prosperity. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)

Собчик Л. Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. Практическое руководство. СПб. : Речь, 2003.

Sobchik L. N. (2003) Diagnostics of Individual and Typological Characteristics and Interpersonal Relations. A Practical Guide. Saint Petersburg: Rech. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права, и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб. : РХГИ, 2000.

Sorokin P. A. (2000) Social & Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. (In Russ.)

- Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981.
Tatarkevich V. (1981) On the Happiness and Perfection of Man. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 19. Дневники 1847—1894 гг. М.: Художественная литература, 1965.
Tolstoy L. N. (1965) Collection of Works. Vol. 19. Diaries, 1847—1894. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)
- Урбанович Г. И. Генетическая характеристика лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» в русском языке : автореф. дис. ... канд. фил. н. М., 2007.
Urbanovich G. I. (2007) Genetic Characteristics of Lexical and Semantic Field «Fate, Happiness, Luck» in the Russian Language. Abstract of the PhD Dissertation in Philology. Moscow. (In Russ.)
- Франкл В. Воля к смыслу. М.: Апрель-Пресс : Эксмо-Пресс, 2000.
Frankl V. (2000) The Will to Meaning. Moscow: Aprel-Press: Eksmo-Press. (In Russ.)
- Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.
Foucault M. (1977) The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир, или Изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях. Раздел пятый: Об общем равновесии страстей // Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 286—362.
Fourier Ch. (1939) New Industrial and Social World, or the Invention of the Method of Attractive and Natural Industry Organized by Series Built on the Passions. Part Five: On the General Balance of Passions. In: Fourier Ch. *Collection of Works. Vol. 2.* Moscow: State Social and Economic Publishing House. P. 286—362. (In Russ.)
- Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
Chiksentmikhayi M. (2011) Flow: The Psychology of Optimal Experience. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Пособия для студентов педагогических вузов. М.: Просвещение, 1964.
Shansky N. M. (1964) Lexicology of the Modern Russian Language. Manuals for Students of Pedagogical Universities. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)
- Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
Jung K. G. (1991) Archetype and Symbol. Moscow: Rennassans. (In Russ.)
- DeFleur M.L., Ball-Rokeach S. (1989) Theories of Mass Communication. White Plains, NY: Longman.
- DeFleur M.L., Kearney P., Plax T.G. (1997) Fundamentals of Human Communication. Mountain View, CA: Mayfield Publishing.

Diener E., Tay L., Oishi S. (2013) Rising Income and the Subjective Well-Being of Nations. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 104. No. 2. P. 267—276. <https://doi.org/10.1037/a0030487>.

Diener E., Helliwell J. F., Kahneman D. (eds.) (2010) International Differences in Well-Being. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199732739.001.0001>.

Kahneman D., Krueger A. B., Schkade D., Schwarz N., Stone A. A. (2006) Would You be Happier if You Were Richer? A Focusing Illusion. *Science*. Vol. 312. No. 5782. P. 1908—1910. <https://doi.org/10.1126/science.1129688>.

Schwartz S. H., Sagiv L. (1995) Identifying Culture-Specifics in the Content and Structure of Values. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 26. No. 1. P. 92—116. <https://doi.org/10.1177%2F0022022195261007>.

Schwartz S. H. (1992) Universal in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. P. 1—65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6).

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.05

Правильная ссылка на статью:

Щекотин Е. В., Мягков М. Г., Гойко В. Л., Кашпур В. В., Коварж Г. Ю. Субъективная оценка (не) благополучия населения регионов РФ на основе данных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 78—116. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.05>.

For citation:

Shchekotin E. V., Myagkov M. G., Goiko V. L., Kashpur V. V., Kovarzh G. Yu. (2020) Subjective Measurement of Population Ill-Being/Well-Being in the Russian Regions Based on Social Media Data. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 78—116. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.05>.

Е. В. Щекотин, М. Г. Мягков, В. Л. Гойко, В. В. Кашпур, Г. Ю. Коварж СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА (НЕ)БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РФ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА (НЕ)БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РФ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

SUBJECTIVE MEASUREMENT OF POPULATION ILL-BEING/WELL-BEING IN THE RUSSIAN REGIONS BASED ON SOCIAL MEDIA DATA

ЩЕКОТИН Евгений Викторович — кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Лаборатории наук о больших данных и проблемах общества, Томский государственный университет, Томск, Россия; доцент кафедры социологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия
E-MAIL: evgvik1978@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7377-0645>

Eugeny V. SHCHEKOTIN^{1,2} — Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Research Fellow, Laboratory of Big Data in Social Sciences; Associate Professor, Department of Sociology
E-MAIL: evgvik1978@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7377-0645>

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russia

² Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

МЯГКОВ Михаил Георгиевич — PhD, научный руководитель Лаборатории наук о больших данных и проблемах общества, научный руководитель Лаборатории экспериментальных методов в общественных и когнитивных науках, Томский государственный университет, Томск, Россия; ведущий научный сотрудник Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; профессор Института когнитивных и политических наук, профессор факультета политологии, Университет Орегона, Юджин, США
E-MAIL: myagkov@skoltech.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8419-6404>

ГОЙКО Вячеслав Леонидович — заведующий Лабораторией наук о больших данных и проблемах общества, Томский государственный университет, Томск, Россия
E-MAIL: goiko@ftf.tsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5985-3724>

КАШПУР Виталий Викторович — кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой социологии, научный сотрудник Лаборатории наук о больших данных и проблемах общества, Томский государственный университет, Томск, Россия
E-MAIL: vitkashpur@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8113-290X>

КОВАРЖ Галина Юрьевна — аналитик Лаборатории наук о больших данных и проблемах общества, Томский государственный университет, Томск, Россия
E-MAIL: kovarzhgalina@data.tsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5302-8862>

Mikhail G. MYAGKOV^{1,3,4} — PhD in Social Sciences, Head of Research at the Laboratory of Big Data in Social Sciences; Head of Research Laboratory of Experimental Methods in Cognitive and Social Sciences; Leading Researcher at the Institute of Education; Professor at the Institute of Cognitive and Decision Sciences; Professor at the Department of Political Science
E-MAIL: myagkov@skoltech.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8419-6404>

Vyacheslav L. GOIKO¹ — Head of the Laboratory of Big Data in Social Sciences
E-MAIL: goiko@ftf.tsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5985-3724>

Vitaliy V. KASHPUR¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of Department of Sociology; Research Fellow at the Laboratory of Big Data in Social Sciences
E-MAIL: vitkashpur@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8113-290X>

Galina Yu. KOVARZH¹ — Analyst at the Laboratory of Big Data in Social Sciences
E-MAIL: kovarzhgalina@data.tsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5302-8862>

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russia

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

⁴ University of Oregon, Eugene, USA

Аннотация. В статье обосновывается новый метод субъективной оценки благополучия, основанный на анализе онлайн-активности пользователей в социальных сетях. Предлагаемый метод обладает как преимуществами (быстрота исследования, небольшие затраты, масштабность, детальность полученной информации), так и определенными ограничениями (охват «цифрового населения», технические сложности при исследовании густонаселенных мегаполисов и т. д.). В статье представлены результаты эмпирического исследования онлайн-активности пользователей социальной сети «ВКонтакте». На основе полученных данных рассчитан индекс субъективного (не)благополучия для 43 регионов РФ по 19 показателям, охватывающих экономические, социальные и политические аспекты качества жизни людей. Индекс субъективного (не)благополучия строится на изучении онлайн-активности пользователей, входящих в 1350 наиболее популярных региональных и городских сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Период исследования включает в себя весь 2018 год.

Ключевые слова: качество жизни, онлайн-активность, социальные сети, индекс благополучия, субъективное благополучие

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке «Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета» (грант № 8.1.59.2018).

Abstract. The article substantiates a new method of subjective assessment of well-being based on the data of user online activity in social media. The method has its advantages (quick research, low costs, large scale, detailed information) as well as certain shortcomings (covering only “digital” population, technical difficulties studying densely populated megacities, etc.). The article presents the results of an empirical study on user activity in Vkontakte social network. Subjective well-being index is calculated for 43 Russian regions across 19 indicators embracing economic, political and social aspects of quality of life. Index is based on the analysis on user online activity in 1,350 most popular Vkontakte regional and urban communities. The study was carried out in 2018, throughout the entire year.

Keywords: quality of life, online activity, social networks, well-being index, subjective well-being

Acknowledgments. The study was supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program (grant no. 8.1.59.2018).

Введение

Научные исследования благополучия неразрывно связаны с проблемой его измерения и оценки. В целом сложившиеся на сегодняшний день теории благополучия подразделяются на две большие группы в зависимости от параметров измерения: объективные подходы и субъективные подходы [Нугаев, Нугаев, 2003]. Объективные подходы используют различные наборы статистических данных, субъективные — измеряют благополучие на основе самоотчетов, суждений людей о своей жизни, которые собираются посредством анкетирования или психологических и социологических экспериментов. В данном исследовании под субъективным благополучием мы будем понимать именно субъективную оценку индивидом собственного благополучия.

Развитие информационно-коммуникационных технологий открывает новые возможности для изучения субъективного благополучия. Так, социальные медиа стали одним из основных источников данных о настроениях, переживаниях и поведении людей. Социальные медиа как источник информации обладают как достоинствами, так и недостатками в сравнении с опросными методами¹. По нашему мнению, количественный анализ поведения людей в социальных сетях позволяет получить достаточно полную информацию об их эмоциях и переживаниях, а также оценить субъективное благополучие. В данной статье мы предлагаем метод, в основе которого лежит использование данных об онлайн-активности пользователей в социальных сетях, для изучения субъективного благополучия населения регионов РФ. Достижение поставленной цели предполагает ответы на следующие вопросы.

1) Могут ли данные об онлайн-активности в социальных сетях использоваться для измерения субъективного благополучия?

2) Какие аспекты (компоненты) субъективного благополучия можно оценить, исследуя социальные сети?

3) Как можно оценить субъективное благополучие населения, изучая различные формы активности в социальных сетях?

Для ответа на первый вопрос мы проанализируем научные исследования, в которых предпринимались попытки измерить субъективное благополучие на материале социальных сетей. В целом мы разделяем тезис Ван Дейка [van Dijk, 2006] о том, что социальные медиа воспроизводят те же процессы и явления, которые имеют место в офлайне, только существенно их интенсифицируют и ускоряют. Поэтому, изучая социальные медиа, мы можем получить достаточно точное представление об оценке людьми условий своей жизни. Для ответа на второй вопрос мы разработали модель субъективного благополучия, которая включает 19 параметров, охватывающих различные аспекты социальной, экономической и политической жизни населения. Чтобы решить третью задачу мы разработали агрегированный показатель — индекс благополучия. Данный показатель основан на анализе суждений людей, которые они высказывают в наиболее популярных региональных сообществах, а также содержит данные об онлайн-активности пользователей в этих сообществах. Замечено, что пользователи социальных медиа

¹ Подробнее эта проблема обсуждается в работе [Sánchez, Craglia, Bregt, 2017].

склонны активнее реагировать на сообщения негативной тональности [Liebrecht, Hustinx, van Mulken, 2019; Stafford, 2014; Trussler, Soroka, 2014]. Полученные нами результаты имеют тенденцию показывать скорее субъективную оценку «неблагополучия». Поэтому мы решили переименовать наш показатель в «индекс субъективного неблагополучия».

Проблема определения и оценки субъективного благополучия

Интерес к тем или иным аспектам субъективного благополучия как предмету научных исследований возник еще в 1920—1930-е гг. [Angner, 2011], однако особенно интенсивно эта тема стала развиваться в 1960—1970-е гг., причем одновременно в рамках нескольких дисциплин. В психологии становление исследований субъективного благополучия связано с работой У. Уилсона 1967 г. [Wilson, 1967]. В социологии тема субъективного благополучия (субъективные индикаторы качества жизни) получила развитие в 1970-е гг. [Campbell, Converse, Rodgers, 1976; Andrews, Withey, 1976]. В этот же период понятие «субъективное благополучие» появилось в медицине (например, в геронтологии [Larson, 1978]). Несколько позже, в 1990-е — 2000-е гг., к этой теме обратились экономисты (концепция «экономики счастья») [Layard, 2005]. Вследствие сложности самого феномена субъективного благополучия и его мультидисциплинарного положения количество подходов и определений данного понятия в научной литературе представляется громадным².

Если принять во внимание, что в обращении с терминами «благополучие», «качество жизни», «жизненный стандарт», «удовлетворенность жизнью», «процветание», «развитие», «бедность», «счастье» и т. п. нередко наблюдается определенная вольность и эти понятия часто рассматриваются как взаимозаменяемые [McGillivray, Clarke, 2006], то это еще больше усложняет и запутывает ситуацию с определением субъективного благополучия. Периодически предпринимаемые попытки провести демаркационную линию между набором понятий, посредством которых оценивается жизнь людей (таких как «качество жизни», «счастье», «благополучие») [Veenhoven, 2001; Raibley, 2012], или показать концептуальную синонимичность некоторых из них (например, «субъективного благополучия» и «субъективного качества жизни») [Camfield, Skevington, 2008; Proctor, 2014] пока не привели к устойчивому консенсусу. В целом можно отметить, что в научной литературе заметна тенденция, когда понятие «субъективное благополучие» используется как субститут понятия «счастье» [Eid, Larsen, 2008]. Другое близкое по смыслу понятие — «субъективное качество жизни» — исследователи скорее склонны дифференцировать от понятия «субъективное благополучие» [Алмакаева, 2006; Подузов, Языкова, 2017] или рассматривать субъективное благополучие как компонент субъективного качества жизни [Sóris, Petó, 2015; Рябов, 2016]. Следует заметить, что понятие субъективного качества жизни все активнее используется в медицине, то есть в исследованиях, направленных непосредственно на изучение вопросов физического здоровья человека [Lam, 2010].

² Например, С. Элкайр [Alkire, 2002] проанализировала 39 определений благополучия из разных дисциплин, а Р. Шалок [Schalock, 2000], обобщая развитие концепта «качество жизни», который включает в себя субъективное благополучие за три десятилетия, насчитал более 100 определений.

Существует несколько теоретико-методологических подходов к изучению благополучия, различающихся своими фундаментальными основаниями: гедонизм, перфекционизм, теория удовлетворения желаний, теория объективного списка, эвдемонизм и т. д. [Taylor, 2015; Fletcher, 2016ab]. Тема субъективного благополучия находится в центре внимания двух из них — гедонизма и эвдемонизма. Гедонистический подход связывает благополучие с переживанием положительных эмоций, получением удовольствия и удовлетворением желаний. В современных исследованиях субъективного благополучия распространение этого подхода связано с именем американского психолога Э. Динера, определяющего субъективное благополучие как «когнитивные и аффективные оценки его или ее жизни. Эти оценки включают эмоциональные реакции на события, также как когнитивные суждения об удовлетворенности» [Diener, Lucas, Oishi, 2002: 66]. Динер выделяет следующие основные компоненты субъективного благополучия: положительные и негативные эмоции, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность отдельными доменами жизни (работа, семья и т. д.), а основной его метод исследования — самоотчеты людей, позволяющие измерить их уровень счастья [Diener et al., 1999].

Эвдемонистический подход получил распространение несколько позже и опирается на представление о том, что субъективное благополучие достигается посредством личностного роста и «осмысленности» жизни. Так, К. Рифф выделяет такие компоненты субъективного благополучия, как автономия, самопринятие, позитивные отношения с другими, цель в жизни, личностный рост, мастерство [Ryff, 1989]. Список параметров, способствующих достижению счастья, в дальнейшем расширился. В него стали включать такие понятия, как компетентность, самореализация, осознанность, подлинность, ценности конгруэнтности и социальной связанности и т. д. Как подчеркивают Л. У. Хендерсон и Т. Найт, эвдемонистический подход более сложен и расплывчат по сравнению с гедонистическим [Henderson, Knight, 2012].

В последние 10—15 лет возникли попытки объединить оба подхода и создать универсальный подход в исследованиях субъективного благополучия. Наиболее известной такой попыткой стала концепция «процветания» М. Селигмана. Селигман интерпретирует благополучие как совокупность гедонистических и эвдемонистических факторов — позитивных эмоций, вовлеченности в деятельность, позитивных отношений с другими, осмысленности и достижений [Seligman, 2011]. Также отдельно хотелось бы упомянуть направление исследований, связанное с выявлением генетических и персональных предрасположенностей субъективного благополучия [Diener, Lucas, Oishi, 2002].

В данной статье мы будем придерживаться следующего определения, которое в целом повторяет основные тезисы гедонистического подхода: «субъективное благополучие — это личное восприятие и переживание положительных и отрицательных эмоциональных реакций, а также глобальные и конкретные когнитивные оценки удовлетворенности жизнью» [Proctor, 2014: 6437]. Соответственно, количественным показателем субъективного благополучия служит баланс положительных и негативных оценок, который человек дает различным аспектам своей жизни.

Исследование благополучия и социальные медиа

Можно весьма условно выделить три направления исследований, которые находятся на стыке исследований социальных сетей и благополучия. Первое направление связано с применением информационных технологий для изучения благополучия. В качестве примера таких исследований можно привести использование технологии автоматического распознавания эмоций человека на групповых изображениях в социальных медиа для определения интенсивности «счастья» [Dhall, Goecke, Gedeon, 2015]. Второе направление связано с изучением влияния социальных медиа на различные аспекты благополучия [Verduyn et al., 2017; Sabatini, Sarracino, 2017]. В этом случае социальные медиа рассматриваются как существенный фактор, который может негативно или позитивно воздействовать на такие параметры благополучия человека, как социальный капитал [Burke, Marlow, Lento, 2010], удовлетворенность браком [Valenzuela, Halpern, Katz, 2014], депрессии [Appel, Gerlach, Crusius, 2016; McCloskey et al., 2015], одиночество [Song et al., 2014], социальная поддержка [Lee, Noh, Koo, 2013] и т. д. При этом в некоторых исследованиях отмечается двойственное воздействие социальных сетей на субъективное благополучие пользователей: они могут в одном случае снижать его, в другом случае — способствовать его повышению [Clark, Algoe, Green, 2018].

Наконец, в рамках третьего направления исследований социальные сети рассматриваются как самодостаточный источник данных для оценки благополучия. Учитывая ту роль, которую социальные сети стали играть в последние десятилетия в повседневной жизни людей, эти попытки представляются очень плодотворными. Так, в работе [Hao et al., 2014] применяется технология машинного обучения для предсказания субъективного благополучия пользователей социальных медиа. Авторы использовали данные из социальной сети Sina Weibo 1785 волонтеров для обучения алгоритма, предварительно попросив их заполнить опросники для оценки позитивных и негативных аффектов (PANAS) и оценки психологического благополучия (PWBS). В итоге получена достаточно значимая корреляция между предсказаниями алгоритма и результатами опроса: по некоторым показателям субъективного благополучия коэффициент корреляции равен 0,4—0,6. Схожую работу, но на материалах Facebook, проделали Э. Шварц и соавторы [Schwartz et al., 2016]. Используя модели субъективного благополучия (удовлетворения жизнью) и PERMA М. Селигмана, они оценили субъективное благополучие по данным обновлений статусов пользователей и сообщений на стене в Facebook. В этом исследовании показано, какие темы и слова, употребляемые пользователями, соотносятся с различными компонентами указанных моделей благополучия. Например, использование слов «друзья», «семья», «чудесный» указывает на положительную оценку благополучия, в то время как брань — на негативную. На основании данных Twitter Э. Шварц и соавторы дали оценку субъективного благополучия в 1293 округах США [Schwartz et al., 2013]. Авторы утверждают, что используемая ими модель LDA анализа твитов позволяет предсказывать уровень удовлетворенности жизнью с не меньшей точностью, чем обычные опросы. Они выделили несколько тем, которые ассоциируются с положительным субъективным благополучием (например, темы

физической активности, поддержки и пожертвований и т. д.), однако вариаций негативных тем значительно меньше. Л. Чен и соавторы [Chen et al., 2017] проанализировали тональность текста в обновлениях статусов на страницах пользователей Facebook для предсказания субъективного благополучия пользователей. Сравнивая данные, полученные с помощью алгоритма машинного обучения, и данные по результатам самоотчетов, авторы обнаружили значимую корреляцию этих результатов. К. Ву и соавторы [Wu et al., 2015] использовали данные социальной сети Sina Weibo для построения City Happiness Index на основе высказываний пользователей о жизни в различных городах. Н. Ванг и соавторы [Wang et al., 2014] в течение года изучали профили пользователей Facebook и оценивали уровень их благополучия по шкале удовлетворенности жизнью Динера, сравнивая полученные данные с индексом Facebook's Gross National Happiness, который калькулируется на основе анализа количества позитивных и негативных слов, используемых в обновлениях статусов пользователей. В данном исследовании авторы поставили под сомнение возможность применения лингвистического анализа интернет-сообщений для изучения психологического состояния пользователей. В статье [Yang, Srinivasan, 2016] удовлетворенность жизнью людей изучается на материале Twitter. Авторы анализируют слова и выражения, используемые в твитах, и приходят к выводу, что полученные результаты не противоречат установленным в социальных науках закономерностям удовлетворенностью жизнью. Сюда же можно отнести исследования «географии счастья», например, связи между эмоциями и мобильностью [Mitchell et al., 2013]. Изучается корреляция между выражением эмоций в реальном времени, которые пользователи указывают в твитах, и различными — эмоциональными, географическими, демографическими и т. п. — факторами уровня счастья, полученными в ходе национальных опросов. Калькулируя количество слов, имеющих отношение к счастью и состоянию удовлетворенности, авторы приходят к выводу, что самый «счастливый» штат — это Гавайи, а самый «грустный» — Луизиана.

В целом можно заключить, что исследования субъективного благополучия на основе данных социальных сетей активно развиваются, и полученные результаты позволяют рассматривать этот метод как достаточно надежный. Точность измерения субъективного благополучия с помощью данного метода будет повышаться по мере совершенствования алгоритмов машинного обучения, однако уже сегодня эти методы имеют перспективы широкого практического применения. В сравнении с «традиционными» опросными методами изучения субъективного благополучия обсуждаемые подходы дают возможность собирать информацию быстрее и дешевле, также эта информация более подробная и всесторонняя. В то же время они позволяют охватить только активных пользователей социальных медиа, оставляя за рамками исследования остальную часть населения.

Методология исследования

Методология нашего исследования включала последовательную реализацию нескольких этапов:

- 1) разработка модели субъективного благополучия;
- 2) выбор сообществ в социальной сети «ВКонтакте»;

- 3) классификация сообщений и постов в сообществах;
- 4) автоматический анализ контента в отобранных сообществах;
- 5) построение индекса субъективного благополучия для различных регионов России.

Модель субъективного благополучия

Как мы отмечали выше, существует огромное количество подходов и моделей оценки благополучия и качества жизни, которые могут совпадать в каких-то элементах. Так, Т. В. Гаврилова выделяет 17 наиболее часто используемых в научной литературе показателей качества жизни [Гаврилова, 2004]:

1. уровень жизни,
2. уровень развития социальной инфраструктуры,
3. экологическое состояние окружающей среды,
4. состояние здоровья,
5. личная безопасность,
6. уровень образования,
7. занятость,
8. качество трудовой жизни,
9. качество жилья,
10. качество досуга и отдыха,
11. демографическая ситуация,
12. социальная уверенность (социальные выплаты, предпочтения различного рода),
13. семья,
14. социальные связи,
15. неравенство,
16. финансово-экономическое состояние территории,
17. природно-климатические условия.

Часть показателей из этого списка мы отобрали для нашей модели, другую часть сочли нецелесообразной для включения в наше исследование в связи со спецификой изучаемых нами сообществ. Например, субъективная оценка семейной жизни вряд ли будет обсуждаться в региональных сообществах. Также мы включили такие показатели, как эмоциональное самочувствие (психологическое субъективное благополучие) и оценка населением политических процессов: с одной стороны, политическая свобода является важным индикатором благополучия [Veenhoven, 1996], с другой — в современной российской действительности органы власти напрямую влияют на объективные параметры благополучия. Поэтому субъективная оценка политических решений тоже является важным показателем благополучия общества. В таблице 1 представлены показатели субъективного благополучия, которые мы использовали в данном исследовании.

Таблица 1. Показатели субъективного благополучия

Сферы	Категории	Индикаторы/Темы
Социальная сфера	Образование	Дошкольное Среднее Среднее профессиональное Высшее Дополнительное
	ЖКХ	Оказание услуг ЖКХ населению Управление (бюрократия, работа сотрудников, качество обслуживания, отношение к населению, тарифы)
	Здравоохранение	Обслуживание (условия, техническое обеспечение, бюрократия, время ожидания) Качество лечения Работа с отдельными группами населения (пенсионеры, дети, инвалиды, беременные)
	Инфраструктура	Дороги (качество) Топливо Доступность (между населенными пунктами, до домов и т. д.) Загруженность дорог Уборка снег Ливневые системы Доступность жилья и т. д.
	Безопасность (обстановка в городе)	Работа служб (Полиция, МЧС, ГИБДД (ДПС), Росгвардия) Обстановка (уголовные преступления, мошенничество, воровство, административные правонарушения)
	Экология	Вырубка лесов Разрушение озонового слоя Сокращение биоразнообразия Загрязнение воды, воздуха Перенаселение Деградация земель Отходы жизнедеятельности человека Влияние экономической и политической деятельности на экологическую ситуацию Последствия человеческого влияние на экологию Меры предотвращения экологических катастроф и т. д.
	Отношения между людьми	Доброжелательность/недоброжелательность прохожих, соседей, коллег, случайных людей (попутчики, пассажиры и т. д.)
Общее эмоциональное состояние	Выражение чувств (счастлив/несчастлив, доволен/недоволен, раздражен/воодушевлен, печален/рад и т. д.)	

Сферы	Категории	Индикаторы/Темы
Экономическая сфера	<i>Работа</i>	Уровень безработицы Зарплата Условия труда Официально/неофициальное трудоустройство Полная/неполная ставка
	<i>Товары</i>	Цены и влияние инфляции Конкуренция между производителями
	<i>Налоги</i>	Бюрократия Уровень налоговой ставки Налоговая нагрузка населения Распределение собранных налогов
	<i>Кредитование и предпринимательство</i>	Кредиты и ипотека Предпринимательство (барьеры, бюрократия и т. д.)
	<i>Социальная поддержка от государства</i>	Субсидии Пенсии Льготы Пенсионный возраст
Политическая сфера	<i>Свобода СМИ</i>	Цензура/свобода слова Достоверность информации Объективность и т. д.
	<i>Протестный потенциал (недовольство населения)</i>	Политический протест (протест, обращенный к представителям власти) Социальный протест (протест, направленный против социального неравенства, проблем, существующих в обществе) Культурный протест (протест, вызванный каким-либо событием в культурной жизни и повлекший возмущение населения)
	<i>Свобода выборов</i>	Честность выборов Давление на избирателей Прозрачность Вбросы Явка Конкуренция на выборах
	<i>Отношение к власти</i>	Отношение населения к отдельным персонам (президенту, премьер-министру, депутатам, губернаторам, мэрам, членам администрации) и их деятельности
	<i>Политические решения</i>	Оценка проблемы в регионе Управленческие и кадровые решения властей Законодательство (новые законы и изменения старых) Нарушения прав граждан Отношение к населению Бюджет (формирование и распределение) Оценка населением принятых решений
	<i>Внутренняя политика</i>	Оценка функций, возложенных на региональные власти: — способность организовывать хозяйственно-экономическую жизнь в регионе; — способность поддерживать в регионе и в стране стабильность; — соблюдение социальной справедливости при распределении благ; — безопасное использование ресурсов страны; — поддержание законности и порядка

Выбор сообществ в социальной сети «ВКонтакте»

Прежде чем перейти к отбору сообществ, мы выбрали регионы проведения измерения. Для обеспечения репрезентативности результатов исследования мы отобрали 43 региона из 85 (50,6%). При формировании выборки мы руководствовались следующими критериями.

1. Географическая репрезентативность. Регионы представлены равномерно на всей территории РФ — все федеральные округа, все климатические и культурно-исторические зоны.

2. Социально-экономическая репрезентативность. Согласно типологии «четырёх России» Н. В. Зубаревич [Zubarevich, 2013], все населенные пункты можно разделить на четыре типа по уровню социально-экономического развития:

1) крупные города — Москва и города-миллионники, города с населением свыше 500 тыс. человек;

2) средние по размеру индустриальные города с населением от 20 до 250—300 тыс. человек;

3) «периферия» — деревни, сёла и небольшие города;

4) республики Северного Кавказа и Юга Сибири.

Соответственно, уровень социально-экономического развития наибольший в регионах первого типа, наихудший — в регионах четвертого типа. Мы составили выборку таким образом, чтобы были равномерно представлены регионы всех четырех типов.

Из выборки были исключены Москва и Санкт-Петербург. Это обусловлено целым рядом причин. Прежде всего, в Москве и Санкт-Петербурге большей популярностью, чем в других регионах, пользуются другие социальные сети — Facebook, Twitter и т. д. Так, отчет компании Brand Analytics показывает, что за октябрь 2018 г. Во «ВКонтакте» было опубликовано около 1,1 млрд сообщений, в то время как в Facebook — только 122 млн число авторов составило за этот же период 36,45 млн и 2,25 млн соответственно. Из 2,25 млн авторов Facebook за октябрь 2018 г. 1,1 млн проживают в Москве³. Это 49% от всех авторов Facebook за месяц. За этот же период количество авторов в Twitter составило 818 тыс., сообщений — 59,6 млн. Согласно данным компании Mediascope, в ноябре 2019 г. ежедневная аудитория «ВКонтакте» (количество пользователей, которые хотя бы один раз в день заходили в социальную сеть в течение месяца) составила 39,3 млн пользователей во всех населенных пунктах России, то есть суммарно городское и сельское население. В Москве дневная аудитория «ВКонтакте» — 3,8 млн пользователей. Доля активных пользователей этой сети в Москве составляет 9,7% от общего количества активных пользователей в России. Для Facebook соответствующий показатель для всех типов населенных пунктов равняется 9,6 млн для Москвы 2,1 млн что составляет 21,9%⁴.

В этом случае сравнимость результатов между регионами будет вызывать сомнение: возрастает риск искажения результатов, так как мы используем только данные «ВКонтакте». В таблице 2 Приложения представлены сравнительные данные о популярности разных социальных сетей в разных регионах РФ. Помимо

³ Социальные сети в России: Цифры и тренды, осень 2018 // Brand Analytics. 2018. Декабрь. URL: <https://br-analytics.ru/blog/wp-content/uploads/2018/12/Sotsseti-Rossiya-osen-2018.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

⁴ WEB-Index // Mediascope. URL: <https://webindex.mediascope.net/research> (дата обращения: 10.02.2020).

этого, как будет показано ниже, в каждом регионе мы выбрали три крупнейших населенных пункта, и в каждом из них — по десять крупнейших городских сообществ. Для Москвы и Санкт-Петербурга выбор только десяти городских сообществ, как нам представляется, не позволит получить достаточно репрезентативный объем данных. В этом случае нам необходимо было бы увеличить количество сообществ в Москве и Санкт-Петербурге, что негативно повлияло бы на сопоставимость результатов. Еще одна причина исключения из выборки крупнейших российские мегаполисы — большой объем трафика, который создают их жители. В связи с техническими ограничениями обработка большого объема данных может занять значительный период времени.

Итак, в каждом из 43 регионов мы определили три самых крупных города и отбирали по десять сообществ в социальной сети «ВКонтакте», которые объединяют жителей этих городов, — так называемые городские сообщества. При этом мы проводили фильтрацию сообществ по ряду критериев:

1. содержат в себе информационные посты о социальной, экономической и политической сфере;
2. публикуются сообщения подписчиков, содержащие информацию о социальной, экономической и политической сфере;
3. часть публикуемых в сообществе постов содержат в себе эмоциональную оценку (позитивную или негативную) событий и новостей.

В сообществах также могут публиковаться посты нейтральной тональности (не содержащие в явном виде эмоциональную оценку). Для построения индекса мы использовали только посты с эмоциональной окраской.

Также в процессе отбора исключались следующие сообщества:

1. интернет-магазины и прочие коммерческие группы;
2. группы, содержащие в себе информацию о спортивных и культурных событиях, персонах;
3. сообщества публичных заведений (ресторанов, клубов, кинотеатров и т. д.);
4. группы доставки еды;
5. сообщества о здоровье, питании, диетах, фитнесе и т. д.;
6. группы по обмену вещами и передачи их даром;
7. сообщества с историями, рассказами и вопросами людей;
8. группы с публикациями предложений знакомства;
9. сообщества, в которых размещаются предложения работы.

Также в некоторых регионах (Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Татарстан) мы включали в выборку по десять общерегиональных групп, не привязанных к конкретному городу. Это вызвано тем, что в этих регионах значительная часть населения проживает не только в трех крупнейших населенных пунктах, поэтому для повышения репрезентативности мы включили также группы, охватывающие весь регион. В Адыгее исследовались только два города, так как в других городах не удалось идентифицировать городские сообщества. Поиск сообществ осуществлялся вручную, отбирались наиболее многочисленные сообщества из числа соответствующих приведенным выше критериям. Таким образом был сформирован кластер из 1350 сообществ. Перечень регионов и населенных пунктов представлен в таблице 1 Приложения.

Классификация сообщений и постов в сообществах

На следующем этапе исследования с помощью платформы по сбору и анализу данных социальных медиа Университетского консорциума исследователей больших данных (www.opendata.university), разработанной командой Лаборатории наук о больших данных и проблемах общества Томского государственного университета, мы выгрузили материалы, содержащиеся в этих сообществах, за период с 1 января по 31 декабря 2018 г. Затем необходимо было очистить выгруженный массив сообщений от «мусора». Это посты рекламного характера, а также затрагивающие темы, выходящие за рамки данного исследования (содержащие информацию о вакансиях; спортивных и культурно-массовых мероприятиях; обмене и бесплатной передаче товаров; конкурсах и акциях; рецептах, доставках и питании; астрологических прогнозах; продаже вещей; предложениях знакомства романтического и эротического характера; обсуждения личной жизни участников сообщества и т. п.). Очистка от «мусорных» постов проводилась в два этапа: (1) ручная очистка около 60 тысяч сообщений; (2) автоматическая очистка, алгоритм которой был обучен на основе очищенных вручную сообщений. Мы оставили только сообщения длиной более 20 слов, а также удалили все повторы. Общее количество постов, оставшихся после очистки, составило примерно 1 700 000. В процессе очистки проводилась разметка постов вручную по тематикам (согласно табл. 1) и по тональности (положительная, негативная и нейтральная тональности).

В целом набор данных представляет собой текстовые посты со страниц региональных сообществ во «ВКонтакте», полученные при помощи публичного API социальной сети. Каждый пост необходимо было отнести к одной из 19 категорий или к «мусору». Для извлечения неизвестных закономерностей применялись методы машинного обучения. Для создания автоматического алгоритма классификации текстов использованы следующие стандартные библиотеки машинного обучения: Scikit Learn⁵, Pandas⁶, Numpy⁷ и набор инструментов для анализа естественного языка NLTK (Natural Language Toolkit)⁸. Алгоритм реализован на языке программирования Python 3.

На этапе препроцессинга данных в каждом тексте из коллекции были убраны символы, не принадлежащие к английскому и русскому алфавиту. Все слова были приведены к основе слова с помощью стемминга⁹. Были убраны редко встречающиеся слова — вероятнее всего, это опечатки. Для применения разнообразных методов классификации необходимо представить тексты упоминаний в векторном виде. Для преобразования текстов в вектор важности слов применен подход TF-IDF (TF — term frequency, IDF — inverse document frequency), в котором используются веса слов, пропорциональные частоте употребления этих слов в документе

⁵ Scikit Learn (<https://scikit-learn.org/stable/>) — бесплатная библиотека для машинного обучения, включает в себя различные алгоритмы классификации, регрессии и кластеризации.

⁶ Pandas (<https://pandas.pydata.org/>) — программная библиотека для обработки и анализа данных, имеет специализированные структуры данных и операции для работы с таблицами и временными рядами.

⁷ NumPy (<https://www.numpy.org/>) — библиотека с открытым исходным кодом для выполнения математических операций над многомерными массивами.

⁸ NLTK, Natural Language Processing Toolkit (<https://www.nltk.org/>) — набор программ и библиотек для статистической обработки естественного языка.

⁹ Стемминг (англ. Stemming) — процесс нахождения основы слова через отсечение окончаний и суффиксов, чтобы оставшаяся часть, называемая stem, была одинаковой для всех грамматических форм слова.

и обратно пропорциональных частоте употребления слов во всех документах коллекции. Мера TF-IDF часто используется для представления документов коллекции в виде числовых векторов, отражающих важность использования каждого слова из некоторого набора слов (количество слов набора определяет размерность вектора) в каждом документе. Также при построении вектора учитывались не только отдельно взятые слова, но и биграммы, то есть пары последовательных слов.

Был проведен ряд экспериментов с целью определить наиболее эффективные данные для обучения, в ходе которых было проверено влияние дополнительной информации о посте на точность алгоритма, в том числе: количество ссылок, комментариев, лайков, репостов, просмотров, слов в посте. Все перечисленные величины были предварительно нормализованы относительно их средней величины внутри сообщества, которому принадлежит данный текст. В результате экспериментов определен наилучший набор данных для поставленной задачи: вектора важности слов из текстов постов, количество слов, комментариев, лайков, репостов и просмотров в посте.

На основе полученных данных строились модели машинного обучения. В результате численных экспериментов проверены модели градиентного бустинга¹⁰ и случайного леса¹¹, с различными вариациями параметров алгоритма (веса признаков, скорость обучения, функция потерь и т. д.). В основе представленных алгоритмов лежит модель дерева принятия решения (решающее дерево) (пример графической визуализации решающего дерева представлен на рис. 1 Приложения).

Модели градиентного бустинга и случайного леса создают последовательные и случайные наборы решающих деревьев соответственно. По результатам численных исследований был выбран алгоритм градиентного бустинга из библиотеки LightGBM¹², показавший наилучший результат для соответствующей задачи. Размеченный вручную набор данных был разбит на две части, на обучающую и тестовую выборки. Процесс обучения алгоритма проводился на обучающей выборке, а определение точности — на тестовой. Точность алгоритма представляет собой долю правильно предсказанных категорий или тональностей сообщений тестовой выборки. Точность классификатора категорий составила 68 %. Точность классификатора тональности — 79 %.

Индекс субъективного (не)благополучия регионов России

Мы построили Индекс субъективного (не)благополучия (ИСНБ) для каждого из регионов. Методика применения агрегированных показателей, таких как индекс, широко применяется в исследованиях благополучия и качества жизни. В данной статье мы использовали показатели онлайн-активности для калькуляции ИСНБ¹³. ИСНБ рассчитывался по формуле:

¹⁰ Градиентный бустинг (англ. Gradient boosting) — метод машинного обучения для задач регрессии и классификации, который создает алгоритм прогнозирования в форме последовательного набора слабых предсказывающих моделей.

¹¹ Случайный лес (англ. Random forest) — метод машинного обучения, создающий алгоритм прогнозирования в виде случайного набора решающих деревьев.

¹² LightGBM (<https://github.com/Microsoft/LightGBM>) — бесплатная реализация метода градиентного бустинга.

¹³ В своих предыдущих работах мы успешно апробировали методику расчета индекса онлайн-активности для изучения политических процессов [Щекотин и др., 2017; Мягков et al., 2018; Мягков et al., 2019].

$$I_{kit} = A_{kit} / B_k^t \quad (1)$$

где I_{kit} — это величина Индекса субъективного благополучия для региона (k) по данному показателю субъективного благополучия (j) для определенной тональности сообщения t .

A_{kit} — показатель онлайн-активности в данном регионе по определенному показателю субъективного благополучия, рассчитывается по формуле:

$$A_{kit} = L + 2 \times C + 5 \times R, \quad (2)$$

где L — сумма лайков, которую собрали сообщения, относящиеся к определенному показателю субъективного благополучия, в данном регионе в определенной тональности.

C — количество комментариев, которые собрали посты, относящиеся к определенному показателю субъективного благополучия, в данном регионе. Мы приравнивали каждый комментарий к двум лайкам, так как, по нашему мнению, это активное действие пользователя свидетельствует об особой актуальности тематики сообщений для комментатора. В этом случае лайк — это пассивная форма выражения поддержки данного сообщения.

R — количество репостов сообщений, относящихся к определенному показателю субъективного благополучия в данном регионе. Мы приравнивали репост к пяти лайкам, так как, по нашему мнению, репост свидетельствует о полной и активной поддержке пользователем данного поста. Такое действие означает, что пользователь не просто выражает свое согласие с данным постом, но и публично демонстрирует солидарность с ним. В сравнении с различными формами онлайн-активности, репост свидетельствует о наибольшей актуальности темы поста для пользователя.

B_k — общее количество подписчиков во всех выбранных сообществах региона. Этот показатель позволяет оценить относительную величину онлайн-активности для данного региона.

k — количество регионов (от 1 до 43).

j — категория (тематика) сообщения, то есть компонент благополучия, который мы включили в модель субъективного благополучия (от 1 до 19).

t — тональность сообщения (0, 1 или 2).

Таким образом, I_{kit} показывает интенсивность обсуждения той или иной тематики в отобранных нами сообществах в данном регионе. Он позволяет зафиксировать актуальность и остроту для жителей региона данной темы. I_{kit} рассчитывался по каждой тональности, то есть у нас для каждого региона ИСНБ имеет три значения: по положительной, негативной и нейтральной тональностям. Тональность определяется как эмоциональная оценка сообщения — соответственно, позитивная тональность означает, что в сообщении присутствует положительная оценка или выражение одобрения в отношении той новости или ситуации, о которой идет речь в сообщении, негативная тональность содержит неприятие, возмущение относительно содержания сообщения, нейтральная тональность означает, что сообщение носит информационный, безоценочный характер (примеры определения тональности представлены в табл. 6 Приложения).

Мы вычислили значение индекса по каждой тематике и каждой тональности ежемесячно, затем рассчитали среднемесячное значение по каждой тематике

и по каждой тональности. Далее путем простого вычитания среднемесячных значений индекса для положительной и отрицательной тональности определили среднюю величину индекса субъективного (не)благополучия $ИСНБ_{кij}$ для конкретного региона по данной тематике/показателю благополучия. Сообщения нейтральной тональности мы не включали в оценку субъективного (не)благополучия. Итоговое значение индекса субъективного (не)благополучия $ИСНБ_{ит}$ рассчитывалось как сумма индекса по всем тематикам/показателям благополучия для каждого региона.

Результаты

Основные результаты представлены в таблицах 2 и 3. Развернутые данные по каждому показателю благополучия представлены в Приложении (табл. 3, 4, 5). В таблице 2 представлен общий для всех регионов индекс по отдельным тематикам субъективного (не)благополучия для позитивной и негативной тональностей. Наиболее активно обсуждаются в выбранных нами регионах в позитивной тональности темы, связанные с развитием региональной инфраструктуры, наименьшая позитивная активность связана с оценкой общего эмоционального состояния и свободы СМИ. Если говорить о негативных оценках, то наибольшая онлайн-активность наблюдается в связи с темой безопасности, то есть это оценка деятельности правоохранительных органов и прочих государственных структур, связанных с обеспечением безопасности в регионе. Самые низкие негативные показатели онлайн-активности характерны опять же для общего эмоционального состояния и свободы СМИ.

Данный результат показывает, с одной стороны, актуальность для жителей выбранных регионов таких тем, как инфраструктура и безопасность, хотя и в разных тональностях. С другой стороны, на темы эмоционального состояния и свободы СМИ люди практически не высказываются, что может объясняться как психологической закрытостью, неготовностью публично высказывать свое мнение на этот счет, так и низкой актуальностью данного индикатора для жителей регионов. Возможно, более точные данные на этот счет можно будет получить при использовании опросных методов исследования.

Таблица 2. **Обобщенный ИСНБ по отдельным показателям за 2018 год**
(фактическое значение индекса умножено на 100 — для удобства восприятия)

	ИСНБ позитивной тональности $I_{поз}$	ИСНБ негативной тональности $I_{нег}$	Итоговый ИСНБ $I_{ит} = I_{поз} - I_{нег}$
Безопасность (обстановка в городе)	0,0911	-4,433	-4,342
Отношения между людьми	0,3488	-0,588	-0,239
Инфраструктура	0,0064	-0,278	-0,272
ЖКХ	0,0132	-0,1758	-0,163
Экология	0,036	-0,166	-0,13
Медицина	0,0455	-0,115	-0,069
Работа	0,0407	-0,089	-0,048

	ИСНБ позитивной тональности $I_{\text{поз}}$	ИСНБ негативной тональности $I_{\text{нег}}$	Итоговый ИСНБ $I_{\text{ит}} = I_{\text{поз}} - I_{\text{нег}}$
Товары	0,0075	-0,066	-0,059
Политические решения	0,0342	-0,0545	-0,0203
Протестный потенциал	0,0289	-0,05	-0,021
Внутренняя политика	0,0014	-0,05	-0,048
Образование	0,0065	-0,048	-0,041
Свобода выборов	0,0308	-0,037	-0,0062
Рыночные отношения	0,0014	-0,011	-0,0097
Налоги	0,0026	-0,01	-0,0077
Отношение к власти	0,001	-0,0081	-0,0071
Социальная поддержка от государства	0,0011	-0,0075	-0,0064
Общее эмоциональное состояние	0,0004	-0,0009	-0,0005
Свобода СМИ	0	-0,0003	-0,0003

Если обратиться к данным по отдельным регионам (см. табл. 3), то можно отметить, что во всех регионах преобладают негативные оценки. При этом наибольшая величина ИСНБ наблюдается в национальных республиках Северного Кавказа и Сибири, что позволяет нам предположить, что уровень недовольства условиями жизни здесь самый низкий. Наибольший уровень недовольства зафиксирован в Алтайском крае и еще ряде относительно крупных областей Сибири и Поволжья.

Таблица 3. **Итоговый ИСНБ по регионам за 2018 год (сумма всех показателей субъективного благополучия для данного региона, умноженное на 100 — для удобства восприятия)**

№	Регион	Итоговый ИСНБ $I_{\text{итк}} = \sum_{j=1}^{19} I_{\text{ит}j}$
1	Ингушетия	-0,1017
2	Кабардино-Балкария	-0,2119
3	Карачаево-Черкесия	-0,3742
4	Северная Осетия — Алания	-0,4532
5	Республика Алтай	-0,4632
6	Тыва	-0,8528
7	Саха (Якутия)	-0,9237
8	Приморский край	-1,0104
9	Чувашия	-1,6956
10	Волгоградская область	-2,0526

№	Регион	Итоговый ИСНБ
		$I_{итк} = \sum_{j=1}^{19} I_{итj}$
11	Крым	-2,1198
12	Ивановская область	-2,4498
13	Забайкальский край	-3,0457
14	Дагестан	-3,1794
15	Башкортостан	-3,3843
16	Коми	-3,6214
17	Марий Эл	-4,1204
18	Краснодарский край	-4,4283
19	Бурятия	-4,4519
20	Адыгея	-4,6369
21	Астраханская область	-4,6842
22	Липецкая область	-4,8888
23	Калмыкия	-5,4336
24	Красноярский край	-5,8089
25	Татарстан	-5,8485
26	Иркутская область	-5,8897
27	Карелия	-6,0887
28	Нижегородская область	-6,2589
29	Владимирская область	-6,6358
30	Хакасия	-6,6398
31	Омская область	-7,5317
32	Челябинская область	-7,5614
33	Тюменская область	-7,5884
34	Калининградская область	-7,6509
35	Архангельская область	-7,7218
36	Мурманская область	-8,6307
37	Пермский край	-9,1384
38	Удмуртия	-9,3628
39	Новосибирская область	-10,5848
40	Томская область	-11,7155
41	Самарская область	-13,511
42	Саратовская область	-15,1073
43	Алтайский край	-18,2462

Ограничения метода

Предложенный метод изучения субъективного (не)благополучия имеет существенный недостаток — не контролируется репрезентативность выборки. Этот метод хорошо подходит для исследования «цифрового» населения региона, то есть той части населения региона, которая активно пользуется социальными медиа, но группы населения, которые по каким-то причинам не пользуются социальными сетями, не охвачены данным исследованием (например, люди пожилого возраста, жители отдаленных районов с плохим качеством интернета и т. д.). Второе ограничение связано с техническими аспектами данного метода — не исключено использование бот-сетей в социальных сетях для манипулирования общественным мнением. Эту проблему нам не удалось нивелировать. Также к числу ограничений можно отнести психологические особенности поведения пользователей социальных сетей. Как было отмечено, пользователи склонны активнее реагировать на негативные события и явления.

Заключение

В данной статье представлен новый методологический подход для субъективной оценки (не)благополучия. В основе предлагаемого подхода лежит идея использования «цифровых следов», которые оставляют жители регионов в интернете. В качестве таковых в нашем исследовании выступили данные об онлайн-активности пользователей социальной сети «ВКонтакте», то есть информация о действиях, которые совершает пользователь в отношении того или иного сообщения. Подход, основанный на анализе цифрового следа пользователя, открывает широкие перспективы в той области исследований, которая в последнее время получила название «science of wellbeing» [Alexandrova, 2017] и которая включает в себя разнообразные направления исследования благополучия, качества жизни, счастья и подобных концепций. Цифровой след как источник данных может применяться для оперативного мониторинга благополучия населения в регионе и для принятия управленческих решений.

Предложенный в статье метод в целом следует тому эпистемическому тренду, который задан стремительным развитием науки о данных (data science) в последнее десятилетие [Журавлева, 2012]. Безусловно, этот подход не свободен от некоторых, порой весьма существенных, недостатков, которые частично рассмотрены выше. Хотелось бы отметить еще одну сложность предложенного метода оценки субъективного благополучия и одновременно наметить дальнейшие направления развития метода. Эта сложность связана с необходимостью учитывать практики использования интернета и социальных сетей в регионах с различными культурно-историческими традициями и социально-экономическими условиями. Преодоление отмеченных сложностей требует более глубокого изучения специфики восприятия населением условий своей жизни и практик использования интернета в различных регионах.

Дальнейшее развитие метода оценки благополучия на основе данных социальных медиа требует согласования полученных результатов с данными опросных методик, а также сопоставления с объективными статистическими показателями для выявления объективных факторов, влияющих на онлайн-оценку благополучия. Привлечение различных источников данных позволит получить многомерную и объемную картину оценки благополучия в регионе.

Список литературы (References)

- Алмакаева А. М. Субъективное качество жизни: основные проблемы исследования // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 5/1 (45). С. 41—47.
- Almakaeva A. M. (2006) Subjective Quality of Life: The Main Problems of the Study. *Vestnik of Samara State University*. No. 5/1 (45). P. 41—47. (In Russ.)
- Гаврилова Т. В. Принципы и методы исследования качества жизни // Технологии качества жизни. 2004. Т. 4. № 2. С. 1—11.
- Gavrilova T. V. (2004) Principles and Methods for Studying Quality of Life. *Technologies of Quality of Life*. Vol. 4. No. 2. P. 1—11. (In Russ.)
- Журавлева Е. Ю. Эпистемический статус цифровых данных в современных научных исследованиях // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 113—123.
- Zhuravleva E. Yu. (2012) Epistemic Status of Digital Data in Modern Scientific Research. *Problems of Philosophy*. No. 2. P. 113—123. (In Russ.)
- Нугаев Р. М., Нугаев М. А. Качество жизни в трудах социологов США // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 100—105.
- Nugaev P. M., Nugaev M. A. (2003) Quality of Life in the Works of Sociologists of the USA. *Sociological Studies*. No. 6. P. 100—105. (In Russ.)
- Подузов А. А., Языкова В. С. Понятия субъективного качества жизни и психологического благополучия человека: очерк современных представлений // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3 (162). С. 90—105.
- Poduzov A. A., Yazykova V. S. (2017) The Concept of Subjective Quality of Life and Psychological Well-being: Essay on Contemporary Ideas. *Problems of Forecast*. No. 3 (162). P. 90—105. (In Russ.)
- Рябов В. Б. Субъективное качество жизни и дауншифтинг // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 3. С. 95—106. <http://doi.org/10.11621/vsp.2016.03.95>.
- Ryabov V. B. (2016) Subjective Quality of Life and Downshifting. *Moscow University Psychology Bulletin*. No. 3. P. 95—106. <http://doi.org/10.11621/vsp.2016.03.95>. (In Russ.)
- Щекотин Е. В., Гойко В. Л., Барышев А. А., Кашпур В. В. Влияние парламентских выборов в России на мобилизацию сторонников непарламентской оппозиции // Вестник науки Сибири. 2017. № 3 (26). С. 90—107.
- Shchekotin E. V., Goiko V. L., Baryshev A. A., Kashpur V. V. (2017) The Influence of Parliamentary Elections in Russia on the Mobilization of Supporters of the Non-Parliamentary Opposition. *Siberian Herald of Science*. № 3 (26). P. 90—107. (In Russ.)
- Alexandrova A. (2017) *A Philosophy for the Science of Well-Being*. Oxford: Oxford University Press.
- Alkire S. (2002) Dimensions of Human Development. *World Development*. Vol. 30. No. 2. P. 181—205. [https://doi.org/10.1016/s0305-750x\(01\)00109-7](https://doi.org/10.1016/s0305-750x(01)00109-7).

- Andrews F. M., Withey S. B. (1976) *Social Indicators of Well-Being. Americans' Perceptions of Life Quality*. New York: Plenum Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-2253-5>.
- Angner E. (2011) The Evolution of Eupathics: The Historical Roots of Subjective Measures of Wellbeing. *International Journal of Wellbeing*. Vol. 1. No. 1. P. 4—41. <https://doi.org/10.5502/ijw.v1i1.14>.
- Appel H., Gerlach A. L., Crusius J. (2016) The Interplay between Facebook Use, Social Comparison, Envy, and Depression. *Current Opinion in Psychology*. Vol. 9. P. 44—49. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.10.006>.
- Burke M., Marlow C., Lento T. (2010) Social Network Activity and Social Well-Being. In: *CHI '10: Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York: Association for Computing Machinery. P. 1909—1912. <https://doi.org/10.1145/1753326.1753613>.
- Camfield L., Skevington S. M. (2008) On Subjective Well-Being and Quality of Life. *Journal of Health Psychology*. Vol. 13. No. 6. P. 764—775. <https://doi.org/10.1177/1359105308093860>.
- Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. (1976) *The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfactions*. New York: Russell Sage Foundation.
- Chen L., Gong T., Kosinski M., Stillwell D., Davidson R. L. (2017) Building a Profile of Subjective Well-Being for Social Media Users. *PLoS ONE*. Vol. 12. No. 11. P. e0187278. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0187278>.
- Clark J. L., Algoe S. B., Green M. C. (2018) Social Network Sites and Well-Being: The Role of Social Connection. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 27. No. 1. P. 32—37. <https://doi.org/10.1177/0963721417730833>.
- Dhall A., Goecke R., Gedeon T. (2015) Automatic Group Happiness Intensity Analysis. *IEEE Transactions on Affective Computing*. Vol. 6. No. 1. P. 13—26. <https://doi.org/10.1109/taffc.2015.2397456>.
- Diener E., Lucas R. E., Oishi S. (2002) Subjective Well-Being: The Science of Happiness and Life Satisfaction. In: Snyder C. R., Lopez S. J. (eds.) *Handbook of Positive Psychology*. New York: Oxford University Press. P. 63—73.
- Diener E., Suh E., Lucas R., Smith H. (1999) Subjective Well-Being: Three Decades of Progress. *Psychological Bulletin*. Vol. 125. No. 2. P. 276—302. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>.
- Fletcher G. (2016a) *The Philosophy of Well-Being. An Introduction*. London: Routledge.
- Fletcher G. (ed.) (2016b) *The Routledge Handbook of Philosophy of Well-Being*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315682266>.
- Hao B., Li L., Gao R., Li A., Zhu T. (2014) Sensing Subjective Well-Being from Social Media. In: Ślęzak D., Schaefer G., Vuong S. T., Kim Y.-S. (eds.) *Active Media Technology. Proceedings of 10th International Conference*. Cham: Springer. P. 324—336. https://doi.org/10.1007/978-3-319-09912-5_27.

Henderson L. W., Knight T. (2012) Integrating the Hedonic and Eudaimonic Perspectives to More Comprehensively Understand Wellbeing and Pathways to Wellbeing. *International Journal of Wellbeing*. Vol. 2. No. 3. P. 196—221. <https://doi.org/10.5502/ijw.v2i3.3>.

Lam C. L. K. (2010) Subjective Quality of Life Measures — General Principles and Concepts. In: Preedy V. R., Watson R. R. (eds.) *Handbook of Disease Burdens and Quality of Life Measures*. New York: Springer. P. 381—399.

Larson R. (1978) Thirty Years of Research on the Subjective Well-Being of Older Americans. *Journal of Gerontology*. Vol. 33. No. 1. P. 109—125. <https://doi.org/10.1093/geronj/33.1.109>.

Layard R. (2005) *Happiness: Lessons from a New Science*. London: Penguin Books.

Lee K.-T., Noh M.-J., Koo D.-M. (2013) Lonely People are No Longer Lonely on Social Networking Sites: The Mediating Role of Self-Disclosure and Social Support. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 16. No. 6. P. 413—418. <https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0553>.

Liebrecht C., Hustinx L., van Mulken M. (2019) The Relative Power of Negativity: The Influence of Language Intensity on Perceived Strength. *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 38. No. 2. P. 170—193. <https://doi.org/10.1177/0261927X18808562>.

McCloskey W., Iwanicki S., Lauterbach D., Giammittorio D. M., Maxwell K. (2015) Are Facebook “Friends” Helpful? Development of a Facebook-Based Measure of Social Support and Examination of Relationships among Depression, Quality of Life, and Social Support. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 18. No. 9. P. 499—505. <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0538>.

Mitchell L., Frank M. R., Harris K. D., Dodds P. S., Danforth C. M. (2013) The Geography of Happiness: Connecting Twitter Sentiment and Expression, Demographics, and Objective Characteristics of Place. *PLoS ONE*. Vol. 8. No. 5. P. e64417. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0064417>.

Myagkov M., Shchekotin E. V., Kashpur V. V., Goiko V. L., Baryshev A. A. (2018) Activity of Non-Parliamentary Opposition Communities in Social Networks in the Context of the Russian 2016 Parliamentary Election. *East European Politics*. Vol. 34. No. 4. P. 483—502. <https://doi.org/10.1080/21599165.2018.1532411>.

Myagkov M., Shchekotin E., Goiko V., Kashpur V., Aksenova E. (2019) The Socio-Economic and Demographic Factors of Online Activity among Right-Wing Radicals. *Studies of Transition States and Societies*. Vol. 11. No. 1. P. 19—38.

Proctor C. (2014) Subjective Well-Being (SWB). In: Michalos A. C. (ed.) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Dordrecht: Springer. P. 6437—6441. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_2905.

Raibley J. R. (2012) Happiness is not Well-Being. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 13. No. 6. P. 1105—1129. <https://doi.org/10.1007/s10902-011-9309-z>.

Ryff C. D. (1989) Happiness is Everything, or Is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. No. 6. P. 1069—1081. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>.

Sabatini F., Sarracino F. (2017) Online Networks and Subjective Well-Being. *Kyklos*. Vol. 70. No. 3. P. 456—480. <http://dx.doi.org/10.1111/kykl.12145>.

Sánchez C. R., Craglia M., Bregt A. K. (2017) New Data Sources for Social Indicators: The Case Study of Contacting Politicians by Twitter. *International Journal of Digital Earth*. Vol. 10. No. 8. P. 829—845. <https://doi.org/10.1080/17538947.2016.1259361>.

Schalock R. L. (2000) Three Decades of Quality of Life. *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*. Vol. 15. No. 2. P. 116—127. <https://doi.org/10.1177/108835760001500207>.

Schwartz H. A., Eichstaedt J. C., Kern M. L., Dziurzynski L., Agrawal M., Park G. J., Lakshmikanth S. K., Jha S., Seligman M. E. P., Ungar, L., Lucas R. E. (2013) Characterizing Geographic Variation in Well-Being Using Tweets. In: Kiciman E., Ellison N. B., Hogan B., Resnick P., Soboroff I. (eds.) *Proceedings of the Seventh International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. Cambridge, MA: AAAI Press. P. 583—591.

Schwartz H. A., Sap M., Kern M. L., Eichstaedt J. C., Kapelner A., Agrawal M., Blanco E., Dziurzynski L., Park G., Stillwell D., Kosinski M., Seligman M. E., Ungar L. H. (2016) Predicting Individual Well-Being Through the Language of Social Media. In: Altman R. B., Dunker A. K., Hunter L., Ritchie M. D., Murray T. A., Klein T. E. (eds.) *Pacific Symposium on Biocomputing*. P. 516—527. https://doi.org/10.1142/9789814749411_0047.

Seligman M. E. P. (2011) *Flourish. A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being*. New York: Simon & Schuster.

Song H., Zmyslinski-Seelig A., Kim J., Drent A., Victor A., Omori K., Allen M. (2014) Does Facebook Make You Lonely? A Meta Analysis. *Computers in Human Behavior*. Vol. 36. P. 446—452. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.04.011>.

Sórrés A., Petó K. (2015) Measuring of Subjective Quality of Life. *Procedia Economics and Finance*. Vol. 32. P. 809—816. [https://doi.org/10.1016/s2212-5671\(15\)01466-5](https://doi.org/10.1016/s2212-5671(15)01466-5).

Stafford T. (2014) Psychology: Why Bad News Dominates the Headlines. *BBC*. July 29. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20140728-why-is-all-the-news-bad> (accessed: 10.02.2020).

Taylor T. E. (2015) The Markers of Wellbeing: A Basis for a Theory-Neutral Approach. *International Journal of Wellbeing*. Vol. 5. No. 2. P. 75—90. <https://doi.org/10.5502/ijw.v5i2.5>.

Eid M., Larsen R. J. (eds.) (2008) *The Science of Subjective Well-Being*. New York: The Guilford Press.

Trussler M., Soroka S. (2014) Consumer Demand for Cynical and Negative News Frames. *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 19. No. 3. P. 360—379. <https://doi.org/10.1177/1940161214524832>.

- McGillivray M., Clarke M. (eds.) (2006) *Understanding Human Well-Being*. Tokyo: United Nations University Press.
- Valenzuela S., Halpern D., Katz J. E. (2014) Social Network Sites, Marriage Well-Being and Divorce: Survey and State-Level Evidence from the United States. *Computers in Human Behavior*. Vol. 36. P. 94—101. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.03.034>.
- van Dijk J. (2006) *The Network Society. Social Aspects of New Media*. London: Sage Publications.
- Veenhoven R. (1996) Happy Life-Expectancy. A Comprehensive Measure of Quality-of-Life in Nations. *Social Indicators Research*. Vol. 39. No. 1. P. 1—58. <https://doi.org/10.1007/bf00300831>.
- Veenhoven R. (2001) Quality-of-Life and Happiness: Not Quite the Same. In: DeGirolamo G. (ed.) *Health and Quality of Life*. Torino: WHO and Centro Scientifico Editore. P. 67—95.
- Verduyn P., Ybarra O., Résibois M., Jonides J., Kross E. (2017) Do Social Network Sites Enhance or Undermine Subjective Well-Being? A Critical Review. *Social Issues and Policy Review*. Vol. 11. No. 1. P. 274—302. <http://dx.doi.org/10.1111/sipr.12033>.
- Wang N., Kosinski M., Stillwell D. J., Rust J. (2014) Can Well-Being be Measured Using Facebook Status Updates? Validation of Facebook's Gross National Happiness Index. *Social Indicators Research*. Vol. 115. No. 1. P. 483—491. <https://doi.org/10.1007/s11205-012-9996-9>.
- Wilson W. R. (1967) Correlates of Avowed Happiness. *Psychological Bulletin*. Vol. 67. No. 4. P. 294—306. <http://dx.doi.org/10.1037/h0024431>.
- Wu K., Ma J., Chen Z., Ren P. (2015) Analysis of Subjective City Happiness Index Based on Large Scale Microblog Data. In: Cheng R., Cui B., Zhang Z., Xu R. C.J. (eds.) *Proceedings of Web Technologies and Applications 17th Asia-Pacific Web Conference*. Cham: Springer. P. 365—376. https://doi.org/10.1007/978-3-319-25255-1_30.
- Yang C., Srinivasan P. (2016) Life Satisfaction and the Pursuit of Happiness on Twitter. *PLoS ONE*. Vol. 11. No. 3. P. e0150881. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0150881>.
- Zubarevich N. (2013) Four Russias: Human Potential and Social Differentiation of Russian Regions and Cities. In: Lipman M., Petrov N. (eds.) *Russia 2025: Scenarios for the Russian Future*. London: Palgrave Macmillan. P. 67—85. https://doi.org/10.1057/9781137336910_4.

Приложение

Таблица 1. *Перечень регионов и населенных пунктов*

№	Регион	Города
1	Адыгея	Адыгейск
		Майкоп
2	Алтайский край	Барнаул
		Бийск
		Рубцовск
3	Архангельская область	Архангельск
		Котлас
		Северодвинск
4	Астраханская область	Астрахань
		Ахтубинск
		Знаменск
5	Башкортостан	Нефтекамск
		Стерлитамак
		Уфа
6	Бурятия	Гусиноозёрск
		Общерегинальные сообщества
		Северобайкальск
		Улан-Удэ
7	Владимирская область	Владимир
		Ковров
		Муром
8	Волгоградская область	Волгоград
		Волжский
		Камышин
9	Дагестан	Дербент
		Махачкала
		Общерегинальные сообщества
		Хасавюрт
10	Забайкальский край	Краснокаменск
		Петровск-Забайкальский
		Чита

№	Регион	Города
11	Ивановская область	Иваново
		Кинешма
		Шуя
12	Ингушетия	Карабулак
		Назрань
		Общерегionalные сообщества
		Сунжа
13	Иркутская область	Ангарск
		Братск
		Иркутск
14	Кабардино-Балкария	Баксан
		Нальчик
		Прохладный
15	Калининградская область	Балтийск
		Калининград
		Советск
16	Калмыкия	Городовиковск
		Лагань
		Элиста
17	Карачаево-Черкесия	Карачаевск
		Усть-Джегута
		Черкесск
18	Карелия	Кондопога
		Костомукша
		Петрозаводск
19	Коми	Печора
		Сыктывкар
		Ухта
20	Краснодарский край	Краснодар
		Новороссийск
		Сочи
21	Красноярский край	Ачинск
		Красноярск
		Норильск

№	Регион	Города
22	Крым	Керчь
		Крым
		Симферополь
23	Липецкая область	Грязи
		Елец
		Липецк
24	Марий Эл	Волжск
		Йошкар-Ола
		Козьмодемьянск
25	Мурманская область	Апатиты
		Мурманск
		Североморск
26	Нижегородская область	Арзамас
		Дзержинск
		Нижний Новгород
27	Новосибирская область	Бердск
		Искитим
		Новосибирск
28	Омская область	Исилькуль
		Омск
		Тара
29	Пермский край	Березники
		Пермь
		Соликамск
30	Приморский край	Владивосток
		Находка
		Уссурийск
31	Республика Алтай	Горно-Алтайск
		Кош-Агач
		Майма
32	Самарская область	Самара
		Сызрань
		Тольятти

№	Регион	Города
33	Саратовская область	Балаково
		Саратов
		Энгельс
34	Саха (Якутия)	Мирный
		Нерюнгри
		Якутск
35	Северная Осетия — Алания	Беслан
		Владикавказ
		Моздок
36	Татарстан	Казань
		Набережные Челны
		Нижнекамск
		Общерегionalные сообщества
37	Томская область	Северск
		Стрежевой
		Томск
38	Тыва	Ак-Довурак
		Кызыл
		Шагонар
39	Тюменская область	Ишим
		Тобольск
		Тюмень
40	Удмуртия	Воткинск
		Глазов
		Ижевск
41	Хакасия	Абакан
		Саяногорск
		Черногорск
42	Челябинская область	Златоуст
		Магнитогорск
		Челябинск
43	Чувашия	Канаш
		Новочебоксарск
		Чебоксары

Таблица 2. Топ-10 регионов по количеству авторов за июль 2019 г. для разных социальных сетей (по данным компании Brand Analytics¹⁴)

		ВКонтакте		Facebook		
	Регион	Авторов в регионе, чел.	Доля авторов в населении региона, %	Регион	Авторов в регионе, чел.	Доля авторов в населении региона, %
	Всего по России	30476 223	20,80		2814 797	1,92
1	Москва	3873 059	31,41	Москва	1352 694	10,97
2	Санкт-Петербург	2036 538	38,97	Санкт-Петербург	251670	4,82
3	Свердловская область	1 127 875	26,05	Краснодарский край	89856	1,63
4	Челябинская область	1025 058	29,28	Свердловская область	67 319	1,55
5	Татарстан	947 403	24,49	Ростовская область	56677	1,34
6	Краснодарский край	935 201	16,96	Нижегородская область	40977	1,26
7	Башкортостан	906394	22,26	Новосибирская область	39600	1,43
8	Московская область	878 794	12,01	Самарская область	39 204	1,22
9	Самарская область	877 215	27,36	Красноярский край	38 716	1,35
10	Пермский край	830380	31,52	Калининградская область	35071	3,59
		Twitter				
	Всего по России	8551 975	5,84			
1	Москва	2390 634	19,39			
2	Санкт-Петербург	993112	19,00			
3	Самарская область	293138	9,14			
4	Свердловская область	282406	6,52			
5	Новосибирская область	266757	9,66			
6	Московская область	253428	3,46			
7	Краснодарский край	250000	4,53			
8	Татарстан	179304	4,63			
9	Красноярский край	178854	6,24			
10	Республика Саха (Якутия)	167913	17,50			

¹⁴ Статистика социальных сетей. Распределение по регионам России // Brand Analytics. URL: https://br-analytics.ru/statistics/am/?hub_id=3&date=201907&period_type=month (последний доступ: 07.02.2020).

Таблица 3. Индекс субъективного неблагополучия по показателям социальной сферы (фактическое значение индекса умножено на 100 — для удобства восприятия)

Регион	Образование	ЖКХ	Медицина	Инфраструктура	Безопасность (обстановка в городе)	Экология	Отношения между людьми	Итоговый индекс по социальным показателям (сумма столбцов 1—7)
	1	2	3	4	5	6	7	
Ингушетия	0,006	-0,002	0,0036	0,0291	-0,099	-0,0024	0	-0,0647
Кабардино-Балкария	0	0,0075	-0,0022	-0,0096	-0,169	-0,0081	0	-0,1814
Карачаево-Черкессия	0,0305	-0,015	0,0011	-0,026	-0,342	-0,0095	0	-0,3609
Северная Осетия — Алания	0,0075	0,0064	-0,012	-0,0094	-0,369	-0,0097	-0,036	-0,4222
Республика Алтай	0,0072	0,0004	0,0082	0,0418	-0,532	-0,0037	0	-0,4781
Приморский край	0,0099	-0,0056	0,0043	0,1387	-0,905	-0,014	-0,012	-0,7837
Тыва	0,0239	-0,047	-0,014	0,1329	-0,653	-0,079	-0,266	-0,9022
Саха (Якутия)	0,0092	-0,041	0,0121	0,0774	-0,915	-0,033	-0,023	-0,9133
Чувашия	-0,0209	-0,095	-0,02	-0,162	-1,128	-0,05	-0,114	-1,5899
Волгоградская область	0,0161	-0,12	-0,018	0,0544	-1,762	-0,066	-0,058	-1,9535
Крым	0,0094	-0,107	-0,031	0,2913	-2,128	-0,053	-0,019	-2,0373
Ивановская область	0,0016	-0,033	-0,001	-0,223	-1,997	-0,017	-0,164	-2,4334
Забайкальский край	-0,0069	-0,044	-0,043	-0,209	-2,096	-0,074	-0,482	-2,9549
Дагестан	0,0023	-0,083	-0,026	-0,084	-2,748	-0,086	-0,026	-3,0507
Башкортостан	-0,0141	-0,094	-0,031	-0,105	-2,852	-0,031	-0,107	-3,2341
Коми	-0,0351	-0,192	-0,095	-0,057	-2,67	-0,16	-0,114	-3,3231
Марий Эл	-0,029	-0,143	-0,047	-0,017	-3,389	-0,092	-0,194	-3,911
Краснодарский край	-0,0052	-0,15	-0,061	-0,235	-3,478	-0,077	-0,169	-4,1752
Бурятия	0,023	-0,101	-0,0069	0,16	-4,406	-0,044	-0,012	-4,3869
Астраханская область	-0,027	-0,098	-0,016	-0,332	-3,801	-0,07	-0,139	-4,483
Липецкая область	-0,0058	-0,125	-0,06	-0,25	-3,828	-0,153	-0,24	-4,6618
Адыгея	0,0616	-0,031	-0,014	0,9627	-5,636	-0,037	-0,015	-4,7087
Калмыкия	-0,1619	-0,309	-0,161	-0,735	-2,655	-0,269	-0,772	-5,0629
Татарстан	-0,1195	-0,265	-0,146	-0,651	-3,384	-0,16	-0,712	-5,4375
Красноярский край	-0,0197	-0,151	-0,03	-0,296	-4,787	-0,142	-0,103	-5,5287
Иркутская область	0,0034	-0,066	-0,004	-0,295	-5,267	-0,021	-0,139	-5,7886

Регион	Образование	ЖКХ	Медицина	Инфраструктура	Безопасность (обстановка в городе)	Экология	Отношения между людьми	Итоговый индекс по со- циальным показателям (сумма столб- цов 1—7)
	1	2	3	4	5	6	7	
Карелия	-0,0217	-0,086	-0,045	-0,624	-4,728	-0,08	-0,358	-5,9427
Нижегородская область	-0,0242	-0,14	-0,081	-0,405	-4,959	-0,149	-0,218	-5,9762
Владимирская область	-0,0801	-0,163	-0,132	-0,628	-4,357	-0,168	-0,758	-6,2861
Хакасия	0,0083	-0,118	-0,044	-0,083	-5,985	-0,053	-0,067	-6,3417
Калинин- градская область	-0,0283	-0,251	-0,166	-0,824	-4,891	-0,227	-0,685	-7,0723
Архангельская область	-0,0337	-0,247	-0,087	-0,38	-5,183	-0,938	-0,338	-7,2067
Тюменская область	-0,0578	-0,297	-0,111	-0,339	-5,748	-0,126	-0,534	-7,2128
Челябинская область	-0,0391	-0,139	-0,076	-0,392	-6,069	-0,299	-0,312	-7,3261
Омская область	-0,0079	-0,208	-0,04	-0,43	-6,348	-0,108	-0,187	-7,3289
Мурманская область	-0,0734	-0,546	-0,288	0,0727	-6,697	-0,238	-0,25	-8,0197
Удмуртия	-0,0973	-0,271	-0,2	-0,296	-6,564	-0,24	-1,048	-8,7163
Пермский край	0,0006	-0,269	-0,133	-0,274	-6,904	-0,269	-0,989	-8,8374
Новосибирская область	-0,061	-0,132	-0,183	-0,169	-9,377	-0,07	-0,083	-10,075
Томская область	-0,0106	-0,275	-0,153	-0,937	-9,013	-0,157	-0,434	-10,9796
Самарская область	-0,0349	-0,502	-0,193	-0,436	-11,013	-0,274	-0,409	-12,8619
Саратовская область	-0,0513	-0,573	-0,153	-1,065	-11,938	-0,283	-0,527	-14,5903
Алтайский край	-0,0259	-0,449	-0,084	-1,279	-14,926	-0,158	-0,573	-17,4949

Таблица 4. Индекс субъективного неблагополучия по показателям экономической сферы (фактическое значение индекса умножено на 100 — для удобства восприятия)

Регион	Работа	Магазины	Налоги	Кредитование и предпринимательство	Социальная поддержка от государства	Итоговый индекс по экономическим показателям (сумма столбцов 1—5)
	1	2	3	4	5	
Красноярский край	-0,0079	-0,0059	-0,0008	-0,0015	0,0283	0,0122
Бурятия	0,0012	-0,0028	0	0	0,0064	0,0048
Калмыкия	-0,0064	0	0	-0,0009	0,0107	0,0034
Омская область	-0,028	-0,0086	-0,0067	0,0127	0,0294	-0,0012
Алтайский край	0,0024	-0,014	-0,0038	0,0068	0,0048	-0,0038
Татарстан	-0,006	-0,0073	-0,0019	-0,0021	0,0119	-0,0054
Астраханская область	-0,0037	-0,0062	0	-0,0018	0,0056	-0,0061
Карелия	-0,0042	-0,016	0	-0,0015	0,0078	-0,0139
Хакасия	-0,043	-0,016	-0,004	-0,013	0,0576	-0,0184
Адыгея	-0,014	-0,0038	0	-0,0016	0,0009	-0,0185
Липецкая область	-0,0097	-0,02	-0,0003	-0,0013	0,0061	-0,0252
Калининградская область	-0,011	-0,028	-0,0008	-0,0031	0,0088	-0,0341
Иркутская область	-0,01	-0,032	0,0005	-0,0019	-0,004	-0,0474
Тыва	-0,029	-0,017	-0,0075	-0,0009	-0,0017	-0,0561
Нижегородская область	-0,053	-0,016	-0,0002	0,0004	0,0112	-0,0576
Башкортостан	-0,043	-0,021	-0,0021	-0,004	0,012	-0,0581
Архангельская область	-0,049	-0,012	-0,0023	-0,0014	-0,0023	-0,067
Краснодарский край	-0,049	-0,021	-0,0009	-0,0017	0,0018	-0,0708
Кабардино-Балкария	-0,048	-0,026	-0,0053	-0,0063	0,007	-0,0786
Пермский край	-0,033	-0,02	-0,019	0,0001	-0,01	-0,0819
Владимирская область	-0,042	-0,018	-0,0004	-0,0011	-0,034	-0,0955
Забайкальский край	-0,029	-0,055	-0,0058	-0,008	0,0009	-0,0969
Челябинская область	-0,049	-0,026	0	-0,0055	-0,02	-0,1005
Карачаево-Черкессия	-0,045	-0,026	-0,0052	-0,0085	-0,025	-0,1097
Крым	-0,025	-0,049	-0,015	-0,015	-0,0075	-0,1115
Приморский край	-0,036	-0,064	-0,0027	-0,009	-0,007	-0,1187
Тюменская область	-0,062	-0,042	-0,0064	-0,0009	-0,015	-0,1263

Регион	Работа	Магазины	Налоги	Кредитование и предприниматель- ство	Социальная поддержка от государ- ства	Итоговый ин- декс по эконо- мическим показателям (сумма столбцов 1—5)
	1	2	3	4	5	
Марий Эл	-0,043	-0,056	-0,019	-0,013	-0,0045	-0,1355
Мурманская область	-0,062	-0,047	-0,0058	-0,012	-0,011	-0,1378
Саратовская область	-0,071	-0,033	-0,0049	-0,0072	-0,026	-0,1421
Новосибирская область	-0,068	-0,051	-0,011	-0,017	-0,036	-0,183
Удмуртия	-0,085	-0,049	-0,013	-0,0069	-0,033	-0,1869
Дагестан	-0,105	-0,052	-0,011	-0,007	-0,026	-0,201
Ивановская область	-0,121	-0,04	-0,033	-0,015	-0,021	-0,23
Самарская область	-0,101	-0,07	-0,013	-0,024	-0,023	-0,231
Коми	-0,139	-0,056	-0,0046	-0,022	-0,011	-0,2326
Волгоградская область	-0,121	-0,084	-0,016	-0,027	-0,002	-0,25
Ингушетия	-0,152	-0,062	-0,012	-0,016	-0,039	-0,281
Саха (Якутия)	-0,214	-0,069	-0,0079	-0,0084	-0,011	-0,3103
Чувашия	-0,238	-0,111	-0,0027	-0,023	0,0423	-0,3324
Северная Осетия — Алания	-0,189	-0,082	-0,029	-0,018	-0,067	-0,385
Республика Алтай	-0,047	-0,266	-0,026	-0,034	-0,053	-0,426
Томская область	-0,047	-0,371	-0,0051	-0,011	-0,031	-0,4651

Таблица 5. Индекс субъективного неблагополучия по показателям политической сферы (фактическое значение индекса умножено на 100 — для удобства восприятия)

Регион	Свобода СМИ	Протестный потенциал	Свобода выборов	Отношение к власти	Политические решения	Внутренняя политика	Итоговый индекс по экономическим показателям (сумма столбцов 1—6)
	1	2	3	4	5	6	
Омская область	0	-0,068	-0,0173	0	0,0315	0,1268	7,3
Красноярский край	0	0,0002	0,002	-0,0019	0,0251	0,0118	3,72
Калмыкия	0	0,0001	0	0	0,0063	0,0051	1,15
Карелия	0	-0,0067	0,0003	-0,0023	0,0065	-0,0003	-0,25
Татарстан	0,0001	-0,0071	-0,0061	-0,0055	0,0093	0,0043	-0,5
Липецкая область	0	-0,0029	0	0	0,0001	-0,003	-0,58
Астраханская область	0	-0,0051	-0,0025	0	0,0004	0	-0,72
Адыгея	0	0	0	0	-0,008	-0,004	-1,2
Тыва	0	-0,0069	0,0003	-0,027	-0,0067	0,007	-3,33
Краснодарский край	0	-0,0022	-0,0005	-0,0031	-0,02	-0,0089	-3,47
Иркутская область	0	-0,0072	-0,0008	-0,002	-0,02	-0,0051	-3,51
Башкортостан	0	-0,022	-0,0018	-0,0039	-0,018	0,0051	-4,06
Бурятия	0	-0,0012	0,0028	0	-0,0064	-0,037	-4,18
Хакасия	0	-0,035	-0,0117	-0,0085	0,0032	0,0054	-4,66
Забайкальский край	-0,0013	-0,026	-0,0036	-0,015	-0,016	0,0091	-5,28
Калининградская область	0	-0,031	-0,001	0,0027	-0,034	-0,0037	-6,7
Коми	0	-0,034	-0,0034	-0,0021	-0,044	0,0155	-6,8
Нижегородская область	0	-0,024	-0,002	-0,0011	-0,015	-0,029	-7,11
Архангельская область	0	-0,025	-0,0081	0	-0,044	-0,0019	-7,9
Саратовская область	0	-0,03	-0,0098	-0,0028	-0,055	0,0038	-9,38
Тюменская область	0	-0,012	-0,0015	-0,0015	-0,078	-0,0077	-10,07
Челябинская область	0	-0,024	0,0039	-0,0066	-0,046	-0,028	-10,07
Ингушетия	-0,0001	-0,017	-0,0037	-0,0022	-0,079	-0,017	-11,9
Пермский край	0	-0,046	-0,0063	-0,0006	-0,056	-0,012	-12,09

Регион	Свобода СМИ	Протестный потенциал	Свобода выборов	Отношение к власти	Политические решения	Внутренняя политика	Итоговый индекс по экономическим показателям (сумма столбцов 1–6)
	1	2	3	4	5	6	
Кабардино-Балкария	0	-0,03	-0,0072	-0,0053	-0,05	-0,034	-12,65
Ивановская область	0	-0,0079	-0,0332	0	-0,083	-0,016	-14,01
Крым	-0,0056	-0,018	-0,0017	-0,0036	-0,081	-0,031	-14,09
Мурманская область	-0,0015	-0,063	-0,0074	-0,006	-0,056	-0,011	-14,49
Дагестан	0	-0,03	-0,0188	-0,0034	-0,061	-0,035	-14,82
Приморский край	0	-0,058	-0,0198	-0,0007	-0,069	-0,013	-16,05
Карачаево-Черкессия	0	-0,03	-0,0355	-0,011	-0,055	-0,054	-18,55
Удмуртия	0	-0,033	-0,0058	-0,0029	-0,119	-0,028	-18,87
Владимирская область	0	0,0033	-0,0061	0	-0,039	-0,161	-20,28
Алтайский край	-0,0012	-0,083	-0,0954	-0,08	-0,0025	0,0301	-23,2
Северная Осетия — Алания	0	-0,031	-0,0117	-0,015	-0,132	-0,069	-25,87
Саха (Якутия)	0	-0,056	-0,0161	-0,025	-0,129	-0,041	-26,71
Томская область	0	-0,133	-0,0181	-0,0067	-0,056	-0,057	-27,08
Чувашия	-0,0016	-0,167	-0,008	-0,008	-0,065	-0,028	-27,76
Самарская область	0	-0,053	-0,0086	0,0006	-0,17	-0,055	-28,6
Республика Алтай	0,0003	-0,128	-0,0036	-0,009	-0,095	-0,088	-32,33
Новосибирская область	0	-0,146	-0,0071	-0,011	-0,092	-0,076	-33,21
Марий Эл	0	-0,206	-0,0203	-0,0037	-0,084	-0,06	-37,4
Волгоградская область	0	-0,08	-0,0227	-0,0006	-0,167	-0,128	-39,83

Таблица 6. **Примеры определения тональности сообщений (авторская орфография сохранена)**

<p>Примеры публикаций в позитивной тональности</p>	<p>Сообщество «Весь Арзамас ВКонтакте» Тема: «Отношения между людьми»</p>	<p>«Все говорят о жестокости и равнодушии современного общества. Сегодня я убедилась, что это не так. Моей маме в автобусе стало плохо. Она вышла на остановке на ул. Советской. Загигалась от боли. К ней подошёл мужчина, остановил машину, за рулём была женщина. Они отвезли её в больницу. Огромное вам спасибо!!! Дай бог здоровья вам и вашим близким! Мы не знаем как вас зовут, но мы очень благодарны, что не прошли мимо, не остались равнодушными! Моя мама далека от социальных сетей, но попросила меня написать слова благодарности этим мужчине и женщине, которые прервали все свои дела и оказали огромную помощь!!! Благодарность передаем от Людмилы Панкратовой».</p>
	<p>Сообщество «Типичный Краснодар» Тема: «Медицина»</p>	<p>«Медики Кубани впервые удалили две опухоли за одну операцию роботом «Да Винчи» Первомайские праздники медики Кубани отмечают рабочими буднями. В краевом онкодиспансере роботом «Да Винчи» впервые проведена одномоментная операция по удалению двух злокачественных новообразований: шейки матки и прямой кишки. Две бригады хирургов работали с одной пациенткой в операционной 5 часов. 60-летняя Нина Игоревна (имя изменено) из Тихорецкого района никогда не была на приеме у онколога, пока к ним в район не приехала бригада врачей краевого онкодиспансера с профилактической акцией. У женщины обнаружили симптомы рака и направили на углубленное обследование и лечение в краевой онкодиспансер. Опытные диагносты подтвердили опасения — сразу две опухоли прогрессировали. Чтобы спасти женщину, операцию проводила мультидисциплинарная бригада онкогинекологов и онкопроктологов. Контрольные исследования показали победу докторов, рак отступил. Пациентка возвращается к обычной жизни и обещает врачам посещать докторов с профилактическим визитом два раза в год».</p>
<p>Примеры публикаций в негативной тональности</p>	<p>Сообщество «Арзамас 1578» Тема: «Безопасность»</p>	<p>«ВНИМАНИЕ! В НИЖНЕМ СБЕЖАЛ ОПАСНЫЙ МАНЬЯК! Ваши близкие должны быть оповещены! Максимальный репост! В Нижнем Новгороде сбежал из психиатрической больницы маньяк-насилник, который в течение длительного времени насиловал юную девушку в своем гараже. 44-летний Дмитрий Макаров держал нижегородку под действием препаратов, в итоге его признали невменяемым, а сейчас стало известно, что он в розыске. Как сообщает поисково-спасательная группа «Рысь» 25 декабря Дмитрий Макаров ушел из психиатрической больницы на улице Июльских дней и не вернулся. Приметы: телосложение среднее, рост 170—175 см, залысины. Мужчина был одет в клетчатую рубашку, темные трико и черные тапочки. Особая примета — искривленный нос. Мы уточняем информацию о поисках преступника в ГУ МВД по Нижегородской области. Любую известную вам информацию сообщайте по телефонам 8 (831) 28—38—200 или 102».</p>
	<p>Сообщество «Жесть Краснодара» Тема: «Товары»</p>	<p>«Опубликуйте пожалуйста в Туапсе в магазинах магнит, прям при людях начали поднимать цены на питьевую воду. За 1,5 литров которая стоила вчера 25 руб. Сегодня 54 уже. Это просто позорище, как можно на людском горе спекулировать, позорники руководство магнит».</p>

<p>Примеры публикаций в нейтральной тональности</p>	<p>Сообщество «Арзамас Live» Тема: «ЖКХ»</p>	<p>«РСТ утвердила максимальные индексы изменения размера платы за коммунальные услуги в Нижегородской области. Как сообщает пресс-служба главы региона, РСТ утвердила предельные индексы изменения размера вносимой гражданами платы за коммунальные услуги в муниципальных образованиях Нижегородской области на 2019 год. Согласно предоставленной информации, предусмотрен двухэтапный рост платы граждан за коммунальные услуги — с 1 января 2019 года и с 1 июля 2019 года. Платежи за коммунальные услуги с 1 января 2019 года возрастут на 1,7 % исключительно в связи с вступлением в силу изменений федерального законодательства о повышении ставки НДС с 18 % до 20%. С 1 июля 2018 года средний по Нижегородской области индекс изменения размера вносимой гражданами платы за коммунальные услуги, по отношению к январю 2019 года, составит 2%. Это меньше, чем в Кировской, Волгоградской, Тульской и ряде других областей и почти в два раза меньше, чем в Санкт-Петербурге и Москве. В некоторых муниципальных образованиях и городских округах максимальный индекс изменения размера вносимой гражданами платы за коммунальные услуги превысит 2% в связи с реализацией инвестиционных программ ресурсоснабжающих предприятий. В частности, в Нижнем Новгороде в июле рост платы за коммунальные услуги составит 4,1%, в Арзамасе — 3%, в Павлове — 3,6%. Установление максимальных индексов изменения размера вносимой гражданами платы за коммунальные услуги на уровне, превышающем средний по Нижегородской области, осуществлено в порядке, предусмотренном постановлением правительства Российской Федерации от 30 апреля 2014 года N 400 «О формировании индексов изменения размера платы граждан за коммунальные услуги в Российской Федерации» на основании решений МСУ в целях реализации утвержденных производственных, инвестиционных программ и концессионных соглашений. Региональная служба по тарифам отмечает, что указанные значения роста платы граждан за коммунальные услуги являются предельными и отражают максимально возможный рост платы не для всех потребителей на территории муниципального образования, а только для потребителей с определенным набором коммунальных услуг. Для многих жителей области рост платы будет ниже».</p>
	<p>Сообщество «Типичный Краснодар» Тема: «Внутренняя политика»</p>	<p>«Краснодар официально признан городом-миллионником Соответствующее символическое свидетельство в подтверждение этого статуса главе города Евгению Первышову на праздничном гала-концерте в честь 225-летнего юбилея Краснодара вручила руководитель управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея Татьяна Курнякова. «Мы несколько лет добивались признания этого статуса. Приятно, что это произошло именно в День города, и Краснодар официально стал 16-м городом-миллионником России. При этом важно, что в нашем городе — одна из самых высоких в стране доля экономически активного населения. Большинство — люди трудоспособного возраста, активные, которые создают экономику Краснодара и способны позитивно влиять на его развитие», — сказал Евгений Первышов. Ранее в декабре 2017 г. во время традиционного брифинга с участием федеральных, краевых и городских СМИ Евгений Первышов рассказал, что фактическая численность живущих и работающих в Краснодаре может составлять 1,3 млн человек, сообщают в мэрии».</p>

Рис. 1. Пример решающего дерева для задачи выдачи кредита

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06

Правильная ссылка на статью:

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117—142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>.

For citation:

Osин E. N., Leontiev D. A. (2020) Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 117—142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>.

Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев
КРАТКИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ШКАЛЫ ДИАГНОСТИКИ
СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ: ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

КРАТКИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ШКАЛЫ
ДИАГНОСТИКИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛА-
ГОПОЛУЧИЯ: ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ И СРАВНИТЕЛЬ-
НЫЙ АНАЛИЗ

BRIEF RUSSIAN-LANGUAGE INSTRU-
MENTS TO MEASURE SUBJECTIVE
WELL-BEING: PSYCHOMETRIC PROP-
ERTIES AND COMPARATIVE ANALYSIS

ОСИН Евгений Николаевич — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, заместитель заведующего Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: evgeny.n.osin@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-3330-5647>

Evgeny N. OSIN¹ — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology; Deputy Head of the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation
E-MAIL: evgeny.n.osin@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-3330-5647>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ЛЕОНТЬЕВ Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, зав. Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dmleont@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>

Dmitry A. LEONTIEV¹ — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation
E-MAIL: dmleont@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье дан краткий обзор основных возможностей и ограничений модели субъективного благополучия Э. Динера, а также существующих русскоязычных методик для измерения различных характеристик благополучия. Представлены два исследования, посвященных русскоязычной валидации популярных инструментов для измерения благополучия. В первом исследовании изучаются психометрические характеристики Шкалы субъективного счастья С. Любомирски и Шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера на большой выборке взрослых, представителей различных социальных групп (N=7091). Оба русскоязычных инструмента демонстрируют теоретически ожидаемую структуру, высокую надежность и предсказуемые связи с другими индикаторами субъективного благополучия, конструктивного мышления и позитивного функционирования. Во втором исследовании на выборке онлайн-панели (N=1021), стратифицированной по федеральным округам России, изучена валидность опросника «Спектр психологического благополучия» К. Киза, включающего шкалы эмоционального, социального и психологического благополучия. Изучены связи его показателей с другими индикаторами субъективного благополучия и качества жизни. Результаты свидетельствуют о структурной валид-

Abstract. The paper overviews the model of subjective well-being proposed by E. Diener and the existing Russian-language instruments tapping into different aspects of well-being. The authors present two studies aimed at Russian-language validation of popular well-being measures. The first study analyzes the psychometric properties of Subjective Happiness Scale by S. Lyubomirsky and Satisfaction with Life Scale by E. Diener in a large sample of adults representing various social groups (N=7091). The Russian-language versions of both instruments show theoretically predicted structure, high internal consistency and predictable link with a range of other measures of subjective well-being, constructive thinking, and positive functioning. The second study involving respondents from an online panel (N=1021) stratified across Russian federal districts is focused on validation of the Mental Health Continuum questionnaire by C. Keyes which measures emotional, social, and psychological well-being. The authors study the relationship between its scales and other indicators of subjective well-being and life quality. The results support the structural validity and indicate high reliability of scales. The authors present the stimulus materials for all three measures which can be used in well-being research in Russian-language samples.

ности и высокой надежности показателей методики. В приложении представлен стимульный материал методик, которые могут быть использованы в рамках мониторинговых исследований благополучия на русскоязычных выборках.

Ключевые слова: счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, психологическое благополучие

Keywords: happiness, satisfaction with life, subjective well-being, psychological well-being

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00341.

Acknowledgments. The paper is supported by Russian Science Foundation, project no. 18-18-00341.

Конструкт субъективного благополучия и подходы к его измерению

Понятие субъективного благополучия (subjective well-being) появилось в психологии в 1970-е гг., когда в круг объектов научной психологии вошла древняя философская проблема счастья и встал вопрос о путях его эмпирического исследования. Философские дискуссии вокруг проблемы счастья и благополучия и их отголоски в современной психологии освещены в отдельной публикации [Леонтьев, 2020а; см. также Леонтьев, 2011а]; здесь мы ограничимся методологическими и методическими аспектами проблемы.

Первоначально понятие субъективного благополучия было предложено как операциональный аналог довольно размытого и противоречивого понятия счастья, которое само по себе малопригодно в качестве инструмента научных исследований [Diener, 1984]. Более конкретно, речь идет только о таком понимании счастья (возможны и другие), которое считает единственно адекватной субъективную самооценку человека, насколько он счастлив. Эта линия исследований, во-первых, наиболее ранняя (первая обобщающая работа относится к 1984 г.), во-вторых, наиболее методически проработанная и, в-третьих, наиболее многочисленная: работы в ее русле исчисляются тысячами. Вот три главные особенности подхода в терминах субъективного благополучия [ibid.]:

1. это субъективистский подход, связанный с тем принципом, что единственный способ оценить счастье человека — спросить его об этом;
2. этот подход основывается на методах прямого измерения позитивных аспектов жизни, а не отсутствия негативных факторов;
3. это суммарная, глобальная оценка всех аспектов жизни, хотя делаются и работы по оценке отдельных областей жизни: супружеской удовлетворенности, удовлетворенности трудом и т. д.

Можно определить субъективное благополучие как генерализованную квантифицируемую оценку самим субъектом того, насколько его жизнь в целом близ-

ка к максимально желательному состоянию. Именно парадигма субъективного оценивания, на которую он опирается, отличает конструкт субъективного благополучия от близких и часто смешиваемых с ним конструктов — «психологического благополучия», представляющего собой оценку выраженности личностных предикторов счастья [Ryff, Keyes, 1995; Леонтьев, 2011б], и качества жизни, представляющего собой объективную оценку благоприятности внешних условий жизни для благополучия [Леонтьев, 2020]. Сторонний наблюдатель не в состоянии оценить счастье другого, как не могут помочь оценить его и никакие объективные достоинства и блага, имеющиеся у человека.

Понятие субъективного благополучия выступает сравнительно точным научным эквивалентом понятия счастья, рассматриваемого в парадигме субъективного переживания. Само по себе переживание счастья носит комплексный характер: оно включает в себя эмоциональные переживания, относящиеся к разным временным модальностям — прошлому, настоящему и будущему, — и включает в себя такие разные компоненты, как удовольствие и удовлетворение [Seligman, 2002: 62]. Удовольствие имеет сильный чувственный, эмоциональный, гедонистический компонент: экстаз, восторг, оргазм, комфорт, наслаждение и т. д., и практически не соотносится с познавательными процессами. Удовлетворение характеризует занятия, в которые мы вовлекаемся, но которые не обязательно сопровождаются такими чувственными компонентами. Наиболее распространенные методы прямого измерения субъективного благополучия, которые при очень простой структуре имеют хорошие психометрические показатели, — это шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера [Diener et al., 1985] и шкала субъективного счастья С. Любомирски [Lyubomirsky, Lepper, 1999]. Первая методика в несколько большей степени отражает рефлексивно-оценочные компоненты субъективного благополучия, а вторая — его эмоционально-чувственные компоненты.

Наиболее распространенная модель субъективного благополучия, предложенная Э. Динером [Diener, 1984] на основе более ранних работ [Andrews, Whitey, 1976] включает три компонента, отражающих когнитивную оценку жизни (удовлетворенность жизнью) и ее эмоциональную сторону (высокий уровень положительных эмоций и низкий уровень отрицательных эмоций). К этому времени уже было известно, что положительные и отрицательные эмоции продуктивно рассматривать как два сравнительно независимых измерения, обнаруживающих значимую, но не очень высокую обратную корреляцию: большое количество положительных эмоций связано лишь с небольшим уменьшением отрицательных эмоций, и наоборот [Diener, 1984], причем с расширением границ временного интервала при ретроспективной оценке эта связь еще более уменьшается [Diener, Emmons, 1984].

Главными достоинствами конструкта субъективного благополучия являются его простота и универсальность: его определение и процедуры измерения не привязаны к конкретным характеристикам жизненных условий или содержанию деятельности. Многочисленные исследования свидетельствуют о валидности субъективного благополучия: этот конструкт демонстрирует как корреляционные, так и причинные связи с показателями соматического и психического здоровья, успешности в различных сферах жизни и другими переменными [Diener, Tay, 2017; Diener, Oishi, Tay, 2018].

Вместе с тем психометрически этот конструкт выглядит неоднозначным: показатели, входящие в его состав (позитивный аффект, негативный аффект и удовлетворенность жизнью), можно рассматривать как индикаторы единого фактора, компоненты единой системы, связанные причинно-следственными связями, или же как три отдельных феномена [Busseri, Sadava, 2011]. Аффективные и когнитивные индикаторы субъективного благополучия хорошо коррелируют, но демонстрируют несколько различные закономерности: показатели аффекта в большей степени подвержены влиянию текущих жизненных событий и сильнее связаны с устойчивыми личностными диспозициями (экстраверсия и нейротизм), тогда как показатели удовлетворенности жизнью более стабильны и теснее связаны с жизненными условиями, такими как уровень дохода или наличие работы [Тов, 2018]. Более того, даже отдельные позитивные эмоции могут отражать содержательно различные психологические процессы, связанные, соответственно, с поддержанием гомеостаза и с его преодолением и ростом [Vittersø, 2016]. Так стоит ли, с учетом перечисленных соображений, рассматривать субъективное благополучие как единый конструкт? На наш взгляд, ответ на этот вопрос определяется исключительно тем, интересуют ли исследователя общие закономерности, единые для всех компонентов субъективного благополучия, или специфичные для отдельных его составляющих.

Простота и отсутствие привязки к содержательному контексту (жизни, деятельности) являются не только достоинствами конструкта субъективного благополучия, но одновременно и его ограничениями. Для разных людей один и тот же уровень удовлетворенности может характеризовать как приятную, но пассивную и бессмысленную жизнь, так и жизнь активную, осмысленную, но полную трудностей. С учетом этого соображения субъективное благополучие выглядит важным, но не единственным и отнюдь не исчерпывающим критерием позитивного функционирования: пользуясь метафорой В. Франкла [Франкл, 1990], можно сказать, что оно выглядит плоскостью, на которую фигуры различной сложности, такие как шар, пирамида или цилиндр, могут иметь одинаковую проекцию. Счастье, как правило, связано с удовольствием, но не всякое удовольствие есть счастье.

Осознание этого факта привело к разделению в исследованиях конструктов гедонистического благополучия (гедонии, связанной с пассивным состоянием удовольствия) и эвдемонического благополучия (эвдемонии, процветания, позитивного функционирования, активной и осмысленной жизни) [Waterman, 2013; Леонтьев, 2020а]. Первоначально гедония и эвдемония рассматривались как полюса дихотомии, и понятие субъективного благополучия зачастую отождествлялось с гедонистическим благополучием [Bonniwell, Henry, 2007]. Однако теоретические соображения и накопленные эмпирические данные свидетельствуют о непродуктивности такого отождествления. На уровне конкретной ситуации (или в условиях текущей оценки) как гедонистические и эвдемонические мотивы [Huta, 2016], так и соответствующие им процессы сохранения и преодоления гомеостаза [Vittersø, 2016] демонстрируют достаточно слабые связи и выглядят скорее взаимоисключающими. Однако при измерении в условиях ретроспективной оценки и на уровне личностных диспозиций гедония и эвдемония показывают достаточно тесные связи [Huta, 2016]: в жизни большинства людей стремление к смыслу, выводя-

щему за пределы «зоны комфорта», и стремление к удовольствию не исключают друг друга, даже если реализуются в разных ситуациях.

В отличие от субъективного благополучия, которое понимается однозначно, понятие эвдемонии еще находится в процессе становления: существует более десятка теоретических моделей процветания [см. Waterman, 2013; Huta, Waterman, 2014]. Сам переход от термина «эвдемоническое благополучие» к термину «эвдемония» связан с признанием того, что последняя представляет собой не столько состояние, сколько определенный способ жизни, связанный с достаточно широким спектром субъективных переживаний.

Открытым пока остается вопрос о месте субъективного благополучия в контексте понятий гедонии и эвдемонии: по данным эмпирических исследований, оба типа индикаторов демонстрируют позитивные связи с субъективным благополучием. Согласно точке зрения К. Шелдона [Sheldon, 2016], субъективное благополучие стоит рассматривать как неспецифический субъективный индикатор хорошего протекания жизненных процессов, конкретное содержание и уровень сложности которых могут различаться у разных индивидов. Исходя из этой точки зрения, лишь субъективное благополучие является собственно «благополучием», а переменные, входящие в разные определения эвдемонии, разумнее считать его предикторами. По мнению же В. Хуты [Huta, 2014, 2016], эвдемония является не только формой поведения, но и особой формой благополучия со своими феноменологическими индикаторами (это высшие эмоции, такие как чувство ценности и смысла выполняемой деятельности, вдохновение, благоговение, витальность и др.), а неспецифический характер субъективного благополучия объясняется тем, что в процедурах его измерения феноменологические индикаторы гедонии и эвдемонии, как правило, смешаны. Решение этого вопроса представляет ближайшую задачу для исследований эвдемонии.

Диагностика благополучия в психологии

В массовых опросах, с которых начались исследования благополучия, нередко используются инструменты из одного пункта (например, «Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?», «Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы?», которые используются в European Social Survey). Однако применительно к психологическим конструктам (в отличие от объективных фактов) шкалы из одного пункта могут обладать ограниченной надежностью и валидностью по сравнению с более сложными инструментами, обеспечивающими более высокое качество измерений [Wanous, Reichers, Hudy, 1997].

Для измерения субъективного благополучия в рамках модели Э. Динера используются в комбинации индикаторы позитивных и негативных эмоций, такие как шкалы позитивного и негативного аффекта (PANAS) [Watson, Clark, Tellegen, 1988] или шкала позитивных и негативных переживаний (SPANE) [Diener et al., 2009], а также удовлетворенности жизнью — такие как шкала удовлетворенности жизнью (SWLS; ШУЖ) [Diener et al., 1985]. К этой же группе методик можно отнести шкалы, нацеленные на отдельные позитивные эмоции, такие как шкала субъективного счастья [Lyubomirsky, Lepper, 1999] или шкалы витальности как диспозиции и как состояния

[Ryan, Frederick, 1997], а также индикаторы удовлетворенности жизнью по областям, такие как индекс персонального благополучия (PWI) [International Wellbeing Group, 2013]. Однако для сопоставимости результатов с данными других исследований стоит использовать как минимум когнитивные и эмоциональные индикаторы в комбинации. Достоинством методик этой группы является то, что они измеряют *симптомы* благополучия и не привязаны к конкретному теоретическому контексту.

Другая группа методик нацелена на измерение эвдемонии, операционализируя ту или иную ее теоретическую модель. К таким методикам относятся Шкалы психологического благополучия [Ryff, Keyes, 1995], измеряющие шесть компонентов благополучия, согласно модели К. Рифф (личностный рост, принятие себя, цель в жизни, автономия, управление средой, позитивные отношения), методика «Спектр психологического здоровья (краткая версия)» (MHC-SF) [Keyes, 2009], включающая индикаторы психологического, социального и эмоционального благополучия, методика «Гедонистические и эвдемонические мотивы деятельности» (HEMA) [Huta, Ryan, 2010] и др. В отличие от методик первой группы, эти шкалы направлены не только на симптомы благополучия, но и на характеристики психологических процессов, лежащих в его основе и описанных в той или иной теоретической модели. Однако в зависимости от выбора инструмента результаты исследований могут существенно различаться.

Наконец, к третьей группе методик можно отнести шкалы качества жизни [Рассказова, 2012б], измеряющие достаточно широкий и разнородный набор индикаторов благополучия без жесткой привязки к теоретическому контексту. К таким методикам относятся шкала качества жизни ВОЗ (WHOQOL-BREF) [Skevington, Lotfy, O'Connell, 2004], опросник качества жизни и удовлетворенности (Q-Les-Q) [Endicott et al., 1993; Рассказова, 2012а), опросник качества жизни М. Фриша (QOL) [Frisch et al., 2005; Рассказова и др., 2019], Оксфордский опросник счастья (OHQ) [Hills, Argyle, 2002], шкала психического благополучия Варвик-Эдинбург [Tennant et al., 2007]. Хотя эти инструменты демонстрируют высокую надежность и конвергентную валидность (соответствие получаемых результатов) по отношению к инструментам из двух первых групп, в них зачастую смешаны характеристики собственно позитивного функционирования и удовлетворенности им, а также симптомы благополучия и его предикторы [Kashdan, 2004; Рассказова, 2012б], что создает проблемы с теоретической интерпретацией полученных связей и различий. Хотя эти методики могут быть полезными в прикладных исследованиях или при проверке интервенций, проблемы с конструктивной и дискриминантной валидностью (эти методики нацелены на достаточно размытые конструкты и включают весьма широкий набор индикаторов) осложняют их использование в фундаментальных исследованиях благополучия.

В настоящей статье представлены два исследования, посвященных русскоязычной валидации нескольких широко используемых методик для оценки субъективного благополучия. Мы стремились оценить структурную валидность (соответствие методик теоретически ожидаемой структуре), а также их конвергентную и дискриминантную валидность (соответствие эмпирически наблюдаемых связей теоретически ожидаемым) относительно других известных индикаторов благополучия и социально-демографических переменных.

Исследование 1

Целью исследования 1 стала русскоязычная валидизация двух экспресс-шкал диагностики субъективного благополучия. Первые результаты (2004—2007) апробации методик были представлены в тезисах доклада [Осин, Леонтьев, 2008], и с тех пор методики использовались более чем в 200 исследованиях (по данным РИНЦ).

Методы

Общий объем выборки составил 7091 человек, среди которых — посетители психологических веб-сайтов ($N=5039$, часть респондентов заполнили только одну из двух методик), студенты различных специальностей вузов Москвы, Таганрога и Петропавловска-Камчатского ($N=904$), а также взрослые добровольцы. В число респондентов вошли 70,04 % женщин и 29,96 % мужчин (средний возраст: 23,34, $SD=8,30$).

Инструментами исследования были *шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера* (ШУЖ) [Diener et al., 1985] и *шкала субъективного счастья С. Любомирски* (ШСС) [Lyubomirsky, Lepper, 1999]. На русский язык ШУЖ и ШСС были переведены Д. А. Леонтьевым и опубликованы в популярном издании [Леонтьев, 2004]. На протяжении 15 лет ШУЖ и ШСС использовались в ряде исследований, проводившихся группой по изучению личностного потенциала кафедры общей психологии факультета психологии МГУ (2004—2010), а впоследствии лабораторией проблем развития личности учащихся с ОВЗ МГППУ (2009—2012), лабораторией позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ (2011—2014), Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ (с 2014). По итогам первичной апробации была модифицирована формулировка последнего пункта ШСС с целью уточнения перевода. Текст методик представлен на врезке.

Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера

Ниже даны утверждения, с которыми Вы можете согласиться или не согласиться. Выразите степень Вашего согласия с каждым из них, поставив перед соответствующим утверждением оценку от 1 до 7:

1	2	3	4	5	6	7
Полностью не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Нечто среднее	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен

___ В основном моя жизнь близка к идеалу.

___ Обстоятельства моей жизни исключительно благоприятны.

___ Я полностью удовлетворен моей жизнью.

___ У меня есть в жизни то, что мне по-настоящему нужно.

___ Если бы мне пришлось жить еще раз, я бы оставил все как есть.

Шкала субъективного счастья С. Любомирски

Для каждого из четырех утверждений выберите, пожалуйста, одну из семи цифр, наиболее точно выражающую Ваше ощущение:

1. В целом я считаю себя:

1	2	3	4	5	6	7
не особенно						очень
счастливым(ой)						счастливым(ой)

2. По сравнению с большинством сверстников, я:

1	2	3	4	5	6	7
менее						более
счастлив(а)						счастлив(а)

3. Некоторые люди обычно очень счастливы. Они получают удовольствие от жизни, что бы ни происходило, беря от жизни все. Насколько это похоже на Вас?

1	2	3	4	5	6	7
совсем						в большой
не похоже						степени

4. Некоторые люди обычно не особенно счастливы. Хотя они и не страдают депрессией, похоже, они никогда не бывают так счастливы, как могли бы быть. Насколько это похоже на Вас?

1	2	3	4	5	6	7
совсем						в большой
не похоже						степени

Для оценки конвергентной и дискриминантной валидности ШУЖ и ШСС на отдельных выборках использовались индикаторы психологического благополучия и позитивного функционирования: шкала позитивного и негативного аффекта [Watson, Clark, Tellegen, 1988; Осин, 2012], опросник «Спектр психологического здоровья» (MHC-SF) [Keyes, 2009; Žemojtel-Piotrowska et al., 2018], шкала субъективной витальности как диспозиции Р. Райана и К. Фредерик [Ryan, Frederick, 1997; Александрова, 2014], шкала удовлетворенности базовых потребностей М. Ганье и Э. Деси [Deci, Ryan, 2000; Gagné, 2003; Ягяев, Осин, Гордеева, 2015], опросник субъективного отчуждения [Осин, 2007], дифференциальный опросник переживания одиночества [Осин, Леонтьев, 2013], тест смысловых ориентаций [Леонтьев, 1992], тест жизнестойкости [Леонтьев, Рассказова, 2006], тест диспозиционного оптимизма [Гордеева, Сычев, Осин, 2010], опросник СТОУН-10 [Гордеева и др., 2019], а также шкала общей самооценки [Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996]. Статистически достоверные прямые связи показателей обеих методик между собой и с другими показателями благополучия должны свидетельствовать об их конвергентной валидности, при этом ШСС должна демонстрировать более выраженные связи с эмоциональными индикаторами благополучия, а ШУЖ — с когнитивными оценками жизни и жизненных условий.

Результаты и обсуждение

Структура и надежность

Для проверки структуры методик использовался конфирматорный факторный анализ в Mplus 8.4 на основе однофакторной модели с робастной статистикой хи-квадрат Саторра-Бентлера (MLM). Для оценки надежности использовались коэффициент α Кронбаха, а также рассчитываемый на основе факторной модели коэффициент ρ Райкова [Raykov, 1997], известный как ω Макдональда [McDonald, 1999].

Для ШУЖ теоретическая модель показала отличное соответствие данным ($\chi^2 = 10,98$, $df = 5$, $p = 0,051$; CFI = 0,995; RMSEA = 0,041 [0,000; 0,074]; SRMR = 0,019), стандартизованные факторные нагрузки пунктов 1—5 составили 0,82, 0,64, 0,88, 0,56 и 0,59. Показатели внутренней согласованности ($\alpha = 0,82$, $\rho = 0,82$) свидетельствовали о высокой надежности шкалы.

Для ШСС теоретическая модель показала приемлемое соответствие данным ($\chi^2 = 27,55$, $df = 2$, $p < 0,001$; CFI = 0,981; RMSEA = 0,108 [0,074; 0,145]; SRMR = 0,024), стандартизованные факторные нагрузки пунктов 1—4 составили 0,85, 0,78, 0,75 и $-0,64$, соответственно. Мы предположили, что расхождение модели с данными обусловлено ковариацией остатков пунктов 3 и 4, так как эти утверждения, в отличие от остальных, сформулированы проективно. После внесения этого параметра модель соответствовала данным идеально ($\chi^2 = 0,01$, $df = 1$, $p = 0,93$), корреляция остатков пунктов составила $-0,23$. Показатели внутренней согласованности ($\alpha = 0,84$, $\rho = 0,83$) также свидетельствовали о высокой надежности шкалы.

Ряд исследований, выполненных на основе классической и современной тестовой теории [см. напр.: O'Connor, Crawford, Holder, 2015], свидетельствуют о том, что 4 пункт ШСС вносит лишь небольшой вклад в общий показатель шкалы. Это может быть обусловлено как его обратным направлением, так и сложной, двойной формулировкой, которая предлагает соотнести себя с людьми не депрессивными, но и не счастливыми. Наши результаты в целом согласуются с этими данными: по итогам анализа в рамках классической тестовой теории, связь последнего пункта с общим показателем варьирует от выборки к выборке и может зависеть от уровня внимательности респондентов. В лучшем случае этот пункт вносит небольшой вклад в надежность шкалы (при его исключении α снижается с 0,84 до 0,82). Анализ в рамках IRT (модель GRM в Mplus, статистика MLR) в целом воспроизводит результаты O'Коннора и коллег (плоская информационная функция пункта 4, эквивалентность результатов при его исключении). Эти результаты говорят о возможности использования версий ШСС из 4 и 3 пунктов (ниже приведены результаты для версии из 4 утверждений).

Описательная статистика

Распределение показателей по обеим шкалам близко к нормальному и демонстрирует небольшую правостороннюю асимметрию для ШСС (форма распределения существенно не различается для версии из 3 и 4 пунктов). Описательные статистики, представленные в табл. 1, могут быть использованы в качестве ориентировочных норм для анонимных русскоязычных выборок (например, по ШУЖ баллы 16 и ниже можно считать низкими, 25 и выше — высокими).

Таблица 1. **Описательная статистика для показателей ШУЖ и ШСС (N=5054)**

	ШУЖ	ШСС 4 пункта	ШСС 3 пункта
M (SD), вся выборка	20,81 (6,24)	18,33 (5,24)	13,46 (4,10)
Асимметрия (Экссесс)	-0,13 (-0,53)	-0,46 (-0,27)	-0,47 (-0,27)
Границы квартилей	16; 25	15; 22	11; 17
M (SD), мужчины	19,69 (6,36)	17,36 (5,48)	12,68 (4,29)
M (SD), женщины	20,85 (5,99)	18,50 (5,12)	13,58 (4,01)
Гендерные различия, d	0,19	0,22	0,22

Гендерные различия в суммарных баллах по шкалам оказались статистически достоверными, однако небольшими по размеру эффекта и могут быть связаны с особенностями выборки. Для более точного анализа гендерных и возрастных различий в показателях методик необходимы данные с репрезентативных выборок.

Конвергентная и дискриминантная валидность

На объединенной выборке ШСС и ШУЖ хорошо коррелируют между собой ($r = 0,70$ и $0,72$ для версий ШСС из 4 и 3 пунктов, соответственно). Таким образом, общая доля в дисперсии двух шкал составляет примерно 50%, а с учетом поправки на надежность — примерно 75% ($r_{\text{corr}} = 0,86$), что свидетельствует о тесной взаимосвязи конструкторов удовлетворенности жизнью (когнитивной оценки соответствия действительных жизненных обстоятельств желаемым) и субъективного счастья как эмоционального отражения этой оценки.

Данные о связях русскоязычных версий ШУЖ и ШСС с другими индикаторами позитивного функционирования на выборках студентов различных специальностей представлены в табл. 2.

Таблица 2. **Корреляции ШУЖ и ШСС с показателями благополучия и конструктивного мышления**

	N	ШУЖ, r	ШСС, r
Позитивный аффект	126	0,29**	0,41***
Негативный аффект	126	-0,35***	-0,32***
Континуум психического здоровья	148	0,59***	0,56***
Эмоциональное благополучие	148	0,59***	0,65***
Социальное благополучие	148	0,46***	0,32***
Психологическое благополучие	148	0,48***	0,49***
Витальность диспозиционная	85	0,37***	0,63***
Потребность в автономии	126	0,34***	0,29**
Потребность в компетентности	126	0,43***	0,25**
Потребность в связанности	126	0,41***	0,39***
Отчуждение (ОСО)	787	-0,45***	-0,48***
Общее одиночество (ДОПО)	787	-0,53***	-0,57***
Осмысленность жизни (СЖО)	284	0,59***	0,58***
Жизнестойкость	83	0,58***	0,62***

	N	ШУЖ, r	ШСС, r
Диспозиционный оптимизм	126	0,46***	0,62***
Оптимистический атрибутивный стиль	78	0,48***	0,48***
Самозффективность общая	285	0,22***	0,36***

Полученные связи подтверждают конвергентную и дискриминантную валидность различных показателей субъективного благополучия. ШСС демонстрирует более тесные связи с индикаторами эмоционального благополучия, витальности и позитивного аффекта, а ШУЖ — с оценкой жизненных условий (социальное благополучие, удовлетворенность базовых психологических потребностей). Показатели конструктивного мышления (жизнестойкость, оптимизм, самоэффективность) демонстрируют выраженные связи с обеими шкалами. Наконец, индикаторы конструктов, описывающих характеристики отношений с миром и соотносимых с понятием эвдемонии как активной осмысленной деятельности, связывающих человека с миром (жизнестойкость, отчуждение, одиночество, осмысленность жизни), также демонстрируют довольно тесные связи с обеими шкалами.

Результаты свидетельствуют о том, что русскоязычные шкалы субъективного счастья и удовлетворенности жизнью обладают достаточно высокими психометрическими характеристиками, демонстрируют устойчивые взаимосвязи с широким рядом показателей субъективного и психологического благополучия и могут быть использованы в социологических и психологических исследованиях. Задачей дальнейших исследований в российском контексте может стать изучение взаимосвязи субъективного счастья и удовлетворенности жизнью с социодемографическими характеристиками респондентов, а также изучение индивидуальной и групповой динамики этих показателей в ответ на жизненные и социальные события.

Исследование 2

Целью исследования стала совместная русскоязычная валидизация нескольких популярных инструментов для измерения психологического благополучия на достаточно большой и репрезентативной выборке.

Методы

Опрос был проведен на основе онлайн access-панели Online Market Intelligence (<http://www.omirussia.ru>) в сентябре 2018 г. Выборка квотировалась по таким характеристикам, как пол, возраст, образование, федеральный округ, размер населенного пункта. В опросе принял участие 1021 респондент, в том числе 52,4% женщин и 47,6% мужчин в возрасте от 18 до 84 лет ($M=45,7$, $SD=14,0$) с высшим или неполным высшим (44,0%), средним специальным (40,4%), неполным средним или начальным профессиональным образованием (15,6%).

Инструменты

Спектр психологического здоровья (МНС) [Keyes, 2009] опирается на модель континуума психологического здоровья К. Киза, согласно которой психологическое здоровье и психическая болезнь представляют собой независимые (ортогональные)

измерения. Опросник включает 14 утверждений, описывающих различные переживания, частоту которых за прошедший месяц респондентам предлагается оценить по 6-балльной шкале. Утверждения сгруппированы в три шкалы: эмоциональное гедонистическое благополучие (утверждения 1—3, отражающие позитивные эмоции), социальное эвдемоническое благополучие (утверждения 5—8, отражающие вклад в общество, ощущение принадлежности, развития, принятия и связности общества), психологическое эвдемоническое благополучие (утверждения 9—14, содержание которых соответствует компонентам модели психологического благополучия К. Рифф и отражает принятие себя, управление окружением, позитивные отношения, личностный рост, автономию и наличие цели в жизни) [Żemojtel-Piotrowska et al., 2018]. Полный текст опросника представлен на врезке.

Опросник «Спектр психологического здоровья»

Пожалуйста, для каждого утверждения выберите ответ, который наилучшим образом отражает Ваши ощущения и чувства.

За прошедший месяц, насколько часто Вы чувствовали...	Никогда (0)	Один или два раза (1)	Примерно раз в неделю (2)	Примерно 2—3 раза в неделю (3)	Почти каждый день (4)	Каждый день (5)
1. Счастье	0	1	2	3	4	5
2. Интерес к жизни	0	1	2	3	4	5
3. Удовлетворение жизнью	0	1	2	3	4	5
4. Что Вы можете сделать что-то важное для общества	0	1	2	3	4	5
5. Что Вы являетесь частью общности (группы, коллектива, района и т. д.)	0	1	2	3	4	5
6. Что жить в нашем обществе хорошо (или становится лучше) для всех людей	0	1	2	3	4	5
7. Что люди по сути своей хорошие	0	1	2	3	4	5
8. Что наше общество живет по разумным для Вас принципам	0	1	2	3	4	5
9. Что Вы, по большей части, довольны самим собой	0	1	2	3	4	5
10. Что Вы успешно справляйтесь со своими повседневными обязанностями	0	1	2	3	4	5
11. Что Ваши отношения с другими людьми полны тепла и доверия	0	1	2	3	4	5
12. Что Вы пережили что-то, благодаря чему Вы выросли над собой и стали лучше как человек	0	1	2	3	4	5
13. Что Вы уверены в своем мнении и готовы выразить свои взгляды	0	1	2	3	4	5
14. Что Ваша жизнь имеет определенное направление или смысл	0	1	2	3	4	5

Эмоциональное благополучие — сумма пунктов 1—3, социальное благополучие — сумма пунктов 4—8, психологическое благополучие — сумма пунктов 9—14. Общий показатель — сумма всех 14 пунктов.

Индекс личного благополучия взрослых (PWI-A) [International Wellbeing Group, 2013] в переводе Е. А. Углановой. Методика включает семь утверждений, касающихся различных сфер жизни («Насколько Вы удовлетворены... 1. Своим уровнем жизни; 2. Своим здоровьем; 3. Своими достижениями в жизни; 4. Своими взаимоотношениями с близкими людьми; 5. Уровнем личной безопасности; 6. Своими отношениями с соседями; 7. Степенью своей уверенности в будущем»). Утверждения оцениваются по 11-балльной шкале (от 0 — «Совершенно не удовлетворен(а)» до 10 — «Полностью удовлетворен(а)»). Подробный психометрический анализ этой методики, включая русскоязычную версию, представлен отдельно [Żemojtel-Piotrowska et al., 2017]. Для целей данного исследования формулировки двух утверждений были модифицированы: в утверждение 1 введено пояснение («...своим уровнем жизни (материальным положением)»), а пункт 6 («Своими отношениями с соседями») был заменен на («Своими отношениями с окружающими людьми»). Дополнительный пункт («8. Своей духовной жизнью или религией») в настоящем исследовании не использовался.

Шкалы позитивного и негативного аффекта [Осин, 2012], сокращенная версия. Инструкция к методике звучит следующим образом: «Этот опросник состоит из перечня прилагательных, которые описывают различные чувства и эмоции. Прочитайте каждое прилагательное и отметьте рядом с ним, в какой мере Вы чувствуете себя так в течение прошедших двух недель. Используйте следующие варианты ответов: 1 — почти или совсем нет, 2 — немного, 3 — умеренно, 4 — значительно, 5 — очень сильно». Использована сокращенная версия из 12 утверждений, включающая шесть позитивных эмоций и шесть негативных эмоций. При сокращении были опущены по четыре утверждения, описывающих позитивные эмоции («увлеченный», «сосредоточенный», «внимательный», «решительный») и негативные эмоции («виноватый», «стыдящийся», «испуганный», «злой»). Итоговый набор негативных эмоций (см. рис. 3) отражал тревогу, депрессию и напряжение, а позитивных — тонус, интерес и радость.

Общее благополучие. Были использованы два индикатора счастья и удовлетворенности из одного утверждения: «Оцените по шкале, насколько Вы счастливы, где 0 — совсем не счастливы, 10 — очень счастливы» и «Насколько Вы удовлетворены Вашей жизнью в целом? 0 — Совершенно не удовлетворен(а), 10 — Полностью удовлетворен(а)».

Демографические переменные: гендер, возраст, образование респондентов, семейное положение (варианты ответа «женат/замужем» и «живу с партнером (гражданский брак)» кодировались 1, варианты «холост/незамужняя», «разведен(а)/разошлись» и «вдовец/вдова» — 0), наличие детей до семи лет. Использованы следующие индикаторы экономического статуса: «Каков примерно средний доход на человека в месяц в Вашей семье?» (14 диапазонов), «Какая примерно доля всех ежемесячных расходов Вашей семьи приходится на питание и на оплату коммунальных услуг?» (10 диапазонов), «Как бы Вы могли охарактеризовать в целом материальное положение Вашей семьи?» (6 вариантов ответа). Ряд индикаторов касались социальных и политических взглядов: политическое влияние («В какой мере, на Ваш взгляд, нынешняя политическая система в России позволяет таким людям как Вы влиять на политику?» — 5 вариантов ответа), вос-

приятие коррупции («Коррупция — когда люди дают взятки, дарят подарки или делают одолжения другим, чтобы были решены их вопросы или оказаны услуги, на которые они и так имеют право. В какую точку Вы поместили бы Россию на этой шкале?» — 10-балльная шкала ответа), социальное доверие («Насколько Вы доверяете тем или иным людям?»: «семья», «люди, живущие по соседству», «люди, с которыми Вы знакомы лично», «люди, с которыми Вы встречаетесь первый раз», «люди другой веры», «люди другой национальности» — 4-балльная шкала ответа, $\alpha = 0,74$), воспринимаемое неравенство («Как бы Вы охарактеризовали разницу в доходах между богатыми и бедными в России?» — 10-балльная шкала), отношение к эмиграции («Вы лично осуждаете или не осуждаете россиян, которые навсегда уезжают за границу?», «Вы лично хотели бы или не хотели уехать за границу навсегда — то есть на постоянное место жительства?» — 5-балльная шкала ответа, $\alpha = 0,54$), ощущение свободы («Как часто Вы чувствуете себя свободным человеком?» — 5-балльная шкала ответа), локус контроля («Некоторые люди полагают, что они совершенно свободны в выборе и сами определяют свою жизнь, другие же считают, что они никак реально не влияют на то, что с ними происходит. А в какой степени Вы влияете на ход своей жизни?» — 10-балльная шкала ответа), религиозность («Насколько важен Бог в Вашей жизни?» — 10-балльная шкала ответа).

Результаты и обсуждение

Структурная валидность методик

Для оценки структурной валидности методик использовался конфирматорный факторный анализ в Mplus 7.4 с робастной статистикой хи-квадрат Саторра-Бентлера (MLM).

Модель для опросника МНС с тремя коррелирующими факторами соответствовала данным недостаточно хорошо ($\chi^2(74) = 632,40$, CFI = ,904, RMSEA = ,086, 90 % CI [,080; ,092], SRMR = ,050), а модель типа MTMM с общим фактором благополучия и тремя коррелирующими частными факторами (эмоциональное, социальное, психологическое благополучие) показала хорошее соответствие данным ($\chi^2(60) = 395,99$, CFI = ,942, RMSEA = ,074, 90 % CI [,067; ,081], SRMR = ,038). Параметры модели представлены на рис. 1.

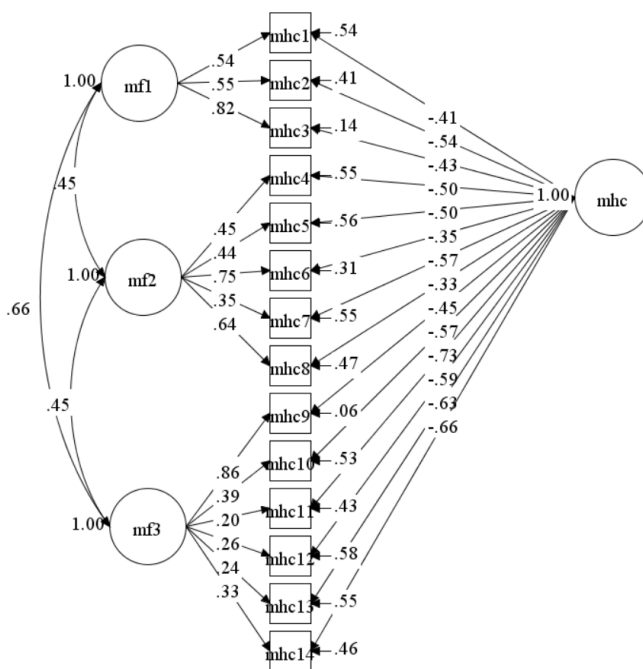

Рис. 1. Показатели структурной модели опросника МНС (стандартизованные факторные нагрузки, все представленные параметры статистически достоверны, $p < 0,05$).

На основе факторной модели были рассчитаны психометрические показатели бифакторной структуры [Rodríguez, Reise, Haviland, 2016]. Показатель ECV, отражающий долю объясненной дисперсии переменных, связанную с общим фактором, составил 0,50, что говорит в пользу дискриминантной валидности субшкал. Значения показателя надежности ω составили 0,92 для общего показателя, 0,84 для эмоционального благополучия, 0,83 для социального благополучия и 0,88 для психологического благополучия, что говорит о высокой надежности. Показатель ω_H , отражающий долю общей дисперсии переменных, связанную с общим фактором, составил 0,71, а показатели ω_S , отражающие долю специфичной дисперсии пунктов, входящих в каждую субшкалу, составили 0,55 для эмоционального благополучия, 0,48 для социального благополучия и 0,25 для психологического благополучия. Эти результаты свидетельствуют о дискриминантной валидности шкал, при этом шкала психологического благополучия наиболее близка к общему показателю.

Однофакторная модель для опросника PWI показала удовлетворительное соответствие данным по двум практическим индексам соответствия, CFI и SRMR, и неудовлетворительное по данным RMSEA ($\chi^2(14) = 206,35$, CFI = ,911, RMSEA = ,116, 90% CI [,102; ,130], SRMR = ,053). Это было обусловлено ковариацией пунктов 4 и 6 ($\Delta\chi^2 = 109,90$), связанных с отношениями, после введения которой модель продемонстрировала хорошее соответствие данным ($\chi^2(13) = 95,04$, CFI = ,962, RMSEA = ,079, 90% CI [,064; ,094], SRMR = ,036). Шкала также была надежной ($\omega = 0,82$). Факторные нагрузки представлены на рис. 2.

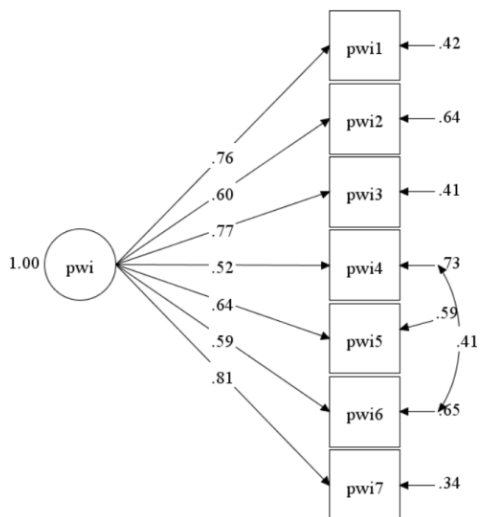

Рис. 2. Показатели структурной модели опросника PWI (стандартизованные факторные нагрузки, все представленные параметры статистически достоверны, $p < 0,05$).

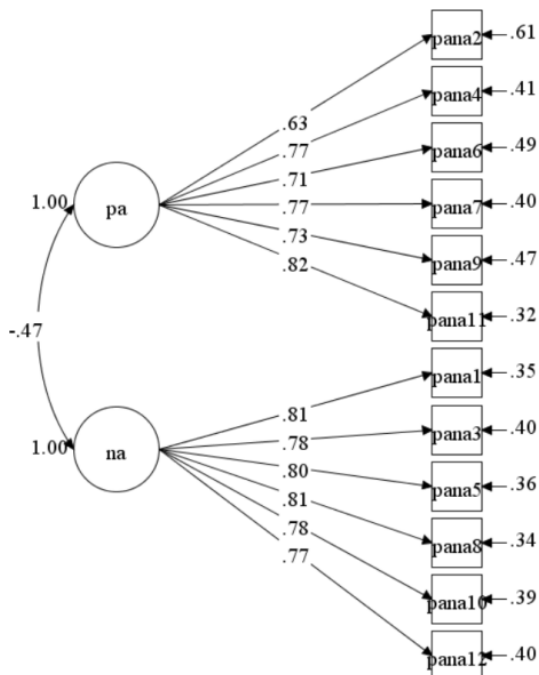

Рис. 3. Показатели структурной модели краткой шкалы позитивного и негативного аффекта (стандартизованные факторные нагрузки, все представленные параметры статистически достоверны, $p < 0,05$). Позитивный аффект (pa) представлен дескрипторами: «2. заинтересованный», «4. радостный», «6. вдохновленный», «7. полный сил», «9. уверенный», «11. бодрый»; негативный аффект (na): «1. беспокойный», «3. подавленный», «5. нервный», «8. тревожный», «10. раздраженный», «12. расстроенный».

Наконец, для краткой шкалы позитивного и негативного аффекта двухфакторная теоретическая модель показала хорошее соответствие данным ($\chi^2(53) = 273,37$, CFI = ,959, RMSEA = ,064, 90% CI [,056; ,071], SRMR = ,042) — полученные наборы эмоций можно считать достаточно однородными. Показатели надежности (ω) составили 0,88 для позитивного аффекта и 0,91 для негативного аффекта, а факторы умеренно отрицательно коррелировали. Факторные нагрузки представлены на рис. 3.

Конвергентная и дискриминантная валидность методик

Для оценки конвергентной валидности методик мы рассчитали корреляции между их общими показателями (см. табл. 3). Полученные результаты достаточно предсказуемы и говорят о высокой конвергентной валидности индикаторов. Шкалы счастья и удовлетворенности жизнью из одного пункта демонстрируют высокую согласованность друг с другом и с более развернутыми индикаторами. При выделении единого фактора, описывающего 59% дисперсии переменных, нагрузки этих шкал составляют 0,79 и 0,82, что свидетельствует об их высокой надежности. Наиболее выраженную специфику демонстрируют индикаторы негативного аффекта и социального благополучия по методике МНС.

Таблица 3. *Корреляционные связи переменных*

	λ	1	2	3	4	5	6	7
1. Счастье	,79							
2. Удовлетворенность жизнью	,82	,70						
3. Индекс личного благополучия (PWI)	,84	,68	,77					
4. Позитивный аффект	,80	,53	,58	,61				
5. Негативный аффект	-,55	-,38	-,39	-,41	-,41			
6. Эмоциональное благополучие	,85	,66	,65	,61	,65	-,42		
7. Социальное благополучие	,68	,38	,40	,49	,52	-,24	,54	
8. Психологическое благополучие	,77	,47	,50	,55	,61	-,34	,66	,63

Примечание. Все коэффициенты статистически достоверны на уровне $p < 0,001$.

Для изучения дискриминантной валидности мы применили другие переменные, которые, по данным международных исследований, демонстрируют предсказуемые связи с показателями благополучия. Для расчета размеров эффекта использованы коэффициенты корреляции Спирмена (см. табл. 4).

Таблица 4. *Корреляционные связи с другими переменными*

	Счастье	Удовл. жизнью	PWI	Позит. аффект	Негат. аффект	МНС Эмоц.	МНС Соц.	МНС Псих.
Пол (0=M, 1=Ж)	,14***	,09**	,04	,00	,10**	,10**	,01	,08*
Возраст	-,09**	-,06	-,06	-,10**	-,16***	-,12***	-,04	,01
Образование	,03	,01	,07*	,03	,01	-,01	-,02	-,05

	Счастье	Удовл. жизнью	PWI	Позит. аффект	Негат. аффект	МНС Эмоц.	МНС Соц.	МНС Псих.
Получает образование	,09**	,10**	,06*	,12***	,08**	,12***	,09**	,01
Семейное положение	,12***	,14***	,13***	,12***	-,06	,13***	,02	,09**
Дети до 7 лет	,11**	,07*	,10**	,08*	,09*	,12***	,08*	,05
Доход на человека	,16***	,16***	,25***	,17***	-,13***	,09**	,08**	,05
Расходы на питание	-,15***	-,18***	-,23***	-,16***	,13***	-,13***	-,15***	-,11***
Материальное положение	,26***	,23***	,33***	,22***	-,17***	,20***	,14***	,14***
Религиозность	,12***	,11***	,09**	,10**	,02	,09**	,16***	,12***
Политическое влияние	,17***	,18***	,23***	,21***	-,06	,17***	,31***	,15***
Восприятие коррупции	-,04	-,04	-,13***	-,05	,06*	-,07*	-,23***	-,07*
Социальное доверие	,25***	,28***	,36***	,28***	-,21***	,24***	,36***	,24***
Воспринимаемое неравенство	-,09**	-,11***	-,14***	-,09**	-,03	-,10**	-,15***	-,01
Отношение к эмиграции	-,13***	-,15***	-,18***	-,12***	,20***	-,17***	-,22***	-,15***
Ощущение свободы	,36***	,41***	,44***	,37***	-,31***	,39***	,27***	,32***
Локус контроля	,32***	,33***	,38***	,30***	-,18***	,30***	,19***	,28***

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Гендер, возраст и образование связаны с показателями благополучия лишь незначительно. Наличие близких отношений (брак или гражданский брак) и детей демонстрирует слабые положительные связи в первую очередь с индикаторами эмоционального характера (счастье, эмоциональное благополучие), тогда как материальное благополучие в большей степени связано с когнитивными оценками удовлетворенности жизнью по областям. Эта асимметрия согласуется с данными мировых исследований [Diener, Oishi, Tay, 2018]. Религиозность демонстрирует слабые положительные связи, наиболее выраженные для социального благополучия, что объясняется данными о том, что участие в жизни религиозного сообщества способствует развитию социальных связей и позитивных эмоций [van Cappellen et al., 2016; Diener, Oishi, Tay, 2018]. Социальное доверие, воспринимаемое неравенство, восприятие коррупции, отношение к эмиграции демонстрируют наиболее тесные связи с индикатором социального благополучия по опроснику МНС, однако связаны и с общим благополучием. Наконец, локус контроля и ощущение свободы, лежащие в основе эвдемонического функционирования личности, наиболее тесно связаны с эвдемоническим психологическим благополучием и общими индикаторами субъективного благополучия. Полученные связи в целом соответствуют теоретическим ожиданиям и свидетельствуют о валидности показателей благополучия.

Общее обсуждение

Представленные в статье методики охватывают достаточно широкий спектр моделей и индикаторов субъективного благополучия. Эмоциональные аспекты субъективного благополучия затрагивают шкала субъективного счастья, измеряющая эмоциональное переживание индивидом собственной жизни как целого, шкала позитивных и негативных эмоций, позволяющая оценить баланс эмоциональных состояний за тот или иной интервал времени, а также субшкала эмоционального благополучия методики МНС. Когнитивные аспекты субъективного благополучия затрагивают шкала удовлетворенности жизнью, измеряющая когнитивную оценку соответствия жизненных обстоятельств в целом ожиданиям индивида, методика РВИ, оценивающая удовлетворенность жизнью по областям. Наконец, характеристики эвдемонического благополучия измеряют две из трех шкал методики МНС, диагностирующие активную включенность индивида в социальный контекст (социальное благополучие) и шесть характеристик процветания согласно модели К. Рифф (психологическое благополучие).

Перечисленные методики демонстрируют достаточно высокие психометрические характеристики (структурная валидность, надежность, очевидная и конвергентная валидность) и могут быть использованы в социологических, психологических и междисциплинарных исследованиях. Мы также проверили валидность индикаторов счастья и удовлетворенности жизнью из одного пункта, которые весьма выгодно выглядят в качестве исследовательских инструментов для изучения социальных феноменов в силу краткости. Психометрические характеристики этих индикаторов соответствуют существующим данным для инструментов из одного утверждения [Wanous, Hudy, 2001], однако для изучения феноменов индивидуального уровня на небольших выборках предпочтительными выглядят более развернутые инструменты.

Мы надеемся, что настоящая публикация, предлагающая доступные и валидизированные инструменты, поспособствует развитию российских исследований субъективного благополучия, число которых остается, к сожалению, небольшим, а данные на репрезентативных российских выборках, как правило, ограничиваются результатами нескольких сравнительных международных исследований.

Список литературы (References)

Александрова Л. А. Субъективная витальность как предмет исследования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 1. С. 133—163.
Aleksandrova L. A. (2014) Subjective Vitality as a Research Object. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 11. No. 1. P. 133—163. (In Russ.)

Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (ЛОТ) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36—64.

Gordeeva T. O., Sychev O. A., Osin E. N. (2010) Development of the Russian-language Version of the Test of Dispositional Optimism (LOT). *Psychological Diagnostics*. No. 2. P. 36—64. (In Russ.)

Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н., Титова-Граншам В. А. Краткий опросник оптимистического атрибутивного стиля // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 76—86.

Gordeeva T. O., Sychev O. A., Osin E. N., Titova-Grandchamp V. A. (2019) Revised Version of Optimistic Attributional Style Questionnaire. *Psychological Journal*. Vol. 40. No. 6. P. 76—86. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.
Leontiev D. A. (1992) Noetic Orientations Test (SZhO). Moscow: Smysl. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. На пути к счастью // Энциклопедия для детей. Том 18. Человек. Ч. 3. Духовный мир человека / глав. ред. Е. Ананьева; вед. ред. Т. Каширина. М.: Аванта+, 2004. С. 545—559.

Leontiev D. A. (2004) On the Way to Happiness. In: Ananyeva Ye., Kashirina T. (eds.) *Encyclopedia for Children. Vol. 18. Human. Part 3. The Spiritual World of Human*. Moscow: Avanta+. P. 545—559. (In Russ.)

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
Leontiev D. A., Rasskazova E. I. (2006) Test of Viability. Moscow: Smysl.

Леонтьев Д. А. К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // Человек. 2011а. № 5. С. 34—46.

Leontiev D. A. (2011a) To the Anthropology of Happiness: The State of Well-Being and the Path of Joy. *Chelovek*. No. 5. P. 34—46. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Подход через позитивные черты личности: от психологического благополучия к добродетелям и силам характера // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011b. С. 76—91.

Leontiev D. A. (2011b) Approach through Positive Personality Traits: From Psychological Well-Being to Virtues and Character Strengths. Leontiev D. A. (ed.) *Personality Potential: Structure and Assessment*. Moscow: Smysl. P. 76—91. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020а. № 1. С. 14—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.

Leontiev D. A. (2020a) Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 14—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020b. (В печати).

Leontiev D. A. (2020b) Quality of Life and Well-Being: Objective, Subjective and Agentic Aspects. *Psychological Journal*. (In Press). (In Russ.)

Осин Е. Н. Смыслотрата как переживание отчуждения: структура и диагностика ^ дис. ... канд. психол. н. М., 2007.

Osin E. N. (2007) Meaninglessness as an Experience of Alienation: Structure and Diagnosis. The Dissertation for the Degree of Candidate of Psychological Sciences. Moscow. (In Russ.)

Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91—110.

Osin E. N. (2012) Measuring Positive and Negative Affect: Development of a Russian-language Analogue of PANAS. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 9. No. 4. P. 91—110. (In Russ.)

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М. : Институт социологии РАН; Российское общество социологов, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (последний доступ: 08.02.2020).

Osin E. N., Leontiev D. A. (2008) Testing Russian-language Versions of Two Scales of Rapid Assessment of Subjective Well-Being. *Proceedings of the IIIrd All-Russian Sociological Congress*. Moscow: Institute of Sociology Russian Academy of Sciences; Russian Society of Sociologists. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (accessed: 08.02.2020). (In Russ.)

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55—81.

Osin E. N., Leontiev D. A. (2013) Multidimensional Inventory of Loneliness Experience: Structure and Properties. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 10. No. 1. P. 55—81. (In Russ.)

Расказова Е. И. Методика оценки качества жизни и удовлетворенности: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012а. Т. 9. № 4. С. 81—90.

Rasskazova E. I. (2012a) Evaluation of Quality of Life Enjoyment and Satisfaction: Psychometric Properties of a Russian-language Measure. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 9. No. 4. P. 81—90. (In Russ.)

Расказова Е. И. Методы диагностики качества жизни в науках о человеке // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012b. № 3. С. 95—107.

Rasskazova E. I. (2012b) Methods for the Quality of Life Assessment in the Human Sciences. *The Moscow University Psychology Bulletin*. No. 3. P. 95—107. (In Russ.)

Расказова Е. И., Неяскина Ю. Ю., Леонтьев Д. А., Ширяева О. С. Диагностика качества жизни в психотерапии: апробация русскоязычной версии методики М. Фриша // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 1. С. 8—29. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270102>.

Rasskazova E. I., Neyaskina Yu. Yu., Leontyev D. A., Shiryayeva O. S. (2019) Diagnosing the Quality of Life in Psychotherapy: Validation of the Russian Version of the M. Frisch's Quality of Life Inventory. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. Vol. 27. No. 1. P. 8—29. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270102>. (In Russ.)

Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Смысл, 1990.

Frankl V. (1990) *Man's Search for Meaning*. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самооценки Р. Шварцера и М. Ерусалема // *Иностранная психология*. 1996. № 7. С. 71—76. Schwarzer R., Jerusalem M., Romek V. (1996) Russian Version of the General Self-Efficacy Scale. *Foreign Psychology*. No. 7. P. 71—76. (In Russ.)

Ягіяєв І. І., Осін Є. М., Гордєєва Т. О. Російськомовна адаптація методики задоволеності базових психологічних потреб на українській та російській вибірці // *Вісник Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Психологічні науки*. 2015. Вып. 7. С. 182—190.

Yagiyayev I. I., Osin E. N., Gordeeva T. O. (2015) Russian-Language Adaptation of the Methodology of Satisfaction of Basic Psychological Needs in Ukrainian and Russian Sample. *Bulletin of Kamianets-Podilskyi Ivan Ogiyenko National University. Psychological Sciences*. Vol. 7. P. 182—190. (In Ukrainian).

Andrews F. M., Whitey S. S. (1976) *Social Indicators of Well-Being. Americans' Perceptions of Life Quality*. New York: Plenum Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-2253-5>.

Boniwell I., Henry J. (2007) Developing Conceptions of Well-Being: Advancing Subjective, Hedonic and Eudaimonic Theories. *Social Psychology Review*. Vol. 9. No. 1. P. 3—18.

Busseri M. A., Sadava S. W. (2011) A Review of the Tripartite Structure of Subjective Well-Being: Implications for Conceptualization, Operationalization, Analysis, and Synthesis. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 15. No. 3. P. 290—314. <https://doi.org/10.1177/1088868310391271>.

Deci E. L., Ryan R. M. (2000) The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior. *Psychological Inquiry*. Vol. 11. No. 4. P. 227—268. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1104_01.

Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 95. No. 3. P. 542—575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>.

Diener E., Emmons R. A. (1984) The Independence of Positive and Negative Affect. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 47. No. 5. P. 1105—1117. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.47.5.1105>.

Diener E. D., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S. (1985) The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 49. No. 1. P. 71—75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13.

Diener E., Wirtz D., Biswas-Diener R., Tov W., Kim-Prieto C., Choi D., Oishi S. (2009) New Measures of Well-Being. In: Diener E. (ed.) *Assessing Well-Being. The Collected Works of Ed Diener*. Dordrecht: Springer. P. 247—266. https://doi.org/10.1007/978-90-481-2354-4_12.

Diener E., Tay L. (2017) A Scientific Review of the Remarkable Benefits of Happiness for Successful and Healthy Living. In: *Happiness: Transforming the Development Landscape*. Thimphu: The Centre for Bhutan Studies and GNH. P. 90—117.

- Endicott J., Nee J., Harrison W., Blumenthal R. (1993) Quality of Life Enjoyment and Satisfaction Questionnaire: A New Measure. *Psychopharmacology Bulletin*. Vol. 29. No. 2. P. 321—326.
- Frisch M. B., Clark M. P., Rouse S. V., Rudd M. D., Paweleck J., Greenstone A. (2005) Predictive and Treatment Validity of Life Satisfaction and the Quality of Life Inventory. *Assessment*. Vol. 12. No. 1. P. 66—78. <https://doi.org/10.1177/1073191104268006>.
- Gagné M. (2003) The Role of Autonomy Support and Autonomy Orientation in Prosocial Behavior Engagement. *Motivation and Emotion*. Vol. 27. No. 3. P. 199—223. <https://doi.org/10.1023/a:1025007614869>.
- Diener E., Oishi S., Tay L. (eds.) (2018) *Handbook of Well-Being*. Salt Lake City, UT: DEF Publishers. <https://www.nobascholar.com/books/1> (accessed: 08.02.2020).
- Hills P., Argyle M. (2002) The Oxford Happiness Questionnaire: A Compact Scale for the Measurement of Psychological Well-Being. *Personality and Individual Differences*. Vol. 33. No. 7. P. 1073—1082. [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(01\)00213-6](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(01)00213-6).
- Huta V. (2014) Eudaimonia. In: David S. A., Boniwell I., Ayers A. C. (eds.) *The Oxford Handbook of Happiness*. Oxford: Oxford University Press. P. 201—213. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199557257.013.0015>.
- Huta V. (2016) Eudaimonic and Hedonic Orientations: Theoretical Considerations and Research Findings. In: Vittersø J. (ed.) *Handbook of Eudaimonic Well-Being*. Cham: Springer. P. 215—231. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42445-3_15.
- Huta V., Ryan R. M. (2010) Pursuing Pleasure or Virtue: The Differential and Overlapping Well-Being Benefits of Hedonic and Eudaimonic Motives. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 11. No. 6. P. 735—762. <https://doi.org/10.1007/s10902-009-9171-4>.
- Huta V., Waterman A. S. (2014) Eudaimonia and its Distinction from Hedonia: Developing a Classification and Terminology for Understanding Conceptual and Operational Definitions. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 15. No. 6. P. 1425—1456. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9485-0>.
- International Wellbeing Group (2013) *Personal Wellbeing Index: 5th Edition*. Melbourne: Australian Centre on Quality of Life, Deakin University.
- Kashdan T. B. (2004) The Assessment of Subjective Well-Being (Issues Raised by the Oxford Happiness Questionnaire). *Personality and Individual Differences*. Vol. 36. No. 5. P. 1225—1232. [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(03\)00213-7](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(03)00213-7).
- Keyes C. L.M. (2009) Atlanta: Brief Description of the Mental Health Continuum Short Form (MHC-SF). URL: <http://www.sociology.emory.edu/ckeyes/> (accessed: 08.02.2020).
- Lyubomirsky S., Lepper H. S. (1999) A Measure of Subjective Happiness: Preliminary Reliability and Construct Validation. *Social Indicators Research*. Vol. 46. No. 2. P. 137—155. <https://doi.org/10.1023/a:1006824100041>.

McDonald R.P. (1999) *Test Theory: A Unified Treatment*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

O'Connor B.P., Crawford M.R., Holder M.D. (2015) An Item Response Theory Analysis of the Subjective Happiness Scale. *Social Indicators Research*. Vol. 124. No. 1. P. 249—258. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0773-9>.

Raykov T. (1997) Scale Reliability, Cronbach's Coefficient Alpha, and Violations of Essential Tau-equivalence with Fixed Congeneric Components. *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 32. No. 4. P. 329—353. https://doi.org/10.1207/s15327906mbr3204_2.

Rodriguez A., Reise S.P., Haviland M.G. (2016) Evaluating Bifactor Models: Calculating and Interpreting Statistical Indices. *Psychological Methods*. Vol. 21. No. 2. P. 137—150. <https://doi.org/10.1037/met0000045>.

Ryan R.M., Frederick C. (1997) On Energy, Personality, and Health: Subjective Vitality as a Dynamic Reflection of Well-Being. *Journal of Personality*. Vol. 65. No. 3. P. 529—565. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1997.tb00326.x>.

Ryff C.D., Keyes C.L.M. (1995) The Structure of Psychological Well-Being Revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 69. No. 4. P. 719—727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>.

Seligman M.E.P. (2002) *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York: The Free Press.

Sheldon K. (2016) Putting Eudaimonia in its Place: On the Predictor, Not the Outcome, Side of the Equation. In: Vittersø J. (ed.) *Handbook of Eudaimonic Well-Being*. Cham: Springer. P. 531—541. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42445-3_36.

Skevington S.M., Lotfy M., O'Connell K.A. (2004) The World Health Organization's WHOQOL-BREF Quality of Life Assessment: Psychometric Properties and Results of the International Field Trial. A Report from the WHOQOL Group. *Quality of Life Research*. Vol. 13. No. 2. P. 299—310. <https://doi.org/10.1023/b:qure.0000018486.91360.00>.

Tennant R., Hillier L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J., Stewart-Brown S. (2007) The Warwick-Edinburgh Mental Well-Being Scale (WEMWBS): Development and UK Validation. *Health and Quality of Life Outcomes*. Vol. 5. No. 1. P. 63. <https://doi.org/10.1186/1477-7525-5-63>.

Waterman A. (ed.) (2013) *The Best Within Us: Positive Psychology Perspectives on Eudaimonia*. Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14092-000>.

Tov W. (2018) Well-Being Concepts and Components. In: Diener E., Oishi S., Tay L. (eds.) (2018) *Handbook of Well-Being*. Salt Lake City, UT: DEF Publishers. <https://www.nobascholar.com/chapters/12/download.pdf> (accessed: 08.02.2020).

van Cappellen P., Toth-Gauthier M., Saroglou V., Fredrickson B. L. (2016) Religion and Well-Being: The Mediating Role of Positive Emotions. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 17. No. 2. P. 485—505. <https://doi.org/10.1007/s10902-014-9605-5>.

Vittersø J. (2016) The Feeling of Excellent Functioning: Hedonic and Eudaimonic Emotions. In: Vittersø J. (ed.) *Handbook of Eudaimonic Well-Being*. Cham: Springer. P. 253—276. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42445-3_17.

Wanous J. P., Hudy M. J. (2001) Single-Item Reliability: A Replication and Extension. *Organizational Research Methods*. Vol. 4. No. 4. P. 361—375. <https://doi.org/10.1177/109442810144003>.

Wanous J. P., Reichers A. E., Hudy M. J. (1997) Overall Job Satisfaction: How Good are Single-Item Measures? *Journal of Applied Psychology*. Vol. 82. No. 2. P. 247—252. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.82.2.247>.

Watson D., Clark L. A., Tellegen A. (1988) Development and Validation of Brief Measures of Positive and Negative Affect: The PANAS Scales. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54. No. 6. P. 1063—1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.6.1063>.

Žemojtjel-Piotrowska M., Piotrowski J. P., Ciecuch J., Adams B. G., Osin E. N., Ardi R., Băltătescu S., Lal Bhomi A., Clinton A., de Clunie G. T., Esteves C., Gouveia V., Hosseini A., Ghaheh H. S., Khachatryan N., Kamble S. V., Kawula A., Liik K., Letovancova E., Cerrato S. M., Mora C. A., Nartova-Bochaver S., Nikolic M., Park J., Paspalanova E., Pék G., Różycka-Tran J., Khanh H. T. T., Tsubakita T., Vauclair C.-M., Włodarczyk A., Maltby J. (2017) Measurement Invariance of Personal Well-Being Index (PWI-8) across 26 Countries. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 18. No. 6. P. 1697—1711. <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9795-0>.

Žemojtjel-Piotrowska M., Piotrowski J., Osin E. N., Ciecuch J., Adams B. G., Ardi R., Baltatescu S., Bogomaz S., Bhomi A. L., Clinton A., de Clunie G. T., Czarna A. Z., Esteves C., Gouveia V., Halik M. H., Hosseini A., Khachatryan N., Kamble S. V., Kawula A., Lun V. M., Ilisko D., Klicperova-Baker M., Liik K., Letovancova E., Cerrato S. M., Michalowski J., Malysheva N., Marganski A., Nikolic M., Park J., Paspalanova E., de Leon P. P., Pék G., Różycka-Tran J., Samekin A., Shahbaz W., Ha T. T., Tiliouine H., van Hiel A., Vauclair M., Wills-Herrera E., Włodarczyk A., Yahiiaev I., Maltby J. (2018) Mental Health Continuum-Short Form: The Structure and Application for Cross-Cultural Studies. *Journal of Clinical Psychology*. Vol. 74. No. 6. P. 1034—1052. <https://doi.org/10.1002/jclp.22570>.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.07

Правильная ссылка на статью:

Климова А. М., Чмель К. Ш. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 143—176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.07>.

For citation:

Klimova A. M., Chmel K. Sh. (2020) Regional Differences in Subjective Well-Being: Does Social Policy Offset the Effects of Inequality in Russia?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 143—176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.07>.

А. М. Климова, К. Ш. Чмель
**РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СУБЪЕКТИВНОМ БЛАГОПОЛУЧИИ:
КОМПЕНСИРУЕТ ЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЭФФЕКТЫ
НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ?**

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СУБЪЕКТИВНОМ БЛАГОПОЛУЧИИ: КОМПЕНСИРУЕТ ЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЭФФЕКТЫ НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ?

REGIONAL DIFFERENCES IN SUBJECTIVE WELL-BEING: DOES SOCIAL POLICY OFFSET THE EFFECTS OF INEQUALITY IN RUSSIA?

КЛИМОВА Айгуль Маратовна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: amavletova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7407-2072>

Aigul M. KLIMOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Sociology; Senior Research Fellow at the Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: amavletova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7407-2072>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ЧМЕЛЬ Кирилл Шамилевич — бакалавр политической науки, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований, преподаватель Департамента интегрированных коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: kchmel@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1136-8754>

Kirill Sh. CHMEL¹ — Bachelor of Arts (BA) in Political Science, Junior Research Fellow at the Laboratory for Comparative Social Research; Lecturer at the Department of Integrated Communications
E-MAIL: kchmel@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1136-8754>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Среди целей, стоящих перед социальной политикой, существует одна, в достижении которой особенно заинтересованы социальные государства. Это снижение уровня неравенства, и, следовательно, повышение субъективного благополучия населения. Однако действительно ли успешная социальная политика позволяет компенсировать эффекты неравенства? Этот вопрос давно находится в повестке исследований, но не так много эмпирических работ дают однозначный ответ на него. В данной работе мы проверяем гипотезу, согласно которой в регионах, характеризующихся относительно низкими средними доходами населения и высоким уровнем неравенства, социальная политика посредством перераспределения больших долей региональных бюджетов на здравоохранение, образование и социальные программы снижает негативное влияние неравенства на благополучие. Для проверки гипотезы мы используем два источника эмпирических данных: (1) результаты опроса, проведенного в 34 регионах России, который репрезентирует население этих регионов, (2) объективные показатели, измеряющие объемы используемых инструментов социальной политики в регионах, охваченных опросом. Для

Abstract. Among the goals of social policy there is a specific one that welfare states are particularly interested in. This goal refers to a decrease in inequality levels, and consequently, an increase in subjective well-being. But does a successful social policy in fact offset the effects of inequality on subjective well-being? This question has long been an important feature of the research agenda but few give a straight answer to it. This work tests a hypothesis assuming that in regions with relatively low levels of average household income and high levels of inequality social policy can reduce negative effects of inequality by redistributing large budget shares between health care, education and social programs. Two sources of empirical data were used in the study: (1) results of a survey conducted in 34 Russian regions representing the population of these regions, (2) objective indicators measuring the extent of social policy tools used in the regions under consideration. To evaluate whether regional social policy is capable of compensating for inequality effects the authors test Bayesian hierarchical models with uninformative and informative prior distributions. The authors conclude that expanding the scope of social policy tools in health care can compensate for the negative effects of the perceived inequality on subjective well-being.

оценки возможности региональной социальной политики компенсировать эффекты неравенства мы тестируем байесовские многоуровневые модели с комбинированными информативными и неинформативными априорными вероятностями. Мы приходим к выводу, что увеличение объема используемых инструментов социальной политики в области здравоохранения может компенсировать негативные эффекты воспринимаемого неравенства на субъективное благополучие.

Ключевые слова: социальная политика, субъективное благополучие, неравенство, Россия, региональные различия, байесовская статистика

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: грант No 181800341 «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива».

Keywords: social policy, subjective well-being, inequality, Russia, regional differences, Bayesian statistics

Acknowledgments. The study is financed by Russian Science Foundation, grant no. 181800341 “Transformation of values and subjective quality of life: a regional perspective”.

Введение

Предыдущие исследования показывают, что уровень неравенства в обществе влияет на ключевой для понимания состояния населения показатель — субъективное благополучие [Alesina, Di Tella, MacCulloch, 2004; Bjørnskov et al., 2013]. Огромный пласт литературы посвящен изучению индикаторов, влияющих на субъективное благополучие [Diener, 1984; Myers, Diener, 1995]. Среди прочего ряд исследователей обращают внимание на значимость влияния субъективной оценки неравенства или его объективного измерения [Blanchflower, Oswald, 2004; Oishi, Kesebir, Diener, 2011]. Однако, несмотря на значительный объем литературы по данным тематическим направлениям, на наш взгляд, исследования упускают существенную связь, которая позволит определить, насколько те или иные меры социальной политики компенсируют влияние восприятия неравенства на субъективное благополучие.

В данной работе мы предпринимаем попытку оценить, в какой мере определенные меры социальной политики напрямую влияют на благополучие граждан, а также насколько социальная политика опосредует существующую взаимосвязь между восприятием неравенства и благополучием. Данную связь мы рассматриваем в контексте регионов России. Для российского контекста это представ-

ляет особую значимость, так как во многом социальная политика входит в зону ответственности региональных, а не федеральных чиновников. Следовательно, наблюдаемая вариация будет связана именно с региональными различиями.

Возможности социальной политики регионов по снижению неравенства широко изучены через призму различных направлений. В рамках экономического подхода ученые изучают межрегиональное неравенство и объясняют его такими объективными факторами, как региональные инвестиции, рынок труда, человеческий капитал, уровень бедности, душевой ВРП и т. д. [Зубаревич, 2010]. В рамках социологического подхода исследуется восприятие социального неравенства на индивидуальном уровне и такие факторы, влияющие на это восприятие, как оценка возможностей получения образования, поиска подходящей работы, общественного участия и др. При этом отечественные социологи наибольшее внимание уделяют значимой для российского общества проблеме бедности и межрегиональных различий в уровне бедности [Беляева, 2006; Тихонова, 2014; Мареева, Тихонова, 2016]. В рамках политологического подхода измеряется эффективность затрат регионов на социальную политику в терминах влияния на региональный коэффициент Джини и уровень относительной бедности [Туманянц, Сесина, 2017].

Находясь на стыке перечисленных трех подходов, мы задаем следующий исследовательский вопрос: опосредует ли применение инструментов социальной политики взаимосвязь между восприятием неравенства и субъективным благополучием? Другими словами, формулируя данный вопрос на языке политики, насколько социальная политика в регионах РФ эффективна, то есть способна снизить негативное влияние оценки неравенства жителей на их оценку субъективного благополучия? Таким образом, мы считаем социальную политику регионов эффективной в том случае, если она приводит к повышению субъективного благополучия жителей посредством компенсации негативных эффектов от восприятия неравенства.

Мы предполагаем, что в регионах с относительно низкими показателями доходов и высоким уровнем неравенства меры социальной политики, направленные на затраты в области образования и здравоохранения, могут снизить влияние оценки неравенства жителями на их субъективное благополучие. Другими словами, эффективные механизмы перераспределения даже при высокой субъективной оценке социального расслоения приводят к более высокой оценке благополучия посредством компенсаций в виде пособий, выплат, хорошего уровня здравоохранения.

Благодаря имеющемуся уникальному массиву данных мы проверим гипотезу в настоящем исследовании. На наш взгляд, это будет первая комплексная попытка в отечественной литературе ответить на данный вопрос, совмещающая объективные региональные показатели и субъективные оценки неравенства и благополучия на уровне 34 российских регионов.

Социальная политика российских регионов

Рассмотрим понятие и механизмы социальной политики. Один из наиболее распространенных способов определения социальной политики предполагает определение ее целей и групп, на которых она направлена. Традиционно целью социальной политики считалась борьба с неравенством и бедностью [Macbeath,

1957], однако сегодня социальная политика понимается в более широком ключе и охватывает все меры, принимаемые для повышения субъективного благополучия [Alcock, Daly, Griggs, 2008].

Тем не менее при реализации социальной политики всегда ставится вопрос о перераспределении [Häusermann, 2010]. В связи с этим возникает необходимость выработки критериев для определения групп получателей выгод; как правило, это группы высокого риска [Rehm, 2009]. Люди сталкиваются с незапланированными рисками, оказываются более уязвимыми в результате старения, заболеваний, потери работы и других объективных факторов [Iversen, 2005]. Задача социальной политики — компенсировать эти риски посредством создания честного механизма перераспределения [Alesina, Giuliano, 2011]. Таким образом, под социальной политикой мы будем понимать принцип организации отношений между различными социальными группами, регулирующий распределение благ между ними для достижения совокупного благополучия общества, а также ценности и механизмы организации такого перераспределения [Dalton, 2013: 4].

Несмотря на то, что изначально социальная политика была неотъемлемой компонентой исключительно государств всеобщего благоденствия, модели социальной политики применяются и в менее стабильных политических системах, странах демократического транзита, посткоммунистических странах [Mares, Carnes, 2009]. Институциональные ограничения социальной политики в таких политических средах зачастую делают их особенно интересными для исследований. Российский контекст в данном случае не исключение.

В результате транзита от плановой модели экономики к рыночно-ориентированной в России сложилась уникальная институциональная среда для социальной политики. С одной стороны, просоциальный характер политики СССР, пользующийся широкой популярностью у граждан, предполагал расширение социальных гарантий и обеспечение населения бесплатными публичными благами в огромном объеме [Polese et al., 2014]. С другой стороны, рыночная модель стала требовать от российского правительства перехода на стандарты социальной политики МВФ, предполагающие индивидуалистическую политику и высокую роль частных сбережений [Williamson, Howling, Maroto, 2006]. Социальная политика России до сих пор вынуждена балансировать между двумя полюсами, неся в себе черты как социалистической, так и индивидуалистической системы: высокая доля государственного регулирования и государственного финансирования системы социальной защиты при низкой доле участия финансовых активов бизнеса, благотворителей и личных сбережений граждан.

Так как Российская Федерация, согласно ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, является «социальным государством», установление социальной справедливости и борьба с неравенством являются определяющими принципами государственной политики [Конституция Российской Федерации, 2007]. В связи с высокой ролью государственного регулирования основным инструментом социальной политики выступает перераспределение доходов населения посредством планирования государственного бюджета. Помимо этого, государство также использует инструменты социального и пенсионного страхования и др. инструменты. Тем не менее именно бюджетный аспект делает вопрос о социальной политике особенно интересным в региональном разрезе.

Статья 71 Конституции РФ закрепляет строго за федеральной властью определение основ и направлений социальной политики, однако их координация и реализация в ст. 72 отводятся региональной власти. У региональной власти практически не остается инструментов социальной политики, кроме бюджетного планирования. Это создает уникальный контекст, в котором мы наблюдаем вариацию в социальных тратах при сохранении общих принципов и целей: одни регионы могут быть более успешны с точки зрения перераспределения ресурсов, чем другие. На рисунке 1 изображена вариация между регионами РФ по показателю социальных расходов консолидированного бюджета.

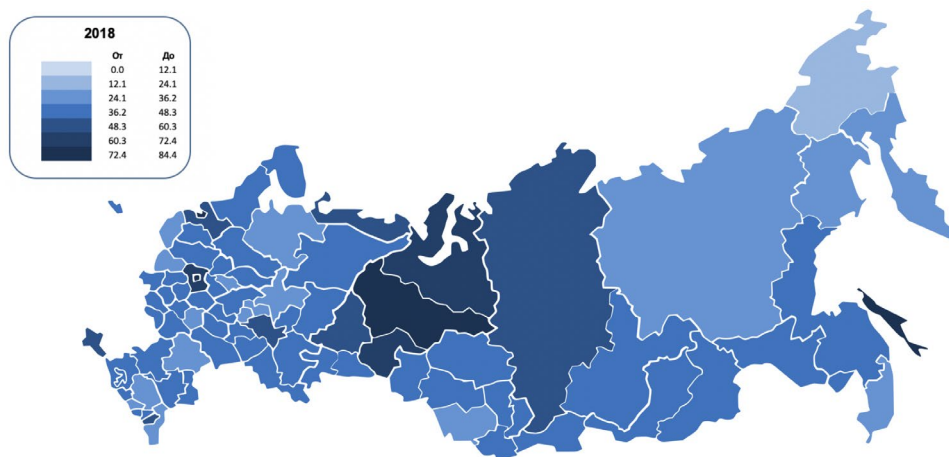

Рис. 1. Социальные расходы консолидированного бюджета в 2018 г., тыс. руб. на человека¹

Тем не менее сами по себе расходы бюджета едва ли можно назвать надежными показателями эффективности социальной политики. Отечественные исследователи предприняли немало усилий для оценки эффективности как в сравнительной региональной перспективе, так и в масштабах всей страны [см. Гонтмахер, Малева, 2008; Гонтмахер, 2013; Абанкина и др., 2015; Якобсон, 2010]. Применяются в том числе и количественные оценки эффективности социальной политики, которые основываются на объективных региональных показателях (например, обеспеченность региона врачами, учителями и т. д.) или экспертных оценках. Подобные оценки позволяют сравнивать эффективность управления в области социальных вопросов. В частности, этому посвящен рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации аналитического агентства REGNUM, результаты которого по 2017 г. представлены на рисунке 2². Несмотря на то, что мы видим

¹ Источник: Социальная ориентированность бюджетов регионов России — рейтинг 2019 // РИА Рейтинг. 2019. 28 мая. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190528/630125306.html> (дата обращения: 11.02.2020).

² Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации по направлению «социальный блок» аналитического агентства REGNUM основывается на следующих сферах: здравоохранение, образование, межнациональные и межконфессиональные отношения, развитие социально значимой транспортной инфраструктуры и ЖКХ. В рейтинг включены как объективные показатели региональной социальной политики, так и экспертные оценки [подробнее см. Орлов, Туровский, 2017].

различия между регионами, необходимо принимать во внимание, что здесь учтена не только объективная вариация между регионами, но и различия в экспертных оценках. Вопрос же об оценке эффективности социальной политики с точки зрения достижения ее целей, измеренной посредством использования только объективных показателей, остается по-прежнему открытым.

Рис. 2. V рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации: социальный блок³

Неравенство и субъективное благополучие

Субъективное благополучие чаще всего понимается исследователями и измеряется в опросах как оценка уровня счастья, удовлетворенности жизнью или оценка позитивных чувств и эмоций, которые человек испытывал за последнее время [Diener, 1984]. Несмотря на ряд сложностей концептуализации и измерения субъективного благополучия [см. Алмакаева, 2006], мы будем понимать его в данной работе как оценку счастья или удовлетворенности жизнью.

Фактор материального благополучия сам по себе является предиктором субъективного благополучия. Исследования демонстрируют, что обеспеченные социальные группы, и, если говорить в страновом разрезе, богатые страны в среднем характеризуются более высоким уровнем субъективного благополучия [Diener, Diener, 1995; Stevenson, Wolfers, 2008].

Вместе с тем в 1970-х гг. Р. Истерлин указал на следующий парадокс. Доходы страны могут расти, но не всегда данный рост приводит к повышению уровня субъективного благополучия ее жителей [Easterlin, 1974]. Пытаясь объяснить парадокс Истерлина, исследователи показали, что данное влияние опосредуется рядом факторов, среди которых объективный уровень неравенства, воспринимаемый уровень неравенства, культурные и ценностные факторы, ощущение справед-

³ Источник: REGNUM — Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации 2017 г. [Орлов, Туровский, 2017]. Для изображения шкала была преобразована в 100-балльную (0 — минимальная эффективность регионального управления в социальном блоке, 100 — максимальная эффективность управления).

ливости происходящих изменений, соотнесение себя с референтными группами и др. [Brockmann et al., 2009; Georgellis, Tsitsianis, Yin, 2009; Oishi, Kesebir, 2015; Verwiebe, Wegener, 2000].

Одним наиболее важных факторов, опосредующих влияние уровня доходов на субъективное благополучие, оказалось неравенство. Изучено влияние как объективных индикаторов неравенства (например, коэффициента Джини) [Alesina, Di Tella, MacCulloch, 2004; Blanchflower, Oswald, 2004], так и субъективной оценки неравенства на благополучие [Bjørnskov et al., 2013]. Исследования показывают, что чем выше объективные показатели неравенства или чем выше оценивают неравенство индивиды, тем ниже их субъективная оценка благополучия.

Однако величина эффекта этого влияния может варьироваться в зависимости от регионов, стран, городов, социально-демографических характеристик индивидов, а также в зависимости от разных факторов, опосредующих влияние неравенства на субъективное благополучие. Так, связь между двумя переменными может быть опосредована оценкой легитимности неравенства. Если жители принимают неравенство как справедливый результат функционирования рынка, то наблюдается более высокая оценка субъективного благополучия. Подобный эффект выше в странах с менее выраженными возможностями для вертикальной социальной мобильности [ibid.]. Кроме того, связь может быть опосредована уровнем доверия: в случае увеличения неравенства или роста субъективной оценки неравенства снижаются уровень обобщенного доверия и оценка уровня честности людей. Это, в свою очередь, приводит к снижению уровня субъективного благополучия [Oishi, Kesebir, Diener, 2011].

Если социальная политика ставит в качестве одной из целей борьбу с неравенством, что она может сделать с субъективным благополучием? Важно отметить, что, говоря о борьбе с неравенством, мы также обращаем внимание на уровень воспринимаемого неравенства. Данный уровень определяется честностью механизмов распределения социальной политики [Baldwin, 1990]. Таким образом, справедливым будет вопрос, насколько социальная политика в регионах РФ эффективна, то есть способна снизить негативное влияние оценки неравенства жителей на их оценку субъективного благополучия?

Соответственно, в данной работе мы рассматриваем инструменты социальной политики региона как модератор взаимосвязи между восприятием неравенства и субъективным благополучием. Мы выдвигаем следующие гипотезы исследования:

- **H1 (прямой эффект социальной политики)**: чем больше объемы использованных инструментов социальной политики в регионе, тем выше субъективное благополучие жителей.
- **H2 (эффект субъективного неравенства)**: более низкая субъективная оценка неравенства в регионе приводит к улучшению субъективного благополучия жителей.
- **H3 (социальная политика как модератор)**: большие объемы использованных инструментов социальной политики в регионе снижают негативное влияние оценки неравенства жителей на их оценку субъективного благополучия.

Ключевой для данного исследования является гипотеза НЗ о социальной политике как модераторе. Мы предполагаем, что в регионах, где используется больше инструментов социальной политики, высокая оценка неравенства будет в меньшей степени снижать субъективное благополучие по сравнению с регионами, в которых меры социальной политики не так обширно имплементированы.

Эмпирическая база и методология исследования

В статье используются данные социологического опроса, проведенного Лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ в 34 регионах РФ методом САТИ (computer-assisted telephone interviewing) с использованием вероятностной выборки в 2018—2019 гг. Объем выборки составил 10 829 анкет: в 32 регионах — около 300 анкет, в городах федерального значения (Москва и Санкт-Петербург) — около 500. Более детальная информация отражена в Приложении 1.

Измерения: зависимая, независимые и контрольные переменные

Зависимая переменная: субъективное благополучие. Для измерения субъективного благополучия мы использовали следующий вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?». Респонденты оценивали удовлетворенность по пятибалльной шкале, где 1 — «совершенно не удовлетворен» и 5 — «полностью удовлетворен». Всего по выборке 29,6 % сообщили, что они полностью удовлетворены жизнью, 34 % — скорее удовлетворены, 26,9 % — частично удовлетворены, частично нет, 5 % — скорее не удовлетворены, 4 % — полностью не удовлетворены и менее 1 % затруднились ответить на вопрос.

В качестве предикторов в модели мы используем как индивидуальные переменные (1 уровень), так и агрегированные переменные на уровне региона (2 уровень).

Независимая переменная на 1 уровне: восприятие неравенства. Для измерения субъективной оценки неравенства задавался следующий вопрос: «Насколько остро в нашем регионе стоит проблема неравенства — расслоения общества по доходам и материальному достатку?», который измерялся по четырехбалльной шкале от «практически незаметна» до «крайне остро». Отметим, что в работе мы используем термины «восприятие неравенства» и «субъективная оценка неравенства» как взаимозаменяемые.

Независимая переменная на 2 уровне: «социальные расходы». Говоря об объемах использованных инструментов социальной политики, исследователи обращаются к такому индикатору, как «социальные расходы» — расходы бюджетов стран на инструменты социальной политики [Henderson, 1968]. Отечественные исследователи также используют данный индикатор: несмотря на то, что он не является комплексными для полной оценки инструментов социальной политики, он считается достаточным для базовой оценки ее эффективности на уровне российских регионов [см. Зубаревич, Сафронов, 2013; Зубаревич, 2016, 2019]. Вслед за российской и зарубежной литературой в качестве измерения объемов использованных инструментов социальной политики мы предлагаем следующие (опираясь на данные за 2018 г.):

- *доля расходов регионального бюджета на социальную политику:* выплаты и денежные пособия, натуральная помощь отдельным категориям граждан, социальная помощь в виде предоставления льгот по услугам;

- доля расходов регионального бюджета на здравоохранение;
- доля расходов регионального бюджета на образование.

Так как доли являются производными друг от друга измерениями, мы рассматриваем их как отдельные независимые переменные, а не как единый набор предикторов.

Контрольные переменные на первом уровне. Предыдущие исследования показали, что ряд социально-демографических показателей может определять субъективное благополучие граждан [Diener, 1984; Myers, Diener, 1995]. Именно поэтому мы включаем в качестве контрольных переменных пол, возраст, семейное положение, наличие высшего образования, доход и др. (см. табл. 1). Мы также включаем в качестве контрольной переменной обобщенное доверие, так как исследования отмечают, что оно является значимым предиктором субъективного благополучия [Ram, 2010; Sarracino, 2013].

Контрольные переменные на втором уровне. Так как расходы регионального бюджета сильно скоррелированы с огромным набором региональных характеристик (таких как уровень безработицы, валовый региональный продукт, межбюджетные трансферты и т. д.), в качестве контрольной переменной на втором уровне мы включаем только наиболее значимый для нас показатель объективного измерения неравенства — региональный коэффициент Джини.

В связи с тем, что как в ключевых для данного исследования переменных первого уровня, так и в некоторых контрольных переменных присутствуют пропущенные значения (8,5% пропущенных значений в ключевых переменных), мы предварительно провели их анализ. Тест Литтла не позволяет утверждать, что пропуски описываются моделью MCAR (missing completely at random, $\chi^2 = 608,82$; $p < 0,000$), однако визуальный анализ показывает, что отсутствие систематических паттернов в пропусках свидетельствует о модели MAR (missing at random, см. Приложение 2). Таким образом, мы удаляем наблюдения с пропущенными значениями, не создавая систематических смещений в данных. Описательные статистики для всех переменных представлены в таблице 1 (более подробную статистику в разрезе регионов см. в Приложении 1).

Таблица 1. **Описательная статистика по всей выборке**

	N	M	SD	Min	Q25	Med	Q75	Max
<i>Переменные 2 уровня (регионы РФ)</i>								
Коэффициент Джини	10829	0,38	0,02	0,34	0,36	0,38	0,40	0,44
Доля расходов на здравоохранение (%)	10829	7,46	1,89	4,43	6,55	7,33	7,90	13,07
Доля расходов на образование (%)	10829	29,30	4,86	12,69	27,30	29,64	31,84	37,98
Доля расходов на социальную политику (%)	10829	23,01	4,23	12,34	21,07	23,51	25,23	29,85
<i>Переменные 1 уровня (индивиды)</i>								
Субъективное благополучие (1 – совершенно не удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен)	10762	3,81	1,05	1,00	3,00	4,00	5,00	5,00
Восприятие неравенства (1 – проблема неравенства практически незаметна, 4 – крайне остро заметна)	9907	2,66	1,02	1,00	2,00	3,00	3,00	4,00
Возраст	10829	46,26	16,71	18,00	32,00	45,00	60,00	95,00

	N	M	SD	Min	Q25	Med	Q75	Max
Семейный доход (1 — живете, не испытывая материальных затруднений, 4 — очень трудно жить на такой доход)	10654	2,82	0,89	1,00	2,00	3,00	4,00	4,00
Пол (1 — Женский)*	10829	0,55						
Семейное положение*	10780	0,55						
Высшее образование (1 — Да)*	10829	0,31						
Трудоустройство (1 — Работаю)*	10829	0,57						
Проживает в регионе с рождения (1 — Да)*	10822	0,70						
Дети (1 — Да)*	10790	0,78						
Обобщенное доверие (1 — Нужно быть осторожным в отношениях с людьми)*	10430	0,76						

Примечание. N — число наблюдений; M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; Min — минимальное значение; Q25 — нижний квартиль; Med — медиана; Q75 — верхний квартиль; Max — максимальное значение; для бинарных переменных (*) указаны только значения среднего.

Байесовский многоуровневый подход к анализу данных

Для моделирования взаимосвязи между субъективной оценкой неравенства и субъективным благополучием, опосредованной региональными различиями в расходах на социальную политику, мы используем многоуровневые регрессионные модели [Gelman, Hill, 2006]. В связи с тем, что нам необходимо не просто учесть кластерную структуру данных, то есть разные уровни наблюдений, но и оценить, в какой мере переменные регионального уровня выступают модераторами для взаимосвязей на индивидуальном уровне, мы делаем выбор именно в пользу многоуровневых моделей (или моделей со смешанными эффектами, mixed-effects model), а не моделей с фиксированными (fixed-effects model) или случайными (random-effects model) эффектами, которые часто используются для аналогичной структуры данных.

Однако вместо традиционного частотного подхода к оценке многоуровневых моделей мы делаем выбор в пользу байесовских оценок. Так как на втором уровне наблюдения представляют собой конечную выборку, охватывающую определенную совокупность регионов России, а не вероятностную выборку, оценки при предикторах второго уровня и доверительные интервалы в частотном подходе не имеют корректной содержательной и статистической интерпретации [Bryan, Jenkins, 2015]. Более того, результаты симуляционных исследований демонстрируют, что для такого набора наблюдений на втором уровне использование частотного подхода в многоуровневых моделях приводит к более смещенным оценкам [Stegmueller, 2013], причем ошибка значительно растет в тех случаях, когда число наблюдений на втором уровне не превышает 50 [Maas, Hox, 2004].

Использование байесовского подхода дает возможность сфокусировать внимание на оценке величины эффекта, а не статистической значимости коэффициентов [Dienes, 2011]. Величина эффекта является не только основой научного интереса [Sullivan, Feinn, 2012], но и представляет практический интерес для оценки эффектов от принятия различных политических программ.

Проверка гипотез в рамках эмпирической стратегии

На основе байесовской двухуровневой модели мы проверим три гипотезы следующим образом.

H1 (прямой эффект социальной политики): мы ожидаем, что более высокие доли регионального бюджета на социальную политику, здравоохранение и образование (переменные второго уровня в модели) приводят к увеличению субъективного благополучия жителей. Иными словами, мы ожидаем положительные корреляции между расходами на социальную политику/здравоохранение/образование и уровнем субъективного благополучия в регионе.

H2 (эффект субъективного неравенства): мы ожидаем отрицательную корреляцию между субъективной оценкой неравенства в регионе и уровнем благополучия (чем выше оценка неравенства, тем ниже уровень субъективного благополучия в регионе).

H3 (социальная политика как модератор): для проверки данной гипотезы рассмотрим взаимодействие между переменными второго уровня (доля регионального бюджета на социальную политику/здравоохранение/образование) с переменной индивидуального уровня — оценкой неравенства в регионе. Мы ожидаем положительную корреляцию между долей регионального бюджета на социальную политику/здравоохранение/образование и оценкой неравенства в регионе. Это означает, что увеличение доли бюджета на данные расходы снижает негативное влияние оценки неравенства на субъективное благополучие.

В связи с тем, что региональные различия внутри страны не столь большие, мы ожидаем, что все интересующие нас величины эффекта будут маленькими или средними по своему значению.

Несмотря на то, что мы говорим об эффектах социальной политики и оценке неравенства на субъективное благополучие, мы не строим каузальные модели, показывающие причинно-следственные связи. Как и большинство других исследователей, мы опираемся в своем анализе на корреляционные модели. Основываясь на ряде теоретических и эмпирических работ, мы можем сделать предположение о каузальных эффектах, однако читателю следует принимать во внимание ограничения проведенного анализа.

Спецификация многоуровневой модели

В соответствии с эмпирической стратегией мы последовательно оцениваем две вложенные модели для каждого из трех измерений расходов на социальную политику. Соответственно, мы сначала оцениваем (1) модель многоуровневой регрессии со случайной константой и случайным наклоном, а затем (2) модель многоуровневой регрессии со случайной константой и случайным наклоном, которая включает в себя эффект взаимодействия между переменной первого и второго уровня. Спецификация таких моделей в общем виде выглядит следующим образом:

$$\mathbf{y} \sim N(\beta_{jk}\mathbf{x}, \sigma^2) \quad \beta_{jk} \sim N(\boldsymbol{\gamma}_j, \boldsymbol{\Omega}),$$

где $\beta_{jk} = (\beta_{j1}, \beta_{j2}, \dots, \beta_{jk})'$ — константа и $K-1$ параметров при предикторах на первом уровне; $j = 1, \dots, J = 34$ — индексы для регионов;

σ — стандартное отклонение ошибки на первом уровне;

$\boldsymbol{\gamma}_j = (\gamma_{j1}, \dots, \gamma_{jk})'$ — параметры на втором уровне;

$\boldsymbol{\Omega}$ — ковариационная матрица второго уровня, часто обозначаемая как «матрица случайных эффектов».

Для данной параметризации мы предлагаем следующие априорные распределения. Для второго уровня мы предполагаем неинформативное априорное распределение для всех γ в модели, где $\gamma \sim N(0, 10^2)$. Для модели с эффектом взаимодействия мы отдельно предполагаем, что неинформативное априорное распределение для γ_{10} , то есть для константы, имеет вид распределения Коши $\gamma_{10} \sim Cauchy(0, 10)$ в связи с тем, что константа для такой модели больше не интерпретируется как среднее по всем регионам.

Для Ω мы предполагаем, что все стандартные отклонения, то есть квадратные корни из диагональных элементов матрицы имеют информативное априорное распределение вида $D(\Omega)_i \sim InvGamma(2.5, 1)$. Другими словами, мы предполагаем, что региональные различия существуют, но накладываем априорное обратное гамма распределение, чтобы не переоценивать величину этих различий [Griffin, Brown, 2010]. Для корреляций, то есть для оставшихся элементов матрицы Ω , мы используем неинформативное априорное распределение, описанное в [Lewandowski, Kurowicka, Joe, 2009] с параметром 1. Наконец, для σ мы используем неинформативное распределение, равное половине от распределения Коши с параметрами $\sigma \sim Cauchy(0, 2)$.

Апостериорная вероятность $p(\beta_1, \dots, \beta_j, \sigma, \gamma, \Omega | y, x, z)$ рассчитана с использованием алгоритмов MCMC (Markov Chain Monte Carlo). Расчеты проводились с помощью программного расширения Stan [Carpenter et al., 2017], которое использует алгоритм HMC (Hamiltonian Monte-Carlo Sampler) с расширением NUTS (No-U-Turn Sampler) для уменьшения автокорреляции в цепях [Hoffman, Gelman, 2014]. Для всех моделей мы использовали 3 цепи, 7500 итераций (10000 итераций для моделей с эффектами взаимодействия) с периодом разогрева цепи в 1000 операций и параметром δ , равным 0.99 для лучшей сходимости цепи. Все модели, представленные ниже, достигли сходимости по всем параметрам. Численная диагностика представлена в Приложении 3.

Результаты

Описательная статистика

Для начала дадим описательную статистику основных индикаторов. Доля региональных бюджетов на социальную политику в 2018 г. варьировалась от 12,34% до 29,85%. Максимальное значение показал Алтайский край, в то время как минимальное — Татарстан (см. Приложение 1 и рис. 3а). Достаточно высокие доли бюджета были потрачены на социальную политику в Чечне, Омской и Саратовской областях, Ставропольском крае, Дагестане, в то время как наиболее низкие — в Белгородской и Ленинградской областях, Санкт-Петербурге, Москве и Московской области.

Доля региональных бюджетов на здравоохранение варьировалась от 4,3% до 13,07%. Максимальное значение показал Санкт-Петербург, в то время как минимальное — Тамбовская область (см. Приложение 1 и рис. 3б). Более высокие доли бюджета потрачены на здравоохранение в Московской, Ленинградской и Владимирской областях, более низкие — в Дагестане, Саратовской области, Чечне и Новосибирской области.

Доля региональных бюджетов на образование варьировалась от 12,69% до 37,98%. Максимальное значение показал Дагестан, в то время как минимальное — Москва (см. Приложение 1 и рис. 3с). Более высокие доли бюджета потрачены на образование в Чечне, Томской, Челябинской, Оренбургской, Новосибирской областях и Чувашии. Москва в данном случае сильно отличается от других регионов, так как доля затрат на образование более чем в два раза ниже средней доли затрат на образование в других регионах.

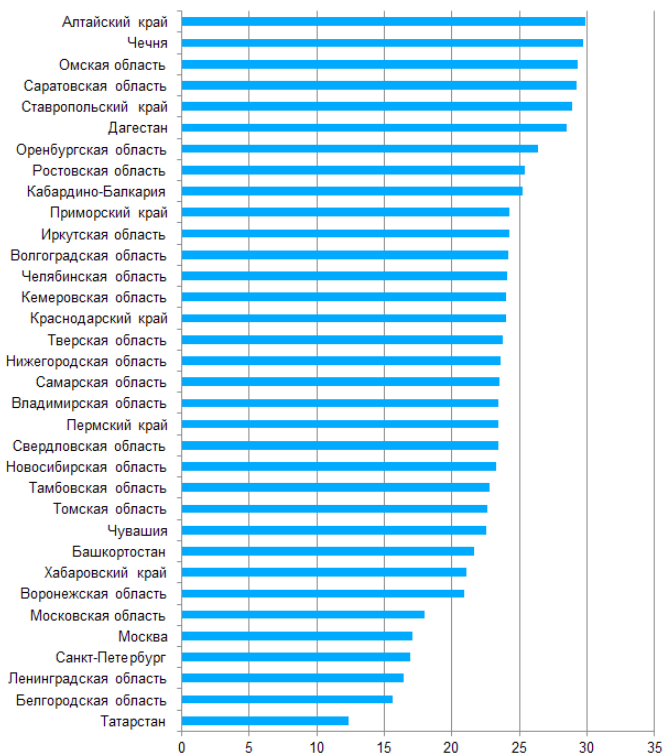

Рис. 3а. Доли региональных бюджетов на социальную политику

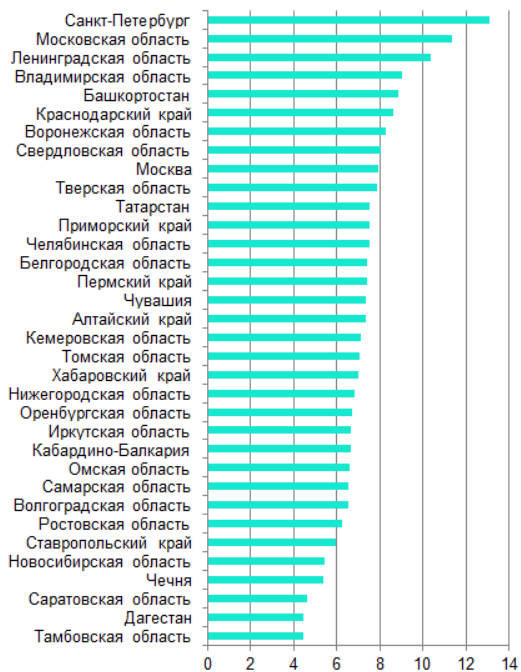

Рис. 3б. Доли региональных бюджетов на здравоохранение (3б)

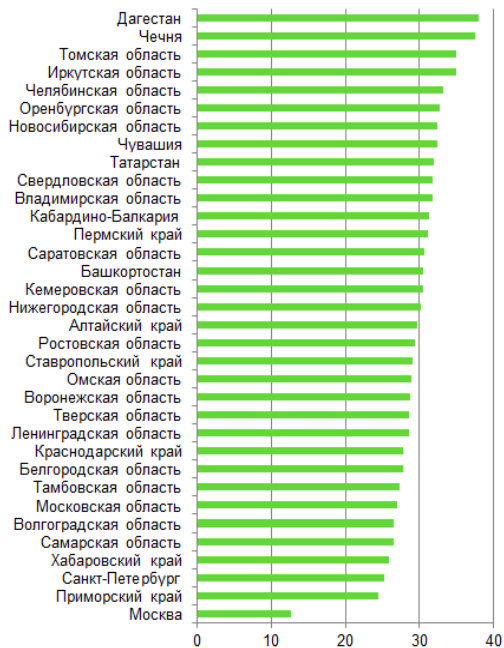

Рис. 3с. Доли региональных бюджетов на образование (3с)

Корреляции между долями затрат регионального бюджета на социальную политику, здравоохранение и образование имеют слабую и среднюю силу связи. Наибольшая корреляция, при этом отрицательная — между долей затрат на социальную политику и здравоохранением ($r = -0,60$), что показывает выбор, который делает региональное правительство по основным затратам бюджета. Положительная слабая корреляция найдена между долей затрат на социальную политику и образование ($r = 0,42$) и отрицательная корреляция — между долей затрат на здравоохранение и образование ($r = -0,34$).

По результатам опроса, *среднее значение удовлетворенности жизни* (субъективного благополучия) по пятибалльной шкале варьируется от 3,6 до 4,1. Дисперсионный анализ показывает статистически значимые различия между регионами ($F(33, 10728) = 2,50, p < 0,001$), однако сама величина эффекта очень низкая (эта квадрат $\eta^2 = 0,008$), то есть различия между областями крайне слабые. Наиболее низкие значения субъективного благополучия мы видим в Ставропольском крае, Владимирской и Саратовской областях (см. Приложение 1 и рис. 4а). Наиболее высокие значения субъективного благополучия — в Чечне, Московской и Томской областях.

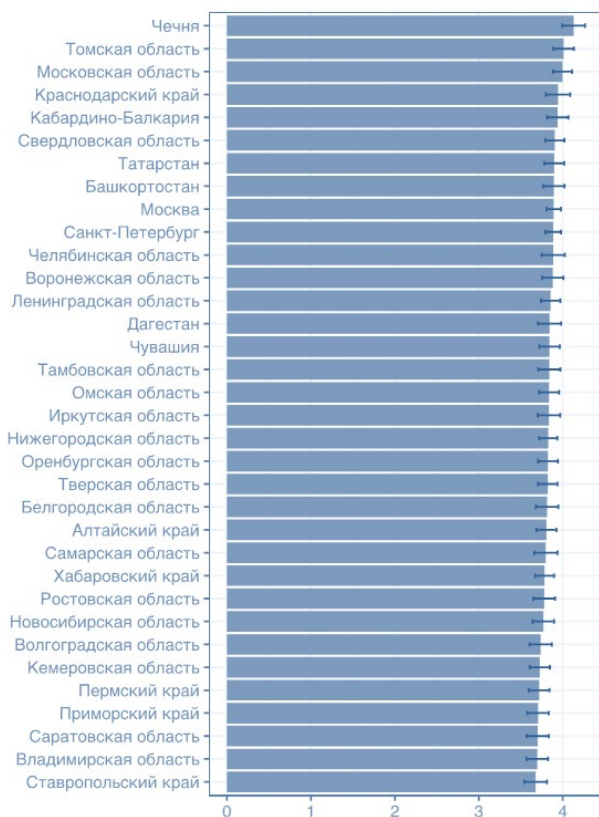

Рис. 4а. Средние значения удовлетворенности жизни (субъективного благополучия)

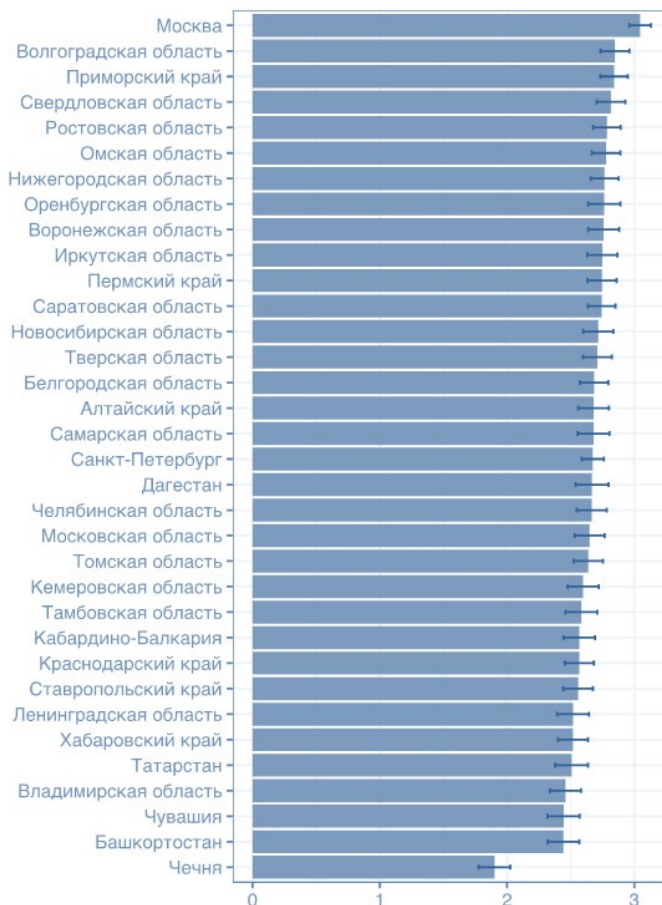

Рис. 4b. Средние значения оценки неравенства в регионе (4b)

Средняя оценка неравенства по четырехбалльной шкале варьировалась от 1,9 до 3,0 (см. Приложение 1 и рис. 4b). Дисперсионный анализ показывает статистически значимые различия между регионами ($F(33, 9873) = 10,23, p < 0,001$). Сама величина эффекта относительно небольшая (эта квадрат $\eta^2 = 0,03$), однако отметим, что различия в оценке неравенства между регионами больше, чем различия в субъективном благополучии. Регионы, показывающие наименьшие оценки регионального неравенства, — Чечня, Башкортостан, Чувашия и Владимирская область (см. Приложение 1 и рис. 4b). Ожидаемо, что в Москве фиксируется наибольшее значение субъективного регионального неравенства.

Анализ апостериорных вероятностей

В таблице 2 представлены результаты байесовского многоуровневого моделирования. Согласно моделям, не включающим эффекты взаимодействия (M1,

М3, М5), с высокой степенью уверенности мы можем утверждать, что оценка неравенства действительно негативно связана с субъективным благополучием: чем выше индивиды оценивают неравенство в регионе, тем хуже их субъективное благополучие. Несмотря на то, что средний размер эффекта по модулю равен всего 0,1, 95 % интервалы надежности не пересекают ноль и свидетельствуют о том, что знак при коэффициенте строго отрицательный (см. табл. 2). Следовательно, мы утверждаем, что с 99 % вероятностью эффект оценки неравенства на субъективное благополучие отрицательный. Другими словами, *мы на 99 % уверены в подтверждении гипотезы H2*.

В то же время модели без эффектов взаимодействия не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть первую гипотезу о прямом эффекте расходов региональных бюджетов на субъективное благополучие. Так, для М1 мы можем утверждать, что вероятность положительного эффекта расходов на социальную политику на субъективное благополучие составляет всего 32,5 %. Тем не менее с 80 % вероятностью этот эффект наблюдается для модели, где в качестве расходов выступают расходы на здравоохранение (М3); 76 % — вероятность для модели с расходами на образование (М5). Несмотря на то, что мы имеем высокую степень уверенности в этих эффектах, их размеры не превосходят 0,01 при увеличении расходов на один процент. Таким образом, *мы находим основание для подтверждения гипотезы H1, но только для здравоохранения и образования*.

Таблица 2. *Результаты байесовского многоуровневого моделирования*

	Социальная политика		Здравоохранение		Образование	
	М1	М2	М3	М4	М5	М6
Восприятие неравенства	-0,10 [-0,14; -0,07]	0,01 [-0,17; 0,19]	-0,11 [-0,14; -0,07]	-0,16 [-0,30; -0,02]	-0,10 [-0,14; -0,07]	0,05 [-0,16; 0,27]
Коэффициент Джини	0,52 [-0,65; 1,71]	0,50 [-0,69; 1,68]	0,50 [-0,64; 1,64]	0,49 [-0,67; 1,65]	0,82 [-0,48; 2,13]	0,81 [-0,48; 2,10]
Расходы бюджета*	0,00 [-0,01; 0,01]	0,01 [-0,01; 0,03]	0,01 [-0,01; 0,02]	-0,01 [-0,07; 0,04]	0,00 [0,00; 0,01]	0,02 [-0,00; 0,04]
Восприятие неравенства X Расходы бюджета		-0,01 [-0,01; 0,00]		0,01 [-0,01; 0,03]		-0,01 [-0,01; 0,00]
Константа	4,84 [4,29; 5,40]	4,53 [3,81; 5,25]	4,78 [4,30; 5,25]	4,93 [4,32; 5,52]	4,62 [3,95; 5,28]	4,19 [3,33; 5,06]
Контрольные переменные	+	+	+	+	+	+
<i>Случайные эффекты</i>						
sd(Константа)	0,21 [0,14; 0,29]	0,20 [0,13; 0,29]	0,20 [0,14; 0,29]	0,20 [0,14; 0,29]	0,20 [0,13; 0,28]	0,19 [0,13; 0,28]
sd(Восприятие неравенства)	0,07 [0,05; 0,10]	0,07 [0,05; 0,10]	0,07 [0,05; 0,10]	0,07 [0,05; 0,10]	0,07 [0,05; 0,10]	0,07 [0,05; 0,10]

	Социальная политика		Здравоохранение		Образование	
	М1	М2	М3	М4	М5	М6
Cor(Константа, Восприятие неравенства)	-0,98 [-1,00; -0,92]	-0,98 [-1,00; -0,92]	-0,98 [-1,00; -0,92]	-0,98 [-1,00; -0,92]	-0,98 [-1,00; -0,92]	-0,98 [-1,00; -0,92]
Sigma	1,04 [1,02; 1,05]	1,04 [1,02; 1,05]	1,04 [1,02; 1,05]	1,04 [1,02; 1,05]	1,04 [1,02; 1,05]	1,04 [1,02; 1,05]
N	9364	9364	9364	9364	9364	9364

Примечание. В качестве коэффициентов указан средний размер эффекта; 95% интервалы надежности (credible intervals) даны в квадратных скобках; тип расходов бюджета (*) указан в шапке таблицы; зависимая переменная — субъективное благополучие.

Для того чтобы проверить третью гипотезу, мы сначала определим степень надежности результатов по моделям с переменными взаимодействия, а затем представим само доказательство, используя возможности предсказания зависимой переменной на основе апостериорных распределений. Обратим внимание, что в моделях с переменными взаимодействия предикторы при восприятии неравенства и расходах бюджетов интерпретируются только при фиксации одного из этих показателей на уровне нуля. Однако так как ни одна из шкал не предполагает наличие нуля, мы не будем давать интерпретации данных коэффициентов.

Для модели социальной политики (М2, табл. 2) мы имеем высокую степень уверенности в том, что знак при эффекте взаимодействия — отрицательный; всего в 10% случайных выборок из цепей мы наблюдаем обратный, положительный результат. Однако принимая во внимание тот факт, что основные эффекты не интерпретируются (расходы на социальную политику в основной модели равны нулю), мы делаем вывод, что гипотеза НЗ не подтверждается.

При этом мы достаточно уверены в эффектах, наблюдаемых в моделях образования и здравоохранения. Так, для последнего при среднем положительном эффекте, равном 0,01 (М4, табл. 2), мы имеем вероятность того, что положительный знак при эффекте меняется на отрицательный только в 20% выборок. Таким образом, принимая во внимание высокую степень уверенности в основных эффектах, мы делаем вывод, что с 80% вероятностью гипотеза НЗ для доли расходов на здравоохранение подтверждается: социальная политика может выступать модератором и компенсировать эффекты неравенства в тех случаях, когда в регионе используются большие объемы ее инструментов в области здравоохранения.

Интересно, что с еще большей степенью уверенности мы можем сделать вывод об эффекте взаимодействия для модели с образованием: с 93% вероятностью эффект, который мы наблюдаем — отрицательный, что противоречит нашим ожиданиям. Однако вместе с этим мы видим, что по модулю растет положительный средний эффект при расходах на образование — теперь он равен 0,02, при вероятности того, что он действительно положительный — 95%. Мы не можем представить читателю маргинальные эффекты аналогичным образом, как это делает частотная статистика, чтобы разобраться в причине получения такого контринтуитивного результата. Однако мы можем построить предсказания на основе извлечений из марковских цепей и описать распределения для предсказанных значений субъективного благополучия.

В таблице 3 представлены результаты прогнозирования субъективного благополучия при разном восприятии неравенства и разных расходах бюджета на инструменты социальной политики. Таблица во многом объясняет полученный нами результат для модели с переменными взаимодействия. Несложно заметить, что положительное изменение в субъективном благополучии при увеличении доли расходов на образование с минимальных на максимальные с 95 % вероятностью происходит только для низкого восприятия неравенства (средняя величина эффекта $\beta = 0,294$, табл. 3а). При высоком неравенстве эффекта компенсации от больших объемов инструментов социальной политики в области образования не наблюдается. Отсюда мы делаем вывод, что этот результат не является подтверждением НЗ для инструментов социальной политики в области образования.

Тем не менее мы находим устойчивое подтверждение гипотезы НЗ для модели с использованием расходов на здравоохранение. С вероятностью 88,2 % мы можем утверждать, что субъективное благополучие при высоком восприятии неравенства будет расти с увеличением доли расходов бюджета на здравоохранение (средняя величина эффекта $\beta = 0,136$, табл. 3б). Следовательно, мы находим подтверждение гипотезы НЗ о компенсирующем эффекте социальной политики, но только в области здравоохранения, в то время как для расходов на социальную политику и образование мы таких эффектов не наблюдаем.

Таблица 3. Предсказанные значения для субъективного благополучия при разном индивидуальном восприятии в разных институциональных контекстах

а. Образование

Оценка неравенства	Доля расходов бюджета		Эффект расходов бюджета
	Низкая	Высокая	
Низкое	4,389 [3,774; 5,011]	4,683 [4,177; 5,187]	0,294 [-0,056; 0,649]
Высокое	4,342 [3,743; 4,946]	4,240 [3,727; 4,736]	-0,103 [-0,392; 0,182]
Эффект неравенства	-0,047 [-0,413; 0,331]	-0,443 [-0,642; -0,241]	

Примечание. В качестве значений указаны предсказанные средние значения субъективного благополучия и 95 % интервалы надежности для них (в квадратных скобках); жирным отмечен средний размер эффекта, рассчитанный как разница между двумя предсказанными значениями субъективного благополучия (по строке или столбцу соответственно).

б. Здравоохранение

Оценка неравенства	Доля расходов бюджета		Эффект расходов бюджета
	Низкая	Высокая	
Низкое	4,736 [4,245; 5,220]	4,673 [4,131; 5,216]	-0,062 [-0,359; 0,237]
Высокое	4,354 [3,859; 4,840]	4,491 [3,962; 5,025]	0,136 [-0,092; 0,379]
Эффект неравенства	-0,381 [-0,568; -0,195]	-0,182 [-0,500; 0,137]	

Примечание. В качестве значений указаны предсказанные средние значения субъективного благополучия и 95 % интервалы надежности для них (в квадратных скобках); жирным отмечен средний размер эффекта, рассчитанный как разница между двумя предсказанными значениями субъективного благополучия (по строке или столбцу соответственно).

Дискуссия

Ряд исследователей обнаружили связь между макроэкономическими показателями на уровне стран и субъективным благополучием их жителей. Так, анализ результатов кросс-культурных исследований показывает наличие положительной корреляции между ВВП на душу населения страны и субъективным благополучием жителей, а также наличие отрицательной корреляции между коэффициентом неравенства Джини страны и субъективным благополучием [Hagerty, Veenhoven, 2003; Sanfey, Teksoz, 2007]. Такое же негативное влияние оказывают уровень безработицы в стране и уровень инфляции на субъективное благополучие [Blanchflower et al., 2014]. Другие исследования показали, что экономическая политика государства (например, доля государственного сектора в экономике) также влияет на субъективное благополучие [Vjørnskov, Dreher, Fischer, 2007; Perovic, Golem, 2010; Ram, 2008].

Вместе с тем, несмотря на наличие кросс-культурных исследований, показывающих наличие связи между макроэкономическими показателями и субъективным благополучием, отсутствуют исследования на уровне одной страны, сравнивающие регионы, а также исследования, учитывающие влияние инструментов социальной политики. В данной работе мы показали, что на уровне российских регионов доля затрат регионального бюджета на здравоохранение и образование положительно влияет на субъективное благополучие жителей, однако сама величина эффекта, как мы и ожидали, очень небольшая. Так, увеличение доли бюджета на здравоохранение на 1 процентный пункт приводит к увеличению субъективного благополучия в среднем на 0,01 по пятибалльной шкале, а увеличение доли бюджета на образование — на 0,005. Вопреки ожиданиям увеличение доли бюджета на социальную политику не оказывает влияние на субъективное благополучие. Скорее всего, данный результат связан с тем, что расходы на социальную политику включают в себя разные статьи (выплаты и денежные пособия, натуральную помощь отдельным категориям граждан, социальную помощь в виде предоставления льгот по услугам), которые могут значительно различаться в разных регионах.

Мы ожидали, что инструменты социальной политики снизят негативное влияние оценки неравенства жителей на их оценку субъективного благополучия, но полученные результаты противоречивы. С одной стороны, мы обнаружили, что увеличение расходов на образование приводит к увеличению субъективного благополучия только в том случае, если неравенство оценивается как низкое. С другой стороны, увеличение расходов на здравоохранение компенсирует негативное влияние оценки неравенства жителей на их оценку субъективного благополучия, то есть приводит к увеличению субъективного благополучия, если неравенство оценивается как высокое. Объясняя данные результаты, мы вслед за другими исследователями можем предположить, что образование является конкурентным полем, которое может приводить к игре с нулевой суммой, когда индивиды конкурируют между собой за одни и те же ресурсы. В связи с большим доступом к образованию среди обеспеченных слоев населения, особенно в регионах с высоким уровнем неравенства, инвестиции в эту область не могут компенсировать негативное влияния неравенства. Напротив, в области здравоохранения от инвестиций может выиграть большее количество жителей и более вероятно, что может быть

найден Парето-оптимальное равновесие, когда нет прямой конкуренции между потребителями данных услуг [Ho, Ng, 2016]. Это, в свою очередь, может привести к компенсации неравенства и увеличению субъективного благополучия жителей, если неравенство оценивается как высокое. В соответствии с этим мы обнаружили разные паттерны в нашем исследовании. Однако отметим, что сами величины эффекта достаточно низкие. Таким образом, подобное влияние очень небольшое.

Заключение

Ряд исследователей указывают, что субъективное благополучие должно быть одним из ключевых показателей в области социальной политики [Austin, 2016; Easterlin, 2013; Veenhoven, 2002]. Однако отметим, что почти отсутствуют работы по оценке влияния социальной политики на меры субъективного благополучия, в том числе на уровне регионов одной страны, а также влияния на связь между оценкой неравенства жителей и их субъективным благополучием. В работе мы предприняли такую попытку на уровне сравнения российских регионов. На основе данных социологического опроса в 34 регионах и агрегированных показателей региональной социальной политики мы показали изменения связи между субъективной оценкой неравенства в регионе и оценкой субъективного благополучия в зависимости от успешной социальной политики региона. Данное исследование носит эксплораторный характер, и результаты должны быть проверены в последующих исследованиях с учетом большего количества регионов и изменений в социальной политике регионов.

Результаты исследования имеют ряд ограничений, которые необходимо учитывать. Во-первых, в качестве предикторов были использованы доли затрат регионального бюджета на социальную политику, здравоохранение и образование. В последующих моделях может иметь смысл анализировать не доли, а именно денежные показатели расходов на одного жителя области. Например, доля затрат на образование может быть относительно невысокой, однако при этом сами затраты в денежном эквиваленте могут быть значительными в случае большого регионального бюджета. В рамках нашего подхода мы оперировали долями, чтобы измерить и сравнить данный эффект, подчеркнув влияние политического решения о расходах бюджета на субъективное благополучие жителей и исключив при этом влияние объема этого бюджета. Однако в последующих исследованиях возможно измерить эффект денежных затрат в рамках региональных бюджетов.

Во-вторых, в статье используются индикаторы на уровне бюджетов, однако в последующих работах можно учесть такие важные показатели, как количество больниц в регионе на человека, обеспеченность детсадами и школами, а также обеспеченность жильем и качество этого жилья.

В-третьих, мы оперировали на уровне наблюдаемых переменных субъективного благополучия и оценки неравенства. В связи с тем, что вопросы о субъективном благополучии и оценке неравенства могут быть подвержены систематической ошибке социального одобрения, которая может варьироваться в зависимости от региона, в последующих работах (в случае увеличения количества регионов, то есть наблюдений на втором уровне) необходимо проанализировать данные на уровне латентных переменных.

В-четвертых, необходимо учитывать, что проведенный анализ не является каузальным, то есть в строгом смысле мы не можем говорить о некоторой причинно-следственной связи между решениями в области социальной политики и субъективным благополучием жителей, а также что данные решения компенсируют влияние оценки неравенства на субъективное благополучие жителей регионов. В данном случае анализ проводится на уровне корреляций, и мы руководствуемся теоретико-методологическими работами, которые предполагают наличие данных каузальных эффектов, однако сами модели подобную связь не показывают. В последующих работах необходимо построить каузальные модели на основе лонгитюдных данных, учитывая решения в области социальной политики регионов за несколько лет, или на основе ввода в модель инструментальной переменной. Кроме того, необходимо учитывать, что результаты проведены на уровне 34 российских регионов, и для более полного анализа необходимо включить в анализ другие регионы.

Несмотря на данные ограничения работы, мы считаем, что в отечественной литературе мы предприняли первую комплексную попытку ответить на вопрос о возможности эффективной социальной политики компенсировать влияние оценки неравенства на субъективное благополучие жителей российских регионов. Для ответа на данный вопрос мы совместили объективные региональные показатели и субъективные оценки неравенства и благополучия на уровне 34 российских регионов. Наиболее интересный результат, полученный в работе, свидетельствует о возможном эффекте влияния региональной политики в области здравоохранения на субъективное благополучие жителей, в особенности там, где неравенство оценивается как высокое. Однако для более основательных выводов следует и дальше изучать связь между инструментами социальной политики и субъективным благополучием жителей российских регионов. Наша попытка показывает, что результаты подобного направления могут быть интересны как социальным ученым, так и региональным политическим институтам.

Список литературы (References)

- Абанкина И. В., Абанкина Т. В., Акиндинова Н. В., Бирюкова С. С., Вишнеvский А. Г., Денисенко М. Б., Дерзкова Н. П., Деркачев П. В., Дудырев Ф. Ф., Захаров С. В., Исупова О. Г., Капелюшников Р. И., Кондрашов Н. В., Косарева Н. Б., Косарецкий С. Г., Кузьминов Я. И., Куренной В. А., Куштанина Е. В., Мерцалова Т. А., Мкртчян Н. В., Овчарова Л. Н., Ощепков А. Ю., Пинская М. А., Полиди Т. Д., Прокопов Ф. Т., Пузанов А. С., Рудник Б. Л., Семенов Д. С., Синявская О. В., Фрумин И. Д., Чернявский А. В., Шишкин С. В., Якобсон Л. И. Социальная политика в России: долгосрочные тенденции и изменения последних лет / под ред. Я. И. Кузьминова, Л. Н. Овчаровой, Л. И. Якобсона. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.
- Abankina I. V., Abankina T. V., Akindinova N. V., Biryukova S. S., Vishnevsky A. G., Denisenko M. B., Derzkova N. P., Derkachev P. V., Dudyrev F. F., Zakharov S. V., Isupova O. G., Kapelyushnikov R. I., Kondrashov N. V., Kosareva N. B., Kosaretsky S. G., Kuzminov Ya. I., Kurennoy V. A., Kushtanina E. V., Mertsalova T. A., Mkrтчan N. V., Ovcharova L. N., Oshchepkov A. Yu., Pinskaya M. A., Polidi T. D., Prokopov F. T., Puzanov A. S., Rudnik B. L.,

Semenov D. S., Sinyavskaya O. V., Frumin I. D., Chernyavsky A. V., Shishkin S. V., Jakobson L. I. (2015) *Social Policy in Russia: Long-term Trends and Recent Changes* / ed. by Kuzminov Ya. I., Ovcharova L. N., Jakobson L. I. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)

Алмакаева А. М. Субъективное качество жизни: основные проблемы исследования // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 5/1 (45). С. 41—47.

Almakaeva A. M. (2006) Subjective Quality of Life: The Main Problems of the Study. *Vestnik of Samara State University*. No. 5/1 (45). P. 41—47. (In Russ.)

Беляева Л. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 52—62.

Belyaeva L. (2006) Social Stratification and Poverty in the Regions of Russia (Toward the Compilation of a Sociocultural Portrait of the Regions). *Sociological Studies*. No. 9. P. 52—62. (In Russ.)

Гонтмахер Е. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 68—81. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-68-81>.

Gontmakher E. (2013) Russian Social Inequality as a Factor of Socio-Political Stability. *Voprosy Ekonomiki*. No. 4. P. 68—81. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-68-81> (In Russ.)

Гонтмахер Е., Малева Т. Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 61—72. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-2-61-72>.

Gontmakher E., Maleva T. (2008) Russia's Social Problems and Alternative Ways of Their Solving. *Voprosy Ekonomiki*. No. 2. P. 61—72. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-2-61-72>. (In Russ.)

Зубаревич Н. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.

Zubarevich N. (2010) *Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization*. Moscow: Independent Institute for Social Policy. (In Russ.)

Зубаревич Н. Социальная география российского кризиса // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 5—18.

Zubarevich N. (2016) Social Geography of the Russian Crisis. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 5—18. (In Russ.)

Зубаревич Н. Социально-экономическое развитие регионов : Итоги 2018 г. // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 3. С. 52—55.

Zubarevich N. (2019) Socio-economic Development in the Regions: 2018 Results. *Economic Development of Russia*. Vol. 26. No. 3. P. 52—55. (In Russ.)

Зубаревич Н., Сафронов С. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15—26.

Zubarevich N., Safronov S. (2013) Inequality of Socio-economic Development of Regions and Cities of Russia of the 2000s: Growth or Decline? *Social Sciences and Modernity*. No. 6. P. 15—26. (In Russ.)

Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993 г. М.: АСТ: Астрель, 2007.

Constitution of the Russian Federation: adopted by national referendum on December 12, 1993. Moscow: AST: Astrel, 2007. (In Russ.)

Мареева С., Тихонова Н. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37—67.

Mareeva S., Tikhonova N. (2016) Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. Vol. 25. No. 2. P. 37—67. (In Russ.)

Орлов Д., Туровский Р. Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2017 году. М.: Агентство политических и экономических коммуникаций; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. URL: https://regnum.ru/uploads/docs/2017/12/19/regnum_file_1513682275989534.pdf (дата обращения: 11.02.2020).

Orlov D., Turovsky R. (2017) Social Policy Efficiency in the Regions of the Russian Federation in 2017. М.: Agency for Political and Economic Communications; National Research University Higher School of Economics. URL: https://regnum.ru/uploads/docs/2017/12/19/regnum_file_1513682275989534.pdf (accessed: 11.02.2020). (In Russ.)

Тихонова Н. Социальная структура России: Теории и реальность. М. : Новый Хронограф, 2014.

Tikhonova N. (2014) Social Structure of Russia. Theory and Reality. Moscow: Novy Khronograph. (In Russ.)

Туманянц К., Сесина Ю. Расходы на социальную политику российских регионов в координатах «затраты — результат» // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5. С. 128—149. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-5-07>.

Tumanians K., Sesina J. (2017) Social Expenditures of Russian Regions in Terms of “Input — Output”. *Economic Policy*. Vol. 12. No. 5. P. 128—149. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-5-07>. (In Russ.)

Якобсон Л. И. Слабость социальной политики: недоработка начальства или симптом состояния общества? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 6. С. 161—163.

Jakobson L. I. (2010) Weakness of Social Policy: A Lack of Leadership or a Symptom of the Society? *Journal of the New Economic Association*. No. 6. P. 161—163. (In Russ.)

Alcock C., Daly G., Griggs E. (2008) *Introducing Social Policy*. New York: Routledge.

Alesina A., Di Tella R., MacCulloch R. (2004) Inequality and Happiness: Are Europeans and Americans Different? *Journal of Public Economics*. Vol. 88. No. 9—10. P. 2009—2042. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2003.07.006>.

Alesina A., Giuliano P. (2011) Preferences for Redistribution. In: Benhabib J., Bisin A., Jackson M. *Handbook of Social Economics. Volume 1A*. Amsterdam: North — Holland. P. 93—132.

Austin A. (2016) On Well-Being and Public Policy: Are We Capable of Questioning the Hegemony of Happiness? *Social Indicators Research*. Vol. 127. No. 1. P. 123—138. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0955-0>.

Baldwin P. (1990) *The Politics of Social Solidarity: Class Bases of the European Welfare State, 1875—1975*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511586378>.

Bjørnskov C., Dreher A., Fischer J.A.V. (2007) The Bigger the Better? Evidence of the Effect of Government Size on Life Satisfaction around the World. *Public Choice*. No. 130. No. 3—4. P. 267—292. <https://doi.org/10.1007/s11127-006-9081-5>.

Bjørnskov C., Dreher A., Fischer J.A., Schnellenbach J., Gehring K. (2013) Inequality and Happiness: When Perceived Social Mobility and Economic Reality Do Not Match. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 91. P. 75—92. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2013.03.017>.

Blanchflower D. G., Bell D. N.F., Montagnoli A., Moro M. (2014) The Happiness Trade-Off between Unemployment and Inflation. *Journal of Money, Credit and Banking*. Vol. 46. No. S2. P. 117—141. <https://doi.org/10.1111/jmcb.12154>.

Blanchflower D. G., Oswald A. J. (2004) Well-Being over Time in Britain and the USA. *Journal of Public Economics*. Vol. 88. No. 7—8. P. 1359—1387. [https://doi.org/10.1016/s0047-2727\(02\)00168-8](https://doi.org/10.1016/s0047-2727(02)00168-8).

Brockmann H., Delhey J., Welzel C., Yuan H. (2009) The China Puzzle: Falling Happiness in a Rising Economy. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 10. No. 4. P. 387—405. <https://doi.org/10.1007/s10902-008-9095-4>.

Bryan M. L., Jenkins S. P. (2015) Multilevel Modelling of Country Effects: A Cautionary Tale. *European Sociological Review*. Vol. 32. No. 1. P. 3—22. <https://doi.org/10.1093/esr/jcv059>.

Carpenter B., Gelman A., Hoffman M. D., Lee D., Goodrich B., Betancourt M., Brubaker M., Guo J., Li P., Riddell A. (2017) Stan: A Probabilistic Programming Language. *Journal of Statistical Software*. Vol. 76. No. 1. P. 1—32. <https://doi.org/10.18637/jss.v076.i01>.

Dalton R. J. (2013) *Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies*. Thousand Oaks, CA: CQ Press.

Diener E. D. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 95. No. 3. P. 542—575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>.

Diener E. D., Diener C. (1995) The Wealth of Nations Revisited: Income and Quality of Life. *Social Indicators Research*. Vol. 36. No. 3. P. 275—286. <https://doi.org/10.1007/bf01078817>.

Dienes Z. (2011) Bayesian versus Orthodox Statistics: Which Side Are You On? *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 6. No. 3. P. 274—290. <https://doi.org/10.1177/1745691611406920>.

Easterlin R. A. (1974) Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In: David P. A., Reeder M. W. (eds.) *Nations and Households in Economic Growth*. New York: Academic Press. P. 89—125. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-205050-3.50008-7>.

Easterlin R. A. (2013) Happiness, Growth, and Public Policy. *Economic Inquiry*. Vol. 51. No. 1. P. 1—15. <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.2012.00505.x>.

Gelman A., Hill J. (2006) *Data Analysis Using Regression and Multilevel/Hierarchical Models*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511790942>.

Georgellis Y., Tsitsianis N., Yin Y. P. (2009) Personal Values as Mitigating Factors in the Link between Income and Life Satisfaction: Evidence from the European Social Survey. *Social Indicators Research*. Vol. 91. No. 3. P. 329—344. <https://doi.org/10.1007/s11205-008-9344-2>.

Griffin J. E., Brown P. J. (2010) Inference with Normal-Gamma Prior Distributions in Regression Problems. *Bayesian Analysis*. Vol. 5. No. 1. P. 171—188. <https://doi.org/10.1214/10-ba507>.

Hagerty M. R., Veenhoven R. (2003) Wealth and Happiness Revisited: Growing National Income Does Go with Greater Happiness. *Social Indicators Research*. Vol. 64. No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1023/a:1024790530822>.

Häusermann S. (2010) *The Politics of Welfare State Reform in Continental Europe: Modernization in Hard Times*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511750588>.

Henderson J. M. (1968) Local Government Expenditures: A Social Welfare Analysis. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 50. No. 2. P. 156—163. <https://doi.org/10.2307/1926191>.

Ho L. S., Ng Y. K. (2016) *Happiness and Government: The Role of Public Spending and Public Governance*. CPPS Working Papers Series. No. 197. Subang Jaya: Centre for Public Policy Studies.

Hoffman M. D., Gelman A. (2014) The No-U-Turn Sampler: Adaptively Setting Path Lengths in Hamiltonian Monte Carlo. *The Journal of Machine Learning Research*. Vol. 15. P. 1593—1623.

Iversen T. (2005) *Capitalism, Democracy, and Welfare*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511758645>.

Lewandowski D., Kurowicka D., Joe H. (2009) Generating Random Correlation Matrices Based on Vines and Extended Onion Method. *Journal of Multivariate Analysis*. Vol. 100. No. 9. P. 1989—2001. <https://doi.org/10.1016/j.jmva.2009.04.008>.

Maas C., Hox J. (2004) Robustness Issues in Multilevel Regression Analysis. *Statistica Neerlandica*. Vol. 58. No. 2. P. 127—137. <https://doi.org/10.1046/j.0039-0402.2003.00252.x>.

Macbeath A. (1957) *Can Social Policies be Rationally Tested?* London: Oxford University Press.

Mares I., Carnes M. E. (2009) Social Policy in Developing Countries. *Annual Review of Political Science*. Vol. 12. No. 1. P. 93—113. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.12.071207.093504>.

Myers D. G., Diener E. (1995) Who is Happy? *Psychological Science*. Vol. 6. No. 1. P. 10—19. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1995.tb00298.x>.

Oishi S., Kesebir S. (2015) Income Inequality Explains Why Economic Growth Does Not Always Translate to an Increase in Happiness. *Psychological Science*. Vol. 26. No. 10. P. 1630—1638. <https://doi.org/10.1177/0956797615596713>.

Oishi S., Kesebir S., Diener E. (2011) Income Inequality and Happiness. *Psychological Science*. Vol. 22. No. 9. P. 1095—1100. <https://doi.org/10.1177/0956797611417262>.

Perovic L. M., Golem S. (2010) Investigating Macroeconomic Determinants of Happiness in Transition Countries. *Eastern European Economics*. Vol. 48. No. 4. P. 59—75. <https://doi.org/10.2753/eee0012-8775480403>.

Polese A., Morris J., Kovács B., Harboe I. (2014) 'Welfare States' and Social Policies in Eastern Europe and the Former USSR: Where Informality Fits In? *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 22. No. 2. P. 184—198. <https://doi.org/10.1080/14782804.2014.902368>.

Ram R. (2008) Government Spending and Happiness of the Population: Additional Evidence from Large Cross-Country Samples. *Public Choice*. Vol. 138. No. 3—4. P. 483—490. <https://doi.org/10.1007/s11127-008-9372-0>.

Ram R. (2010) Social Capital and Happiness: Additional Cross-Country Evidence. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 11. No. 4. P. 409—418. <https://doi.org/10.1007/s10902-009-9148-3>.

Rehm P. (2009) Risks and Redistribution: An Individual-level Analysis. *Comparative Political Studies*. Vol. 42. No. 7. P. 855—881. <https://doi.org/10.1177/0010414008330595>.

Sanfey P., Teksoz U. (2007) Does Transition Make You Happy? *The Economics of Transition*. Vol. 15. No. 4. P. 707—731. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0351.2007.00309.x>.

Sarracino F. (2013) Determinants of Subjective Well-Being in High and Low Income Countries: Do Happiness Equations Differ across Countries? *The Journal of Socio-Economics*. Vol. 42. P. 51—66. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2012.11.006>.

Stegmueller D. (2013) How Many Countries for Multilevel Modeling? A Comparison of Frequentist and Bayesian Approaches. *American Journal of Political Science*. Vol. 57. No. 3. P. 748—761. <https://doi.org/10.1111/ajps.12001>.

Stevenson B., Wolfers J. (2008) Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox. National Bureau of Economic Research Working Papers No. 14282. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w14282>.

Sullivan G. M., Feinn R. (2012) Using Effect Size — or Why the *P* Value is Not Enough. *Journal of Graduate Medical Education*. Vol. 4. No. 3. P. 279—282. <https://doi.org/10.4300/jgme-d-12-00156.1>.

Veenhoven R. (2002) Why Social Policy Needs Subjective Indicators. In: Hagerty M. R., Vogel J., Møller V. (eds.) *Assessing Quality of Life and Living Conditions to Guide National Policy. The State of the Art*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. P. 33—45. https://doi.org/10.1007/0-306-47513-8_3.

Verwiebe R., Wegener B. (2000) Social Inequality and the Perceived Income Justice Gap. *Social Justice Research*. Vol. 13. No. 2. P. 123—149. <https://doi.org/10.1023/a:1007545823040>.

Williamson J. B., Howling S. A., Maroto M. L. (2006) The Political Economy of Pension Reform in Russia: Why Partial Privatization? *Journal of Aging Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 165—175. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2005.07.003>.

Приложение 1. Описательная статистика по группам

Область/ город федерального значения	Объем выборки	Коэффициент Джини	Доля регионального бюджета на социальную политику	Доля регионального бюджета на здравоохранение	Доля регионального бюджета на образование	Уровень социального благополучия (данные опроса, 1 — «совершенно не удовлетворен», 5 — «полностью удовлетворен»)	Субъективная оценка регионального неравенства (данные опроса, 1 — проблема неравенства «практически незаметна», 4 — «крайне остро»)
Москва	506	0,439	17,06	7,90	12,69	M=3,87 (SD=0,93)	M=3,05 (SD=0,95)
Санкт-Петербург	508	0,402	16,95	13,07	25,18	M=3,83 (SD=0,95)	M=2,67 (SD=0,96)
Алтайский край	302	0,376	29,85	7,33	29,64	M=3,80 (SD=1,06)	M=2,68 (SD=1,03)
Башкортостан	303	0,410	21,65	8,83	30,55	M=3,86 (SD=1,03)	M=2,44 (SD=1,06)
Белгородская область	305	0,393	15,64	7,40	27,77	M=3,76 (SD=1,08)	M=2,68 (SD=0,95)
Владимирская область	306	0,349	23,44	9,05	31,78	M=3,66 (SD=1,07)	M=2,46 (SD=1,03)
Волгоградская область	303	0,349	24,20	6,54	26,56	M=3,71 (SD=1,12)	M=2,84 (SD=0,96)
Воронежская область	301	0,400	20,89	8,29	28,68	M=3,85 (SD=1,04)	M=2,76 (SD=1,03)
Дагестан	305	0,388	28,51	4,46	37,98	M=3,83 (SD=1,18)	M=2,67 (SD=1,11)
Иркутская область	302	0,349	24,22	6,67	34,92	M=3,78 (SD=1,07)	M=2,80 (SD=1,00)
Кабардино-Балкария	310	0,368	25,23	6,63	31,33	M=3,89 (SD=1,02)	M=2,57 (SD=1,07)
Кемеровская область	303	0,353	24,03	7,10	30,45	M=3,73 (SD=1,06)	M=2,60 (SD=1,03)
Краснодарский край	303	0,403	24,01	8,63	27,83	M=3,86 (SD=1,11)	M=2,57 (SD=0,98)
Ленинградская область	309	0,361	16,40	10,36	28,50	M=3,85 (SD=1,03)	M=2,52 (SD=1,04)
Московская область	305	0,389	17,97	11,33	26,94	M=3,97 (SD=0,96)	M=2,65 (SD=1,01)
Нижегородская область	321	0,395	23,63	6,84	30,15	M=3,83 (SD=0,99)	M=2,7666 (SD=0,94121)
Новосибирская область	307	0,357	23,30	5,44	32,45	M=3,73 (SD=1,06)	M=2,72 (SD=1,01)
Омская область	305	0,382	29,30	6,61	28,86	M=3,82 (SD=1,02)	M=2,78 (SD=0,96)

Область/ город федерального значения	Объем выборки	Коэффициент Джини	Доля регионального бюджета на социальную политику	Доля регионального бюджета на здравоохранение	Доля регионального бюджета на образование	Уровень социального благополучия (данные опроса, 1 — «совершенно не удовлетворен», 5 — «полностью удовлетворен»)	Субъективная оценка регионального неравенства (данные опроса, 1 — проблема неравенства «практически незаметна», 4 — «крайне остро»)
Оренбургская область	305	0,383	26,38	6,72	32,75	M=3,82 (SD=1,05)	M=2,76 (SD=1,09)
Пермский край	302	0,402	23,44	7,39	31,11	M=3,70 (SD=1,04)	M=2,75 (SD=0,96)
Приморский край	306	0,386	24,26	7,50	24,48	M=3,69 (SD=1,09)	M=2,84 (SD=0,91)
Ростовская область	316	0,400	25,43	6,25	29,42	M=3,73 (SD=1,05)	M=2,79 (SD=0,93)
Самарская область	301	0,377	23,51	6,55	26,52	M=3,72 (SD=1,06)	M=2,68 (SD=1,02)
Саратовская область	314	0,362	29,24	4,65	30,70	M=3,67 (SD=1,12)	M=2,74 (SD=0,94)
Свердловская область	306	0,403	23,43	8,05	31,81	M=3,89 (SD=0,96)	M=2,82 (SD=0,96)
Ставропольский край	312	0,384	28,88	5,97	29,06	M=3,64 (SD=1,13)	M=2,56 (SD=1,01)
Тамбовская область	305	0,375	22,75	4,43	27,30	M=3,79 (SD=1,05)	M=2,58 (SD=1,05)
Татарстан	303	0,395	12,34	7,54	31,84	M=3,88 (SD=1,01)	M=2,51 (SD=1,09)
Тверская область	318	0,341	23,78	7,88	28,51	M=3,80 (SD=1,01)	M=2,71 (SD=0,97)
Томская область	307	0,360	22,63	7,07	34,94	M=3,96 (SD=0,97)	M=2,64 (SD=0,98)
Хабаровский край	304	0,388	21,07	7,00	25,82	M=3,78 (SD=1,00)	M=2,52 (SD=1,00)
Челябинская область	314	0,353	24,12	7,49	33,16	M=3,80 (SD=1,06)	M=2,67 (SD=1,03)
Чечня	302	0,373	29,74	5,39	37,55	M=4,08 (SD=1,11)	M=1,90 (SD=1,02)
Чувашия	310	0,338	22,57	7,37	32,37	M=3,83 (SD=1,05)	M=2,44 (SD=1,06)
Всего	10829	0,379	23,23	7,34	29,69	M=3,81 (SD=1,05)	M=2,66 (SD=1,02)

M — среднее значение, SD — стандартное отклонение

Приложение 2. Визуальный анализ пропущенных значений

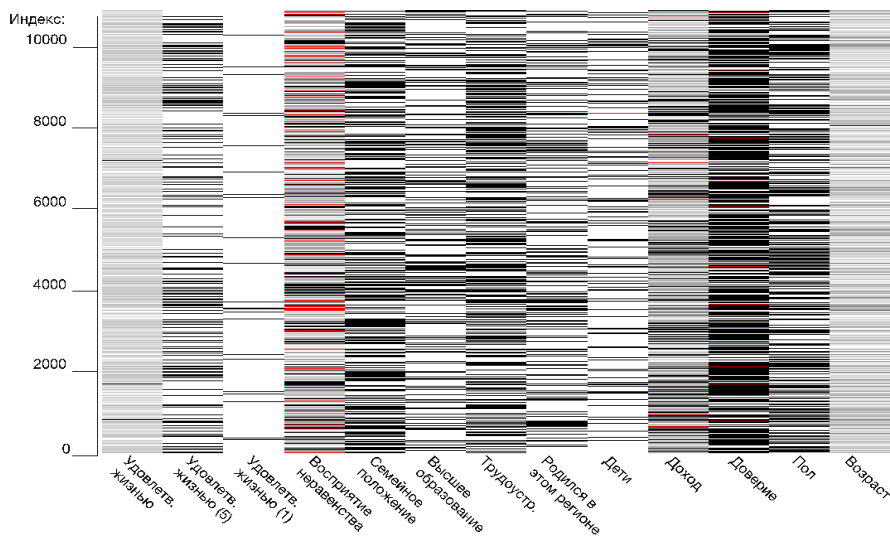

Рис. П1. Визуальный анализ паттернов пропущенных наблюдений; градации серого отражают соответствия измерениям переменных; красные — пропущенные значения

Приложение 3. Численная диагностика сходимости моделей

		Социальная политика		Здравоохранение		Образование	
		M1	M2	M3	M4	M5	M6
<i>Переменные 1 уровня (индивиды)</i>							
Константа	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	0,019	-0,066	-0,379	0,204	0,866	-1,185
	ESS	12456	10102	17384	9003	16211	7989
Восприятие неравенства	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	0,433	-0,370	0,165	-0,354	0,040	1,359
	ESS	7372	8293	10130	6893	10358	6131
Пол	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	-0,369	-0,790	-0,409	-0,268	0,118	0,476
	ESS	20053	36514	30081	32119	26685	30136
Возраст	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	-0,021	-0,327	-0,470	0,865	-0,030	-0,135
	ESS	20591	29715	22248	29145	22511	28098
Семейное положение	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	-0,706	-0,260	0,692	-0,438	1,285	0,689
	ESS	16431	35765	25522	29290	23253	29338
Дети	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	-0,423	-0,558	-0,193	0,291	0,922	0,334
	ESS	17016	32312	24280	27350	20627	27565
Высшее образование	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	0,019	0,516	0,250	0,940	-1,870	-0,633
	ESS	21812	39543	30683	37436	25500	32865
Трудоустройство	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	0,938	0,064	-0,456	0,234	0,376	-0,490
	ESS	19136	35257	27776	32538	27697	30277
Родился / переехал	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	0,449	0,600	1,368	0,343	-0,128	0,334
	ESS	22401	40170	27512	41182	27522	30800
Доход	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	-0,385	0,769	-0,478	0,193	1,127	-0,301
	ESS	21362	50839	29196	35224	28220	34778
Обобщенное доверие	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	-0,459	-0,030	-0,327	0,298	-0,436	0,555
	ESS	22294	45299	29663	36795	27299	30733
<i>Переменные 2 уровня (регионы РФ)</i>							
Коэффициент Джини	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	0,189	0,359	0,525	-0,045	-0,970	0,168
	ESS	12319	19637	16234	16556	16337	15707
Доля расходов регионального бюджета	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	-0,698	-0,040	-0,438	-0,353	-0,906	1,363
	ESS	14484	8241	17621	7008	14450	6234

Эффект взаимодействия	$\hat{R}$		1,00		1,00		1,00
	G		0,325		0,330		-1,285
	ESS		8299		6842		6244
Случайные эффекты							
sd(Регион)	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	0,321	-0,856	-0,206	-0,376	-0,487	0,069
	ESS	5924	10320	8195	11008	7940	9769
sd(Восприятие неравенства)	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	0,262	-0,686	-0,468	-0,558	-0,268	0,134
	ESS	8010	12728	10141	13900	9478	11958
cor(Регион X Восприятие неравенства)	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	-0,907	0,305	-0,208	0,528	1,073	0,271
	ESS	5709	9369	7466	9934	6170	8782
Sigma	$\hat{R}$	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
	G	-0,222	0,842	1,405	0,040	0,402	-0,801
	ESS	27879	50145	35906	46966	36616	42602

Примечание. $\hat{R}$ — статистика Гельмана-Рубина ($\hat{R} < 1$ свидетельствует о сходимости цепи по параметру); G (Geweke) — t-статистика, сравнивающая среднее значение параметра в первых 10% и последних 50% итераций в цепи ($G < 2$ свидетельствует о сходимости цепи по параметру); ESS — effective sample size — эффективное число итераций, необходимых для сходимости цепи (параметр растет вместе со сложностью модели; в связи со сложной структурой априорной вероятности мы игнорируем данную диагностику).

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.08

Правильная ссылка на статью:

Камалов Э. А., Понарин Э. Д. Национальная гордость и субъективное благополучие россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 177—205. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.08>.

For citation:

Kamalov E. A., Ponarin E. D. (2020) National Pride and Subjective Well-Being of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 177—205. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.08>.

Э. А. Камалов, Э. Д. Понарин НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЯН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЯН

КАМАЛОВ Эмиль Альфредович — стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: em.kamalov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5727-4828>

ПОНАРИН Эдуард Дмитриевич — заведующий Лабораторией сравнительных социальных исследований, профессор департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: eponarin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8568-5840>

NATIONAL PRIDE AND SUBJECTIVE WELL-BEING OF RUSSIANS

Emil A. KAMALOV¹ — Research Assistant at the Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: em.kamalov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5727-4828>

Eduard D. PONARIN¹ — Head of the Laboratory for Comparative Social Research; Professor at the Department of Sociology
E-MAIL: eponarin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8568-5840>

¹ National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. С начала 2000-х годов показатели субъективного благополучия жителей России росли благодаря увеличивавшимся доходам и укреплявшемуся оптимизму относительно будущего. Однако ухудшение экономического положения, последовавшее за кризисом 2008 г., не привело к ожидаемому падению субъективного благополучия. Одно из вероятных объяснений — рост национальной гордости. В данной работе проверяется, действительно ли национальная гордость положительно и каузально влияет на счастье и удовлетворенность жизнью жителей России. Также исследуются возможные компенсаторные свойства национальной гордости, благодаря которым ее эффект может быть более сильным для индивидов с низкими доходами и плохим здоровьем, а также в период экономического зстоя.

В исследовании используются интегрированные базы данных Всемирного исследования ценностей (World Values Survey) и Европейского исследования ценностей (European Values Study), содержащие опросные данные по России с 1990 по 2017 гг. Авторы применяют метод линейной регрессии с использованием инструментальных переменных. Получены следующие результаты: эффект национальной гордости на субъективное благополучие положительный и статистически значимый ($\beta = 0,26$, $p\text{-value} < 0,001$), в том числе при использовании инструментальных переменных ($\beta = 0,92$, $p\text{-value} < 0,001$). Данный эффект наиболее силен в период после 2008 г., а также среди лиц с низкими доходами.

Ключевые слова: счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, национальная гордость, россияне, инструментальные переменные

Abstract. Since the beginning of the 2000s, subjective well-being of the Russians was growing due to growing incomes and strengthening optimism about the future. However, the worsening economic situation following the crisis in 2008 did not cause the expected fall in subjective well-being rates. One plausible explanation is the growth of national pride. In this paper, it is tested whether or not national pride positively and causally affect happiness and life satisfaction of Russians. Possible compensatory properties of national pride — its hypothetical stronger effect for individuals with low incomes and poor health — are also being investigated. Data: integrated database of the World Values Survey and the European Values Study containing survey data for Russia from 1990 to 2017. Methods: linear regression with instrumental variables. Results: the effect of national pride on subjective well-being is positive and statistically significant ($\beta = 0.26$, $p\text{-value} < 0.001$), the effect persists while using instrumental variables ($\beta = 0.92$, $p\text{-value} < 0.001$); the effect is stronger in the period after 2008, as well as for people with low incomes.

Keywords: happiness, life satisfaction, subjective well-being, national pride, Russians, instrumental variables

Введение

Субъективное благополучие населения — уровень счастья и удовлетворенности жизнью — в последнее время становится одной из целей национальных политик разных государств наравне с экономическим ростом. Около 20 стран используют статистику по благополучию в процессе принятия политических решений [Durand, 2018]. Появляется множество исследований, проводимых научными организациями, а также ОЭСР и ООН, направленных на изучение детерминант субъективного благополучия.

Хорошо известно, что такие характеристики, как молодость, хорошее здоровье, наличие работы, ассоциированы с более высоким уровнем благополучия [Helliwell, Putnam, 2004; Helliwell, 2003; Blanchflower, Oswald, 2004; Veenhoven, 2008]. Однако в значительной степени разница между уровнем благополучия разных людей связана с наследуемыми особенностями их личности [Headey, Wearing, 1989; Lucas, 2008; Gureev et al., 2018]. Также известно, что уровень удовлетворенности жизнью зависит от экономического благополучия индивида, но только до определенного предела, после которого прирост доходов не увеличивает удовлетворенность жизнью [Clark, Frijters, Shields, 2008; Inglehart et al., 2008]. В последнее время внимание социологов привлекают макрофакторы субъективного благополучия, такие как уровень экономического развития страны, доверие, социальный капитал, уровень безопасности и т. п. Установлено, что независимо от личных доходов индивиды в странах с высоким ВВП чувствуют себя более счастливыми [Helliwell, 2003; Inglehart et al., 2008]. Кроме этого, жители стран с высоким уровнем доверия и социального капитала более удовлетворены своей жизнью, чем жители других стран [Helliwell, Putnam, 2004]. Утверждается, что уровень доверия в обществе оказывает сильное положительное влияние на благополучие тех, кто находится в менее выгодном экономическом положении, — иными словами, богатые получают меньший, нежели бедные, прирост счастья от высокого общественного доверия [Helliwell, Huang, Wang, 2016].

Субъективное благополучие россиян также подвергалось неоднократному исследованию. Среди первых субъективное благополучие в России исследовали Г. Балатски и Э. Динер [Balatsky, Diener, 1993], показавшие, что одним из важнейших факторов субъективного благополучия российских студентов является удовлетворенность досугом. Р. Фоа, Р. Инглхарт, Э. Понарин и Т. Карабчук [Foa et al., 2018] продемонстрировали, что идеология, которой придерживается индивид, и ее соответствие происходящему в стране — важный фактор субъективного благополучия. Они определили, что поколения, выросшие в Советском Союзе, оказались в худшем положении после распада СССР в силу того, что их взгляды на общественный порядок перестали соответствовать действительности. Л. Киселева и В. Стриелковски на выборке, репрезентирующей население Тюмени, показали, что самыми значимыми детерминантами счастья являются здоровье, семья, дети и доход [Киселева, Стриелковски, 2016]. М. Колосницына, Н. Хоркина и Х. Доржиев подтверждают, что здоровье и наличие семьи (супруга) выступает важной детерминантой счастья для пожилых россиян [Kolosnitsyna, Khorkina, Dorzhiev, 2017]. Р. Венховен выяснил, что россияне понимают счастье так же, как респонденты из других стран, и не склонны занижать показатели сво-

его субъективного благополучия из-за культурных особенностей [Veenhoven, 2001]. Дж. Зависка и М. Хут проанализировали причины восстановления показателей субъективного благополучия россиян после кризиса 1990-х годов и установили, что рост субъективного благополучия вызван не соответствующим ростом зарплат и доходов, а стабилизацией экономической ситуации, экономическим ростом и последующим увеличением оптимизма россиян относительно будущего [Zavisca, Hout, 2005]. Но как обстоят дела россиян в условиях кризиса и ухудшения экономического благополучия, которое произошло после 2008 г.?

Известно, что после экономического кризиса 2008 г. субъективное благополучие россиян не только не упало, но даже выросло. Из рисунка 1 хорошо видно, что субъективное благополучие россиян в 2011 и 2017 гг., несмотря на сравнительно небольшое падение удовлетворенности жизнью, незначительно отличается от 2008 г., а в 2017 г. общий уровень субъективного благополучия вырос. С чем связаны подобные изменения показателей, если экономика России перестала демонстрировать докризисные темпы роста?

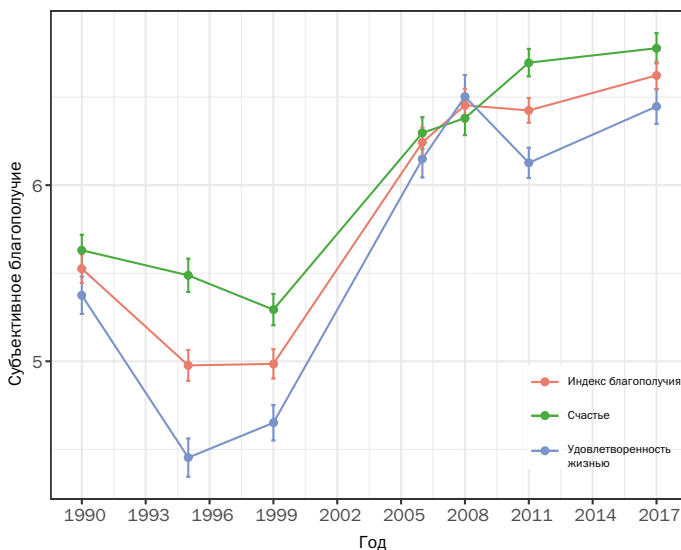

Рис. 1. Средний уровень субъективного благополучия россиян в зависимости от года

Одно из возможных объяснений было предложено Э. Понариным и М. Коминым [Ponarin, Komin, 2018]. Авторы полагают, что падение материального благополучия было компенсировано ростом национальной гордости, который оказался возможным благодаря внешней политике России. Они показывают, что национальная гордость и счастье, при контроле возрастной когорты, сильно коррелируют друг с другом. Действительно, на межнациональных данных [Morrison, Tay, Diener, 2011; Reeskens, Wright, 2011] и на данных по Южной Корее [Ha, Jang, 2015] было показано, что национальная гордость и субъективное благополучие положительно и статистически значимо взаимосвязаны. Кроме этого, была установлена поло-

жительная взаимосвязь субъективного благополучия и гордости за спортивные достижения страны [Pawlowski, Downward, Rasciute, 2014; Kavetsos, 2012].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы понять, насколько, при контроле других релевантных переменных, субъективное благополучие россиян зависит от национальной гордости. Используя метод инструментальных переменных для исключения эндогенности, мы пытаемся ответить на вопрос о наличии каузальной связи между двумя феноменами. Кроме этого, в работе ставится задача определения возможной гетерогенности эффекта национальной гордости для различных групп населения и в различные периоды.

Данная работа организована следующим образом. В первом разделе описываются основные теории, объясняющие механизм взаимосвязи субъективного благополучия и национальной гордости, дается обзор эмпирических работ по данной теме, а также формулируются гипотезы. Во втором разделе приводится описание используемых данных и методов. Третий раздел посвящен эмпирическому тестированию гипотез. Статья завершается описанием основных результатов исследования и формулированием выводов о взаимосвязи национальной гордости и субъективного благополучия россиян.

1. Теория и гипотезы

Национальная гордость в России

Известно, что внешние конфликты могут вызывать эффект «единения вокруг знамени» (rally round the flag), при котором возрастает поддержка политического лидера, а также ослабевает внимание к внутренним проблемам [Сироткина, Завадская, 2016]. Один из характерных примеров — Фолклендская война. Победа Великобритании привела к росту поддержки М. Тэтчер и Консервативной партии, а также, несмотря на убывающий эффект, способствовала их победе на выборах 1983 г. [Norpoth, 1987].

Национальная политика России последних лет характеризуется ориентацией на имперский национализм, легитимность которого строится вокруг конфронтации с внешними силами и успехами в ходе нее [Ponarin, Komin, 2018]. Внешнеполитические конфликты, в которых Россия в те или иные годы принимала участие — от конфликта в Южной Осетии до войны в Сирии, — также могут оказывать эффект «единения вокруг знамени». До 2012 г. легитимность российской власти определялась негласным договором: власть обеспечивает рост экономического благосостояния населения, население — лояльность [Бызов, 2018]. Данный договор работал до тех пор, пока экономика России демонстрировала уверенные темы роста. Однако после кризиса 2008 г., несмотря на восстановление 2010—2011 гг., темпы роста экономики неуклонно снижались. Из рисунка 2 можно увидеть, что национальная гордость россиян также снизилась после 2008 г. Однако данное падение сменилось ростом, связанным с крымскими событиями и возникновением «посткрымского консенсуса». Эмпирические исследования подтверждают, что национальная гордость действительно может меняться в силу разных причин — от изменения экономических условий в стране [Fabrykant, Magun, 2016] до участия в военных конфликтах [Moaddel, Tessler, Inglehart, 2008] и спортивных мероприятиях [Kavetsos, 2012, Hallmann, Breuer, Kühnreich, 2013].

Из рисунка 1 видно, что интегральный показатель субъективного благополучия россиян также, вслед за гордостью, несколько снизился после 2008 г. — главным образом в силу снижения удовлетворенности жизнью — однако после крымских событий вновь возрос и достиг пика в 2017 г. Согласно исследованиям электро-рального поведения, субъективное благополучие является одним из существенных факторов поддержки власти [Ward, 2019]. В этом смысле рост субъективного благополучия россиян, произошедший после присоединения Крыма, мог оказать положительный эффект на поддержку власти.

Присоединение Крыма привело к росту оптимизма россиян по отношению к происходящему в стране и курсу, избранному властью [Бызов, 2018]. Сложившийся «посткрымский консенсус», согласно Л. Бызову, предполагает, что легитимность власти теперь базируется не на экономических успехах, но на укреплении державного могущества и внешнеполитических успехах [там же]. Как и для многих других развивающихся стран, для населения России характерно преобладание материалистических ценностей, что делает возможной сильную внутригрупповую солидарность в ответ на ухудшение экономических условий [Inglehart, 2018]. В этом смысле случай России представляет особый интерес. С одной стороны, замедление и стагнация экономики, а с другой — политика, непосредственно воздействующая на национальную гордость, формируют достаточную вариацию, чтобы оценить возможное компенсирующее влияние национальной гордости на субъективное благополучие россиян. Кроме этого, интересно узнать, насколько такая политика действительно может быть эффективным субститутом экономического роста в условиях, когда эффективные экономические реформы представляются маловероятными.

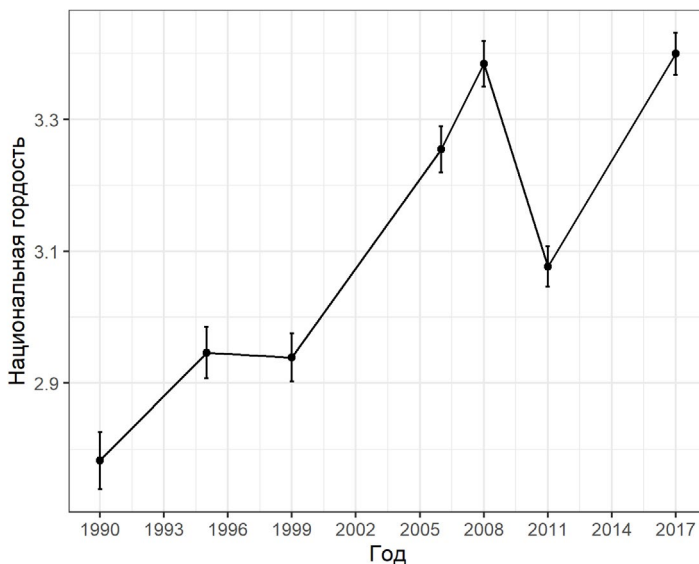

Рис. 2. Средний уровень национальной гордости россиян в зависимости от года

Национальная гордость и счастье

Национальная гордость — это положительный аффект индивида по отношению к стране, с которой он себя идентифицирует, а также к ее достижениям и символам [Müller-Peters, 1998]. Национальная гордость включает в себя два аспекта: страну, достижениями которой гордятся, и индивида, испытывающего гордость за принадлежность к стране [Smith, Kim, 2006].

Национальная гордость может оказывать воздействие на субъективное благополучие индивида косвенно — через улучшение социальных условий его существования. Простое наличие чего-то общего между индивидами может усилить связь внутри социальной группы, снизить трансакционные издержки коллективных действий [Macintyre, 2015]. В то же время национальная гордость может воздействовать на субъективное благополучие индивида непосредственно. Согласно теории социальной идентичности [Tajfel, Turner, 1986], для благополучия индивида важно быть членом определенных социальных групп. Эмпирические исследования показывают, что принадлежность к группам и социальный капитал позволяют увеличить субъективное благополучие в силу разных причин: от эмоциональной поддержки до облегченного доступа к рынку труда [Helliwell, Putnam, 2004; Veenhoven, 2008]. Часто самооценка индивида оказывается в зависимости от оценки им группы, к которой он принадлежит или относит себя [de Vries, 2003]. Чем в большей степени индивид ассоциирует себя с группой, тем больше успех группы влияет на его самочувствие. С этой точки зрения гордость за социальную группу непосредственно воздействует на субъективное благополучие [Morrison, Tay, Diener, 2011; Hirt et al., 1992].

Другое объяснение зависимости национальной гордости и субъективного благополучия дает теория социального сравнения. Конструирование идентичности предполагает сравнение ин-группы с аут-группой для получения положительного отличия [Hogg, 2000]. Известно, что субъективное благополучие находится в сильной зависимости и часто определяется социальным сравнением [Fujita, 2008]. В этом смысле принадлежность к группе, которая субъективно превосходит другие группы (а также самоидентификация с ней) может приводить к повышению субъективного благополучия, поскольку оказывается, что положение, занимаемое индивидом, превосходит положение многих других людей.

Эмпирические исследования демонстрируют устойчивую положительную корреляцию субъективного благополучия и национальной гордости, а также иных видов гордости (например, гордости за спортивные достижения). Исследование М. Моррисона, Л. Тэя и Э. Динера, основанное на анализе данных, репрезентирующих 95 % населения Земли, демонстрирует положительный эффект национальной удовлетворенности (переменная, близкая к национальной гордости) на уровень удовлетворенности жизнью. Увеличение на 1 пункт в уровне удовлетворенности страной ассоциировано с увеличением удовлетворенности жизнью на 0,40 пункта. Данные результаты подтверждаются в других межстрановых исследованиях [Reeskens, Wright, 2011], а также в исследованиях азиатских стран [Steele, Lynch 2013; Ha, Jang, 2015].

Предпринимаются попытки ответить на вопрос о влиянии национальной гордости на субъективное благополучие и в России. Одна из таких работ — статья

Э. Д. Понарина и М. Комина [Ponarin, Komin, 2018], в которой они демонстрируют взаимную корреляцию национальной гордости и субъективного благополучия. Однако данный эффект был проконтролирован только возрастом, тогда как другие социально-демографические переменные, влияющие на субъективное благополучие, оказываются неучтенными. В связи с этим сформулируем следующую гипотезу.

Гипотеза 1: *чем выше уровень национальной гордости индивида, тем выше его субъективное благополучие.*

Среди работ, посвященных субъективному благополучию и национальной гордости, есть направленные на установление причинно-следственной связи между двумя феноменами. Так, Т. Павловски, П. Даунворд и С. Раскит [Pawlowski, Downward, Rasciute, 2014] акцентируют внимание на спортивном домене национальной гордости — гордости за спортивные достижения. Авторы используют инструментальные переменные для устранения эндогенности, поскольку субъективное благополучие и гордость за спортивные достижения могут иметь общую причину. Согласно результатам их исследования, спортивная гордость положительно ассоциирована с субъективным благополучием, но при использовании инструментальных переменных данный эффект пропадает. Это свидетельствует, что гордость за спортивные достижения страны не оказывает причинно-следственного воздействия на субъективное благополучие.

Наши попытки найти исследования, которые бы были строго направлены на определение причинно-следственной связи между национальной гордостью и субъективным благополучием, не оказались успешными. Поэтому в данной работе мы, среди прочего, ставим задачу определить, насколько возможно трактовать связь между субъективным благополучием и национальной гордостью как каузальную. В связи с этим сформулируем следующую гипотезу.

Гипотеза 2: *национальная гордость оказывает положительный причинно-следственный эффект на благополучие россиян.*

В субъективном благополучии выделяют разные домены: удовлетворенность работой, досугом, правительством, здоровьем, семейными отношениями и т. п. Согласно исследованиям, различные домены удовлетворенности каузально влияют на удовлетворенность жизнью, то есть можно сказать, что индивид удовлетворен жизнью в целом, потому что он удовлетворен какими-то конкретными ее доменами [Sirgy, 2012]. Согласно теории компенсации, удовлетворенность в одних доменах может компенсировать падение удовлетворенности в других доменах. Это происходит в силу адаптивного свойства психики: важность для индивида доменов с низкой удовлетворенностью уменьшается, тогда как важность доменов с высокой удовлетворенностью повышается [ibid.]. Это позволяет избежать падения общего уровня удовлетворенности и перехода в депрессию [ibid.]. Данный компенсаторный эффект доменов субъективного благополучия подтверждается многими эмпирическими исследованиями [Campbell, Converse, Rodgers, 1976; Miller, Weiss, 1982; Best, Cummins, Lo, 2000].

Национальная гордость может оказывать компенсирующий эффект на тех, кто оказывается в более низком социальном положении. Данное предположение

проверили в международных масштабах М. Морисон, Л. Тэй и Э. Динер [Morrison, Tay, Diener, 2011]. Основываясь на анализе данных Всемирного опроса (World Poll), произведенного Институтом Гэллапа, они показали, что бедные респонденты действительно выигрывают от высокой удовлетворенности государством больше, чем богатые. То же характерно и для уровня здоровья. Тем не менее, поскольку работ, посвященных проверке указанных гипотез на российских данных, выполнено не было, мы можем сформулировать следующие гипотезы.

Гипотеза 3: национальная гордость оказывает больший эффект на субъективное благополучие россиян с низкими доходами.

Гипотеза 4: национальная гордость оказывает больший эффект на субъективное благополучие россиян с плохим здоровьем.

Согласно идее Э. Д. Понарина и М. Комина, уровень счастья населения России не снизился после 2008 г., как должно было произойти из-за уменьшения экономического благосостояния, но остался прежним и даже вырос [Ponarin, Komin, 2018], потому что возрос уровень национальной гордости. М. Морисон, Л. Тэй и Э. Динер показали, что чем ниже ВВП страны, тем выше эффект удовлетворенности государством на удовлетворенность жизнью индивида [Morrison, Tay, Diener, 2011]. В связи со сказанным, мы можем предположить, что национальная гордость может компенсировать падение экономического благополучия и его влияние на уровень субъективного благополучия, то есть эффект национальной гордости на счастье должен возрастать в период экономического кризиса и стагнации, потому что положительные события, происходящие с государством, могут оказывать компенсирующий эффект на субъективное благополучие людей, лишенных материального достатка. Поэтому, ввиду падения реальных зарплат, экономического кризиса и стагнации, с одной стороны, а также активной империалистской политики и событий, воспринимаемых как победы России на международной арене — с другой, мы формулируем следующую гипотезу.

Гипотеза 5: после экономического кризиса 2008 г. эффект национальной гордости на субъективное благополучие россиян возрастает.

2. Данные и методы

Основным источником данных для анализа в данной работе является база данных, собранная проектами Всемирное исследование ценностей (World Values Survey) [WVS, 2014] и Европейское исследование ценностей (European Values Study) [EVS, 2015]. Официальные сайты данных проектов предлагают интегрированные базы данных, объединяющих волны опросов разных годов и имеющих унифицированную кодификацию. База данных Всемирного исследования ценностей содержит опросные данные по России за 1990, 1995, 2006 и 2011 гг. Интегрированная база данных Европейского исследования ценностей содержит данные по России за 1999 и 2008 гг. Также в качестве дополнительного и актуального источника данных для исследований была использована неинтегрированная база данных Европейского исследования ценностей за 2017 г. [EVS, 2019]. Общее

количество респондентов в используемых базах данных составляет 14 363 человека за семь опросных волн.

Зависимые переменные. Уровень субъективного благополучия мы операционализируем следующими вопросами:

1. О счастье: «В целом могли бы Вы сказать, что Вы». С ответами 1 = «Очень счастливы», 4 = «Абсолютно несчастливы». Ответы на вопрос были перекодированы в 10-балльную шкалу, в которой 1 = «Абсолютно несчастливы», 10 = «Очень счастливы».
2. Об удовлетворенности жизнью по 10-балльной шкале, в которой 1 = «Совершенно не удовлетворен», а 10 = «Совершенно удовлетворен».

Также был сконструирован индекс субъективного благополучия путем нахождения среднего значения между уровнем счастья и уровнем удовлетворенности жизнью. В работе мы используем данные переменные как интервальные по следующим причинам: во-первых, это облегчает интерпретацию полученных коэффициентов, во-вторых, позволяет использовать метод инструментальных переменных и соответствующие тесты, в-третьих, переменная «удовлетворенность жизнью» и составной индекс содержат достаточно градаций (10 и 19 соответственно), чтобы использовать их как интервальные, в-четвертых, это не противоречит конвенциям социальных наук, в которых порядковые показатели субъективного благополучия часто используются в качестве интервальных, в-четвертых, это не оказывает существенного влияния на полученные оценки [Ferrer-i-Carbonell, Frijters, 2004]. Тем не менее, в целях проверки валидности, для переменной «счастье», содержащей лишь четыре градации, все гипотезы были перепроверены с использованием порядковой регрессии и отражены в таблице ПЗ Приложения.

Объясняющая переменная. Национальная гордость операционализируется через ответ на вопрос: «Насколько Вы гордитесь тем, что Вы — россиянин?», с вариантами от 1 = «Абсолютно не горжусь», до 4 = «Очень горжусь» (ответ «Я не россиянин» был исключен). Как и в других статьях, посвященных субъективному благополучию и национальной гордости, данная переменная используется как интервальная.

В модели включены следующие **контрольные переменные**, релевантные субъективному благополучию: доход¹ [Inglehart, 2018; Hagerty, Veenhoven, 2003; Clark, Frijters, Shields, 2008], пол [Helliwell, Putnam, 2004; Tesch-Römer, Motel-Klingebiel, Tomasik, 2008], возраст [Blanchflower, Oswald, 2004], здоровье, образование [Helliwell, Putnam, 2004], семейный статус [Veenhoven, 2008], доверие к посторонним [Helliwell, 2003] и религиозность [Myers, Eid, Larsen, 2008]. Описательная статистика всех используемых переменных приведена в таблицах П1 и П2 Приложения.

Методы. Для оценки эффекта гордости на субъективное благополучие используется регрессия следующего вида:

$$SWB_i = \beta_0 + \beta_1 \times Pride_i + \beta_n \times X_i + R_i.$$

¹ Следует отметить, что в используемой базе данных доход был измерен двумя различными способами: в одних случаях как объективная принадлежность к децилю (1990, 1995, 1999, 2006, 2017 гг.), в других — как субъективная принадлежность (2011 г.).

Для тестирования гипотез о модерирующих эффектах мы используем линейную регрессию с включенными эффектами взаимодействия следующего вида:

$$SWB_i = \beta_0 + \beta_1 \times Pride_i \times I_i + \beta_2 \times Pride_i + \beta_3 \times I_i + \beta_n \times X_i + R_i,$$

где SWB_i — уровень счастья, удовлетворенности жизнью или индекс субъективного благополучия i -го индивида;

$Pride_i$ — уровень национальной гордости i -го индивида;

I_i — переменные, чей модерирующий характер предполагается тестировать (год, доход, здоровье);

X_i — вектор контрольных переменных.

Также используется метод инструментальных переменных, который позволяет состоятельно оценить регрессионные коэффициенты, используя вспомогательные переменные, в экзогенности которых теоретически мало сомнений. Метод производится с помощью двухшаговой МНК (метод наименьших квадратов) регрессии [Sovey, Green, 2011]. Однако для того, чтобы оценка была состоятельной, инструмент должен обладать определенными свойствами — быть релевантным, взаимозаменяемым и воздействовать на объясняемую переменную только через объясняющую [Цыплаков, 2007; Lousdal, 2018]. Мы полагаем, что подходящими инструментами для определения причинно-следственной связи между национальной гордостью и субъективным благополучием являются следующие переменные: готовность сражаться за свою страну и частота просмотра новостей о стране по телевидению. Описательная статистика по данным переменным приведена в таблице П2 Приложения.

Данные переменные релевантные. Готовность воевать за страну предполагает существование долговременной установки и аффекта по отношению к государству, в том числе повышенную гордость, которая, как мы предполагаем, является следствием (при контроле прочих переменных) воздействия на индивида патриотического воспитания, полученного от родителей, в школе или от иного социального окружения. Частота просмотра политических программ по телевидению — также релевантный инструмент, в силу пропагандистской и прогосударственной подачи новостей. Мы можем исключить влияние инструментов на субъективное благополучие не через национальную гордость, добавляя контроль на первом уровне двухшаговой МНК. Кроме этого, считаем, что данные инструменты взаимозаменяемы, поскольку теоретически сложно наблюдать между ними и счастьем неслучайную взаимосвязь (за исключением национальной гордости и контролируемых переменных), продиктованную общей для них причиной.

Результаты

Из таблицы 1 хорошо видно, что национальная гордость действительно оказывается очень значимым и неслучайным предиктором счастья и удовлетворенности жизнью. Повышение национальной гордости на одну единицу увеличивает счастье респондента на 0,27 пункта (p -value < 0,001)². Незначительно меньший эффект национальная гордость оказывает на уровень удовлетворенности жизнью

² Данный эффект был воспроизведен с использованием порядковой регрессии (см. приложение 1). То же касается и других эффектов, обнаруженных в данной работе.

индивида: увеличение национальной гордости на единицу повышает уровень удовлетворенности на 0,24 пункта ($p\text{-value} < 0,001$). Сходный эффект обнаруживается, если зависимой переменной оказывается индекс субъективного благополучия ($\beta = 0,26$, $p\text{-value} < 0,001$). Таким образом, наша гипотеза о положительной связи национальной гордости и субъективного благополучия россиян подтверждается (см. рис. 3).

Таблица 1. Влияние гордости на субъективное благополучие

	Счастье (1—10)	Удовлетворенность жизнью (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)
<i>Predictors</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>
(Intercept)	8,15 ***	7,08 ***	7,60 ***
Национальная гордость	0,27 ***	0,24 ***	0,26 ***
Возраст	-0,05 ***	-0,07 ***	-0,06 ***
Квадрат возраста	0,00 ***	0,00 ***	0,00 ***
Пол (ref = “мужчина”)	0,20 ***	0,08	0,14 **
Здоровье (субъективная оценка)	0,79 ***	0,74 ***	0,76 ***
Образование (ref = “низшее”):			
среднее	0,13	-0,03	0,05
высшее	0,20	-0,05	0,07
Семейное положение (ref= “женат/замужем”):			
Живут вместе	-0,48 ***	-0,21	-0,34 ***
Разведены	-0,73 ***	-0,34 ***	-0,54 ***
Разлучены	-0,66 ***	-0,62 **	-0,64 ***
Вдовствующие	-0,88 ***	-0,28 **	-0,58 ***
Одиноки	-0,52 ***	-0,20 *	-0,36 ***
Разведены, разлучены или вдовствующие	-0,38 *	-0,22	-0,30 *
Доход домохозяйства	0,11 ***	0,20 ***	0,16 ***
Трудовой статус (ref = “Полная занятость”):			
Частичная занятость	-0,04	-0,04	-0,05
Самозанятый	0,13	0,12	0,13
Пенсионер	0,06	0,18	0,15
Домохозяйка	0,32 **	0,33 *	0,25 **

	Счастье (1—10)	Удовлетворенность жизнью (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)
<i>Predictors</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>
Студент	0,19	0,21	0,21
Безработный	-0,33 **	-0,34 **	-0,38 ***
Другое	0,25	0,39	0,10
Доверие	0,25 ***	0,22 ***	0,23 ***
Частота посещения религиозных мероприятий	0,02	0,03 *	0,02 *
Эффект года наблюдения (ref = 1995)			
2006	0,19 **	1,03 ***	0,62 ***
2011	0,95 ***	1,53 ***	1,25 ***
2017	0,74 ***	1,49 ***	1,07 ***
Observations	6564	6686	6516
R ² / adjusted R ²	0,262/0,259	0,251/0,248	0,329/0,327

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

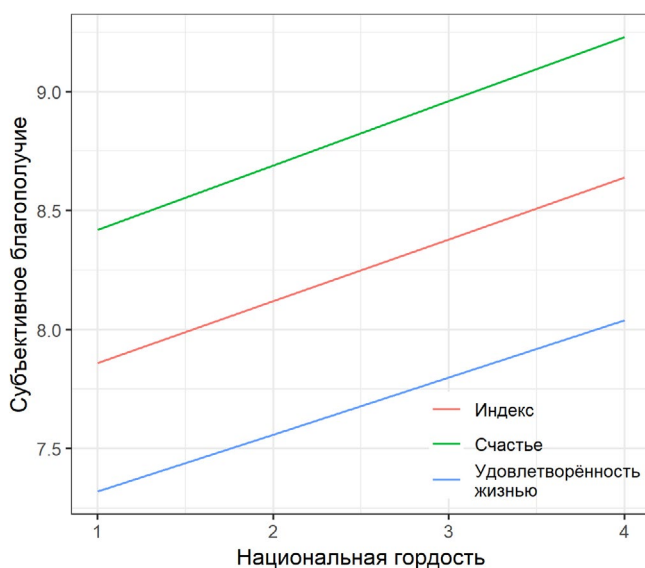

Рис. 3. Влияние национальной гордости на субъективное благополучие

В таблице 2 приведены модели, призванные ответить на вопрос о наличии причинно-следственных связей между национальной гордостью и субъективным благополучием. Как мы уже писали выше, в качестве инструментальных переменных мы используем: (1) готовность воевать за страну и (2) частоту просмотра политических программ по ТВ. В первой модели таблицы 2 была использована в качестве инструмента готовность воевать за страну. Диагностика показала, что это сильный (p -value теста на силу инструмента $< 0,001$) и экзогенный инструмент (значение p -value теста Ву-Хаусмана $< 0,001$). При условии, что наши допущения относительно данного инструмента справедливы, данный эффект можно трактовать как причинно-следственный. В этом случае эффект гордости оказывается внушительным — увеличение гордости на 1 пункт повышает уровень субъективного благополучия на 0,96 пункта. Если говорить о второй модели в таблице 2, то в ней в качестве инструмента используется частота просмотра новостей о России по телевидению. Данный инструмент также сильный (p -value $< 0,001$) и экзогенный, так как тест Ву-Хаусмана значимый (p -value $< 0,05$). Если доверять данному инструменту, то национальная гордость также оказывает причинно-следственное воздействие на субъективное благополучие: увеличение гордости на 1 пункт ведет к повышению уровня субъективного благополучия на 0,84 пункта.

Таблица 2. **Использование инструментальных переменных**

	Индекс субъективного благополучия (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
	Инструмент: готовность воевать	Инструмент: частота просмотра ТВ	Инструмент: и то, и другое вместе
<i>Predictors</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>
(Intercept)	4,951***	6,603***	6,367***
Национальная гордость	0,961***	0,838***	0,923***
Возраст	-0,044***	-0,031***	-0,029**
Квадрат возраста	0,0004***	0,0003**	0,0002*
Пол (ref = “мужчина”)	0,108**	0,130**	0,157**
Здоровье (субъективная оценка)	0,709***	0,760***	0,735***
Образование (ref = “низшее”):			
Среднее	0,121	-0,242	-0,371
Высшее	0,162	-0,260	-0,415
Семейное положение (ref= “женат/замужем”):			

	Индекс субъективного благополучия (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
	Инструмент: готовность воевать	Инструмент: частота просмотра ТВ	Инструмент: и то, и другое вместе
<i>Predictors</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>
Живут вместе	−0,336***	−0,240**	−0,302**
Разведены	−0,548***	−0,327***	−0,416***
Разлучены	−0,538***	−0,529**	−0,451
Вдовствующие	−0,523***	−0,521***	−0,541***
Одиноки	−0,223**	−0,246**	−0,180*
Разведены, разлучены или вдовствующие	−0,397***	−0,311**	−0,359**
Доход домохозяйства	0,148***	0,139***	0,127***
Трудовой статус (ref = “Полная занятость”):			
Частичная занятость	−0,004	−0,010	−0,010
Самозанятый	0,170	0,159	0,213
Пенсионер	0,134	0,030	0,015
Домохозяйка	0,323**	0,054	0,184
Студент	0,189	0,069	0,023
Безработный	−0,378***	−0,194	−0,086
Другое	0,300	0,425*	0,415
Доверие	0,205***	0,165***	0,159**
Частота посещения религиозных мероприятий	0,013	0,012	0,007
Эффект года (ref = 1995)			
2006	0,375***		
2011	1,189***		
2017	0,856***	−0,305***	−0,304***
Observations	5335	3360	2761
Тест на силу инструмента (p-value)	0	0,00	0,000
Тест Ву-Хаусмана (p-value)	0	0,04	0,001

	Индекс субъективного благополучия (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
	Инструмент: готовность воевать	Инструмент: частота просмотра ТВ	Инструмент: и то, и другое вместе
<i>Predictors</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>
Тест Саргана (p-value)	—	—	0,969
R ² / adjusted R ²	0,249/0,246	0,239/0,234	0,220/0,213

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

В третьей модели, приведенной в таблице 2, использовались обе инструментальные переменные. Тест на силу инструментов и тест Ву-Хаусмана оказались значимыми ($p\text{-value} < 0,001$ в обоих случаях), что говорит о том, что данные инструменты, используемые совместно, и сильные, и экзогенные. Тест Саргана оказывается незначимым, что является хорошим индикатором, так как демонстрирует эффективность совместного использования инструментов в одной модели. В модели 3 эффект национальной гордости также значимый ($p\text{-value} < 0,001$) и также выше в 3,5 раза, чем в моделях без использования инструментальных переменных ($\beta = 0,92$ против $\beta = 0,26$). Данные модели показывают, что возможный каузальный эффект национальной гордости значительно выше, чем предполагает простая корреляция (см. рис. 4).

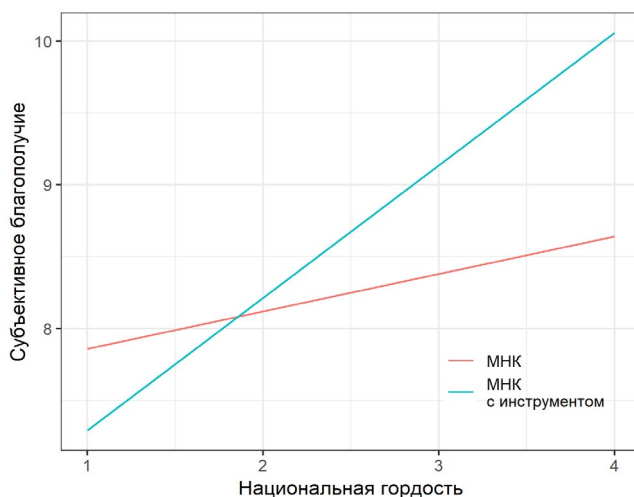

Рис. 4. Разница эффектов национальной гордости на субъективное благополучие в зависимости от метода

Э. Понарин и М. Комин [Ponarin, Komin, 2018] склонны объяснять повышение уровня счастья, произошедшее несмотря на падение уровня материального благополучия, возросшей национальной гордостью. Тем не менее модели, представленные в таблице 1, включают в себя национальную гордость, что, однако, не устраняет сохранившийся эффект года наблюдения. Мы полагаем, сохранившийся эффект года может быть связан с тем, что гордость не всегда оказывает одинаковый эффект, что ее эффект, согласно теории компенсации, сильнее в периоды низкого материального благополучия. В этом смысле в моделях, в которых национальная гордость оценивается постоянным коэффициентом, эффект года может сохраняться.

Таблица 3. Компенсаторные свойства национальной гордости

	Индекс субъективного благополучия (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
<i>Predictors</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>
(Intercept)	7,95 ***	6,42 ***	7,65 ***
Национальная гордость	0,12 **	0,77 ***	0,22 *
Возраст	-0,06 ***	-0,02	-0,06 ***
Квадрат возраста	0,00 ***	0,00	0,00 ***
Пол (ref = “мужчина”)	0,12 **	0,21 **	0,13 **
Здоровье (субъективная оценка)	0,76 ***	0,81 ***	0,80 ***
Образование (ref = “низшее”):			
среднее	0,02	-0,50	0,06
высшее	0,06	-0,58	0,09
Семейное положение (ref = “женат/замужем”):			
Живут вместе	-0,35 ***	-0,23	-0,35 ***
Разведены	-0,53 ***	-0,47 ***	-0,54 ***
Разлучены	-0,65 ***	-0,46	-0,64 ***
Вдовствующие	-0,57 ***	-0,67 ***	-0,57 ***
Одиноки	-0,35 ***	-0,29 *	-0,35 ***
Разведены, разлучены или вдовствующие	-0,38 **		-0,38 **
Доход (субъективная оценка)	0,15 ***	0,53 ***	0,15 ***
Трудовой статус (ref = “Полная занятость”):			

	Индекс субъективного благополучия (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)	Индекс субъективного благополучия (1—10)
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
<i>Predictors</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>
Частичная занятость	-0,05	-0,05	-0,05
Самозанятый	0,13	0,13	0,14
Пенсионер	0,12	0,19	0,13
Домохозяйка	0,31 **	-0,07	0,31 **
Студент	0,19	0,08	0,18
Безработный	-0,36 ***	-0,38	-0,36 ***
Другое	0,38	-0,01	0,36
Доверие	0,23 ***	0,23 **	0,23 ***
Частота посещения религиозных мероприятий	0,02 *	0,00	0,02 *
Год наблюдения (ref = 1995):			
2006	0,33		0,62 ***
2011	0,43 *		1,24 ***
2017	0,45		1,11 ***
Национальная гордость × год наблюдения (ref = 1995):			
2006	0,10		
2011	0,27 ***		
2017	0,21 **		
Национальная гордость × доход (субъективная оценка)		-0,10 ***	
Национальная гордость × здоровье			0,01
Observations	6516	1994	6516
R ² / adjusted R ²	0,331/0,328	0,300/0,292	0,329/0,326

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Модель 1 в таблице 3 демонстрирует, что в 2011 и 2017 гг. эффект национальной гордости оказался значимо выше, чем в 1995 г., тогда как в 2006 г. эффект статистически неотличим от эффекта гордости в 1995 г. Если в 1995 г. эффект национальной гордости был равен 0,12, а в 2006 г. был статистическим неотличим от прежнего значения, то в 2011 и 2017 гг. данный эффект увеличился втрое, под-

нявшись до 0,39 ($p\text{-value} < 0,001$) и 0,33 ($p\text{-value} < 0,01$) соответственно. Эффекты национальной гордости в разные годы представлены на рисунке 5 слева.

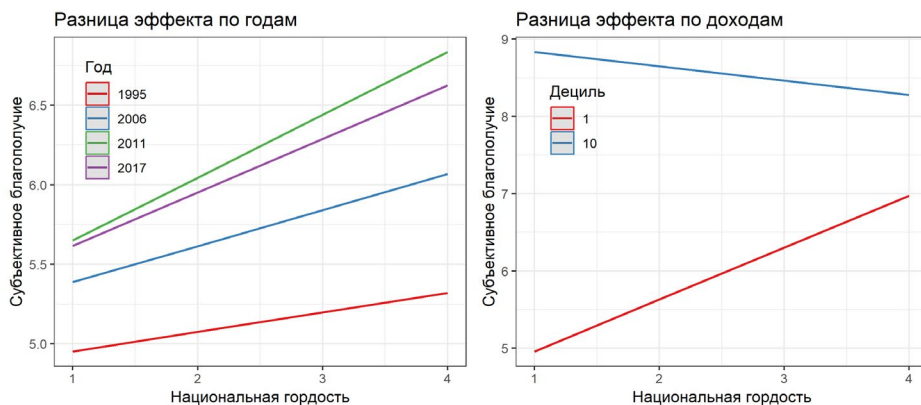

Рис. 5. Различия эффекта гордости на счастье в зависимости от года и дохода

Модель 2 в табл. 3 также подтверждает компенсирующее воздействие национальной гордости на благополучие (см. рис. 5, справа). Следует подчеркнуть, что в модели используется субъективная оценка доходов³, характерная для опроса, проведенного в 2011 г., а не объективная. Значимого эффекта взаимодействия при использовании объективного показателя дохода не наблюдается. Мы полагаем, что это связано, во-первых, с тем, что измеренный таким образом доход не отражает региональных различий стоимости жизни, во-вторых, с тем, что субъективная оценка включает сравнение доходов респондента с доходами других групп, что, согласно теории социального сравнения, должно усиливать эффект дохода [Veenhoven, 2008]. Эффект для нижнего дециля доходов равен 0,53 ($p\text{-value} < 0,001$), тогда как для каждого последующего дециля эффект падает на 0,1 пункт ($p\text{-value} < 0,001$). Таким образом, гипотеза о том, что для людей с меньшим доходом национальная гордость оказывает больший эффект, подтверждается. Что касается здоровья (модель 3 таблицы 3), компенсирующий эффект национальной гордости не обнаружен. В целом полученные результаты соответствуют теории компенсации [Sirgy, 2012], согласно которой неудовлетворенность в одном домене может быть компенсирована удовлетворенностью в другом. В нашем случае ухудшение материальных условий жизни (снижение удовлетворенности финансовым положением, работой, условиями жизни и т. п.) компенсируется через национальную гордость, которая воздействует на удовлетворенность индивида страной. Теория компенсации сама по себе предполагает, что общая удовлетворенность жизнью (когнитивная составляющая субъективного благополучия) становится следствием удовлетворенности в доменах. В этом смысле подтверждение компенсаторного свойства национальной гордости косвенно подтверждает и направление причинно-следственной связи — от национальной гордости к субъективному благополучию.

³ Респондент самостоятельно относил себя к определенному децилю, не имея представления о том, какой доход характерен для каждого дециля.

Заключение

Теория социальной идентичности утверждает, что события, происходящие с социальной группой, с которой индивид себя идентифицирует, непосредственно влияют на его самочувствие. Теория социального сравнения также предсказывает, что успехи и победы собственной страны в тех или иных областях могут непосредственно воздействовать на суждения человека об уровне его субъективного благополучия. Наша работа подтверждает данные теории: как и ожидалось, национальная гордость положительно и значимо связана с субъективным благополучием, как с эмоциональным компонентом (уровнем счастья), так и с когнитивным (уровнем удовлетворенности жизни). Увеличение национальной гордости на единицу (по 4-балльной шкале) ассоциировано с увеличением уровня субъективного благополучия на 0,26 пункта (по 10-балльной шкале, p -value < 0,001).

Для устранения потенциальных источников эндогенности и оценки предполагаемого причинно-следственного эффекта национальной гордости мы воспользовались методом инструментальных переменных. В качестве инструментальных были выбраны две переменные: (1) готовность сражаться за собственную страну и (2) частота просмотра политических передач и новостей по ТВ. Статистические тесты подтвердили, что это сильные и экзогенные инструменты. Модели с инструментальными эффектами показали, что потенциальный каузальный эффект национальной гордости на субъективное благополучие выше более чем в три раза, чем предполагалось в регрессии без инструментов: увеличение национальной гордости на единицу (по 4-балльной шкале) приводит к повышению уровня благополучия на ~0,9 пункта (по 10-балльной шкале, p -value < 0,001).

В работе также были оценены потенциальные компенсаторные свойства национальной гордости. Мы обнаружили, что после экономического кризиса 2008 г., когда материальное благополучие населения упало, эффект национальной гордости на субъективное благополучие вырос, что свидетельствует о компенсирующем действии национальной гордости. Данное положение подтверждается в моделях с эффектом взаимодействия национальной гордости с доходами — чем ниже доходы домохозяйства, тем выше эффект гордости на субъективное благополучие. Эффект национальной гордости для людей, принадлежащих к первому децилю по доходам, в несколько раз выше, чем для людей, принадлежащих к десятому децилю. Однако такого же эффекта не наблюдается по отношению к состоянию здоровья.

Полученные результаты свидетельствуют, что вложение ресурсов в успехи страны на международной арене — будь то в спорте, военном деле или политике, — если это сопровождается ростом национальной гордости, может способствовать увеличению субъективного благополучия населения, в особенности в ситуации, когда улучшение экономических условий жизни трудно осуществимо.

Список литературы (References)

Бызов Л. Идеиные рубежи «посткрымского консенсуса» // Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016—2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. В. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2018. С. 105—151.

Byzov L. (2018) The Ideological Frontiers of the “post-Crimean Consensus”. Fedorov V. V. (ed.) *Elections against the Crimea Background: The 2016—2018 Electoral Cycle and Prospects for Political Transit*. Moscow: VCIOM. P. 105—151. (In Russ.)

Киселева Л. С., Стриелковски В. Восприятие счастья россиянами // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 86—91.

Kiseleva L. S., Strielkowski W. (2016) Perception of Happiness by Russians. *Sociological Studies*. No. 1. P. 86—91. (In Russ.)

Сироткина Е. В., Завадская М. А. Когда власть несет ответственность за экономический кризис : Исследование атрибуции ответственности власти в сравнительной перспективе // Политическая наука. 2016. № 4. С. 242—260.

Sirotkina E. V., Zavadskaia M. A. (2016) When the Power is Held Responsible for Economic Crisis: Studies of Responsibility Attribution to the Power in Comparative Perspective. *Political Science (RU)*. No. 4. P. 242—260. (In Russ.)

Цыплаков А. Экскурс в мир инструментальных переменных // Квантиль. 2007. № 2. С. 21—47.

Tsyplakov A. (2007) A Guide to the World of Instrumental Variables. *Quantile*. No. 2. P. 21—47. (In Russ.)

Balatsky G., Diener E. (1993) Subjective Well-Being among Russian Students. *Social Indicators Research*. Vol. 28. No. 3. P. 225—243. <https://doi.org/10.1007/bf01079019>.

Best C. J., Cummins R. A., Lo S. K. (2000) The Quality of Rural and Metropolitan Life. *Australian Journal of Psychology*. Vol. 52. No. 2. P. 69—74. <https://doi.org/10.1080/00049530008255370>.

Blanchflower D. G., Oswald A. J. (2004) Well-Being over Time in Britain and the USA. *Journal of Public Economics*. Vol. 88. No. 7—8. P. 1359—1386. [https://doi.org/10.1016/s0047-2727\(02\)00168-8](https://doi.org/10.1016/s0047-2727(02)00168-8).

Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. (1976) *The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfactions*. New York: Russell Sage Foundation.

Clark A. E., Frijters P., Shields M. A. (2008) Relative Income, Happiness, and Utility: An Explanation for the Easterlin Paradox and Other Puzzles. *Journal of Economic Literature*. Vol. 46. No. 1. P. 95—144. <https://doi.org/10.1257/jel.46.1.95>.

de Vries R. E. (2003) Self, In-Group, and Out-Group Evaluation: Bond or Breach? *European Journal of Social Psychology*. Vol. 33. No. 5. P. 609—621. <https://doi.org/10.1002/ejsp.173>.

Durand M. (2018) Countries' Experiences with Well-Being and Happiness Metrics. In: *Global Happiness. Policy Report 2018*. New York: Global Happiness Council. P. 200—245.

EVS (2015) European Values Study Longitudinal Data File 1981—2008. ZA4804 Data file Version 3.0.0. Cologne: GESIS Data Archive. <http://dx.doi.org/doi:10.4232/1.12253>.

EVS (2019) European Values Study 2017: Integrated Dataset. ZA7500 Data file Version 2.0.0. Cologne: GESIS Data Archive. <https://doi.org/10.4232/1.13314>.

Fabrykant M., Magun V. (2016) Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective. In: Grimm J., Huddy L., Schmidt P., Seethaler J. (eds.) *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. London: Routledge. P. 83—112. <https://doi.org/10.4324/9781315746111-6>.

Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P. (2004) How Important is Methodology for the Estimates of the Determinants of Happiness? *The Economic Journal*. Vol. 114. No. 497. P. 641—659. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2004.00235.x>.

Foa R. S., Inglehart R., Ponarin E., Karabchuk T. (2018) Set-Point Theory and Societal Collapse: The Case of Russia. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 19. No. 6. P. 1639—1656. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9888-4>.

Fujita F. (2008) The Frequency of Social Comparison and its Relation to Subjective Well-Being. In: Eid M., Larsen R. J. (eds.) *The Science of Subjective Well-Being*. New York: Guilford Press. P. 239—257.

Gureev A. S., Ananieva E. D., Rubanovich A. V., Inglehart R. F., Ponarin E. D., Borinskaya S. A. (2018) Association of MAOA-uVNTR Polymorphism with Subjective Well-Being in Men. *Russian Journal of Genetics*. Vol. 54. No. 5. P. 562—567. <https://doi.org/10.1134/s1022795418050058>.

Ha S. E., Jang S.-J. (2015) National Identity, National Pride, and Happiness: The Case of South Korea. *Social Indicators Research*. Vol. 121. No. 2. P. 471—482. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0641-7>.

Hagerty M. R., Veenhoven R. (2003) Wealth and Happiness Revisited — Growing National Income Does Go with Greater Happiness. *Social Indicators Research*. Vol. 64. No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1023/a:1024790530822>.

Hallmann K., Breuer C., Kühnreich B. (2013) Happiness, Pride and Elite Sporting Success: What Population Segments Gain Most from National Athletic Achievements? *Sport Management Review*. Vol. 16. No. 2. P. 226—235. <https://doi.org/10.1016/j.smr.2012.07.001>.

Headey B., Wearing A. (1989) Personality, Life Events, and Subjective Well-Being: Toward a Dynamic Equilibrium Model. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. No. 4. P. 731—739. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.4.731>.

Helliwell J. F. (2003) How's Life? Combining Individual and National Variables to Explain Subjective Well-Being. *Economic Modelling*. Vol. 20. No. 2. P. 331—360. [https://doi.org/10.1016/s0264-9993\(02\)00057-3](https://doi.org/10.1016/s0264-9993(02)00057-3).

Helliwell J. F., Huang H., Wang S. (2016) New Evidence on Trust and Well-Being. National Bureau of Economic Research Working Paper No. 22450. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. URL: <https://www.nber.org/papers/w22450.pdf> (accessed: 08.02.2020).

Helliwell J. F., Putnam R. D. (2004) The Social Context of Well-Being. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*. Vol. 359. No. 1449. P. 1435—1446. <https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1522>.

Hirt E. R., Zillmann D., Erickson G. A., Kennedy C. (1992) Costs and Benefits of Allegiance: Changes in Fans' Self-Ascribed Competencies after Team Victory versus Defeat. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 63. No. 5. P. 724—738. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.63.5.724>.

Hogg M. A. (2000) Social Identity and Social Comparison. In: Suls J., Wheeler L. (eds.) *Handbook of Social Comparison: Theory and Research*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers. P. 401—421. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-4237-7_19.

Inglehart R. (2018) Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108613880>.

Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. (2008) Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective (1981—2007). *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 3. No. 4. P. 264—285. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6924.2008.00078.x>.

Kavetsos G. (2012) National Pride: War Minus the Shooting. *Social Indicators Research*. Vol. 106. No. 1. P. 173—185. <https://doi.org/10.1007/s11205-011-9801-1>.

Kolosnitsyna M., Khorkina N., Dorzhiev H. (2017) Determinants of Life Satisfaction in Older Russians. *Ageing International*. Vol. 42. No. 3. P. 354—373. <https://doi.org/10.1007/s12126-017-9297-3>.

Lousdal M. L. (2018) An Introduction to Instrumental Variable Assumptions, Validation and Estimation. *Emerging Themes in Epidemiology*. Vol. 15. No. 1. P. 1—7. <https://doi.org/10.1186/s12982-018-0069-7>.

Lucas R. E. (2008) Personality and Subjective Well-Being. In: Eid M., Larsen R. J. (eds.) *The Science of Subjective Well-Being*. New York: Guilford Press. P. 171—195.

Macintyre A. J. (2015) An Empirical Examination of the Consequences of National Pride: Analyses of Survey and Experimental Data. PhD Thesis. Brisbane: Queensland University of Technology.

Miller L. E., Weiss R. M. (1982) The Work-Leisure Relationship: Evidence for the Compensatory Hypothesis. *Human Relations*. Vol. 35. No. 9. P. 763—771. <https://doi.org/10.1177/001872678203500905>.

Moaddel M., Tessler M., Inglehart R. (2008) Foreign Occupation and National Pride: The Case of Iraq. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 72. No. 4. P. 677—705. <https://doi.org/10.1093/poq/nfn042>.

Morrison M., Tay L., Diener E. (2011) Subjective Well-Being and National Satisfaction: Findings from a Worldwide Survey. *Psychological Science*. Vol. 22. No. 2. P. 166—171. <https://doi.org/10.1177/0956797610396224>.

Müller-Peters A. (1998) The Significance of National Pride and National Identity to the Attitude toward the Single European Currency: A Europe-Wide Comparison. *Journal of Economic Psychology*. Vol. 19. No. 6. P. 701—719. [https://doi.org/10.1016/s0167-4870\(98\)00033-6](https://doi.org/10.1016/s0167-4870(98)00033-6).

Myers D. G., Eid M., Larsen R. (2008) Religion and Human Flourishing. In: Eid M., Larsen R. J. (eds.) *The Science of Subjective Well-Being*. New York: Guilford Press. P. 323—343.

Norpoth H. (1987) The Falklands War and Government Popularity in Britain: Rally without Consequence or Surge without Decline? *Electoral Studies*. Vol. 6. No. 1. P. 3—16. [https://doi.org/10.1016/0261-3794\(87\)90047-3](https://doi.org/10.1016/0261-3794(87)90047-3).

Pawlowski T., Downward P., Rasciute S. (2014) Does National Pride from International Sporting Success Contribute to Well-Being? An International Investigation. *Sport Management Review*. Vol. 17. No. 2. P. 121—132. <https://doi.org/10.1016/j.smr.2013.06.007>.

Ponarin E., Komin M. (2018) The Russian Elite's Imperial Nationalism and the Russian Society: The Emergence of a Grand Consensus. *Sociology Compass*. Vol. 12. No. 12. P. e12641. <https://doi.org/10.1111/soc4.12641>.

Reeskens T., Wright M. (2011) Subjective Well-Being and National Satisfaction: Taking Seriously the “Proud of What?” Question. *Psychological Science*. Vol. 22. No. 11. P. 1460—1462. <https://doi.org/10.1177/0956797611419673>.

Sirgy M. J. (2012) *The Psychology of Quality of Life: Hedonic Well-Being, Life Satisfaction, and Eudaimonia*. Dordrecht: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-4405-9>.

Smith T. W., Kim S. (2006) National Pride in Comparative Perspective: 1995/96 and 2003/04. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 18. No. 1. P. 127—136. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edk007>.

Sovey A. J., Green D. P. (2011) Instrumental Variables Estimation in Political Science: A Readers' Guide. *American Journal of Political Science*. Vol. 55. No. 1. P. 188—200. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00477.x>.

Steele L. G., Lynch S. M. (2013) The Pursuit of Happiness in China: Individualism, Collectivism, and Subjective Well-Being during China's Economic and Social Transformation. *Social Indicators Research*. Vol. 114. No. 2. P. 441—451. <https://doi.org/10.1007/s11205-012-0154-1>.

Turner J. C., Tajfel H. (1986) The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel S., Austin W. G. (eds.) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall Publishers. P. 7—24.

Tesch-Römer C., Motel-Klingebiel A., Tomasik M. J. (2008) Gender Differences in Subjective Well-Being: Comparing Societies with Respect to Gender Equality. *Social Indicators Research*. Vol. 85. No. 2. P. 329—349. <https://doi.org/10.1007/s11205-007-9133-3>.

Veenhoven R. (2001) Are the Russians as Unhappy as They Say They Are? *Journal of Happiness Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 111—136. <https://doi.org/10.1023/a:1011587828593>.

Veenhoven R. (2008) Sociological Theories of Subjective Well-Being. In: Eid M., Larsen R. J. (eds.) *The Science of Subjective Well-Being*. New York: Guilford Press. P. 44—61.

Ward G. (2019) Happiness and Voting Behavior. In: Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D. (eds.) *World Happiness Report 2019*. New York: Sustainable Development Solutions Network. P. 46—65. URL: <https://worldhappiness.report/ed/2019/happiness-and-voting-behavior/> (accessed: 08.02.2020).

WVS (2014) World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile 1981—2014. Madrid: JD Systems Institute. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp> (accessed: 09.02.2020).

Zavisca J., Hout M. (2005) Does Money Buy Happiness in Unhappy Russia? Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies Working Paper Series. Berkeley, CA: University of California, Berkeley: Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies. URL: <https://escholarship.org/content/qt4j19w9f4/qt4j19w9f4.pdf> (accessed: 21.02.2020).

Приложения

Таблица П1. *Описательная статистика переменных по годам*

Год	Кол-во набл.	Счастье		Удовлетворенность жизнью		Индекс		Национальная гордость		Доход (дециль)	
		Среднее	sd	Среднее	sd	Среднее	sd	Среднее	sd	Среднее	sd
1990	1961	5,63	2,00	5,37	2,40	5,53	1,84	2,78	0,98	4,72	2,16
1995	2040	5,49	2,19	4,45	2,52	4,98	2,02	2,95	0,90	4,88	2,43
1999	2500	5,29	2,27	4,65	2,57	4,99	2,14	2,94	0,92	5,74	2,86
2006	2033	6,30	2,06	6,15	2,42	6,24	1,94	3,25	0,80	5,99	2,32
2008	1504	6,38	1,92	6,50	2,44	6,45	1,86	3,38	0,68	—	—
2011	2500	6,70	1,99	6,13	2,20	6,42	1,80	3,08	0,78	4,21	1,77
2017	1825	6,78	1,87	6,45	2,16	6,62	1,70	3,40	0,69	5,09	2,71

Таблица П2. *Описательная статистика используемых переменных*

Переменная	Кол-во наблюдений	Категории	Средняя	sd	Min	Max
Возраст	14 347	—	45,07	17,05	16	91
Образование	12 347	Низшее — 732 Среднее — 8206 Высшее — 3409	2,22	0,54		
Трудовой статус	14 307	Полная занятость — 7553 Частичная занятость — 677 Самозанятый — 262 Пенсионер — 3528 Домохозяйка — 679 Студент — 705 Безработный — 745 Другое — 158				
Счастье	13 768	1 = Совершенно несчастлив 10 = Очень счастлив	6,06	2,14	1	10
Здоровье	11 770	1 = Очень плохое — 194 2 = Плохое — 1648 3 = Нормальное — 5697 4 = Хорошее — 3667 5 = Очень хорошее — 564	3,23	0,81	1	5
Доход	11 643	1 = Первый дециль 10 = Десятый дециль	5,08	2,47	1	10

Переменная	Кол-во наблюдений	Категории	Средняя	sd	Min	Max
Семейный статус	14 234	Женат/за мужем — 7796 Живут вместе — 447 Разведены — 1566 Разлучены — 307 Вдовствующие — 1806 Одиноки — 2109 Разведены, разлучены или вдовствующие — 203				
Национальная гордость	13 723	1 = Совсем не горд — 794 2 = Не очень горд — 2145 3 = Скорее горд — 5770 4 = Очень горд — 5014	3,09	0,86	1	4
Религиозность — частота посещения религиозных мероприятий	14 063	1 = Практически никогда — 5526 2 = Реже — 2185 3 = Раз в году — 1589 4 = Другие особые праздники — 384 5 = Только на специальные события (Рождество/Пасха) — 2778 6 = Раз в неделю — 405 Раз в месяц — 1017 7 = Чаше одного раза в неделю — 179	2,88	1,99	1	8
Удовлетворенность жизнью	14 180	1 = Не удовлетворен 10 = Удовлетворен	5,61	2,52	1	10
Пол	14 363	Мужчина — 6045 Женщина — 8318				
Индекс (счастье+удовлетворенность)	13 636	—	5,85	2,03	1	10
Доверие	13 693	1 = С людьми нужно быть осторожными — 9913 2 = Большинству людей можно доверять — 3780	1,28	0,45	1	2
Частота просмотра политических передач по ТВ	4 311	1 = Ежедневно — 2889 2 = Еженедельно — 923 3 = Реже — 306 4 = Никогда — 193	1,49	0,81	1	4
Готовность сражаться за страну	10 314	0 = Не готовы — 2236 1 = Готовы — 8078	0,78	0,41	0	1

Таблица ПЗ. **Порядковая регрессия: зависимая переменная «Счастье»**

	Счастье (порядковая регрессия)	Счастье (порядковая регрессия)	Счастье (порядковая регрессия)	Счастье (порядковая регрессия)
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
<i>Predictors</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>
Национальная гордость	1,35 ***	1,20 ***	2,51 ***	1,32 *
Возраст	0,95 ***	0,95 ***	0,98	0,95 ***
Квадрат возраста	1,00 ***	1,00 ***	1	1,00 ***
Пол (ref = «мужчина»)	1,24 ***	1,23 ***	1,33 **	1,24 ***
Здоровье (субъективная оценка)	2,49 ***	2,49 ***	2,63 ***	2,56 ***
Образование (ref = «низшее»):				
среднее	1,13	1,1	0,76	1,13
высшее	1,24	1,21	0,77	1,24
Семейное положение (ref=»женат/за мужем»):				
Живут вместе	0,57 ***	0,57 ***	0,68 *	0,57 ***
Разведены	0,44 ***	0,44 ***	0,48 ***	0,44 ***
Разлучены	0,49 ***	0,49 ***	0,59	0,49 ***
Вдовствующие	0,39 ***	0,39 ***	0,33 ***	0,39 ***
Одиноки	0,57 ***	0,57 ***	0,68 *	0,56 ***
Разведены, разлучены или вдовствующие	0,58 **	0,59 **		0,58 **
Доход домохозяйства	1,13 ***	1,13 ***	1,65 ***	1,13 ***
Трудовой статус (ref=»Полная занятость»):				
Частичная занятость	0,96	0,96	1,01	0,96
Самозанятый	1,17	1,17	1,28	1,17
Пенсионер	1,09	1,09	1,27	1,09
Домохозяйка	1,49 **	1,49 **	1,18	1,49 **
Студент	1,27	1,28	1,1	1,27
Безработный	0,71 **	0,71 **	0,6	0,71 **
Другое	1,35	1,38	0,85	1,34
Доверие	1,35 ***	1,35 ***	1,37 **	1,35 ***
Частота посещения религиоз- ных мероприятий	1,03	1,03 *	1,02	1,03

	Счастье (порядковая регрессия)	Счастье (порядковая регрессия)	Счастье (порядковая регрессия)	Счастье (порядковая регрессия)
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
<i>Predictors</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>	<i>Estimates</i>
Эффект года наблюдения (ref=1995)				
2006	1,24 **	1,29		1,25 **
2011	2,91 ***	1,12		2,91 ***
2017	2,33 ***	1,29		2,33 ***
Национальная гордость × года наблюдения (ref = 1995)				
2006		1		
2011		1,38 ***		
2017		1,21 *		
Национальная гордость × до- ход (субъективная оценка)			0,90 **	
Национальная гордость × здоровье				1,01
Observations	6564	6564	2009	6564

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.09

Правильная ссылка на статью:

Настина Е. А., Алмакаева А. М. Роль уровня притязаний и социальных сравнений в детерминации удовлетворенности жизнью // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 206—224. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.09>.

For citation:

Nastina E. A., Almakaeva A. M. (2020) Aspiration Level and Social Comparison as Factors in Determining Life Satisfaction. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 206—224. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.09>.

Е. А. Настина, А. М. Алмакаева РОЛЬ УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ СРАВНЕНИЙ В ДЕТЕРМИНАЦИИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ

РОЛЬ УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ СРАВНЕНИЙ В ДЕТЕРМИНАЦИИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ

ASPIRATION LEVEL AND SOCIAL COMPARISON AS FACTORS IN DETERMINING LIFE SATISFACTION

НАСТИНА Екатерина Александровна — стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: enastina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6261-1814>

Ekaterina A. NASTINA¹ — Research Assistant at the Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: enastina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6261-1814>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

АЛМАКАЕВА Анна Михайловна — кандидат социологических наук, заместитель заведующего Лабораторией сравнительных социальных исследований; старший преподаватель департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aalmakaeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2710-1525>

Anna M. ALMAKAEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Deputy Head of the Laboratory for Comparative Social Research; Senior Lecturer at the School of Sociology
E-MAIL: aalmakaeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2710-1525>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Данное исследование посвящено влиянию уровня притязаний и социальных сравнений на удовлетворенность жизнью россиян. В отличие от предыдущих работ, уровень притязаний понимается шире, чем конкретная сумма желаемого ежемесячного дохода. Предполагается, что индивид на основе социальных сравнений формирует субъективное представление о пространстве благосостояния и, в зависимости от своего жизненного опыта, стремится приблизиться к верхним или средним его границам, либо отдалиться от нижних. Результаты многоуровневого регрессионного моделирования на материалах 25 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ подтвердили ранее обнаруженный негативный эффект уровня притязаний на удовлетворенность жизнью, однако конкретные механизмы различаются для когорт, переживших кризис 1990-х годов в трудоспособном возрасте, и для более молодых когорт респондентов. Также выявлено, что более выраженным эффектом обладают социальные сравнения не с доходными группами (богатые, бедные или середняки), а с категорией «другие», позволяющей самому респонденту определить эталон сравнения. Отмечается и роль регионального контекста: общий уровень бедности в регионе смягчает негативный эффект притязаний.

Abstract. This research aims to establish the effect of aspiration level and social comparison on life satisfaction in Russia. Unlike previous studies, it is argued that in their financial aspirations individuals orient themselves not to a single ideal income figure but rather to an inherently social-comparative space of prosperity. Depending on their life experience they will aim at either approaching the higher border or the center of this space, or at getting farther from the lower borderline. The results of multilevel regression modeling run on data from Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS), Wave 25 show that, in line with previous research, the higher up are one's aspirations, the lower is their satisfaction with life. Interestingly though, the exact mechanisms are rather different for individuals who have lived through the economic crisis of the 90-s full-aged and their younger compatriots. It was also found that social comparison with generalized other have a higher effect on one's subjective well-being than with specific income groups (the rich, middle class or the poor). Moreover, the negative effect of the aspiration level is alleviated by higher poverty rate in the region: the individuals experience lower reduction in life satisfaction if they are more financially deprived people around them.

Ключевые слова: уровень притязаний, доход, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, социальные сравнения, экономический кризис

Keywords: financial aspirations, income, life satisfaction, subjective well-being, social comparison, economic crisis

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: грант № 18-18-00341 «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива».

Acknowledgments. This article is supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00341 “Transformation of values and subjective quality of life: a regional perspective”.

Введение

Субъективное благополучие (subjective well-being) прочно вошло в научно-исследовательский обиход во второй половине прошлого века. Как один из основных компонентов качества жизни, субъективное благополучие привлекало и привлекает внимание многих исследователей и практиков, стремящихся понять, каким образом можно сделать жизнь человека более гармоничной и счастливой. Опубликовано множество работ, посвященных детерминантам субъективного благополучия в целом и его различным компонентам. Тем не менее, несмотря на столь обширный и богатый опыт, в этой области все еще остаются лакуны, которым уделялось достаточно мало внимания. Одной из таких сфер является роль уровня притязаний и социальных сравнений.

Данная статья ставит своей целью заполнить этот пробел с помощью многоуровневого регрессионного анализа, выполненного на материалах 25-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ за 2016 год. Несмотря на то, что некоторые зарубежные ученые уже тестировали эффекты социальных сравнений и притязаний, на российской выборке такой анализ ранее не проводился. Помимо этого, настоящая работа привносит несколько новых аспектов в рассматриваемое предметное поле. Во-первых, в противовес предыдущим исследованиям, опиравшимся только на «достаточный» ежемесячный доход домохозяйства [Stutzer, 2004], уровень притязаний будет рассматриваться более широко. Предполагается, что, «притязая», люди ориентируются не только на одно-единственное значение достатка, но конструируют пространство финансового благополучия, границы которого могут определяться на основе социальных сравнений с различными группами и представлениями. 25-я волна РМЭЗ НИУ ВШЭ, во-первых, включает в себя блок из шести вопросов, позволяющих одновременно задать в качестве образца сравнения и конкретные доходные группы, и более абстрактную категорию «другие», через которую сам респондент может определить эталон сравнения. Во-вторых, она дает возможность протестировать и восходящую (с обеспеченными группами), и нисходящую (с малообеспеченными группами) стратегию сравнения, установив, какая из них в большей степени влияет на удовлетворенность жизнью жителей России (когнитивный компонент субъективного благополучия). Наконец, в-третьих, наряду

с такими индивидуальными факторами, как доход и уровень финансовых притязаний, в работе будут оцениваться и контекстуальные факторы удовлетворенности жизнью, а именно — роль уровня бедности в регионе. Это позволит проанализировать, будет ли общий уровень жизни в регионе нивелирован или, наоборот, усилить влияние уровня притязаний, сформированных на основе социальных сравнений, на обозначенный компонент субъективного благополучия индивида.

Теоретическое обоснование

Как отмечает Э. Динер и его коллеги, в самом общем виде субъективное благополучие отражает то, как сами индивиды оценивают свою жизнь в определенный период времени [Diener, Oishi, Lucas, 2003]. Чаще всего в структуре субъективного благополучия выделяют аффективное и когнитивное измерения. Первое схватывает эмоциональную оценку и чаще всего операционализируется через измерение счастья. Психологи добавляют сюда также так называемый аффективный баланс, то есть соотношение позитивных и негативных эмоций, но среди социологов такой подход менее распространен.

Второе измерение охватывает рациональную оценку успешности или неуспешности жизни индивида. Операционализируется оно через общую удовлетворенность жизнью и/или удовлетворенность отдельными сферами. Например, в широко известной методике «Personal Well-being Index» (PWI) выделяют удовлетворенность уровнем жизни, здоровьем, достижениями в жизни, взаимоотношениями с близкими людьми, безопасностью, отношениями с окружающими, уверенностью в будущем и духовной жизнью (религией) [Žemojtel-Piotrowska et al., 2017]. В зависимости от целей и задач исследования список таких сфер может быть довольно подробным и разнообразным. Нередко субъективное благополучие, счастье и удовлетворенность жизнью рассматриваются как синонимы, что не совсем корректно. Настоящая работа посвящена когнитивному измерению субъективного благополучия, однако в связи с некоторой путаницей в концептуализации и операционализации, характерной для рассматриваемого поля, при формировании гипотез мы обратились к литературе, посвященной всем трем понятиям.

Детерминантам субъективного благополучия посвящено довольно много работ. Среди его факторов можно выделить генетические, социально-демографические, психологические (нейротизм, экстраверсия/интроверсия), экономические, климатические, политические и культурные [Аргайл, 1990; Diener, Lucas, 2000; Diener, Oishi, Lucas, 2003; Fischer, van de Vliert, 2011; Gureev et al., 2018]. При этом сила их влияния значительно варьируется в зависимости от страны (см. напр. [Sarıs et al., 1996]). Если говорить о России, то, как показали предыдущие исследования, одним из важнейших факторов субъективного благополучия является экономическое положение [Sarıs, 2001; Андреевкова, 2010; Frijters et al., 2006]. Это неудивительно, ведь в стране, где уровень жизни сравнительно невысок, главной заботой населения становится материальная обеспеченность [Inglehart, 1977]. Данный факт находит отражение и в обыденных представлениях о благополучии. Так, по материалам опроса Фонда «Общественное мнение», для 54 % россиян «благополучная жизнь» означает «достаток, материальное благополучие, отсутствие

нужды». Вторую по популярности категорию — «здоровье своих близких» — упомянули в ответах лишь 14 % респондентов¹.

С другой стороны, влияние дохода неоднозначно, так как далеко не всегда рост благосостояния ведет к увеличению субъективного благополучия [Easterlin, 1974, 1995, 2001]. Такой феномен получил название «парадокс Истерлина». Автор парадокса, а затем и ряд исследователей, тестируя его на разных выборках, отводят центральное место в объяснительном механизме материальным притязаниям, сформированным на основе гедонистической адаптации и социального сравнения.

Эффект адаптации возникает тогда, когда человек становится счастливее при улучшении материального положения, но со временем привыкает, и его притязания вновь возрастают [Easterlin, 2001]. Выражаясь словами П. Брикмена и Д. Кэмпбела [Brickman, Campbell, 1971], в погоне за счастьем люди трудятся на «гедонистической мельнице». Однако ключевым для нашего исследования служит эффект социального сравнения, согласно которому при оценке уровня своего дохода и формировании притязаний человек ориентируется не только на свой прошлый (или ожидаемый в будущем) опыт, но также и на другие социальные группы или на отдельных индивидов. При этом человек самостоятельно выбирает, с кем именно будет себя сравнивать [Falk, Knell, 2000]. Это могут быть соседи [Duesenberry, 1949], герои любимых сериалов [Schor, 1999], звезды, бизнесмены и т. д. Важным в детерминации субъективного благополучия оказывается не только доход в абсолютных числах, но и то, какие потребности он может удовлетворить и какую позицию позволяет занять в обществе [Ball, Chernova, 2008; Clark, Frijters, Shields, 2008; Rojas, 2019]. Спектр таких групп-эталонов может варьироваться, и, как следствие, далеко не всегда представления исследователя могут быть созвучны представлениям опрашиваемых. Следуя этой логике, уместно предположить, что финансовые притязания, отражающие сопоставление с группой, самостоятельно выбранной индивидом, будут оказывать большее влияние на субъективное благополучие, чем в случае сопоставления с доходными группами, определенными исследователем. Однако, руководствуясь результатами работ зарубежных ученых [McBride, 2010; Stutzer, 2004], следует ожидать, что высокие финансовые притязания, отрицательно сказываются на счастье и удовлетворенности жизнью и в первом, и во втором случае, то есть вне зависимости от способа их формирования.

Если говорить о нашей стране, то такие публикации пока редкость. Существует несколько статей, проверяющих «парадокс Истерлина» на российских выборках. В целом они подтвердили наличие механизма адаптации к уровню доходов [Ларин, Филясов, 2018; Родионова, 2014], а вот четких свидетельств относительно положительного или отрицательного эффекта механизма социальных сравнений получено не было. Причиной этому во многом послужило отсутствие адекватных показателей, которые до недавнего времени не включались в общероссийские исследования. Данная работа призвана заполнить этот пробел и на материалах 25-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ проанализировать, каким образом уровень притязаний и социальные сравнения влияют на субъективное благополучие.

¹ Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян // Фонд «Общественное мнение». 2019. 26 августа. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244> (последний доступ: 06.02.2020).

Мы можем предположить, что описанный механизм будет иметь некоторые особенности в нашей стране. Так, согласно теории Дюсенберри [Duesenberry, 1949], притязания формируются по восходящей логике. Люди склонны опираться на сравнение с теми, кто занимает более высокую позицию в финансовом отношении. С другой стороны, исследования России в переходный период показывают следующее: с массовым падением уровня жизни снижалась и величина дохода, необходимого для того, чтобы свести концы с концами, то есть так называемая субъективная черта бедности [Milanovic, Jovanovic, 1999]. Одним из возможных объяснений этого феномена является замена восходящей логики сравнения на нисходящую. В ситуации острейшего экономического дефицита, когда множество россиян оказались на грани выживания, богатство переместилось в категорию недостижимого, и эталоном сравнения стала беднейшая часть населения².

После кризиса 1990-х годов прошло более 20 лет, однако его последствия до сих пор сказываются на субъективном благополучии россиян. Так, субъективное благополучие пожилых когорт во всех посткризисных волнах Всемирного исследования ценностей значительно ниже субъективного благополучия молодых когорт [Foa et al., 2018]. Таким образом, в России скорее следует ожидать нисходящую логику сравнений в старших возрастных группах и восходящую логику сравнения у молодого поколения, не испытавшего на себе влияние кризиса. Кроме того, уровень финансового благополучия окружающих также влияет на личное благополучие. В частности, более высокий доход других делает человека менее счастливым [McBride, 2010; Vendrik, 2013]. Логично предположить и обратное: чем хуже экономическое положение в регионе, тем меньшее негативное влияние должен оказывать разрыв между желаемым и действительным уровнем дохода индивида. Эти предположения будут проверены в следующих разделах.

Данные и метод

Для анализа была выбрана репрезентативная выборка 25-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ, собранная в 2016 г.³ РМЭЗ представляет собой серию ежегодных общенациональных опросов домашних хозяйств и индивидов. Индивидуальная выборка содержала 12 554 наблюдения. Респонденты младше 18 лет и анкеты, которые не содержали необходимой информации, были удалены из анализа. В итоге объем выборки составил 10 453 индивида из 33 регионов. Для того чтобы учесть иерархический характер данных и оценить взаимодействие между индивидуальными и региональными факторами, в работе используется многоуровневое регрессионное моделирование с интерактивными эффектами. Как правило, такой метод используется, если внутриклассовый коэффициент корреляции превышает 0,05

² Необходимо отметить, что наши данные не позволяют напрямую интерпретировать сравнение с той или иной группой как восходящую или нисходящую логику, т. к. у нас отсутствует информация, к какой группе относит себя индивид. Далее в работе нисходящая и восходящая логики сравнения будут относиться к сравнению с малообеспеченными и обеспеченными группами соответственно (подробнее см. секцию «Данные и метод»).

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms> (последний доступ: 06.02.2020).

[Gelman, Hill, 2006], однако в нашем случае он необходим в первую очередь для проверки гипотезы межуровневой интеракции предикторов (уровня притязаний и доли бедных в регионе).

Как уже было отмечено выше, в структуре субъективного благополучия выделяют аффективное (эмоциональное) и когнитивное (рациональное) измерения. Эти два измерения не идентичны друг другу. Коэффициенты корреляции между ними довольно высокие (на уровне 0,5—0,6), но говорить о полном совпадении неправомечно [Saris, Andreenkova, 2001]. Для нашей выборки этот коэффициент оказался равен 0,5 ($p < 0,001$). Иными словами, всего лишь 25% вариации удовлетворенности жизнью объясняются уровнем счастья. Кроме того, удовлетворенность финансовым положением лучше коррелирует с удовлетворенностью жизнью, а не со счастьем [ibid.]. Исходя из этого, мы не комбинируем эти два измерения в один индекс, а фокусируемся на удовлетворенности, которая измерена с помощью пятибалльной шкалы и вопроса «Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?».

Что касается основной объясняющей переменной — уровня финансовых притязаний, — то 25-я волна РМЭЗ располагает уникальными материалами. Как правило, уровень притязаний измеряется с помощью вопроса «Какой ежемесячный доход Вы считаете достаточным для Вашей семьи?» [Stutzer, 2004]. Подход, используемый в РМЭЗ, позволяет расширить поле сравнения. С одной стороны, респондентам предлагается выбрать референтную категорию самостоятельно, а с другой — категорию, заданную исследователями. Первая стратегия нашла отражение в вопросах: «Какой доход в месяц должна иметь Ваша семья, чтобы Вы считали, что живете...?» а) лучше других, б) не хуже других, в) хуже других. Вторая — в вопросах о необходимом ежемесячном доходе для того, чтобы жить: г) «богато», д) «средне» или е) «бедно». Все шесть переменных будут использоваться в качестве основных предикторов удовлетворенности жизнью. Предполагается, что сравнение с субъективно определяемыми «другими» будет оказывать большее влияние на удовлетворенность жизнью, чем сравнение с заданными доходными группами, а выбор уровня сравнения в качестве наиболее значимого эталона будет зависеть от наличия кризисного опыта 1990-х. Выбор категорий «богатые» и «лучше других» (восходящая логика) должен быть характерен для молодого поколения, не заставшего 1990-е годы, а выбор категорий «бедные» и «хуже других» (нисходящая логика) — для респондентов, сохранивших в памяти этот тяжелый период.

Указанные респондентами суммы были разделены на количество членов домохозяйства. Распределение ответов по всем указанным переменным оказалось сильно скошенным вправо. Чтобы избавиться от резко отклоняющихся наблюдений, использовался критерий Тьюки [Tukey, 1977]. Все кейсы, выходящие за пределы нижних и верхних границ (их оказалось не более 6%), были удалены из анализа. В результате этой операции максимальные значения снизились (от 35 000 для «жить хуже других» до 450 000 для «жить богато»), минимальные не изменились, а распределение несколько выровнялось.

Для тестирования гипотезы о влиянии травматического жизненного опыта при выборе нисходящей или восходящей стратегии социальных сравнений вся выборка была разделена на две группы: посткризисную (1982—2002 год рождения) и

кризисную (1981 год рождения и старше). В первую группу попали респонденты, которые либо вообще не застали кризиса 1990-х годов с кульминацией в 1998 г., либо были подростками, не достигшими трудоспособного возраста (16 лет). Во вторую — респонденты, пережившие кризис в более старшем возрасте.

Чтобы оценить эффект уровня финансовых притязаний и решить проблему ложных корреляций, необходимо принять во внимание возможное влияние других объясняющих (контрольных) переменных. Так, чрезвычайно важно учесть номинальный доход индивида. Поскольку многие респонденты (53 %) отказались отвечать на вопрос о своем личном месячном доходе, было принято решение рассчитать ежемесячный индивидуальный доход, основываясь на данных РМЭЗ по домохозяйствам. Для этого сумма, указанная при ответе на вопрос «Каким был денежный доход всей Вашей семьи в течение последних 30 дней? Включите сюда все денежные поступления: заработную плату, пенсии, стипендии, любые другие денежные поступления, в т. ч. и в валюте», была разделена на количество членов домохозяйства. Доля пропущенных значений по этой переменной в итоге составила всего 4,5 %.

Важно проконтролировать и ряд региональных экономических характеристик. Жители регионов, где стоимость жизни ниже, могут указывать более низкие суммы, однако это не обязательно говорит о более низком уровне финансовых притязаний. Уровень бедности населения также может повлиять на эффект уровня притязаний, снижая его негативное воздействие. Поэтому в модели были включены потребительские расходы в среднем на душу населения в месяц в рублях за 2016 г. по данным Росстата⁴. Для проверки гипотезы о влиянии уровня бедности в регионе на связь между удовлетворенностью жизнью и уровнем притязаний в регрессионный анализ были добавлены межуровневые взаимодействия с долей населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в регионах (статистика из того же источника).

Наконец, в модели также были включены традиционные для исследований удовлетворенности жизнью контрольные переменные: возраст, пол, уровень образования (6 уровней), семейное положение (дихотомическая переменная, 1 — «состоите в зарегистрированном браке» или «живете вместе»), наличие детей, количество человек в домохозяйстве, статус трудоустройства, размер населенного пункта (дихотомическая переменная, «1» — житель города или областного центра).

Результаты

В целом уровень удовлетворенности жизнью в России довольно высокий (см. рис. 1). Так, почти половина опрошенных частично или полностью удовлетворены своей жизнью, примерно у четверти респондентов средний уровень удовлетворенности — какие-то аспекты жизни их устраивают, а какие-то нет; примерно 27 % указали на отрицательную удовлетворенность жизнью.

В доступной для анализа выборке преобладает городское население (см. табл. 1). Наблюдается значительная вариация в экономических показателях по регионам. Так, средние потребительские расходы для жителей Чувашии составляют

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели — 2017 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_14p/Main.htm (последний доступ: 07.02.2020).

13 097 рублей в месяц, в то время как для москвичей эта цифра выше более чем в три раза — 44 902 рублей.

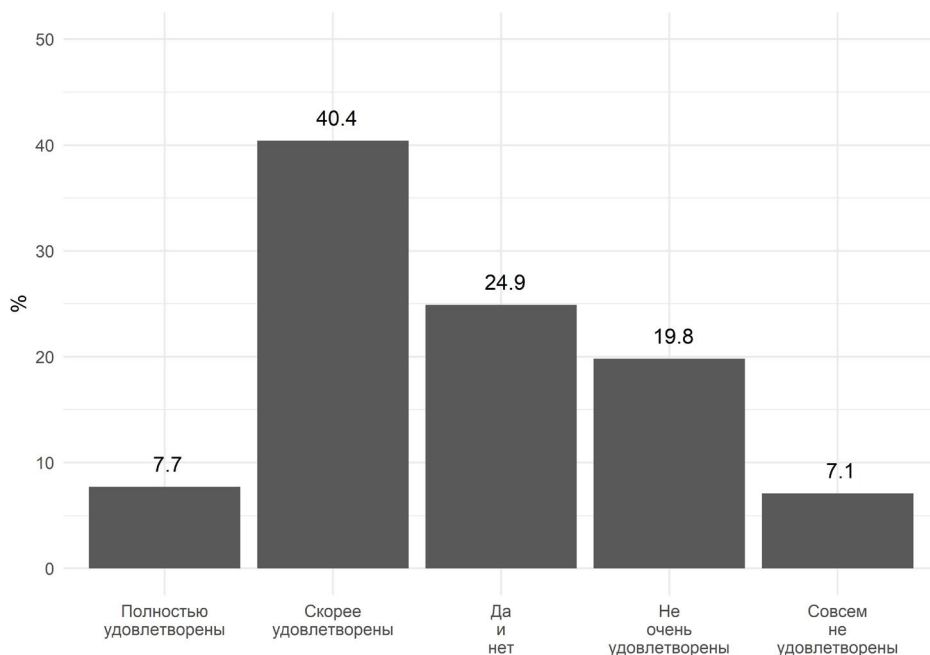

Рис. 1. Общая удовлетворенность жизнью в России

Что касается основных независимых переменных, то в случае сравнения с «другими» уровень финансовых притязаний в среднем характеризуется более низкими суммами, чем в случае использования категорий достатка (богатые, бедные, живущие средне) (см. табл. 1). Все переменные уровня финансовых притязаний значимо и положительно связаны между собой, однако сила связи варьируется от высокой до слабой (см. табл. 2). Все показатели ожидаемо положительно коррелируют с доходом (r от 0,2 до 0,31), то есть чем выше доход в домохозяйстве на человека, тем выше уровень притязаний, что служит косвенным подтверждением эффекта адаптации. Интересно, что показатели сильнее связаны не внутри блоков, а в зависимости от категории финансовых притязаний. Так, «жить хуже» и «жить бедно» коррелируют на уровне 0,8; «богато» и «лучше», а также «не хуже» и «средне» — на уровне 0,7, что выше остальных корреляций. Также стоит обратить внимание на более высокие показатели связи между умеренными и высокими запросами. То есть представления о среднем уровне и богатстве изменяются синхронно, но представления о бедности более однородны и менее связаны с представлениями о богатстве. Этот вывод подтверждают и данные в таблице 1. Так, стандартные отклонения для вопросов «жить бедно» и «жить хуже» в разы меньше стандартных отклонений для других вопросов этого блока.

Таблица 1. **Описательная статистика для основных переменных**

	N	Mean (%)	SD	Min	Max
<i>Индивидуальный уровень</i>					
Удовлетворенность жизнью	10 055	3,2	1,1	1	5
Жить богато	7 201	97 670	80 242	4 285	450 000
Жить средне	7 614	39 326	27 367	333	140 000
Жить бедно	7 582	9 921	6 876	0	37 500
Жить лучше	7 195	67 448	55 578	75	300 000
Жить не хуже	7 863	33 275	25 679	50	150 000
Жить хуже	7 442	9 107	6 236	0	35 000
Доход	9 241	18 468	14 358	0	290 000
Образование	10 035	4,55	1,24	1	6
Городской житель	10 055	67%			
Наличие супруга	10 030	52%			
Наличие детей	10 051	78%			
Наличие работы	10 053	51%			
Женский пол	10 055	59%			
<i>Региональный уровень</i>					
Средние потреб. расходы	10 055	21 700	8 260	13 097	44 902
% бедных	10 055	13,8	4,2	7,7	24,1

Таблица 2. **Коэффициенты корреляции Пирсона между ключевыми независимыми переменными**

	Лучше	Не хуже	Хуже	Богато	Средне	Бедно
Жить лучше	1					
Жить не хуже	0,8	1				
Жить хуже	0,31	0,46	1			
Жить богато	0,65	0,54	0,25	1		
Жить средне	0,59	0,68	0,39	0,75	1	
Жить бедно	0,25	0,38	0,77	0,29	0,45	1
Доход	0,20	0,24	0,31	0,25	0,26	0,28

Обратимся теперь к результатам многоуровневого моделирования. Для начала отметим, что значение ИСС для удовлетворенности жизнью равно 0,05, то есть ранее обозначенному установленному минимуму. Это, однако, это означает, что всего 5 % индивидуальных различий в данном показателе субъективного благополучия объясняется проживанием в определенном регионе, то есть в этом отношении Россия географически гомогенна.

Для удобства представления результатов из всех таблиц исключены коэффициенты для контрольных переменных; полные таблицы представлены в Приложении 1. Вначале оцениваются модели для всей выборки, включающие в себя отдельные переменные уровня финансовых притязаний и заявленные

контрольные переменные⁵. Как видно из таблицы 3, уровень финансовых притязаний негативно связан с удовлетворенностью жизнью. Статистически значимая негативная зависимость имеет место для всех шести переменных этого концепта. Однако сила эффекта финансовых притязаний значительно уступает силе влияния реального дохода. С другой стороны, она равнозначна или превышает силу эффекта социально-демографических показателей (см. табл. 3 в Приложении 1). После включения одновременно всех шести переменных в модели значимый эффект сохранился только для «жить хуже других».

Из вышесказанного следует, что гипотеза о нисходящей логике сравнения в России соответствует действительности. Однако если разделить выборку на кризисную (1981 год рождения и старше) и посткризисную (1982—2002 год рождения) когорты (см. табл. 4, табл. 5), то становится понятно, что нисходящий эффект сравнения появляется благодаря респондентам с опытом жизни в 1990-е. Так, в таблице 4, где представлены регрессионные модели для опрошенных посткризисной когорты, ни вариант «жить бедно», ни вариант «хуже других» не обнаружили статистической значимости. Для них более характерны сравнения со средним и высоким уровнем. Этот эффект исчезает при одновременном включении всех шести показателей, что может быть результатом мультиколлинеарности⁶. Для опрошенных, родившихся в 1981 г. и ранее, ситуация обратная: даже при оценивании всех шести вопросов о финансовых притязаниях категория «жить хуже других» сохраняет свое негативное влияние (см. табл. 5).

Таблица 3. Многоуровневые регрессионные модели для населения в целом

Удовлетворенность жизнью							
	1	2	3	4	5	6	7
Жить лучше	-0,062***						-0,042
Жить не хуже		-0,071***					0,021
Жить хуже			-0,075***				-0,105***
Жить богато				-0,074***			-0,045
Жить средне					-0,040**		0,002
Жить бедно						-0,041**	0,035
Доход	0,875***	0,835***	0,855***	0,896***	0,953***	0,784***	0,955***
Контрольные переменные	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Число наблюдений	6 989	7 616	7 237	6 999	7 383	7 366	5 913
Log Likelihood	-361,230	-372,782	-396,434	-350,982	-317,334	-396,529	-278,971
AIC	750,461	773,564	820,867	729,964	662,668	821,058	595,941

Примечание. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

⁵ Все переменные в регрессионных моделях перекодированы от 0 до 1 для удобства анализа и интерпретации. Такая процедура не влияет на стандартные ошибки, так как стандартное отклонение привязано к используемой шкале. При этом такая процедура делает идентичными шкалы для всех независимых переменных, что позволяет сравнивать регрессионные коэффициенты, не прибегая к стандартизации.

⁶ Ни одно из значений VIF не превышает 5 [Hair et al., 2011], однако показатель для «не хуже других» = 3,8, что указывает на умеренную скоррелированность переменных.

Таблица 4. Многоуровневые регрессионные модели для посткризисной когорты (1982—2002 г. р.)

Удовлетворенность жизнью							
	1	2	3	4	5	6	7
Жить лучше	-0,087***						-0,014
Жить не хуже		-0,081**					-0,079
Жить хуже			-0,037				0,0002
Жить богато				-0,081**			-0,031
Жить средне					-0,054*		-0,001
Жить бедно						-0,048	-0,031
Контрольные переменные	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Число наблюдений	1 799	1 954	1 843	1 817	1 908	1 880	1 563
Log Likelihood	4,545	40,422	-9,482	-11,940	37,641	-5,025	5,498
AIC	18,910	-52,843	46,963	51,880	-47,283	38,049	27,004

Примечание * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Таблица 5. Многоуровневые регрессионные модели для кризисной когорты (1981 г. р. и ранее)

Удовлетворенность жизнью							
	1	2	3	4	5	6	7
Жить лучше	-0,052**						-0,061
Жить не хуже		-0,062***					0,058
Жить хуже			-0,084***				-0,129***
Жить богато				-0,066***			-0,040
Жить средне					-0,034*		0,004
Жить бедно						-0,039*	0,050
Контрольные переменные	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Число наблюдений	5 190	5 662	5 394	5 182	5 475	5 486	4 350
Log Likelihood	-304,797	-329,749	-329,915	-279,131	-279,374	-329,308	-245,063
AIC	637,593	687,498	687,831	586,263	586,747	686,616	528,125

Примечание. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Мы также предполагали, что отрицательный эффект уровня притязаний на удовлетворенность жизнью будет сильнее для жителей регионов, где бедность менее распространена. Для проверки этой гипотезы первоначальные модели были дополнены параметром «доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума» (% бедных) и кросс-уровневыми интеракциями (см. табл. 6). Результаты анализа подтверждают наше предположение: в пяти из шести моделей обнаруживается значимый положительный интерактивный эффект, наиболее выраженный для «жить хуже» и «жить бедно». Это означает, что негативный эффект притязаний

нивелируется уровнем бедности в регионе: чем выше доля бедных, тем менее это негативное влияние выражено.

Таблица 6. Многоуровневые регрессионные модели с эффектами интеракции

Удовлетворенность жизнью						
	1	2	3	4	5	6
Жить лучше	-0,121***					
Жить не хуже		-0,135***				
Жить хуже			-0,163***			
Жить богато				-0,132***		
Жить средне					-0,064**	
Жить бедно						-0,139***
% бедных	0,080	0,027	0,027	0,074	0,041	0,019
Жить лучше*% бедных	0,167**					
Жить не хуже*% бедных		0,185**				
Жить хуже*% бедных			0,268***			
Жить богато*% бедных				0,168***		
Жить средне*% бедных					0,068	
Жить бедно*% бедных						0,315***
Контрольные переменные	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Число наблюдений	6 989	7 616	7 237	6 999	7 383	7 366
Log Likelihood	-364,859	-377,434	-397,110	-354,884	-324,405	-393,956
AIC	761,719	786,867	826,219	741,768	680,811	819,911

Примечание. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Выводы

Целью проведенного в настоящей статье анализа стало выявление эффекта уровня притязаний и социальных сравнений на общую удовлетворенность жизнью. Предыдущие исследования показали, что уровень притязаний негативно связан с удовлетворенностью жизнью и что социальные сравнения играют в этом немаловажную роль, данная же работа посвящена уточнению этих эффектов. Во-первых, мы исходили из предпосылки, что уровень притязаний не является абсолютной величиной ежемесячного дохода, который индивид желает иметь. Скорее, он формирует на основе социальных сравнений субъективное представление о пространстве благосостояния, имеющем нижние, верхние и средние границы, и в зависимости от своего жизненного опыта стремится приблизиться к верхним или средним, либо отдалиться от нижних. Выборка 25-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ предоставила возможность реконструировать такое пространство. Так, на ее базе стало реальным задать три уровня сравнения: высокий, средний и низкий. Первый реализовывался через вопросы о том, сколько денег респонденту необходимо в месяц, чтобы жить либо «богато», либо «лучше других»; второй — через «жить средне» или «не хуже других»; третий — через «жить бедно» или «хуже других». Более

того, появилась возможность разграничения двух подходов к его формированию: через сравнение с конкретными доходными группами и через соотнесение с «общинными другими».

Результаты многоуровневого регрессионного моделирования показали, что в детерминации общей удовлетворенности жизнью все категории уровня притязаний работают в одном — предсказуемо негативном — направлении, однако более выраженным эффектом все же обладают социальные сравнения не с конкретными доходными группами (богатые, бедные или середняки), а с категорией «другие». Таким образом, эталоном сравнения скорее являются не критерии богатства или бедности, а общий уровень жизни в ближнем или дальнем окружении респондента.

Если говорить о конкретных механизмах, влияющих на субъективное благополучие, то для России они варьируются в зависимости от жизненного опыта опрошенных. Для респондентов, переживших социально-экономический кризис 1990-х годов в активном трудоспособном возрасте, характерна ориентация на менее обеспеченные слои (нисходящая логика сравнения). На их субъективное благополучие наибольшее негативное влияние оказала категория «жить хуже других»: чем большую сумму опрошенные указали при ответе на этот вопрос, тем ниже их общая удовлетворенность жизнью. Иными словами, переживание экономических потрясений повлияло на старшие когорты таким образом, что они ставят приоритетом сохранение нажитого. В то же время субъективное благополучие молодежи (1982—2002 года рождения), напротив, зависит от их представлений о богатстве и среднем достатке. На эти критерии они и ориентируются в формировании притязаний и меньше беспокоятся о возможных потерях. Однако для разведения когортных эффектов и эффектов жизненного цикла требуется дополнительный анализ.

Важно отметить и роль регионального контекста. Так, общий уровень бедности в регионе опосредует негативный эффект притязаний: в регионах, где доля бедных выше, он гораздо менее выражен. В заключение также следует обратить внимание на то, что, хотя наш анализ и показал значимое влияние уровня притязаний и социальных сравнений, номинальный доход все же обладает большим влиянием на удовлетворенность жизнью.

Список литературы (References)

Андреенкова Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих её факторов // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 189—215.

Andreenkova N. V. (2010) Comparative Analysis of Subjective Well-being and its Determining Factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5 (99). P. 189—215. (In Russ.)

Аргайл М. Психология счастья. М. : Прогресс, 1990.

Argyle M. (1990) *The Psychology of Happiness*. Moscow: Progress. (In Russ.)

Ларин А. В., Филясов С. В. Парадокс Истерлина и адаптация в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 22. № 1. С. 59—83. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83>.

Larin A., Filyasov S. (2018) Adaptation and the Easterlin Paradox in Russia. *HSE Economic Journal*. Vol. 22. No. 1. P. 59—83. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83>. (In Russ.)

Родионова Л. А. Парадокс Истерлина в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 2/2. С. 386—393.

Rodionova L. A. (2014). Easterlin Paradox in Russia. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*. Vol. 14. No. 2/2. P. 386—393. (In Russ.)

Ball R., Chernova K. (2008) Absolute Income, Relative Income, and Happiness. *Social Indicators Research*. Vol. 88. No. 3. P. 497—529. <https://doi.org/10.1007/s11205-007-9217-0>.

Brickman P., Campbell D. T. (1971) Hedonic Relativism and Planning the Good Society. In: Apley M. H. (ed.) *Adaptation-Level Theory: A Symposium*. New York: Academic Press. P. 287—302.

Clark A. E., Frijters P., Shields M. A. (2008) Relative Income, Happiness, and Utility: An Explanation for the Easterlin Paradox and Other Puzzles. *Journal of Economic Literature*. Vol. 46. No. 1. P. 95—144. <https://doi.org/10.1257/jel.46.1.95>.

Diener E., Lucas R. E. (2000) Explaining Differences in Societal Levels of Happiness: Relative Standards, Need Fulfillment, Culture, and Evaluation Theory. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 41—78. <https://doi.org/10.1023/a:1010076127199>.

Diener E., Oishi S., Lucas R. E. (2003) Personality, Culture, and Subjective Well-Being: Emotional and Cognitive Evaluations of Life. *Annual Review of Psychology*. Vol. 54. No. 1. P. 403—425. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.54.101601.145056>.

Duesenberry J. S. (1949) *Income Saving and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Easterlin R. A. (1974) Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In: David P. A., Reder M. W. (eds.) *Nations and Households in Economic Growth*. New York: Academic Press. P. 89—125. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7>.

Easterlin R. A. (1995) Will Raising the Incomes of All Increase the Happiness of All? *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 27. No. 1. P. 35—47. [https://doi.org/10.1016/0167-2681\(95\)00003-b](https://doi.org/10.1016/0167-2681(95)00003-b).

Easterlin R. A. (2001) Income and Happiness: Towards a Unified Theory. *Journal of Economics*. Vol. 111. No. 473. P. 465—484. <https://doi.org/10.1111/1468-0297.00646>.

Falk A., Knell M. (2004) Choosing the Joneses: Endogenous Goals and Reference Standards. *The Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 106. No. 3 P. 417—435. <https://doi.org/10.1111/j.0347-0520.2004.00370.x>.

- Fischer R., van de Vliert E. (2011) Does Climate Undermine Subjective Well-Being? A 58-Nation Study. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 37. No. 8. P. 1031—1041. <https://doi.org/10.1177/0146167211407075>.
- Foa R. S., Inglehart R. F., Ponarin E. D., Karabchuk T. S. (2018) Set-Point Theory and Societal Collapse: The Case of Russia. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 19. No. 6. P. 1639—1656. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9888-4>.
- Frijters P., Geishecker I., Haisken-DeNew J.P., Shields M. A. (2006) Can the Large Swings in Russian Life Satisfaction be Explained by Ups and Downs in Real Incomes? *The Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 108. No. 3. P. 433—458. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9442.2006.00459.x>.
- Gelman A., Hill J. (2006) *Data Analysis Using Regression and Multilevel/Hierarchical Models*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511790942>.
- Gureev A. S., Ananieva E. D., Rubanovich A. V., Inglehart R. F., Ponarin E. D., Borinskaya S. A. (2018) Association of MAOA-uVNTR Polymorphism with Subjective Well-Being in Men. *Russian Journal of Genetics*. Vol. 54. No. 5. P. 562—567. <https://doi.org/10.1134/s1022795418050058>.
- Hair J. F., Ringle C. M., Sarstedt M. (2011) PLS-SEM: Indeed a Silver Bullet. *Journal of Marketing Theory and Practice*. Vol. 19. No. 2. P. 139—152. <https://doi.org/10.2753/mtp1069-6679190202>.
- Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- McBride M. (2010) Money, Happiness, and Aspirations: An Experimental Study. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 74. No. 3. P. 262—276. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2010.03.002>.
- Milanovic B., Jovanovic B. (1999) Changes in the Perception of the Poverty Line during the Depression in Russia, 1993—1996. *The World Bank Economic Review*. Vol. 13. No. 3. P. 539—559. <https://doi.org/10.1093/wber/13.3.539>.
- Rojas M. (2019) Affluence: More Relative than Absolute. In: Brulé G., Suter C. (eds.) *Wealth(s) and Subjective Well-Being*. Cham: Springer. P. 147—166. https://doi.org/10.1007/978-3-030-05535-6_7.
- Saris W. E. (2001) What Influences Subjective Well-Being in Russia? *Journal of Happiness Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 137—146. <https://doi.org/10.1023/a:1011556429502>.
- Saris W. E., Andreenkova A. (2001) Following Changes in Living Conditions and Happiness in Post-Communist Russia: The Russet Panel. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 95—109. <https://doi.org/10.1023/a:1011579608121>.
- Saris W. E., Veenhoven R., Scherpenzeel A. C., Bunting B. (eds.) (1996) *A Comparative Study of Satisfaction with Life in Europe*. Budapest: Eötvös University Press.
- Schor J. B. (1999) *The Overspent American: Why We Want What We don't Need*. New York: Harper Perennial.

Stutzer A. (2004) The Role of Income Aspirations in Individual Happiness. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 54. No. 1. P. 89—109. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2003.04.003>.

Tukey J. W. (1977) *Exploratory Data Analysis*. Reading, MA: Addison — Wesley.

Vendrik M. C.M. (2013) Adaptation, Anticipation and Social Interaction in Happiness: An Integrated Error-Correction Approach. *Journal of Public Economics*. Vol. 105. P. 131—149. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2013.06.009>.

Žemojtel-Piotrowska M., Piotrowski J. P., Ciecuch J., Adams B. G., Osin E. N., Ardi R., Băltătescu S., Lal Bhomi A., Clinton A., de Clunie G. T., Esteves C., Gouveia V., Hosseini A., Ghaheh H. S., Khachatryan N., Kamble S. V., Kawula A., Liik K., Letovancova E., Cerrato S. M., Mora C. A., Nartova-Bochaver S., Nikolic M., Park J., Paspalanova E., Pék G., Rózycka-Tran J., Khanh H. T.T., Tsubakita T., Vauclair C.-M., Włodarczyk A., Maltby J. (2017) Measurement Invariance of Personal Well-Being Index (PWI-8) across 26 Countries. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 18. No. 6. P. 1697—1711. <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9795-0>.

Приложение 1

Таблица 1А. Многоуровневые регрессионные модели для населения в целом

Удовлетворенность жизнью							
	1	2	3	4	5	6	7
Жить лучше	-0,062***						-0,042
Жить не хуже		-0,071***					0,021
Жить хуже			-0,075***				-0,105***
Жить богато				-0,074***			-0,045
Жить средне					-0,040**		0,002
Жить бедно						-0,041**	0,035
Доход	0,875***	0,835***	0,855***	0,896***	0,953***	0,784***	0,955***
Возраст	-0,102***	-0,092***	-0,090***	-0,100***	-0,086***	-0,094***	-0,107***
Работа	0,043***	0,042***	0,045***	0,042***	0,041***	0,044***	0,043***
Образование	0,083***	0,079***	0,085***	0,083***	0,073***	0,086***	0,082***
Наличие детей	-0,005	-0,004	-0,008	-0,008	-0,008	-0,007	-0,006
Семейное пол.	0,044***	0,045***	0,048***	0,044***	0,045***	0,046***	0,045***
Житель города	-0,031***	-0,027**	-0,030***	-0,024**	-0,027**	-0,026**	-0,033***
Пол	-0,007	-0,004	-0,004	-0,008	-0,005	-0,005	-0,005
Кол-во членов домохозяйства	0,006***	0,005**	0,004**	0,006***	0,007***	0,005**	0,005**
Средние потреб. расходы	0,006	0,017	0,010	0,00004	0,015	0,006	0,019
Число наблюдений	6 989	7 616	7 237	6 999	7 383	7 366	5 913
Log Likelihood	-361,230	-372,782	-396,434	-350,982	-317,334	-396,529	-278,971
AIC	750,461	773,564	820,867	729,964	662,668	821,058	595,941

Примечание. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Таблица 2А. Многоуровневые регрессионные модели для респондентов в возрасте от 18 до 34 лет

Удовлетворенность жизнью							
	1	2	3	4	5	6	7
Жить лучше	-0,087***						-0,014
Жить не хуже		-0,081**					-0,079
Жить хуже			-0,037				0,0002
Жить богато				-0,081**			-0,031
Жить средне					-0,054*		-0,001
Жить бедно						-0,048	-0,031
Доход	0,941***	1,091***	0,949***	0,944***	0,890***	0,887***	0,955***
Возраст	-1,185***	-1,166***	-1,191***	-1,198***	-1,174***	-1,156***	-1,222***
Работа	0,051***	0,051***	0,058***	0,056***	0,055***	0,056***	0,056***
Образование	0,124***	0,126***	0,121***	0,127***	0,127***	0,123***	0,141***
Наличие детей	0,041**	0,041**	0,040**	0,037**	0,041**	0,042**	0,039**
Семейное пол.	0,067***	0,061***	0,067***	0,069***	0,060***	0,061***	0,063***
Житель города	-0,042**	-0,046**	-0,051**	-0,038*	-0,038**	-0,042**	-0,044**
Пол	-0,006	-0,006	-0,003	-0,002	-0,003	-0,001	-0,002
Кол-во членов домохозяйства	0,002	0,003	0,002	0,003	0,003	0,002	0,001
Средние потреб. расходы	0,027	0,035	0,019	0,029	0,038	0,021	0,030
Число наблюдений	1 799	1 954	1 843	1 817	1 908	1 880	1 563
Log Likelihood	4,545	40,422	-9,482	-11,940	37,641	-5,025	5,498
AIC	18,910	-52,843	46,963	51,880	-47,283	38,049	27,004

Примечание. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Таблица 3А. Многоуровневые регрессионные модели для респондентов старше 34

Удовлетворенность жизнью							
	1	2	3	4	5	6	7
Жить лучше	-0,052**						-0,061
Жить не хуже		-0,062***					0,058
Жить хуже			-0,084***				-0,129***
Жить богато				-0,066***			-0,040
Жить средне					-0,034*		0,004
Жить бедно						-0,039*	0,050
Доход	0,776***	0,711***	0,745***	0,784***	0,871***	0,692***	0,854***
Возраст	0,140***	0,145***	0,136***	0,133***	0,144***	0,139***	0,117***
Работа	0,092***	0,088***	0,091***	0,089***	0,086***	0,090***	0,088***
Образование	0,085***	0,081***	0,087***	0,085***	0,076***	0,088***	0,079***
Наличие детей	0,044***	0,046***	0,042***	0,041***	0,037***	0,041***	0,045***
Семейное пол.	0,053***	0,055***	0,058***	0,051***	0,054***	0,056***	0,054***
Житель города	-0,031**	-0,024**	-0,029**	-0,023*	-0,027**	-0,026**	-0,033**
Пол	-0,010	-0,005	-0,007	-0,013	-0,006	-0,008	-0,008

Удовлетворенность жизнью							
	1	2	3	4	5	6	7
Кол-во членов домохозяйства	0,006**	0,005**	0,004*	0,006**	0,007***	0,006**	0,006**
Средние потреб. расходы	-0,0003	0,008	0,006	-0,010	0,005	0,001	0,015
Число наблюдений	5 190	5 662	5,394	5,182	5,475	5,486	4,350
Log Likelihood	-304,797	-329,749	-329,915	-279,131	-279,374	-329,308	-245,063
AIC	637,593	687,498	687,831	586,263	586,747	686,616	528,125

Примечание. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Таблица 4А. Многоуровневые регрессионные модели с эффектами интеракции

Удовлетворенность жизнью						
	1	2	3	4	5	6
Жить лучше	-0,121***					
Жить не хуже		-0,135***				
Жить хуже			-0,163***			
Жить богато				-0,132**		
Жить средне					-0,064**	
Жить бедно						-0,139***
Доход	0,872***	0,833***	0,857***	0,893***	0,952***	0,783***
Возраст	-0,001***	-0,001***	-0,001***	-0,001***	-0,001***	-0,001***
Работа	0,043***	0,042***	0,045***	0,042***	0,041***	0,043***
Образование	0,083***	0,078***	0,085***	0,083***	0,073***	0,086***
Наличие детей	-0,005	-0,004	-0,008	-0,008	-0,008	-0,007
Семейное пол.	0,044***	0,045***	0,049***	0,044***	0,045***	0,047***
Житель города	-0,032***	-0,028***	-0,032***	-0,025**	-0,027**	-0,027**
Пол	-0,007	-0,004	-0,004	-0,008	-0,005	-0,005
Кол-во членов домохозяйства	0,006***	0,005**	0,004**	0,005**	0,007***	0,005**
Средние потреб. расходы	0,086	0,064	0,076	0,074	0,056	0,075
% бедных	0,080	0,027	0,027	0,074	0,041	0,019
Жить лучше*% бедных	0,167**					
Жить не хуже*% бедных		0,185**				
Жить хуже*% бедных			0,268***			
Жить богато*% бедных				0,168***		
Жить средне*% бедных					0,068	
Жить бедно*% бедных						0,315***
Число наблюдений	6 989	7 616	7 237	6 999	7 383	7 366
Log Likelihood	-364,859	-377,434	-397,110	-354,884	-324,405	-393,956
AIC	761,719	786,867	826,219	741,768	680,811	819,911

Примечание. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.10

Правильная ссылка на статью:

Мелкумян Е. Б. Религиозность и удовлетворенность жизнью: опрос православных приходов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 225—249. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.10>.

For citation:

Melkumyan E. B. (2020) Religiosity and Life Satisfaction: A Survey of Orthodox Parishes. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 225—249. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.10>.

Е. Б. Мелкумян РЕЛИГИОЗНОСТЬ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ: ОПРОС ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ: ОПРОС ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ

RELIGIOSITY AND LIFE SATISFACTION:
A SURVEY OF ORTHODOX PARISHES

МЕЛКУМЯН Елена Багратовна — научный сотрудник Научной лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: melkumelena@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5357-4241>

Elena B. MELKUMYAN¹ — Research Fellow at the "Sociology of Religion" Research Laboratory
E-MAIL: melkumelena@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5357-4241>

¹ Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia

Аннотация. Многочисленные зарубежные исследования показывают, что религиозность тесно связана с уровнем субъективного благополучия. Однако спорным остается вопрос, каким образом проявляется эта связь. С одной стороны, повлиять может социальный капитал (социальные сети),

Abstract. Numerous studies conducted abroad show that religiosity is closely linked to the level of subjective well-being. However, how this link reveals itself remains controversial. On the one hand, it may be affected by social capital (social networking) acquired by individuals in religious organizations. On the other hand,

который человек получает в религиозных организациях. С другой стороны, отмечается влияние собственно самой религии, благодаря которой человек обретает смысл жизни и лучше справляется с трудными жизненными ситуациями. В нашей работе мы попытались оценить, как религиозность, воцерковленность респондента, его включенность в общину влияют на уровень субъективного благополучия. Исследование основано на данных массового опроса прихожан 12 приходов Русской православной церкви, расположенных в разных типах населенных пунктов и в разных регионах России.

Ключевые слова: социология религии, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, религиозность, социальный капитал, социальные сети, приход

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «„Невидимая религия“ Т. Лукмана: истоки концепции и возможности применения для анализа современного русского православия» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ.

religion itself giving a sense of meaning to human life and helping an individual to cope with problems of everyday life may have enormous effects. The present work attempts to assess how respondent's religiosity, churching, involvement in a religion community affect the level of subjective well-being. The study is based on the data of a mass survey conducted among churchgoers in 12 Russian Orthodox parishes located in different types of settlements and regions across Russia.

Keywords: sociology of religion, subjective well-being, life satisfaction, religiosity, social capital, social networks, parish

Acknowledgments. This article is a part of project “‘Invisible Religion’ by T. Luckmann: The Origins of the Conception and the Possibilities of Application for Analysis in Modern Russian Orthodoxy” run by Saint Tikhon's Orthodox University Development Foundation.

Введение

В последнее время все чаще звучит мнение, что роль ВВП как ключевого показателя экономического развития снижается. Предлагаются альтернативные оценки, призванные устранить его недостатки, различные рейтинги, измеряющие качество жизни населения по ряду факторов. Так, эксперты финансовой организации Credit Suisse в докладе «Есть ли будущее у ВВП?» пишут, что к оценке экономики требуется другой подход, и приводят различные примеры иных инструментов оценки¹. Данные индексы позволяют сравнить благосостояние стран по нескольким индикаторам, которые выделяются как важнейшие показатели физических условий и качества жизни. Одним из таких показателей является

¹ Credit Suisse. *CSRI: The Future of GDP*. URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/the-future-of-gdp-en.pdf> (accessed: 20.02.2020).

индекс счастья. Оценка субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, входящая в данный индекс, определяет, как люди оценивают свою жизнь в целом, и дополняет объективные данные для сравнения качества жизни в разных странах. При сравнении стран по соответствующим показателям мы обнаруживаем Россию на последних местах. Например, по Международному индексу счастья (HPI — Happy Planet Index)², рассчитываемому Фондом новой экономики (New Economics Foundation), Россия занимает 116-е место из 140 стран, а по показателю субъективной удовлетворенности жизнью, который учитывается в расчетах данного индекса, — 58-е место (5,6 баллов из 10). Другой подобный индекс — «Индекс лучшей жизни» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)³. В него входит такой показатель, как «Удовлетворенность жизнью», по которому Россия занимает 27-е место из 38 стран (6,0 баллов из 10, что ниже среднего показателя среди стран ОЭСР). Во «Всемирном докладе о счастье» (World Happiness Report)⁴ — ежегодном докладе, который готовит ООН, по данным за 2015—2017 гг. Россия занимает 59-е место (5,8 баллов из 10).

С другой стороны, согласно последнему на данный момент отчету Исследовательского центра Пью (Pew Research Center, США), анализ данных опроса в более чем двух десятках стран показал, что регулярное участие в религиозной общине связано с более высоким уровнем счастья и гражданской вовлеченности⁵. Данные, лежащие в основе этого исследования, были получены из трех наборов данных: Всемирное исследование ценностей (World Values Survey, WVS) — 6 волна (2010—2014 гг.), Международная программа социальных исследований (ISSP)⁶ за 2011 г. и данные Исследовательского центра Пью за 2012 г.

Поэтому, несмотря на то что на уровень субъективного благополучия может влиять множество факторов (например, социально-демографические характеристики, состояние здоровья, религиозная принадлежность, личные особенности человека, события в его жизни), мы в нашей работе сконцентрируемся только на одном из них — религиозности, и попытаемся оценить ее влияние на уровень субъективного благополучия.

Обзор литературы

Понятие «религиозность» в количественных эмпирических исследованиях можно рассматривать как многомерное, а можно изучать, используя иерархический подход. Ключевые работы об оценке религиозности в рамках первого подхода опираются на идеи Ч. Глока, высказанные им в статье 1962 года [Glock, 1962]. Основанные на них труды Дж. Фолкнера и Г. де Йонга, Р. Старка и Ч. Глока оказали значимое влияние на дальнейшую разработку методики оценки религиозности

² Happy Planet Index. NEF. URL: <http://happyplanetindex.org/> (accessed: 20.02.2020).

³ Ваш Индекс лучшей жизни. ОЭСР. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/#/111111111111> (последний доступ: 20.02.2020).

⁴ World Happiness Report. URL: <http://worldhappiness.report/> (accessed: 20.02.2020).

⁵ Religion's Relationship to Happiness, Civic Engagement and Health Around the World. *Pew Research Center*. 2019. January 31. URL: <http://www.pewforum.org/2019/01/31/religions-relationship-to-happiness-civic-engagement-and-health-around-the-world/> (accessed: 20.02.2020).

⁶ International Social Survey Program. URL: <http://www.issp.org> (accessed: 20.02.2020).

[Faulkner, de Jong, 1966; Stark, Glock, 1968]. Данный подход заключается в том, что религия — многомерное понятие, которое можно оценить, разложив на несколько осей, или измерений (большинство авторов выделяют следующие оси — вера, практики и ритуалы, знания). Однако эмпирически не удалось обосновать существование определенного набора осей, дающих целостное представление о религиозности (что, возможно и привело к изучению религиозности в рамках иерархического подхода) [Пруцкова, 2012]. В отличие от многомерного, в иерархическом подходе выделяют два уровня анализа: общая религиозность и частные проявления [Hill, 2005]. Частные проявления обычно и являются предметом анализа, но при этом они могут и не описывать религиозность как нечто цельное. Современные международные социологические исследования в большинстве своем операционализируют понятие «религиозность» с помощью иерархического подхода (например, исследования EVS⁷ или ISSP). В нашей работе в данных, на которых был проведен анализ, использовался иерархический подход к определению и измерению понятия религиозности.

Проведено множество исследований связи религиозности и удовлетворенности жизнью. Многие из них выявили положительную значимую связь между религиозностью, религиозной деятельностью и субъективным благополучием [Ferriss, 2002; Greeley, Hout, 2006; Inglehart, 2010; Hadaway, 1978; Headey et al., 2010; Sinnewe, Kortt, Dollery, 2015; Zavisca, Hout, 2005; Witter et al., 1985; Ellison, Levin, 1998; Myers, 2000]. Например, Р. Уиттер с коллегами [Witter et al., 1985] в своем метаанализе обнаружили, что на религию приходится от 2 % до 6 % различий в субъективном благополучии взрослых.

Ряд исследователей отмечают, что влияние религиозности человека на уровень субъективного благополучия может проявляться в различных внутренних, духовных аспектах религии. Благодаря религии (вере в Бога) человек обретает смысл жизни: религия дает ему уверенность, надежду, моральную поддержку, помогает лучше справиться со сложными жизненными ситуациями [Ellison, 1991; Greeley, Hout, 2006; Krause, 2003]. Человек может выстраивать личные отношения с Богом, взаимодействие с Ним посредством личной молитвы также способствует повышению самооценки, удовлетворенности жизнью [Ellison, 1991].

Изучение взаимосвязи между религиозностью и субъективным благополучием среди пожилых людей показало, что те, кто черпает смысл жизни из религии, как правило, имеют более высокий уровень удовлетворенности жизнью, самооценки и оптимизма [Krause, 2003]. Частое посещение религиозных служб, активное участие (пассивная вера не имеет никакого эффекта), соблюдение библейских принципов и т. п. укрепляют моральный дух, порождают чувство близости к Богу и церкви, что также приводит к повышению уровня счастья и субъективного благополучия [Greeley, Hout, 2006: 161]. Религия рассматривается как дающая человеку надежду, смысл жизни, ощущение безопасности, оптимизм и действует скорее как ресурс, нежели как компенсация [Hadaway, 1978].

Согласно другим исследованиям, социальный капитал и социальные сети, которые люди обретают в религиозных организациях (церквях), становятся

⁷ European Values Study. URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu> (accessed: 20.02.2020).

главным источником субъективного благополучия и могут его улучшить [Krause, 2008; Lim, Putnam, 2010].

Понятие социального капитала активно использовалось и разрабатывалось рядом авторов, среди которых можно выделить П. Бурдые, Дж. Коулмана, Р. Патнэма и других. П. Бурдые определяет социальный капитал как ресурсы, связанные с членством в группе [Бурдые, 2002: 66], Дж. Коулман — как характеристики социальной структуры, «способствующей достижению целей, которые не могли бы быть достигнуты в ее отсутствие или могли бы быть достигнуты только с более высокими затратами» [Coleman, 1990: 304]. Р. Патнэм определяет социальный капитал как ресурс, заключающийся в связях между людьми [Putnam, 2000: 18—19]. В нашей статье мы будем определять социальный капитал как включенность в социальные сети поддержки и рассматривать, с одной стороны, социальную сеть приходской общины (социальные связи на приходе), а с другой — эго-сеть прихожан (то окружение, с которым человек непосредственно взаимодействует — друзья, родственники, знакомые).

Зарубежные исследования показывают, что религия и религиозные организации являются одним из источников социального капитала [Putnam, 2000; Schneider, 2006; Unruh, Sider, 2005; Wuthnow, 2004; Коулман, 2001]. Участие в деятельности приходской группы, внебогослужебная деятельность православного прихода создают предпосылки для увеличения социального капитала прихожан и не только усиливают внутриприходские связи, но и развивают сеть внешних связей через подключение к деятельности прихода друзей, знакомых, внешних специалистов, спонсоров и других неприходских участников [Забаев, Пруцкова, Орешина, 2014].

Таким образом, рассматривая вопрос о влиянии религиозности на субъективное благополучие, часть исследователей исключают влияние религиозной составляющей и рассматривают религиозные организации, сообщества и группы как сообщества людей, выступающие источником социального капитала — важного фактора в обеспечении более высокого уровня жизни и субъективного благополучия [Putnam, 2000].

Активное участие в жизни прихода — посещение религиозных служб, членство в различных приходских группах (например, молодежная группа, сестричество, работники трапезной, группа социальной помощи и т. п.), паломнические поездки, социальная помощь нуждающимся, беседы со священником по Священному Писанию, работа с детьми и молодежью и т. д. — расширяет социальную сеть. Дружеские связи, которые прихожане выстраивают в своих общинах, увеличивают их социальный капитал, что, в свою очередь, повышает удовлетворенность жизнью.

Теория о влиянии посещаемости на субъективное благополучие через социальную сеть имеет свои ограничения. Например, Э. Грили и М. Хаут показали, что связь между религией и субъективным благополучием остается статистически значимой, несмотря на контроль социальных сетей [Greeley, Hout, 2006]. Кроме того, многие исследования не различают светские и религиозные социальные сети и, соответственно, не определяют влияние именно религиозных сетей на уровень субъективного благополучия [Lim, Putnam, 2010]. В некоторых случаях не прослеживается влияние религиозного поведения (в частности, посещения религиозных служб) на удовлетворенность жизнью. В качестве примера можно привести

исследование Э. Синневе с коллегами [Sinnewe, Kortt, Dollery, 2015]. Используя лонгитюдные панельные данные по Германии G-SOEP (The German Socio-Economic Panel) за 2003, 2007 и 2011 гг., они показали связь между посещением религиозных служб и удовлетворенностью жизнью респондентов, проживающих в Западной Германии. При этом для проживающих в Восточной Германии такой связи обнаружено не было.

Исследования влияния религиозности на субъективное благополучие представлены в основном работами зарубежных авторов. В отечественной же литературе они встречаются довольно редко [Fedotenkov, Bryukhanov, 2017; Дивисенко, Белов, 2017]⁸.

В настоящей статье мы попытались оценить, как религиозность, включенность в общину влияют уровень субъективного благополучия.

Данные

Представляемое исследование основано на данных, полученных в рамках проекта «Социальная сеть православной общины»⁹. Данные собраны в рамках опроса прихожан и сотрудников храма, который проводился в воскресный день на выходе после литургии (в 2012—2013 гг.)¹⁰.

В настоящее время технически невозможно реализовать репрезентативную выборку приходов¹¹, но мы постарались сделать так, чтобы она репрезентировала разные типы населенных пунктов. Всего было охвачено 12 православных приходов, расположенных в мегаполисе, крупных городах, малых городах и в селе. Объем выборки составил 985 респондентов. Анкета заполнялась респондентом самостоятельно. Опрос проходил в Москве, Иркутской, Калужской, Ростовской, Самарской и Ярославской областях, а также в Алтайском и Красноярском краях¹².

Основные переменные

Говоря о субъективном благополучии, мы различаем два его компонента — счастье (аффективный компонент) и удовлетворенность жизнью (когнитивный компонент) [Veenhoven, 1991: 17]. Поэтому для оценки данного параметра использовались следующие вопросы:

- (1) Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы?
- (2) Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?

⁸ Все упомянутые выше исследования базировались на репрезентативной выборке.

⁹ Исследование осуществлено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ, грант МК-4450.2012.6. Подробная информация об исследовании представлена на сайте Исследовательского семинара «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета — <http://socrel.pstgu.ru> (последний доступ: 21.02.2020).

¹⁰ Данный массив содержит довольно широкий круг вопросов, касающихся одновременно религиозности респондента, его сети поддержки и социального капитала (но не всех возможных — например, не задавался вопрос о частоте молитв дома).

¹¹ К сложностям, стоящим на пути решения данного вопроса, можно отнести, например, отсутствие единого списка всех приходов. Кроме того, контакт с настоятелем прихода зачастую оказывает значимое влияние на возможность проведения опроса.

¹² Описательную статистику полученной выборки см. в Приложении.

Респонденту предлагалось оценить уровень своего счастья и удовлетворенности жизнью по шкале от 0 до 10.

Таблица 1. Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время? (%)

	Приходы	Россия в целом*
Совершенно неудовлетворен(а), 0	3,3%	2,8%
1	0,2%	1,6%
2	1,6%	3,9%
3	4,5%	7,9%
4	4,3%	8,4%
5	18,1%	20,9%
6	4,2%	14%
7	14,8%	16,3%
8	13,1%	12,3%
9	7,9%	6%
Полностью удовлетворен(а), 10	28%	5,8%
База (число респондентов)	937	2459

* По данным шестой волны Европейского социального исследования (ESS), 2012 г.

URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=6> (дата обращения: 20.02.2020).

Таблица 2. Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы? (%)

	Приходы	Россия в целом
Очень несчастлив(а), 0	1,3%	1%
1	0,9%	0,8%
2	1,2%	2,5%
3	4,1%	6%
4	3,7%	6,9%
5	19,4%	21,1%
6	5,7%	12,7%
7	15,4%	17,8%
8	16,2%	16,1%
9	9,7%	8,9%
Очень счастлив(а), 10	22,4%	6,2%
База (число респондентов)	909	2442

Чтобы оценить влияние религиозности, включенности в общину на уровень субъективного благополучия и проконтролировать влияние остальных параме-

тров, мы использовали линейную регрессию. В качестве зависимой переменной взято среднее арифметическое двух показателей — уровня счастья и удовлетворенности жизнью.

Первая гипотеза состояла в том, что религиозность респондента влияет на уровень субъективного благополучия. Поэтому в качестве независимых переменных в регрессии участвовали вопросы о религиозности респондента (частота посещения церковных служб, частота причастия в храме, вопросы о ранней религиозной социализации респондента, о наличии духовника, принадлежности к церковной общине, приходу). Данные «религиозные» переменные объясняют 7 % вариации (все остальные переменные объясняют 24 % вариации).

Вторая гипотеза заключалась в том, что социальный капитал, включенность в социальную сеть прихода дают положительные эффекты и влияют на субъективное благополучие респондента. Для ее проверки в качестве независимых переменных мы использовали вопросы о социальном капитале респондента, его включенности в социальную сеть прихода (может ли респондент обратиться к кому-то за помощью в кризисной ситуации и сколько таких людей; сколько близких друзей среди родственников, коллег и соседей; сколько людей не из прихода мог бы пригласить, если бы на приходе понадобилась безвозмездная помощь; скольких прихожан и священников знает респондент; скольких знает по имени; разговаривал ли с кем-нибудь в храме; считает ли себя членом какой-либо приходской группы; принимает ли участие в различных видах деятельности, организованных церковью, храмом, приходом или церковной общиной; и другие вопросы, касающиеся социального капитала респондента и его включенности в социальную сеть прихода). Среди членов приходов более выражена взаимопомощь и моральная поддержка.

В качестве контрольных переменных также рассматривались различные социально-демографические характеристики респондента (пол, возраст, материальное положение, образование, наличие работы, семейное положение, наличие детей, вопрос о здоровье респондента)¹³.

Результаты анализа

Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 3. В первую модель был включен максимальный набор контрольных переменных¹⁴ (модель 1, табл. 3). Однако влияние части из них оказалось статистически незначимым. Далее в процессе пошаговой регрессии были отобраны признаки, которые вносят наибольший вклад в вариацию зависимой переменной (в таблице 3 мы представляем только начальную и финальную модели). В финальной модели (модель 2, табл. 3) мы оставили только статистически значимые коэффициенты линейной регрессии. Данная модель объясняет 16 % дисперсии. Независимые переменные, участвующие в нашем анализе, имеют шкалы разной размерности, поэтому далее для оценки влияния каждого фактора мы будем рассматривать стандартизированные коэффициенты.

¹³ Описательные статистики используемых в моделях переменных см. в Приложении.

¹⁴ Между основными переменными, участвующими в анализе, есть корреляция, но она небольшая, что позволяет избежать опасность возникновения мультиколлинеарности.

**Таблица 3. Результаты линейного регрессионного анализа
(зависимая переменная — уровень субъективного благополучия)¹⁵**

	Модель 1		Модель 2	
	B	Beta	B	Beta
Константа	2,003		1,817	
Есть ли у Вас какие-нибудь добровольные или должностные обязанности на данном приходе?	0,721	0,172		
Знаете ли Вы кого-либо из священников на данном приходе?	-0,286	-0,138		
Есть ли у Вас духовник?	-0,142	-0,034	0,389**	0,080**
Вы пришли сегодня в храм один (одна) или с кем-то? (количество отмеченных кодов)	-0,132	-0,039	0,491**	0,107**
Со сколькими людьми (примерно) Вы сегодня поздоровались в храме (в том числе до или после службы)?	0,098	0,068		
Вы сегодня с кем-нибудь разговаривали в храме (в том числе до или после службы), кроме тех, с кем пришли, и священника?	0,112	0,075		
Скольких прихожан этого храма Вы знаете по имени?	-0,322	-0,213		
Если бы на приходе понадобилась безвозмездная помощь, сколько людей не из прихода Вы могли бы пригласить?	0,289	0,141		
Считаете ли Вы себя членом какой-либо приходской группы?	-0,176	-0,038	0,597**	0,112**
Принимали ли Вы участие в следующих видах деятельности, организованных церковью, храмом, приходом или церковной общиной? (количество отмеченных кодов)	0,030	0,033		
Если Вы попадете в кризисную ситуацию, к кому Вы можете обратиться за помощью? (количество отмеченных кодов)	-0,099	-0,097		
Сколько всего таких людей, к которым Вы могли бы обратиться за помощью в кризисной ситуации?	0,086*	0,252*		
Сколько братьев и сестер есть у Вас в настоящее время?	-0,310	-0,272		
Сколько из Ваших братьев и сестер посещают церковные службы один раз в месяц или чаще?	0,375	0,264		
Сколько детей есть у Вас сейчас?	-0,123	-0,074		

¹⁵ В таблице представлены только начальная и финальная модели. В процессе пошаговой регрессии часть незначимых переменных стала значимой (и наоборот).

	Модель 1		Модель 2	
	B	Beta	B	Beta
Сколько из Ваших детей посещают церковные службы хотя бы один раз в месяц или чаще?	0,379	0,277		
Сколько близких друзей на нынешнем рабочем месте?	0,165*	0,286*		
Сколько близких друзей среди соседей или в районе, где вы проживаете?	-0,024	-0,051		
Сколько еще близких друзей, помимо родственников, коллег, соседей?	-0,017	-0,039		
Сколько из Ваших друзей посещают церковные службы хотя бы один раз в месяц или чаще?	-0,024	-0,063		
Как часто Вы проводите время с друзьями, родственниками или коллегами по работе просто так, не по делам?	0,343*	0,226*		
Как часто Вы посещаете церковные службы?	-0,260	-0,150		
Как часто Вы посещали церковные службы, когда Вам было 12 лет?	0,224	0,158		
Как часто Вы причащаетесь в этом храме?	0,375*	0,284*	0,214***	0,149***
Ощущаете ли Вы принадлежность к церковной общине, приходу?	0,459	0,077		
Когда Вы приходите на воскресную службу в этот храм, обычно Вы видите людей...? (знакомых/незнакомых)	0,434	0,148	0,231*	0,071*
Ваш пол?	0,849	0,187		
Сколько Вам полных лет?	0,011	0,062		
Ваше семейное положение? (1 — женат/замужем)	0,258	0,061	0,400**	0,086**
Ваше образование?	0,151	0,085		
Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?	0,011	0,007		
Работаете ли Вы, и если да, на какой должности? (1 — работаю)	-0,441	-0,062		
Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в целом? По Вашему мнению, оно...	0,571	0,195	0,825***	0,250***
R-квадрат	0,44		0,17	
Скорректированный R-квадрат	0,14		0,16	

B — нестандартизованные коэффициенты, Beta — стандартизованные коэффициенты.

*** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,05$; * $p \leq 0,1$.

Результаты анализа показали, что одним из наиболее значимых факторов, положительно влияющих на уровень субъективного благополучия, является частота причастия респондента. Чем чаще респондент бывает на службе и причащается, тем выше уровень его субъективного благополучия. Таким образом, наше предположение о том, что субъективное благополучие респондента определяется степенью его религиозности (одним из измерений которого может служить вопрос о частоте причастия респондента), подтвердилось.

Другим не менее значимым фактором оказалась оценка респондентом своего здоровья. Чем выше респондент оценивает состояние своего здоровья в целом, тем он более удовлетворен жизнью. Это один из самых важных факторов в построенной модели (обладает наибольшим стандартизированным коэффициентом).

Помимо этого, положительное влияние на уровень субъективного благополучия оказывает и ощущение респондентом принадлежности к какой-либо приходской группе. Респондент, считающий себя членом приходской группы, с одной стороны, ощущает себя нужным, участвуя в ее деятельности, а с другой стороны — благодаря связям, возникшим между членами группы в процессе совместной деятельности, имеет возможность обратиться к членам этой группы за помощью, если возникнет такая необходимость (например, в трудной жизненной ситуации).

Наличие духовника (священника, у которого респондент регулярно исповедуется, спрашивает совета) также способствует повышению уровня субъективного благополучия респондента. Данный показатель, как и частота причастия, говорит о религиозности респондента, поэтому логично было бы предположить, что удовлетворенность жизнью и уровень субъективного благополучия респондента зависят от степени его религиозности. Религия в данном случае выступает как ресурс, повышающий уровень счастья и субъективного благополучия человека. Однако полученный результат говорит не столько о том, что религиозность респондента обуславливает уровень субъективного благополучия, сколько о влиянии социального капитала. Наличие духовника увеличивает социальный капитал, так как подключает респондента к еще одной сети поддержки.

Количество людей, с которыми респондент пришел в храм, также оказывает положительное влияние («Вы пришли сегодня в храм один (одна) или с кем-то?»). Наличие человека (родственника, друга или знакомого), с которым респондент пришел в храм, дает не только возможность обратиться к нему в случае необходимости (например, попросить о помощи), но и расширяет доступную ему социальную сеть (за счет контактов этого человека). Например, в случае если респондент пришел в храм с детьми, его социальная сеть поддержки может расширяться благодаря включению в нее контактов родителей друзей ребенка.

Аналогичная ситуация наблюдается с ответом на вопрос о том, насколько хорошо респондент знает свой приход («Когда Вы приходите на воскресную службу в этот храм, обычно Вы видите людей...? (знакомых/незнакомых)»). Чем больше людей он знает среди тех, кого видит на воскресной службе, тем шире оценивает доступную ему социальную сеть поддержки, что способствует формированию более высокого уровня субъективного благополучия.

Среди социально-демографических характеристик респондентов значимым оказалось только семейное положение. Положительно влияет на удовлетворен-

ность жизнью наличие супруга/супруги (зарегистрированный или незарегистрированный брак¹⁶). Значимое влияние других факторов, таких как наличие детей, уровень образования, пол респондента, его возраст, наличие работы или материальное положение семьи, обнаружено не было.

Ранняя религиозная социализация респондента также оказалась статистически незначимой, несмотря на то что данный показатель обычно связывается с большей удовлетворенностью жизнью и более высоким уровнем субъективного благополучия [Chen, VanderWeele, 2018]. Однако в нашем случае данный вопрос остается открытым, поскольку на результат может оказывать влияние наследие атеистического советского прошлого. Кроме того, в нашей выборке недостаточно представлены респонденты, у которых могло быть религиозное воспитание (после распада СССР). Поэтому гипотезу о влиянии ранней религиозной социализации на субъективное благополучие лучше всего проверять на лонгитюдных данных.

Заключение

Говоря о взаимосвязи между религиозностью, включенностью в общину и уровнем субъективного благополучия, мы пришли к выводу, что социальный капитал, который респондент получает на приходе, выступает источником субъективного благополучия. Результаты исследования показали, что увеличение социального капитала благодаря участию респондента в жизни прихода, общины, расширение его сети поддержки (моральной и материальной помощи, которую он может получить на приходе) повышают уровень субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью. Участие во внебогослужебной деятельности прихода, возникающие дружеские связи, которые выстраиваются в процессе жизни на приходе, создают предпосылки для увеличения социального капитала прихожан. Респондент начинает оценивать шире круг социальной поддержки, к которому он может обратиться за помощью. Вероятно, этим объясняется обнаруженная по результатам регрессионного анализа незначимость для субъективного благополучия материального положения.

К полученному результату добавим еще несколько замечаний.

Нельзя однозначно сказать, влияет ли социальный капитал на уровень субъективного благополучия или же воцерковленность респондента тоже играет значимую роль. Центральным принципом христианской жизни, формулирующим понятие о том, что значит быть христианином, является «золотое правило этики» в его евангельской форме¹⁷. Наш анализ показал, что социальные сети, связи, общение людей, участие в жизни прихода и различных приходских группах важны

¹⁶ Под незарегистрированными понимаются браки, не зарегистрированные в органах ЗАГС.

¹⁷ Например, в Евангелии от Матфея: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12). В отличие от отрицательной формулировки классической формы «золотого правила» этики («не поступай по отношению к другим так, как ты не хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе»), в евангельской ее форме говорится о том, что жить нужно для других людей и видеть в другом человеке личность и воспринимать его, давая ему возможность почувствовать себя любимым, почувствовать свою ценность. Главная задача, потребность человека — быть счастливым, а значит — быть нужным. Мы хотим быть незаменимыми (для нас это настоящее счастье). Как предписывает христианское учение, если хочешь, оказывая другим людям милость, делая незаменимыми их, и тогда сам станешь незаменимым.

и влияют на субъективное благополучие. Этот результат, меж тем, не дает возможности окончательно исключить возможное влияние христианской религии (поскольку он согласуется с христианским учением).

В дополнение к вышесказанному можно отметить, что некоторые исследования не выявили связь между религиозными практиками респондента, его религиозным поведением и субъективным благополучием [Lewis et al., 1997; Lewis, 2002; Caras, 2003; Sarriera et al., 2014; Lau, Lai, Cummins, 2018]. Например, М. Роббинс с коллегами обнаружили положительную значимую связь между счастьем и религиозностью (в частности, молитвой), однако после контроля за индивидуальными различиями в личности¹⁸ эта положительная связь исчезла [Robbins, Francis, Edwards, 2008].

В качестве примера можно также привести исследования The International Wellbeing Group (IWG), рассчитывающие Индекс личного благополучия (Personal Wellbeing Index)¹⁹, в который с 2006 г. включался вопрос о духовной/религиозной сфере (spiritual/religion domain). Но после апреля 2013 г. разработчики сделали его необязательным, поскольку религиозность оказалась незначима для большинства стран [International Wellbeing Group, 2013: 9, 37].

Подобные противоречивые результаты исследований могут быть объяснены различиями в подходах к измерению религиозности респондента (равно как и различиями в подходах к измерению уровня субъективного благополучия). В том же Индексе личного благополучия за измерение духовной/религиозной сферы отвечает вопрос, говорящий скорее о субъективной оценке респондентом удовлетворенности своей духовностью и религией²⁰, а не характеризующий частные проявления религиозности респондентом (его религиозные практики).

В нашем исследовании мы опирались на выборку религиозных респондентов (опрашивались прихожане и сотрудники храма на выходе после литургии), что накладывает свои ограничения. В основном были опрошены женщины, респонденты старшего возраста. Люди, попавшие в нашу выборку, имеют свой узкий культурный контекст, свой религиозный габитус. Кроме того, возможность экстраполировать полученный результат на другие группы людей (неправославных) остается под вопросом.

Ограниченность инструментария количественного исследования (объем анкеты или количество вопросов, которые можно задать респонденту) не позволяет наиболее точно оценить влияние воцерковленности респондента на уровень субъективного благополучия. Так, полученный результат не следует трактовать однозначно. Сложно разграничить влияние собственно социального капитала и воцерковленности респондента. Связь между религиозностью и удовлетворенностью жизнью может объясняться не только социальной включенностью респондента — не исключено влияние других факторов. Взаимосвязь может быть существенно сложнее, что, вероятно, требует разработки более подробного инструментария.

¹⁸ Подробнее о «личностных переменных», участвовавших в данном анализе, см. [Francis, Brown, Philipchalk, 1992].

¹⁹ Personal Wellbeing Index. Australian Centre on Quality of Life. URL: <http://www.acqol.com.au/instruments#measures> (accessed: 20.02.2020).

²⁰ Вопрос звучит следующим образом: “How satisfied are you with your spirituality or religion?” См.: [International Wellbeing Group, 2013: 8, 13].

Список литературы (References)

- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74.
Bourdieu P. (2002) Forms of Capital. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 5. P. 60—74. (In Russ.)
- Дивисенко К. С., Белов А. Э. Социальные исследования субъективного благополучия в контексте духовности и религиозности // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 2. С. 51—73. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5159>.
Divisenko K. S., Belov A. E. (2017) Social Studies of Subjective Well-Being in the Context of Spirituality and Religiousness. *Sociological Journal*. Vol. 23. No. 2. P. 51—73. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5159>. (In Russ.)
- Забаяев И., Пруцкова Е., Орешина Д. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевых анализа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1 (32). С. 40—66.
Zabaev I., Oreshina D., Prutskova E. (2014) Social Capital of the Russian Orthodox Christianity in the Early 21st Century: Applying Social Network Analysis. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 1 (32). P. 40—66. (In Russ.)
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122—139.
Coleman J. S. (2001) Social Capital in the Creation of Human Capital. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. P. 122—139. (In Russ.)
- Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 268—292.
Prutskova E. V. (2012) The Concept of Religiosity: Operationalization in Empirical Research. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 2 (30). P. 268—292. (In Russ.)
- Caras C. (2003) Religiosity/Spirituality, and Subjective Wellbeing. Bachelor of Applied Science (Psychology) Thesis. Melbourne: Deakin University. URL: <http://www.acqol.com.au/uploads/theses/thesis-caras-c.pdf> (accessed: 21.02.2020).
- Chen Y., VanderWeele T.J. (2018) Associations of Religious Upbringing with Subsequent Health and Well-Being from Adolescence to Young Adulthood: An Outcome-Wide Analysis. *American Journal of Epidemiology*. Vol. 187. No. 11. P. 2355—2364. <https://doi.org/10.1093/aje/kwy142>.
- Coleman J. (1990) Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: The Belknap Press Harvard University Press.
- Ellison C. G. (1991) Religious Involvement and Subjective Wellbeing. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 32. No. 1. P. 80—99. <https://doi.org/10.2307/2136801>.
- Ellison C. G., Levin J. S. (1998) The Religion — Health Connection: Evidence, Theory, and Future Directions. *Health Education and Behavior*. Vol. 25. No. 6. P. 700—720. <https://doi.org/10.1177/109019819802500603>.

Faulkner J. E., de Jong G. F. (1966) Religiosity in 5-D: An Empirical Analysis. *Social Forces*. Vol. 45. No. 2. P. 246—254. <https://doi.org/10.2307/2574395>.

Fedotenkov I. S., Bryukhanov M. V. (2017) Religiosity and Life Satisfaction in Russia: Evidence from the Russian Data. Working Paper in Economics. No. WP BRP 180/EC/2017. Moscow: Higher School of Economics. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3070238>.

Ferriss A. L. (2002) Religion and Quality of Life. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 3. No. 3. P. 199—215. <https://doi.org/10.1023/a:1020684404438>.

Francis L. J., Brown L. B., Philipchalk R. (1992) The Development of an Abbreviated Form of the Revised Eysenck Personality Questionnaire (EPQR-A): Its Use among Students in England, Canada, the USA and Australia. *Personality and Individual Differences*. Vol. 13. No. 4. P. 443—449. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(92\)90073-x](https://doi.org/10.1016/0191-8869(92)90073-x).

Glock Ch.Y. (1962) On the Study of Religious Commitment. *Religious Education: The Official Journal of the Religious Education Association*. Vol. 57. P. 98—110. <https://doi.org/10.1080/003440862057S407>.

Greeley A. M., Hout M. (2006) *The Truth about Conservative Christians: What They Think and What They Believe*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Hadaway C. K. (1978) Life Satisfaction and Religion: A Reanalysis. *Social Forces*. Vol. 57. No. 2. P. 636—643. <https://doi.org/10.2307/2577686>.

Hill P. C. (2005) Measurement in the Psychology of Religion and Spirituality. In: Paloutzian R. F., Park C. L. (eds.) *Handbook of the Psychology of Religion and Spirituality*. New York: Guilford Press. P. 43—61.

Headey B., Schupp J., Tucci I., Wagner G. G. (2010) Authentic Happiness Theory Supported by Impact of Religion on Life Satisfaction: A Longitudinal Analysis with Data for Germany. *Journal of Positive Psychology*. Vol. 5. No. 1. P. 73—82. <https://doi.org/10.1080/17439760903435232>.

Inglehart R. F. (2010) Faith and Freedom: Traditional and Modern Ways to Happiness. In: Diener E., Kahneman D., Helliwell J. F. (eds.) *International Differences in Well-Being*. New York: Oxford University Press. P. 351—397. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199732739.003.0012>.

International Wellbeing Group (2013) *Personal Wellbeing Index: 5th Edition*. Melbourne: Australian Centre on Quality of Life, Deakin University.

Krause N. (2003) Religious Meaning and Subjective Well-Being in Late Life. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 58. No. 3. P. S160—S170. <https://doi.org/10.1093/geronb/58.3.s160>.

Krause N. (2008) *Aging in the Church: How Social Relationships affect Health*. West Conshohocken, PA: Templeton Foundation Press.

Lau A. L. D., Lai L. C. H., Cummins R. A. (2018) Development of Personal Wellbeing Index — the Validation of Spirituality — Religion Satisfaction as a Life Domain. *International Journal*

of *Happiness and Development*. Vol. 4. No. 2. P. 93—112. <https://doi.org/10.1504/ijhd.2018.10013183>.

Lewis C.A., Lanigan C., Joseph S., de Fockert J. (1997) Religiosity and Happiness: No Evidence for an Association among Undergraduates. *Personality and Individual Differences*. Vol. 22. No. 1. P. 119—121. [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(97\)88910-6](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(97)88910-6).

Lewis C.A. (2002) Church Attendance and Happiness among Northern Irish Undergraduate Students: No Association. *Pastoral Psychology*. Vol. 50. No. 3. P. 191—195. <https://doi.org/10.1023/a:1012948704485>.

Lim Ch., Putnam R.D. (2010) Religion, Social Networks, and Life Satisfaction. *American Sociological Review*. Vol. 75. No. 6. P. 914—933. <https://doi.org/10.1177/0003122410386686>.

Myers D.G. (2000) The Funds, Friends, and Faith of Happy People. *American Psychologist*. Vol. 55. No. 1. P. 56—67. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.1.56>.

Putnam R.D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.

Robbins M., Francis L.J., Edwards B. (2008) Prayer, Personality and Happiness: A Study among Undergraduate Students in Wales. *Mental Health, Religion & Culture*. Vol. 11. No. 1. P. 93—99. <https://doi.org/10.1080/13674670701702548>.

Sarriera J.C., Casas F., Alfaro J., Bedin L., Strelhow M.R.W., Abs D., Valdenegro B., García C., Oyarzún D. (2014) Psychometric Properties of the Personal Wellbeing Index in Brazilian and Chilean Adolescents Including Spirituality and Religion. *Psicologia: Reflexão e Crítica*. Vol. 27. No. 4. P. 710—719. <https://doi.org/10.1590/1678-7153.201427411>.

Schneider J.A. (2006) *Social Capital and Welfare Reform: Organizations, Congregations, and Communities*. New York: Columbia University Press. <https://doi.org/10.7312/schn12650>.

Sinnewe E., Kortt M.A., Dollery B. (2015) Religion and Life Satisfaction: Evidence from Germany. *Social Indicators Research*. Vol. 123. No. 3. P. 837—855. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0763-y>.

Stark R., Glock Ch.Y. (1968) *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Berkeley, CA: University of California Press.

Unruh H.R., Sider R.J. (2005) *Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-Based Social Ministry*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0195161556.001.0001>.

Veenhoven R. (1991) Is Happiness Relative? *Social Indicators Research*. Vol. 24. No. 1. P. 1—34. <https://doi.org/10.1007/bf00292648>.

Witter R.A., Stock W.A., Okun M.A., Haring M.J. (1985) Religion and Subjective Well-Being in Adulthood: A Quantitative Synthesis. *Review of Religious Research*. Vol. 26. No. 4. P. 332—342. <https://doi.org/10.2307/3511048>.

Wuthnow R. (2004) *Saving America? Faith-Based Services and the Future of Civil Society*. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400832064>.

Zavisca J., Hout M. (2005) *Does Money Buy Happiness in Unhappy Russia?* Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies Working Paper Series. Berkeley, CA: University of California, Berkeley; Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies. URL: <https://escholarship.org/content/qt4j19w9f4/qt4j19w9f4.pdf> (accessed: 21.02.2020).

Приложение (Appendix)

Описательная статистика полученной выборки

Ваш пол	
мужской	22,1%
женский	77,9%
<i>База (число респондентов)</i>	945

Сколько Вам полных лет?	
до 24 лет	8,3%
25—34	12,7%
35—44	17,8%
45—54	18,7%
55—64	20,5%
65—74	15%
старше 75 лет	7%
<i>База (число респондентов)</i>	923

Ваше семейное положение	
женат/замужем, зарегистрированный брак	49,6%
женат/замужем, незарегистрированный брак	4,5%
холост/не замужем, никогда не состоял в браке	13,7%
разведен(а)	12,7%
вдова/вдовец	19,4%
<i>База (число респондентов)</i>	931

Ваше образование	
неполное среднее	7,2%
среднее	11,5%
среднее специальное	29,5%

Ваше образование	
неполное высшее	3,7%
высшее	40,6%
несколько высших/научная степень	7%
затрудняюсь ответить	0,5%
<i>База (число респондентов)</i>	<i>948</i>

Как бы вы оценили материальное положение вашей семьи?	
иногда не хватает денег на необходимые продукты питания	4,3%
на еду денег хватает, но в других ежедневных расходах приходится себя ограничивать	17,8%
на ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности	16,9%
на еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника	26,5%
достаточно обеспечены материально, но для покупки автомобиля	21%
материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий о	7,9%
затрудняюсь ответить	5,6%
<i>База (число респондентов)</i>	<i>933</i>

Сколько детей есть у Вас сейчас?	
нет детей	15,4%
1	31,5%
2	39,8%
3 и более	13,3%
<i>База (число респондентов)</i>	<i>842</i>

Приходы	
Москва — центр	10,9%
Москва — спальный район	11,3%
Рыбинск	16,4%
Ярославль	5,9%
Обнинск	9,4%
Тутаев	5,5%
Фоминское	2,9%
Цимлянск	6,7%
Иркутск	11,9%
Бийск	5,3%
Самара	9,8%
Красноярск	4%
<i>База (число респондентов)</i>	<i>985</i>

Описательная статистика других переменных, используемых в моделях

Есть ли у Вас какие-нибудь добровольные или должностные обязанности на данном приходе?	
да	27,4%
нет	68,4%
затрудняюсь ответить	4,2%
<i>База (число респондентов)</i>	956

Знаете ли Вы кого-либо из священников на данном приходе?	
да, знаю и регулярно с ним(и) общаюсь	56,7%
да, я однажды/несколько раз с ним(и) беседовал(а)	20,8%
я знаю его/их только по имени	8,6%
я знаю, как он выглядит, но лично не знаком(а)	7,2%
нет, я не знаю священников на данном приходе	5,4%
затрудняюсь ответить	1,3%
<i>База (число респондентов)</i>	968

Есть ли у Вас духовник (священник, у которого Вы регулярно исповедуетесь, спрашиваете совета)?*	
да, на этом приходе	48,3%
да, на другом приходе	11,7%
у меня нет духовника	34,9%
затрудняюсь ответить	6,3%
<i>База (число респондентов)</i>	944

* В данном вопросе 10 респондентов отметили одновременно два кода («да, на этом приходе» и «да, на другом приходе»). Было принято решение оставить оба варианта ответа. На результаты регрессионного анализа это никак не повлияло, поскольку для него данная переменная была перекодирована в дихотомическую (1 — наличие духовника, 0 — его отсутствие).

Вы пришли сегодня в храм один (одна) или с кем-то? (отметьте все подходящие варианты)	
пришел один (одна)	43,4%
с мужем / женой	20,7%
с родителями	8,8%
с кем-то из других взрослых членов семьи или родственников	6,9%
с детьми	25,8%
с другом	1,5%
с подругой	8,3%
с другим человеком	3,5%
затрудняюсь ответить	0,2%
<i>База (число респондентов)</i>	952

Со сколькими людьми (примерно) Вы сегодня поздоровались в храме (в том числе до или после службы)?	
ни с кем	12,2%
1—2 чел.	21,7%
3—5 чел.	16,4%
6—10 чел.	15,8%
более 10 чел.	31,2%
затрудняюсь ответить	2,8%
<i>База (число респондентов)</i>	<i>945</i>

Вы сегодня с кем-нибудь разговаривали в храме (в том числе до или после службы), кроме тех, с кем пришли, и священника?	
ни с кем не говорил(а)	33,7%
1—2 чел.	31,8%
3—5 чел.	17,1%
6—10 чел.	6,9%
более 10 чел.	8,6%
затрудняюсь ответить	1,9%
<i>База (число респондентов)</i>	<i>938</i>

Скольких прихожан этого храма Вы знаете по имени?	
никого	14%
1—2 чел.	11,7%
3—5 чел.	13,3%
6—10 чел.	14,1%
более 10 чел.	44,7%
затрудняюсь ответить	2,2%
<i>База (число респондентов)</i>	<i>956</i>

Если бы на приходе понадобилась безвозмездная помощь, сколько людей не из прихода Вы могли бы пригласить?	
никого не смог(ла) бы позвать не из прихода	15,3%
смог(ла) бы позвать 1—2 чел.	41%
3—5 чел.	19%
6—10 чел.	3,4%
более 10 чел.	4%
затрудняюсь ответить	17,3%
<i>База (число респондентов)</i>	<i>935</i>

Считаете ли Вы себя членом какой-либо приходской группы (молодежная группа, сестричество, работники трапезной, группа социальной помощи и т.п.)?	
да	21%
нет	67%
затрудняюсь ответить	12%
<i>База (число респондентов)</i>	928

Принимали ли Вы участие в следующих видах деятельности, организованных церковью, храмом, приходом или церковной общиной хотя бы один раз за последние 3 года?	
помощь нуждающимся, многодетным семьям, больным, старикам, бездомным, заключенным, сиротам и т.п.)	28,1%
помощь в хозяйственных нуждах храма (покупка чего-либо, украшение храма, работа пекарни, трапезной, мастерской, уборка территории храма и т.п.)	36,4%
организация приходских праздников, свадеб	11,1%
молодёжные организации и клубы, работа с молодёжью	4,2%
экскурсии, паломнические поездки	26,9%
образовательная деятельность (воскресная школа, лекторий, курсы, беседы со священником и т.п.)	15,6%
творческие кружки, досуговые центры	4,3%
конкурсы, фестивали, выставки	7,2%
общественные мероприятия	4,4%
лагеря отдыха для детей	4,2%
другие виды деятельности	3,2%
не принимал(а) участия	28,2%
затрудняюсь ответить	6,8%
<i>База (число респондентов)</i>	937

Если Вы попадете в кризисную ситуацию (напр., потеря работы, проблемы в семье или болезнь), к кому Вы можете обратиться за помощью?	
к семье, родственникам	68,4%
к близким друзьям	41,1%
к знакомым	12,3%
к соседям	8,4%
к работодателю	5,4%
к коллегам по работе	10,4%
к прихожанам вашего храма	20,7%
к священнику	55,6%
к представителям государственных структур	3%
к представителям благотворительных организаций	1,7%

Если Вы попадете в кризисную ситуацию (напр., потеря работы, проблемы в семье или болезнь), к кому Вы можете обратиться за помощью?	
к незнакомым людям	1,5%
к другим людям	2,6%
ни к кому	2,6%
затрудняюсь ответить	4,2%
<i>База (число респондентов)</i>	948

Как Вам кажется, сколько всего таких людей, к которым Вы могли бы обратиться за помощью в кризисной ситуации?	
таких людей нет	2,2%
1—3	20,9%
4—5	21%
6—9	8,9%
10 и более	25,7%
затрудняюсь ответить	21,4%
<i>База (число респондентов)</i>	915

Сколько братьев и сестер есть у Вас в настоящее время?	
нет братьев/сестер	14,7%
1	43,9%
2	16,6%
3 и более	24,8%
<i>База (число респондентов)</i>	824

Сколько из Ваших братьев и сестер посещают церковные службы один раз в месяц или чаще?	
никто из братьев/сестер не посещает службы раз в месяц	52,8%
1	28,5%
2	9,2%
3 и более	9,5%
<i>База (число респондентов)</i>	771

Сколько из Ваших детей посещают церковные службы хотя бы один раз в месяц или чаще?	
никто из детей не посещает службы раз в месяц	30,8%
1	29,4%
2	14,5%
3 и более	6,1%
нет детей	15,3%
затрудняюсь ответить	3,9%
<i>База (число респондентов)</i>	848

Сколько близких друзей есть у Вас на нынешнем рабочем месте / среди Ваших соседей или в районе, где Вы живете (помимо коллег) / помимо родственников, коллег и соседей?			
	на нынешнем рабочем месте	среди соседей	других близких друзей
нет близких друзей	20,3%	28,7%	14,2%
1	9,9%	11,8%	8,4%
2	10,6%	12,6%	16,4%
3 и более	18,3%	35,6%	46,9%
не работаю в настоящее время	35,7%	—	—
затрудняюсь ответить	5,2%	11,2%	14,1%
<i>База (число респондентов)</i>	848	898	882

Сколько из Ваших друзей посещают церковные службы хотя бы один раз в месяц или чаще?	
нет друзей	3,3%
никто из друзей не посещает службы раз в месяц	17,2%
1	13,2%
2	14,1%
3 и более	36,5%
затрудняюсь ответить	15,7%
<i>База (число респондентов)</i>	891

Как часто Вы проводите время с друзьями, родственниками или коллегами по работе просто так, не по делам?	
никогда	8,8%
реже, чем раз в месяц	28,2%
один раз в месяц	9,4%
несколько раз в месяц, но не каждую неделю	18%
один раз в неделю	8,7%
несколько раз в неделю, но не каждый день	11%
каждый день	5,2%
затрудняюсь ответить	10,7%
<i>База (число респондентов)</i>	918

Как часто Вы посещаете церковные службы?	
несколько раз в неделю	22,7%
1 раз в неделю	41,3%
2—3 раза в месяц	18,3%
1 раз в месяц	6,4%

Как часто Вы посещаете церковные службы?	
несколько раз в год	7,3%
1 раз в год	0,5%
реже, чем раз в год	0,3%
очень редко, почти никогда	1,8%
затрудняюсь ответить	1,3%
<i>База (число респондентов)</i>	929

Как часто Вы посещали церковные службы, когда Вам было 12 лет?	
несколько раз в неделю	2,6%
1 раз в неделю	5%
2—3 раза в месяц	3,4%
1 раз в месяц	1,8%
несколько раз в год	8%
1 раз в год	4,6%
реже, чем раз в год	5,2%
никогда	60,5%
затрудняюсь ответить	8,9%
<i>База (число респондентов)</i>	922

Как часто Вы причащаетесь в этом храме?	
никогда/практически никогда	13,7%
реже одного раза в год	5,2%
1—2 раза в год	13,8%
несколько раз в год, но реже, чем раз в месяц	29,3%
1 раз в месяц	17,4%
2—3 раза в месяц	10,4%
1 раз в неделю или чаще	6,4%
затрудняюсь ответить	3,9%
<i>База (число респондентов)</i>	929

Ощущаете ли Вы принадлежность к церковной общине, приходу?	
определенно да	38,5%
скорее да	31,8%
скорее нет	12,4%
определенно нет	3,7%
затрудняюсь ответить	13,6%
<i>База (число респондентов)</i>	927

Когда Вы приходите на воскресную службу в этот храм, обычно Вы видите людей:	
по большей части Вам знакомых	58,4 %
по большей части Вам не знакомых	11,2 %
незнакомых приблизительно столько же, сколько и знакомых	17,4 %
не обращал(а) внимания	6,4 %
обычно не хожу на службы в этот храм	2,8 %
затрудняюсь ответить	3,8 %
<i>База (число респондентов)</i>	926

Работаете ли Вы, и если да, на какой должности?	
не работаю (домохозяйка и т. д.)	11,9 %
не работаю, ищу работу	2,8 %
пенсионер и не работаю	27,3 %
учусь и не работаю	3,4 %
рабочий, сельскохозяйственный рабочий	2,5 %
служащий	12,9 %
имею свой мелкий бизнес (ПБОЮЛ, ЧП), оказываю частные услуги	3,2 %
специалист	11,6 %
руководитель подразделения	5,5 %
руководитель предприятия	0,9 %
предприниматель, собственник фирмы	1,1 %
другая должность	15,4 %
затрудняюсь ответить	1,5 %
<i>База (число респондентов)</i>	935

Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в целом? По Вашему мнению, оно...	
очень хорошее	3,6 %
хорошее	25,5 %
среднее	56,9 %
плохое	8,1 %
очень плохое	0,9 %
затрудняюсь ответить	5 %
<i>База (число респондентов)</i>	949

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): январь — февраль 2020 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 250—275.

For citation:

Public opinion poll (VCIOM): January — February 2020. (2020) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 250—275.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 2020

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ — 2020 И РЕЙТИНГИ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ.....	251
РОССИЯНЕ ОЦЕНИЛИ ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ	254

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

МАРКИРОВКА ТОВАРОВ И ПРОДУКТОВ: ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?	257
РОССИЯНЕ ОПАСАЮТСЯ КОРОНАВИРУСА И ИЩУТ ПУТИ ЗАЩИТЫ ОТ НЕГО	260

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЦИФРОВОЙ ДЕТОКС: ЗАЧЕМ, КАК И ПОЧЕМУ?	263
РОССИЯ — СТРАНА ТЕХНООПТИМИСТОВ.....	268
РОССИЯНЕ ОБЪЯСНИЛИ, КАК ОНИ ПОНИМАЮТ ПАТРИОТИЗМ	272

ПОЛИТИКА

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ — 2020 И РЕЙТИНГИ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ.....	251
РОССИЯНЕ ОЦЕНИЛИ ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ	254

**ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ — 2020
И РЕЙТИНГИ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ**

16 января 2020 г.

15 января 2020 года Владимир Путин в 16-й раз обратился с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию России. Выступление продолжалось 1 час 12 минут. Показатель одобрения деятельности Президента 16 января 2020 года вырос в сравнении со значениями предыдущей недели и составил 67 %. Уровень доверия составил 71 %.

Во время прямой трансляции Послания ВЦИОМ провел несколько фокус-групп в разных городах России¹. Большинство затронутых в Послании вопросов вызвали интерес у респондентов. В топ тем Послания, вызвавших наибольший интерес участников фокус-групп, вошли: помощь семьям с детьми, продление программы материнского капитала, предложения по развитию системы здравоохранения, вопросы организации питания учащихся начальных классов, введение выплат учителям за классное руководство, меры по борьбе с бедностью и экономическому развитию страны, тема приоритета Конституции над международными актами, а также введение запрета для лиц, имеющих иностранное гражданство на занятие высоких государственных должностей, проект «Доступный интернет» на всей территории страны.

¹ Участники фокус-групп смотрели прямую трансляцию и фиксировали свою реакцию на действия и высказывания Владимира Путина. Для фиксации реакций использовалось мультимедийное оборудование. После просмотра прямого эфира респонденты отвечали на вопросы формализованной анкеты. Общее количество фокус-групповых дискуссий — 7. Фокус-группы проходили в административных центрах и средних городах субъектов РФ. В исследовании приняли участие 120 респондентов — граждан РФ в возрасте от 18 лет. Информация, полученная по результатам фокус-групповых дискуссий, является справочной и не репрезентирует мнение всего населения РФ.

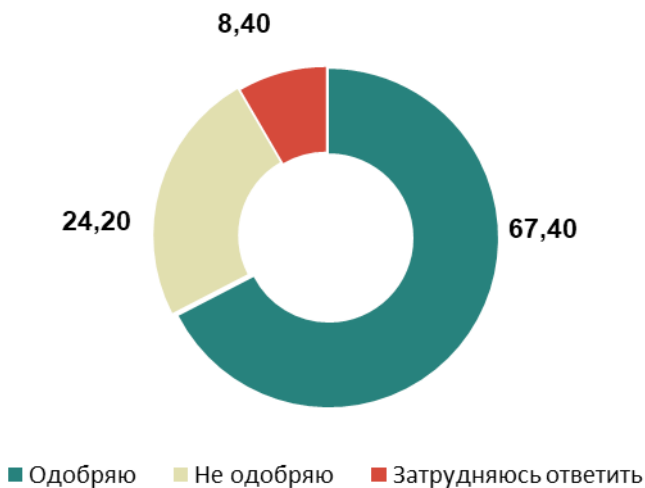

Рисунок 1. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России Владимира Путина? (закрытый вопрос, один ответ, %)

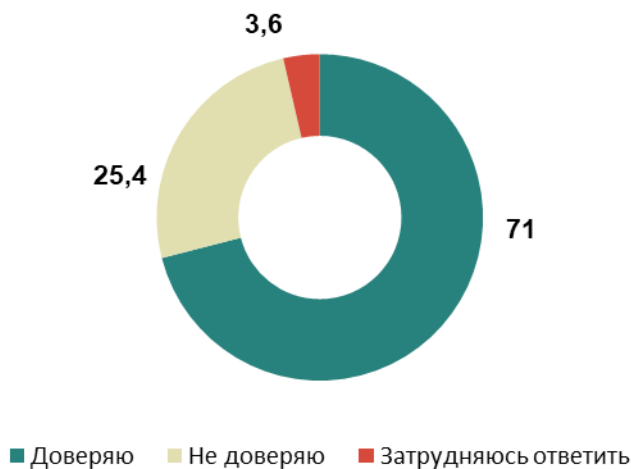

Рисунок 2. Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете Владимиру Путину? (закрытый вопрос, один ответ, %)

Таблица 1. Одобрение деятельности государственных институтов
(закрытый вопрос, один ответ по каждому институту, %)

	28.10— 03.11.19	05— 10.11.19	11— 17.11.19	18— 24.11.19	25.11— 01.12.19	02— 08.12.19	09— 15.12.19	16— 22.12.19	23— 30.12.19	09— 12.01.20
Президент России	65.2	64.1	63.9	62.4	63.2	63.3	62.5	62.8	63.5	62.3
Председатель Правительства России	38.3	38	37.7	36.4	37.6	37.7	36.4	37.4	38.1	38.1
Правительство России	43.2	41.6	40.3	39.8	40.8	41.5	40.4	41.3	41.9	41.2

Таблица 2. НЕодобрение деятельности государственных институтов
(закрытый вопрос, один ответ по каждому институту, %)

	28.10— 03.11.19	05— 10.11.19	11— 17.11.19	18— 24.11.19	25.11— 01.12.19	02— 08.12.19	09— 15.12.19	16— 22.12.19	23— 30.12.19	09— 12.01.20
Президент России	26,1	27,6	27,4	28,6	28,4	28,0	28,6	27,9	27,6	28,6
Председатель Правительства России	47,0	47,1	47,5	49,1	48,3	47,6	49,0	47,6	47,8	47,6
Правительство России	44,3	45,9	47,2	48,2	47,4	45,5	47,2	45,9	46,0	47,0

Таблица 3. Доверие политикам
(один ответ, респонденты оценивали политиков из представленного списка,
в % от всех респондентов)

	28.10— 03.11.19	05— 10.11.19	11— 17.11.19	18— 24.11.19	25.11— 01.12.19	02— 08.12.19	09— 15.12.19	16— 22.12.19	23— 30.12.19	09— 12.01.20
Путин В. В.	24.4	24.7	25.9	25.7	26.1	25.7	26.3	25.3	25.6	26.6
Медведев Д. А.	55.8	55.9	56.2	56.1	56.1	54.7	56.7	55.7	56.5	56.1
Жириновский В. В.	54.9	55.1	55.8	56.1	55.1	54.3	53.5	53.5	54.1	54.2
Зюганов Г. А.	52.3	53.3	55.4	54.8	54	53	54.3	52.7	53.5	53.8
Миронов С. М.	47.3	49.3	49.6	47.8	49.5	48.8	49.2	47.7	48.8	48.6

Таблица 4. НЕдоверие политикам
(один ответ, респонденты оценивали политиков из представленного списка,
в % от всех респондентов)

	28.10— 03.11.19	05— 10.11.19	11— 17.11.19	18— 24.11.19	25.11— 01.12.19	02— 08.12.19	09— 15.12.19	16— 22.12.19	23— 30.12.19	09— 12.01.20
Путин В. В.	24.4	24.7	25.9	25.7	26.1	25.7	26.3	25.3	25.6	26.6
Медведев Д. А.	55.8	55.9	56.2	56.1	56.1	54.7	56.7	55.7	56.5	56.1
Жириновский В. В.	54.9	55.1	55.8	56.1	55.1	54.3	53.5	53.5	54.1	54.2
Зюганов Г. А.	52.3	53.3	55.4	54.8	54	53	54.3	52.7	53.5	53.8
Миронов С. М.	47.3	49.3	49.6	47.8	49.5	48.8	49.2	47.7	48.8	48.6

РОССИЯНЕ ОЦЕНИЛИ ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ

20 февраля 2020 г.

Информированность о предстоящем голосовании по поправкам в Конституцию Российской Федерации постепенно растет. Более половины россиян (66%) декларируют возможное участие в голосовании по поправкам в Конституцию, которое пройдет этой весной. Чаще сообщают о возможном принятии участия в голосовании россияне 45—59 лет (70%) и старше 60 лет (73%). О конкретных предложениях, которые будут вынесены на общероссийское голосование, знает каждый четвертый (23%). Чаще всего россияне называли обязательную регулярную индексацию пенсий (9%).

Россияне декларировали высокий уровень поддержки (свыше 90%) по отношению к таким предложениям, как обеспечение государством доступности и качества медицинского обслуживания (97%), обеспечение государством социальной поддержки детям (96%), принятие МРОТ не менее величины прожиточного минимума (95%), ежегодная индексация пенсии (94%), а также неделимость территории РФ (94%) и запрет для чиновников иметь вид на жительство в другой стране, иностранное гражданство или счета за рубежом (93%). Такая же доля опрошенных признает данные изменения важными (свыше 90%).

Таблица 5. Вы знаете, слышали или слышите сейчас впервые, что в ближайшее время состоится общероссийское голосование по вопросу внесения изменений в Конституцию РФ?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	24.01.2020	30.01.2020	05.02.2020	12.02.2020	20.02.2020
Знаю, слышал	72	74	76	78	79
Впервые слышу	28	26	24	22	21

Таблица 6. Как Вы думаете, Вы примете или не примете участие в общероссийском голосовании по внесению изменений в Конституцию, которое состоится весной этого года?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Пока не определится, определюсь ближе к голосованию	22	38	22	25	21	16
Да, приму	41	18	31	41	41	52
Скорее да	25	22	30	23	29	21
Скорее нет	5	10	9	5	2	3
Нет, не приму	6	12	8	4	6	5
Затрудняюсь ответить	1	0	0	2	1	3

Рисунок 3. Знаете ли Вы, какие конкретно предложения по изменению Конституции будут вынесены на общероссийское голосование? (открытый вопрос, не более пяти ответов, % всех опрошенных, представлены варианты от 2% опрошенных; затруднились ответить — 77%)

Таблица 7. Представьте, что следующие предложения будут вынесены на голосование в ходе общероссийского голосования по внесению изменений в Конституцию России. Скажите, пожалуйста, Вы скорее поддержите или скорее не поддержите внесение следующих изменений в Конституцию? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Скорее поддержу	Скорее не поддержу	Затрудняюсь ответить
Государством обеспечивается доступность и качество медицинского обслуживания	97	2	1
Дети являются важнейшим достоянием России. Государство обязано обеспечить им социальную поддержку	96	3	1
Ответственность государства за защиту прав трудящихся россиян. МРОТ не менее величины прожиточного минимума	95	4	1
Ежегодная индексация пенсии	94	5	1
Никакая территория РФ не может быть отторгнута от РФ	94	5	1

	Скорее поддержу	Скорее не поддержу	Затрудняюсь ответить
Запрет для чиновников иметь иностранное гражданство, вид на жительство и счета в другом государстве	93	6	1
Защита животных, формирование ответственного отношения к животным	89	7	4
Россия принимает меры для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, обеспечения мирного сосуществования государств и народов	89	8	3
Защита природы и сохранение уникального природного многообразия страны	88	9	3
Гарантируется оказание адресной социальной поддержки, индексация социальных пособий и выплат	87	10	3

Таблица 8. Скажите, пожалуйста, лично для Вас важно или не важно, чтобы следующие принципы были закреплены в Конституции России?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Скорее поддержу	Скорее не поддержу	Затрудняюсь ответить
Государством обеспечивается доступность и качество медицинского обслуживания	97	2	1
Дети являются важнейшим достоянием России. Государство обязано обеспечить им социальную поддержку	96	3	1
Ответственность государства за защиту прав трудящихся россиян. МРОТ не менее величины прожиточного минимума	95	4	1
Ежегодная индексация пенсии	94	5	1
Никакая территория РФ не может быть отторгнута от РФ	93	6	1
Запрет для чиновников иметь иностранное гражданство, вид на жительство и счета в другом государстве	92	6	2
Защита животных, формирование ответственного отношения к животным	90	7	3
Россия принимает меры для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, обеспечения мирного сосуществования государств и народов	90	7	3
Защита природы и сохранение уникального природного многообразия страны	87	10	3
Гарантируется оказание адресной социальной поддержки, индексация социальных пособий и выплат	85	12	3

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

МАРКИРОВКА ТОВАРОВ И ПРОДУКТОВ: ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ? 257

РОССИЯНЕ ОПАСАЮТСЯ КОРОНАВИРУСА И ИЩУТ ПУТИ ЗАЩИТЫ ОТ НЕГО 260

МАРКИРОВКА ТОВАРОВ И ПРОДУКТОВ: ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

21 января 2020 г.

Практически каждый второй россиянин (43 %) сталкивался с проблемой нелегальной продукции. В настоящее время в России вводится система маркировки ряда товаров, которая позволит отследить путь продукции от производителя до конечного продавца и будет препятствовать распространению нелегальной продукции. О введении данной маркировки знают или слышали 76 % россиян, и большинство (73 %) восприняли данную инициативу положительно. Россияне считают, что введение обязательной маркировки поспособствует снижению количества нелегальной продукции, повысит защищенность покупателей от приобретения нелегальных товаров и увеличит ответственность производителей и магазинов перед покупателями. За распространение нелегальной продукции производители, продавцы и представители регулирующих органов должны нести административную или уголовную ответственность (92 %, 83 % и 94 % соответственно).

Рисунок 1. Давайте поговорим о контрафактных товарах, то есть о поддельной, ненастоящей, либо нелегально ввезенной в Россию продукции. Сталкивались ли Вы в России с контрафактной продукцией? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 2. В настоящее время в России для борьбы с нелегальным оборотом вводится система маркировки для таких товаров, как лекарства, шины, обувь, парфюмерия, молочная продукция, сигареты и ряд других. Маркировка представляет собой отметки на упаковке, по которым покупатель может проследить путь продукции от непосредственного производителя до конечного продавца (магазина). Маркировка вводится, чтобы избавиться от нелегальной продукции, и чтобы каждый человек мог проверить подлинность и качество товара при покупке. Скажите, Вам известно о введении данной маркировки? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 3. Для какой продукции, по Вашему мнению, необходимо использовать эту маркировку в первую очередь? (закрытый вопрос, несколько ответов, % от всех опрошенных)

Таблица 1. Сейчас я зачитаю Вам список параметров, связанных с контрафактной продукцией. Как Вы считаете, введение обязательной маркировки повлияет или не повлияет на них? Если повлияет, то каким образом? (закрытый вопрос, один ответ по строке, % от всех опрошенных)

	Скорее повысит	Скорее понизит	Скорее не повлияет	Затрудняюсь ответить
Количество нелегальной продукции	15	47	28	10
Защищенность потребителей от покупки нелегальных товаров	58	7	27	9
Ответственность производителей и магазинов перед покупателями	59	4	29	8

Таблица 2. Сейчас я зачитаю Вам список субъектов, так или иначе влияющих на оборот контрафактной продукции. Как Вы считаете, они должны или не должны нести какую-либо ответственность за продажу или покупку контрафактной продукции? (закрытый вопрос, один ответ по строке, % всех опрошенных)

	Да, должен нести уголовную ответственность	Да, должен нести административную ответственность	Да, должен нести моральную ответственность	Нет, не должен нести никакой ответственности	Затрудняюсь ответить
Производитель контрафактной продукции	71	21	3	1	4
Продавец контрафактной продукции	38	45	7	7	4
Государственный регулирующий орган, допустивший производство или продажу контрафактной продукции	73	21	2	1	3
Покупатель, осознанно купивший контрафактную продукцию	8	24	29	34	5

РОССИЯНЕ ОПАСАЮТСЯ КОРОНАВИРУСА И ИЩУТ ПУТИ ЗАЩИТЫ ОТ НЕГО

8 февраля 2020 г.

Абсолютное большинство россиян слышали о вспышке болезни, вызванной коронавирусом, произошедшей в начале этого года в Китае, — 99%. Более половины информированных о вспышке заболевания считают, что коронавирус опаснее, чем сезонный грипп (59%). От заболевания, вызванного коронавирусом, можно защититься, считают 64%, чаще молодые респонденты 18—24 лет (73%). По мнению слышавших о болезни, чтобы обезопасить себя и свою семью от коронавируса, необходимо: мыть руки и соблюдать гигиену (37%), избегать массового скопления людей (32%), носить маску (23%), отказаться от поездок в Китай и в другие страны (11%). 67% респондентов считают, что российские медицинские и эпидемиологические службы смогут защитить население от распространения коронавируса в случае реальной угрозы.

Таблица 3. **Вы знаете, слышали или слышите сейчас в первый раз о том, что в Китае в начале этого года произошла вспышка болезни, вызванной коронавирусом?**
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Хорошо знаю	68	72	60	65	71	73
Что-то слышал, но без подробностей	31	26	39	34	29	26
Слышу сейчас в первый раз	1	2	1	1	0	1

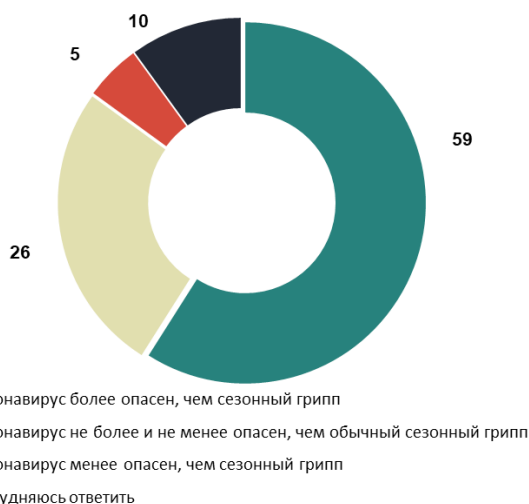

Рисунок 4. Как Вы считаете, коронавирус опаснее вируса обычного сезонного гриппа или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто слышал о вспышке болезни, вызванной коронавирусом)

Таблица 4. **Исходя из того, что Вы знаете, слышали, по вашему мнению, можно ли защититься от коронавируса или нельзя?**
(закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто слышал о вспышке болезни, вызванной коронавирусом)

	Все опрошенные	Мужской	Женский	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Защититься можно	64	69	59	73	62	63	65	61
Защититься нельзя	24	19	28	18	25	27	24	23
Затрудняюсь ответить	12	12	13	9	13	10	11	16

Рисунок 5. Как Вы считаете, какие меры следует предпринимать, чтобы обезопасить себя и свою семью от коронавируса?
(открытый вопрос, до трех ответов, % от тех, кто слышал о вспышке болезни, вызванной коронавирусом, представлены варианты ответов, названные от 2% респондентов)

Таблица 5. Как Вы думаете, в случае возникновения реальной угрозы эпидемии смогут ли российские власти (эпидемиологические и медицинские службы) защитить население России от распространения коронавируса или нет?

(закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто слышал о вспышке болезни, вызванной коронавирусом)

	Все опрошенные	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Определенно да	17	12	13	16	19	20
Скорее да	50	54	49	49	45	55
Скорее нет	20	15	23	22	22	16
Определенно нет	8	17	8	7	9	5
Затрудняюсь ответить	5	2	7	6	5	4

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЦИФРОВОЙ ДЕТОКС: ЗАЧЕМ, КАК И ПОЧЕМУ? 263

РОССИЯ — СТРАНА ТЕХНООПТИМИСТОВ 268

РОССИЯНЕ ОБЪЯСНИЛИ, КАК ОНИ ПОНИМАЮТ ПАТРИОТИЗМ 272

ЦИФРОВОЙ ДЕТОКС: ЗАЧЕМ, КАК И ПОЧЕМУ?

1 февраля 2020 г.

Доля интернет-пользователей стабильно растет с 2011 г. Сегодня большинство россиян (81%) используют интернет, причем 69% — ежедневно. Наиболее распространенные занятия, осуществляемые посредством интернета его пользователями: коммуникация с близкими и знакомыми (88%), получение новостей (83%), развлечения (75%). За два года на 8 п. п. увеличилась доля тех, кто считает, что исчезновение интернета коренным образом изменит их жизнь. Чаще об этом говорит наиболее молодая аудитория пользователей интернета — 18—24-летние (34%). Пользователи, сознательно или вынужденно переживавшие ограничение доступа к интернету, чаще не испытывали каких-либо особых ощущений (82%), хотя каждый десятый переживал негативные чувства (10%). Согласны с тем, что нужно периодически отдыхать от интернета, 73% россиян, однако выбрали бы место для отпуска без интернета только 43% респондентов.

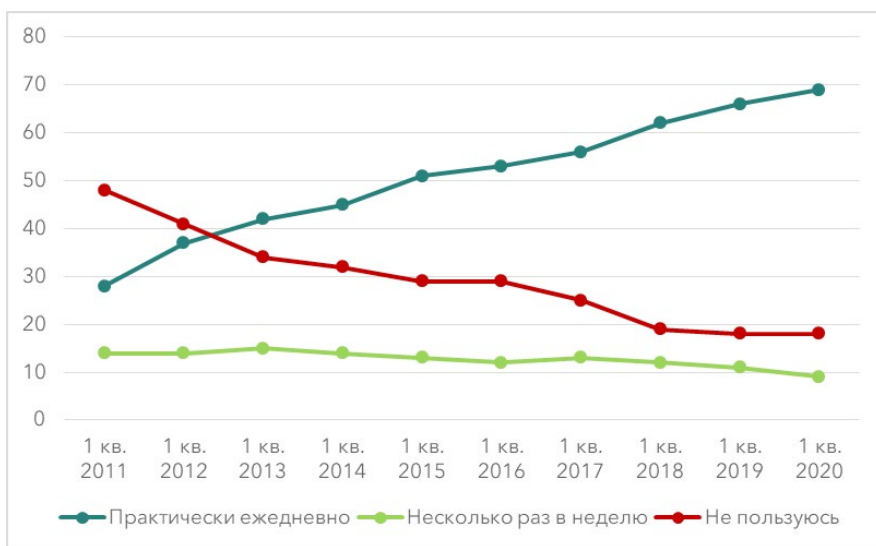
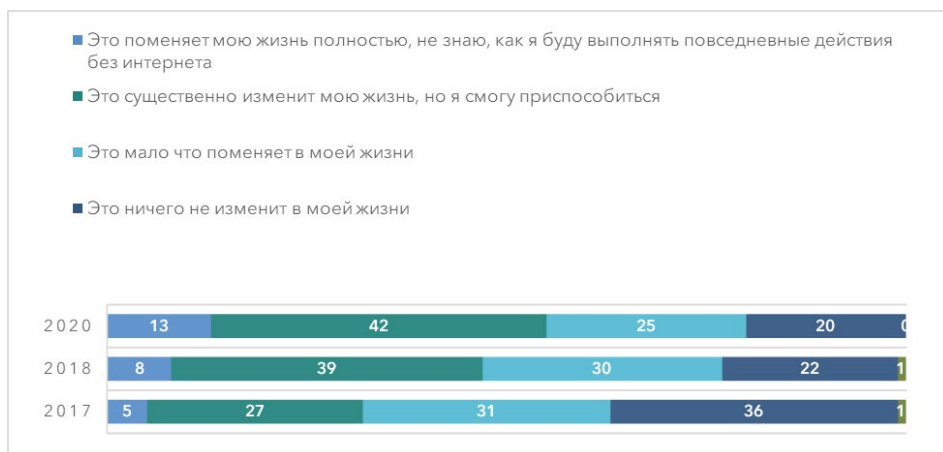

Рисунок 1. Пользуетесь ли Вы интернетом, и если да, то как часто?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных;
представлены ответы, названные от 5% респондентов)

Рисунок 2. Я зачитаю список, а Вы скажите, для чего Вы на сегодняшний день используете интернет?
(закрытый вопрос, один ответ по строке, % от пользователей интернета; представлены доли ответа «использую интернет»)

Рисунок 3. Если завтра интернет исчезнет, насколько сильно это изменит Вашу привычную жизнь?
(закрытый вопрос, один ответ, % от интернет-пользователей)

Таблица 1. Если завтра интернет исчезнет, насколько сильно это изменит Вашу привычную жизнь? (закрытый вопрос, один ответ, % от интернет-пользователей)

	Все опрошенные	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Это поменяет мою жизнь полностью, не знаю, как я буду выполнять повседневные действия без интернета	13	34	19	11	9	3
Это существенно изменит мою жизнь, но я смогу приспособиться	42	41	45	47	40	37
Это мало что поменяет в моей жизни	25	13	19	26	29	30
Это ничего не изменит в моей жизни	20	11	17	17	21	30
Затрудняюсь ответить	0	1	0	1	0	0

Таблица 2. В течение последнего года в Вашей жизни были ситуации, когда Вы сами специально отключали доступ к интернету на целый день или большее время, или такого не было? Если да, то как часто это случалось?

(закрытый вопрос, один ответ, % от интернет-пользователей)

	Все опрошенные	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Один или несколько раз в неделю	18	9	18	21	18	19
Раз в месяц	14	11	20	19	9	10
Раз в полгода и реже	14	40	14	14	9	10
Такого не было за последний год	51	40	47	44	60	57
Затрудняюсь ответить	3	0	1	2	3	4

Таблица 3. В течение последнего года в Вашей жизни были ситуации, когда Вы вынужденно оказывались без интернета на целый день или большее время, или такого не было?

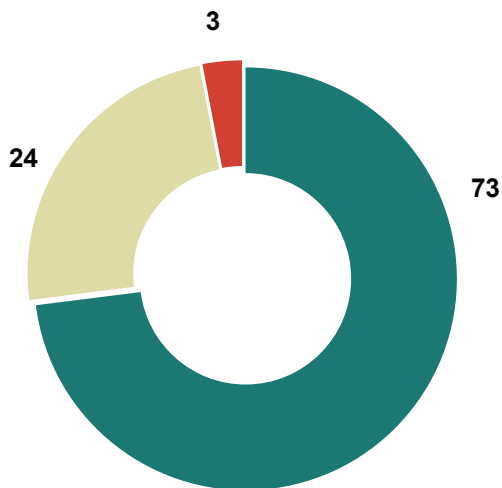
(закрытый вопрос, один ответ, % от интернет-пользователей)

	2018	2020
Было один раз	15	19
Случалось неоднократно	51	46
Такого не было за последний год	31	33
Затрудняюсь ответить	3	2

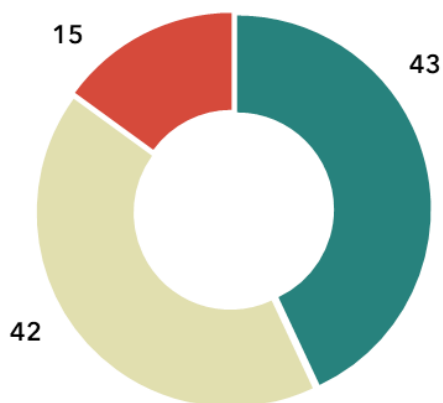
Таблица 4. **Что Вы чувствовали в это время, когда на долгий срок оказывались без интернета?**
(закрытый вопрос, один ответ,
% от тех, кто по своей инициативе или вынужденно оставался без интернета)

	Все опрошенные	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Негативные ощущения, подавленность, тревожность и т. д.	10	22	9	7	11	10
Позитивные ощущения, радость, расслабленность и т. д.	7	7	7	8	8	5
Никаких особых ощущений, все как обычно	82	69	84	84	80	85
Затрудняюсь ответить	1	2	0	1	1	0

- В современном мире нужно периодически «отдыхать» от интернета, на время ограничивать или полностью блокировать для себя доступ в интернет
- В современном мире нужно всегда быть «в Сети»
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 4. Одни люди считают, что в современном мире нужно периодически «отдыхать» от интернета и на время ограничивать для себя доступ к нему. Другие считают, что в современном мире необходимо всегда оставаться «в Сети». С каким утверждением Вы в большей степени согласны? (закрытый вопрос, один ответ, % от интернет-пользователей)

- Место, где интернет есть на каждом шагу
- Место, где совсем нет интернета на всей территории
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 5. Какое место Вы бы скорее выбрали для отпуска?
(закрытый вопрос, один ответ, % от интернет-пользователей)

РОССИЯ — СТРАНА ТЕХНООПТИМИСТОВ*1 февраля 2020 г.*

За последние 20 лет наука оказала позитивное влияние на жизнь нашей страны — так считают 63 % россиян. Положительное влияние признано и за сферой высшего образования (54 %). С чем, говоря о роли науки, наши соотечественники готовы согласиться в первую очередь? С тем, что наука — это условие прогресса (49 %): за последние 20 лет это мнение укрепилось в обществе (26 % в 1989 г.). За последние 20 лет положительное влияние науки россиянами было замечено в первую очередь в сферах медицины (31 %), вооружения (13 %), космоса и образования (по 8 %). Отрицательное влияние науки за последние 20 лет россияне отмечают в области образования (6 %), экологии (5 %) и медицины (5 %), хотя большинство затруднились ответить на данный вопрос (73 %). Чаще всего лидерство российской науки наши соотечественники отмечают в военной сфере (32 %), в космосе (21 %, со снижением на 9 п. п. с 2018 г.) и в здравоохранении (13 %).

Таблица 5. За последние 20 лет как бы Вы могли оценить влияние на жизнь страны следующих экономических и социальных институтов, отраслей экономики?

(закрытый вопрос, один ответ, % всех опрошенных)

	Скорее позитивное влияние	Никакого влияния	Скорее негативное влияние	Затрудняюсь ответить
Наука, сфера высоких технологий	63	22	5	10
Сфера высшего образования (университеты, институты)	54	24	11	11
Малый бизнес	45	31	12	12
Телевидение, кино	44	17	31	8
Правительство страны	37	22	26	15
Религиозные организации	33	32	20	15

Таблица 6. **Что бы Вы сами могли сказать о науке, о ее месте в жизни людей и общества?**
(закрытый вопрос, любое число ответов, % всех опрошенных)²

	1989	2014	2020
Это условие прогресса	26	39	49
Это полезные открытия	42	62	44
Это умножение знания	18	32	38
Это напряженный труд	36	42	31
Это средство преобразования мира	13	22	29
Это предвидение будущего	13	14	27
Это свободное искание истины	6	10	18
Это средство занять хорошее место в обществе	4	12	17
Это бескорыстное служение	4	6	13
Это гибельная сила	2	3	3
Это пустая трата средств	3	2	3
Это разрушение веры, красоты, нравственности	1	1	3
Это ложные идеалы	1	3	2
Это пустая говорильня	3	3	2
Другое	1	1	2
Затрудняюсь ответить	23	5	8

² В 1989 г. массовый опрос проходил по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения от 16 лет, объем выборки — 1348 респондентов.

Рисунок 6. На Ваш взгляд, на какие сферы жизни в России за последние 20 лет наука повлияла положительным образом? Вы можете дать до трех ответов (закрытый вопрос, до 3-х ответов, % всех опрошенных; затруднились ответить — 42%)

Рисунок 7. На Ваш взгляд, на какие сферы жизни в России за последние 20 лет наука повлияла отрицательным образом? Вы можете дать до трех ответов (закрытый вопрос, до 3-х ответов, % всех опрошенных; затруднились ответить — 73%)

Таблица 7. Как Вы считаете, в каких сферах лидирует российская наука?
 (открытый вопрос, до 3-х ответов, представлены ответы, названные не менее 1% респондентов,
 % от всех опрошенных, представлены ответы, названные от 1% респондентов)

	2018	2020
Военная сфера	30	32
Космическая сфера	30	21
Здравоохранение	11	13
Атомная и ядерная энергетика	7	5
Программирование, IT-технологии	4	5
Физико-математическая сфера	7	4
Промышленность	2	4
Нанотехнологии, инновацион- ные технологии	3	2
Образование	2	2
Сельское хозяйство	2	2
Химическая промышленность	3	1
Нефтегазовая отрасль	2	1
Биология, биоинженерия	2	1
Компьютерные технологии	1	1
Авиастроение	1	1
Добыча полезных ископаемых	1	1
Роботостроение	1	1
Строительная сфера	1	1
Экономическая сфера	1	1
Политика	0	1
Культурное развитие	0	1
Все сферы	0	1
Таких нет	2	2
Другое	2	1
Затрудняюсь ответить	41	42

РОССИЯНЕ ОБЪЯСНИЛИ, КАК ОНИ ПОНИМАЮТ ПАТРИОТИЗМ

16 февраля 2020 г.

Патриотизм, по мнению большинства опрошенных россиян, не требует единомыслия, но имеет ряд четких поведенческих требований, соблюдение которых обязательно — и прежде всего для государственных служащих. Патриотизм связывают в первую очередь с любовью к родине — 85% россиян считают непатриотичным ее отсутствие. За два года увеличилась доля тех, кто связывает отсутствие патриотизма и наличие связей (желаемых или реальных) с другими государствами. Высказывание мнения, не совпадающего с государственным, считают непатриотичным 23% россиян. В целом только треть россиян (30%) осуждают публичное высказывание оппозиционного мнения, причем преимущественно в рамках общественного порицания (21%), в то время как более половины наших соотечественников считают это частным делом, не требующим вмешательства ни государства, ни общества (58%). 82% опрошенных считают, что нет никакой необходимости высылать людей из родной страны за отсутствие патриотизма.

Таблица 8. **Как Вы думаете, может или не может быть патриотом человек, который...**
(закрытый вопрос, один ответ, %)

	2014	2017	2020
Не чувствует любовь к России	—	—	—
Может быть патриотом	13	19	10
Не может быть патриотом	84	77	85
Затрудняюсь ответить	3	4	5
Дает или берет взятки	—	—	—
Может быть патриотом	23	19	14
Не может быть патриотом	66	77	80
Затрудняюсь ответить	11	4	6
Уклоняется от службы в армии	—	—	—
Может быть патриотом	26	26	29
Не может быть патриотом	66	69	65
Затрудняюсь ответить	8	5	6
Уклоняется от уплаты налогов	—	—	—
Может быть патриотом	29	30	29
Не может быть патриотом	63	61	64
Затрудняюсь ответить	8	9	7
Хочет переехать в другую страну	—	—	—
Может быть патриотом	25	41	29
Не может быть патриотом	68	52	64
Затрудняюсь ответить	7	7	7
Не знает государственной символики России	—	—	—
Может быть патриотом	28	33	35

	2014	2017	2020
Не может быть патриотом	65	61	59
Затрудняюсь ответить	7	6	6
Имеет счета за рубежом	—	—	—
Может быть патриотом	37	43	35
Не может быть патриотом	53	50	57
Затрудняюсь ответить	10	7	8
Имеет второе гражданство	—	—	—
Может быть патриотом	48	61	42
Не может быть патриотом	43	30	50
Затрудняюсь ответить	9	9	8
Работает в некоммерческой организации — «иностранном агенте»	—	—	—
Может быть патриотом	33	35	40
Не может быть патриотом	52	52	47
Затрудняюсь ответить	15	13	13
Отказывается от участия в выборах	—	—	—
Может быть патриотом	40	44	46
Не может быть патриотом	51	48	46
Затрудняюсь ответить	9	8	8
Публично высказывает мнение, не совпадающее с точкой зрения государства	—	—	—
Может быть патриотом	44	59	68
Не может быть патриотом	47	36	23
Затрудняюсь ответить	9	5	9
Работает в иностранной фирме	—	—	—
Может быть патриотом	65	76	69
Не может быть патриотом	29	17	23
Затрудняюсь ответить	6	7	8
Хочет вступить в брак с иностранцем	—	—	—
Может быть патриотом	62	69	72
Не может быть патриотом	30	21	19
Затрудняюсь ответить	8	10	9

Рисунок 8. А как, по-Вашему, государство и общество должны реагировать на публичные высказывания мнения, не совпадающего с точкой зрения государства? (закрытый вопрос, один ответ, %)

Рисунок 9. Как, по-Вашему, государство и общество должны реагировать на непатриотичное поведение, если оно не является нарушением закона (например, человек не встает при звуках российского гимна)? (закрытый вопрос, один ответ, %)

Таблица 9. **С каким из следующих высказываний о людях, позволяющих себе непатриотичные заявления или поступки, Вы согласны?** (закрытый вопрос, один ответ, %)

	2014	2017	2020
Непатриотичные поступки и заявления	—	—	—
Непатриотичные поступки и заявления — это частное дело человека, общество не должно на них реагировать	40	23	25
Непатриотичные поступки и заявления касаются всех, общество должно на них реагировать	53	68	62
Затрудняюсь ответить	7	9	13
Непатриотичные люди и государственная служба	—	—	—
Непатриотичных людей нельзя допускать к государственной службе	77	83	79
Непатриотичных людей можно допускать к государственной службе	17	12	13
Затрудняюсь ответить	6	5	8
Пребывание в стране	—	—	—
Непатриотичных людей нужно выслать из России	14	14	8
Непатриотичных людей не нужно высылать из России	72	80	82
Затрудняюсь ответить	14	6	10

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.11

Правильная ссылка на статью:

Арчакова Т. О., Гарифулина Э. Ш. Измерение субъективного благополучия детей в России: от локальных социальных практик до федеральной стратегии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 276—295. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.11>.

For citation:

Archakova T. O., Garifulina E. Sh. (2020) Measuring Children's Subjective Well-Being in Russia: Local Practices and Federal Strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 276—295. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.11>.

Т. О. Арчакова, Э. Ш. Гарифулина ИЗМЕРЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ В РОССИИ: ОТ ЛОКАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ДО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

ИЗМЕРЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ В РОССИИ: ОТ ЛОКАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ДО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

MEASURING CHILDREN'S SUBJECTIVE WELL-BEING IN RUSSIA: LOCAL PRACTICES AND FEDERAL STRATEGIES

АРЧАКОВА Татьяна Олеговна — психолог-методист, Благотворительный фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам», Москва, Россия; психолог-методист, Благотворительный детский фонд «Виктория», Москва, Россия
E-MAIL: tatyana.archakova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6161-2946>

Tatyana O. ARCHAKOVA^{1,2} — Psychologist; Psychologist
E-MAIL: tatyana.archakova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6161-2946>

¹ Charitable Foundation "Volunteers to Help Orphans", Moscow, Russia

² "Viktoria" Children's Charity Foundation, Moscow, Russia

ГАРИФУЛИНА Эльвира Шамильевна — кандидат социологических наук, руководитель программ, Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, Москва, Россия; доцент, Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия
E-MAIL: egarifulina@timchenkofoundation.org
<https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>

Elvira Sh. GARIFULINA^{3,4} — Cand. Sci. (Soc.), Program Director; Associate Professor
E-MAIL: egarifulina@timchenkofoundation.org
<https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к определению и операционализации понятия «субъективное благополучие детей» в российской практике. Анализируются эмпирические данные об использовании показателей благополучия детей в работе 69 государственных и некоммерческих организаций, реализующих практики в сфере социального сиротства и поддержанных Фондом Тимченко в 2016—2018 гг. Приводятся примеры инструментов, разработанных в рамках прикладных социальных проектов для оценки субъективного благополучия детей, в том числе не имеющих возможности для вербального выражения своего мнения. Обсуждаются факторы, осложняющие переход от измерения субъективного благополучия детей на уровне отдельных социальных практик/проектов и организаций к большому масштабу. На основе анализа даны рекомендации по проектированию собственных российских или адаптации зарубежных индексов детского благополучия более высокого уровня (региональных, федеральных).

Ключевые слова: показатели субъективного благополучия детей, инструменты измерения субъективного благополучия детей, индекс благополучия детей, социальные практики в сфере защиты детства

Abstract. The article highlights approaches defining and operationalizing the notion of children's subjective well-being in Russia. The paper employs empirical data on the use of children's well being indicators in the work of 69 state-run and private sector organizations dealing with social orphanhood and supported by Timchenko Foundation in 2016-2018. The authors provide examples of tools developed in the applied social projects to assess subjective well-being in children, including those not allowing a verbal expression of opinions. The paper discusses factors impeding a switch from measuring children's subjective well-being within local social practices/projects and organizations to a larger scale. The authors give recommendations on designing domestic or adapting foreign indices of children's well-being at higher levels (regional, federal).

Keywords: children's subjective well-being indicators, children's subjective well-being measurement tools, children's well-being index, social practices in childhood protection

Введение

Субъективное благополучие детей рассматривается как самостоятельный конструкт, отличный от субъективного благополучия взрослых. ЮНИСЕФ отождествляет благополучие детей с реализацией их прав и обеспечением оптимальных условий для наиболее полного их развития, учитывая при этом и субъективный аспект — «восприятие, оценки и ожидания детей в отношении их собственной жизни» [UNICEF Spain, 2012], «удовлетворенность как жизнью в целом, так и отдельными ее аспектами» [Rees, Goswami, Bradshaw, 2010]. Конструкт «субъективное благополучие» входит в состав большинства международных и региональных комплексных инструментов (индексов), включая Индекс детского благополучия ЮНИСЕФ (UNICEF Child Well-Being Index).

Специфика детского благополучия требует междисциплинарного анализа. Понятный аппарат психологии развития — в частности, концепции «ведущей деятельности» и «задач развития» [Леонтьев, 1983], — используется для того, чтобы выделить в структуре общего благополучия значимые для детей виды деятельности и, соответственно, аспекты жизни, в которых они осуществляются. Социологическая концепция жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности [Григорьев, Демина, Растов, 1996; Гусякова, Григорьев, 2002] делает акцент на «жизненную силу» — способность человека к воспроизводству и осуществлению жизни как биосоциального существа. Жизненные силы человека характеризуются как единство индивидуальной и социальной субъектности личности во всех сферах, как совокупность биофизиологических, психических и социальных возможностей индивида, реализуемых в условиях конкретно-исторической взаимозависимости (социальных отношений). Такое понимание задает логику понимания любого человека, в том числе ребенка, как субъекта и приводит к важности учета мнения ребенка о критериях его благополучия и о степени удовлетворенности ими. Это подразумевает и непосредственно поддержку, реабилитацию жизненных сил, и «благоустройство» жизненного пространства. Целостность осмысления проблемы субъективного детского благополучия обеспечивается тем, что учитывается характер взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства человека.

В зарубежной психологии и социологии благополучие часто рассматривают в связи со схожим конструктом — жизнеспособностью (resilience). Жизнеспособностью называют процесс эффективного взаимодействия субъекта с источниками стресса или травмы, адаптации к ним и/или их активного преодоления [Windle, 2011]. Некоторые авторы даже определяют благополучие через жизнеспособность, например, как «способность успешно участвовать в повседневной активности, которая считается значимой в данном культурном сообществе, проявляя при этом жизнеспособность и привнося нечто новое, а также настроение и чувства, возникающие от участия в такой активности» [Weisner, 1998]. Термин «благополучие» (в контексте «роста», или «увеличения» благополучия) в англоязычных странах — самая распространенная формулировка ожидаемых результатов социальных программ и проектов по укреплению жизнеспособности детей [Арчакова, 2016]. Следовательно, между субъективным благополучием всей детской популяции и детей, находящихся в тех или иных трудных жизненных ситуа-

циях, существуют количественные («чувствует себя более/менее благополучно»), но не качественные различия.

Подход к оценке благополучия с позиции прав детей демонстрирует различия между благополучием (субъективным и объективным) у детей и у взрослых. Дети имеют как равные со взрослыми, так и особые права, зафиксированные в Конвенции ООН о правах ребенка. На данный момент доминирует патерналистский подход к пониманию соотношения этих прав: «особые» права детей важнее «равных» (фактически они становятся обязанностями, как право на образование), а ребенок по умолчанию считается некомпетентным в принятии решений по поводу своей жизни. В результате исследования детского благополучия фокусируются на перспективе будущего (успешном прохождении нормативных этапов взросления) на микроуровне или на инвестициях в человеческий капитал — на макроуровне. Такой подход называют «инструментализацией детства» [Qvortrup, 1999] и критикуют за игнорирование субъективной перспективы ребенка «здесь и сейчас». Для дифференциации этих перспектив предлагаются понятия «благостановление» (well-becoming), сфокусированное на будущих результатах, и «общее благополучие» (total well-being) как совокупная мера «благостановления» и субъективного благополучия в настоящий момент [Ben-Arieh, 2006].

Способность детей отдавать себе отчет о своих переживаниях остается дискуссионным вопросом в сфере измерения субъективного благополучия, однако эмпирические исследования показывают, что компетентность в оценке благополучия лежит в зоне ближайшего развития детей [Garbarino et al., 1989], то есть дети способны успешно выполнять эту задачу, если взрослый использует инструменты, учитывающие особенности данной возрастной группы, а также оказывает поддержку в процессе. Есть данные и о том, что участие детей в концептуализации и измерении уровня их благополучия (в оценке социальных проектов, разработке новых услуг) само по себе является интервенцией, которая помогает улучшить отношения со взрослыми, повысить уверенность в себе, получить новые навыки, научиться ставить цели [Шамрова, Тихомирова, Подушкина, 2016].

Патерналистский подход подразумевает необходимость доказать, что ребенок способен дать выразить осознанное мнение об уровне своего благополучия. Но Комментарий общего характера к статье № 12 Конвенции ООН о правах ребенка [CRC, 2009] предлагает исходить из наличия такой способности у всех детей, независимо от их возраста или наличия проблем здоровья и развития, за счет:

- отказа от завышенных требований к пониманию обсуждаемой ситуации — достаточно, чтобы на основе понятной для ребенка информации он мог сделать выводы о желательном/нежелательном ходе событий;
- разработки инструментов, позволяющих выявлять мнение детей, не способных выразить его вербально (учитывающих язык тела и мимику, игру и рисунки), а также использующих формулировки и задания, дружественные детям.

Многообразие подходов к пониманию субъективного благополучия детей влияет на практику его измерения. Во-первых, плюрализм дает возможность выбора наиболее адекватной позиции с учетом культурной специфики региона, задач конкретной организации и характеристик изучаемой группы детей (например, работа с детьми раннего возраста «смещает» позицию исследователя к патерна-

листской). Во-вторых, любые взаимодействия с другими стейкхолдерами (например, администрацией образовательных или социальных учреждений, родителями, волонтерами) требует обязательного согласования теоретико-методологических и ценностных позиций.

Индексы детского благополучия как исследовательские и управленческие инструменты

Ключевые характеристики понятия «благополучие» — это многомерность (проявления в разных сферах жизни) и нормативность (опора на представления о «хорошем» и «плохом», соответствие общепринятому порядку или отклонение от него). Поэтому его можно использовать как концептуальную рамку и для фундаментальных исследований, и для нормативных оценок положения детей в сфере социальной политики [Sandin, 2013].

В международной практике используются индексы детского благополучия, отражающие уровень субъективного и объективного благополучия в разных сферах жизни. Сбор данных по показателям таких индексов в динамике позволяет проводить системный анализ качества жизни детей и принимать управленческие решения при внедрении политик, программ и услуг для поддержки детей и их семей.

В отличие от психометрических шкал, обладающих внутренней согласованностью в оценке измеряемого конструкта, индексы включают в себя показатели для измерения разнородных конструктов, объединенных концептуальной моделью. Отдельные шкалы индексов могут быть слабо связаны между собой (например, уровень грамотности и физическое здоровье), но все они вносят свой вклад в благополучие ребенка [Lee, 2014].

Большинство таких индексов объединяют показатели как объективного, так и субъективного благополучия: Индекс детского благополучия ЮНИСЕФ и ряд национальных индексов — Индекс детского благополучия (Child Well-Being Index) Фонда детского развития (США, 2004), проект «Развитие национальной системы индикаторов детского благополучия» (The Development of National Set of Child Well-Being Indicators, Ирландия). В 2010-х гг. появились индексы, сфокусированные только на субъективном благополучии, например, британский Индекс субъективного благополучия детей (An Index of Children's Subjective Well-Being), в разработке и апробации которого принимали активное участие сами дети.

Проблемой в разработке индексов благополучия является произвольность в выделении (и наименовании) оцениваемых сфер жизни и входящих в них показателей. Так, в работе [O'Hare, Gutierrez, 2012] по результатам анализа 19 исследований обнаружено 107 уникальных названий этих сфер. Ситуация усугубляется различиями в терминологии и используемых инструментах измерения, которые делают эти индексы несопоставимыми [Žukauskienė et al., 2015]. В отношении именно субъективного благополучия детей в статье [Ravens-Sieberer et al., 2014] выделяется 92 инструмента измерения его уровня и динамики, в которые входят 1 915 понятий, операционализирующих этот конструкт.

Индекс ЮНИСЕФ включает в себя шесть сфер: материальное благополучие, здоровье и безопасность, образование, отношения с родными и сверстниками, поведение и риски, субъективное благополучие. Показатели субъективного благо-

получая в нем либо оценивают обобщенное его переживание (доля детей, поставивших себе оценки «выше среднего» по Шкале удовлетворенности жизнью; доля детей, оценивших негативно собственное благополучие), либо дополняют субъективным самоотчетом объективные данные в сферах «Здоровье и безопасность» и «Образование» (доля детей, которые оценивают состояние своего здоровья не выше, чем «плохое» или «посредственное»; доля детей, «очень любящих школу»). В число 12 сфер оценки благополучия, которые были разработаны в ходе фокус-групп и анкетирования с подростками для Индекса субъективного благополучия детей, вошел более широкий спектр тем, включая «внешний вид» и «использование времени» [Rees, Goswami, Bradshaw, 2010]. Они не только отражают приоритеты детей, но и представляют собой определенный вызов лицам, принимающим решения, потому что на уровень удовлетворенности ими крайне сложно влиять (а инициативы «сверху» часто *уменьшают* количество свободного времени школьников и, следовательно, их удовлетворенность в сфере «использования времени»).

В России в данный момент нет официально принятого федерального или региональных индексов благополучия детей, но есть стратегические документы в сфере детства на федеральном уровне: Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 годы; План основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства. Мы проанализировали ожидаемые результаты от реализации мер, предложенных в этих документах.

Среди ожидаемых результатов Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы (общим количеством 63) только один результат по направлению «Доступность качественного обучения и воспитания, культурное развитие и информационная безопасность детей» в явном виде описывает изменение субъективного отношения детей к своей жизни: *«рост удовлетворенности обучающихся и их родителей условиями воспитания, обучения и развития детей в образовательных учреждениях»*¹.

Еще несколько результатов описывают направления работы, нацеленные на изменение субъективных переживаний детей, их интересов и мотивов (*«стимулирование интереса детей к историческому и культурному наследию России, многообразию культур...»*) или на объективную фиксацию (наблюдение) субъективного отношения (*«увеличение числа детей, демонстрирующих активную жизненную позицию, самостоятельность и творческую инициативу...»*)².

Интересно, что по направлению «Дети — участники реализации Национальной стратегии», в котором описаны меры по обеспечению права детей на участие в принятии решений, затрагивающих их интересы, ни один ожидаемый результат не относится к самим детям. Появление такого направления работы в Национальной стратегии было серьезным прорывом в признании субъектности ребенка, но итоги его реализации некоторые исследователи оценивают как «провал»: в четверть региональных стратегий, разработанных на основе Национальной, это направление на было включено, а многие меры по его реализации демонстрировали непонимание концепции «участия детей в принятии решений и учета мнения детей»

¹ Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 гг. (утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761) // Гарант.РФ. URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (последний доступ: 22.02.2020).

² Там же.

[Калабихина, 2015]. Эта неудача частично объясняется нехваткой практических инструментов для реального включения детей в работу по стратегии и ее мониторингу и, в частности, инструментов для оценки их субъективного благополучия [Калабихина, Кучмаева, 2016].

В Плате основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства, результаты сформулированы через призму изменения инфраструктуры детства: внедрения новых услуг или повышения доступности существующих, проведения исследований и методических разработок, повышения квалификации и расширения штата специалистов. Они описывают контекстуальные переменные благополучия: ресурсы социального окружения, с которыми ребенок взаимодействует в разных сферах жизни [Moore, Theokas, 2008]. С точки зрения социологической концепции жизненных сил, социальная и индивидуальная субъектность — равноправные составляющие, взаимодействующие с жизненным пространством, а жизненное пространство ребенка не может доминировать и рассматриваться в отрыве от субъектности ребенка.

Таким образом, результаты и показатели, связанные с субъективным благополучием ребенка, недостаточно применяются в российской практике как управленческие инструменты. В нашей стране в последние годы проведен ряд интересных академических исследований благополучия детей в организациях для детей-сирот [Русакова, Одинокова, Захарова, 2015; Ослон, 2018] и наработан опыт общественного мониторинга положения детей в этих организациях, но не создано единого инструментального подхода к определению благополучия детей в целом, и субъективного благополучия в частности.

Цель данной работы — обобщить опыт использования индекса (системы показателей) благополучия детей в рамках программы «Семья и дети» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко (далее — Фонд Тимченко). Опираясь на материал мониторинговых отчетов организаций-благополучателей Фонда, мы делаем выводы о практическом применении этих показателей и возможностях для их совершенствования. Также мы рассматриваем кейсы разработки инструментов для оценки субъективного благополучия детей.

Эмпирическая база

Эмпирической базой послужили данные мониторинга по программе «Семья и дети» Фонда Тимченко. Программа направлена на развитие потенциала систем профилактики и преодоления негативных последствий сиротства; она поддерживает социальные практики, направленные на помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, а также замещающим семьям и кровным семьям в кризисе.

В 2016—2018 гг. в рамках конкурса «Семейный фарватер» программа «Семья и дети» выявила и поддержала 69 организаций, реализующих практики с доказанной эффективностью, в 30 регионах РФ: из них 55 % (38 организаций) — социально ориентированные некоммерческие организации, 45 % (31 организация) — государственные организации. Эти организации получили финансовую и экспертную поддержку на трехлетний срок. В период с 2016 по 2019 гг. они в совокупности поддержали 15 592 детей и 10 767 семей.

В результате их деятельности за этот период:

- количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, переданных на семейные формы устройства, составило 699 детей;
- 247 детей возвращены в кровные семьи,
- предотвращен 731 случай отобрания (изъятия), отказов от детей в кровных семьях;
- предотвращено 294 случая отобрания (изъятия), отказов от детей в замещающих семьях;
- 5436 детей улучшили свое благополучие.

Показатели благополучия детей в программе «Семья и дети»

Все организации-участники программы «Семья и дети» используют единую форму мониторинга. В ней отражены непосредственные и социальные результаты, а также социальные эффекты работы. Под непосредственными результатами понимается все, что непосредственно производится в ходе деятельности, например, количество благополучателей или единиц оказанных им услуг. Социальные результаты — это позитивные изменения на уровне конкретных знаний и навыков, моделей поведения, социального статуса и др., которые происходят в жизни благополучателей в результате применения практики³.

Программа направлена на достижение следующих долгосрочных социальных результатов:

- увеличение числа детей, воспитываемых в семьях (кровных и принятых в замещающие семьи);
- уменьшение количества отобраний (изъятий), отказов от детей в кровных и замещающих семьях;
- улучшение благополучия детей и семей-участников программы;
- рост уровня готовности детей к самостоятельной жизни — они становятся полноценными гражданами, обеспечивающими благополучие общества.

При этом «улучшение благополучия» и «рост уровня готовности детей к самостоятельной жизни» относятся к социальным эффектам, то есть долгосрочным и системным изменениям, происходящим на базе социальных результатов. Очевидно, что само по себе семейное воспитание нельзя автоматически отождествлять с благополучием ребенка, а объективные показатели его благополучия не помогают понять его переживания, например, идентичности и самоощущения в новой семье.

В каждой практике понятие «благополучия» имеет конкретное прикладное определение, связанное именно со спецификой практики — ее «теорией изменений», деятельностью и цепочкой ожидаемых от деятельности результатов — а также с особенностями развития детей (возрастом, наличием особых потребностей и др.). Также организации могут самостоятельно операционализировать понятие «благополучие», выбирать и/или разрабатывать показатели и инструменты для сбора данных.

Практика Благотворительного фонда «Дети наши» направлена на работу с детьми школьного и подросткового возраста — воспитанниками интернатов — и их

³ Стандарт доказательности практик в сфере детства // Фонд Тимченко: Портал для специалистов сферы защиты детства. 2019. 6 ноября. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/2019/11/06/standart-dokazatelnosti-praktik> (последний доступ: 22.02.2020).

кровными родственниками. Благополучие детей в детско-родительских отношениях измеряется как «количество воспитанников, восстановивших отношения с кровными родителями или родственниками». «Восстановление отношений» подразумевает, что ребенок субъективно оценивает эти отношения как значимые и поддерживающие, а вред, невольно причиненный действиями или бездействием близких, считает заглаженным. При этом субъективное переживание «восстановленных отношений» может возникать при восстановлении общения с кровной семьей, при фактическом возврате ребенка в кровную семью и даже при организации «ритуала прощания», в ходе которого кровные родители признают свою неспособность позаботиться о ребенке, давая «благословение» на переход в приемную семью. В качестве инструмента для сбора данных используется глубинное интервью с детьми [Омельченко, 2016].

Контрастный пример — практика благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам», центр временного пребывания для матерей с детьми младенческого возраста. Хотя прямое выяснение мнения младенцев невозможно, не рекомендуется ограничивать учет мнения детей возрастными рамками [CRC, 2009], а в качестве источника данных можно использовать наблюдение за мимикой, игрой и др. В качестве показателя улучшения детско-родительских отношений измеряется «доля матерей, у которых произошли позитивные изменения (повышение оценки на 1 балл и более) во взаимодействии по параметрам: чувствительность, контроль и конфликт, предвосхищение, эмоциональное тепло, регуляция стресса». В качестве инструмента для сбора данных используется структурированное наблюдение по модели, адаптированной из программы «Зрелое родительство» (Mellow Parenting) [Puckering et al., 1996].

Разрабатывая определения благополучия ребенка в своих практиках, организации могут по разным соображениям акцентировать объективные или субъективные аспекты детского благополучия. Оптимальной стратегией является триангуляция источников информации, то есть сбор данных и об объективном (от специалистов, родителей и детей), и о субъективном благополучии.

Выбор показателей для измерения уровня благополучия детей

Одной из задач конкурса «Семейный фарватер» является повышение уровня организационного потенциала организаций в области мониторинга, измерения и оценки результатов. Поэтому система мониторинга дорабатывается в процессе реализации проекта. Показатели могут добавляться или исключаться с учетом их релевантности, необходимости/избыточности, доступности источников информации и наличия инструментария.

Организациям — участникам программы предлагаются стандартные показатели для измерения благополучия детей⁴:

Количество детей, улучшивших свое благополучие:

⁴ Подробнее о системе мониторинга программы «Семья и дети»: Методические рекомендации по заполнению формы мониторинга и приложений: Всероссийский конкурс «Семейный фарватер» // Фонд Тимченко. URL: http://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/10/Методические_Рекомендации_по_заполнению_формы_мониторинга.pdf (последний доступ: 16.02.2020); Определения показателей, методы и инструменты сбора данных по показателям социальных результатов. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/10/Методы-и-инструменты-сбора-данных.pdf> (последний доступ: 16.02.2020).

- в том числе улучшивших психическое состояние,
- в том числе улучшивших физическое состояние,
- в том числе повысивших уровень развития, навыков,
- в том числе улучшивших детско-родительские отношения,
- в том числе улучшивших показатели успеваемости.

Мы проанализировали частоту выбора каждого из показателей благополучия детей в системе мониторинга организаций — благополучателей конкурса «Семейный фарватер»: для организаций, получивших поддержку в 2016—2017 гг., и отдельно — для организаций, получивших поддержку в 2018 г., так как они при выборе показателей опирались на опыт предшественников (см. рис. 1, 2). В качестве источника данных использовались мониторинговые формы, в которых сотрудники этих организаций:

- указывают плановые значения выбранных ими стандартных показателей в начале отчетного года («план»);
- ежемесячно указывают количественные значения измеряемых ими стандартных показателей («факт»).

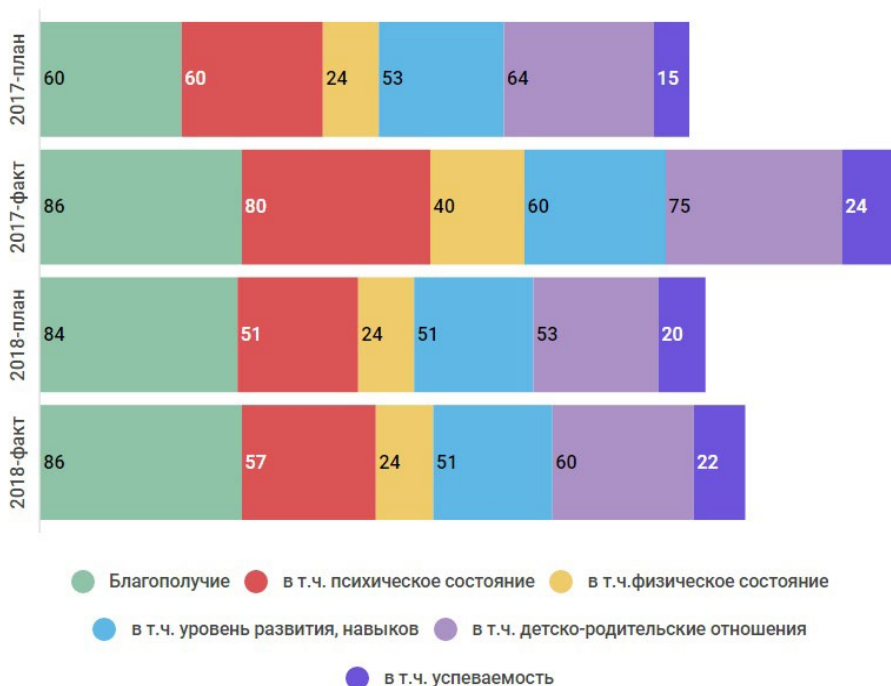

Рис. 1. Динамика использования показателей в практиках организаций-благополучателей конкурса «Семейный фарватер» в 2017—2018 гг. (%)⁵

⁵ Для каждого показателя указаны доли организаций, выбравших его для использования в системе мониторинга результатов своей практики в 2017 и 2018 гг. в качестве плановых показателей («план») и фактически отчитавшихся по ним («факт») (из 45 организаций, начавших получать поддержку по конкурсу «Семейный фарватер» в 2016 и 2017 гг.).

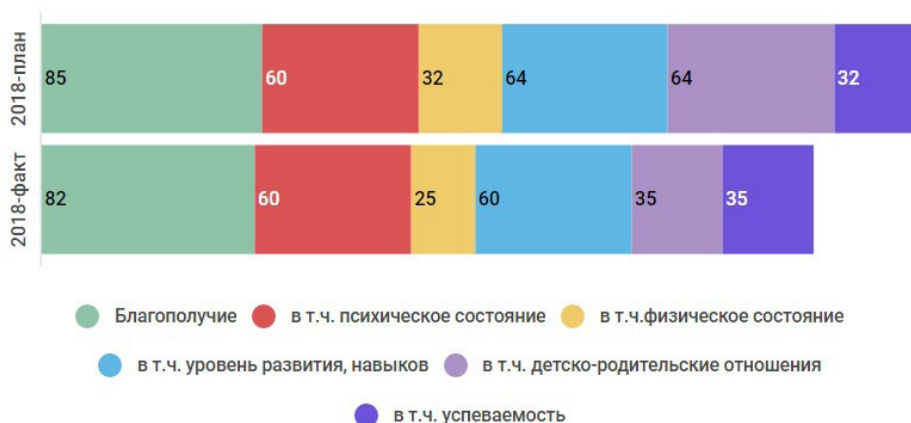

Рис. 2. Динамика использования показателей в практиках организаций-благополучателей конкурса «Семейный фарватер», получивших поддержку в 2018 г.⁶

«Психическое состояние», «развитие навыков» и «улучшение детско-родительских отношений» являются наиболее востребованными сферами для мониторинга результатов у организаций-благополучателей 2016—2017 гг. Количество организаций, фактически измерявших уровень психического благополучия и благополучия в детско-родительских отношениях, несколько превышает количество организаций, планировавших их измерять. Организации-благополучатели 2018 г. при сходной общей картине выбора показателей, наоборот, использовали показатель благополучия в детско-родительских отношениях в значительно меньшей доле случаев, чем планировали.

В ходе работы все организации отмечали значимость этих показателей для практики и находили инструменты измерения, однако при тщательном анализе требований к инструментарию по оценке детско-родительских отношений столкнулись с рядом проблем (большой трудоемкостью психологических методов диагностики; потребностью объединения перспектив родителя, ребенка и специалиста).

Показатели в сферах «психическое состояние», «развитие навыков» и «улучшение детско-родительских отношений» наиболее ярко отражают системную логику практик по решению проблемы социального сиротства: нормализация эмоционального состояния ребенка, оказавшегося вне кровной семьи и/или в кризисной ситуации, происходит вместе с улучшением детско-родительских отношений, одновременно и как одна из предпосылок, и как следствие такого улучшения. Это же относится и к уровню развития навыков: наиболее устойчиво они формируются в естественной среде, требующей частой практики применения и дающей положительное подкрепление.

Реже всего организации-благополучатели 2016—2017 гг. использовали показатели физического благополучия и успеваемости. Количество организаций,

⁶ Для каждого показателя указаны доли организаций, выбравших его для использования в системе мониторинга результатов своей практики в качестве плановых показателей («план») и фактически отчитавшихся по ним («факт») (из 28 организаций, начавших получать поддержку по конкурсу «Семейный фарватер» в 2018 г.).

фактически измерявших их уровень, меньше количества организаций, *планировавших* их измерять. Возможное объяснение — недостаточный уровень междисциплинарного и межведомственного взаимодействия, выстроенного вокруг практик «Семейного фарватера». Источниками данных об объективных аспектах физического благополучия и успеваемости выступают в первую очередь медицинские и образовательные организации, но на данный момент отсутствует единая платформа для обмена этими данными.

Однако у организаций-благополучателей 2016—2017 гг. доля использования этого показателя оказалась сравнительно высокой, и им удавалось собирать по нему данные даже чаще, чем это планировалось (32 % в планах, 35 % в фактических отчетах). Это связано с тем, что среди них есть образовательные организации (например, школы-интернаты). Реализация практик специалистами, внешними по отношению к образовательным организациям, связана с этической проблемой: спрашивая детей об их благополучии в школе и успехах в учебе, эти специалисты не имеют возможности как-либо влиять на ситуацию в образовательном учреждении.

Стоит отметить, что организации — участники конкурса «Семейный фарватер», признавая и декларируя актуальность и важность субъективного благополучия детей, пока не выходят на его измерение и цифровизацию. Все указанные показатели можно рассматривать и в объективном, и в субъективном аспекте, однако на данный момент организации измеряют их как объективные: психологическое состояние детей и качество детско-родительских отношений оцениваются не самими детьми, а специалистами (реже — другими взрослыми) при помощи опросников, стандартизированного наблюдения, экспертных заключений.

Этому может быть несколько причин. Во-первых, из подходов к пониманию прав детей [Hanson, 2008] для российской культуры более типичны подходы к защите детей с позиций патернализма и социального обеспечения, нежели с позиций эмансипации [Шмидт, 2011]. Поэтому субъектность ребенка, его собственное мнение и решения — это важный вопрос, но второстепенный по сравнению с вопросами защиты и обеспечения потребностей. Ребенок воспринимается с патерналистских позиций — как объект приложения благожелательных усилий [Гарифулина, 2017], но не как равноправный субъект: «особые» детские права (зафиксированные в Конвенции ООН о правах ребенка) приоритетнее «общих» прав [Purdy, 1992]. Также есть тенденция рассматривать благополучие через призму инвестиций в будущие перспективы, а не субъективной перспективы ребенка «здесь и сейчас» («инструментализация детства») [Qvortrup, 1999].

Во-вторых, малоразвита палитра «дружественных детям инструментов» для сбора данных по показателям субъективного благополучия. Организациям не удается найти в русскоязычной литературе инструменты для выяснения субъективного отношения детей к процессу и условиям своего взросления, к результатам оказанной им помощи, которые можно было бы сразу использовать или адаптировать для нужд их практики. Патернализм как доминирующая установка в социальной сфере приводит к «методологическому патернализму» [Поливанова, 2016] в возрастной психологии и других науках о детстве: большинство диагностических методик ориентированы на оценку соответствия уровня развития, физического

или эмоционального состояния детей установленным экспертами нормативам, то есть на измерение объективного благополучия. Поэтому специалисты-практики, работающие с детьми, вынуждены разрабатывать соответствующие инструменты самостоятельно. Это требует значительных трудозатрат и ресурсов (включая экспертную поддержку), которые практико-ориентированные организации, как правило, не могут привлечь без внешней помощи.

Опыт разработки инструментов для измерения благополучия детей: кейсы из практики

Для решения исследовательских задач по разработке и апробации инструментов для оценки субъективного благополучия детей с 2017 г. Фонд Тимченко проводит конкурс исследований с участием детей и молодых взрослых «Голос ребенка: дети как эксперты опыта». Конкурс направлен на развитие методологии и продвижение практики прикладных и оценочных исследований с участием детей и молодых взрослых в области профилактики социального сиротства, преодоления последствий социального сиротства и повышения уровня благополучия детей и молодых взрослых [Гарифулина, 2017]. Параллельная работа с темами благополучия детей и реализации права ребенка на участие в принятии значимых для него решений приводит к тому, что оба направления усиливают друг друга: выражение ребенком оценочного мнения о своем субъективном благополучии — одна из базовых форм участия.

Приведем примеры исследований, в которых удалось разработать эффективные инструменты для оценки субъективного благополучия детей и молодых взрослых с нарушениями развития разной степени тяжести.

Московская областная организация «Старшие братья Старшие сестры» совместно с благотворительным фондом «Расправь крылья!» на основе настольной психологической игры Гюнтера Хорна (для детей младшего и среднего школьного возраста) разработала игру для воспитанников и выпускников организаций для детей-сирот, обучающихся по программе 8 вида. Игра представляет собой набор карточек с утверждениями в отношении опыта сопровождения/наставничества или оценки своего благополучия, позитивных изменений в жизни. Также есть пустые карточки для предложений самих участников игры. Карточки раскладывают в мини-группах: их можно брать себе или предлагать товарищу, аргументируя, почему она подходит ему [Оськина, 2018]. Данные обрабатываются по аналогии с результатами фокус-группы: фиксируются ответы каждого ребенка и выделяются основные темы, способствующие или препятствующие переживаниям благополучия в отношениях с наставником у всех участников проекта. Помимо выводов об уровне благополучия детей на их основе принимаются методические и управленческие решения.

Центр содействия семейному воспитанию «Вера. Надежда. Любовь», работающий с детьми, имеющими тяжелые множественные нарушения развития, разработал «Карты предпочтений» воспитанников [Романова, 2017]. С их помощью постоянно ухаживающий взрослый отслеживает реакции ребенка с глубокой умственной отсталостью (не способного к вербальному или знаковому общению) к тому, что окружает его в быту: к пище, помещениям, играм и режиму дня. Структурированное

наблюдение ведется по нескольким компонентам, в каждом из которых выделены признаки позитивных и негативных реакций. Так, при приеме пищи можно оценить физиологический компонент (примером позитивной реакции на данный вкус и текстуру блюда будет «ровное дыхание»); эмоциональный компонент («спокойный, расслабленный взгляд, глаза не двигаются»); телесный (двигательный) компонент («оральная демонстрация принятия пищи: открывает рот, произвольно размыкает губы и зубы...»); социальный компонент («на фоне эмоционального вокального (вербального) сопровождения со стороны взрослого негативные реакции в процессе приема пищи подавляются»); когнитивный компонент («фиксирует взгляд на посуде с пищей, следит за движениями кормящего взрослого») и вокальный компонент («непроизвольная интонационно окрашенная голосовая активность (позитивные вокализмы)'). Данные по каждому ребенку вносятся в цифровую базу, что позволяет отслеживать уровень благополучия — как позитивных реакций на определенные блюда, активности, места — в динамике, а также выделять устойчивые предпочтения ребенка и удовлетворять их, повышая уровень благополучия.

Выводы

Опыт Фонда Тимченко показывает, что в рамках масштабных социальных программ возможна разработка собственного индекса (системы показателей) благополучия детей, который соответствует методологии международных индексов: учитывает субъективный аспект благополучия детей, а также предлагает баланс между субъективными и объективными метриками благополучия, между благополучием детей «здесь и теперь» и готовностью к самостоятельной взрослой жизни. Данная разработка не претендует на универсальность, однако дает возможность для тестирования моделей и инструментов оценки субъективного благополучия в реальных условиях, помогает в принятии управленческих решений, то есть работает и как исследовательский, и как управленческий инструмент.

Социальные результаты, отражающие аспекты благополучия в разных сферах жизни, а также инструменты для их измерения не только разрабатываются, но и проходят своего рода проверку и отсев. Движущей силой такого отсева является не только совершенствование проектной логики социальных практик, но и практические соображения — простота и экономичность в использовании, информативность для принятия управленческих решений, учет этического аспекта.

Система мониторинга программы «Семья и дети» Фонда Тимченко предлагает организациям-благополучателям результат «Улучшение благополучия детей и семей — участников Программы», который конкретизируется в пяти обобщенных показателях («Количество детей, у которых повышен уровень благополучия, в том числе психического состояния / физического состояния / уровня развития, навыков / детско-родительских отношений / успеваемости»). Это является ее сильной стороной и задает рамку, позволяющую объединить данные о динамике благополучия разных социальных и возрастных групп детей-благополучателей разных практик. Собственная трактовка того или иного показателя конструируется внутри каждой организации за счет выбора и/или разработки инструментов и процедур для сбора данных. Проблемным здесь является вопрос о правомерности объединения этих данных, полученных разными способами на разных группах детей.

В рамках программы «Семья и дети» эта проблема решается за счет создания и функционирования профессионального сообщества: проводятся образовательные (семинары, мастер-классы, зарубежные стажировки) и делиберативные (обмен опытом, экспертные дискуссии) мероприятия, в ходе которых участники сообщества совместно конструируют представления о благополучии детей. Таким образом, трансляция опыта программы возможна при условии развития профессиональных компетенций специалистов сферы детства и создании площадок для профессиональных дискуссий.

Еще одно ограничение данной системы мониторинга благополучия заключается в ориентации на детей, затронутых проблемами семейного неблагополучия и/или социального сиротства, а не на детское население в целом. Хотя формулировки показателей достаточно универсальны, при их уточнении и выборе инструментов сбора данных все организации — пользователи системы мониторинга программы «Семья и дети» ориентируются не на нормативную, а на «восстановительную» (restorative) модель благополучия [Lent, 2004]. В фокусе внимания — возможности и ресурсы для благополучного развития под влиянием неблагоприятных внешних обстоятельств и в процессе их преодоления, поэтому основное внимание уделяется ослаблению нежелательных состояний и симптомов, когнитивным и поведенческим копинг-стратегиям детей, а также доступной им социальной поддержке и ресурсам.

Полученный опыт можно использовать при разработке федеральных или региональных стратегий развития, а также при адаптации международных индексов детского благополучия. Для этого важно выявлять и анализировать прикладные низовые инициативы по измерению и/или повышению уровня субъективного благополучия детей, существующие в нашей стране, чтобы выстраивать «теории среднего уровня», способные связать конкретные полевые/проектные данные с общей концепцией благополучия и опирающимися на нее государственными инициативами [Шанин, 2005].

Важно учитывать межведомственные барьеры в обмене данными, которые проявляются на всех уровнях работы, а также социокультурную специфику отношения к субъектной позиции ребенка, которая влияет даже на работу специалистов, разделяющих ценность права ребенка на выражение мнения и участие в принятии значимых решений. Чтобы «поворот» к субъективному благополучию не встречал сопротивления, полезно использовать триангуляцию, учитывая также оценки взрослых (родителей и специалистов).

Список литературы (References)

Арчакова Т. О. Жизнеспособность и жизнестойкость детей и подростков из неблагополучных семей // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М. : Институт психологии РАН, 2016. С. 312—325.

Archakova T. O. (2016) Resilience and Viability of Children and Adolescents from Adverse Families. In: Makhnach A. V., Dikaya L. G. (eds.) *Human Resilience: Individual, Professional and Social Aspects*. Moscow: Russian Academy of Science, Institute of Psychology. P. 312—325. (In Russ.)

Гарифулина Э. Подходы к учету мнения ребенка при принятии решений, затрагивающих его интересы. Презентация к вебинару «Подходы к учету мнения ребенка при принятии решений, затрагивающих его интересы при организации защиты прав детей, в том числе специалистами органов опеки и попечительства». М. : МГППУ, 2017. URL: <http://мониторингнсид.рф/resources/conferencematerials/45/GarifulinaES.pdf> (последний доступ: 16.02.2020).

Garifulina E. (2017) Approaches to Consider Child's Views in Decision-Making in His/Her Interests. Presentation for Webinar "Approaches to Consider Child's Views in Decision-Making in His/Her Interests in the Field of Child Protection Including Child Protection State Agencies. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. URL: <http://мониторингнсид.рф/resources/conferencematerials/45/GarifulinaES.pdf> (accessed: 16.02.2020). (In Russ.)

Григорьев С. И., Демина Л. Д., Растов Ю. Е. Жизненные силы человека. Барнаул : Алтайский государственный университет, 1996.

Grigoriev S. I., Demina L. D., Rastov Yu. E. (1996) Human Vitality. Barnaul: Altai State University. (In Russ.)

Гуслякова Л. Г., Григорьев С. И. Социология для социальной работы. М. : Магистр-Пресс, 2002.

Guslyakova L. G., Grigoriev S. I. (2002) Sociology for Social Work. Moscow: Magistr-Press. (In Russ.)

Калабихина И. Е. О реализации Национальной стратегии действий в интересах детей // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 6. С. 58—80.

Kalabikhina I. E. (2015) The Implementation of the National Strategy for Action on Children. *The Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*. No. 6. P. 58—80. (In Russ.)

Калабихина И. Е., Кучмаева О. В. Проблемы и перспективы мониторинга участия детей в реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 гг.» // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 507—520.

Kalabikhina I. E., Kuchmaeva O. V. (2016) The Challenges and Future Prospects for Monitoring Children's Participation in "The National Strategy for Action in the Interests of Children 2012—2017". *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 14. No. 4. P. 507—520. (In Russ.)

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. Т. 1. М. : Педагогика, 1983.

Leontiev A. N. (1983) Selected Works in Psychology: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)

Омельченко А. С. Критерии выбора случая для работы по восстановлению отношений воспитанников учреждений для детей-сирот с кровными семьями и распределение обязанностей специалистов проекта // Работа с кровной семьей воспитанников учреждений для детей-сирот и профилактика социального си-

ротства. Опыт Смоленской и Вологодской областей: сборник статей / под ред. А. С. Омельченко. М. ; Смоленск : Благотворительный фонд «Дети наши», 2017. С. 25—32. URL: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2017/09/Sirotly2_site.pdf#page=12 (последний доступ: 16.02.2020).

Omelchenko A. S. (2017) The Selection Criteria for Work on Family Reunification Cases in Orphanages, and Professionals' Involvement in These Cases. In: Omelchenko A. S. (ed.) *Work with Birth Families of Children Living in Orphanages and Prevention of Social Orphanhood. The Experience of Smolensk and Vologda Regions*. Moscow; Smolensk: Charity Foundation "Our Children". P. 25—32. URL: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2017/09/Sirotly2_site.pdf#page=12 (accessed: 16.02.2020). (In Russ.)

Оськина Е. Разработка инструментария для оценки влияния программы наставничества на благополучие детей, участников программы наставничества, имеющих легкую степень умственной отсталости, непосредственно из опыта благополучателей. Презентация к вебинару «Методы сбора данных — 2» (29 мая 2018). М. : АНО «Эволюция и филантропия», 2018. URL: https://ep.org.ru/wp-content/uploads/2018/05/презентация-для-вебинара_Е.Оськина.pdf (последний доступ: 16.02.2020).

Oskina E. (2018) Development of Instruments for Evaluation of Mentoring Program Impact on Children with Mild Intellectual Disabilities Basing on Their Subjective Experience. Presentation for webinar "Methods of Data Collection — 2" (May 29, 2018). Moscow: Evolution and Philanthropy. URL: https://ep.org.ru/wp-content/uploads/2018/05/презентация-для-вебинара_Е.Оськина.pdf (accessed: 16.02.2020). (In Russ.)

Ослон В. Н. Модель оценки субъективного благополучия воспитанников организаций для детей-сирот // Культурно-исторический подход в современной психологии развития: достижения, проблемы, перспективы / под ред. И. В. Шаповаленко, Л. И. Элькопинова, Ю. А. Кочетова. М. : МГППУ, 2018. С. 306—310.

Oslon V. N. (2018) A Model of Subjective Well-Being Evaluation of Children Living in Residential Care Settings. In: Shapovalenko I. V., Elkoninova L. I., Kochetova Yu. A. (eds.) *Cultural-Historical Approach in Contemporary Developmental Psychology: Achievements, Issues, Perspectives*. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. P. 306—310. (In Russ.)

Поливанова К. Н. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 5—10. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>.

Polivanova K. N. (2016) Childhood in a Changing World. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 5. No. 2. P. 5—10. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>. (In Russ.)

Романова Е. А. Участие детей с выраженными нарушениями развития в проектирование их индивидуального маршрута развития. Презентация на Всероссийском сетевом форуме с международным участием «Национальная стратегия действий в интересах детей: навстречу Десятилетию детства». М. : МГППУ, 2017. URL: <http://мониторингнсид.пф/resources/conferencematerials/39/platform4/RomanovaEA.pdf> (последний доступ: 16.02.2020).

Romanova E. A. (2017) Participation of Children with Severe Developmental Disabilities in Designing their Individual Support Plans. Presentation at the All-Russian Network

Forum with International Participation “National Strategy for Action on Children: Towards the Decade of Childhood”. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. URL: <http://мониторингнсид.рф/resources/conferencematerials/39/platform4/RomanovaEA.pdf> (accessed: 16.02.2020). (In Russ.)

Русакова М. М., Одинокова В. А., Захарова Ю. П. Благополучие и соблюдение прав детей-сирот: руководство по проведению опроса детей и отчет о пилотном исследовании. СПб. : Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит», 2015. URL: <http://ngostellit.ru/wp-content/uploads/2018/07/blagopolucie-detei-sirot.pdf> (последний доступ: 16.02.2020).

Rusakova M. M., Odinokova V. A., Zakharova Yu. P. (2015) Well-Being and Respect of Rights of Orphans: A Guide to Interviewing Children and a Pilot Study Report. Saint Petersburg: Regional Public Organization of Social Projects for Well-Being of the Population “Stellit”. URL: <http://ngostellit.ru/wp-content/uploads/2018/07/blagopolucie-detei-sirot.pdf> (accessed: 16.02.2020). (In Russ.)

Шамрова Д. П., Тихомирова А. В., Подушкина Т. Г. Системный анализ доказательств влияния участия детей в оценке социальных программ на их психологическое развитие // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 39—50. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050205>.

Shamrova D. P., Tikhomirova A. V., Podushkina T. G. (2016) System Analysis of Evidences of the Impact of Child Involvement in Evaluating Social Programs on Their Psychological Development. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 5. No. 2. P. 39—50. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050205>. (In Russ.)

Шанин Т. Джеймс Скотт и социология смысла // Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М. : Университетская книга, 2005. С. 1—8.

Shanin T. (2005) James Scott and Sociology of Meaning. In: Scott J. C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Moscow: Universitetskaya kniga. P. 1—8. (In Russ.)

Шмидт В. Р. Дилемма безопасности ребенка — частная жизнь семьи как продукт формации дискурсов защиты детей // Социальная политика и социология. 2011. № 7 (73). С. 146—165.

Schmidt V. R. (2011) Dilemma of Child Safety: Family Private Life as a Product of Child Protection Discourses. *Social Policy and Sociology*. No. 7 (73). P. 146—165. (In Russ.)

Ben-Arieh A. (2006) Measuring and Monitoring the Well-Being of Young Children around the World. Background Paper Prepared for the Education for All Global Monitoring Report 2007 “Strong Foundations: Early Childhood Care and Education”. Paris: United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000147444> (accessed: 15.02.2020).

CRC (2009) General Comment No. 12. The Right of the Child to be Heard. Geneva: Committee on the Rights of the Child. URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/crc/docs/AdvanceVersions/CRC-C-GC-12.pdf> (accessed: 15.02.2020).

- Garbarino J., Stott F. M., Faculty of the Erikson Institute (1989) *What Children Can Tell Us*. San Francisco, CA: Jossey — Bass.
- Hanson K. (2008) Schools of Thought in Children's Rights Studies. In: Liebel M., Hanson K., Saadi I., Vandenhoe W. *Children's Rights from Below: Cross-Cultural Perspectives*. London; New York: Palgrave Macmillan. P. 63—79. https://doi.org/10.1057/9780230361843_5.
- Lee B. J. (2014) Mapping Domains and Indicators of Children's Well-Being. In: Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. E. (eds.) *Handbook of Child Well-Being: Theories, Methods and Policies in Global Perspective*. Dordrecht: Springer. P. 2797—2805. https://doi.org/10.1007/978-90-481-9063-8_137.
- Lent R. W. (2004) Toward a Unifying Theoretical and Practical Perspective on Wellbeing and Psychosocial Adjustment. *Journal of Counseling Psychology*. Vol. 51. No. 4. P. 482—509. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.51.4.482>.
- Moore K. A., Theokas C. (2008) Conceptualizing a Monitoring System for Indicators in Middle Childhood. *Child Indicators Research*. Vol. 1. No. 2. P. 109—128. <https://doi.org/10.1007/s12187-008-9011-9>.
- O'Hare W.P., Gutierrez F. (2012) The Use of Domains in Constructing a Comprehensive Composite Index of Child Well-Being. *Child Indicators Research*. Vol. 5. No. 4. P. 609—629. <https://doi.org/10.1007/s12187-012-9138-6>.
- Puckering C., Evans J., Maddox H., Mills M., Cox A. D. (1996) Taking Control: A Single Case Study of Mellow Parenting. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 1. No. 4. P. 539—550. <https://doi.org/10.1177/1359104596014006>.
- Purdy L. M. (1992) *In Their Best Interest? The Case against Equal Rights for Children*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Qvortrup J. (1999) The Meaning of Child's Standard of Living. In: Andrews A. B., Kaufman N. H. (eds.) *Implementing the UN Convention on the Rights of the Child: A Standard of Living Adequate for Development*. Westport, CT: Praeger. P. 47—57.
- Ravens-Sieberer U., Devine J., Bevans K., Riley A. W., Moon J. H., Salsman J. M., Forrest C. B. (2014) Subjective Well-Being Measures for Children Were Developed within the PROMIS Project: Presentation of First Results. *Journal of Clinical Epidemiology*. Vol. 67. No. 2. P. 207—218. <https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2013.08.018>.
- Rees G., Goswami H., Bradshaw J. (2010) *Developing an Index of Children's Subjective Well-Being in England*. London: The Children's Society. URL: https://www.childrensociety.org.uk/sites/default/files/tcs/research_docs/Developing%20an%20Index%20of%20Children%27s%20Subjective%20Well-being%20in%20England_0.pdf (accessed: 15.02.2020).
- Sandin B. (2013) History of Children's Well-Being. In: Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. E. (eds.) *Handbook of Child Well-Being: Theory, Indicators, Measures and Policies*. Dordrecht: Springer. P. 31—86.

UNICEF Spain (2012) Children's Well-Being from Their Own Point of View. What Affects the Children's Well-Being in the First Year of Compulsory Secondary Education in Spain? Madrid: UNICEF Spain. URL: https://www.unicef.es/sites/unicef.es/files/Childrens_subjective_well-being_Unicef_feb13.pdf (accessed: 15.02.2020).

Weisner T. S. (1998) Human Development, Child Well-Being, and the Cultural Project of Development. *New Directions for Child and Adolescent Development*. No. 80. P. 69—85. <https://doi.org/10.1002/cd.23219988006>.

Windle G. (2011) What is Resilience? A Review and Concept Analysis. *Reviews in Clinical Gerontology*. Vol. 21. No. 2. P. 152—169. <https://doi.org/10.1017/s0959259810000420>.

Žukauskienė R., Kanišonytė G., Truskauskaitė-Kunevičienė I., Malinauskienė O. (2015) Systematic Review of the Measurement Properties of Questionnaires for the Measurement of the Well-Being of Children and Adolescents. *Social Inquiry into Well-Being*. Vol. 1. No. 1. P. 40—75. <https://doi.org/10.13165/SIIW-15-1-1-03>.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.12

Правильная ссылка на статью:

Сибирев В. А., Головин Н. А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296—315. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>.

For citation:

Sibirev V. A., Golovin N. A. (2020) Intergenerational Differences in Life Satisfaction and a Feeling of Happiness in Russia (Based on the European Social Survey Data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 296—315. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>.

В. А. Сибирев, Н. А. Головин
МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ
ЖИЗНЬЮ И ЧУВСТВЕ СЧАСТЬЯ В РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ
В УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ
И ЧУВСТВЕ СЧАСТЬЯ В РОССИИ (НА
МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИ-
АЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

INTERGENERATIONAL DIFFERENCES IN
LIFE SATISFACTION AND A FEELING OF
HAPPINESS IN RUSSIA (BASED ON THE
EUROPEAN SOCIAL SURVEY DATA)

СИБИРЕВ Владимир Анатольевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: v.sibirev@spbu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2678-7214>

Vladimir A. SIBIREV¹ — Cand. Sci. (Economics), Assistant Professor at the Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology
E-MAIL: v.sibirev@spbu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2678-7214>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ГОЛОВИН Николай Александрович — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: n.golovin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3595-2349>

Nikolay A. GOLOVIN¹ — Dr. Sci. (Sociol.), Professor at the Department of History and Theory of Sociology

E-MAIL: n.golovin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3595-2349>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Проводится дифференциация опыта социализации в молодости четырех условных поколений, а также разделение эффектов социализации, связанных с принадлежностью к определенной совокупности возрастных групп и факторов исторического периода. Используются наиболее полные по сравнению с другими исследованиями эмпирические данные о показателях счастья и удовлетворенности жизнью в России из Европейского социального исследования — сравнительного межстранового мониторинга. К ним применяются количественные методы регрессионного анализа пространственно-временных выборок. Полученные результаты сопоставляются с итогами исследования субъективного благополучия и счастья, проведенного Лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ на основе данных Всемирного мониторинга ценностей; а также с итогами Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ; данными ВЦИОМ и других исследований, что повышает надежность полученных результатов. Поколения X (кризисная социализация) и Y (вторичная социализация в 2000—2014 гг.), а также предположительно формирующееся поколение Z (молодежь, вторичная социализация которой приходится на политически знаменательный 2014 г. и последующие) взрослеют

Abstract. The article differentiates socialization experiences of young individuals belonging to four different generations and makes distinctions between socialization effects related to a set of age groups and factors of a particular historical period. The paper is based on the most complete empirical evidence describing happiness and life satisfaction levels in Russia drawn from ESS, a comparative cross-national survey, and uses regression analysis of spatial-temporal data. The findings obtained are compared with (1) the results of a study on subjective well-being carried out by the HSE Laboratory for Comparative Social Research which uses the World Values Survey data; (2) the results of HSE Monitoring of Economic and Health Situation in Russia; (3) the VCIOM data, and other studies thus enhancing reliability of the obtained results. Generations X (socialization in a crisis context) and Y (secondary socialization in the 2004-2014 period) and Generation Z which is admittedly in the making (their secondary socialization falls on 2014, a politically remarkable year, and the years that followed) are growing up in another social, economic and political reality affecting inter se differences in happiness and life satisfaction levels. The study investigates the state of happiness and its relationship both with social status characteristics of a respondent (education, income level, family) and respond-

в разных социальных, экономических и политических условиях, что влияет на различия между ними в показателях счастья и удовлетворенности жизнью. Раскрыта и проиллюстрирована связь состояния счастья как с социально-статусными признаками респондентов (уровень образования, доход, семья), так и с принадлежностью к условному поколению. На фоне более высоких показателей счастья молодежи, чем у старших возрастных групп, ее неудовлетворенность от не вполне реализованных социальных ожиданий возрастает. Обоснован вывод о том, что чувство недовольства в российском обществе будет нарастать.

Ключевые слова: молодежь, поколение, счастье, удовлетворенность жизнью, APC-Analysis, общественные изменения, российское общество, поколенческий анализ, ,

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг».

Введение

На наш взгляд, важнейший индикатор общественного благополучия — уровень счастья. Это более значимый показатель состояния общества, чем доход или уровень ВВП на душу населения. Материальный достаток — далеко не все, что обуславливает состояние счастья. Богатство само по себе не делает человека ни счастливым, ни несчастным. Счастье имеет несколько важнейших детерминант: социальный статус, занятость и материальное благополучие, уровень образования, физическое здоровье и возраст [Козырева, Низамова, Смирнов, 2015]. Счастье — эмоциональная оценка своего жизненного положения, а удовлетворенность жизнью — рациональная. Оба показателя — интегральные характеристики благополучия общества, которые в России имеют не только возрастные особенности, но и поколенческие [Латова, 2016]. Поколенческие особенности

ent's belonging to a generation. The discontent of young people, who show higher levels of happiness compared to other groups, about unrealized social expectations is growing. Thus, the authors conclude that a feeling of discontent in the Russian society will be rising.

Keywords: youth, generation, happiness, life satisfaction, APC-Analysis, social change, Russian society, generational analysis, ,

Acknowledgments. The article is part of “Challenges of the welfare state transformation in Russia: institutional changes, social investment, and digitalization of social services” project (no. 19-18-00246) supported by the Russian Science Foundation.

наблюдаются не во всех странах. Так, в странах Западной Европы благодаря устойчивому и непрерывному экономическому росту в условиях либеральной демократии последним поколением, обладающим поколенческим сознанием, считается поколение 1968 г., — поколение протестных молодежных движений конца 1960-х. В странах Восточной Европы (в том числе в восточных федеральных землях Германии) в 1990-х годах произошла смена общественных систем, и есть достаточные основания для различения поколений. В отношении России лучше говорить и писать об условных поколениях, так как однозначно зафиксировать поколенческое сознание удастся лишь у интеллигенции 1960-х гг. (поколение шестидесятых) [Алексеева, 2006].

В российской социологии вышеописанные вопросы активно обсуждаются, но практически отсутствуют исследования, в которых бы анализировались различия в оценке удовлетворенности жизнью и счастья между возрастными группами. В исследованиях показателей счастья и субъективного благополучия наименее изученными остаются самые молодые возрастные группы. Целью данной работы является определение различий в значимости детерминант счастья разных поколений российского общества, а также оценка влияния различных факторов на субъективную оценку благополучия в условиях относительной стабилизации российского общества в начале XXI века.

Статья опирается на данные Европейского социального исследования (далее — ESS) за 2006—2016 гг. по России. Для выявления межпоколенческих различий субъективного благополучия применяются методы Age — Period — Cohort Analysis (APC-Analysis). Для оценки влияния на субъективное благополучие различных социально-статусных признаков респондентов (уровень образования, доход, семья и т. д.) используется метод регрессионного анализа.

В первом разделе изложены теоретические подходы к измерению названных характеристик, дается оценка факторов, влияющих на него. Кроме того, принята попытка дифференциации условных поколений российского общества с учетом различных точек зрения, существующих в социологической литературе. В следующем разделе охарактеризованы используемые данные и методы исследования. Затем приводятся когортные и возрастные различия в уровне субъективного благополучия (счастья и удовлетворенности жизнью) с акцентом на молодое поколение и описываются факторы, влияющие на него. Завершают статью обсуждение основных выводов исследования и заключение.

Теоретические и эмпирические основы исследования межпоколенческих различий в степени счастья и удовлетворенности жизнью

Важным показателем благополучия является его субъективная оценка (subjective well-being), включающая когнитивную и эмоциональную составляющие. Уровень субъективного благополучия можно определить, ориентируясь на объективные показатели: реальные доходы, уровень развития социальной инфраструктуры и проч. Зависимость между объективными и субъективными показателями имеет место, но носит неоднозначный характер: не всегда «в деньгах счастье».

Счастье и его показатели являются предметом междисциплинарного изучения. В данном исследовании динамики счастья разных поколений используются

данные Европейского социального исследования (далее — ESS) — межстранового сравнительного социально-научного проекта, в котором с 2006 г. участвует Россия¹. В 2019 г. доступны для анализа данные девяти волн, в шести из которых представлено российское общество. При этом ESS является наиболее полным собранием данных о России в контексте сравнения с европейской динамикой. Оно охватывает продолжительный период времени, а его данные дифференцированы с шагом в два года, что пригодно для использования когортного анализа данных. Одно из направлений ESS — мониторинг счастья, субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, качества жизни.

Среди других мониторинговых опросов и индексов, оценивающих удовлетворенность жизнью в странах мира, можно отметить «Всемирное исследование ценностей»² с 1981 г., «Международный индекс счастья»³ с 2006 г., «Индекс лучшей жизни»⁴, рассчитываемый с 2011 г.

Несмотря на то, что проблемы оценки уровня и динамики уровня счастья, а также других показателей субъективного благополучия россиян находятся в центре внимания социологов, динамика межпоколенческих различий изучена мало. В связи с этим следует отметить работы Э. Понарина с соавторами [Ponarin, Komin, 2018; Foa, Inglehart, Ponarin, Karabchuk, 2018], в которых предпринята попытка анализа когортных и возрастных различий счастья и удовлетворенности жизнью в России по материалам Всемирного исследования ценностей и Европейского исследования ценностей, содержащих информацию о трендах счастья и удовлетворенности жизнью с 1990 по 2017 годы. Тем не менее поколенческий анализ в вышеупомянутых исследованиях не проводился.

При выделении поколений российского общества особенно важны 1985 (начало общесистемного кризиса) и 2000 гг. (выход из кризиса), рассматриваемые как переломные в новейшей истории страны и общества. Наличие «поворотов истории» — необходимое, но недостаточное условие формирования общественных поколений. Из исследований политической социализации, восходящих к В. Дильтею (1833—1911) и К. Мангейму (1893—1947), известно, что в общественно-политическом отношении вторичная социализация является определяющей для формирования социальных поколений общества. Чтобы появилось реальное поколение как общность, необходимы два условия: (1) общий опыт социализации в молодости (в так называемые формативные годы), который в случае «смены времен» будет различен у разных возрастных групп; (2) общая идентичность поколения, то есть символическое отграничение поколения от других возрастных и иных общностей, которое реализуется в общественной коммуникации и признается обществом, например — военное поколение. В случае недостаточных оснований для констатации второго условия можно говорить лишь об условных, а не о реальных поколениях. При таких критериях, а также с учетом разнообразия точек зрения в социологической литературе по данному вопросу [Радаев, 2019] и отсутствия

¹ Европейское социальное исследование в России // Институт сравнительных социальных исследований «CESSI». URL: <http://www.ess-ru.ru> (последний доступ: 20.02.2020).

² Online Data Analysis. *World Values Survey*. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed: 20.02.2020).

³ Happy Planet Index. URL: <http://www.happyplanetindex.org> (accessed: 20.02.2020).

⁴ OECD Better Life Index. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/life-satisfaction-ru> (accessed: 20.02.2020).

самоидентификации поколений, ниже мы представляем четыре условных поколения, молодость которых пришлось на разные периоды новейшей истории страны.

1. *Советское поколение* (старшие возрастные группы 1964 г. рождения и ранее) пережило кризис 1990-х годов во взрослом возрасте (в 2016 г. — последний год сбора эмпирических данных, которым располагает ESS, — им уже 56 лет и более). У большинства таких граждан в определенной степени все еще сохраняется советская идентичность [Гудков, Дубин, Зоркая, 2008] в смысле К. Мангейма [Мангейм, 1998]. Примечательно, что исследовательский проект Ю. Левады «Советский простой человек», начатый в 1989 г., уже завершен [Советский простой человек..., 1993]. В данном исследовании специальное наименование данных возрастных групп, включающих молодежь советского времени, не дается. Наряду с советским поколением в новых исторических условиях можно различать и другие возрастные совокупности годовичных когорт.

2. *Поколение X* — реформенное поколение, его период интенсивной вторичной социализации в молодости (возраст 20 лет) пришелся на системный кризис советского общества конца 1980-х — 1990-х гг., хотя у него не удастся выявить, судя по исследованиям, особую кризисную самоидентификацию. Благодаря ясной возрастной группировке молодежи в системе школьного образования к данному условному поколению можно отнести годовичные когорты 1965—1980 гг. рождения. В 2016 г. они достигли возраста 36—51 года и перешли в среднюю возрастную группу. Данная возрастная совокупность представляет собой молодежь поколения кризиса 1990-х гг. Они не принадлежат к советскому поколению, поскольку вошли в жизнь в годы перестройки и дальнейших общественных реформ.

3. *Поколение Y* — более поздние по году рождения совокупности возрастных когорт 1981—1994 гг. рождения, детство которых все еще приходится на кризисную смену общественной системы, а молодость — уже на относительно стабильные 2000-е годы. Данная совокупность возрастных групп — молодежь периода относительной стабилизации российского общества. В 2016 г. им исполнилось 20—35 лет.

4. Те возрастные группы, чей 20-летний возраст приходится на в определенной степени переломный в политическом отношении 2014 г. и последующие, ниже обозначены *поколением Z*. Его возрастные когорты родились в 1995 году и позже. Поколение Z отличается от других возрастных групп прежде всего социализацией в условиях стабилизации общества. Они другие. В этой связи стоит упомянуть исследование, исследованных по заказу Сбербанка «30 фактов о современной молодежи»⁵. В данном случае допущение о формировании поколения Z позволяет проверить, отличаются ли показатели счастья и удовлетворенности жизнью у возрастных групп, вступивших в молодость после знаменательного в политическом отношении 2014 г., от таковых у других поколений (ср.: [Радаев, 2019]).

Здесь уместно отметить, что понятия поколений X, Y и Z уже вошли в мейнстрим социологии. Они содержатся в классификации поколений, разработанной применительно к США в 1991 г. американскими учеными — демографом Нейлом Хоувом и историком Вильямом Шрауссом [Howe, Srauss, 1991, 2000]. Эти термины

⁵ 30 фактов о современной молодежи // Сбербанк. 2017. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (последний доступ: 20.02.2020).

в некоторой степени заменяют соответствующую самоидентификацию поколений и направлены на установление межпоколенческих различий. Так, нет сомнения в том, что Y и Z — прежде всего «цифровые» поколения. Представители поколения Z пользуется цифровыми технологиями с малых лет. В гаджетах и информационных технологиях они разбираются лучше, чем в людях, не говоря уже об отсутствии опыта жизни при советском строе. Однако их поколенческие особенности не сводятся лишь к «цифровым» компетенциям — важны и другие социальные качества [Радаев, 2019].

Предварительный анализ уровня счастья и удовлетворенности жизнью в других европейских странах выявил несколько проблем российского общества. Во-первых, низкие уровни обоих показателей («счастье» и «удовлетворенность жизнью»), во-вторых, расхождение эмоционального и рационального отношения респондентов к своему жизненному положению в целом (см. рис. 1).

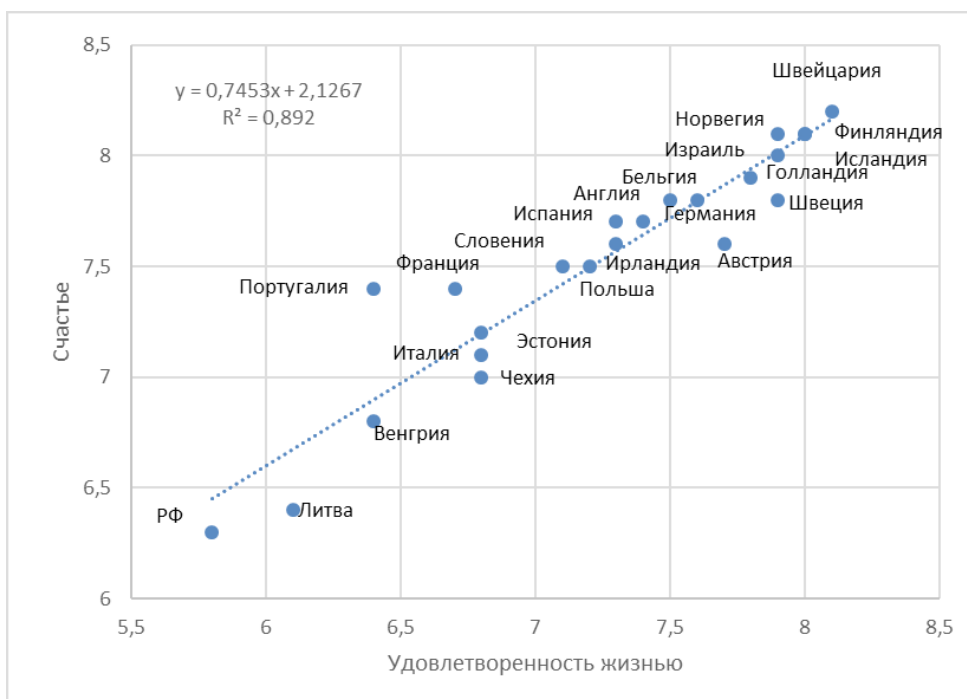

Рис. 1. Рассеяние средних показателей счастья и удовлетворенности жизнью по странам (2016).

На шкале X диаграммы (оценка уровня удовлетворенности жизни):

0 — респондент полностью не удовлетворен жизнью, 10 — полностью удовлетворен.

Шкала Y (оценка уровня счастья): 0 — респондент полностью несчастлив, 10 — абсолютно счастлив

Авторы не ставили своей целью анализ межстрановых различий в уровне субъективного благополучия и факторов, на него влияющих — это тема отдельного исследования. Из диаграммы следует, что Россия — самая несчастная, а Швейцария — самая счастливая из стран, охваченных ESS. Второе и третье места

в этом своеобразном рейтинге занимают Финляндия и Исландия. Соответствующие показатели у них практически одинаковы. Кроме того, видна сложная картина уровня счастья и удовлетворенности жизнью. Как правило, значение первого показателя выше, чем второго. Наибольший разрыв между ними во Франции (0,7). Россия (0,5) находится на втором месте. По мнению исследователей ВЦИОМ, с которым трудно не согласиться, несчастливыми россиян делают, в первую очередь, низкий уровень доходов, сложные жизненные обстоятельства, отсутствие уверенности в завтрашнем дне⁶.

Согласно выдвигаемой здесь гипотезе, различия в субъективном благополучии в России зависят не только от известных детерминант счастья (степень реализации жизненных планов в целом, связь с классическими социально-структурными признаками — уровнем образования и дохода, с семейным и брачным статусом, включенностью в социальные связи), но и от принадлежности к поколению (коhortам по годам рождения). Вместе с тем изменение общих условий социализации не отменяет влияния других характеристик — пола, уровня образования, места жительства и других. В данном исследовании учтены многие социально-демографические показатели путем включения их в регрессионную модель для того, чтобы выявить влияние принадлежности к поколению.

Эмпирические данные и методология исследования

Для выявления межпоколенческих различий в уровне счастья и удовлетворенности жизнью были использованы данные шести волн Европейского социального исследования, проведенных по общероссийской репрезентативной выборке в 2006, 2008, 2010, 2012 и 2016 гг. Уровни счастья и удовлетворенности жизнью в них измеряются по десятибалльной шкале, где 0 означает, что респондент полностью несчастлив и неудовлетворен жизнью, 10 — его обратное состояние. Установление различий в межпоколенческих трендах счастья и удовлетворенности жизнью выполнено с помощью APC-Analysis эмпирических данных. В нем различают три эффекта: (1) эффект возраста; (2) исторического периода и (3) когорты (принадлежности к определенному поколению).

К эффекту возраста относятся изменения в идентичности и мировоззрении, связанные с жизненным циклом респондента. Обычно такие изменения не связывают с конкретными историческими условиями, в связи с чем существуют достаточные основания абстрагироваться от последних. Эффект исторического периода обусловлен значимыми событиями и изменениями в условиях общественной жизни, влияющими на все общество, все поколения. В случае России это перемена общественных условий в результате кризисной смены общественных систем, переход к относительно стабильным условиям первых десятилетий XXI века. Наконец, когортные эффекты — это различия между возрастными группами, возникающие в результате приобретения уникального опыта по мере их взросления. Этот фактор остается значимым в силу «смены времен» в России, формирует различия между молодежью разных исторических периодов. APC-Analysis широко используется специалистами для исследования социальной динамики [Robinson, Jackson,

⁶ Индекс счастья // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indexs_schastyia (последний доступ: 20.02.2020).

2001; Clark, Eisenstein, 2013; Ибрагимова, 2014; Алмакаева, Мавлетова, 2018]. При анализе взаимозависимости влияния трех факторов в рамках аддитивной модели — возраста, поколения (когорты) и исторического периода — трудноразрешимой проблемой APC-Analysis является «проблема идентификации» эффектов (identification problem), связанная с разделением влияния названных эффектов. Меж тем, существуют разные подходы к ее решению [Yang, Land, 2013].

В представляемом исследовании, как и у В. Радаева, использовался поколенческий подход. Исходной категорией здесь является поколение, включающее несколько когорт по годам рождения [Радаев, 2019]. Напомним, что речь идет о четырех поколениях: старшее (советское) поколение, а также поколения X, Y и Z. Старшее (советское) поколение выбрано в качестве референтного для оценки показателей счастья и удовлетворенности жизнью.

Переменная, описывающая исторический период, была дихотомизирована по году проведения соответствующей волны исследования. В качестве референтного был выбран 2006 год. Количественная переменная «возраст» (число полных лет) использовалась непосредственно. Далее применялся традиционный базовый подход, предложенный в свое время Мейсоном и коллегами, хотя и без ограничений [Mason et al., 1973].

Помимо переменных, описывающих эффекты возраста, исторического периода и поколения (когорты), использовались и иные контрольные переменные, характеризующие другие детерминанты счастья. Для анализа взаимосвязей между ними проведен регрессионный анализ с учетом его обсуждения в специальной литературе [Кэмерон, Триведи, 2015]. В нем помимо возраста, времени и принадлежности к поколению в качестве контрольных переменных использовались: пол (0 — мужской, 1 — женский); тип поселения (0 — село, 1 — город); среднедушевой доход (десятибалльная переменная, где 1 — принадлежность к первому децилю распределения доходов, 10 — к десятому самому высокому); субъективная оценка достаточности дохода (четыребалльная переменная, где 1 означает, что респондент чувствует себя комфортно при его уровне дохода, 4 — что испытывает финансовые затруднения); образование (пятибалльная переменная, где 1 означает начальное образование, 5 — высшее образование); уровень религиозности (дихотомическая переменная, где 1 означает, что респондент верующий, 2 — нет); субъективная оценка здоровья (пятибалльная шкала, где 1 — очень хорошее, 5 — очень плохое здоровье).

Результаты исследования: детерминанты уровня счастья и удовлетворенности жизнью поколений

Воспользуемся данными ESS, чтобы определить, как повлияли социально-экономические условия начала XXI в. на удовлетворенность возрастных групп россиян своей жизнью и на их ощущение счастья. Из рис. 1 следует, что у респондентов в России самый низкий уровень счастья и удовлетворенности жизнью по сравнению с жителями других европейских стран, однако уровень счастья все-таки выше степени удовлетворенности жизнью. Несмотря на кризис 1990-х гг., повлиявший на жизненный опыт поколения X и старшего поколения, российские респонденты в целом скорее счастливы, нежели наоборот. Это подтверждается и результа-

тами опросов ВЦИОМ, согласно которым уровень счастья даже растет с 1990 г. и достигает максимума в 2019 г.⁷ По данным ESS, уровень счастья российского общества в целом и удовлетворенности жизнью после 2014 г. имеет тенденцию к стабилизации. Колебания вверх или вниз их значений между 2012 и 2016 гг. (6 и 8 волны) статистически не значимо. Следовательно, на рациональном уровне в обществе растет осознание трудностей, но эмоционально оно пока скорее довольное своим жизненным положением, чем встревожено им (см. рис. 2).

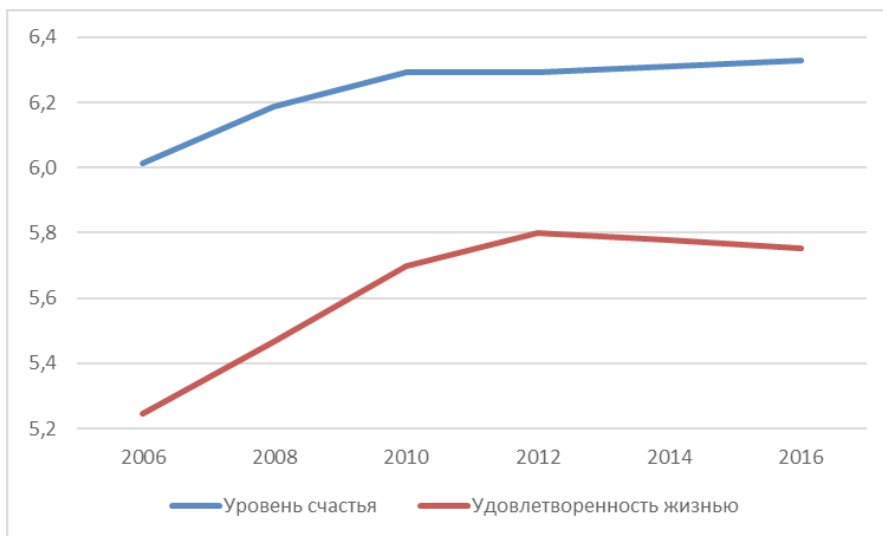

Рис. 2. Динамика уровней счастья (верхняя кривая линия) и удовлетворенности жизнью (нижняя кривая линия) в РФ

Прежде всего охарактеризуем общую динамику социального благополучия в целом и различных возрастных групп. Данная динамика имеет свою специфику для разных поколений (см. рис. 3 и 4). Тезис о том, что «старшее поколение, которое социализировалось в СССР и усвоило советскую систему ценностей, не очень понимало новую социальную, экономическую реальность»⁸ и, соответственно, не чувствовало в ней себя счастливым, не находит подтверждения в данном исследовании. Более того, практически все самые богатые люди России — это бывшие советские люди (советская молодежь), хотя доля богатых в населении невелика. Для большинства старших возрастных групп почти два десятилетия относительной стабильности (2000-е и 2010-е гг.) сформировали определенную уверенность в завтрашнем дне. Сказывается их адаптация к своему социальному положению в капиталистическом обществе. Этому во многом способствовала в том числе и проводимая социальная политика в отношении пенсионеров. Так, размер пенсии не опускается ниже прожиточного минимума, а для неработающих пенсионеров последняя ежегодно

⁷ Индекс счастья // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_schastyia (последний доступ: 20.02.2020).

⁸ Понарин Э. Чем измеряется счастье? // Российская газета. 2019. 28 мая. URL: <https://rg.ru/2019/05/28/sociolog-izmerenie-schastia-pomogaet-poniat-uroven-razvitiia-obschestva.html> (последний доступ: 15.02.2020).

индексируется, предоставляются льготы и социальные выплаты. Возраст перестает быть показателем снижения активности и социально-экономического статуса. В СМИ продвигается и явно доминирует тренд на формирование нового стиля жизни старшего поколения, который отражает их основные потребности: поддержание здоровья, социальная вовлеченность, досуг и трудоустройство. Их социальные запросы соответствуют финансово-экономическим возможностям.

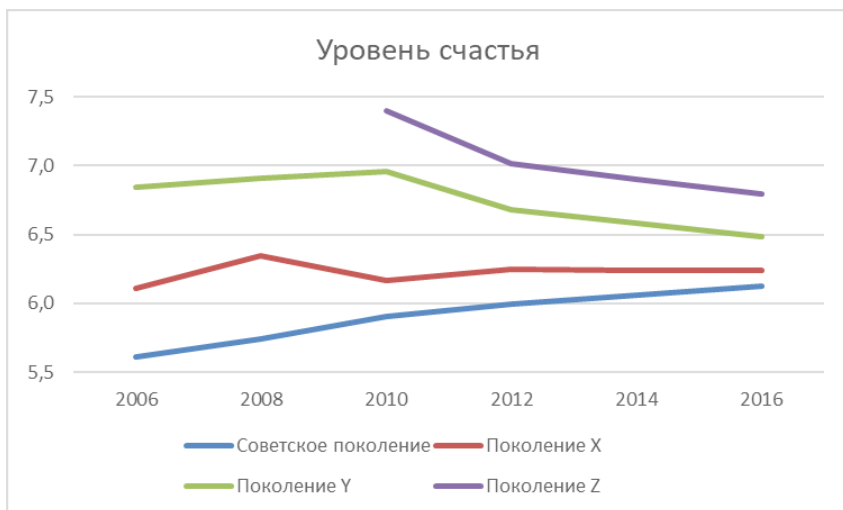

Рис. 3. Динамика уровня счастья поколений российского общества

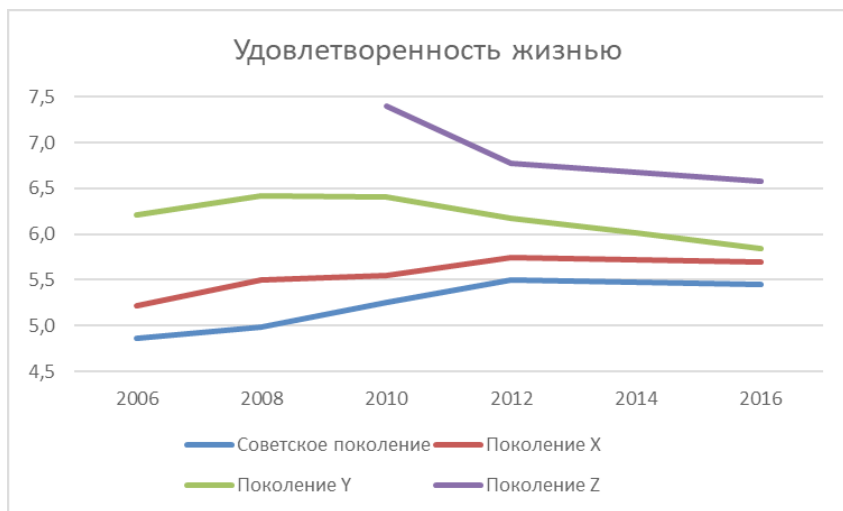

Рис. 4. Динамика уровня удовлетворенности жизнью поколений российского общества

Младшие поколения Y и Z (молодежь 2000-х) чувствуют себя более счастливыми и довольными жизнью, чем старшие поколения. У молодежи показатель счастья (по десятибалльной шкале) оказался довольно высок по всем шести волнам опроса. Молодежь в целом счастливее других возрастных групп, однако ее жизненные ожидания пока не перешли в стадию реализации и остаются идеалами. Гендерные различия не влияют на обобщенный показатель счастья. Поколение Z взрослеет в иных социальных, экономических и политических условиях, нежели поколения X и Y.

Показатели счастья и удовлетворенности жизнью поколений Y и Z выше, чем у старшего поколения. В связи с этим можно согласиться с мнением В. Радаева, что «миллениалы сравнительно больше удовлетворены своей жизнью, более оптимистичны и чаще считают себя счастливыми» [Радаев, 2019: 116]⁹. Однако значения показателей субъективного благополучия молодых поколений Y и Z показывают явную тенденцию к понижению. Это может быть эффектом данных поколений. Они становятся менее счастливыми в силу утрачивания иллюзий молодости, попадания в менее благоприятные общественные условия социализации. Чувство общественного дискомфорта у них усиливается по мере снижения возможности реализовать свои ожидания от жизни в будущем, несмотря на социализацию в современных общественных условиях. Нередко они переоценивают свои компетенции. Они пытаются найти себя в новом обществе, к чему-то стремятся, но несоответствие действительности и желаемого ощущается ими особенно остро [Седова, 2019].

Самостоятельный интерес представляет собой анализ влияния возраста на уровень счастья и удовлетворенность жизнью (эффект возраста). Данная связь в развитых странах, как правило, похожа на параболическую кривую (то есть U-образная линия) [Родионова, 2015]. У молодежи уровень счастья и удовлетворенности жизнью довольно высок, но по мере столкновения с реалиями жизни постепенно снижается. Он достигает минимума в среднем возрасте (кризис среднего возраста) и начинает медленно расти в старших возрастных группах. Л. А. Родионова использовала данные ESS по 29 странам за 2012 г. для проверки данной зависимости. Ее эконометрический анализ данных показал, что зависимость показателей субъективного благополучия от возраста имеется, но носит неоднозначный характер. Она выделила три группы стран. В первой группе — например, в Норвегии — значения уровня счастья и удовлетворенности жизнью населения весьма велики и не зависят от возраста. Во второй группе стран (например, Франция) выявлена вышеуказанная U-образная зависимость. Для данных обществ характерен высокий уровень счастья и удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте. В третьей группе, к которой относится Россия, фиксируются более низкий уровень счастья и удовлетворенности жизнью, его снижение в зависимости от возраста. Лишь после 65—70 летнего возраста наблюдается лишь небольшой рост удовлетворенности жизнью [там же].

Наше исследование показало, что тренды в изменениях уровней счастья и удовлетворенности жизнью в различных возрастных группах после 2012 г. (предпоследняя волна сбора данных ESS) несколько изменились (см. рис. 5 и 6).

⁹ Речь идет о поколении Y, но данный тезис можно распространить и на поколение Z.

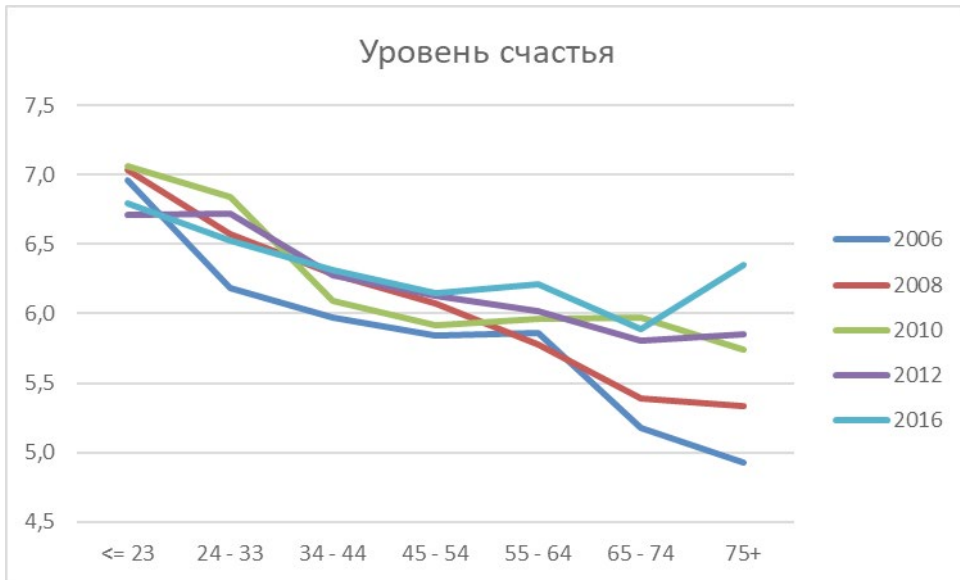

Рис. 5. Динамика уровня счастья в различных возрастных группах для разных волн ESS

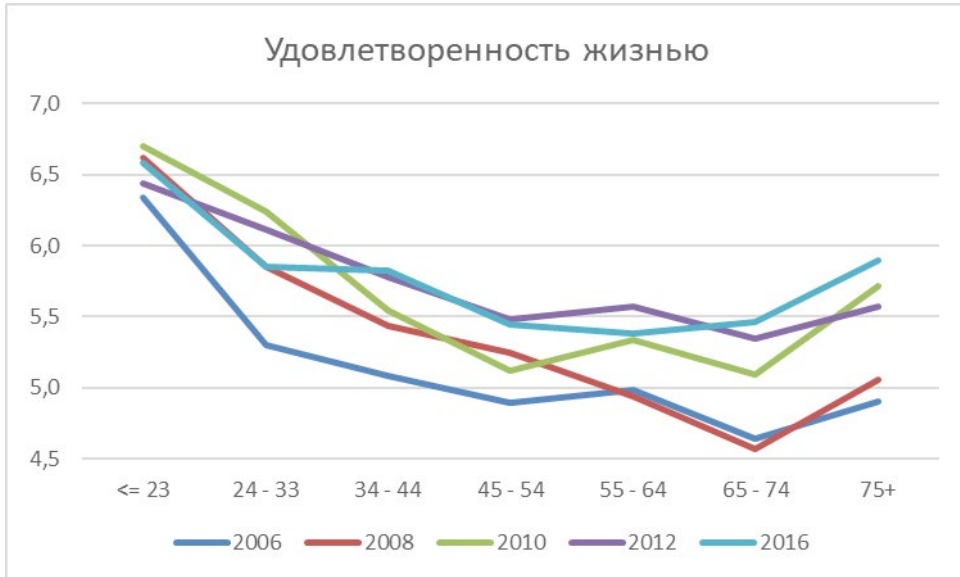

Рис. 6. Динамика уровня удовлетворенности жизнью в различных возрастных группах для разных волн ESS

Из указанных диаграмм видно, что после 2012 г. начинает расти не только уровень удовлетворенности жизнью в старших возрастных группах, но и уровень счастья, что не отмечалось в предыдущих волнах ESS. Форма зависимости напоминает параболу. Это связано с тем, что российское государство активнее проводит поддержку пожилых (пенсионеров). Для анализа влияния эффекта возраста, исторического периода и принадлежности к поколению, других социально-демографических факторов на удовлетворенность жизнью и чувство счастья использовался регрессионный анализ, который позволяет оценить влияние на рассматриваемые показатели как индивидуальных переменных (пол, возраст, доход, образование и др.), так и агрегированных, например, принадлежность к поколению, влияние исторического периода, года сбора данных (см. табл. 1). Первая модель раскрывает влияние описанных переменных на уровень счастья. Вторая — на удовлетворенность жизнью.

Таблица 1. Регрессионные модели влияния поколения, возраста и исторического периода на уровень счастья и удовлетворенность жизнью

Переменные	Модель 1. Детерминанты уровня счастья		Модель 2. Детерминанты удовлетворенности жизнью	
	Счастье (0—10)	Стандартизированные коэффициенты	Удовлетворенность жизнью (0—10)	Стандартизированные коэффициенты
(Константа)	8,157*** (0,286)		8,757*** (0,310)	
Референтная группа: старшее (советское) поколение				
Поколение X	-0,078 (0,091)	-0,016	0,128 (0,099)	0,024
Поколение Y	0,289** (0,137)	0,059	0,642*** (0,148)	0,117
Поколение Z	0,504** (0,200)	0,048	1,164*** (0,217)	0,100
Референтная группа: 2006 г.				
2008	0,040 (0,054)	0,009	-0,004 (0,060)	-0,001
2010	0,045 (0,064)	0,01	-0,005 (0,070)	-0,001
2012	-0,114 (0,068)	-0,023	0,064 (0,074)	0,012
2016	-0,138 (0,074)	-0,026	0,131 (0,081)	-0,022
Возраст	0,005 (0,004)	0,043	0,014*** (0,004)	0,098
Пол	0,354*** (0,074)	0,082	0,306*** (0,052)	0,063
Тип поселения	-0,212*** (0,054)	-0,044	-0,300*** (0,059)	-0,056
Доход	0,053*** (0,011)	0,066	0,032** (0,011)	0,035

Переменные	Модель 1. Детерминанты уровня счастья		Модель 2. Детерминанты удовлетворенности жизнью	
	Счастье (0—10)	Стандартизированные коэффициенты	Удовлетворенность жизнью (0—10)	Стандартизированные коэффициенты
Оценка достаточности дохода	-0,389*** (0,033)	-0,146	-0,697*** (0,035)	-0,234
Образование	0,058** (0,021)	0,033	-0,019 (0,023)	-0,010
Религиозность	-0,027 (0,048)	-0,006	-0,133** (0,052)	-0,027
Здоровье	-0,610*** (0,036)	-0,221	-0,723*** (0,039)	-0,234
N	12275		12373	
R ²	0,109		0,153	

Данные ESS по России, волны 2006, 2008, 2010, 2012, 2016 гг.

Примечание. В скобках — стандартные ошибки. ***, **, * — статистическая значимость на уровне 0,1, 1, и 5 % соответственно. Прочерк означает, что уровень значимости превышает 5 %.

Модели, представленные в таблице, указывают на слабые связи между исследуемыми переменными, так как они объясняют от 7 % до 11 % дисперсии. На основе бета-коэффициентов (стандартизированных коэффициентов регрессии), которые показывают относительный вклад каждой независимой переменной в зависимую переменную, можно оценить силу влияния независимых переменных. Знак показывает характер влияния: положительный или отрицательный. Абсолютное значение — силу влияния.

В рассматриваемый период времени сбора эмпирических данных (2006—2016 гг.) влияние исторического периода на социальное самочувствие не подтверждается, что вполне ожидаемо, ведь условия периода до и после 2014 года изменились несущественно. Несущественно менялись и социальные настроения общества, о чем свидетельствуют замеры ВЦИОМ и «Левада-центра», хорошо известные заинтересованному читателю. Переменная исторического периода не оказалась значимой. Различия между поколениями хорошо объясняются скорее разными условиями социализации, нежели политическими событиями 2014 г., хотя Россия стала активнее отстаивать свои национальные интересы в мире, а в обществе усилились чувство гордости за страну, обращение к своей истории и культуре. Конфликт с Западом и антироссийские санкции оказывают противоречивое воздействие на общество. Однако пока еще особенности исторического периода и макросоциальные изменения не привели к «смене времен».

Построенные модели говорят о наличии существенных поколенческих различий. Они свидетельствуют, что чувство удовлетворенности жизнью возрастает от старшего поколения к младшему. Получается, что чем моложе поколение, тем ему комфортнее в обществе. Относительно счастья существенных различий между старшим поколением и поколением X не наблюдается, но поколения Y и Z счастливее, чем вышеназванные. Следовательно, молодежь, не имеющая советского опыта жизни, лучше адаптировалась к новым общественным капиталистическим

реалиям. При этом женщины оптимистичнее смотрят в будущее. Парадоксально, что уровень счастья и удовлетворенности жизнью у сельских жителей выше, чем у городских, хотя с экономической точки зрения люди там живут скромнее. Доход является важнейшей компонентой социального благополучия, но в данном случае важно его соотношение с уровнем материальных запросов населения. Это наглядно видно на рис. 7, отражающем связь между субъективным благополучием и доходом на уровне стран.

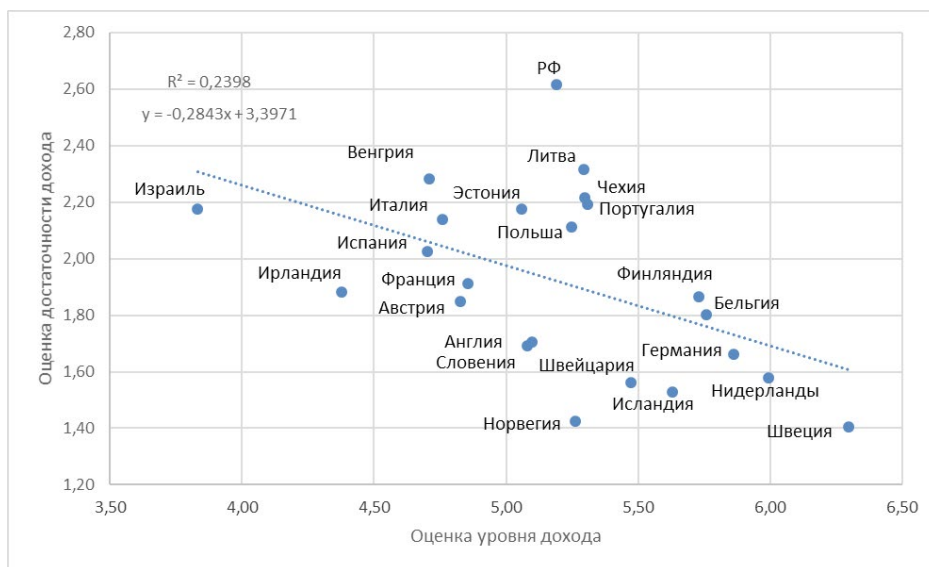

Рис. 7. Рассеяние средних показателей дохода и удовлетворенности жизнью субъективного благополучия по странам (2016). Шкала X диаграммы (оценка уровня доходов): 1 — респондент относит себя к 10% самого бедного населения, 10 — к 10% самых богатых. Шкала Y диаграммы (оценка уровня доходов): 1 — на доход можно жить без материальных трудностей, 5 — жить на такой доход трудно

Из указанной диаграммы видно, что, как правило, чем выше уровень личного благосостояния людей, тем оптимистичнее их оценки настоящего и будущего. Тем не менее имеет место расхождение между объективными и субъективными показателями уровня жизни, известное в литературе как парадокс Истерлина [Сальникова, 2017]. В России большинство возрастных групп относят себя к среднему классу, так же как и в Европе, но такая субъективная оценка оторвана от объективных показателей. Российскому населению доходов в целом хватает, но жить на них трудно.

Результаты нашего исследования показывают, что образование влияет на уровень счастья, но не на удовлетворенность жизнью. Различия между более и менее образованными имеет место: первые более счастливы. Образование дает людям (благодаря более высокому уровню человеческого капитала у его обладателей) возможность лучше адаптироваться к реалиям рынка труда и добиваться более высокой социальной позиции.

Согласно Э. Понарину, «в посткоммунистическое время к религии обратились те, кто изначально чувствовали себя несчастными. Таким образом, религия мало что добавляет к счастью»¹⁰. Религиозность коррелирует с удовлетворенностью жизнью. Верующие в большей степени довольны жизнью — у них есть Бог, который помогает и защищает. При этом чем старше поколение, тем более оно верующее и, соответственно, менее атеистическое. Меж тем, доля верующих среди молодежи не растет. Аналогичные данные приводит В. Радаев [Радаев, 2019].

Здоровье представляет один из интегральных показателей качества жизни и основную ценность в современном обществе. Здоровье (его субъективная оценка) является важнейшей составляющей удовлетворенности жизнью. Данный фактор — один из определяющих для рассматриваемых показателей, судя по результатам регрессионного анализа.

Выводы и заключение

Цель данного исследования состояла в том, чтобы выявить межпоколенческие различия в уровне счастья и удовлетворенности жизнью. Регрессионный анализ показал, что принадлежность респондента к разным условным поколениям (при контроле других факторов) действительно является одной из значимых детерминант социального благополучия. Старшее поколение, в котором преобладают предпенсионеры и пенсионеры, учитывая социальную поддержку со стороны государства, чувствует себя относительно комфортно, адаптировалось к существующей ситуации, по-своему приспособилось к новым экономическим реалиям. У поколения X наблюдается схожая динамика рассматриваемых показателей. Старшие поколения не «потерялись» в этой жизни: они более реалистично смотрят на мир и свои возможности. Показатели социального благополучия у них практически не меняются, в отличие от поколений Y и Z, у которых четко выражен рост неудовлетворенности своим положением в обществе. Меж тем, последние чувствуют себя в современном российском обществе комфортнее, нежели старшие поколения: они социализировались в условиях рыночной экономики. Но и этим молодым поколениям непросто найти свое место в обществе и самореализоваться в будущем. Особенно остро они ощущают дефицит исполнения своих жизненных ожиданий.

В какой-то степени тренд падения уровней счастья и удовлетворенности жизнью обусловлен жизненным циклом. Однако, на наш взгляд, его нельзя свести только к этому. На рациональном уровне в обществе растет осознание трудностей развития страны, однако большинство пока скорее довольно своей жизненной ситуацией, чем наоборот. Общество, включая молодежь, полагает, что страна движется в верном направлении. Ощущение тупика еще не доминирует, но у молодежи оно вполне может актуализироваться. Потому если негативные тенденции социально-экономического развития не будут преодолены в ближайшее время, это может усилить недовольство жизнью и протестные настроения в обществе, прежде всего в молодежной среде.

¹⁰ Понарин Э. Чем измеряется счастье? // Российская газета. 2019. 28 мая. URL: <https://rg.ru/2019/05/28/sociolog-izmerenie-schastia-pomogaet-poniat-uroven-razvitia-obschestva.html> (последний доступ: 15.02.2020).

Список литературы (References)

- Алексеева Л. М., Голдберг П. Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006.
Alexeeva L. M., Goldberg P. (2006) *The Thaw Generation*. Moscow: Zakharov. (In Russ.)
- Алмакаева А. М., Мавлетова А. М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>.
- Almakaeva A. M., Mavletova A. M. (2018) Modernization Process in Russia: Can We Expect the Shift to Emancipative Values? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>. (In Russ.)
- Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.
Gudkov L. D., Dubin B. V., Zorkaya N. A. (2008) *Post-Soviet Man and Civil Society*. Moscow: The Moscow School of Political Studies. (In Russ.)
- Ибрагимова Д. Х. Потребительские ожидания населения России (1996—2009): как взаимосвязаны когорты, поколения и возраст // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 24—69.
Ibragimova D. Kh. (2014) Consumer Expectations of Russian Population (1996—2009): How are Cohort, Generation and Age Related? *Journal of Economic Sociology*. Vol. 15. No. 3. P. 24—69. (In Russ.)
- Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 120—132.
Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. (2015) Happiness and its Determinants (Article 1). *Sociological Studies*. No. 12. P. 120—132. (In Russ.)
- Кэмерон Э. К., Триведи П. К. Микроэконометрика: методы и их применения. Книга 2. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
Cameron A. C., Trivedi P. K. (2015) *Microeconometrics: Methods and Applications*. Volume 2. Moscow: RANEPA Publishing House «Delo». (In Russ.)
- Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 — год бифуркации // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02>.
- Latova N. V. (2016) Russian Satisfaction with Life during the Crisis: 2015 as a Year of Bifurcation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 16—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02>. (In Russ.)
- Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7—47.
Mannheim K. (1998) *The Problem of Generations*. *New Literary Observer*. No. 2 (30). P. 7—47. (In Russ.)

Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>.
Radaev V. (2019) Millennials: How the Russian Society Changes. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>. (In Russ.)

Родионова Л. А. Возрастные особенности счастливой жизни в России и Европе: эконометрический подход // Прикладная эконометрика. 2015. Т. 40. № 4. С. 64—83.
Rodionova L. A. (2015) Age Characteristics of the Happy Life in Russia and Europe: The Econometric Approach. Applied Econometrics. Vol. 40. No. 4. P. 64—83. (In Russ.)

Сальникова Д. В. Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 157—174.

Salnikova D. V. (2017) The Reasons for Conflicting Results on the Relationship between Objective and Subjective Well-Being. Journal of Economic Sociology. Vol. 18. No. 4. P. 157—174. (In Russ.)

Седова Н. Н. Жизненный успех молодежи — от Москвы до самых до окраин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6. С. 505—529. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.26>.

Sedova N. N. (2019) Youth's Life Success: From Moscow to the Outskirts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 505—529. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.26>. (In Russ.)

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред. Ю. А. Левада. М. : Издательство «Мировой океан», 1993.

Levada Yu. A. (ed.) (1993) Soviet Simple Man: The Experience of Social Portrait at the Turn of the 1990s. Moscow: "Mirovoy Okean" Publishing House. (In Russ.)

Clark A. K., Eisenstein M. A. (2013) Interpersonal Trust: An Age — Period — Cohort Analysis Revisited. *Social Science Research*. Vol. 42. No. 2. P. 361—375. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.09.006>.

Foa R., Inglehart R. F., Ponarin E., Karabchuk T. (2018) Set-Point Theory and Societal Collapse: The Case of Russia. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 19. No. 6. P. 1639—1656. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9888-4>.

Howe N., Strauss W. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company.

Howe N., Strauss W. (2000) *Millennial Rising: The Next Great Generation*. New York: Vintage Books.

Mason K. O., Mason W. M., Winsborough H. H., Poole W. K. (1973) Some Methodological Issues in Cohort Analysis of Archival Data. *American Sociological Review*. Vol. 38. No. 2. P. 242—258. <https://doi.org/10.2307/2094398>.

Ponarin E., Komin M. (2018) The Russian Elite's Imperial Nationalism and the Russian Society: The Emergence of a Grand Consensus. *Sociology Compass*. Vol. 12. No. 12. P. e12641. <https://doi.org/10.1111/soc4.12641>.

Robinson R. V., Jackson E. F. (2001) Is Trust in Others Declining in America? An Age — Period — Cohort Analysis. *Social Science Research*. Vol. 30. No. 1. P. 117—145. <https://doi.org/10.1006/ssre.2000.0692>.

Yang Y., Land K. C. (2013) *Age — Period — Cohort Analysis: New Models, Methods, and Empirical Applications*. New York: Chapman and Hall/CRC Press. <https://doi.org/10.1201/b13902>.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.13

Правильная ссылка на статью:

Андреевкова А. В. Межстрановые различия в уровне счастья в постсоветских странах — сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 316—339. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.13>.

For citation:

Andreenkova A. V. (2020) Cross-National Differences in Level of Happiness in the Post-Soviet Countries: A Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 316—339. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.13>.

А. В. Андреевкова МЕЖСТРАНОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ СЧАСТЬЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ — СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

МЕЖСТРАНОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ СЧАСТЬЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ — СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

CROSS-NATIONAL DIFFERENCES IN LEVEL OF HAPPINESS IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: A COMPARATIVE ANALYSIS

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий исследователь, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия

E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>

Anna V. ANDREENKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Senior Researcher

E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>

¹ CESSI — Institute for Comparative Social Research, Moscow, Russia

Аннотация. Межстрановые различия в субъективной оценке счастья в странах бывшего СССР (от 63% в Молдове до 96% в Узбекистане) уже более двадцати лет остаются довольно значительными, и объяснить их с помощью традиционной линейной социально-экономической модели не удается.

Abstract. Cross-national differences in the subjective evaluation of happiness in the post-Soviet countries range substantially from 63% in Moldova to 96% in Uzbekistan. Conventional linear economic model fails to explain those differences. The data of four trend comparative surveys (WVS, EVS, ISSP and ESS)

Результаты четырех трендовых сравнительных исследований, включающих постсоветские страны (WVS, EVS, ISSP, ESS), показали, что на постсоветском пространстве образовались два кластера с разным механизмом формирования оценок счастья. В одном кластере, куда входят страны Средней Азии, Азербайджан и Армения, основное влияние на оценку счастья оказывают национально-культурные факторы, что в результате ведет к общему высокому уровню оценок, их низкой дифференцированности среди населения и слабой связи оценок счастья с реальными экономическими показателями и другими факторами уровня и качества жизни. В другой кластер входят страны восточноевропейской части региона и Грузия, где основную роль в объяснении межстрановых различий играют факторы социально-экономической среды — уровень экономического развития, свободы от коррупции, развития демократии и человеческого капитала. Таким образом, межстрановые различия в субъективной оценке счастья в постсоветском регионе в значительной степени объясняются различиями в факторах и механизмах формирования таких оценок в разных странах.

Ключевые слова: счастье, субъективное благополучие, межстрановые сравнения, сравнительный анализ, постсоветские страны, Европейское социальное исследование, Всемирное исследование ценностей, межстрановая эквивалентность социальных показателей

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы над грантом Российского научного фонда № 18-18-00341 «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива».

shows that two different sets of factors influence the evaluation of happiness among general population in this region. National characteristics and cultural factors have the main impact in Central Asian countries, Azerbaijan and Armenia. This group of countries is characterized by the high level of happiness scores, low differentiation of scores among general population and weak relationship between the evaluation of happiness and economic or political indicators. In contrast, socio-economic factors, such as the level of economic development, freedom from corruption, and human capital play the major role in explaining happiness in Russia, Ukraine, Moldova, Baltic countries and Georgia. These countries are characterized by lower general happiness scores and stronger relation of it with socio-demographic and economic factors. Large cross-national differences in subjective evaluation of happiness can be explained by the differences in mechanisms and factors influencing the perception of happiness in the post-Soviet countries.

Keywords: happiness, subjective wellbeing, cross-national differences, comparative analysis, post-Soviet countries, World Value Survey, European Social Survey, equivalence of social indicators in cross-national research

Acknowledgments. This article is supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00341 “Transformation of Values and Subjective Quality of Life: a Regional Perspective”.

В последние три десятилетия в результате переосмысления целей общественного развития и перехода от приоритета экономического роста к идее качества жизни изучение феномена счастья стало актуальным направлением научного поиска в разных научных дисциплинах — социологии, экономике, социальной психологии, социолингвистике. В начале XX века Питирим Сорокин предложил включать показатель счастья в систему оценки социальных достижений: «Все критерии прогресса, какими бы разнообразными они ни были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья» [Сорокин, 1992: 511]. Долгое время к этому предложению мало прислушивались, основными оставались макроэкономические показатели, но позже ситуация начала меняться. Измерение уровня счастья проводится с помощью опросов населения почти во всех странах мира, включается во многие крупнейшие сравнительные межстрановые исследования. Оценка счастья входит в систему показателей общественного прогресса ведущих международных организаций и многих государств, достижение счастья и общественного благополучия признано фундаментальной целью общемирового развития ООН.

Понятие счастья является частью бытового, литературного и философского словаря многие столетия, но предметом научного социологического изучения стало лишь в прошлом веке. В качестве социологической категории счастье может рассматриваться как индивидуальная терминальная ценность, как критерий социального прогресса, «социального здоровья» нации и как эмоциональный аспект общей оценки благополучия жизни, ее «успешности» наряду с «удовлетворенностью жизнью», представляющей когнитивный аспект. По определению нидерландского социолога Р. Венховена, «субъективная оценка счастья — это суждение, которое человек выносит относительно качества своей жизни, насколько человеку нравится жизнь, которую он(а) ведет» [Veenhoven, 2012: 334].

При проведении межстрановых сравнений счастье используется в качестве ключевого интегрального показателя социального прогресса. Начиная с первого эмпирического сравнительного исследования, включавшего измерение счастья в межстрановом контексте, — «Модели человеческих тревог» Кантрила (The Pattern of Human Concerns, 1965), — все больше масштабных сравнительных исследований, охватывающих большинство стран мира, оценивают этот показатель. Результаты разных исследований, измеряющих счастье, собраны во Всемирную базу данных счастья (*World Database of Happiness*). На сегодняшний день их в базе более 4,5 тыс.¹

Максимально высокий уровень счастья для максимально большого количества людей — цель и задача социальной политики, общественных и государственных институтов, а также мера эффективности их работы в большинстве современных государств. Многочисленные рейтинги стран по уровню счастья являются мерилем успешности стран в негласном соревновании по достижению таких целей². Несмотря на различия в методах измерения и построения индексов, все подобные

¹ World Database of Happiness // Erasmus University Rotterdam; Happiness Economics Research Organization. URL: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl> (accessed: 08.02.2020).

² Пример такого рейтинга — World Happiness Report «Сети решений устойчивого развития» при ООН (UN Sustainable Development Solutions Network), публикуемый с 2012 г. В основе рейтинга лежит шкала Кантрила (от «лучшей жизни, которую Вы можете для себя представить» до «худшей»), включенная во Всемирный опрос Гэллага. Другой пример — Индекс счастья на планете Фонда новой экономики (Happy Planet Index, New Economics Foundation).

рейтинги показывают, что субъективная оценка счастья существенно различается и между странами, и между регионами мира. Наиболее «счастливыми» регионами выступают Западная Европа, Северная и Южная Америка, африканский же континент наименее «счастлив». Большинство постсоветских стран, за исключением нескольких, занимают в рейтингах счастья довольно низкое положение, хотя в последние годы наметилось постепенное движение в позитивном направлении.

Значительная часть социологических работ о счастье посвящена выявлению факторов, влияющих на субъективное благополучие, попытке ответить на вопрос, что именно делает людей счастливыми. Среди постсоветских стран основным объектом анализа внутристрановых детерминант счастья выступала Россия [Andreenkova, Scherpenzeel, 1996; Козырева, Низамова, Смирнов, 2016]; работ, посвященных другим постсоветским странам, гораздо меньше, и в них чаще анализируется показатель удовлетворенности жизнью [Namazie, Sandfrey, 2001; Abbot, Sapsford, 2006; Abbot, 2007]. Среди выявленных в ходе исследований факторов, влияющих на оценку счастья и субъективное благополучие в странах постсоветского региона, — материальное положение, возраст, пол, социальный статус, трудовое положение, благополучная семейная жизнь, социальные связи, социально-психологические характеристики личности, восприятие общей социальной и экономической атмосферы в стране — экономического благополучия, справедливости, стабильности [Козырева, Низамова, Смирнов, 2016; Черныш, 2019; Андрееenkova, Андрееenkova, 2019].

Вопрос о том, насколько универсально влияние таких факторов и насколько схожа структура факторов между разными странами региона, остается пока открытым. Причины межстрановых различий в уровне счастья в постсоветском регионе также еще недостаточно изучены. В ряде работ было показано, что страны этого региона располагаются значительно ниже в рейтинге стран по счастью и субъективному благополучию по сравнению с тем, что можно было бы ожидать, исходя из экономических показателей [Inglehart, Ponarin, 2013]. Выдвигаются предположения о влиянии посттравматического синдрома в период радикальных изменений социально-экономической и политической структуры этих обществ, негативно сказавшегося на благосостоянии людей и их социальном самочувствии — ощущении безопасности и стабильности, доверии и лояльности институтам и социальным группам [Sztompka, 2000]. Но ситуация в постсоветском регионе далеко не полностью соответствует таким теориям. Переходный период стал общим историческим фактором для всех стран постсоветского региона, однако его влияние проявлялось в разных странах по-разному. Значительные различия в оценке счастья между странами и их несоответствие скорости и успешности проведения реформ говорят о том, что нужно искать дополнительные источники межстрановых различий помимо посттравматического синдрома.

Целью данной работы является проверка гипотез о возможных причинах межстрановых различий в субъективной оценке счастья на постсоветском пространстве. В ходе анализа субъективная оценка счастья будет пониматься как *обобщенное суждение о процессе жизни в конкретных социальных условиях* — в отличие от социально-психологического понимания ощущения счастья как эмоции или ощущения. При таком подходе оценка счастья включает как оценку результата, достигнутого на определенный момент времени — успешности, реализация намеченных целей,

желаемого положения,— так и оценку самого процесса, радости и других положительных впечатлений при проживании определенного отрезка жизни.

Счастье в сравнительных межстрановых исследованиях на постсоветском пространстве

В сравнительных межстрановых исследованиях измеряются разные аспекты счастья, и для этого используются разные методики и индикаторы. Наибольшее количество методик относится к изучению *социально-психологических аспектов счастья*. Среди них — индексные методы, например, шкала Брадбурна (Affect Balance Score — ABS) и шкала удовлетворенности жизнью Динера (SWLS), нарративные методы — дневниковые, автобиографические, а также методы наблюдения за эмоциональным состоянием человека внешним наблюдателем и измерение физических характеристик и реакций. Методов измерения счастья как *интегрального суждения о качестве и благополучии жизни* разработано гораздо меньше. В массовых опросах по случайным выборкам населения в основном применяется метод прямого вопроса-самооценки. Проведенный нами анализ документов ведущих трендовых сравнительных межстрановых исследований последних десятилетий показал, что для измерения субъективного благополучия *вопрос об удовлетворенности жизнью* используется гораздо чаще, чем вопрос о счастье.

Вопросы о счастье включаются во многие социологические исследования, проводимые в странах постсоветского региона, однако сравнительных данных о счастье, которые обладали бы приемлемым уровнем методической эквивалентности, позволяющей проводить такие сравнения, для этого региона совсем немного. К масштабным сравнительным межстрановым трендовым исследованиям, проводящимся в некоторых постсоветских странах и включающим вопрос о счастье, относятся Всемирное исследование ценностей (WVS), Европейское исследование ценностей (EVS), Международная программа социальных исследований (ISSP) и Европейское социальное исследование (ESS). В эти исследования в разные годы входило разное количество стран постсоветского региона, и ни в одно из них не входят все страны. Поэтому для проведения анализа по максимальному количеству стран региона будут использоваться данные всех этих исследований (см. табл. 1).

Эмпирическая база

Четыре сравнительных исследования проводились по случайным вероятностным выборкам взрослого населения (18 лет и старше в WVS/EVS/ISSP и 15 лет и старше в ESS) методом личных интервью на дому у респондентов при размере выборки от 1000 до 2800 в каждой стране³. Две из 15 бывших республик СССР — Таджикистан и Туркменистан — не включены ни в одно из этих исследований, поэтому наш анализ будет ограничен 13 странами.

В четырех сравнительных исследованиях счастье оценивалось с помощью вопросов о самооценке счастья с разными метрическими характеристиками: в WVS/EVS используется 4-балльная вербальная шкала, в ISSP — 7-балльная метриче-

³ Более подробная информация о методологии каждого исследования и базы исходных данных размещены на сайтах www.europeansocialsurvey.com, www.ess-ru.ru, www.worldvaluessurvey.org, <http://europeanvaluesstudy.eu>, <http://www.issp.org> (последний доступ: 08.02.2020).

ская полностью вербализованная шкала, а в ESS — 11-балльная метрическая с вербальными значениями только на концах шкалы. Все это затрудняет прямое сравнение данных разных исследований. Дополнительную трудность в определении эквивалентности данных между странами и временными точками создают различия в формулировках (переводах) на один и тот же язык (русский) в разных странах (во всех трех исследованиях), а также между разными волнами исследования в одной и той же стране (WVS/EVS).

Уровень и динамика уровня счастья в постсоветских странах в последнее двадцатилетие

Общность социальных процессов, в том числе радикальная трансформация социально-экономических и политических основ жизни обществ, сходство институциональных условий социализации нескольких поколений людей, общая система образования, информационная среда и образ жизни, русский язык как общий язык межнационального общения дают основания предполагать, что оценки уровня счастья между странами этого региона должны быть схожими. Однако эмпирические данные говорят об обратном. Различия между странами в уровне счастья довольно велики, хотя по сравнению с первым послереформенным десятилетием заметно сократились. В 2000-х гг. доля населения постсоветских стран, оценивающих свою жизнь на позитивной части шкалы счастья, составляет большинство, что соответствует общемировой тенденции.

Таблица 1. **Уровень счастья в постсоветских странах по данным сравнительных межстрановых исследований (% позитивно оценивающих уровень счастья)**

Страна	WVS 1996—1997	WVS 2011	EVS 2008	EVS 2017	ISSP 2012—2013	ESS 2012	ESS 2016
Латвия	69		75		75	65	
Литва	55		64	74	55	68	68
Эстония	64	77	77	84		73	80
Беларусь	45	64	77	89			
Россия	50	73	69	77	67	61	63
Украина	46	68	67			60	
Молдова	43	50	63				
Грузия	66	70	68	79			
Армения	55	82	74	83			
Азербайджан	77	81		80			
Казахстан		89					
Кыргызстан	84	96					
Узбекистан		96					

Примечание. Данные WVS/EVS, 4-балльная шкала (в таблице % «очень» и «скорее счастливы»), в России опрос проведен в 1995 г., в Кыргызстане в 2003 г. Данные ISSP 2012—2013 гг., 7-балльная шкала (% для вариантов с 1 по 3: «полностью», «очень» или «скорее счастлив»). Данные ESS в 2012 и 2016 гг., рассмотрены варианты с 6 по 10 по шкале от 0 — «очень несчастливый» до 10 — «очень счастливый».

Пропуски в таблице означают, что конкретная страна не была включена в соответствующую волну опроса.

Данные говорят о том, что в последние два десятилетия в постсоветских странах происходят динамичные процессы в восприятии счастья (см. табл. 1). В середине 1990-х гг. в большинстве стран региона на позитивной части шкалы счастья находились около 50 % населения, а это один из наиболее низких уровней в мире. Однако к середине 2010-х годов доля таких людей увеличилась до двух третей. Этой тенденции не соответствует ситуация в Кыргызстане и Азербайджане: субъективная оценка счастья в этих странах значительно превышает не только среднее значение по региону на тот период, но также выше, чем оценки счастья в других странах региона и в более благополучное последующее десятилетие — догнать их остальным странам не удалось. Есть все основания полагать, что и в других странах Средней Азии, не представленных в этих четырех сравнительных исследованиях, уровень счастья, измеряемого с помощью опросов населения, в 1990-х гг. был очень высок.

По данным WVS, куда включено наибольшее количество стран региона, постсоветские страны образуют три кластера по оценке уровня счастья.

Кластер 1. Страны с высоким уровнем счастья, одним из самых высоких в мире (89 % и больше «очень» или «довольно счастливы»): Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Доля «очень счастливых» в Казахстане и Кыргызстане очень значительна — около трети, а в Узбекистане — рекордные 65 %.

Кластер 2. Страны с уровнем счастья, близким к среднемировому (70—80 %): Азербайджан, Армения, Эстония, Латвия и Беларусь.

Кластер 3. Страны с низким уровнем счастья: Россия, Грузия, Украина, Литва и Молдова.

Данные последних лет показывают, что происходит движение в направлении преобразования трехчленной конфигурации стран региона в двухчленную: страны Средней Азии, Армения и Азербайджан с уровнем оценки счастья выше среднемирового и страны восточноевропейской части региона и Грузия, где уровень счастья до сих пор ниже среднего по миру.

Причины межстрановых различий в уровне счастья в постсоветских странах

Есть две основные гипотезы о факторах, приводящих к межстрановым различиям в уровне счастья. Первая предполагает доминирующее влияние социальной среды и макроэкономических условий, вторая — национально-культурных факторов.

Влияние экономических, политических и других макросоциальных факторов на оценку счастья в разных странах

Исследования мировых данных о счастье и других показателей субъективного благополучия показали, что уровень счастья на общестрановом уровне в значительной степени зависит от благоприятности общих условий жизни в стране или позитивной динамики этих условий [Di Tella, MacCulloch, Oswald, 2003].

Для проверки этой гипотезы для стран постсоветского региона используется четыре группы макросоциальных показателей.

1. Экономические факторы: ВВП на душу населения, показывающий текущий уровень богатства страны, и уровень инфляции — динамический аспект (данные Всемирного банка).

2. Социально-экономические факторы: индекс экономического неравенства (индекс Джини Всемирного банка по шкале от 0 до 100, где 100 — абсолютное неравенство) и размер социальной поддержки населения со стороны государства — средний размер пенсии по старости в сравнимых ценах (данные комитетов статистики этих стран).
3. Политические факторы: Индекс развития демократии (Индекс Economist по шкале от 0 до 10, где 10 — наибольший уровень демократии), Индекс коррупции (Transparency International, шкала от 0 до 10, где 10 означает полную свободу от коррупции).
4. Демографические и социально-структурные факторы: ожидаемая продолжительность жизни, урбанизация и уровень образования (данные комитетов статистики этих стран).

Уровень счастья в стране оценивается по данным Всемирного исследования ценностей 2011 г. и Европейского исследования ценностей 2008 г., в которые включено максимальное число стран постсоветского региона (13 стран, кроме Туркменистана и Таджикистана) и используется вопрос о счастье с одинаковыми метрическими характеристиками. Анализ проведен по двум показателям: общий уровень счастья определяется как доля населения, оценивающего уровень счастья на позитивной стороне шкалы («очень» или «довольно счастливы»), а максимально высокий уровень счастья — доля оценивающих свое положение как «очень счастлив».

Взаимосвязь уровня счастья с макроэкономическими показателями в постсоветских странах довольно низкая (см. табл. 2, Приложение 1). Статистически значимые корреляции общего уровня счастья обнаружены лишь по Индексу демократии и уровню урбанизации. Мы ограничиваемся корреляционным анализом, так как более сложные статистические методы на небольшом количестве стран (кейсов) имеют низкую надежность, к тому же большинство из факторов мультиколлинеарны. В целом макроэкономические и социально-политические показатели условий жизни в стране не могут объяснить всех межстрановых различий в уровне счастья во всем постсоветском регионе.

Страны региона кластеризуются в две группы по взаимосвязи уровня счастья и макропоказателей условий жизни в стране. Первую группу составляют три страны Средней Азии и две страны Закавказья (Азербайджан и Армения), где оценка счастья очень высока, а большинство социально-экономических и политических показателей низкие. Вторая группа — страны европейской части региона и Грузия, где общий уровень оценки счастья гораздо ниже, а взаимосвязь с макроэкономическими показателями выше.

В восточноевропейской части региона уровень оценки счастья в стране линейным образом соответствует положению страны по целому ряду изучаемых макропоказателей. В частности, чем выше ВВП на душу населения, который говорит об экономическом уровне страны в целом, и чем выше уровень пенсий как показатель материального благополучия населения, тем выше оценка счастья. Самая высокая она в Эстонии, как и ВВП на душу населения и средний размер пенсий, а самая низкая — в Молдове с самым низким ВВП и одним из самых низких размеров пенсий. Еще по ряду показателей, таких как индекс коррупции, средняя

продолжительность жизни и доля людей с высшим образованием, связь с уровнем счастья в восточноевропейской части региона также в целом линейна, но с некоторыми исключениями. Таким образом, среди стран восточноевропейской части региона макроэкономические, социальные и политические показатели связаны с уровнем счастья в ожидаемом направлении, что соответствует социально-экономической модели межстрановых детерминант счастья. Исключения составляют Грузия и Беларусь. В Беларуси уровень счастья ниже, чем можно было бы предположить, исходя из экономических и социальных показателей этой страны, хотя уровень инфляции, размер пенсий и индекс демократии там довольно низкие. В Грузии, напротив, уровень счастья выше ожидаемого на основе экономических показателей, но в этой стране средняя продолжительность жизни, доля людей с высшим образованием и Индекс свободы от коррупции довольно высокие.

Таблица 2. **Влияние макросоциальных условий на уровень счастья в постсоветских странах**

	Общий уровень счастья, %	Макс. высокий уровень счастья, %	ВВП на душу, долл.	Инфляция, %	Неравенство	Сред. размер пенсий, долл.	Индекс демократии	Индекс коррупции	Урбанизация, %	Высшее образование, %	Продолжительность жизни, годы
Латвия	75	10	12270	4	35,8	331	7,05	4,2	68	24	74
Литва	74	8	12999	4	32,5	305	7,24	4,8	67	24	74
Эстония	77	13	15799	5	32,5	353	7,61	6,4	68	32	76
Беларусь	64	11	6375	8	27,2	113	3,16	2,4	75	20	71
Россия	73	15	11230	8	39,7	257	3,92	2,4	74	24	70
Украина	68	16	3138	8	24,6	153	5,94	2,3	69	16	71
Молдова	63	9	1743	8	30,6	75	6,32	2,9	43	12	70
Грузия	70	21	3220	7	39,6	68	4,74	4,1	56	30	73
Армения	82	31	3372	8	29,4	70	4,09	2,6	63	38	74
Азербайджан	81	27	5771	8	41,8	185	3,15	2,4	54	15	71
Казахстан	89	31	9603	8	28	192	3,24	2,7	57	21	69
Кыргызстан	96	36	921	17	27,8	111	4,34	2,1	35	14	70
Узбекистан	96	65	1452	13	35,3	122	1,74	1,6	51	16	70
Корреляции											
Общий уровень счастья			0,172	0,188	0,017	0,031	0,470*	0,285	0,503*	0,079	0,224
Макс. высокий уровень счастья			0,512**	0,019	0,063	0,393	0,724**	0,538*	0,490*	0,166	0,384

Примечание. Данные о счастье — WVS 2011. Латвия, Молдова, Литва — EVS 2008, EVS 2017. Все показатели приводятся за 2011 г. — наиболее приближенный к замеру уровня счастья в WVS/EVS.

** — стат. значимость коэффициента на уровне $p < 0,01$, * — на уровне $p < 0,05$.

Кластеризация стран по субрегионам (среднеазиатскому, закавказскому и восточноевропейскому) говорит о том, что помимо социально-экономических факторов определенную роль в формировании субъективных представлений о счастье могут играть национально-культурные особенности населения.

Влияние культурно-национальных факторов на оценку счастья в разных странах

Гипотеза культурной детерминированности оценок счастья говорит о том, что восприятие счастья зависит не только и не столько от условий, в которых люди живут в настоящем, а от глубоких, усвоенных поколениями представлений о жизни, от коллективных норм и традиций. Странники такой теории А. Инкелес и Д. Левинсон утверждали, что различия в уровне счастья между странами возникают в результате уникальности культурных характеристик нации, «национального характера» [Inkeles, Levinson, 1997]. Роль культуры в оценке счастья неоднократно отмечалась исследователями [Conzo et al., 2017; Ford et al., 2015; Joshanloo, Weijers, 2014], но вопрос о том, какие именно стороны культуры оказывают влияние и каковы его механизмы, остается нераскрытым. Нередко, объясняя наблюдаемые различия в каких-либо процессах или явлениях широким понятием культуры, исследователи косвенным образом признаются в отсутствии каких-либо определенных гипотез. Как пишут американские исследователи группы Э. Динера, «нет строгих исследований, изучающих причинные механизмы, связывающие культуру и удовлетворенность жизнью. Тем не менее представляется естественным ожидать, что культурные факторы формируют коллективное понимание счастья и смысла жизни» [Diener et al., 2002].

В теоретическом плане мы предполагаем, что национально-культурные особенности при оценке уровня счастья в опросах проявляются в нескольких формах, что усложняет эмпирический анализ. Первая из них — влияние **культурно-нормативной системы общества** на восприятие счастья, например, позитивная интерпретация происходящих событий, запрет на жалобы, интерпретации счастья как нормального состояния, а несчастья — как отклонения. Помимо этого, культурные нормы могут влиять на презентацию и выражение счастья при коммуникации. Такие нормы могут регулировать степень откровенности с незнакомцами о личных проблемах (несчастьях), а также воздействовать на способы самопредставления. Например, в маскулинных культурах нормативно поддерживается образ сильного, здорового, успешного человека, в более феминных — скромного и умеренного в оценках, не слишком самоуверенного. Социальные нормы в определенных культурах могут стимулировать стремление «не сглазить», не спугнуть удачу, либо показать свою рациональность — критичность и осторожность вместо беспечной радости от достигнутого, понимание временности и иллюзорности счастья. Культурные нормы связаны с установленными формами вежливости, например, требованием позитивно высказываться о своей жизни и не жаловаться на проблемы, либо давать более осторожные оценки, чтобы не выделяться среди других, не вызывать зависти. Такие нормы влияют на выражение счастья, оценку счастья перед другими людьми, на процесс измерения оценки счастья, при этом само восприятие, самоощущение счастья не обязательно затрагивается. В результате «измеряемый» уровень счастья может существенно отличаться от «истинного» и приводить к межстрановым различиям. Если предположить, что в разных культурах сформировались разные доминирующие нормы в отношении счастья и его представления перед другими, это могло бы послужить объяснением межстрановых различий в уровне счастья в каких бы социально-экономических и полити-

ческих условиях ни находилась страна. Сила давления коллективных культурных норм в разных культурах также может быть разной.

Влияние культуры проявляется не только через социальные нормы восприятия или представления счастья, но и через индивидуальные социально-психологические черты личности, структуру типов личности в обществе, например, преобладание оптимистов, экстравертов или, наоборот, пессимистов или интровертов [Ostroot, Snyder, 1985]. Определенные социально-психологические черты (гедонизм, открытость, оптимизм, высокая самооценка) могут быть позитивно связаны с оценкой счастья. Третьей формой проявления культуры при оценке счастья является влияние коллективных социально-психологических черт, национального характера, коллективных представлений о счастье.

Возможности для проверки этих гипотез с помощью существующих в сравнительных исследованиях эмпирических данных довольно ограничены. Один из путей такой оценки — использование характеристик «национальность» и «родной язык» как интегральных показателей принадлежности к определенной культуре. Сходные оценки счастья у людей одной национальности или одного родного языка, живущих в разных странах, будет говорить о проявлении влияния культуры на оценки счастья.

Данные в таблице 3 показывают, что национально-культурные факторы оказывают определенное влияние на оценку счастья в постсоветских странах, хотя это влияние не всегда однонаправленно. В половине стран оценка счастья среди русских по национальности или языку, живущих в разных странах, отличается от оценки русских в России в направлении среднего значения счастья в этой стране. В результате нельзя с уверенностью утверждать, что оценка счастья является коллективной национальной чертой, присущей русским по культуре независимо от страны, то есть условий проживания. Например, стереотипное представление о том, что русские — «грустные» и «несчастливые» [Veenhoven, 2001], не подтверждается — в Средней Азии русские проявляют себя как вполне «счастливые». Вместе с тем в большинстве стран оценка счастья среди русских значительно отличается от оценки счастья среди людей титульной нации, то есть определенное влияние культурные особенности оказывают. В странах Средней Азии русские по национальности или языку оценивают счастье ниже, чем жители титульных наций, но выше, чем русские в России. Оценки в уровне счастья между русскими и титульной нацией различаются в Азербайджане, Молдове и Латвии.

По имеющимся данным можно заключить, что культура, выраженная через показатели национальности и родного языка, влияет на межстрановые различия в уровне счастья в постсоветском регионе, хотя полностью объяснить такие различия принадлежностью к разным национальным культурам не позволяет. Предположительно, при длительном проживании среди людей другой культуры происходит постепенная интернализация элементов другой культуры в отношении представлений о счастье, либо (что, на наш взгляд, более вероятно) происходит усвоение культурных норм коммуникации, представления оценок счастья перед другими людьми, а также соблюдение правил вежливости основной культуры. В этом случае разделить влияние социально-экономических и политических условий страны (среды) и культурных факторов путем сравнения оценок счастья представителей разных культур в одной стране не удастся.

Таблица 3. **Национально-культурные факторы и уровень счастья**

	WVS (2011), %					ESS (2016), %				
	Общий уровень счастья	Родной язык		Национальность		Счастье (6—10)	Родной язык		Национальность	
Титульный		Русский	Титульная	Русский	Титульный		Русский	Титульная	Русский	
Латвия	69	77	56	74	58	65	67	63	67	НД
Литва	55	55	55			68	68	71	68	75
Эстония	77	77	75			80	83	72	83	68
Беларусь	64	51	66	64	64					
Россия	73		73			63		63		63
Украина	68	68	69	69	65	60	60	60	61	НД
Молдова	50	49	56	50	49					
Азербайджан	81	81	73							
Казахстан	89	93	84	92	82					
Кыргызстан	96	97	86	97	84					
Узбекистан	96	97	84	97	83					

Примечание. Приведены данные там, где есть соответствующие вопросы о национальности и языках. Страны — те, где количество кейсов по русскому языку или русской национальности больше 50 (поэтому Армения и Грузия не включены в анализ). WVS — Казахстан 2014, Молдова 2008, Латвия, Литва 1998, ESS — Украина 2012, Латвия 2008.

Теоретически при оценке уровня счастья культура может проявляться также через ценностно-мировоззренческую целостность и значимость групповой принадлежности — чем она выше, тем более консолидированное мнение о счастье можно ожидать среди членов этой культуры. Предположительно, высокая сплоченность возникает в традиционных обществах, где сильны социальные связи, власть авторитета, старших, высока преемственность ценностей, а также ценность социальной гармонии внутри группы. И напротив, чем выше ценностно-мировоззренческое разнообразие, что характерно для современных постиндустриальных обществ, тем ниже социальное давление норм на оценку и презентацию оценки счастья. Для эмпирической проверки этой гипотезы мы используем несколько индикаторов, измеряемых во Всемирном исследовании ценностей. О ценностной сплоченности в обществе говорит уровень межличностного доверия. В качестве индикаторов ценности групповой принадлежности в анализ включены высокая ценность одобрения семьи, общая ценность общественного одобрения и «правильного поведения», а также ценность традиций в противоположность эмансипативным ценностям разнообразия, равенства, индивидуализма [Алмакаева, Мавлевтова, 2018]. Дополнительно проверена связь уровня счастья в обществе с распространенностью ценностей гедонизма, измеренного в рамках методики Ш. Шварца в WVS 2011.

Взаимосвязь межличностного доверия и оценки счастья на уровне стран довольно низкая (см. табл. 4, Приложение 2). Страны с самым высоким уровнем межличностного доверия — Казахстан, Кыргызстан и Беларусь — показывают довольно высокий уровень счастья, но к таким странам не относится лидер по сча-

стью Узбекистан. В Армении, где оценка счастья выше средней по региону, уровень межличностного доверия значительно ниже среднего.

Таблица 4. **Взаимосвязь ценностно-мировоззренческих факторов и оценки счастья (WVS, 2011)**

	Счастье		Доверие	Ценность одобрения семьи	Ценность общественно-общественного одобрения	Ценность традиций	Гедонизм
	Очень счастлив, %	Очень + довольно счастлив, %	большинству людей можно доверять, %	полностью согласен, %	Очень или довольно похоже на меня, %	Очень или довольно похоже на меня, %	Очень или довольно похоже на меня, %
Эстония	13	77	40	23	47	41	25
Беларусь	11	64	36	33	44	54	21
Россия	15	73	30	25	54	57	36
Украина	16	68	25	36	47	57	19
Грузия	21	70	9	56	80	88	24
Армения	31	82	11	50	66	74	14
Азербайджан	27	81	15	44	54	81	34
Казахстан	31	89	38	50	50	51	23
Кыргызстан	36	96	38	72	52	61	31
Узбекистан	65	96	14	88	85	83	38
Корреляции							
Корреляция с Общим уровнем счастья (очень + довольно счастлив)			0,014	0,756*	0,324	0,188	0,432
Корреляция с макс. высоким уровнем счастья (очень счастлив)			-0,366	0,914**	0,672*	0,523	0,444

Примечание. В анализ включены только 10 стран, входящих в WVS 2011.

** стат. значимость коэффициента на уровне $p < 0,01$, * на уровне $p < 0,05$.

Ценность одобрения семьи измеряется вопросом: «Одна из моих важнейших жизненных целей — сделать так, чтобы родители мною гордились» (1 — полностью согласен, 4 — полностью не согласен). Ценность общественного одобрения: «Для этого человека важно всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые люди не одобрили бы» (1 — очень похоже на меня, 6 — совсем не похоже на меня), часть Шкалы Шварца. Ценность традиций: «Для этого человека важно следовать традициям и обычаям, принятым в его семье или религии» (1 — очень похоже на меня, 6 — совсем не похоже на меня). Гедонизм: «Для этого челове-

ка важно хорошо проводить время, баловать себя» (1 — очень похоже на меня, 6 — совсем не похоже на меня), часть Шкалы Шварца. Коэффициент корреляции между этими характеристиками и уровнем счастья отрицательные, так как шкалы в этих вопросах разнонаправлены.

Уровень счастья на страновом уровне наиболее тесно связан с ценностью одобрения в семье как жизненной цели. Такая ценность очень велика в Узбекистане и Кыргызстане, чуть ниже в Казахстане, Азербайджане и Армении, то есть именно в тех странах, где оценка счастья самая высокая в регионе. В странах восточно-европейской части региона и в Грузии ценность одобрения в семье значительно ниже, а взаимосвязь с оценкой счастья разнонаправлена.

Ценности общественного одобрения и традиций на страновом уровне в меньшей степени взаимосвязаны с уровнем счастья в стране, чем другие исследованные показатели. Такие ценности распространены в Узбекистане и всех трех странах Закавказья, в остальных странах — гораздо меньше. При этом две страны с очень высокой оценкой счастья — Казахстан и Кыргызстан — по этому параметру ближе к странам с низкой оценкой счастья, чем к странам своей группы по счастью. Ценность удовольствий и гедонизма в жизни на уровне стран также не имеет сильных объяснительных возможностей.

В результате проведенного анализа мы подошли к пониманию общей модели формирования оценок счастья, которая может быть представлена как сочетание влияния факторов «ядра» и периферии. «Ядро» страновой специфики в оценке счастья составляют национально-культурные особенности населения. Каждая национальная группа является носителем своего ценностно-нормативного базиса, который служит основой для формирования оценок счастья и выражения этих оценок в процессе измерения в опросах. Такие факторы способствуют закреплению определенных оценок счастья как культурной нормы, служат основой стабильности в оценках счастья в одной и той же культуре и стране на протяжении определенного периода времени. Чем более сплочена и гомогенна ценностно-нормативная структура общества, тем сильнее давление доминирующих норм и тем сильнее влияние культурных факторов на оценку счастья, независимо от условий жизни и других внешних условий. В таких обществах при длительном сосуществовании разных культур в процессе аккультурации усваиваются новые нормы и видоизменяются старые, регулирующие оценку счастья, что приводит к определенному сближению в оценках счастья людьми разных национальностей и языковых групп. Более вероятно, что такое влияние оказывается в первую очередь на представление оценок счастья в процессе интервью, но также может воздействовать и на само восприятие счастья.

Социально-экономические и политические условия, влияющие на весь жизненный уклад нации, оказывающие долговременные воздействия на стиль жизни, стратегии адаптации и жизненные ценности людей, определенным образом входят в систему культурно-ценностных особенностей разных национальных групп. Вместе с тем такие условия являются динамическим элементом, влияющим на изменения в оценках счастья, которые постепенно происходят в большинстве стран. Улучшение таких условий ведет к повышению оценок счастья, но в рамках определенного интервала, задаваемого национально-культурными

особенностями группы. Таким образом, культура выступает цементирующим относительно статическим элементом, а социально-экономические и политические условия — динамическим. Мы также предполагаем, что ценностно-мировоззренческая целостность и значимость групповой принадлежности, характерные для традиционных обществ, ведут к увеличению стабильности в оценках счастья и увеличивают значимость факторов культуры в определении общего уровня счастья в стране. Напротив, ценностно-мировоззренческое разнообразие ослабляет влияние культуры и приводит к повышению значимости внешних условий — социально-экономических и политических.

Заключение

Межстрановые данные об уровне счастья на постсоветском пространстве в последние два десятилетия дают основание предположить, что начался процесс постепенной конвергенции, сокращения неравенства между странами в отношении субъективной оценки качества своей жизни, выраженной через показатель счастья, хотя пока такой тренд нельзя назвать устойчивым, а различия между странами еще очень велики. Этот процесс вызван сочетанием разных факторов — постепенным улучшением социально-экономических и политических условий в этих странах, расширением процесса модернизации, отчасти конвергенцией культурных моделей и образа жизни. Однако ни факторы социально-экономических и политических условий в стране, ни национально-культурные факторы независимо друг от друга не могут объяснить существенные межстрановые различия в оценке счастья в постсоветских странах. Мы предполагаем, что источник таких различий не только многофакторный, но и имеет сложную иерархическую структуру.

На постсоветском пространстве образовались два региона с разными механизмами формирования оценок счастья. В странах, где сохранились традиционные межличностные связи и наблюдается ценностно-нормативная целостность общества, сильно социальное давление, оценка счастья формируется и выражается в основном под воздействием национально-культурных факторов и в меньшей степени зависит от социально-экономических и политических внешних условий жизни. К этой группе относятся Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан, Азербайджан и Армения. В этих странах в процессе аккультурации нормы доминирующей культуры влияют на формирование мнений или на способы выражения этих мнений у других национальных групп в вопросе о счастье.

В другой группе, к которой относятся страны восточноевропейской части региона и Грузия, ценностно-нормативная целостность и социальное давление при формировании оценок счастья гораздо слабее, а более важное значение приобретают факторы условий жизни — экономические, социальные и политические.

Различия в механизмах и факторах, влияющих на формирование оценок счастья в двух частях постсоветского региона, говорят о том, что интерпретация этого понятия также разная. В странах, где счастье оценивается в основном под влиянием факторов условий жизни и состояния внешней среды, она может интерпретироваться как показатель социального прогресса, а динамика такой оценки говорит о движении к более благополучному обществу. В странах, где оценка счастья формируется в основном под воздействием национально-культурных

факторов, она является частью ценностного «ядра», а мерилем успехов конкретных социально-политических решений или степени благополучности общества и качества жизни она не служит.

Список литературы (References)

Алмакаева А. М., Мавлетова А. М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>.

Almakaeva A. M., Mavletova A. M. (2018) Modernization Process in Russia: Can We Expect the Shift to Emancipative Values? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>. (In Russ.)

Андреевкова А. В., Андреевкова Н. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе: Сравнительный анализ // Дискурс. 2019. № 1. С. 67—81. URL: <https://discourse.etu.ru/assets/files/a.-v.-andreevkova-n.-v.-andreenkova.pdf> (последний доступ: 08.02.2020).

Andreenkova A. V., Andreenkova N. V. (2019) Comparative Analysis of Life Satisfaction Determinants in Russia and in Europe. *Discourse*. No. 1. P. 67—81. URL: <https://discourse.etu.ru/assets/files/a.-v.-andreevkova-n.-v.-andreenkova.pdf> (accessed: 08.02.2020). (In Russ.)

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 66—76.

Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnova A. I. (2016) Happiness and its Determinants (Part 2). *Sociological Studies*. No. 1. P. 66—76. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социологический прогресс и принцип счастья // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. С. 507—513.

Sorokin P. A. (1992). Sociological Progress and the Principle of Happiness. In: Sorokin P. A. *Person. Civilization. Society* / ed. by A. Yu. Sogomonov. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Черныш М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2. С. 9—33. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>.

Chernysh M. F. (2019) Factors of Influence on the State of Happiness in the Contemporary Russian Society. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 7. No. 2. P. 9—33. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>. (In Russ.)

Abbott P. (2007) Cultural Trauma and Social Quality in Post-Soviet Moldova and Belarus. *East European Politics and Societies*. Vol. 21. No. 2. P. 219—258. <https://doi.org/10.1177/0888325407299774>.

Abbott P., Sapsford R. (2006) Life-Satisfaction in Post-Soviet Russia and Ukraine. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 7. No. 2. P. 251—287. <https://doi.org/10.1007/s10902-005-5563-2>.

Andreenkova A., Scherpenzeel A. C. (1996) Satisfaction in Russia. In: Saris W. E., Veenhoven R., Scherpenzeel A. C., Bunting B. (eds.) *A Comparative Study of Satisfaction with Life in Europe*. Budapest: Eötvös University Press. P. 201—221.

Conzo P., Aassve A., Fuochi G., Mencarini L. (2017) The Cultural Foundations of Happiness. *Journal of Economic Psychology*. Vol. 62. P. 268—283. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2017.08.001>.

Diener E., Lucas R. E., Oishi S., Suh E. M. (2002) Looking Up and Looking Down: Weighting Good and Bad Information in Life Satisfaction Judgments. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 28. No. 4. P. 437—445. <https://doi.org/10.1177/0146167202287002>.

Di Tella R., MacCulloch R. J., Oswald A. J. (2003) The Macroeconomics of Happiness. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 85. No. 4. P. 809—827. <https://doi.org/10.1162/003465303772815745>.

Ford B. Q., Dmitrieva J. O., Heller D., Chentsova-Dutton Yu., Grossmann I., Tamir M., Uchida Yu., Koopmann-Holm B., Floerke V. A., Uhrig M., Bokhan T., Mauss I. B. (2015) Culture Shapes Whether the Pursuit of Happiness Predicts Higher or Lower Well-Being. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 144. No. 6. P. 1053—1062. <https://doi.org/10.1037/xge0000108>.

Inglehart R. F., Ponarin E. D. (2013) Happiness and Democracy, 1972—2008. *Journal of Siberian Federal University*. Vol. 6. No. 8. P. 1097—1105.

Inkeles A., Levinson D. J. (1997) *National Character: A Psycho-Social Perspective*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.

Joshanloo M., Weijers D. (2014) Aversion to Happiness across Cultures: A Review of Where and Why People are Averse to Happiness. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 15. No. 3. P. 717—735. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9489-9>.

Namazie C., Sandfrey P. (2001) Happiness in Transition: The Case of Kyrgyzstan. *Review of Development Economics*. Vol. 5. No. 3. P. 392—405. <https://doi.org/10.1111/1467-9361.00131>.

Ostroot N., Snyder W. W. (1985) Measuring Cultural Bias in a Cross-National Study. *Social Indicators Research*. Vol. 17. No. 3. P. 243—251. <https://doi.org/10.1007/bf00319313>.

Sztompka P. (2000) Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. *European Journal of Social Theory*. Vol. 3. No. 4. P. 449—466. <https://doi.org/10.1177/13684310022224895>.

Veenhoven R. (2001) Are the Russians as Unhappy as They Say They Are? *Journal of Happiness Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 111—136. <https://doi.org/10.1023/a:1011587828593>.

Veenhoven R. (2012) Cross-National Differences in Happiness: Cultural Measurement Bias or Effect of Culture? *International Journal of Wellbeing*. Vol. 2. No. 4. P. 333—353. <https://doi.org/10.5502/ijw.v2.i4.4>.

Приложение 1

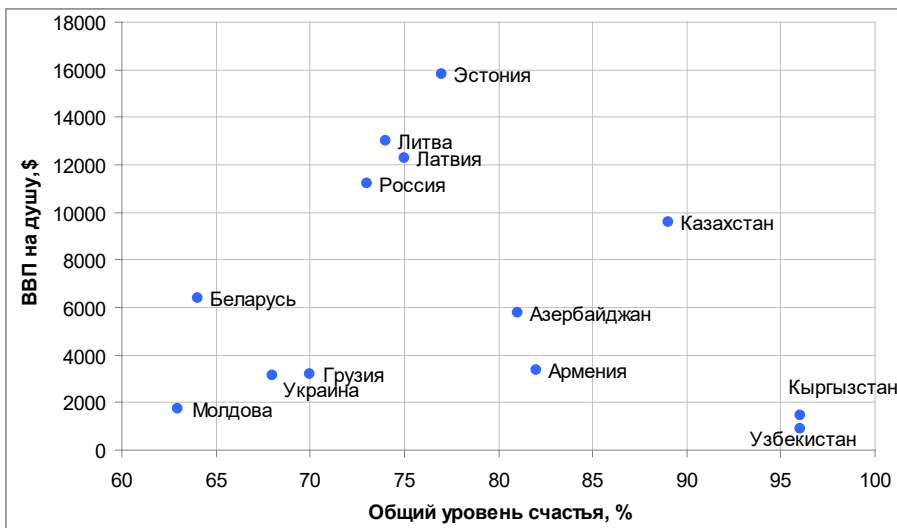

Рисунок 1. Общий уровень счастья и ВВП на душу населения

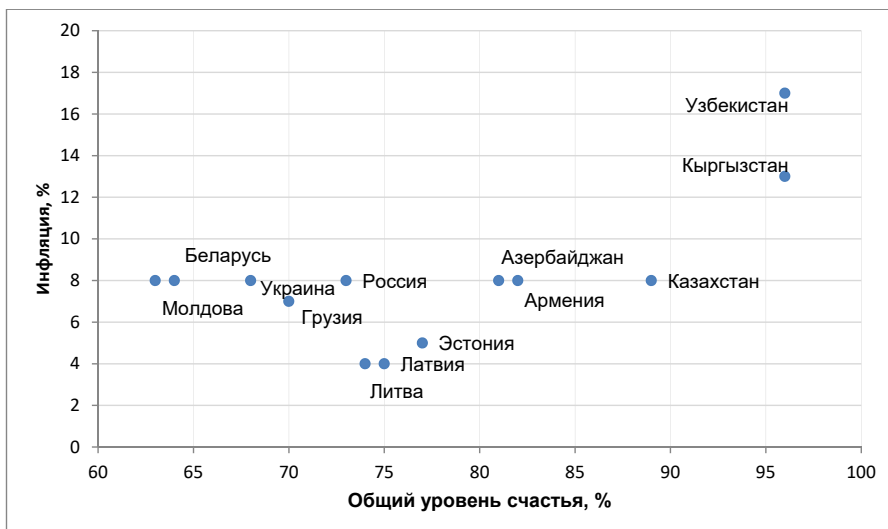

Рисунок 2. Общий уровень счастья и уровень инфляции

Рисунок 3. Общий уровень счастья и уровень неравенства

Рисунок 4. Общий уровень счастья и размер пенсий

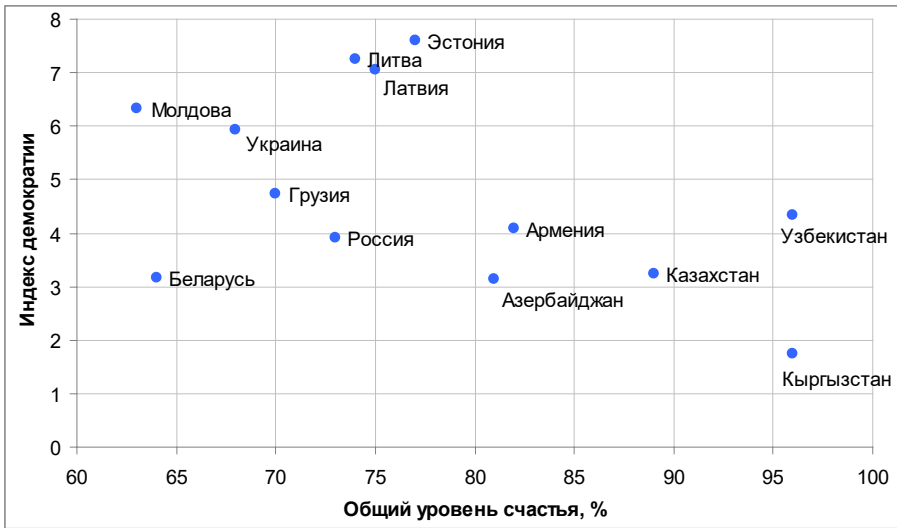

Рисунок 5. Общий уровень счастья и Индекс демократии

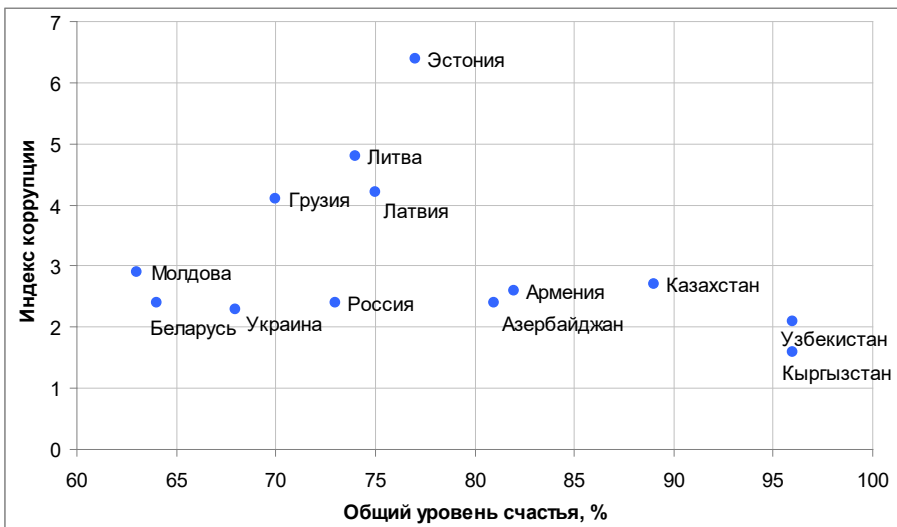

Рисунок 6. Общий уровень счастья и Индекс коррупции

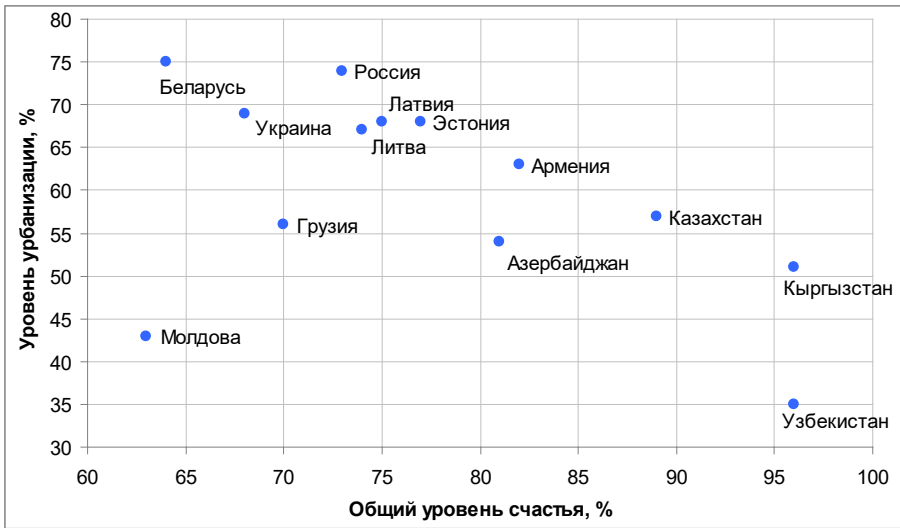

Рисунок 7. Общий уровень счастья и урбанизация

Рисунок 8. Общий уровень счастья и уровень образования

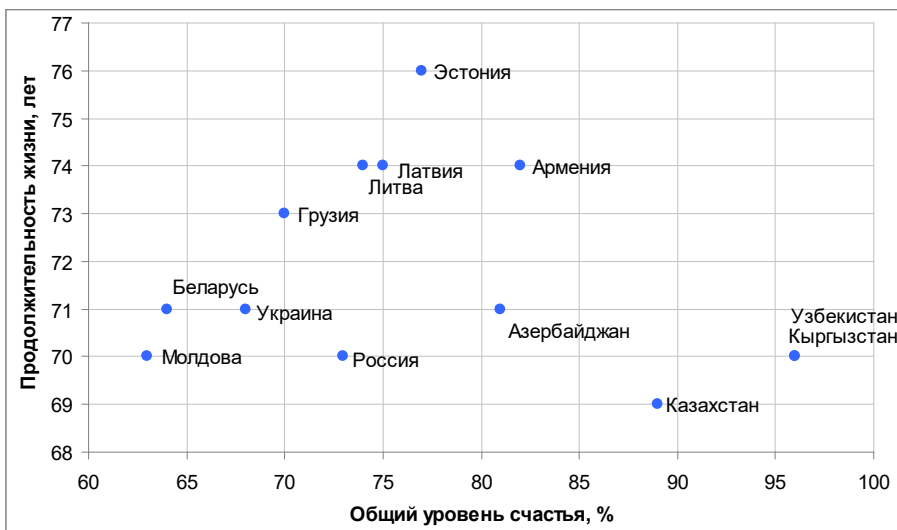

Рисунок 9. Общий уровень счастья и продолжительность жизни

Приложение 2

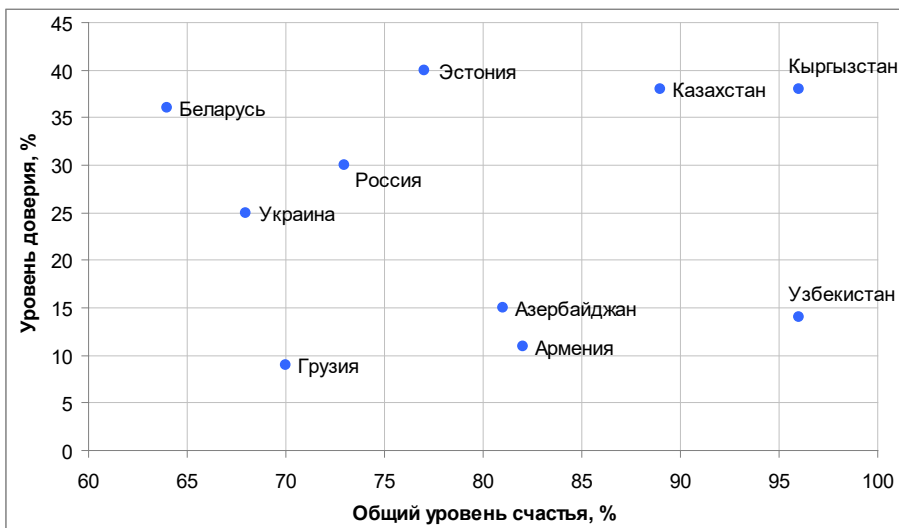

Рисунок 10. Общий уровень счастья и межличностное доверие

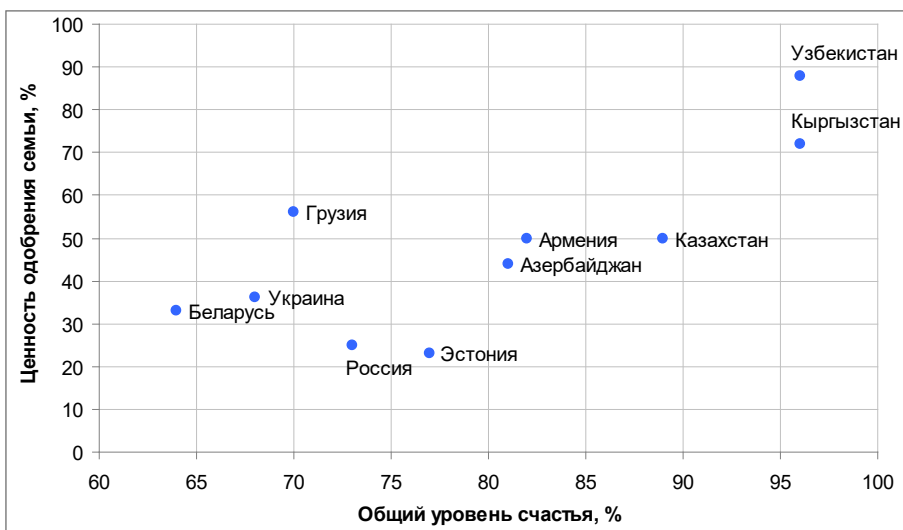

Рисунок 11. Общий уровень счастья и Ценность одобрения со стороны семьи

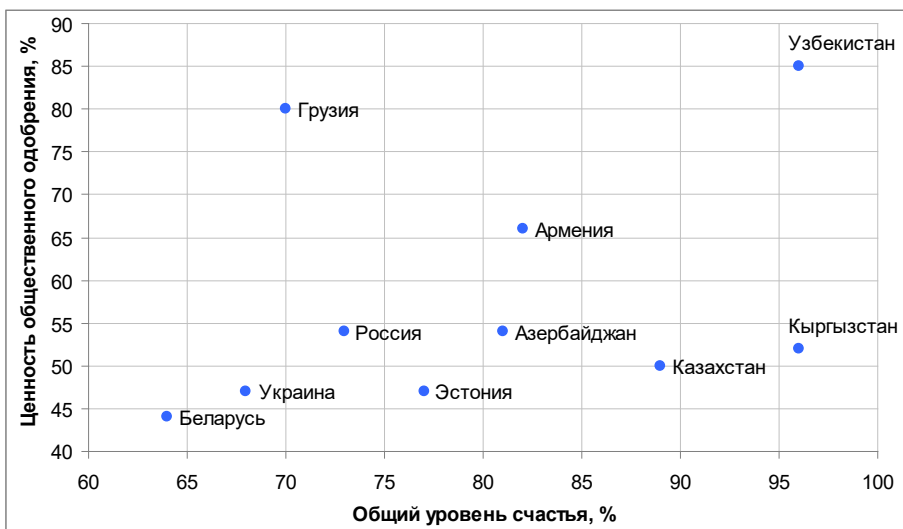

Рисунок 12. Общий уровень счастья и Ценность общественного одобрения

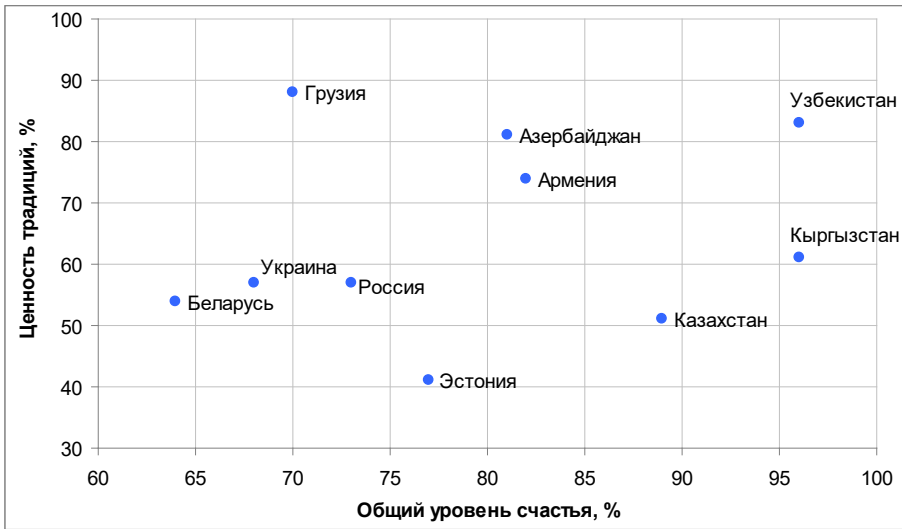

Рисунок 13. Общий уровень счастья и Ценность традиций

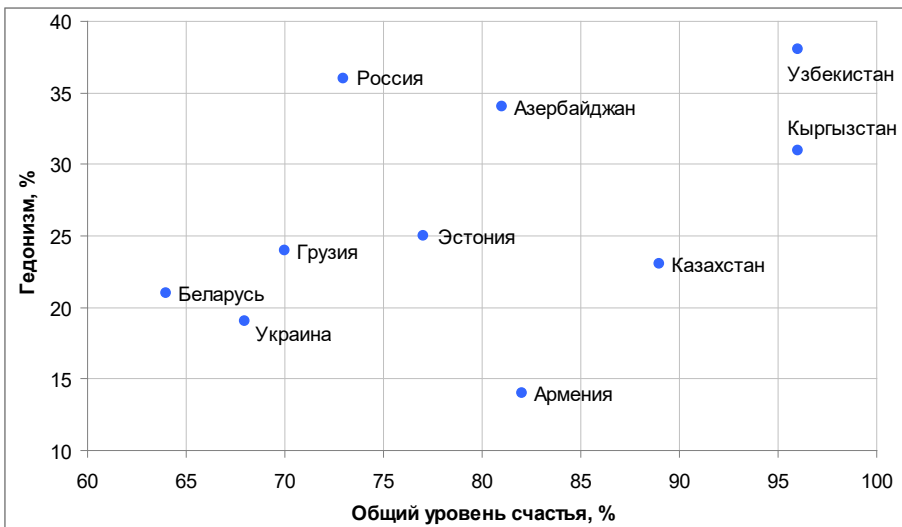

Рисунок 14. Общий уровень счастья и Гедонизм

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.14

Правильная ссылка на статью:

Зеленов И. А., Прохода В. А. Субъективное благополучие и доверие в контексте психологической безопасности в современной России и других европейских странах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 340—367. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.14>.

For citation:

Zelenev I. A., Prokhoda V. A. (2020) Subjective Well-Being and Trust in the Context of Psychological Security in Contemporary Russia and Other European Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 340—367. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.14>.

И. А. Зеленов, В. А. Прохода СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ДОВЕРИЕ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ДОВЕРИЕ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

SUBJECTIVE WELL-BEING AND TRUST IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL SECURITY IN CONTEMPORARY RUSSIA AND OTHER EUROPEAN COUNTRIES

ЗЕЛЕНЕВ Илья Александрович — научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: Zelenev@YANDEX.RU

<https://orcid.org/0000-0002-4658-5601>

Ilya A. ZELENEV¹ — Research Fellow at the Chair of Social Psychology, Department of Psychology

E-MAIL: Zelenev@YANDEX.RU

<https://orcid.org/0000-0002-4658-5601>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ПРОХОДА Владимир Анатольевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник кафедры философии образования философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; доцент департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: prohoda@bk.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7508-960X>

Vladimir A. PROKHODA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow at the Chair of Philosophy of Education, Department of Philosophy; Assistant Professor at the Department of Sociology, History and Philosophy
E-MAIL: prohoda@bk.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7508-960X>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Аннотация. В русле междисциплинарного подхода в статье обосновывается и иллюстрируется целесообразность использования интегративной характеристики «психологическая безопасность» для оценки макросоциальной ситуации в стране или регионе. Эмпирическая основа статьи — результаты обработки некоторых данных проекта European Values Study (EVS). Страны и федеральные округа РФ совместно ранжированы по следующим показателям: субъективное благополучие населения, обобщенное доверие, институциональное доверие, психологическая безопасность. Судя по полученным результатам, уровень субъективного благополучия россиян в сравнении с жителями остальных стран — участников EVS — чрезвычайно низкий. Ниже показатель только в Болгарии. На противоположном «полюсе» — Швейцария, Исландия и Норвегия. Россию, к сожалению, нельзя отнести и к числу государств с высоким уровнем генерализованного доверия. Его показатель минимальный из 30 стран — в Албании, а максимальный — в Дании. По европейским меркам, в России — средний уровень институционального доверия. Наименьший он в Болгарии, а самый высокий — в Норвегии. Из об-

Abstract. The article applies a multidisciplinary approach and investigates the viability of using an integrative characteristic of psychological security to assess macrosocial situation regionally and nationally. The paper is based on the data drawn from European Values Study (EVS). The countries and Russian federal districts were ranged according to the following parameters: subjective well-being, generalized trust, institutional trust, and psychological security. The results suggest that, compared with residents of other EVS member countries, the level of subjective well-being among Russians is extremely low. Only Bulgaria has a lower position. On the other pole of the scale are Switzerland, Iceland and Norway. In terms of generalized trust the list of 30 countries is headed by Denmark, with Albania at the bottom of the list. Unfortunately, Russia cannot be found among the countries with the highest levels of generalized trust. By European standards, Russia has an average level of institutional trust in the list, with Bulgaria at the bottom, and Norway remaining and the top. Of all participant countries, seven have lower levels of psychological security than Russia; Bulgaria and Albania have the lowest standings; the most favorable situation is in Finland and

щего числа стран — участниц проекта в семи уровень психологической безопасности ниже, чем в России. Самое неблагоприятное положение — в Болгарии и Албании, наиболее благоприятное — в Финляндии и Норвегии. Выявлены лидеры и аутсайдеры среди российских федеральных округов. Определены сильные и слабые компоненты психологической безопасности в нашей стране.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, макросоциальный подход, субъективное благополучие, доверие, психологическая безопасность, корреляционный анализ, факторный анализ, дисперсионный анализ, регрессионный анализ

Norway. The study also reveals leaders and outsiders among Russian federal districts and describes strong and weak points of psychological security in Russia.

Keywords: interdisciplinary approach, macrosocial approach, subjective well-being, trust, psychological security, correlation analysis, factor analysis, dispersion analysis, regression analysis

Субъективное благополучие и доверие

Счастье — это не только личное дело отдельного человека, но и достояние социума, оно может иметь до некоторой степени независимые когнитивные и эмоциональные составляющие [Аргайл, 2003]. Психологическое благополучие первоначально рассматривалось как личностное ощущение удовлетворенности жизнью и не связывалось с субъективным благополучием. Однако Э. Динер в своей теории рассматривает субъективное благополучие как состоящее из трех компонентов: удовлетворения, позитивных и негативных эмоций [Diener, 1984]. Существуют подходы, объединяющие оба понятия или определяющие их как составные части друг друга (Н. Брэдбурн, К. Рифф, Э. Динер, Р. Лэйард, Е. Н. Панина и др.). Субъективное благополучие можно понимать как общую оценку своей жизни человеком, включающую эмоциональные и рациональные компоненты. Это аналог философского понятия счастья и определения «качество жизни» [Леонтьев, 2011]. Образно говоря, в семантическом пространстве различных теорий счастья, психологическое и субъективное благополучие находятся как бы на пересекающихся прямых [Карпетян, 2014]. Существенно, что даже при схожем экономическом положении субъективные оценки благополучия могут различаться в разных странах, так как опираются на сравнение человеком себя с окружающими. Об этом свидетельствует, в частности, проведенное коллегами сравнение показателей объективного и субъективного благополучия населения в двадцати европейских странах [Золотарева, Зайковская, 2015].

Сегодня отмечается, что вхождение категории «доверие» в научную парадигму объясняется осознанием остроты социальной проблемы утраты доверия в современном обществе. «Доверие составляет существенный момент межличностного

общения, межгруппового и организационного взаимодействия, а также функционирования общества в целом» [Антоненко, 2013: 111].

Основные подходы к пониманию природы доверия нельзя считать противоположными друг другу, но их отличают специфические особенности: первый подход делает акцент на рациональности и оценке надежности (Р. Хардин, Т. Ямагиши), второй — на доверии аутгруппам (Г. Тэджфел, Дж. Тернер), третий — на доверии как моральной норме (Э. М. Усланер, Ф. Фукуяма) [Алмакаева, 2014]. В контексте отношений в гражданском обществе целесообразно рассматривать доверие как генерализованное доверие по отношению к другим людям и различным социальным институтам (Б. Барбер, Х. Гарфинкель, Н. Луман) [Мерсиянова, 2013]. По Ф. Фукуяме, доверие, будучи основой социального капитала, обеспечивает воспроизводство социальной структуры [Фукуяма, 2001]. Социальный капитал — это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях, это то, что облегчает индивидуальные или коллективные действия, генерирует сети отношений, взаимности и доверия, социальные нормы [Coleman, 1988]. Доверие людям вообще получило в литературе название *генерализованного* (или *обобщенного*) доверия. Для его измерения в массовых опросах с 1950-х годов обычно задается вопрос об отношении к людям, с которыми респондент лично не знаком, то есть о доверии *большинству людей* [Рукавишников, 2008].

Феномен доверия имеет отношение к различным видам деятельности человека, пронизывает его систему социальной ориентации в обществе — через доверие к другим людям, к институтам, к политическим и иным структурам. *«Формирование доверия оказывает важное влияние на развертывание личностного потенциала, субъективного благополучия индивида в обществе»* [Доверие и субъективное благополучие..., 2018: 12]. По Р. Инглхарту, межличностное доверие и субъективное благополучие (наряду с другими составляющими) входят в синдром, называемый «продемократической культурой», и имеют самые высокие корреляции со стабильной демократией [Inglehart, 1997].

Психологическая безопасность

А. Маслоу определял психологическую безопасность как состояние, в котором человек осознает, что его окружение безопасно и не угрожает ему причинением вреда [Maslow et al., 1945]. По его мнению, человек, испытывающий незащищенность, «воспринимает мир, как джунгли, полные угроз, людей вокруг — опасными и эгоистичными; чувствует себя отвергнутым и изолированным, встревоженным и враждебно настроенным; склонен к конфликтам, напряженности, закрытости; его беспокоит чувство вины, существуют проблемы с самооценкой...» [Maslow, 1942: 337]. Ощущающие себя психологически защищенными обычно уверены в себе, доверяют другим, менее беспокойны, более социальны и активно вовлечены в отношения с другими людьми [Taormina, Sun, 2015]. Чувство безопасности способствует развитию позитивных межличностных связей и предопределяет счастье во взаимоотношениях [Demir, 2008].

Представления о безопасности формируются после первичной оценки (оценка событий, условий или ситуации в качестве индикатора угрозы или опасности) и вторичной оценки (оценка того, насколько имеющихся средств защиты достаточно,

чтобы справиться с предполагаемой угрозой или опасностью). Если люди считают, что возникнут трудности в преодолении угрозы, то у них возникает убеждение о незащищенности, сопровождающееся аффективными последствиями [Lazarus, 1991; Smith, Lazarus, 1993]. Э. Симсен и коллеги [Siemsen et al., 2009] отмечают, что состояние безопасности влияет на интерпретацию будущего: «Когда человек чувствует, что он в безопасности и может правильно прогнозировать события, он будет делать выборы, способствующие расширению своей системы, даже с риском ошибиться, но затем последует период, в течение которого он будет совершать выборы, снижающие вероятность ошибки и служащие подкреплениями» [цит. по: Зотова, 2016: 249].

В рамках теории сохранения ресурсов (Conservation of Resources Theory — COR) предполагается, что люди вкладывают свои личностные ресурсы (такие как самооффективность, эмоциональный интеллект и т. п.), чтобы справиться с проблемами или угрожающими жизни ситуациями и защитить себя от стресса. Но стресс и даже угроза жизни могут возникнуть, когда эти ресурсы утрачены или не могут быть пополнены [Hobfoll, 1989]. С опорой на модель COR коллегами получены интересные данные о том, что психологическая безопасность, эмоциональный интеллект и самооффективность являются психологическими предикторами удовлетворенности жизнью [Afolabi, Baloguna, 2017].

В другом исследовании выявлена положительная корреляция между ежемесячными доходами (связь которых с субъективным благополучием хотя и не линейна, но прослеживается) и уровнем межличностного доверия, интерпретируемая как то, что люди с более высокими доходами чувствуют себя менее обеспокоенными ненадежностью других, потому что достаточные финансовые ресурсы укрепляют уверенность в себе и позволяют «не бояться доверять». А испытывающие недостаток в денежных средствах — более уязвимы и больше переживают из-за неискренности окружающих. В той же работе подтвердилась гипотеза о положительной взаимосвязи психологической безопасности, межличностного доверия и удовлетворенности жизнью [Taormina, Sun, 2015].

Многие исследователи указывают «на прямую связь между характеристиками окружающего нас мира и психологической безопасностью... Небезопасная или неупорядоченная окружающая среда может приводить к возникновению чувства бессилия, вызывать ощущение, что жизнь хаотична и полна неконтролируемых угроз» [Зотова, 2016: 248]. Нестабильность окружающей среды ведет к недоверию, беспомощности и социальной изоляции. Чувство небезопасности (незащищенности) становится причиной снижения самооффективности, доверия и социальной сплоченности [Ross, Mirowsky, 2009]. Примечательно, что выявлено и обратное влияние уровня безопасности социальных отношений на облик окружающей среды. Кроме того, обнаружена взаимосвязь между восприятием района своего проживания как опасного с наличием депрессивных симптомов [Aneshensel, Sucoff, 1996].

Все вышесказанное согласуется с сентенцией о том, что «...психологическая устойчивость общества, психологическое здоровье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, качество жизни» формируют психологическую безопасность личности [Зинченко, Зотова, 2010: 120].

Согласно концепции психологической безопасности, предложенной Д. Бар-Талем, на основе субъективного восприятия и интерпретации внешних событий формируются представления о безопасности, являющие собой субъективное отражение реальности. Объектом безопасности, в отношении которого человек испытывает чувство неуверенности, может выступать, например, сам человек, его семья, этническая или религиозная группа, конкретная нация, государство и даже весь мир [Bar-Tal, Kruglanski, 1988].

Добавим, что проведенные российскими психологами исследования в последние годы дали подтверждение взаимосвязи психологической безопасности и доверия в межнациональном взаимодействии [Донцов и др., 2018; Dontsov et al., 2019].

На макросоциальном уровне *психологическая безопасность* — это «такое состояние общественного сознания, при котором общество в целом и каждая отдельная личность воспринимают существующее качество жизни как адекватное и надежное, поскольку оно создает реальные возможности для удовлетворения естественных и социальных потребностей граждан в настоящем и дает им основания для уверенности в будущем» [Рошин, Соснин, 1995: 26]. Наряду с состоянием *психического здоровья общества* (статистика самоубийств, неврозов и психозов, фактов психических эпидемий), индикаторами психологического состояния общества могут служить результаты социологических исследований по вопросам, касающимся веры людей в будущее и собственные перспективы, их оценки происходящих процессов и собственного положения, их отношения к властным структурам, оптимизма/пессимизма и т. п. [там же].

Психологическая безопасность общества включает в себя, помимо прочего, уровень субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью населения, уровень доверия населения социально-экономическим и политическим институтам, а также уровень социального доверия [Доверие и субъективное благополучие..., 2018].

Интересно, что, учитывая рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), при составлении рейтинга счастливых стран мира (Ranking of Happiness) используются показатели, которые отчасти пересекаются с конструктом *психологическая безопасность общества*: ВВП (ППС) на душу населения (в международных долларах); ожидаемая продолжительность здоровой жизни (по данным ВОЗ); результаты ответов респондентов на вопросы о наличии у них потенциальной социальной поддержки (помощи родственников, друзей), о свободе жизненного выбора, о жертвовании на благотворительность за прошедший месяц, о распространенности коррупции, о счастье [Helliwell et al., 2017: 17].

Резюмируя, отметим, что понимание безопасности как психологического явления не отрицает ее экономические, военные и т. п. концепции. Просто предлагают новые ракурсы и новые исследовательские методики.

Цели работы:

- 1) выявление уровней и взаимосвязей — субъективного благополучия, общенного (генерализованного) доверия, институционального доверия — в контексте психологической безопасности общества в России и других европейских странах;

- 2) определение сильных и слабых сторон (из числа указанных компонентов) психологической безопасности в России.

Методика и инструментарий исследования

Эмпирической основой проведенного вторичного анализа стали материалы второго релиза пятой волны межстранового социологического исследования «Европейское исследование ценностей» (European Values Study — EVS)¹, проведенного в 2017 г. В публикации анализируются данные по тридцати странам. Азербайджан, Армения и Грузия географически расположены в Азии, однако тесно интегрированы в европейское культурное и экономическое пространство, входят в объединение Восточное партнерство, и поэтому представлены в анализе.

При обработке первичной социологической информации использованы: корреляционный анализ (ранговая корреляция Спирмена), факторный анализ², однофакторный дисперсионный анализ, линейный регрессионный анализ. Из базы данных EVS-2017 с результатами опроса, после предварительного отбора были взяты для обработки ответы респондентов на одиннадцать вопросов (см. табл. 1).

Таблица 1. Вопросы анкеты и результаты факторного анализа № 1, № 2

		Факторные нагрузки***
Факторный анализ № 1*	Q 2. Говоря в целом, можете ли Вы сказать, что Вы... (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Очень счастливы», а «4» — «Совсем не счастливы»)	-0,77
	Q 3. Как Вы оцениваете состояние своего здоровья на сегодняшний день? По Вашему мнению, оно... (Шкала ответов от 1 до 5: «1» означает «Очень хорошее», а «5» — «Очень плохое»)	-0,69
	Q 9. Некоторые люди полагают, что они совершенно свободны в выборе и сами определяют свою жизнь, другие же считают, что они никак реально не влияют на то, что с ними происходит. Используя эту шкалу, оцените, пожалуйста, в какой степени, как Вам кажется, Вы влияете на ход своей жизни. (Шкала ответов от 1 до 10) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 Совсем не влияю Сильно влияю	0,62
	Q 10. Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время? (Шкала ответов от 1 до 10) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 Совершенно не удовлетворен Полностью удовлетворен	0,83

¹ «Европейское исследование ценностей» — проект, в рамках которого с 1981 г. регулярно проводится сравнительное изучение убеждений, предпочтений, установок, ценностей населения европейских стран. Опрашиваются респонденты в возрасте 18 лет и старше по репрезентирующей население страны случайной выборке. Метод сбора первичной социологической информации — формализованное личное интервью (face-to-face). В 2017 г. впервые страны собирали данные в смешанном режиме с дополнительным использованием онлайн-опроса. (Подробнее см.: European Values Study. GESIS — Leibniz Institute for the Social Sciences. URL: <https://www.gesis.org/en/services/data-analysis/international-survey-programs/european-values-study/> (accessed: 17.02.2020)). В России опрос проведен ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в ноябре — декабре 2017 г., размер выборки — 1825 респондентов.

² Термин «факторный анализ» использован в широком смысле, включающем анализ главных компонент [Бююль, Цёфель, 2002: 370].

		Факторные нагрузки***
Факторный анализ № 2**	Q 38 с. Я перечислю Вам сейчас некоторые организации и общественные институты. Скажите, насколько Вы доверяете системе образования? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,65
	Q 38 f. Скажите, насколько Вы доверяете полиции? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,71
	Q 38 h. Скажите, насколько Вы доверяете государственным учреждениям (службам)? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,75
	Q 38 i. Скажите, насколько Вы доверяете системе социального обеспечения? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,75
	Q 38 l. Скажите, насколько Вы доверяете системе здравоохранения? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,75
	Q 38 m. Скажите, насколько Вы доверяете системе правосудия? (Шкала ответов от 1 до 4: «1» означает «Полностью доверяю», а «4» — «Совсем не доверяю»)	-0,77
	Q 7. Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми? (Шкала ответов: «1» — «Большинству можно доверять»; «2» — «Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми»)	

* Анализ методом главных компонент; извлечена только одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера — Мейера — Олкина = 0,7; объясняемая дисперсия = 54 %.

** Анализ методом главных компонент; извлечена только одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера — Мейера — Олкина = 0,86; объясняемая дисперсия = 54 %.

*** Знак «минус» у факторной нагрузки для соответствующего вопроса указывает на обратную связь данного вопроса с полученным фактором (т. е. шкала ответов на вопрос противоположна направлению фактора).

Субъективное благополучие

Для выявления комплексной переменной, характеризующей субъективное благополучие респондентов, использовалась процедура факторного анализа. Поиск оптимального факторного решения проводился по различным наборам переменных (вопросов анкеты), учитывалось содержание существующих методик. Финальный вариант включал в себя факторизацию ответов на вопросы анкеты: Q2, Q3, Q9, Q10 (см. табл. 1). Полученный один главный фактор до вращения³ (см. результаты факторного анализа № 1 в табл. 1) интерпретируется как «Субъективное благополучие» (в дальнейшем «**S**»). Чем меньше значение по фактору, тем ниже у респондента уровень субъективного благополучия,

³ Напомним, что первый фактор до вращения («главный») всегда располагается в направлении максимальной вытянутости облака дисперсии ответов, что часто используется при конструировании психологических тестов.

а чем больше значение по данному фактору — тем уровень субъективного благополучия выше.

На рис. 1 страны — участницы EVS-2017 и восемь федеральных округов Российской Федерации (ФО РФ)⁴ расположены в порядке возрастания их средних факторных значений по уровню субъективного благополучия.

Предлагаемая методика совместного рассмотрения показателей в странах и в ФО РФ — это главным образом демонстрация тех потенциальных возможностей, которые появляются для комплексного содержательного описания ситуации в российских регионах, с учетом сходства макросоциальной ситуации в них с отдельными странами. Очевидно, что полномасштабная реализация подобного сравнения, так же как и сравнение ФО между собой, требует использования применительно к российским макрорегионам выборок больших объемов.

Дисперсионный анализ показал, что по уровню субъективного благополучия значимые различия между Россией в целом и ФО отсутствуют.

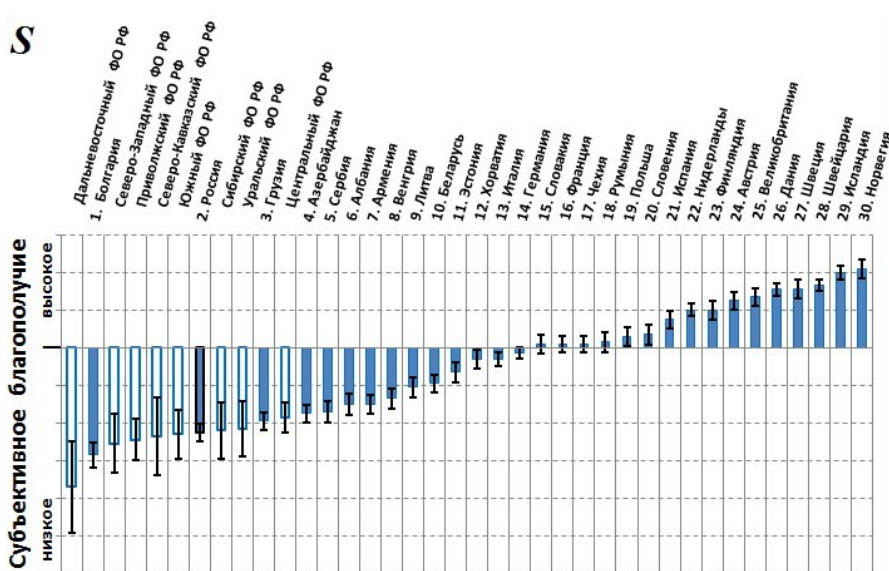

Рис. 1. Уровень субъективного благополучия населения и 95% доверительный интервал для среднего (30 стран и 8 ФО РФ ранжированы в порядке возрастания показателя)

В России, в сравнении с жителями остальных стран-участниц EVS-2017, один из самых низких уровней субъективного благополучия (ранг = 2). Хуже ситуация складывается только в Болгарии (ранг = 1). На диаграмме (см. рис. 1) рядом с Россией расположены Грузия (ранг = 3) и Азербайджан (ранг = 4), в которых положение дел выглядит не намного лучше. В целом обращает на себя внимание

⁴ Проведенное сравнение показало, что структура факторного решения идентична не только для национальных выборок (то есть в 30 странах), но и воспроизводится на уровне российских макрорегионов (все переменные попадают в главный фактор до вращения). Появляется возможность сравнения ситуации в федеральных округах с Россией в целом, а также с другими европейскими странами.

то, что в числе стран-аутсайдеров оказались постсоветские и постсоциалистические государства.

В правом, «благополучном» крыле этой диаграммы расположились Скандинавские страны (Дания: ранг = 26; Швеция: ранг = 27; Норвегия: ранг = 30), а также Исландия (ранг = 29) и Швейцария (ранг = 28). Полученные результаты весьма устойчивы и подтверждаются данными других исследований [Донцов, Зеленов, Прохода, 2019].

Для иллюстрации того, что собой представляет полученный нами ранг каждой страны после ранжирования средних факторных значений, обратимся к процентным распределениям «субъективно благополучных/неблагополучных» респондентов в четырех выбранных для примера странах (см. табл. 2)⁵.

Таблица 2. Процентные распределения «субъективно благополучных/неблагополучных» респондентов в четырех странах

Ранг	Страна	Субъективно неблагополучные	Скорее, субъективно неблагополучные	Скорее, субъективно благополучные	Субъективно благополучные
01	Болгария	47,3	19,6	16,6	16,5
02	Россия	42,3	28,9	17,6	11,2
16	Франция	22,6	27,9	24,5	25
30	Норвегия	11,5	18,4	28,9	41,2

Итак, в Болгарии (ранг = 1) и России (ранг = 2) наблюдается закономерность: чем ниже уровень субъективного благополучия респондента (разумеется, в рамках полученной 4-балльной шкалы), тем больше таких респондентов в стране. Норвегия (ранг = 30), напротив, демонстрирует обратную закономерность: чем выше уровень субъективного благополучия респондента, тем больше таких респондентов в стране. Во Франции (ранг = 16) опрошенные распределены по группам относительно равномерно.

Генерализованное доверие

Под генерализованным, или обобщенным доверием традиционно понимается «доверительное отношение к людям, о которых индивид не имеет никакой априорной информации» [Рукавишников, 2008: 18]. Для выявления уровня генерализованного доверия (в дальнейшем — «G») проводился частотный анализ ответов на вопрос о том, можно ли доверять большинству людей (вопрос Q7, см. табл. 1). Использование такой формулировки вопроса, в том числе применительно к России, вызывает определенные дискуссии [Алмакаева, 2014; Кертман, 2006; Рукавишников, 2008; Miller, Mitamura, 2003; Torpe, Lolle, 2011]. Не углубляясь в полемику, отметим, что считаем допустимым использование данного вопроса

⁵ Шкалы нормализованных значений в данном случае преобразовывались в четырехбалльные путем деления респондентов после ранжирования на четверти (таким образом, в первый квартал попадают 25% респондентов — с минимальными значениями по характеристике, а в четвертый квартал — 25% с максимальными). Отметим, что таблицы процентных распределений (см. табл. 2—4) предлагаются главным образом не для сравнения их друг с другом, а именно для иллюстрации того, что собой представляет полученный нами ранг каждой страны.

анкеты — при сравнении ситуации в России и других европейских странах, применительно к целям нашего исследования.

Уровень генерализованного доверия, характеризуемый долей респондентов, считающих, что большинству людей можно доверять, представлен (по каждой из 30 стран и по 8 ФО РФ) на рис. 2.

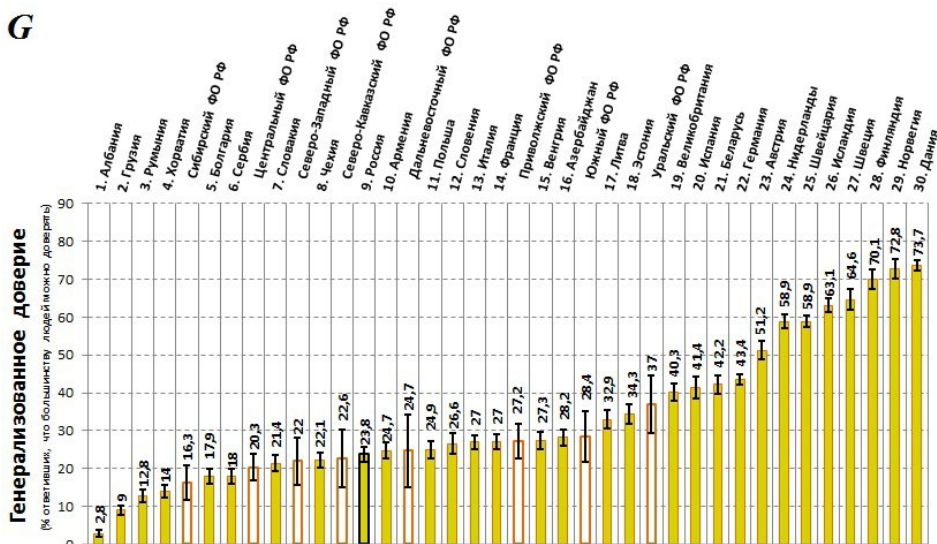

Рис. 2. Уровень генерализованного доверия и 95% доверительный интервал для долей (30 стран и 8 ФО РФ ранжированы в порядке возрастания показателя)

Обращает на себя внимание высокий, по сравнению с Россией в целом, уровень генерализованного доверия в Уральском ФО и низкий — в Сибирском ФО. Высокий уровень межличностного доверия в Уральском ФО отмечается и по результатам других исследований [Воронов, Ромашкин, 2010].

Европейские страны оказались весьма дифференцированы по полученному показателю. Минимальное и максимальное значения **G** различаются более чем в 26 раз. Из рисунка 2 следует, что респонденты из Албании (2,8%) в большей мере, чем опрошенные в остальных странах — участницах проекта, склонны с недоверием воспринимать большинство людей, не намного лучше обстоят дела и в Грузии (9%). Россию (с показателем 23,8%), к сожалению, нельзя отнести к числу государств с высоким уровнем генерализованного доверия. Максимальных значений **G** достигает в отдельных странах Северной Европы (от 58,9% в Нидерландах; 63,1% в Исландии; 64,6% в Швеции; 70,1% в Финляндии; 72,8% в Норвегии и до 73,7% в Дании), а также в Швейцарии (58,9%).

Показатели, близкие к российскому, фиксируются в Чехии (22,1%), Армении (24,7%) и Польше (24,9%). Кроме того, в левой половине диаграммы расположены бывшие социалистические государства и Грузия (9%), а также Италия (27%) и Франция (27%), которые имеют свою специфику (исследователи отмечают, что

сравнительно низкий уровень генерализованного доверия компенсируется здесь доверием к ближайшему окружению, в частности — семье [Фукуяма, 2004: 59]). Обращает на себя внимание сравнительно высокий уровень обобщенного доверия в Беларуси (42,2%).

Институциональное доверие

Далее проводился факторный анализ ответов на вопросы Q38c, Q38f, Q38h, Q38i, Q38l, Q38m. При факторизации шесть переменных сгруппировались в один главный фактор (см. результаты факторного анализа № 2 в табл. 1), назовем его «Институциональное доверие». Сразу уточним: полученный фактор отражает доверие к конкретным *шести институтам*, и при очевидной связи (корреляции) с институциональным доверием в широком понимании все же обладает определенной особенностью.

Использование фактора «Институциональное доверие шести институтам» вызвано необходимостью использования универсального для всех стран индикатора доверия институтам. Но дело в том, что при одновременной факторизации по более широкому списку институтов возникает проблема специфичности структуры факторов и их количества в разных странах. Только эти шесть институтов группируются в один фактор во всех странах. Как видим, речь идет о доверии институтам, с которыми респонденты могут непосредственно контактировать в своих повседневных социальных практиках (это их объединяет). Адекватность подобного индикатора с точки зрения оценки психологической безопасности общества аргументируем следующим образом. Взаимодействие с вышеуказанными институтами подразумевает обращение индивидов к репертуару как межличностных ролей, так и социальных. В подобном случае социальная роль является динамическим аспектом статуса, заданного макросоциальной структурой или государством. Поэтому от успешности таких взаимодействий будет зависеть ощущение той защищенности, обеспечение которой — прямая обязанность властей всех уровней.

Чтобы не забывать о необходимости учитывать рассмотренный нюанс, далее в тексте прибегнем к обозначению *институционального доверия шести институтам*, с которыми респонденты могут непосредственно контактировать в своих повседневных социальных практиках (*система образования, полиция, государственные учреждения (службы), система социального обеспечения, система здравоохранения, система правосудия*): «*I*» (то есть, *I*-штрих). Чем меньше значение по этому фактору, тем выше у респондента «Институциональное недоверие», а чем больше значение по фактору *I*, тем у респондента выше «Институциональное доверие».

На рисунке 3 страны и российские федеральные округа расположены в порядке возрастания их средних факторных значений.

По уровню институционального доверия значимо от общероссийских показателей отличается Северо-Западный ФО, жители которого демонстрируют низкий уровень *I*, сопоставимый, например, с показателями в Албании, Армении, Сербии, Словении, Хорватии, Румынии и др. Это отчасти согласуется с результатами других исследований [Воронов, Ромашкин, 2010]. Население Приволжского ФО, наоборот, характеризуется сравнительно высоким по общероссийским меркам

показателем, значимо не отличающимся от аналогичного, например, в Испании, Эстонии, Исландии, Германии, Нидерландах, Великобритании и др.

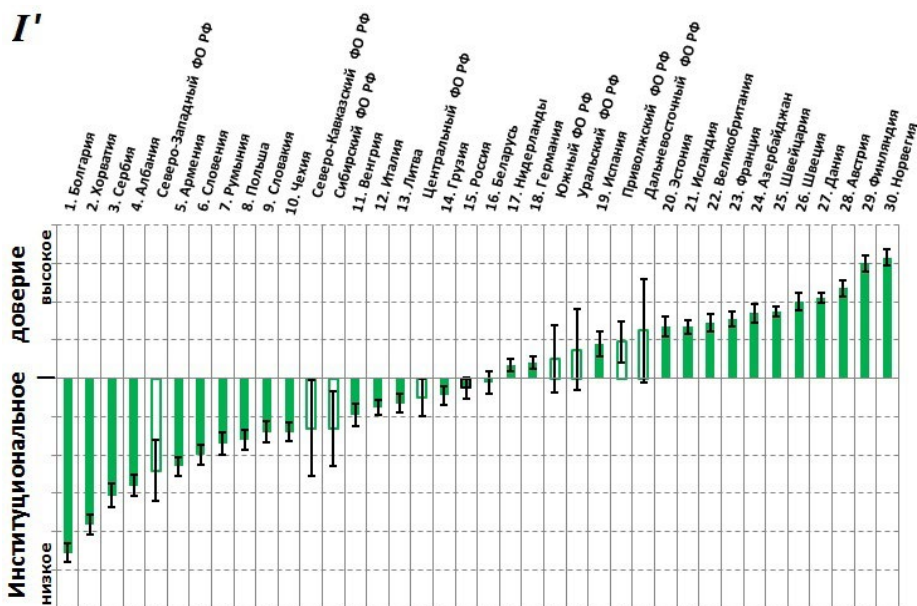

Рис. 3. Уровень институционального доверия и 95 % доверительный интервал для среднего (30 стран и 8 ФО РФ ранжированы в порядке возрастания показателя)

Минимальный, по европейским меркам, уровень I' фиксируются в Болгарии (ранг = 1). Страны-аутсайдеры (чье население характеризуется низким уровнем I'), расположенные в левой половине диаграммы, преимущественно представлены постсоциалистическими государствами и некоторыми из бывших советских республик (за исключением Италии). Россия (ранг = 15) находится в центральной части диаграммы, рядом с Грузией (ранг = 14) и Беларусью (ранг = 16), не выделяясь на общеевропейском фоне.

Сравнительно высоким показателем I' отличается Азербайджан (ранг = 24). Максимальных значений I' достигает в Финляндии (ранг = 29) и Норвегии (ранг = 30).

Процентные распределения в выбранных для примера странах представлены в таблице 3.

Для Болгарии (ранг = 1) очевидна закономерность: чем сильнее недоверие (по полученной нами 4-балльной шкале) респондента по отношению к шести институтам, тем больше таких респондентов в стране. В Грузии (ранг = 14) эта закономерность сохраняется, хотя и в существенно смягченном варианте. Норвегия (ранг = 30) демонстрирует обратную, «позитивную» закономерность: чем выше «институциональное доверие» респондента, тем больше там таких респондентов. В России (ранг = 15), которая находится в центре ранжированного ряда, нарушаются обе отмеченные закономерности разделения на четыре группы респондентов.

Таблица 3. **Процентные распределения, характеризующие уровень «Институционального доверия» респондентов в четырех странах**

Ранг	Страна	Низкое доверие	Скорее, низкое доверие	Скорее, высокое доверие	Высокое доверие
01	Болгария	64,8	19,8	11,8	3,5
14	Грузия	29,2	26,1	23,3	21,4
15	Россия	27,9	22,5	26,1	23,5
30	Норвегия	4	16,7	39,2	40,1

Субъективное благополучие и доверие как основа психологической безопасности

Корреляционный анализ, проведенный на уровне агрегированных по странам данных, показал наличие статистически значимой взаимосвязи показателей субъективного благополучия **S**, генерализованного доверия **G** и институционального доверия **I'**. Была выявлена прямая корреляция — чем выше в стране уровень субъективного благополучия, тем больше **G** ($r = 0,718$; $p < 0,001$) и **I'** ($r = 0,622$; $p < 0,001$). Генерализованное и институциональное доверие также сильно коррелируют ($r = 0,850$; $p < 0,001$).

Такая взаимозависимость теоретически обоснована. Исследователи связывают субъективное благополучие и обобщенное доверие [Инглхарт, Вельцель, 2011], указывают на связь уровня субъективного благополучия с эффективностью деятельности государственных институтов [Лепшокова, 2014].

Можно визуально проследить связь между рассматриваемыми характеристиками на рисунке 4. Для обеспечения сопоставимости шкал полученные показатели **S**, **I'**, **G** были стандартизованы⁶, то есть преобразованы в **z**-баллы (эта процедура не влияет на ранее полученные ранги стран; в дальнейшем под обозначениями **zS**, **zI'**, **zG** подразумевается то же самое, что и под **S**, **I'**, **G**, а именно: субъективное благополучие, институциональное доверие — доверие шести институтам, генерализованное доверие, соответственно).

Страны и федеральные округа РФ на рис. 4 изображены как объекты в трехмерной системе координат — в соответствии с тремя рассматриваемыми показателями (**zS**, **zI'**, **zG**). На диаграмме позиционирование каждой страны (и ФО РФ) в трехмерном пространстве — это интегративная характеристика, позволяющая получить более ценное в содержательном плане комплексное представление о ситуации, складывающейся в той или иной стране (или в российском ФО). На рисунках 5—7 — проекции описываемого облака.

⁶ Стандартизация использована для сопоставимости всех показателей — с показателем **G** (генерализованное доверие), единственным из четырех, который измеряется в %.

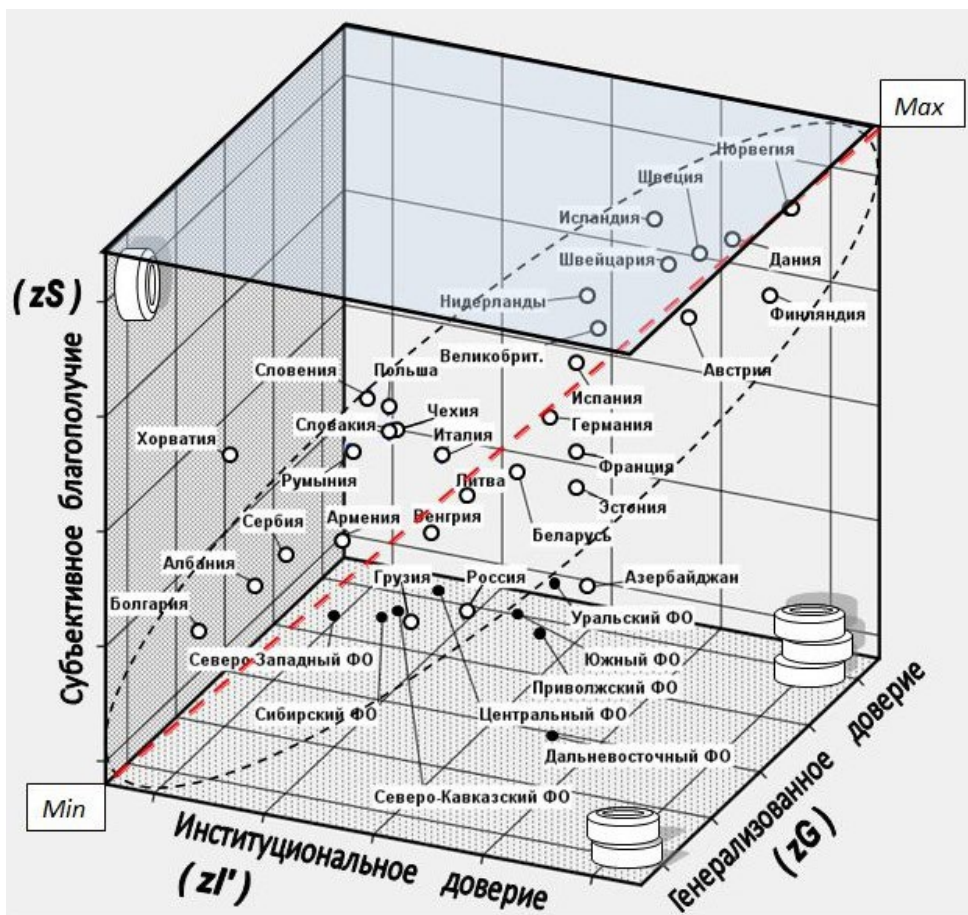

Рис. 4. Позиционирование 30 стран и 8 федеральных округов Российской Федерации в соответствии со стандартизированными средними значениями по характеристикам (z-баллы): субъективное благополучие, институциональное доверие, генерализованное доверие⁷

⁷ Три оси-характеристики образуют у «куба» на рисунке 4 три ребра, сходящиеся в вершине «Min» (параллельные ребра соответствуют одной и той же оси-характеристике). Две боковые грани «куба» «убраны», чтобы открыть его внутреннее пространство. Белые шашки размещены возле трех вершин, речь о которых пойдет позже.

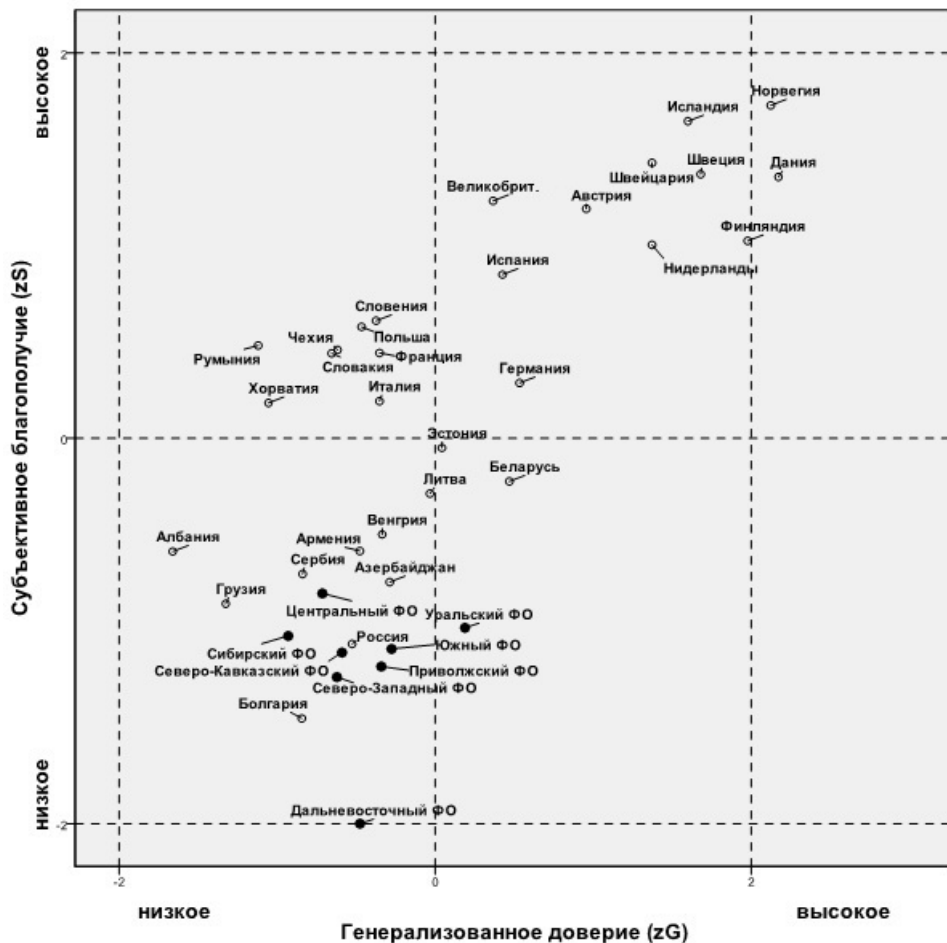

Рис. 5. Позиционирование 30 стран и 8 федеральных округов Российской Федерации в соответствии со стандартизированными средними значениями по характеристикам (z-баллы): субъективное благополучие, генерализованное доверие

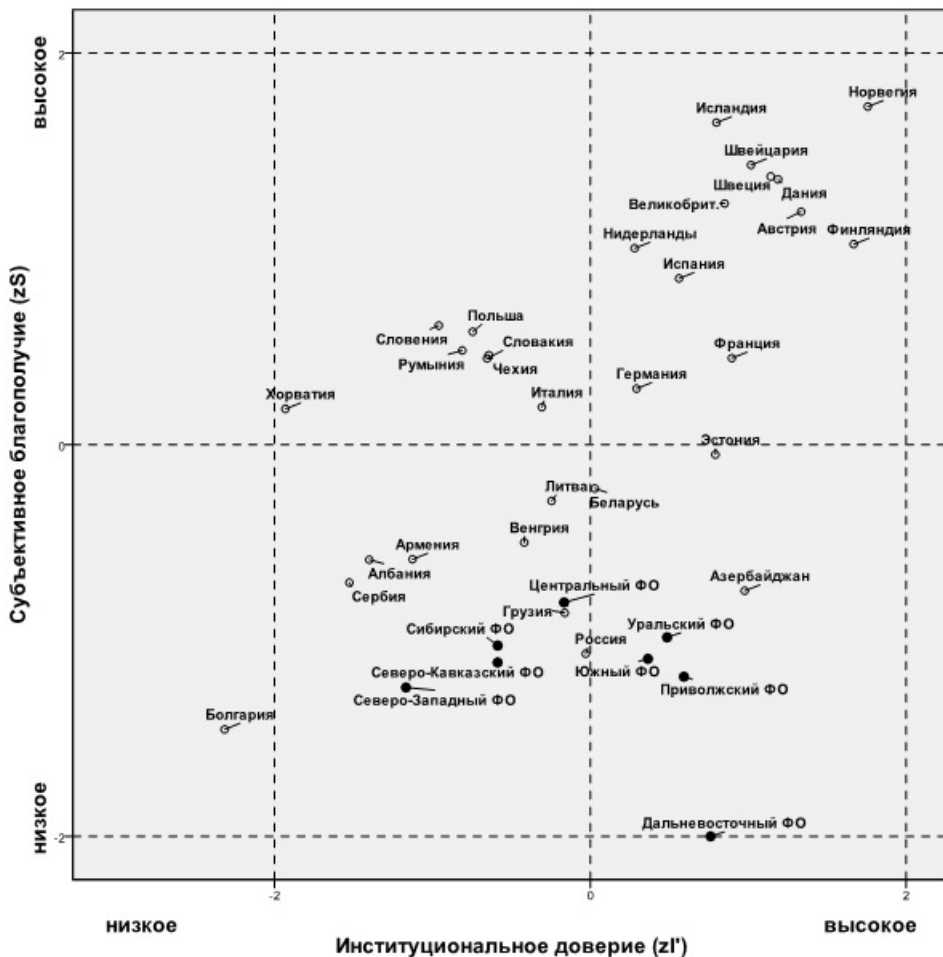

Рис. 6. Позиционирование 30 стран и 8 федеральных округов Российской Федерации в соответствии со стандартизированными средними значениями по характеристикам (z-баллы): субъективное благополучие, институциональное доверие

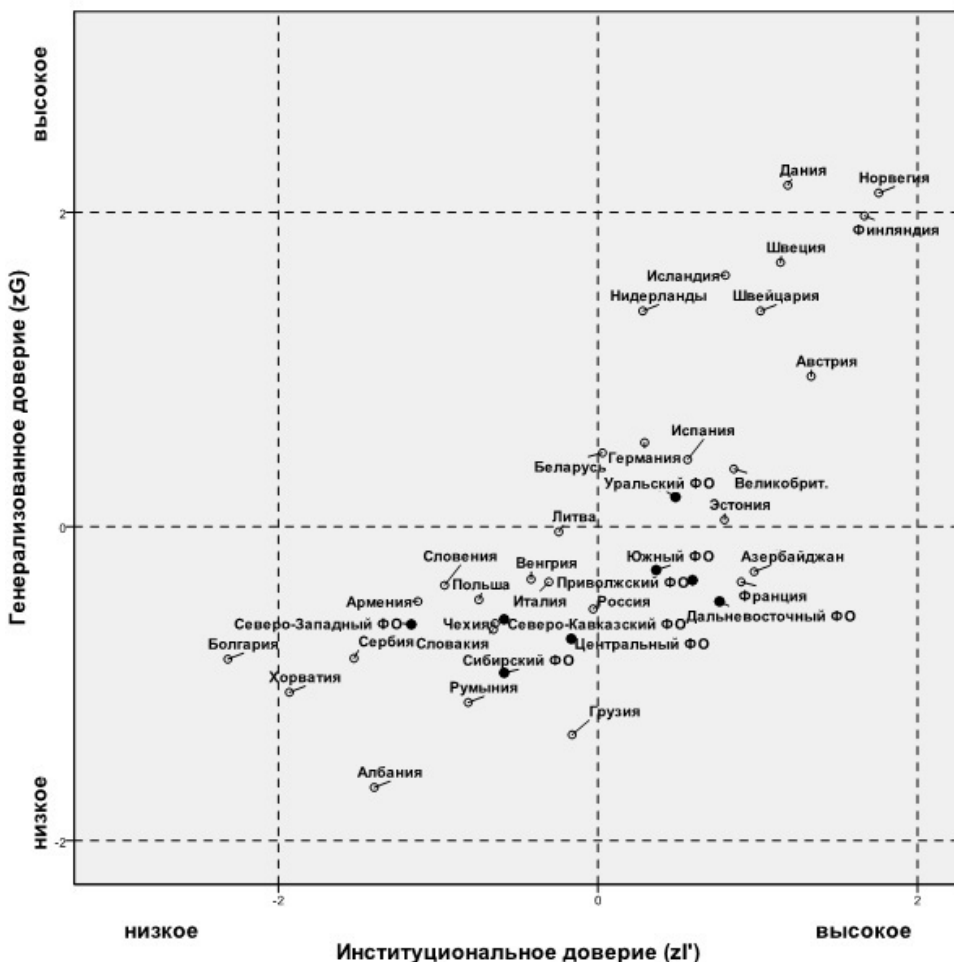

Рис. 7. Позиционирование 30 стран и 8 федеральных округов Российской Федерации в соответствии со стандартизированными средними значениями по характеристикам (z-баллы): генерализованное доверие, институциональное доверие

Обратим внимание на то, что на рисунке 4 «облако» стран по форме как бы «вытянуто»: от ближней к нам вершины куба «Min» (где значения по всем рассматриваемым характеристикам минимальны) — к вершине «Max» (где значения максимальны). «Вытянутость облака» объясняется линейной связью (корреляцией) показателей. Это свидетельствует о наличии скрытой (латентной) переменной, объединяющей все три рассматриваемые характеристики (zS , zI' , zG).

Примечательно, что очень мала вероятность попадания некоей гипотетической страны, например:

1) в левую верхнюю, ближнюю к нам вершину куба (возле которой «прикреплена» одна белая шашка) — это означало бы, что в такой стране при высоком

субъективном благополучии респонденты не доверяют как большинству других людей, так и *шести рассматриваемым* институтам;

2) в правую нижнюю, ближнюю к нам, вершину куба (возле которой стопка из двух белых шашек) — в такой гипотетической стране с низким уровнем субъективного благополучия населения и низким уровнем генерализованного доверия граждане доверяют *шести* институтам;

3) в правую нижнюю, дальнюю от нас, вершину куба (возле которой «размещена» стопка из трех белых шашек) — это означало бы, что, несмотря на низкий показатель субъективного благополучия, в данной стране имеет место высокий уровень генерализованного доверия и доверия *шести* институтам.

Не станем углубляться в остальные примеры «маловероятного» позиционирования стран, тем более что сам принцип сочетания значений по рассматриваемым характеристикам для конкретной страны ясен.

Отметим, что речь идет именно о *малой вероятности* «попадания» стран в вышеописанные вершины куба. Однако на диаграмме видно, что некоторые объекты находятся на границе облака (например, Словения) или даже заметно «выпадают» за его пределы (Азербайджан и некоторые российские ФО), «стремясь» в сторону вершин *маловероятного* расположения.

Судя по рисунку 4, ближе всех к вершине «*Min*» расположена Болгария, а это значит, что ситуация в ней — самая неблагоприятная из 30 стран, участвовавших в EVS-2017. Подтверждается многолетнее комплексное неблагоприятное макро-социальной ситуации в данной стране, что обнаруживалось и по результатам обработки некоторых данных проекта European Social Survey (ESS), участницей которого Болгария была в 2008 и 2010 гг. [Зеленев, 2013].

Сегмент «облака» возле вершины «*Max*» можно назвать «скандинавским», принимая во внимание преобладающие в нем страны. Самой «благополучной» на диаграмме выглядит Норвегия.

Для детальной оценки макросоциальной ситуации целесообразно обратиться к упомянутой латентной переменной, объединяющей три рассматриваемых показателя. Данная интегративная переменная интерпретируется как «Психологическая безопасность» (в дальнейшем — ***P***). Проведенный факторный анализ⁸ показал корректность объединения ***S***, ***I'***, ***G*** в единую характеристику — фактор ***P***. Его ось на рисунке 4 изображена красной пунктирной линией, а точка проекции на нее конкретной страны (или федерального округа РФ) и оказывается показателем уровня психологической безопасности в этой стране (или ФО РФ).

В целом чем выше субъективное благополучие населения, институциональное доверие и генерализованное доверие в той или иной стране, тем выше там уровень психологической безопасности, и наоборот.

Для проверки валидности интегративной характеристики ***P*** был выбран в качестве критерия ВВП (ППС) на душу населения в 2017 г. по данным МВФ⁹.

⁸ Для агрегированных показателей 30 стран: анализ методом главных компонент; извлечена только одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера — Мейера — Олкина = 0,71; объясняемая дисперсия — 83%. Факторные нагрузки: ***S*** = 0,88; ***G*** = 0,94; ***I'*** = 0,89.

⁹ The World Economic Outlook Database. April 2019 Edition. *International Monetary Fund*. 2019. April. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx> (accessed: 17.02.2020).

Не оспаривая того, что взаимосвязь психологической безопасности общества и его экономического благополучия сложна и не строго прямо пропорциональна, все же согласимся, что состояние психологической безопасности у большинства населения в экономически развитых странах позитивнее, чем у жителей бедных стран. Это наглядно продемонстрировано и на рисунке 8. Выявленная линейная регрессионная зависимость между двумя переменными объясняет 75,1 % дисперсии!

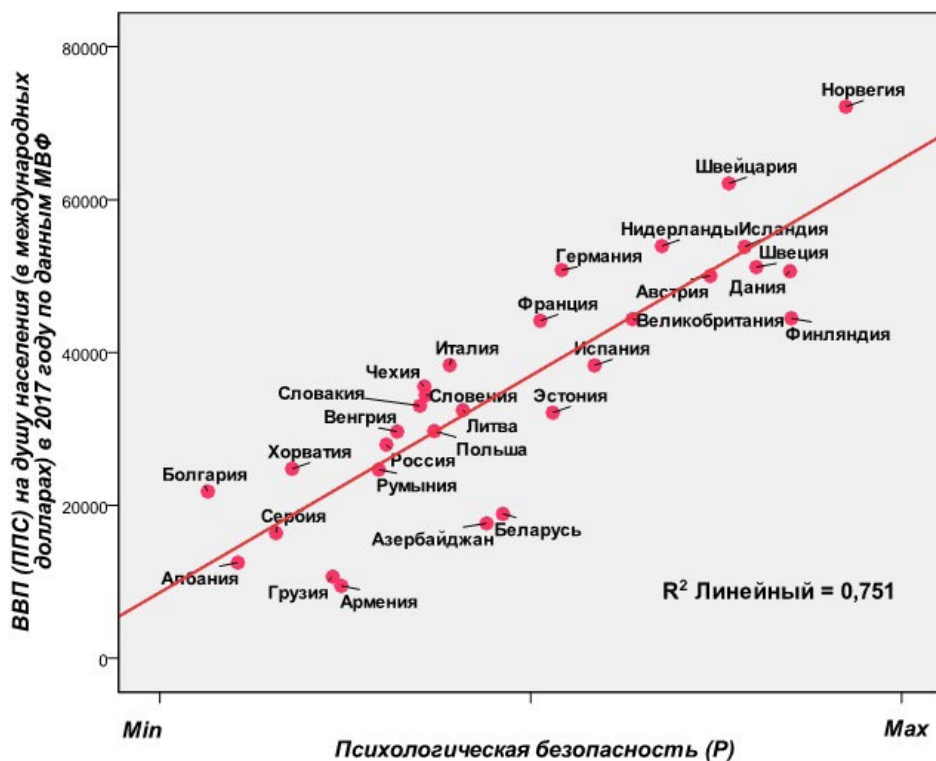

Рис. 8. Позиционирование 30 стран, в соответствии со значениями по характеристикам: психологическая безопасность, ВВП (ППС) на душу населения (в международных долларах) в 2017 г. по данным МВФ

На рисунке 9 тридцать стран и российские макрорегионы расположены в порядке возрастания их средних факторных значений по уровню психологической безопасности. Иными словами, чем меньше ранг страны, тем ниже у нее показатель **P**; а чем больше ранг — тем показатель выше.

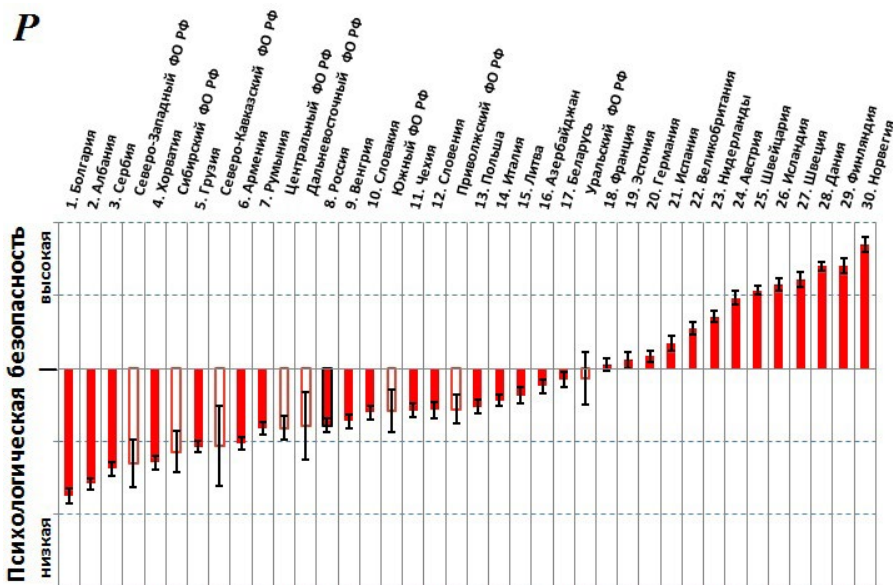

Рис. 9. Средние значения по характеристике «психологическая безопасность» и 95% доверительный интервал для среднего (30 стран и 8 ФО РФ ранжированы в порядке возрастания показателя)

По уровню психологической безопасности на общероссийском фоне выделяют-ся Северо-Западный ФО и Уральский ФО. В Северо-Западном ФО фиксируется самый низкий по российским меркам уровень **P** у населения, сопоставимый с неблагополучными по рассматриваемому показателю странами — Сербией, Хорватией, Албанией, Грузией, Болгарией, Арменией. УрФО характеризуется сравнительно высоким уровнем психологической безопасности, значительно не отличающимся, например, от Германии, Эстонии, Франции.

Самая неблагоприятная ситуация с уровнем психологической безопасности складывается в Болгарии (ранг = 1), о чем упоминалось при описании рисунка 4. Из рисунка 9 следует, что похожим образом обстоят дела в Албании (ранг = 2) и Сербии (ранг = 3). В «благополучном» крыле диаграммы расположились страны Северной Европы: Исландия (ранг = 26); Швеция (ранг = 27); Дания (ранг = 28); Финляндия (ранг = 29); Норвегия (ранг = 30).

Россия (ранг = 8) соседствует с Румынией (ранг = 7) и Венгрией (ранг = 9). К сожалению, нашу страну нельзя отнести к числу государств с высоким уровнем психологической безопасности общества.

Процентные распределения в выбранных для примера странах представлены в таблице 4.

Таблица 4. **Процентные распределения респондентов в соответствии с их субъективным состоянием психологической безопасности в четырех странах**

Ранг	Страна	Низкая <i>P</i>	Скорее низкая <i>P</i>	Скорее высокая <i>P</i>	Высокая <i>P</i>
01	Болгария	60,3%	21%	13,6%	5,1%
08	Россия	37,8%	28,7%	22,1%	11,4%
16	Азербайджан	21,8%	34,4%	28,7%	15,1%
30	Норвегия	3,7%	10,7%	26,3%	59,3%

В Болгарии (ранг = 1) налицо закономерность: чем ниже психологическая безопасность (по полученной нами четырехбалльной шкале) респондента, тем больше таких респондентов в стране. Отметим, что в России (ранг = 8) подобная закономерность сохраняется, но выражена слабее. Норвегия (ранг = 30) демонстрирует уже обратную, «позитивную» закономерность: чем выше уровень психологической безопасности респондента, тем больше таких респондентов в стране. При этом доля опрошенных с низким уровнем *P* минимальна. В Азербайджане (ранг = 16) распределение ближе к нормальному.

Возвращаясь к позиционированию стран в трехмерном пространстве на рис. 4, напомним, что в получающемся таким образом «облаке» некоторые страны «выпадают» за его пределы или «стремятся» в сторону вершин *маловероятного* расположения. Такое расположение в облаке — дополнительный повод для рассмотрения, потому что свидетельствует о несбалансированности компонентов психологической безопасности. В России имеем сочетание: очень низкого *S* (РАНГ_{*S*}=2, см. рис. 1), невысокого *G* (РАНГ_{*G*}=9, см. рис. 2) и выступающего в нашей стране драйвером психологической безопасности — сравнительно высокого, среднего по европейским меркам, уровня *I'* (РАНГ_{*I'*}=15, см. рис. 3), что отчетливо проявилось на рисунке 6.

При этом доверие различным институтам существенно варьируется. Больше всего россияне доверяют *национальной системе образования* (ответы на вопрос Q38с). Наименьшим доверием пользуются системы *здравоохранения* (ответы на вопрос Q38l) и *правосудия* (ответы на вопрос Q38m). Причины такого отношения рассматривались в одной из публикаций отдельно [Прохода, 2019].

* * *

В данной публикации мы постарались проиллюстрировать, с одной стороны, обоснованность и продуктивность при комплексной оценке макросоциальной ситуации — дифференцирования трех показателей, объединенных фактором «Психологическая безопасность» (*P*). Благодаря этому появляется дополнительная характеристика: сбалансированность/несбалансированность ситуации. Полученная информация может стать эффективным подспорьем в принятии решений в области социальной инженерии.

С другой стороны, были предоставлены теоретические и эмпирические доказательства интегративного характера рассмотренной латентной переменной **P**.

Не девальвируя ценности многочисленных имеющихся на сегодняшний день рейтингов, тем не менее полагаем, что важно принимать во внимание сложность феномена, который многие исследователи называют по-разному и рассчитывают по своим методикам. Суть этого феномена, на наш взгляд, наиболее полно выражает конструкт «психологическая безопасность общества» (более релевантный в контексте рассмотрения макросоциальной ситуации в странах и особенно в плане оценки ее сбалансированности/несбалансированности). Его трактовка подразумевает, в частности, рассмотрение уровней субъективного благополучия, генерализованного и институционального доверия — как *объединенных* в интегративную характеристику, так и *дифференцированно*.

Выводы

- «Счастье», «психологическое благополучие» и «субъективное благополучие», «качество жизни» и т. п. — это понятия, которые находятся на пересекающихся прямых в семантическом пространстве различных теорий.
- В русле междисциплинарного подхода при оценке макросоциальной ситуации в стране или регионе целесообразно использовать понятие «психологическая безопасность», которое в полной мере характеризует общество по широкому спектру социально-психологических показателей.
- В полученный фактор «субъективное благополучие» (**S**) оказались включены следующие переменные: *эмоциональное состояние счастья, самооценка состояния здоровья, свобода жизненного выбора, субъективная удовлетворенность жизнью*.
- Уровень субъективного благополучия (показатель **S**) россиян, в сравнении с жителями остальных стран — участников проекта, чрезвычайно низкий. Ниже показатель только в Болгарии. На противоположном «полюсе» — Швейцария, Исландия и Норвегия.
- По уровню **S** значимые различия между Россией в целом и федеральными округами отсутствуют.
- Европейские страны весьма дифференцированы по уровню обобщенного доверия (**G**). Минимальный (в Албании) и максимальный (в Дании) показатели **G** различаются более чем в 26 раз. Россию, к сожалению, нельзя отнести к числу государств с высоким уровнем генерализованного доверия.
- По сравнению с Россией в целом уровень **G** в Уральском ФО — высокий, а в Сибирском ФО — низкий.
- Полученный фактор «институциональное доверие» (**I'**) характеризует доверие институтам, с которыми респонденты могут непосредственно контактировать в своих повседневных социальных практиках: *системе образования, полиции, государственным учреждениям (службы), системе социального обеспечения, системе здравоохранения, системе правосудия*.
- Показатель **I'** у России средний, по европейским меркам. Наименьшее доверие *шести институтам* демонстрируют жители Болгарии и Хорватии. Максимальные значения **I'** — в Финляндии и Норвегии.

- По уровню *I'* значимо от общероссийских показателей отличается (в худшую сторону) Северо-Западный ФО. Население Приволжского ФО, наоборот, характеризуется сравнительно высоким по общероссийским меркам *I'*.
- Подтверждено наличие статистически значимой взаимосвязи показателей *S*, *G*, *I'*, которые объединяются в интегративную переменную «психологическая безопасность» (*P*).
- Валидность полученной характеристики *P* проверена, в частности, с помощью критерия «показатель ВВП (ППС) на душу населения в 2017 г.».
- Четыре рассчитанные характеристики (*S*, *G*, *I'* и *P*) могут использоваться как валидные критерии для оценки макросоциальной ситуации.
- Из 30 стран в семи уровень психологической безопасности ниже, чем в России. Наиболее неблагоприятная ситуация с показателем *P* складывается в Болгарии и Албании. Самый высокий уровень психологической безопасности в Финляндии и Норвегии.
- По уровню психологической безопасности на общероссийском фоне выделяются Северо-Западный ФО (с самым низким по российским меркам уровнем *P*) и Уральский ФО (с довольно высоким уровнем *P*).
- Драйвер психологической безопасности в нашей стране — сравнительно высокий уровень *I'*. При этом доверие различным институтам существенно варьируется. Больше всего россияне доверяют *национальной системе образования*, наименьшим доверием пользуются системы *здравоохранения и правосудия*.
- Доказаны обоснованность и продуктивность, при комплексной оценке макросоциальной ситуации, рассмотрения уровней субъективного благополучия, генерализованного и институционального доверия — как *объединенных* в интегративную характеристику, так и *дифференцированно*.

Список литературы (References)

Алмакаева А. М. Измерение генерализованного (обобщенного) доверия в кросс-культурных исследованиях // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 32—43.

Almakaeva A. M. (2014) Measuring Generalized Trust in Cross-Cultural Studies. *Sociological Studies*. No. 11. P. 32—43. (In Russ.)

Антоненко И. В. Социально-психологическое содержание доверия // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 111—135.

Antonenko I. V. (2013) Socio-Psychological Contents of Trust. In: Kupreychenko A. B., Mersyanova I. V. (eds.) *Trust and Distrust under Civil Society Development*. Moscow: National Research University Higher School of Economics. P. 111—135. (In Russ.)

Аргайл М. Психология счастья. М.: Питер, 2003.

Argyle M. (2003) *The Psychology of Happiness*. Moscow: Piter. (In Russ.)

Бююль А., Цёфель П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб.: ДиаСофтЮП, 2002.

Bühl A., Zöfel P. (2002) *SPSS: An Art of Analysis of Information. Statistical Data Analysis and Hidden Patterns Identification*. Saint Petersburg: DiaSoftYuP. (In Russ.)

Воронов В., Ромашкин Г. Доверие как индикатор здоровья современного общества // *INTER-CULTUR@L-NET*. 2010. № 9. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/15> (дата обращения: 17.02.2020).

Voronov V., Romashkin G. (2010) Trust as an Indicator of the Health of Modern Society. *INTER-CULTUR@L-NET*. No. 9. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/15> (accessed: 17.02.2020). (In Russ.)

Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Тарасова Л. В., Веракса А. Н., Рикель А. М. Доверие и субъективное благополучие как основание психологической безопасности современного общества. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. Dontsov A. I., Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Tarasova L. V., Veraksa A. N., Rikel A. M. (2018) Trust and Subjective Well-Being as the Basis of the Psychological Security of Modern Society. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet. (In Russ.)

Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Мостиков С. В. Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 2. С. 21—34. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>.

Dontsov A. I., Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Mostikov S. V. (2018) Trust as a Factor of Psychological Security in Interethnic Interaction. *Social Psychology and Society*. Vol. 9. No. 2. P. 21—34. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>. (In Russ.)

Донцов А. И., Зеленеv И. А., Прохода В. А. Макросоциальная динамика и этническая толерантность/интолерантность в современных Европе и России // *Вопросы психологии*. 2019. № 3. С. 75—93.

Dontsov A. I., Zelenev I. A., Prokhoda V. A. (2019) Macro-Social Dynamics and Ethnic Tolerance/Intolerance in Contemporary Europe and Russia. *Voprosy Psikhologii*. No. 3. P. 75—93. (In Russ.)

Зеленеv И. А. Восприятие социального окружения и оптимизм/пессимизм в России и других европейских странах // *Вопросы психологии*. 2013. № 2. С. 52—65.

Zelenev I. A. (2013) Influence of a Social Environment and Optimism/Pessimism in Russia and other European Countries. *Voprosy Psikhologii*. No. 2. P. 52—65. (In Russ.)

Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. Основы безопасности личности и общества. М. : Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2010.

Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu. (2010) *Fundamentals of Personal and Social Security*. Moscow: Academy for Advanced Studies and Professional Retraining of Education Workers. (In Russ.)

Золотарева Г. А., Зайковская А. С. Сопоставление объективных и субъективных оценок благополучия населения в странах Европы // *Экономика, управление, финансы : Материалы IV Международной научной конференции*. Пермь : Зебра, 2015. С. 29—31.

Zolotareva G. A., Zaykovskaya A. S. (2015) Comparison of Objective and Subjective Assessments of Well-Being of European Countries' Population. In: *Economics, Management, Finance. Proceedings of the IVth International Academic Conference*. Perm: Zebra. P. 29—31. (In Russ.)

Зотова О. Ю. Теоретический обзор современных концепций психологической безопасности // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 247—253.
Zotova O. Yu. (2016) Theoretical Overview of Contemporary Concepts of Psychological Security. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. No. 6. P. 247—253. (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoye izdatelstvo. (In Russ.)

Карапетян Л. В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 1. С. 171—182.
Karapetyan L. V. (2014) Theoretical Approaches to Understanding of Subjective Well-Being. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. No. 1. P. 171—182. (In Russ.)

Кертман Г. Л. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 7—24.
Kertman G. L. (2006) Interpersonal Trust in Russia. *Social Reality*. No. 4. P. 7—24. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Введение: личностный потенциал как объект изучения // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 6—10.
Leontiev D. A. (2011) Introduction: Personality Potential as an Object of Study. Leontiev D. A. (ed.) *Personality Potential: Structure and Diagnostics*. Moscow: Smysl. P. 6—10. (In Russ.)

Лепшокова З. Х. Удовлетворенность работой государственных институтов и субъективное благополучие россиян // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии : Материалы Четвертой международной научной конференции. Т. 1. Смоленск : Смоленский гуманитарный университет, 2014. С. 198—201.
Lepshokova Z. Kh. (2014) Satisfaction with the Work of State Institutions and the Subjective Well-Being of Russians. In: *Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology: Proceedings of the Fourth International Academic Conference. Vol. 1*. Smolensk: Smolensk University for Humanities. P. 198—201. (In Russ.)

Мерсиянова И. В. Доверие и недоверие в гражданском обществе // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 170—197.
Mersiyanova I. V. (2013) Trust and Distrust in Civil Society. In: Kupreychenko A. B., Mersiyanova I. V. (eds.) *Trust and Distrust under Civil Society Development*. Moscow: National Research University Higher School of Economics. P. 170—197. (In Russ.)

Прохода В. А. Доверие россиян национальной судебно-правовой системе (по материалам социологического исследования) // Социодинамика. 2019. № 5. С. 86—94. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.5.29812>.

Prokhoda V. A. (2019) Trust of the Russians in the National Judicial and Legal System (Based on the Materials of Sociological Research). *Sociodynamics*. No. 5. P. 86—94. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.5.29812>. (In Russ.)

Рощин С. К., Соснин В. А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 26—36.

Roshchin S. K., Sosnin V. A. (1995) Psychological Security: A New Approach to Security of a Human, Society and State. *Russian Monitor*. No. 6. P. 26—36. (In Russ.)

Рукавишников В. О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17—25.

Rukavishnikov V. O. (2008) Interpersonal Trust: Assessment and Cross-Country Comparisons. *Sociological Studies*. No. 2. P. 17—25. (In Russ.)

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ, 2004. Fukuyama F. (2004) Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST. (In Russ.)

Afolabi O., Baloguna A. (2017) Impacts of Psychological Security, Emotional Intelligence and Self-Efficacy on Undergraduates' Life Satisfaction. *Psychological Thought*. Vol. 10. No. 2. P. 247—261. <https://doi.org/10.5964/psyct.v10i2.226>.

Aneshensel C. S., Sucoff C. A. (1996) The Neighborhood Context of Adolescent Mental Health. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 37. No. 4. P. 293—310. <https://doi.org/10.2307/2137258>.

Bar-Tal D., Kruglanski A. W. (eds.) (1988) The Social Psychology of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Les Éditions de la Maison des sciences de l'homme.

Coleman J. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. Vol. 94. P. 95—120. <https://doi.org/10.1086/228943>.

Demir M. (2008) Sweetheart, You Really Make Me Happy: Romantic Relationship Quality and Personality as Predictors of Happiness among Emerging Adults. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 9. No. 2. P. 257—277. <https://doi.org/10.1007/s10902-007-9051-8>.

Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 95. No. 3. P. 542—575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>.

Dontsov A. I., Zinchenko Yu. P., Perelygina E. B., Dontskaya O. A. (2019) The Relationship between Vectors of Psychological Security and Identity Continuity. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Vol. 64. P. 123—129. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.16>.

- Fukuyama F. (2001) Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*. Vol. 22. No. 1. P. 7—20. <https://doi.org/10.1080/713701144>.
- Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D., De Neve J.-E., Huang H., Wang S. (eds.) (2017) World Happiness Report 2017. New York: Sustainable Development Solutions Network. URL: <https://s3.amazonaws.com/happiness-report/2017/HR17.pdf> (accessed: 17.02.2020).
- Hobfoll S. E. (1989) Conservation of Resources: A New Attempt at Conceptualizing Stress. *The American Psychologist*. Vol. 44. No. 3. P. 513—524. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.44.3.513>.
- Inglehart R. (1997) Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Lazarus R. S. (1991) Cognition and Motivation in Emotion. *American Psychologist*. Vol. 46. No. 4. P. 352—367. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.46.4.352>.
- Maslow A. H. (1942) The Dynamics of Psychological Security-Insecurity. *Character and Personality: A Quarterly for Psychodiagnostic and Allied Studies*. Vol. 10. No. 4. P. 331—344. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1942.tb01911.x>.
- Maslow A. H., Hirsh E., Stein M., Honigmann I. (1945) A Clinical Derived Test for Measuring Psychological Security — Insecurity. *The Journal of General Psychology*. Vol. 33. No. 1. P. 21—41. <https://doi.org/10.1080/00221309.1945.10544493>.
- Miller A. S., Mitamura T. (2003) Are Surveys on Trust Trustworthy? *Social Psychology Quarterly*. Vol. 66. No. 1. P. 62—70. <https://doi.org/10.2307/3090141>.
- Ross C. E., Mirowsky J. (2009) Neighborhood Disorder, Subjective Alienation and Distress. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 50. No. 1. P. 49—64. <https://doi.org/10.1177/002214650905000104>.
- Siemsen E., Roth A. V., Balasubramanian S., Anand G. (2009) The Influence of Psychological Safety and Confidence in Knowledge on Employee Knowledge Sharing. *Manufacturing & Service Operations Management*. Vol. 11. No. 3. P. 429—447. <https://doi.org/10.1287/msom.1080.0233>.
- Smith C. A., Lazarus R. S. (1993) Appraisal Components, Core Relational Themes, and the Emotions. *Cognition and Emotion*. Vol. 7. No. 3—4. P. 233—269. <https://doi.org/10.1080/02699939308409189>.
- Taormina R. J., Sun R. (2015) Antecedents and Outcomes of Psychological Insecurity and Interpersonal Trust among Chinese People. *Psychological Thought*. Vol. 8. No. 2. P. 173—188. <https://doi.org/10.5964/psyc.v8i2.143>.
- Torpe L., Lolle H. (2011) Identifying Social Trust in Cross-Country Analysis: Do We Really Measure the Same? *Social Indicators Research*. Vol. 103. No. 3. P. 481—500. <https://doi.org/10.1007/s11205-010-9713-5>.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.15

Правильная ссылка на статью:

Соболева Н. Э. Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 368—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.15>.

For citation:

Soboleva N. E. (2020) Determinants and the Interrelationship Between Job Satisfaction and Life Satisfaction in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 368—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.15>.

Н. Э. Соболева

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВКЛАД УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ В УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ В РОССИИ

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВКЛАД УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ В УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ В РОССИИ

DETERMINANTS AND THE INTERRELATIONSHIP BETWEEN JOB SATISFACTION AND LIFE SATISFACTION IN RUSSIA

СОБОЛЕВА Наталья Эдуардовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nsoboleva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5171-2196>

Natalia E. SOBOLEVA¹ — Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow at the Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: nsoboleva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5171-2196>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Работа — одна из важнейших сфер жизнедеятельности человека и, следовательно, одна из основных компонент удовлетворенности жизнью. В статье рассматриваются факторы, влияющие на роль удовлетворенности работой в удовлетворенности

Abstract. Work is essential to human life and an integral part of life satisfaction. The article considers factors impacting the role of job satisfaction as part of life satisfaction. The study is based on a representative survey conducted in 2019 in 38 Russian regions. The study shows

жизнью. Базой данных исследования служит региональный репрезентативный опрос, проведенный в 2019 г. в 38 российских регионах. Исследование показало, что вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью зависит от региона. Удовлетворенность работой вносит больший вклад в удовлетворенность жизнью у лиц с высшим образованием и у лиц, проживающих в городах, не являющихся столицами области. Роль удовлетворенности работой в удовлетворенности жизнью усиливает наличие внутренней трудовой мотивации. При этом индивиды с более благополучным материальным положением сильнее ассоциируют удовлетворенность работой и удовлетворенность жизнью друг с другом. Наличие партнера уменьшает роль работы в жизни человека. При этом, вопреки ожиданиям, мужчины и женщины не различаются по этому показателю, хотя изначально предполагалось, что данная взаимосвязь должна быть сильнее у мужчин. Тем не менее отдельный анализ по регионам показал, что по вкладу гендерной принадлежности регионы значительно различаются. Таким образом, вклад работы в удовлетворенность жизнью неоднороден для разных социально-демографических групп, хотя практически во всех группах наблюдается сильная взаимосвязь.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, удовлетворенность работой, взаимосвязь между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью, регионы России, сравнительные исследования, многоуровневое моделирование

that the contribution of job satisfaction to life satisfaction is dependent on a region. Job satisfaction among respondents with higher education diplomas and respondents living in the cities not being regional centers gives greater contributions to life satisfaction. Intrinsic work motivation increases the contribution of job satisfaction to life satisfaction. Individuals with high material well-being levels are more likely to link job satisfaction and life satisfaction with each other. The presence of a partner decreases the role of work in life. Moreover, contrary to our expectations, men and women do not differ in the contribution of job satisfaction to life satisfaction, although it was initially assumed that this relationship should be stronger among men. However, separate analysis by region analysis shows that regions substantially differ in terms of gender. Thus, the contribution of job satisfaction to life satisfaction is heterogeneous across different social and demographic groups but almost all groups show a strong interrelationship.

Keywords: life satisfaction, job satisfaction, link between life satisfaction and job satisfaction, Russian regions, comparative research, multilevel analysis

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: грант No. 181800341 «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива».

Acknowledgments. This study is Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00341 “Transformation of values and subjective quality of life: a regional perspective”.

Введение

Главным показателем социально-экономического прогресса является качество жизни населения. При этом его субъективное измерение не менее важно, чем объективное. Важнейшим индикатором субъективного благополучия считается общая удовлетворенность жизнью. Последняя складывается из удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности. В ряду этих сфер очень важное место занимает работа. Как показано в ряде исследований, характеристики работы входят в круг основных факторов удовлетворенности жизнью [Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000; Argyle, 2001; Radcliff, 2005; Kalleberg, 2011].

В свою очередь, вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью является косвенным индикатором вовлеченности в работу. Чем большее значение работа имеет для общего уровня субъективного благополучия, тем в большей степени индивид вовлечен в рабочий процесс. Более высокий уровень вовлеченности в работу может привести как к большему моральному удовлетворению, так и к более сильному стрессу, что в значительной степени зависит от результатов. Вовлеченность в работу может зависеть и от характеристик работы, и от особенностей индивида, и от общей ситуации в регионе.

Можно предположить, что вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью будет в разной степени выражен у разных индивидов в зависимости от их социально-демографических характеристик. В частности, что работа будет иметь разную значимость для мужчин и женщин. Согласно традиционным гендерным ролям, для мужчин работа является основным видом деятельности, а для женщин — вторичным, так как на женщинах лежит основное бремя неоплачиваемого домашнего труда [Horner, 1974; Farmer, 1987; Green, DeBacker 2004; Рождественская, 2011]. В то же время наблюдается постепенный переход к эгалитарным гендерным установкам [Alexander, Welzel, 2010; Alesina, Giuliano, Nunn, 2013]. В ряде стран женщины часто выступают основными кормильцами в семьях [Klesment, Van Bavel, 2017], что может приводить к более значимому месту работы в их жизни. В России как в советский, так и в постсоветский период роль кормильца часто доставалась женщине [Козина, 2000; Тихонова, 2005]. Таким образом, взаимосвязь удовлетворенности работой с удовлетворенностью жизнью и у мужчин, и у женщин будет связана со многими факторами.

Значимость вклада работы в удовлетворенность жизнью может зависеть и от других характеристик индивида и его жизненной ситуации. Можно предположить, что удовлетворенность работой будет оказывать большее влияние на удовлетворенность жизнью среди лиц с высоким уровнем образования, а также среди проживающих в крупных городах, поскольку для представителей этих категорий

работа и карьера занимают высокое место в иерархии жизненных ценностей. Для тех, кто состоит в браке и имеет детей, удовлетворенность работой, напротив, будет вносить меньший вклад в удовлетворенность жизнью по сравнению с теми, кто не имеет семьи и сопряженных с этим ответственности, радостей и огорчений.

Целью данной статьи является выявление вклада удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью у разных категорий населения в российских регионах. Базу данных составляют материалы репрезентативного опроса по российским регионам.

Роль удовлетворенности работой в удовлетворенности жизнью

Уровень удовлетворенности жизнью представляет собой устойчивую компоненту субъективного благополучия, которая в значительной мере зависит от материальных факторов [Haller, Hadler, 2006]. Среди этих факторов значимое место занимают характеристики работы, в том числе уровень дохода [Ahn, García, 2004], тип выполняемой деятельности [Pichler, Wallace, 2008], тип контракта [Karabchuk, Soboleva, 2019; Монусова, 2019], а также трудовые ценности [Kalleberg, 1977]. Одним из важнейших факторов удовлетворенности работой является материальное благосостояние, при этом после определенного уровня эффект материального фактора снижается [Inglehart, 1990; Veenhoven, 1991]. Например, в России в малом бизнесе для предпринимателей характеристики работы в большей степени связаны с удовлетворенностью жизнью, чем для наемных работников [Соболева, 2019].

Работа — один из основных факторов удовлетворенности жизнью [Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000; Argyle, 2001; Radcliff, 2005; Kalleberg, 2011]. Общая удовлетворенность жизнью формируется на основе удовлетворенности различными ее аспектами. Иногда удовлетворенность работой рассматривается как одна из компонент удовлетворенности жизнью [van Praag, Frijters, Ferrer-i-Carbonell, 2003].

Показано, что существует высокая корреляция между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью. И. Георгеллис и Т. Ланге выявили на данных Европейского исследования ценностей, что чаще всего удовлетворенность жизнью и удовлетворенность работой взаимно влияют друг на друга. Обратная ситуация, когда низкая удовлетворенность в одной из этих сфер компенсируется высокой удовлетворенностью в другой, встречается намного реже [Georgellis, Lange, 2012].

Факторы удовлетворенности работой и жизнью

Ценности постепенно трансформируются. Как показали Р. Инглхарт и К. Вельцель, значение работы в жизни человека относительно снижается, в то время как значение других сфер увеличивается [Inglehart, Welzel, 2005, 2010]. В современном обществе расширяется выбор на рынке труда. Это касается всех аспектов: и типов деятельности (содержания труда), и типов контрактов, и условий работы, и режима [Kalleberg, 2011]. С одной стороны, данная ситуация может оказывать положительное влияние на субъективное благополучие, так как приводит к большей свободе, расширению возможностей выбора. С другой стороны, такая гибкость означает меньшую стабильность и может привести к стрессам и более негативному восприятию жизни. На наш взгляд, в менее благополучной среде и у более уязвимых индивидов негативное влияние будет прослеживаться

ся сильнее. Скорее всего, в более благополучных регионах, в регионах с более благоприятной ситуацией на рынке труда будут в большей степени проявляться позитивные стороны разнообразия рынка труда. В частности, в России широко распространена работа в нестандартное время. В целом по России примерно две трети занятых выполняют по крайней мере часть своей работы в выходные или вечером и ночью [Шевчук, Красильникова, 2019]. При этом даже работа в выходной один раз в месяц или вечером и ночью несколько раз в месяц ухудшает ощущение баланса между жизнью и работой [там же]. Важно отметить, что влияние работы в нестандартные часы на удовлетворенность балансом между жизнью и работой зависит от индивидуальных характеристик. Так, среди фрилансеров в наибольшей степени от работы в нестандартные часы страдают женщины, лица, проживающие с партнером, и те, у кого есть несовершеннолетние дети [Стребков, Шевчук, 2019].

Было показано, что удовлетворенность работой в значительной мере зависит от характеристик индивидов. Работа играет более важную роль в жизни мужчин, нежели в жизни женщин. Предпочтения в сфере занятости у мужчин и женщин различаются. Так, мужчины более амбициозны и стремятся к лидерству, большее значение придают автономии на рабочем месте [Wolf, Fligstein, 1979]. При этом на данных Европейского социального исследования было показано, что удовлетворенность работой выше среди женщин [Монусова, 2008]. В России женщины в целом больше удовлетворены различными аспектами работы, за исключением заработной платы [Поплавская, Соболева, 2017]. Кроме того, удовлетворенность работой увеличивается с возрастом, выше у лиц с высшим образованием и работающих по контракту на неопределенный срок [там же].

Немаловажное значение среди факторов удовлетворенности работой имеют трудовые ценности. Трудовые ценности принято подразделять на внутренние и внешние. К внешним ценностям относятся ощущаемые результаты работы, такие как высокий доход, условия труда, безопасность. Внутренние ценности включают в себя неосознаваемые аспекты, относящиеся к самому процессу труда, а именно интересную работу, самостоятельность, возможности для творчества, признания, возможности чего-то достичь и т. д. [Deci, 1975]. Внешние ценности имеют большее значение в странах с более низким уровнем экономического развития [Kaasa, 2011]. Согласно теории самодетерминации (self-determination theory), внутренние ценности часто связаны с более высоким уровнем субъективного благополучия, потому что они способствуют удовлетворению базовых психологических потребностей в автономии и компетенций [Deci, Ryan, 2000; Kasser, 2002]. Люди с внешней мотивацией в первую очередь ориентируются на получение внешнего вознаграждения и социального признания, игнорируя при этом личные потребности и интересы [Vansteenkiste et al., 2007].

Кроме того, удовлетворенность работой зависит от содержания работы, от мотивации и структуры ценностей [Kalleberg, 1977]. Удовлетворенность работой в значительной степени различается между странами, а также зависит от дохода, типа контракта и соответствия уровню квалификации [Ahn, García, 2004]. Так, работники со слишком высоким или слишком низким уровнем квалификации в меньшей степени довольны различными аспектами работы [Shevchuk, Strebkov, Davis, 2019]. Удовлетворенность работой относительно выше в странах Западной

Европы и относительно ниже — в постсоветских странах (Россия на последнем месте) [Монусова, 2008].

Россияне меньше довольны балансом жизни и работы по сравнению с другими европейцами [Темницкий, 2019]. У женщин удовлетворенность балансом работы и жизни зависит от удовлетворенности работой [там же]. Респонденты редко отмечают, что семейная жизнь мешает работе [там же]. В 2018 г. только 41 % россиян были довольны балансом семейной жизни, работы и личных интересов. В качестве основной причины отсутствия баланса респонденты указывают отсутствие экономического ресурса, временного ресурса и иные причины [Мареева, 2019].

Также достижение баланса работы, семейной жизни и личных интересов в значительной степени зависит от социально-демографических характеристик. Так, реже всего достижением данного баланса могут похвастаться жители крупных городов, молодежь, женщины, низкодоходные группы [там же].

В странах ОЭСР удовлетворенность работой зависит в большей степени не от дохода, а от интереса к работе и стабильности [Clark, 2005]. Также удовлетворенность работой ниже среди занятых физическим трудом и среди занимающих невысокие должности [Pichler, Wallace, 2008: 545]. Удовлетворенность работой выше в странах с более высоким уровнем заработной платы и большим количеством профсоюзов и ниже в странах с высоким уровнем безработицы и индексом Джини [ibid.].

Основные гипотезы исследования

В данной статье мы сосредоточимся на влиянии различных характеристик на взаимосвязь между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью по регионам России. Регионы страны отличаются огромным социально-экономическим, демографическим и культурным разнообразием. Анализ позволит выявить, модифицирует ли региональный контекст исследуемые нами взаимосвязи. На основе обзора литературы нами были выдвинуты следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Удовлетворенность работой и удовлетворенность жизнью связаны между собой, и эта связь довольно тесная во всех российских регионах.

Взаимосвязь между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью должна быть меньше среди тех категорий населения, для которых относительно более важное значение имеют другие сферы. Исходя из устоявшихся гендерных ролей, семья имеет традиционно более важное значение для женщин. Кроме того, наличие партнера и детей будет снижать вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью.

Гипотеза 2. Удовлетворенность работой оказывает более сильное влияние на удовлетворенность жизнью среди мужчин.

Гипотеза 3. Удовлетворенность работой оказывает более слабое влияние на удовлетворенность жизнью тех, кто проживает в браке и у кого есть дети.

Можно предположить, что требования и значимость работы будут выше у тех категорий населения, которые в эту работу в большей степени инвестировали. Например, к инвестициям в работу можно отнести получение образования. Кроме того, среди лиц, находящихся в более благоприятных условиях с более широкими возможностями выбора, предположительно вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью будет сильнее, так как они больше задумываются

о характеристиках работы. Кроме того, и образование, и проживание в крупном городе, и более высокое материальное положение формируют систему ценностей. На основании этого нами выдвинуты следующие три гипотезы:

Гипотеза 4. Удовлетворенность работой сильнее влияет на удовлетворенность жизнью среди лиц с высшим образованием.

Гипотеза 5. Влияние удовлетворенности работой сильнее в столицах и в региональных центрах, поскольку их жители тратят на работу большую долю времени, чем в небольших городах и в сельской местности.

Гипотеза 6. Вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью выше у лиц с более высоким материальным благополучием.

Немаловажным фактором, который должен играть роль при оценке вклада удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью, является трудовая мотивация. Выраженность внутренней трудовой мотивации заставляет человека больше вкладываться в работу и ассоциировать себя с ней.

Гипотеза 7. Удовлетворенность работой оказывает более сильное влияние на удовлетворенность жизнью среди лиц, у которых выражены внутренние трудовые ценности.

Методология

Базой данных исследования служит региональный репрезентативный опрос, охвативший в 2019 г. 38 российских регионов¹. Данные собраны с помощью телефонного опроса². Это уникальное исследование, репрезентативное по регионам, которое содержит вопросы касательно удовлетворенности жизнью, работой и их детерминант. Всего было опрошено 12 039 респондентов. Количество опрошенных в каждом регионе составило более 300 человек. В Москве и Санкт-Петербурге было опрошено более 500 респондентов. Сбором данных занимался Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ)³.

В данном исследовании упор делается на взаимосвязь между удовлетворенностью работой и жизнью, поэтому были отобраны только работающие респонденты. Их доля в выборке составляет 59%. Число работающих респондентов, ответивших на вопрос об удовлетворенности работой, варьируется от 300 и 302 человек в Москве и Санкт-Петербурге до 142 человек в Дагестане и 129 человек в Чечне (что связано с очень небольшим числом работающих женщин в этих северокавказских республиках).

На первом этапе было проведено сопоставление удовлетворенности работой и удовлетворенности жизнью, а также корреляции между ними (в том числе отдельно по мужчинам и женщинам) по регионам России.

Далее был осуществлен многоуровневый регрессионный анализ, где зависимой переменной выступает удовлетворенность жизнью. Так как распределение

¹ В настоящее время обследование продолжается. В первый срез были включены регионы, представляющие все Федеральные округа и оба столичных региона.

² В ходе опроса были использованы мобильные и стационарные телефоны (пропорция примерно 75% на 25% соответственно). Было установлено максимальное количество интервью по размеру населенных пунктов и по половозрастным группам.

³ Институт сравнительных социальных исследований "CESSI". URL: <http://cessi.ru/> (последний доступ: 18.02.2020).

ответов не является нормальным, переменная была перекодирована в дихотомическую. Удовлетворенность жизнью была измерена по пятибалльной шкале, где 1 — совершенно не удовлетворен, 5 — полностью удовлетворен. Мы отнесли к удовлетворенным жизнью респондентов, отметивших 4 и 5. Вклад факторов, оказывающих влияние на роль удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью, выявлялся с помощью включения в модель эффектов взаимодействия.

В работе использован ряд независимых переменных. В первую очередь, это удовлетворенность работой. По аналогии с переменной «удовлетворенность жизнью» переменная «удовлетворенность работой» была также перекодирована в дихотомическую.

Также в качестве независимых переменных в модель были добавлены пол, возраст, возраст в квадрате (для выявления нелинейной зависимости), уровень образования, тип населенного пункта, состояние в браке, наличие детей, уровень материального положения. Кроме того, была добавлена переменная, отражающая трудовую мотивацию. Респондентам был задан вопрос, что для них важно в работе: «чтобы была возможность чего-то добиться в жизни, продвигнуться, стать настоящим профессионалом, даже если при этом придется жертвовать своим свободным временем, хобби и временем для семьи», или «чтобы она не занимала слишком много времени и сил, чтобы оставалось больше времени для себя, даже если при этом больших успехов добиться не удастся». Первый вариант ответа является индикатором внутренней трудовой мотивации, а второй вариант — внешней трудовой мотивации.

Результаты

Удовлетворенность работой и жизнью в гендерном и региональном разрезе

Для начала рассмотрим общий уровень удовлетворенности жизнью и работой в российских регионах. Удовлетворенность жизнью выше всего в Московской и Томской областях, а также в Чеченской Республике. Ниже всего уровень удовлетворенности жизнью в Ставропольском крае, Приморском крае и Республике Дагестан. Что касается удовлетворенности работой, то она выше всего в Чечне, Ленинградской и Нижегородской областях, а ниже всего — в Татарстане, Ростовской и Воронежской областях (см. табл. 1).

Таблица 1. Доля лиц, довольных или скорее довольных жизнью и работой в разных регионах России, %

	Удовлетворенность жизнью	Удовлетворенность работой
Томская область	77,5	68,5
Московская область	76,6	69,1
Чечня	76,0	77,5
Свердловская область	73,4	68,5
Москва	72,9	71,7

	Удовлетворенность жизнью	Удовлетворенность работой
Тверская область	71,4	66,1
Красноярский край	71,0	70,7
Тульская область	70,9	70,3
Нижегородская область	70,7	77,1
Удмуртия	70,4	63,6
Челябинская область	70,0	69,2
Алтайский край	69,6	68,4
Воронежская область	69,0	60,0
Белгородская область	68,3	67,1
Кабардино-Балкария	68,3	63,0
Санкт-Петербург	68,2	72,8
Ленинградская область	68,0	77,3
Краснодарский край	68,0	68,9
Самарская область	67,0	72,7
Татарстан	66,9	58,7
Иркутская область	66,9	70,4
Омская область	66,8	64,8
Башкортостан	66,7	69,3
Оренбургская область	66,1	72,6
Ростовская область	66,0	60,1
Новосибирская область	65,6	70,6
Пермский край	65,3	62,5
Саратовская область	65,1	68,8
Тамбовская область	65,0	65,4
Хабаровский край	64,8	67,9
Пензенская область	63,9	63,9
Кемеровская область	62,8	70,6
Волгоградская область	62,6	64,3
Чувашия	62,3	67,7
Владимирская область	62,0	67,9
Дагестан	61,7	69,7
Приморский край	60,0	63,3
Ставропольский край	59,6	64,0
В целом по 38 регионам России	67,7	68,1

Для целей данного исследования имеет значение именно взаимосвязь между удовлетворенностью работой и жизнью. Анализ коэффициентов корреляции Спирмена показал, что в большинстве регионов (за исключением Владимирской области) есть положительная взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью работой. Наиболее сильная взаимосвязь наблюдается в Новосибирской области, Башкортостане и Ленинградской области. Таким образом, наша первая гипотеза подтвердилась частично. Несмотря на то, что взаимосвязь между удовлетворенностью работой и жизнью прослеживается практически во всех регионах, далеко не везде она является тесной. Так, в десяти регионах коэффициент корреляции меньше 0,3, и только в девяти регионах больше 0,4 (см. табл. 2).

Рассмотрим также взаимосвязь между удовлетворенностью работой и жизнью в гендерном разрезе, так как по этому показателю имеет место дифференциация по регионам. Вопреки первоначальной гипотезе, в некоторых регионах коэффициент корреляции между удовлетворенностью работой и жизнью выше среди мужчин, тогда как в других — среди женщин. В ряде регионов значимой разницы между мужчинами и женщинами не выявлено. Взаимосвязь между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью среди мужчин сильнее всего превосходит аналогичную взаимосвязь среди женщин в Волгоградской, Владимирской, Омской и Тамбовской областях. В Томской области, Алтайском крае и Республике Удмуртия, напротив, взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и работой среди женщин сильнее всего превосходит данную взаимосвязь среди мужчин (см. табл. 2).

Среди мужчин взаимосвязь между удовлетворенностью работой и жизнью сильнее всего проявила себя в Волгоградской, Новосибирской и Тамбовской областях. В Удмуртии, Ростовской и Томской областях, напротив, нет значимой взаимосвязи между удовлетворенностью работой и жизнью. Среди женщин взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и работой сильнее всего в Алтайском Крае и Томской области. Значимой взаимосвязи между удовлетворенностью жизнью и работой не обнаружено во Владимирской, Омской, Тамбовской, Пензенской, Самарской и Ростовской областях и в Республике Дагестан (см. табл. 2).

Таблица 2. Коэффициент корреляции Спирмена между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью

	В целом	Мужчины	Женщины	Разница между к. корр. среди мужчин и среди женщин
Новосибирская область	0,465	0,527	0,407	0,12
Башкортостан	0,462	0,473	0,423	0,05
Волгоградская область	0,452	0,541	0,315	0,226
Алтайский край	0,434	0,311	0,58	-0,269
Московская область	0,427	0,471	0,353	0,118

	В целом	Мужчины	Женщины	Разница между к. корр. среди мужчин и среди женщин
Ставропольский край	0,422	0,419	0,422	-0,003
Кемеровская область	0,421	0,408	0,448	-0,04
Тверская область	0,412	0,372	0,45	-0,078
Ленинградская область	0,409	0,408	0,418	-0,01
Пермский край	0,398	0,445	0,32	0,125
Татарстан	0,393	0,357	0,444	-0,087
Санкт-Петербург	0,392	0,374	0,369	0,005
Тамбовская область	0,39	0,503	0,223	0,28
Свердловская область	0,38	0,367	0,376	-0,009
Чувашия	0,375	0,374	0,348	0,026
Воронежская область	0,374	0,348	0,441	-0,093
Красноярский край	0,367	0,434	0,273	0,161
Приморский край	0,362	0,342	0,397	-0,055
Саратовская область	0,361	0,36	0,341	0,019
Челябинская область	0,357	0,328	0,425	-0,097
Чечня	0,349	0,391	0,264	0,127
Краснодарский край	0,346	0,314	0,401	-0,087
Дагестан	0,331	0,369	0,217	0,152
Белгородская область	0,328	0,387	0,258	0,129
Кабардино-Балкария	0,328	0,326	0,334	-0,008
Иркутская область	0,323	0,354	0,261	0,093
Томская область	0,323	0,129	0,523	-0,394
Тульская область	0,3	0,338	0,269	0,069
Нижегородская область	0,289	0,266	0,323	-0,057
Хабаровский край	0,289	0,317	0,249	0,068
Пензенская область	0,28	0,33	0,179	0,151
Москва	0,276	0,258	0,312	-0,054
Оренбургская область	0,256	0,277	0,249	0,028
Удмуртия	0,245	0,175	0,326	-0,151
Самарская область	0,232	0,272	0,193	0,079
Ростовская область	0,166	0,169	0,169	0
Омская область	0,144	0,277	0,035	0,242
Владимирская область	0,097	0,232	-0,005	0,237

*Роль трудовой мотивации и удовлетворенности работой
в удовлетворенности жизнью*

Далее нами была построена серия моделей многоуровневой бинарной логистической регрессии с целью выявления факторов, влияющих на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью (см. табл. 3).

**Таблица 3. Вклад удовлетворенности работой
в удовлетворенность жизнью для разных категорий населения**

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Удовлетворенность работой	1,232***	1,236***	1,308***	0,998***	1,216***	1,060***	1,483***	1,333***	1,070***
	(0,060)	(0,079)	(0,091)	(0,140)	(0,095)	(0,210)	(0,109)	(0,125)	(0,108)
Женский пол	0,286***	0,291***	0,285***	0,283***	0,288***	0,285***	0,282***	0,288***	0,287***
	(0,060)	(0,093)	(0,060)	(0,060)	(0,060)	(0,060)	(0,060)	(0,060)	(0,060)
Что важно в работе: добиться чего-то в жизни, продвинуться — реф. категория									
Чтобы работа не занимала много времени	-0,018	-0,018	0,088	-0,016	-0,023	-0,018	-0,018	-0,018	-0,016
	(0,061)	(0,061)	(0,096)	(0,061)	(0,061)	(0,061)	(0,061)	(0,061)	(0,061)
Затрудняюсь ответить / ни одно из них	-0,023	-0,023	-0,133	-0,022	-0,028	-0,023	-0,020	-0,022	-0,021
	(0,113)	(0,114)	(0,184)	(0,114)	(0,114)	(0,114)	(0,114)	(0,113)	(0,114)
Образование: полное среднее и ниже — реф. категория									
Среднее специальное или профессионально-техническое	0,129	0,130	0,130	-0,022	0,134*	0,130	0,126	0,129	0,129
	(0,081)	(0,081)	(0,081)	(0,129)	(0,081)	(0,081)	(0,081)	(0,081)	(0,081)
Высшее образование	0,345***	0,346***	0,344***	0,134	0,349***	0,346***	0,342***	0,345***	0,341***
	(0,087)	(0,087)	(0,087)	(0,136)	(0,087)	(0,087)	(0,087)	(0,087)	(0,087)
Тип населенного пункта: столица региона — реф. категория									
Другие города области	-0,081	-0,081	-0,081	-0,080	-0,205**	-0,080	-0,079	-0,082	-0,080
	(0,068)	(0,068)	(0,068)	(0,068)	(0,104)	(0,068)	(0,068)	(0,068)	(0,068)
Сельские поселения	-0,109	-0,109	-0,111	-0,110	0,066	-0,110	-0,110	-0,111	-0,106
	(0,078)	(0,078)	(0,078)	(0,078)	(0,123)	(0,078)	(0,078)	(0,078)	(0,078)
Возраст	-0,061***	-0,061***	-0,061***	-0,060***	-0,061***	-0,062***	-0,062***	-0,062***	-0,062***
	(0,011)	(0,011)	(0,011)	(0,011)	(0,011)	(0,012)	(0,011)	(0,011)	(0,011)
Возраст в квадрате	0,0003***	0,0003***	0,0004***	0,0003***	0,0003***	0,0003***	0,0004***	0,0004***	0,0004***
	(0,0001)	(0,0001)	(0,0001)	(0,0001)	(0,0001)	(0,0001)	(0,0001)	(0,0001)	(0,0001)
Состоит в браке	0,494***	0,494***	0,493***	0,497***	0,492***	0,495***	0,718***	0,495***	0,493***
	(0,067)	(0,067)	(0,067)	(0,067)	(0,067)	(0,067)	(0,105)	(0,067)	(0,067)
Есть дети	0,182**	0,182**	0,181**	0,180**	0,181**	0,183**	0,182**	0,261**	0,183**
	(0,085)	(0,086)	(0,086)	(0,086)	(0,086)	(0,085)	(0,086)	(0,121)	(0,086)

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Уровень дохода семьи в настоящее время: очень трудно жить на такой доход — реф. категория									
Довольно трудно жить на такой доход	0,152**	0,152**	0,150**	0,151**	0,148**	0,151**	0,148**	0,153**	0,093
	(0,071)	(0,071)	(0,071)	(0,071)	(0,071)	(0,071)	(0,071)	(0,071)	(0,105)
Дохода в принципе хватает	0,956***	0,956***	0,957***	0,955***	0,955***	0,956***	0,959***	0,957***	0,750***
	(0,080)	(0,080)	(0,080)	(0,080)	(0,080)	(0,080)	(0,080)	(0,080)	(0,124)
Живете, не испытывая материальных затруднений	1,057***	1,057***	1,049***	1,049***	1,055***	1,059***	1,056***	1,057***	0,675**
	(0,143)	(0,143)	(0,144)	(0,144)	(0,144)	(0,143)	(0,144)	(0,143)	(0,269)
Удовлетворенность работой* Женский пол		-0,008							
		(0,118)							
Удовлетворенность работой* Чтобы работа не занимала много времени			-0,177						
			(0,122)						
Удовлетворенность работой* Затрудняюсь ответить / ни одно из них			0,186						
			(0,235)						
Удовлетворенность работой* Среднее специальное или профессионально-техническое				0,242					
				(0,163)					
Удовлетворенность работой* Высшее образование				0,343**					
				(0,171)					
Удовлетворенность работой* Другие города области					0,209				
					(0,134)				
Удовлетворенность работой* Сельские поселения					-0,267*				
					(0,152)				
Удовлетворенность работой* Возраст						0,004			
						(0,005)			
Удовлетворенность работой* Не состоит в браке							-0,357***		
							(0,129)		
Удовлетворенность работой* Есть дети								-0,130	
								(0,141)	
Удовлетворенность работой* Довольно трудно жить на такой доход									0,127
									(0,141)

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Удовлетворенность работой* Дохода в принципе хватает									0,349**
									(0,160)
Удовлетворенность работой* Живете, не испытывая материальных затруднений									0,568*
									(0,319)
Константа	0,706***	0,704***	0,665***	0,837***	0,714***	0,783***	0,572**	0,662***	0,807***
	(0,252)	(0,253)	(0,255)	(0,263)	(0,255)	(0,275)	(0,257)	(0,257)	(0,257)
Наблюдения	6,698	6,698	6,698	6,698	6,698	6,698	6,698	6,698	6,698
Регионы	38	38	38	38	38	38	38	38	38
Log Likelihood	-3675,546	-3675,543	-3673,698	-3673,535	-3670,710	-3675,182	-3671,658	-3675,123	-3672,177
Akaike Inf. Crit.	7385,091	7387,087	7385,397	7385,070	7379,420	7386,364	7379,316	7386,245	7384,354
Bayesian Inf. Crit.	7500,854	7509,659	7514,778	7514,452	7508,802	7508,936	7501,888	7508,818	7520,546

Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Согласно результатам регрессионного анализа, удовлетворенность работой оказывает сильное влияние на удовлетворенность жизнью. Кроме того, уровень удовлетворенности жизнью зависит от ряда других характеристик. Женщины и лица с высшим образованием, состоящие в браке и имеющие детей, больше удовлетворены жизнью, нежели респонденты с другими характеристиками. Удовлетворенность жизнью уменьшается в среднем возрасте и увеличивается в пожилом. Кроме того, удовлетворенность жизнью повышается с улучшением материального благосостояния. Тип населенного пункта никак не влияет на субъективное благополучие. Также уровень удовлетворенности жизнью не связан с мотивацией труда.

Далее будет рассмотрено, у индивидов с какими характеристиками удовлетворенность работой сильнее ассоциируется с удовлетворенностью жизнью.

Вопреки ожиданиям взаимосвязь удовлетворенности работой и удовлетворенности жизнью не различается у мужчин и у женщин (модель 2, см. рис. 1). Во-первых, это может быть связано с тем, что в данном исследовании речь идет только о работающих. Во-вторых, как показал дескриптивный анализ, взаимосвязь между удовлетворенностью работой и жизнью и среди мужчин, и среди женщин может в сильной степени различаться по регионам. В-третьих, такой результат может объясняться российской спецификой, заключающейся в том, что женщины не в меньшей степени заинтересованы в работе и в карьере, чем мужчины. Кроме того, в России довольно часто женщины выступают основными кормильцами в семье, и в этом случае работа играет для них не менее важную роль, чем для мужчин.

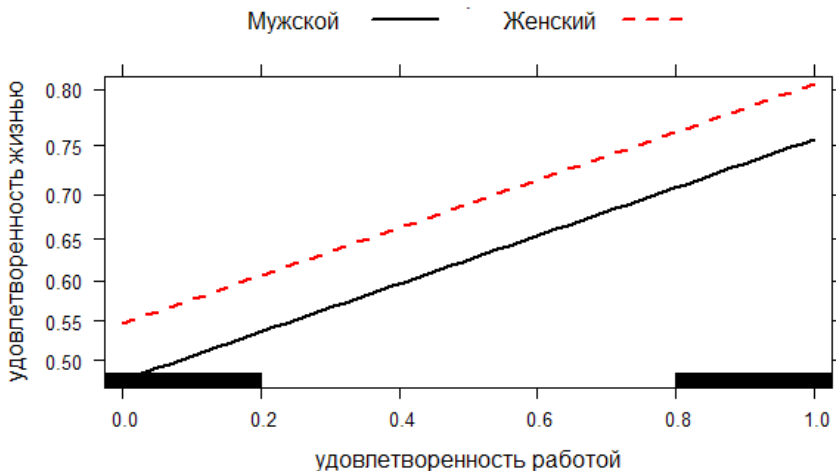

Рис. 1. Предельный эффект удовлетворенности работой на удовлетворенность жизнью у мужчин и женщин

Вклад работы в удовлетворенность жизнью также зависит от трудовой мотивации (модель 3, см. Рис. 2). Среди тех, кому важно на работе чего-то достичь, продвинуться, удовлетворенность работой сильнее связана с удовлетворенностью жизнью, чем среди тех, кому важно, чтобы работа занимала не слишком много времени. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что внутренние ценности повышают взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и работой.

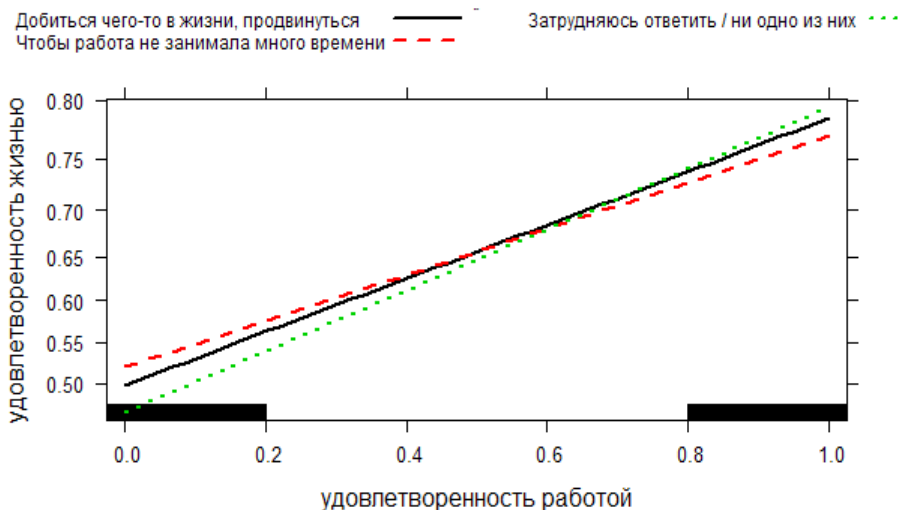

Рис. 2. Предельный эффект удовлетворенности работой на удовлетворенность жизнью у лиц с разной трудовой мотивацией

Роль удовлетворенности работой в удовлетворенности жизнью зависит также от уровня образования (модель 4, см. Рис. 3). У лиц с высшим образованием удовлетворенность работой оказывает большее влияние на удовлетворенность жизнью. Это можно объяснить тем, что высшее образование является вкладом в карьерный рост и положение на рынке труда.

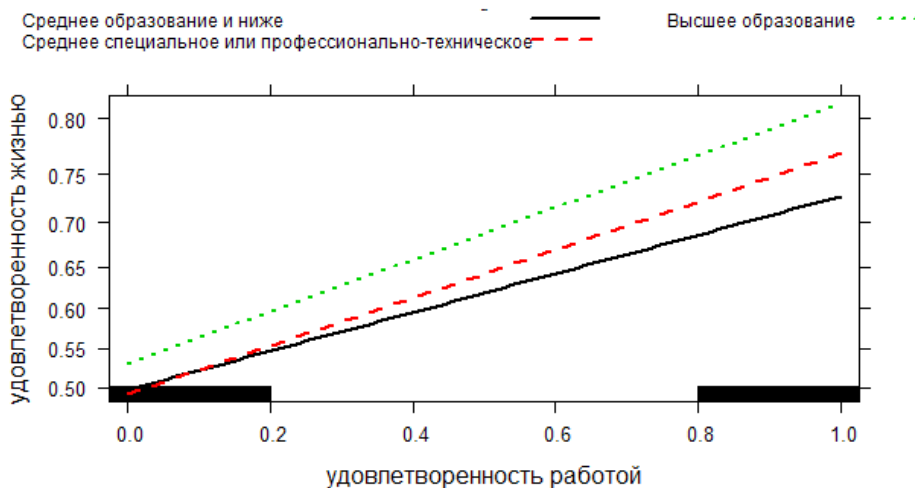

Рис. 3. Предельный эффект удовлетворенности работой на удовлетворенность жизнью у лиц с разным уровнем образования

Также наблюдается интересная зависимость взаимосвязи между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью с типом населенного пункта (модель 5, см. Рис. 4). Так, наиболее сильное влияние удовлетворенность работой оказывает на удовлетворенность жизнью в нестоличных городах региона, а наиболее слабое — в сельских поселениях. В данном случае наша гипотеза не подтвердилась, так как в нестоличных городах удовлетворенность работой в большей степени связана с удовлетворенностью жизнью, чем в столичных городах. Возможно, это можно объяснить с тем, что в региональных столицах категории работающих более разнообразны. Кроме того, в нестоличных регионах больше неблагополучных и низкооплачиваемых рабочих мест с плохими условиями труда и низкой оплатой, что может оказывать более сильное негативное влияние на уровень удовлетворенности жизнью, чем не самые привлекательные, но все же лучше оплачиваемые рабочие места в столичных регионах. В сельских поселениях значительную роль играет занятость в личном подсобном хозяйстве, которую респонденты не относят к оплачиваемой работе. Возможно, в этом случае оплачиваемая занятость носит вторичный характер.

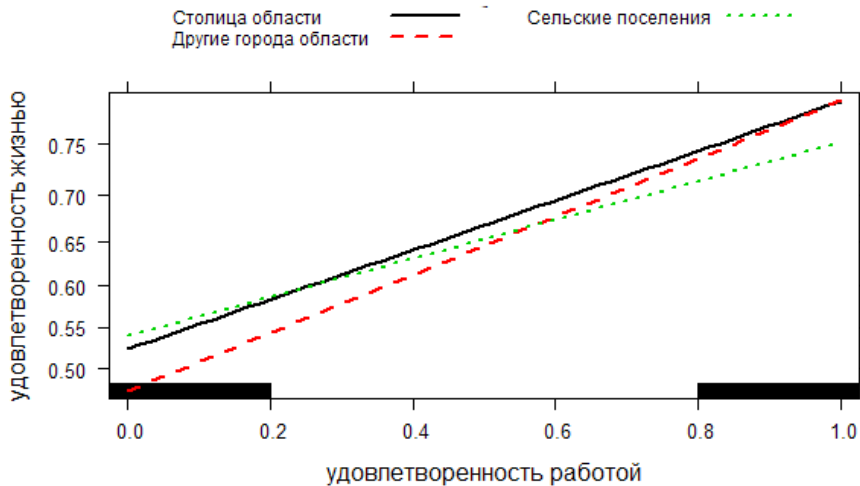

Рис. 4. Предельный эффект удовлетворенности работой на удовлетворенность жизнью в населенных пунктах разных типов

Удовлетворенность работой сильнее влияет на удовлетворенность жизнью у индивидов, не состоящих в браке (модель 7, см. Рис. 5). Это вполне ожидаемо, так как семейная сфера в значительной мере формирует субъективное благополучие.

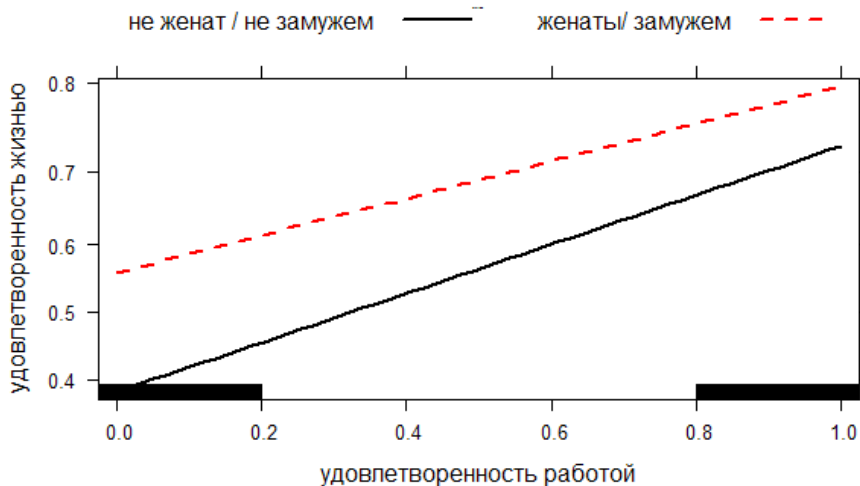

Рис. 5. Предельный эффект удовлетворенности работой на удовлетворенность жизнью среди состоящих и не состоящих в браке

Вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью не зависит от возраста (модель 6) и наличия детей (модель 8).

Лица, проживающие в семьях с более высоким доходом, в большей степени связывают удовлетворенность работой и жизнью (модель 9, см. Рис. 6). К сожалению, база данных не позволяет выявить источник дохода домохозяйства. Таким образом, лица, проживающие в домохозяйствах с более высоким доходом, включают в себя как тех, кто больше зарабатывает, так и тех, кто имеет другие доходы, отличные от заработка. С одной стороны, индивиды, имеющие более высокий доход, могут больше связывать удовлетворенность работой с удовлетворенностью жизнью, так как они больше вкладываются в работу. С другой стороны, среди тех, для кого работа не является основным источником дохода, многие могут работать прежде всего ради самореализации или просто потому, что работа им нравится. Такие категории скорее будут связывать удовлетворенность работой и жизнью.

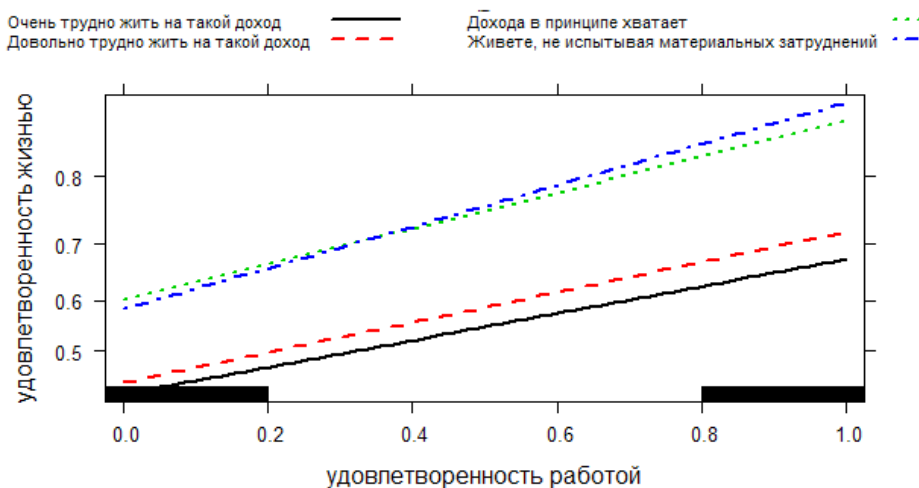

Рис. 6. Предельный эффект удовлетворенности работой на удовлетворенность жизнью среди лиц с разным уровнем дохода

Заключение

Исследование позволило выявить, какой вклад удовлетворенность работой вносит в общую удовлетворенность жизнью и от каких факторов зависит величина этого вклада. Было показано, что этот вклад достаточно сильно дифференцирован по регионам. Во всех регионах, кроме Владимирской области, имеет место положительная корреляция между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью. В девяти регионах из 38 изученных, а именно в Новосибирской области, Башкортостане, Волгоградской области, Алтайском крае, Московской области, Ставропольском крае, Кемеровской, Тверской и Ленинградской областях, корреляция между удовлетворенностью работой и жизнью выше всего и превосходит

0,4. В остальных регионах связь между удовлетворенностью работой и жизнью ниже, а в десяти регионах ниже 0,3, то есть не является очень тесной.

Хотя изначально предполагалось, что взаимосвязь удовлетворенности работой и удовлетворенности жизнью должна быть сильнее выражена у мужчин, исследование показало, что ситуация не столь однозначна. На уровне России в целом модель не фиксирует значимых гендерных различий. Тем не менее более детальный анализ показал, что регионы в этом контексте значительно различаются. Есть группа регионов, в которых, как и в России в целом, значимой разницы нет. В ряде регионов коэффициент корреляции между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью выше среди мужчин, тогда как в других — среди женщин. Отметим, что на региональном уровне данная взаимосвязь оказывается незначимой чаще для женщин, чем для мужчин.

Согласно результатам исследования, удовлетворенность работой вносит больший вклад в удовлетворенность жизнью у лиц с высшим образованием и у лиц, проживающих в городах, не являющихся столицами области. Кроме того, индивиды с более благополучным материальным положением сильнее ассоциируют удовлетворенность работой и удовлетворенность жизнью. Наличие супруга, напротив, снижает вклад удовлетворенности работой и удовлетворенности жизнью, а наличие детей не играет никакой роли. Вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью также не зависит от возраста. Внутренняя трудовая мотивация повышает вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью. Таким образом, большинство наших гипотез подтвердились. Вклад работы в удовлетворенность жизнью неоднороден для разных социальных групп, хотя практически во всех группах выявлена сильная взаимосвязь.

Исследование имеет ряд ограничений. Так, использованная база данных не позволяет дифференцировать удовлетворенность материальными и нематериальными аспектами работы, так как респондентам задавался вопрос лишь об общей удовлетворенности работой. Кроме того, данные не дают возможности получить оценку доли дохода от трудовой деятельности в общем доходе семьи и того, является ли респондент основным кормильцем.

Дальнейшим направлением исследования могло бы стать детальное изучение факторов, оказывающих влияние на взаимосвязь между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью на региональном уровне. Также можно более детально изучить роль характеристик работы и гендерные различия по вкладу факторов.

Список литературы (References)

Козина И. Что определяет статус «кормильца» семьи? // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 83—89.

Kozina I. (2000) What Determines the Status of the “Breadwinner” of the Family? *Sociological Studies*. No. 11. P. 83—89. (In Russ.)

Мареева С. В. Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 324—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.18>.

Mareeva S. V. (2019) Inequality of Life Chances in Work-Life Balance of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 324—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.18>. (In Russ.)

Монусова Г. А. Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 12. С. 74—83.

Monusova G. A. (2008) Job Satisfaction: Cross-Country Comparisons. *World Economy and International Relations*. No. 12. P. 74—83. (In Russ.)

Монусова Г. А. Тип трудового контракта и субъективное благополучие // *Социологический журнал*. 2019. Т. 25. № 3. С. 46—66. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.3.6675>.

Monusova G. A. (2019) Type of Employment Contract and Subjective Well-Being. *Sociological Journal*. Vol. 25. No. 3. P. 46—66. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.3.6675>. (In Russ.)

Поплавская А. А., Соболева Н. Э. Удовлетворенность различными аспектами работы мужчин и женщин в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 5. С. 271—288. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.15>.

Poplavskaya A. A., Soboleva N. E. (2017) Men's and Women's Satisfaction with Various Job Aspects in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 271—288. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.15>. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Концепция баланса жизни и труда: уроки европейской социальной политики и российские перспективы // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9. № 4. С. 439—454.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2011) The Life and Work Balance Concept: Lessons from the European Social Policy and Russian Perspectives. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 9. No. 4. P. 439—454. (In Russ.)

Соболева И. В. Социальное самочувствие предпринимателей и наемных работников в малом бизнесе // *Социологические исследования*. 2019. № 4. С. 57—69. <https://doi.org/10.31857/S013216250004586-7>.

Soboleva I. V. (2019) Social Well-being of Entrepreneurs and Employees in Small Business. *Sociological Studies*. No. 4. P. 57—69. <https://doi.org/10.31857/S013216250004586-7>. (In Russ.)

Стребков Д. О., Шевчук А. В. Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 3. С. 86—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06>.

Strebkov D. O., Shevchuk A. V. (2019) The Trap of Flexible Work Schedule: How Unusual Working Patterns Influence the Work — Life Balance of Freelancers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 86—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06>. (In Russ.)

Темницкий А. Л. Роль сбалансированности работы и семьи в достижении жизненного успеха у наемных работников России // *Мониторинг общественного мнения:*

- экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 306—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.17>.
- Temnitskiy A. L. (2019) Role of Work — Life Balance in Achieving Life Success for the Hired Workers in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 306—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.17>. (In Russ.)
- Тихонова Н. Е. (2005) Гендерные аспекты влияния реформ 90-х годов в России на положение бедных городских домохозяйств // Демоскоп Weekly. № 221—222. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/analit04.php> (последний доступ: 18.02.2020).
- Tikhonova N. E. (2005) Gender Aspects of the Impact of 1990s Reforms in Russia on the Situation of Poor Urban Households. *Demoscope Weekly*. No. 221—222. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/analit04.php> (accessed: 18.02.2020). (In Russ.)
- Шевчук А. В., Красильникова А. В. Влияние нестандартных трудовых графиков на баланс между работой и жизнью (по данным Европейского социального исследования в России) // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 2. С. 223—236. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-223-236>.
- Shevchuk A., Krasilnikova A. (2019) The Impact of Non-Standard Work Schedules on the Work — Life Balance: The Case of the European Social Survey in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 2. P. 223—236. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-223-236>. (In Russ.)
- Ahn N., García J. R. (2004) Job Satisfaction in Europe. FEDEA Working Paper, No. 2004—16. Madrid: Fundación de Estudios de Economía Aplicada. URL: <http://documentos.fedea.net/pubs/dt/2004/dt-2004-16.pdf> (accessed: 18.02.2020).
- Alesina A., Giuliano P, Nunn N. (2013) On the Origins of Gender Roles: Women and the Plough. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 128. No. 2. P. 469—530. <https://doi.org/10.1093/qje/qjt005>.
- Alexander A. C., Welzel C. (2010) Empowering Women: The Role of Emancipative Values. *European Sociological Review*. Vol. 27. No. 3. P. 364—384. <https://doi.org/10.1093/esr/jcq012>.
- Argyle M. (2001) *The Psychology of Happiness*. London: Routledge.
- Clark A. (2005) What Makes a Good Job? Evidence from OECD Countries. In: Bazen S., Lucifora C., Salverda W. (eds.) *Job Quality and Employer Behaviour*. London: Palgrave Macmillan. P. 11—30. https://doi.org/10.1057/9780230378643_2.
- Deci E. L. (1975) *Intrinsic Motivation*. New York: Plenum Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-4613-4446-9>.
- Deci E. L., Ryan R. M. (2000) The ‘What’ and ‘Why’ of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior. *Psychological Inquiry*. Vol. 11. No. 4. 227—268. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1104_01.

- Farmer H. S. (1987) A Multivariate Model for Explaining Gender Differences in Career and Achievement Motivation. *Educational Researcher*. Vol. 16. No. 2. P. 5—9. <https://doi.org/10.3102/0013189x016002005>.
- Georgellis Y., Lange T. (2012) Traditional vs. Secular Values and the Job — Life Satisfaction Relationship across Europe. *British Journal of Management*. Vol. 23. No. 4. P. 437—454. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8551.2011.00753.x>.
- Greene B. A., DeBacker T.K. (2004) Gender and Orientations toward the Future: Links to Motivation. *Educational Psychology Review*. Vol. 16. No. 2. P. 91—120. <https://doi.org/10.1023/B:EDPR.0000026608.50611.b4>.
- Haller M., Hadler M. (2006) How Social Relations and Structures Can Produce Happiness and Unhappiness: An International Comparative Analysis. *Social Indicators Research*. Vol. 75. No. 2. P. 169—216. <https://doi.org/10.1007/s11205-004-6297-y>.
- Horner M. S. (1974) The Measurement and Behavioral Implications of Fear of Success in Women. In: Atkinson J. W., Raynor J. O. (eds.) *Motivation and Achievement*. Washington, DC: Winston (Halsted Press/Wiley). P. 91—117.
- Inglehart R. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511790881>.
- Inglehart R., Welzel C. (2010) Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*. Vol. 8. No. 2. P. 551—567. <https://doi.org/10.1017/s1537592710001258>.
- Kaasa A. (2011) Work Values in European Countries: Empirical Evidence and Explanations. *Revista de Management Comparat International / Review of International Comparative Management*. Vol. 12. No. 5. P. 852—862. URL: <http://www.rmci.ase.ro/no12vol5/01.pdf> (accessed: 18.02.2020).
- Kalleberg A. L. (1977) Work Values and Job Rewards: A Theory of Job Satisfaction. *American Sociological Review*. Vol. 42. No. 1. P. 124—143. <https://doi.org/10.2307/2117735>.
- Kalleberg A. L. (2011) *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s-2000s*. New York: Russell Sage Foundation.
- Karabchuk T., Soboлева N. (2019) Temporary Employment, Informal Work and Subjective Well-Being across Europe: Does Labor Legislation Matter? *Journal of Happiness Studies*. <https://doi.org/10.1007/s10902-019-00152-4>.
- Kasser T. (2002) *The Value of Materialism: A Psychological Inquiry*. Cambridge, MA: MIT Press.

Klesment M., Van Bavel J. (2017) The Reversal of the Gender Gap in Education, Motherhood, and Women as Main Earners in Europe. *European Sociological Review*. Vol. 33. No. 3. P. 465—481. <https://doi.org/10.1093/esr/jcw063>.

Pichler F., Wallace C. (2008) What are the Reasons for Differences in Job Satisfaction across Europe? Individual, Compositional, and Institutional Explanations. *European Sociological Review*. Vol. 25. No. 5. P. 535—549. <https://doi.org/10.1093/esr/jcn070>.

Van Praag B. M.S., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. (2003) The Anatomy of Subjective Well-Being. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 51. No. 1. P. 29—49. [https://doi.org/10.1016/s0167-2681\(02\)00140-3](https://doi.org/10.1016/s0167-2681(02)00140-3).

Radcliff B. (2005) Class Organization and Subjective Well-Being: A Cross-National Analysis. *Social Forces*. Vol. 84. No. 1. P. 513—530. <https://doi.org/10.1353/sof.2005.0118>.

Shevchuk A., Strebkov D., Davis S. N. (2019) Skill Mismatch and Work — Life Conflict: The Mediating Role of Job Satisfaction. *Journal of Education and Work*. Vol. 32. No. 2. P. 181—195. <https://doi.org/10.1080/13639080.2019.1616281>.

Sousa-Poza A., Sousa-Poza A.A. (2000) Well-Being at Work. *Journal of Socio-Economics*. Vol. 29. No. 6. P. 517—538. [https://doi.org/10.1016/s1053-5357\(00\)00085-8](https://doi.org/10.1016/s1053-5357(00)00085-8).

Vansteenkiste M., Neyrinck B., Niemiec C. P., Soenens B., de Witte H., Van den Broeck A. (2007) On the Relations among Work Value Orientations, Psychological Need Satisfaction and Job Outcomes: A Self-Determination Theory Approach. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. Vol. 80. No. 2. P. 251—277. <https://doi.org/10.1348/096317906x111024>.

Veenhoven R. (1991) Is Happiness Relative? *Social Indicators Research*. Vol. 24. No. 1. P. 1—34. <https://doi.org/10.1007/bf00292648>.

Wolf W. C., Fligstein N. D. (1979) Sex and Authority in the Workplace: The Causes of Sexual Inequality. *American Sociological Review*. Vol. 44. No. 2. P. 235—252. <https://doi.org/10.2307/2094507>.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.16

Правильная ссылка на статью:

Вередюк О. В. Динамика субъективного благополучия при внутрифирменной трудовой мобильности в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 391—407. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.16>.

For citation:

Veredyuk O. V. (2020) Internal Labor Mobility and Subjective Well-Being in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 391—407. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.16>.

О. В. Вередюк

ДИНАМИКА СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПРИ ВНУТРИФИРМЕННОЙ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ В РОССИИ

ДИНАМИКА СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПРИ ВНУТРИФИРМЕННОЙ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ В РОССИИ

INTERNAL LABOR MOBILITY AND SUBJECTIVE WELL-BEING IN RUSSIA

ВЕРЕДЮК Олесья Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории, старший научный сотрудник Лаборатории исследования экономического роста, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: o.veredyuk@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>

*Olesya V. VEREDYUK*¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Economic Theory; Senior Researcher, Laboratory for Economic Growth
E-MAIL: o.veredyuk@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Аннотация. В данном эмпирическом исследовании субъективного благополучия применяется концепция удовлетворенности жизнью в таком ее аспекте, как работа (трудовая жизнь). Цель исследования состоит в выявлении

Abstract. This paper explores subjective well-being using the concept of satisfaction with life, and more specifically the work aspect (working life). The study aims to reveal and assess the influence of internal labor mobility on job satisfac-

и оценке влияния внутрифирменной смены работы на динамику удовлетворенности работой при разных траекториях внутрифирменной мобильности. Объект анализа — лица, в течение последнего года сменившие позицию (продвинулись по службе, понизили должность, переведены без изменения в должности) в границах одной фирмы. Предмет изучения — изменение оценки удовлетворенности работой после смены позиции внутри фирмы. Эмпирическую базу исследования составили данные двух последних из опубликованных волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. На их основе приведена описательная статистика групп работников, формирующих соответствующие потоки внутрифирменной мобильности; показаны структура и динамика оценок удовлетворенности работой для каждой из групп. Для анализа связи между изменением уровня удовлетворенности работой и рядом выборочных характеристик индивида и его рабочего места использована порядковая логистическая регрессия. Новизна работы состоит в проведении сравнительного эмпирического анализа связи динамики удовлетворенности работой с траекториями внутрифирменной мобильности. Результаты исследования в целом подтверждают первую гипотезу о том, что удовлетворенность работой не обязательно растет при карьерном росте; частично подтверждают вторую гипотезу, согласно которой при понижении работников в должности не всегда снижается их удовлетворенность новой работой по сравнению с предыдущей; скорее отвергают третью гипотезу о том, что при переводе в другое подразделение при сохранении должностного уровня растёт удо-

tion dynamics. The paper is focused on individuals who have changed their roles within the company (due to promotion, demotion, employee transfer without any revision of responsibilities) over the recent year. The subject of study is changes in the assessment of job satisfaction after a job change within the company. Using the data of two recent waves of the HSE Monitoring of Economic and Health Situation in Russia the author provides statistics describing different groups of employees forming the corresponding flows of intra-firm mobility. The paper also provides structure and job satisfaction assessments for each of these groups. Ordinal logistic regression is used to analyze the relationship between degree of job satisfaction and a number of individual's characteristics and individual's workplace. The novelty consists in conducting a comparative analysis of the link between job satisfaction dynamics and trajectories of intra-firm mobility. According to the results, the first hypothesis assuming that job satisfaction does not necessarily grow with career development proves to be true; the second hypothesis saying that employee demotion does not necessarily decrease the degree of satisfaction with a new job is partly true; and the third hypothesis stating that employee transfer to another division/unit without changing job roles increases job satisfaction levels is likely to be discarded. The results obtained enrich a set of empirical studies devoted to subjective well-being in terms of work; in a wider context, they complement the existing studies on the quality of work life.

влетворенность работой. Полученные результаты обогащают пул эмпирических исследований субъективного благополучия в аспекте работы, а в более широком контексте — дополняют исследования качества трудовой жизни.

Ключевые слова: занятость, качество занятости, удовлетворенность работой, внутрифирменная мобильность, внутренний рынок труда, РМЭЗ НИУ ВШЭ, Россия

Keywords: employment, quality of employment, job satisfaction, intracompany mobility, internal labor market, RLMS-HSE, Russia

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Структурные изменения в экономике России: роль человеческого капитала и инвестиций» № 18-010-01185.

Acknowledgments. The study is financed by the Russian Foundation for Basic Research (“Structural changes in the Russian economy: the role of human capital and investment” project no. 18-010-01185).

Введение

Работа традиционно входит в число жизненных приоритетов¹ и, ожидаемо, факторов удовлетворенности жизнью, с которыми ассоциируется субъективное благополучие². Согласно официальной статистике, в России ежегодно принимаются на работу около трети от общей численности работников, часть из которых переходит на новое место работы (иногда даже меняя профессию). Однако смена работы — повышение и понижение в должности, перевод в другое подразделение — наблюдается и при сохранении места работы. В количественном выражении интенсивность движения работников внутри фирм в нашей стране сопоставима со странами, в которых внутренние рынки труда считаются наиболее мобильными [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина, 2016].

Внутрифирменная мобильность — мобильность на внутреннем рынке труда — входит в число ключевых факторов повышения качества трудовой жизни, качества занятости³, одной из распространенных *proxу*⁴ которого выступают субъективные оценки удовлетворенности работой⁵. Этим определяется важ-

¹ По данным Всемирного исследования ценностей (World Values Survey) за 2011—2014 гг., россияне воспринимают работу как заметно более важный жизненный приоритет, чем жители других стран. «Очень важной для жизни» работу назвали 45% респондентов в России, 39% — в Германии, 38% — в Китае, 36% — в США.

² Несмотря на встречающиеся мнения о том, что удовлетворенность жизнью и удовлетворенность работой не находятся в прямой взаимосвязи [Смирных, 2009: 33] и могут расходиться [Темницкий, Бессокирная, 2018], они, безусловно, являются связанными понятиями.

³ Качество трудовой жизни, качество занятости находятся в центре внимания целого ряда глобальных инициатив. Подробнее см. [Вередюк, 2018].

⁴ В данном случае *proxу* — это некоторая величина, наиболее близко отражающая содержание качества занятости из всех возможных и доступных параметров.

⁵ При этом известна критика о низкой практической ценности исследований удовлетворенности трудом. См. [Ильясов, 2013].

ность исследовательского вопроса о влиянии смены работы на динамику уровня удовлетворенности ею.

Как показали исследования, удовлетворенность индивида работой связана с мобильностью (в том числе внутрифирменной) как таковой [Тарабан, 2018; Смирных, 2009]. Отчасти это объясняется тем, что мобильность нередко сопряжена с ростом заработной платы [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина, 2016: 208—209]. При этом отмечаются существенные вариации в уровне удовлетворенности работой мобильных работников как по сравнению со стабильными работниками, так и между собой [Смирных, 2009]. Различия в эффектах от удовлетворенности работой зависят от вида трудовой мобильности. Например, профессиональная и должностная мобильность, рассматриваемые по отдельности или в сочетаниях между собой, формируют более высокий уровень удовлетворенности работой [Тарабан, 2018: 120]. С точки зрения общей удовлетворенности работой влияние смены профессии более значимо, чем влияние смены места работы [Longhi, Brynin, 2010]. При этом удовлетворенность работой может расти даже в условиях нисходящей профессиональной мобильности (при переходе индивида на работу с более низким уровнем вознаграждения, требований к навыкам и автономии по сравнению с предыдущей работой) [Nekola et al., 2018].

Среди доступных отечественных эмпирических исследований связи динамики уровня удовлетворенности работой и внутрифирменной мобильности не удалось встретить примеры взаимосвязанного анализа применительно к трем траекториям внутрифирменной мобильности (перемещение вверх, вниз и по горизонтали), проведенных на одних данных. Как правило, при соответствующем анализе данные траектории внутрифирменной мобильности либо рассматриваются по отдельности, либо сгруппированы между собой иным образом, либо типологизация не производится вовсе. Преимущества предлагаемого в данной статье подхода — взаимосвязанное рассмотрение удовлетворенности работой для трех траекторий внутренней мобильности — заключаются в выявлении возможных закономерностей между траекторией внутрифирменной мобильности и изменением уровня удовлетворенности работой.

В данном исследовании субъективного благополучия применяется концепция удовлетворенности жизнью в таком ее аспекте, как работа (трудовая жизнь). В основе этого подхода лежат ответы респондентов на прямой вопрос об удовлетворенности работой в целом, полученные в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения России НИУ ВШЭ⁶. Собранные таким образом оценки используются в качестве показателя субъективного благополучия, связанного с работой.

Цель данного исследования — выявить и оценить влияние внутрифирменной смены работы на динамику удовлетворенности работой при разных траекториях внутрифирменной мобильности. Объект исследования — лица, в течение года сменившие позицию (продвинулись по службе, понизили должность, переведены без изменения в должности) в рамках той же фирмы. Предмет исследования — изменение оценки удовлетворенности работой после смены позиции внутри фирмы.

⁶ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms> и <http://www.hse.ru/rhms> (последний доступ: 10.02.2020).

В следующем разделе представлена теоретическая база и сформулированы гипотезы исследования. После этого описываются данные, методы и результаты исследования. В частности, приводится описательная статистика групп работников, формирующих соответствующие потоки внутрифирменной мобильности; показывается структура и динамика их оценок удовлетворенности работой для каждой из групп. Здесь также анализируются результаты порядковой логистической регрессии на предмет выявления связи между уровнем удовлетворенности работой и детерминантами внутрифирменной мобильности. Завершается статья общими выводами и рекомендациями прикладного и теоретического характера.

Теоретическая база и гипотезы исследования

Удовлетворенность работой активно анализируют социологи и психологи. С точки зрения экономической науки субъективные оценки удовлетворенности работой являются, как уже было отмечено, одним из распространенных *проху* качества трудовой жизни, качества занятости.

Исследователи-экономисты традиционно исходят из того, что решение индивида о перемещении, как правило, добровольно и основано на соотношении ожидаемых выгод от мобильности с возможными ее издержками.

В экономической науке можно выделить два подхода к анализу удовлетворенности работой⁷: первый основан на разнице ожиданий относительно работы и текущей ситуации [Hamermesh, 1999]; второй — на оценке функции ожидаемой полезности [Clark, Oswald, Warr, 1996]⁸. Последняя, применительно к удовлетворенности работой, может быть записана таким образом:

$$u = u(X, Y),$$

где X — это набор характеристик индивида,

Y — вектор характеристик рабочего места.

В экономических исследованиях удовлетворенности работой к наиболее значимым факторам традиционно относят заработную плату (w)⁹. Научные результаты показывают, что оценка удовлетворенности индивида зависит от «точки отсчета» — относительной (а не абсолютной) заработной платы (w^*) — в качестве которой может выступать как собственная заработная плата индивида в предыдущий период, так и текущий доход других работников [ibid.]. В определенном смысле это сближает указанные два подхода к анализу удовлетворенности работой. С учетом сказанного приведенное уравнение ожидаемой полезности может быть уточнено таким образом:

$$u = u(w^*, X, Y),$$

где X — это набор характеристик индивида,

Y — вектор характеристик места его работы.

⁷ Подробнее о подходах к изучению удовлетворенности работой в рамках экономической науки см. [Смирных, 2009].

⁸ См. [Вередюк, 2018].

⁹ В недавних исследованиях удовлетворенности работой показано, что значимыми характеристиками заработной платы являются не столько ее величина, сколько стабильность, возможность увеличения при условии роста объемов и качества выполняемых работ, а также ее справедливость по отношению к трудовому вкладу [Устинова, Гордиевская, 2019].

Для работников внутренние перемещения (по сравнению с внешними) имеют ряд преимуществ, среди которых больший объем информации о новом рабочем месте, отсутствие издержек поиска рабочего места, более высокий выигрыш по заработной плате (при перемещении вверх по иерархической лестнице) [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина, 2016]. Внутрифирменная мобильность может рассматриваться не только в терминах перемещений между должностными уровнями, но и как мобильность по разным аспектам трудовой жизни. В числе последних выделяются группы: оплата труда (уровень и структура заработной платы); организация и содержание труда (интенсивность труда, востребованные компетенции, объем работ, режим труда и отдыха, использование рабочего времени и его продолжительность); условия труда (автоматизация труда, санитарно-гигиенические условия, объем гарантий и льгот, форма контракта); отношения в коллективе и со стороны руководства [Бессокирная, Темницкий, 1999: 112; Тарабан, 2018: 119; Устинова, Гордиевская, 2019]. В научных исследованиях указанные аспекты трудовой жизни выступают в качестве факторов, обуславливающих уровень удовлетворенности работой. Причем анализируется влияние как отдельно взятых аспектов трудовой жизни, так и их комбинаций. Так, более высокий уровень удовлетворенности работой, как правило, связан с более высокой заработной платой [Clark, Oswald, Warr, 1996; Mohanty, 2016; Grund, Rubin, 2017]; с большим соответствием уровня образования и навыков требованиям рабочего места [Allen, van der Velden, 2001]; со стабильностью рабочего места [Bruno, Caroleo, Dessy, 2014]; с возможностью профессионального роста [European Commission, 2001]. Анализ субъективного благополучия на основе комбинаций факторов показал, что с точки зрения удовлетворенности работой продолжительность контракта может быть менее значимой в случае, если работник не считает, что рискует потерять работу [Origo, Pagani, 2012]. В исследованиях удовлетворенности работой выявлено наличие гендерной специфики [Kaga, Uysal, Magnini, 2012], а также показана значимость новизны работы с точки зрения уровня удовлетворенности ею [Boswell et al., 2009]. Согласно распространенному подходу, факторы удовлетворенности и неудовлетворенности работой различны [Herzberg, 2003; Вередюк, 2018]. В исследованиях связи между аспектами трудовой жизни и удовлетворенностью работой фиксируется в целом усложнение структуры такой связи [Бессокирная, Темницкий, 1999: 113—114].

В целом связь удовлетворенности работой и мобильности недостаточно хорошо изучена [Fasang, Geerdes, Schömann, 2012]. Если говорить о внутрифирменной мобильности, то при *движении вверх* (при перемещении на позицию более высокого уровня в должностной иерархии) работник вслед за расширением используемых навыков и выполняемых трудовых функций справедливо ожидает увеличения дохода. Положительная отдача от такой мобильности в терминах прироста заработной платы выявлена в ряде работ [Нестерова, Мальцева, 2009; Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина, 2016]. Однако в других исследованиях обнаружено, что продвижение по службе не всегда сопряжено с финансовыми выгодами для работника [Vaimas-George et al., 2018]. Вместе с продвижением растет ответственность, повышается уровень стресса; могут колебаться часы работы и снижаться устойчивость баланса времени между трудом и досугом. При *движении вниз* (при перемещении на позицию более низкого уровня в должностной иерархии) есть вероятность снижения

удовлетворенности работой, связанная в первую очередь с сокращением заработной платы. К тому же работник может воспринять нисходящую трудовую мобильность как сигнал к приближающемуся увольнению. Однако, как показывают исследования, даже в ситуации нисходящей профессиональной мобильности, когда индивид переходит на работу с более низким уровнем вознаграждения, требований к навыкам и автономии по сравнению с предыдущей работой, его удовлетворенность работой может, вопреки сформулированным предположениям, расти [Nekola et al., 2018]. Перевод по *горизонтали* (перемещение на позицию того же уровня в должностной иерархии) тоже неоднозначен из-за разнообразия потенциальных выгод и издержек для работника. Вероятно, такой вид трудовой мобильности может ассоциироваться с ротацией кадров, возможностями установления новых связей и, как следствие, может повышать уверенность работника в его возможностях сохранить работу.

Таким образом, каждая из рассматриваемых траекторий внутренней мобильности потенциально сопряжена для работника с преимуществами и недостатками, а также выгодами и издержками. В случае принятия индивидом решения о смене работы в компании наиболее вероятно, что ожидаемые от такого решения преимущества «перевесят» его недостатки, а ожидаемые выгоды — издержки. В результате должен возрасти уровень удовлетворенности работой в целом. Однако следует принять во внимание, что у работника хоть и высокая, но все равно ограниченная информированность о новой работе, так что фактическая ситуация после смены работы может отличаться от ожиданий, и, как следствие, уровень удовлетворенности работой может не измениться и даже снизиться.

С учетом изложенного гипотезы данного исследования таковы. Первая гипотеза (H1): те, кто продвинулся по службе, не обязательно оказываются более удовлетворенными новой работой. Вторая гипотеза (H2): работники, должность которых понизилась, не обязательно становятся менее удовлетворенными новой работой по сравнению с прежней. Третья гипотеза (H3): работники, которые были переведены в другое подразделение при сохранении должностного уровня, больше удовлетворены работой, чем до перевода.

Данные, методы и результаты исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (далее — РМЭЗ ВШЭ). Это ежегодный, начиная с 1994 г., репрезентативный на национальном уровне мониторинг домохозяйств и индивидов в режиме панели. Данные содержат характеристики индивида и его статуса на рынке труда, рабочего места, а также оценки субъективного благополучия респондента в части работы. Все расчеты произведены с помощью программного пакета STATA 11.1.

Для анализа взяты данные двух последних из опубликованных волн опроса, собранные в октябре 2016 г. — январе 2017 г. (25-я волна) и в октябре 2017 г. — феврале 2018 г. (26-я волна). На их основе сформирована объединенная выборка из респондентов с признаками занятости, достигших возраста 15+ на момент первого из указанных опросов, которые положительно ответили на вопрос о том, «работают ли они сейчас», и наблюдения по которым есть в обеих волнах. В итоговую выборку вошли 3949 респондентов.

В рамках данной выборки дальнейшая идентификация групп работников, сменивших¹⁰ позицию внутри своих фирм в течение года, основана на ответах респондентов на соответствующий вопрос анкеты. В результате выделены группы респондентов, которые, оставаясь на прежнем месте работы (фирме), были: 1) повышены в должности, 2) понижены в должности или 3) переведены без изменений в должностном уровне. При этом для первой и второй групп учитывалось как наличие, так и отсутствие перевода в другое подразделение. В итоговой выборке доли этих групп распределились следующим образом: доля повышенных в должности в выборке составила 2,7%; пониженных в должности — 0,5%; переведенных без изменений в должностном уровне — 1,2%¹¹. В таблице 1 приведена сравнительная характеристика групп работников, формирующих данные потоки внутрифирменной мобильности, на основе расчета средних значений выборочных критериев.

К наиболее интересным наблюдениям, вытекающим из анализа данных таблицы 1, можно отнести следующие. Во-первых, *повышение в должности* наиболее вероятно для лиц с высшим профессиональным образованием, в возрасте около 35 лет, не имеющих семьи. В таком контексте данные характеристики работников можно трактовать как наиболее вероятные условия начальной фазы роста отдачи на произведенные инвестиции в человеческий капитал. Во-вторых, перевод *по горизонтали* без изменения в должностном уровне характерен для лиц со средним специальным образованием и, что типично, работающих в крупных (по численности сотрудников) компаниях. В-третьих, *понижение в должности* в основном затрагивает работников с длительным специфическим стажем, находящихся в возрасте, близком к официальному возрасту выхода на пенсию. Возможно, это объясняется действием механизма адаптации фирм к выбыванию возрастных сотрудников¹². Из таблицы 1 также следует, что мобильность наименее характерна в компаниях микробизнеса (с численностью сотрудников до 15 человек), что можно объяснить короткой карьерной лестницей и вытекающими из этого объективными ограничениями для перемещений.

Что касается переменной, характеризующей *удовлетворенность респондентов работой*, то она была получена путем анализа ответов на вопрос анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ о том, насколько респондент удовлетворен или неудовлетворен работой в целом¹³. Ответ на вопрос предполагает выбор оценки степени удовлетворенности

¹⁰ Одним из ограничений используемой базы данных является отсутствие возможности идентификации характера внутрифирменной мобильности — в каких случаях она была добровольной (по инициативе работника), а в каких — вынужденной (по инициативе работодателей).

¹¹ Эти величины можно рассматривать как количественную характеристику общей картины потоков при внутрифирменной мобильности труда, то есть исходя из имеющихся данных за период 2016—2017 гг. мы имеем следующие вероятности разновидностей внутрифирменной мобильности:

- вероятность повышения в должности — 2,7%;
- вероятность понижения в должности — 0,5%;
- вероятность перевода без изменений в должностном уровне — 1,2%.

¹² Интерес для отдельного исследования представляет непосредственное изучение механизма адаптации фирм к выбыванию лиц пенсионного возраста, в том числе на предмет выявления его особенностей в зависимости от размера фирм и с учетом типов и форм используемых контрактов в условиях измененного в России в 2019 г. пенсионного законодательства.

¹³ Для полноты анализа были также рассмотрены ответы респондентов на вопросы анкеты об удовлетворенности и неудовлетворенности отдельными аспектами работы, такими как оплата труда, условия труда и возможности профессионального роста.

по порядковой пятибалльной шкале: от 1 («полностью удовлетворен») до 5 («совсем неудовлетворен»). Для удобства дальнейшего анализа сразу была произведена техническая инверсия оценок анкеты, в результате чего оценка 5 была присвоена ответу «полностью удовлетворен», 4 — «скорее удовлетворен», 3 — «и да, и нет», 2 — «скорее неудовлетворен» и 1 — «полностью неудовлетворен». Далее в каждой из волн были сопоставлены индивидуальные оценки респондентов, вошедших в итоговую выборку, и на этой основе сконструирована динамическая переменная, отражающая произошедшие изменения (повысился, понизился или остался прежним) уровня удовлетворенности респондента работой за рассматриваемый период времени. Результаты анализа динамики средних оценок удовлетворенности работой при внутрифирменной трудовой мобильности в трех исследуемых группах работников отражены в таблице 2.

Таблица 1. Средние значения выборочных характеристик работников, сменивших позицию в своей фирме в течение года

Критерий сравнения групп работников	Вид внутрифирменной трудовой мобильности работника			Выборка в целом
	Повышен в должности	Понижен в должности	Переведен без изменений в должностном уровне	
Пол (ж = 1), %	49,0	50,0	45,8	51,4
Возраст*, лет	35,8	54,4	40,2	43,7
Образование (уровень), %				
Общее	12,9	11,2	8,3	11,8
Среднее профессиональное	35,2	44,4	52,1	53,8
Высшее	51,9	44,4	39,6	34,5
Семейное положение (холост/не замужем=1), %	43,9	27,8	33,3	40,2
Национальность (не русский = 1), %	11,1	н/д	11,6	10,6
Наличие второй работы (есть = 1), %	4,6	0,0	2,1	3,8
Получение пенсии (да = 1), %	7,4	44,4	10,4	20,6
Стаж работы на текущем месте*, лет	6,9	12,8	6,8	10,0
Размер фирмы, человек				
Не более 15	14,1	8,3	6,1	26,8
15—100	39,4	25,0	39,4	42,7
101—250	14,1	41,7	12,1	9,8
Более 250	32,4	25,0	42,4	20,7
Зарплата* (в мес.), тыс. руб.				
2016 г.	32 300	35 400	29 200	24 500
2017 г.	39 700	37 200	27 200	25 900

Рассчитано по RLMS-HSE. URL: www.hse.ru/rlms/ (дата обращения: 09.09.2019).

Примечание: средневзвешенная арифметическая величина.

Таблица 2. Динамика средних оценок удовлетворенности работой при внутрифирменной трудовой мобильности

Аспект удовлетворенности работой [*]	Средние оценки удовлетворенности работой ^{**}											
	При повышении			При понижении			При переводе без изменений в должностном уровне			Выборка в целом		
	2016	2017	Разница	2016	2017	Разница	2016	2017	Разница	2016	2017	Разница
Работа в целом	3,94	4,07	0,13	3,94	3,39	-0,55	3,90	3,63	-0,27	3,73	3,72	-0,01
Оплата труда	3,21	3,49	0,25	3,11	2,28	-0,83	3,30	2,98	-0,32	2,94	2,96	0,02
Условия труда	3,89	3,97	0,08	3,94	3,00	-0,94	3,70	3,54	-0,16	3,68	3,69	0,01
Возможности профессионального роста	3,44	3,83	0,39	3,56	2,82	-0,74	3,48	3,26	-0,22	3,29	3,32	0,03

Рассчитано по RLMS-HSE.

Примечание:

* Перечень аспектов удовлетворенности работой приведен в соответствии с формулировками анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ.

** Автором проведен тест (t-тест) на определение статистической значимости различий средних оценок удовлетворенности работы в каждой из групп относительно общей выборки. Эта процедура позволяет определить, достаточно ли велика разность между средними оценками каждой из подгрупп относительно выборки в целом, для того чтобы можно было объяснить ее действием независимой переменной, а не случайностью, связанной с малым объемом выборки. Различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости только для группы тех, кого повысили в должности. Для двух других групп — видимо, в силу их малого размера, — статистически достоверные различия в оценках не обнаружены.

Результаты, представленные в таблице 2, указывают на существование различий между группами работников в эффекте от внутрифирменной трудовой мобильности на удовлетворенность работой. Во-первых, повышение в должности положительно влияет на уровень удовлетворенности работника как работой в целом, так и отдельными ее аспектами (оплатой труда, условиями труда и возможностями профессионального роста). Напротив, как понижение в должности, так и перевод без изменений в должностном уровне понижают удовлетворенность работника всеми аспектами работы одновременно. Главным образом негативный эффект в этих случаях связан со снижением удовлетворенности оплатой труда. При этом понижение в должности оказывается значимым также и для оценки условий труда, в то время как при переводе без изменений в должностном уровне — для оценки возможности профессионального роста.

Во-вторых, наблюдается сонаправленность векторов изменения оценок удовлетворенности аспектами работы, указанными в таблице 2. Так, при снижении (повышении) удовлетворенности работой в целом снижаются (повышаются) соответствующие оценки удовлетворенности оплатой труда, условиями труда и возможностями профессионального роста. Для проверки обоснованности утверждения о наличии такого рода закономерностей автором был дополнительно проведен корреляционный анализ изменений оценок удовлетворенности работой в целом и оценок удовлетворенности каждым из указанных аспектов работы на предмет выявления сонаправленности таких изменений и силы их связи. Результаты ана-

лиза, основанные на соответствующих индивидуальных данных, представлены в таблице 3.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции Спирмена между изменением уровня удовлетворенности работой в целом и отдельными ее аспектами, 2017 г.

Аспект работы	Изменение уровня удовлетворенности работой в целом
Изменение уровня удовлетворенности оплатой труда	0,357***
Изменение уровня удовлетворенности условиями труда	0,615***
Изменение уровня удовлетворенности возможностями профессионального роста	0,333***

Рассчитано по RLMS-HSE.

Примечание: *** корреляция (двусторонняя) значима на уровне $p < 0,001$.

Положительный знак при коэффициенте в Таблице 3 означает, что уровень удовлетворенности от работы в целом изменяется в тех же направлениях, что и уровень удовлетворенности соответствующим аспектом работы (оплатой труда, условиями труда¹⁴ или возможностями профессионального роста); отрицательный знак свидетельствует о противоположном направлении изменений между уровнем удовлетворенности от работы в целом и соответствующим аспектом работы. Таким образом, полученные результаты в дальнейшем позволяют исходить из утверждения, что изменения в оценке удовлетворенности работой в целом будут отражать схожие по направлению изменения в удовлетворенности указанными ее аспектами.

Вслед за общей динамикой изменения оценок удовлетворенности работой при внутрифирменной трудовой мобильности, представленной в таблице 2, приведем на рисунке 1 структуру их распределения по трем рассматриваемым группам работников.

Как видно из рисунка 1, распределение оценок удовлетворенности работой при разных видах внутрифирменной трудовой мобильности различается. При этом во всех рассматриваемых случаях мобильности есть как ставшие более удовлетворенными, так и ставшие менее удовлетворенными работой после ее смены, а также те, чья оценка уровня удовлетворенности осталась на прежнем уровне. Особый интерес представляет тот факт, что среди повышенных в должности наиболее заметна доля тех, кого новая работа устраивает / не устраивает в той же мере, что и прежняя. Такие работники составляют 56% от общего числа повышенных в должности, тогда как в группах пониженных в должности

¹⁴ В таблице 3 коэффициент Спирмена находится на границе умеренной и высокой тесноты связи между удовлетворенностью работой в целом и уровнем удовлетворенности условиями труда. При этом анкета РМЭЗ НИУ ВШЭ не раскрывает содержания понятия «условия труда», что препятствует более содержательной интерпретации полученных результатов.

и переведенных без изменений ее уровня этот показатель достигает 33% и 46% соответственно. Внимание заслуживает и тот факт, что, с одной стороны, среди повышенных в должности больше тех, кого новая работа удовлетворяет больше, чем предыдущая, по сравнению с двумя другими группами работников. С другой стороны, доля таких работников в двух последних группах варьируется: она выше среди пониженных в должности по сравнению с теми, кто переведен без изменения в должностном уровне. Соответствующие доли составляют 22% и 17% от общей численности работников каждой из групп.

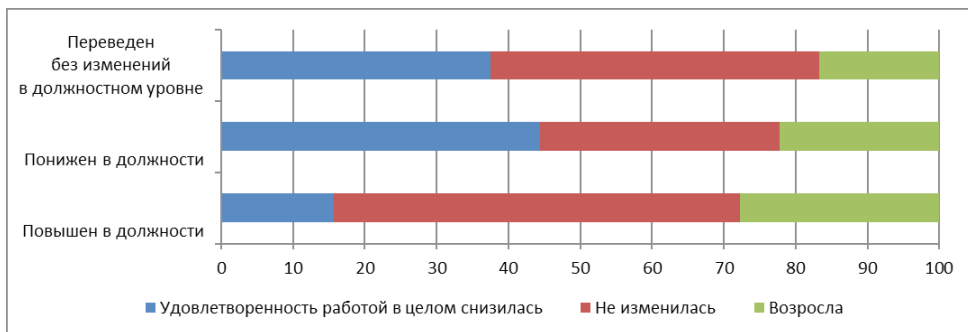

Рис. 1. Распределение изменений в оценках удовлетворенности работой среди работников, сменивших позицию в своей фирме в течение года, 2017 г., % от общей численности занятых соответствующей группы. Рассчитано по RLMS-HSE

Далее для обнаружения связи между изменением уровня удовлетворенности работой — зависимой переменной, имеющая бинарный вид, — и выборочными характеристиками работника и места его работы используется порядковая логистическая регрессия. Ее результаты, представленные в таблице 4, позволяют оценить вероятность индивида после смены работы оказаться более или менее удовлетворенным новой работой по сравнению с предыдущей в зависимости от выборочных характеристик.

Выбор характеристик (переменных) — факторов, опосредующих изменение удовлетворенности работой при внутрифирменной мобильности, — с одной стороны, был обусловлен встречающимися в литературе примерами (о которых было сказано выше¹⁵), с другой — был ограничен возможностями используемой базы данных. Так, к сожалению, отсутствовала возможность включить в качестве объясняющих переменных форму контракта (срочный трудовой договор или гражданско-правовой договор); переменные, отражающие личностные характеристики работников, а также карьерные траектории в конкретных фирмах.

Сразу отметим, что величины коэффициентов регрессии, представленных в таблице 4, содержательно не интерпретируются, поскольку имеют разный масштаб. Для того чтобы непосредственно оценить эффект, оказываемый той или иной переменной на вероятность индивида после смены работы изменить уровень удовлетворенности ею, прибегают к расчету предельных (маржинальных) эф-

¹⁵ Дополнительно о факторах удовлетворенности работой в эмпирических исследованиях см. [Анкудинов, Беяева, Лебедев, 2013].

фактов. В данном исследовании такая задача не стояла, поэтому представляется достаточным ограничиться указанием на направление изменения (повышение или понижение) такой вероятности.

Таблица 4. Изменение уровня удовлетворенности работой в целом (порядковая логит-регрессия)

Зависимые переменные (регрессоры)	Оценки коэффициентов регрессии
Количество наблюдений	2279
Повышение в должности	0,434*
Понижение в должности	-0,368
Перевод без изменений в должностном уровне	-0,038
Пол (1 = женщины)	-0,063
Возраст	0,002
Семейный статус (1 = холост / не замужем)	0,147*
Уровень образования	-0,148*
Профессиональный уровень	-0,027
Размер фирмы	-0,001*
Получение пенсии	-0,192*
Специфический стаж (период работы в одной фирме)	0,003*
Изменение в заработной плате	0,001*

Рассчитано по RLMS-HSE.

Примечание: * обозначает статистическую значимость на уровне p-value до 0,1.

Из таблицы 4 следует, что вероятность роста уровня удовлетворенности работой значимо *выше*, например, при повышении в должности, чем при других видах внутрифирменной трудовой мобильности. Ожидаемой является положительная связь между вероятностью большей удовлетворенности от работы в целом и увеличением заработной платы. Подобная статистическая закономерность наблюдается между вероятностью большей удовлетворенности от работы и длительностью специфического трудового стажа.

Напротив, вероятность более высокой удовлетворенности работой при внутрифирменной мобильности значимо *ниже*, когда работник получает пенсию, по сравнению с ее отсутствием. Возможно, это связано с низким общим уровнем пенсионного обеспечения, отсутствием индексации пенсий для работающих пенсионеров, нестабильностью российского пенсионного законодательства. Также снижение удовлетворенности работой более вероятно при мобильности в границах более крупных компаний. В данном случае можно предположить, что изменение заработной платы, связанное с новым местом работы, не сопоставимо с изменением других составляющих работы (например, степенью ответственности, балансом часов работы и досуга). Схожая закономерность отмечается и для уровня образования, а именно: с ростом уровня образования удовлетворенность на новом месте работы по сравнению с прежним местом не возрастает, а, скорее, снижается или

остается на прежнем уровне¹⁶. В этом случае объяснение может быть связано с недостаточным приростом заработной платы по сравнению с ожидаемым.

Представленные результаты анализа связи изменений уровня удовлетворенности работой и траекторий внутрифирменной мобильности сами по себе представляют определенный научный интерес, но для проверки предложенных объяснений этих эффектов, безусловно, требуются дополнительные исследования.

Выводы

В статье проведен анализ удовлетворенности работой при трех траекториях внутрифирменной мобильности (вверх, вниз и по горизонтали). Цель исследования состояла в оценке влияния внутрифирменной смены работы на динамику удовлетворенности работой и в поиске закономерностей между траекториями внутрифирменной мобильности и изменением уровня удовлетворенности работой. Эмпирическую базу исследования составили микроданные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Основные вопросы исследования были сформулированы в виде гипотез. В результате проведенного анализа в целом подтверждена первая гипотеза (H1) о том, что удовлетворенность работой не обязательно растет при карьерном росте; частично подтверждена вторая гипотеза (H2), согласно которой при понижении работников в должности не всегда снижается их удовлетворенность новой работой по сравнению с предыдущей; скорее отвергнута третья гипотеза (H3) о том, что при переводе в другое подразделение при сохранении должностного уровня растет удовлетворенность работой. Эти выводы косвенно свидетельствуют об информационной асимметрии относительно «качества» нового рабочего места при внутрифирменных перемещениях. В связи с этим может быть дана рекомендация работодателю повысить доступность и объем информации о рабочем месте, а работнику — собирать больше информации из разных источников о месте будущей работы, даже если оно находится в той же компании-работодателе.

Среди сопутствующих результатов исследования отметим, во-первых, что представлен среднестатистический портрет каждой из трех групп работников, формирующих потоки внутрифирменной мобильности (перемещение вверх, вниз и по горизонтали).

Во-вторых, установлена положительная связь между направлением изменений оценок удовлетворенности работой в целом и отдельными ее аспектами, такими как оплата труда, условия труда и возможности профессионального роста.

В-третьих, оценена вероятность того, что индивид после смены работы будет более или менее удовлетворен новой работой по сравнению с предыдущей в зависимости от выборочных характеристик индивида и места его работы.

Полученные результаты обогащают пул эмпирических исследований субъективного благополучия в таком его аспекте, как работа; в более широком контексте они дополняют исследования качества трудовой жизни, качества занятости, исследуемых в контексте концепции достойного труда.

¹⁶ В исследованиях встречаются противоречивые результаты анализа связи между уровнем образования и удовлетворенностью работой: положительная связь выявлена в [Смирных, 2009]; по другим данным, фактор образования не имеет статистической значимости [Анкудинов и др., 2013]; отрицательная зависимость между данными величинами обнаружена в [Clark, Oswald, Warr, 1996; Mohanty, 2016]. Среди возможных объяснений данных различий — различия в условиях труда разных фирм [Смирных, 2009].

Исследования закономерностей между траекториями трудовой мобильности и удовлетворенностью работой целесообразно продолжить (в частности, на длинных панельных рядах), принимая во внимание высокую интенсивность движения работников на рынке труда в нашей стране.

Список литературы (References)

Анкудинов А. Б., Беляева М. Н., Лебедев О. В. Удовлетворенность работой и ее детерминанты: результаты статистического моделирования на панельных данных // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 75—83.

Ankudinov A. B., Belyayeva M. N., Lebedev O. V. (2013) Satisfaction with Work and its Determinants: Results of Statistical Modelling on Panel Data. *Sociological Studies*. No. 11. P. 75—83. (In Russ.)

Бессокирная Г. П., Темницкий А. Л. Удовлетворенность работой на предприятии и удовлетворенность жизнью // Социологический журнал. 1999. № 1—2. С. 186—191.

Bessokirnaya G. P., Temnitsky A. L. (1999) Job Satisfaction at the Enterprise and Life Satisfaction. *Sociological Journal*. No. 1—2. P. 186—191. (In Russ.)

Вередюк О. В. Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 306—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>.

Veredyuk O. V. (2018) Quality of Youth Employment in Russia: Analysis of Job Satisfaction Assessments. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 306—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>. (In Russ.)

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Шарунина А. В. «Дороги, которые мы выбираем»: перемещения на внешнем и внутреннем рынках труда // Экономический журнал ВШЭ. 2016. Т. 20. № 2. С. 201—242.

Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Sharunina A. (2016) The Pathways We Choose: Intra- and Interfirm Transitions. *HSE Economic Journal*. Vol. 20. No. 2. P. 201—242. (In Russ.)

Ильясов Ф. Н. О целесообразности и содержании исследований удовлетворенности трудом // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 130—138. <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.3.424>.

Ilyasov F. N. (2013) The Appropriateness and Content of the Study of Job Satisfaction. *Sociological Journal*. No. 3. P. 130—138. <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.3.424>. (In Russ.)

Нестерова Д. В., Мальцева И. О. Внутрифирменная трудовая мобильность: карьера и заработная плата: Препринт WP15/2009/10. М. : Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009.

Nesterova D. V., Maltseva I. O. (2009) Intrafirm Labor Mobility: Career and Wages: Working Paper WP15/2009/10. Moscow: State University— Higher School of Economics. (In Russ.)

Смирных Л. И. Удовлетворенность работой: выбор между стабильной занятостью и трудовой мобильностью // Экономика образования. 2009. Т. 4. № 2. С. 32—40. Smirnykh L. I. (2009) Job Satisfaction: The Choice between a Stable Employment and Labor Mobility. *Education Economics*. Vol. 4. No. 2. P. 32—40. (In Russ.)

Тарабан О. В. Внутрифирменная мобильность персонала в контексте концепции качества трудовой жизни // Труд и социальные отношения. 2018. Т. 29. № 3. С. 116—125. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2018-29-3-116-125>.

Taraban O. V. (2018) In-House Staff Mobility in the Context of the Concept of Quality of Working Life. *Labour and Social Relations*. Vol. 29. No. 3. P. 116—125. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2018-29-3-116-125>. (In Russ.)

Темницкий А. Л., Бессокирная Г. П. Удовлетворенность работой и удовлетворенность жизнью в современной России: модели взаимосвязей // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2018. № 4 (64). С. 138—152. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2018.4.138-152>.

Temnitsky A. L. Bessokirnaya G. P. (2018) Work and Life Satisfaction in Modern Russia: Models of Interrelation. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. No. 4 (64). P. 138—152. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2018.4.138-152>. (In Russ.)

Устинова К. А., Гордиевская А. Н. Удовлетворенность работой и параметры, ее определяющие // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1 (172). С. 123—130.

Ustinova K. A., Gordiyevskaya A. N. (2019) Job Satisfaction and Its Decisive Parameters. *Problems of Forecast*. No. 1 (172). P. 123—130. (In Russ.)

Allen J., van der Velden R. (2001) Educational Mismatches versus Skill Mismatches: Effects on Wages, Job Satisfaction, and On-the-Job Search. *Oxford Economic Papers*. Vol. 53. No. 3. P. 434—452. <https://doi.org/10.1093/oep/53.3.434>.

Baimas-George M., Fleischer B., Korndorffer J. R., Slakey D., DuCoin C. (2018) The Economics of Academic Advancement Within Surgery. *Journal of Surgical Education*. Vol. 75. No. 2. P. 299—303. <https://doi.org/10.1016/j.jsurg.2017.08.016>.

Boswell W. R., Shipp A. J., Payne S. C., Culbertson S. S. (2009) Changes in Newcomer Job Satisfaction over Time: Examining the Pattern of Honeymoons and Hangovers. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 94. No. 4. P. 844—858. <https://doi.org/10.1037/a0014975>.

Bruno G. S. F., Caroleo F. E., Dessy O. (2014) Temporary Contracts and Young Workers' Job Satisfaction in Italy. In: Malo M. A., Sciulli D. (eds.) *Disadvantaged Workers: Empirical Evidence and Labour Policies*. Heidelberg: Springer. P. 95—120.

Clark A., Oswald A., Warr P. (1996) Is Job Satisfaction U-Shaped in Age? *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. Vol. 69. No. 1. P. 57—81. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1996.tb00600.x>.

Grund C., Rubin M. (2017) Social Comparisons of Wage Increases and Job Satisfaction. *Applied Economics*. Vol. 49. No. 14. P. 1345—1350. <https://doi.org/10.1080/00036846.2016.1217311>.

Kara D., Uysal M., Magnini V. P. (2012) Gender Differences on Job Satisfaction of the Five-Star Hotel employees. The Case of the Turkish Hotel Industry. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. Vol. 24. No. 7. P. 1047—1065. <http://doi.org/10.1108/09596111211258919>.

European Commission (2001) *Employment in Europe 2001: Recent Trends and Prospects*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.

Fasang A. E., Geerdes S., Schömann K. (2012) Which Type of Job Mobility Makes People Happy? A Comparative Analysis of European Welfare Regimes. *International Sociology*. Vol. 27. No. 3. P. 349—383. <https://doi.org/10.1177/0268580911423048>.

Hamermesh D. S. (1999) *The Changing Distribution of Job Satisfaction*. NBER Working Paper No. 7332. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/papers/w7332.pdf> (accessed: 10.02.2020).

Herzberg F. (2003) One More Time: How Do You Motivate Employees? *Harvard Business Review*. Vol. 81. No. 1. P. 87—96.

Longhi S., Brynin M. (2010) Occupational Change in Britain and Germany. *Labour Economics*. Vol. 17. No. 4. P. 655—666. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2010.02.001>.

Mohanty M. S. (2016) Relationship between Positive Attitude and Job Satisfaction: Evidence from the US Data. *Eastern Economic Journal*. Vol. 42. No. 3. P. 349—372. <https://doi.org/10.1057/ej.2014.76>.

Nekola M., Principi A., Švarc M., Nekolová M., Smeaton D. (2018) Job Change in Later Life: A Process of Marginalization? *Educational Gerontology*. Vol. 44. No. 7. P. 403—415. <https://doi.org/10.1080/03601277.2018.1490162>.

Origo F., Pagani L. (2012) Flexicurity and Workers' Well-Being in Europe: Is Temporary Employment Always Bad? In: Maggino F., Nuvolati G. (eds.) *Quality of Life in Italy: Research and Reflections*. Dordrecht: Springer. P. 243—261. https://doi.org/10.1007/978-94-007-3898-0_13.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.17

Правильная ссылка на статью:

Антощук И. А., Гевиннер И. По-прежнему суперженщина? Как женщины-ученые из бывшего СССР совмещают работу и семейную жизнь за границей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 408—435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.17>.

For citation:

Antoshchuk I. A., Gewinner I. (2020) Still a Superwoman? How Female Academics from the Former Soviet Union Negotiate Work—Family Balance Abroad. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 408—435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.17>.

I. A. Antoshchuk, I. Gewinner
**STILL A SUPERWOMAN? HOW FEMALE ACADEMICS
 FROM THE FORMER SOVIET UNION NEGOTIATE WORK—FAMILY
 BALANCE ABROAD***

STILL A SUPERWOMAN? HOW FEMALE ACADEMICS FROM THE FORMER SOVIET UNION NEGOTIATE WORK—FAMILY BALANCE ABROAD

ПО-ПРЕЖНЕМУ СУПЕРЖЕНЩИНА? КАК ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ ИЗ БЫВШЕГО СССР СОВМЕЩАЮТ РАБОТУ И СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Irina A. ANTOSHCHUK^{1,2} — *PhD Candidate at the Amsterdam Institute for Social Science Research; PhD Candidate at the Faculty of Sociology*
 E-MAIL: irinantoschyuk@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8858-2815>

АНТОЩУК Ирина Александровна — аспирантка Амстердамского института социальных исследований (AISSR), Университет Амстердама, Амстердам, Нидерланды; аспирантка факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 E-MAIL: irinantoschyuk@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8858-2815>

¹ University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

* Authors made equal contributions to this paper and their names are placed in alphabetical order.

Irina GEWINNER^{3,4} — *Dr. Phil., Research Fellow at the Institute of Sociology; Post-doctoral Researcher at the Faculty of Humanities, Education and Social Sciences*
E-MAIL: irina.gewinner@uni.lu
<https://orcid.org/0000-0001-5881-0485>

³ Leibniz Universität Hannover, Hannover, Germany

⁴ University of Luxembourg, Esch-sur-Alzette, Luxembourg

Abstract. Since the 1930s, a peculiar ‘working mother’ gender contract was dominant in the Soviet Union formally empowering women. The pressing expectation of this contract and a necessity to combine motherhood, housework and employment led to the image of the near superwoman who ‘has it all’. This paper examines whether highly-skilled Russian-speaking female academics continue to adhere to this cultural ideal striving for work-life balance after migration to the UK and Germany. Based on qualitative interviews with 22 female scholars, the article provides a typology of scenarios for negotiating professional and private life. It elaborates on how role-related partners contribute to achieving balance between paid employment and mothering and explores the consequences for women’s well-being. Moreover, the study suggests a feminist approach to analyzing work-family balance, which valorises women’s point of view, emphasizing motherhood, children and family relations as an essential personal and social value, while also documenting the increasing challenges faced in the realization of these life priorities.

ГЕВИННЕР Ирина — *Dr. Phil., научный сотрудник Института социологии, Университет им. Лейбница в Ганновере, Ганновер, Германия; постдокторальный исследователь факультета социально-гуманитарных наук и образования, Университет Люксембурга, Эш-сюр-Альзетт, Люксембург*
E-MAIL: irina.gewinner@uni.lu
<https://orcid.org/0000-0001-5881-0485>

Аннотация. Начиная с 1930-х гг. в Советском Союзе господствовал гендерный контракт «работающей матери», формально расширявший права и возможности женщин. Необходимость совмещать работу по найму, материнство и домашние обязанности привела к формированию образа суперженщины, которая успевает все. В нашей статье мы задаемся вопросом: насколько высококвалифицированные русскоязычные женщины продолжают придерживаться этого культурного идеала, когда стремятся сбалансировать семью и работу после миграции в Великобританию и Германию? На основе качественных интервью с 22 женщинами-учеными мы разработали типологию стратегий совмещения профессиональной и личной жизни. Мы анализируем, какой вклад в достижение баланса между работой и материнством вносят ролевые партнеры и какие последствия это имеет для благополучия женщин. Более того, наше исследование предлагает феминистский подход к анализу баланса семьи и работы, уделяя первоочередное внимание мнению самих женщин, подчеркивая исключительную личную и социальную ценность материнства, детей и семейных отношений, в то же время отмечая возрастающие трудности при реализации этих жизненных приоритетов.

Keywords: work-family balance, Russian-speaking migrants, highly-skilled women, academia, UK, Germany

Ключевые слова: баланс семьи и работы, русскоязычные мигранты, высококвалифицированные женщины, наука и академия, Великобритания, Германия

Introduction

Scholarly interest in work-family balance and its consequences for personal well-being has been revived through a series of studies on casualization, flexibilization and intensification of labour [Green, McIntosh, 2001; Burchell, Ladipo, Wilkinson, 2001], and the spread of precarious [Kalleberg, 2009] and project-based employment [Marsden, 2008]. Knowledge-intensive work in internationalizing academia is particularly illustrative of these trends in labour transformation. The spread of short-term and flexible contracts, increasing competition for positions and funding, conflicting job demands and growing workloads [Gill, 2016] undermine work-family balance among scholars. These factors induce academics to disproportionately invest their time and effort in professional activities, working irregular and longer hours [Kinman, Jones, 2008], which can lead to stress, health and mental problems in the worst cases, lowering levels of life satisfaction.

This paper aims to address a number of key questions relating to these stresses. What happens when these tensions are accentuated by transnational mobility, nowadays a pressing expectation and an integral part of an academic career [Bauder, 2015]? How do migrant scholars balance professional and private life in the context of adaptation and assimilation difficulties in the host country? And especially how do women, who still carry a “heavier load of responsibility” for “the meshing of work and family systems” [Salaff, Greve, 2004: 160], manage? Our paper addresses these questions by exploring the narratives of 22 female scholars who moved from the former Soviet Union countries to the United Kingdom and Germany in the 1990s-2010s. This group is particularly interesting for analysis, as Russian-speaking women often successfully convert their qualifications from their countries of origin and gain highly-skilled employment in receiving countries [Kalter, Kogan, 2014]. At the same time, they find themselves in a different institutional and cultural context, while continuing with the norms brought from their home country [Gewinner, 2019]. In post-Soviet space, the ‘working mother’ gender contract is still dominant, implying that women combine full-time employment with family and household duties [Temkina, Rotkirch, 2002]. If in the Soviet period realization of this contract relied on a system of state benefits, free childcare and extended family networks, how do women reconcile their increasingly demanding academic lives with family responsibilities abroad, with no access to customary sources of support?

Drawing on existing literature on highly-skilled female migration and a role-centered understanding of work-family balance (WFB), we conduct qualitative analysis of semi-structured interviews, and provide a typology of strategies for achieving satisfactory balance and their effects on personal well-being. The United Kingdom and Germany represent particularly suitable cases for comparative analysis because there are substantial differences between academic career structures and welfare state

provisions between these countries, which may produce different effects on female scholars' WFB. While British neoliberal academia represents a system with relatively more opportunities for obtaining a permanent position (from lecturer to professor), the German academic structure consists of predominantly temporary positions, with tenure being accessible to a clear minority and mostly at professorial level. The British welfare state is known as market-led and liberal, whereas Germany runs a conservative model, yet with considerable changes in family policy towards the socio-democratic regime over the past ten years. At the same time, the cultural notions of motherhood are similar in Germany and the UK: in both countries the role of a caring and selfless (middle-class white) mother goes along with an economically dependent woman. While her husband is the breadwinner, she works mainly part-time to be able to care for dependent children [Raddon, 2002; Miller, 2013, 2017; Zimmermann, 2019].

Highly-skilled female migration and work-family balance: between domestication and work centrality

The feminization of skilled migration across OECD countries [Dumont, Martin, Spielvogel, 2007] and critique of highly-skilled mobility research as “a genderless story” [Kofman, 2012: 64] has led to growing attention to female experiences in cross-border movements. However, WFB rarely attracts attention despite being one of the major difficulties and challenging tasks in women's post-arrival period, having profound impact on their life satisfaction and the consequences of migration, i. e. successful integration or marginalization in the host country. In the existing literature, WFB of highly-skilled female migrants is discussed in relation to women's employment prospects and labour market incorporation, but this research is inconsistent suffering from normative bias and individualistic discourse.

Studies document substantial diversity in WFB experiences among female migrants, ranging from greater immersion in family affairs to concentration on professional advancement. “The increase and/or intensification of housework and childcare” [Meares, 2010: 479] is the most common outcome of transnational migration, especially for dependents and tied movers. Often this takes the form of ‘unwanted domestication’ due to unsuccessful attempts to secure employment, which results in compromised careers and traumatic erosion of professional identities [Liversage, 2009; Yeoh, Willis, 2005]. Some women decide to completely “opt out of their careers” themselves because of “the burden of care and household responsibilities” [Van den Bergh, Du Plessis, 2012: 153] or reduce working hours, transfer to a freelance activity or entrepreneurship. Despite the variety of these scenarios, the outcome is re-domestication and re-feminization, confining women to traditional gender roles, leading to downward occupational mobility and undermining their professional realization [Yeoh, Willis, 2005; Meares, 2010; Riaño, Baghdadi, 2007].

In other cases, highly-skilled women seek to attain a ‘golden mean’ in combining working and family lives [Cretu, 2017: 140] and might be successful in “managing motherhood, their professional responsibilities and their international mobility” [González Ramos, Bosch, 2013: 625]. Women employ various means for this success — taking advantage of flexible working regimes and sharing household chores with their partners, using public and private daycare services and paid domestic as-

sistance. However, when both spheres compete for women's time and commitment, compromises are unavoidable. As a result, women tend to lower their professional ambitions and salary expectations, favouring "convenient" work with a suitable regime or opting for "relaxed" and "middling careers" [Cretu, 2017: 148—149].

Compromises of a 'golden mean' strategy, however, hardly enable women to achieve the highest levels of professional success, especially in academia, built around a masculine work ethic and male career patterns based on research [Knights, Richards, 2003]. When foreign-born female scholars conform to such professional requirements, prioritizing work and research, they necessarily reduce their involvement in the family and minimize maternity commitments. They realize their career through outsourcing their domestic duties and childcare responsibilities to their mothers/mothers-in-law or using professional domestic and childcare services [Sang, Al-Dajani, Özbilgin, 2013; Fernando, Cohen, 2016]. The costs are high: women often compromise their private lives in order to make room for professional activities and do not allow hobbies, leisure or children to "interfere in their work" [Fernando, Cohen, 2016: 1290]. Sometimes women postpone motherhood or decide against having children altogether, since parenting might "disrupt their career progression" [Sang, Al-Dajani, Özbilgin, 2013: 167]. Other 'personal' sacrifices include living apart from their partners or breaking up the relationship [Vohlidalová, 2014], suspension of friendships and reduction of social contacts outside the work and family circle [Sang, Al-Dajani, Özbilgin, 2013]. A career-oriented strategy is usually only feasible for women in privileged middle-class positions, as private childcare requires substantial financial resources. Also cultural norms matter: for instance, Asian women (such as Indian and Chinese) view career and social status attainment as a part of the parental role, implying an extensive financial provision for their children, while the everyday caretaking routine is relegated to elderly relatives at home or in their host country [Salaff, Greve, 2004; Fernando, Cohen, 2016].

In summary, female migrants' strategies range from domestication to work centrality, but neither option seems optimal for women's well-being. Domestication is accompanied by the disruption of women's professional selves and can lead to a painful identity crisis, while career orientation is often detrimental to personal life, and a 'golden mean' presupposes concessions in both spheres. Building on this typology, we ask, what WFB strategies do Russian-speaking women adopt and how are these strategies realized in different institutional and cultural environments? We address these questions by conducting a comparative analysis of WFB strategies among Russian-speaking female academics across British and German contexts. In contrast to existing WFB studies, attributing more value to women's employment and professional engagement, while labelling domestic responsibilities and childcare as an impediment and burdensome activities, we do not prioritize any sphere and give voice to female respondents themselves, who often view family and children as a valuable and necessary part of a happy and full life. Instead, we distance ourselves from the discourse of WFB as a personal achievement and a matter of individual effort only, which encourages an image of a superwoman who is able to 'have it all'¹. In contrast, we explore women's agency as tied to the actions of their family members

¹ Slaughter A.-M. (2012) Why Women Still Can't Have It All. *The Atlantic*. July—August. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2012/07/why-women-still-cant-have-it-all/309020/> (accessed: 14.02.2020).

and other people in their social networks, as taking place within wider institutional and cultural contexts and being shaped by them.

Towards an interactional and contextual notion of work-family balance

In this paper, we outpace the individual-centered concepts of WFB prevalent in the literature. These are typically based on satisfaction as a personal psychological state, in which WFB is represented as “satisfaction and good functioning at work and at home” [Clark, 2000: 751] or “achieving satisfying experiences in all life domains” [Kirchmeyer, 2000: 81]. Some authors emphasize personal perceptions and values, viewing WFB as an “individual perception that work and non-work activities are compatible and promote growth in accordance with an individual’s current life priorities” [Kalliath, Brough, 2008: 326]. Others concentrate on role engagement as a basis of WFB, defining it as “the extent to which an individual is equally engaged in — and equally satisfied with — his or her work role and family role” [Greenhaus, Collins, Shaw, 2003: 513].

Drawing on Grzywacz and Carlson’s work [Grzywacz, Carlson, 2007] we argue that individual-centered notions of WFB are insufficient and unsatisfactory. When WFB is an “individual-level problem” [ibid: 458] and a “personal management task” [Prozesky, 2018: 499], women are required to “maintain exceptionally high standards of self-discipline and organization” or are blamed “as failing to manage this balance” [Toffoletti, Starr, 2016: 489]. Failure to achieve WFB may lead to identity crisis, low self-esteem and a feeling of guilt [Grant-Vallone, Ensher, 2011], while challenges and negative emotions associated with work-family disbalance tend to be silenced [Toffoletti, Starr, 2016].

Therefore, we adopt instead a role-based definition of WFB, which captures its fundamentally social and contextual character: “the accomplishment of role-related expectations that are negotiated and shared between an individual and his or her role-related partners in the work and family domains” [Grzywacz, Carlson, 2007: 458]. This definition underlines the notion that role expectations are established in interaction, and that as a result they are flexible and changeable. It also pays attention to ‘role-related partners’, linking expectations and obligations of the interconnected roles (for example, wife and husband, father and mother). However, placing role expectations in the wider context of household economy and organizational structures in which family and working activities are performed, this definition still lacks a proper consideration of the macro-social level. Compensating for this lack, we combine capabilities and agency framework in WFB [Hobson, Fahlén, 2009] and life course institutionalization theory [Krüger, Levy, 2001], and argue that role accomplishment is shaped by cultural norms and institutional conditions, which are interconnected and nationally specific. As a result, we define WFB as the accomplishment of role-related expectations that are negotiated and shared between an individual and his or her role-related partners in the work and family domains in a particular cultural and institutional context.

Based on this definition, we formulate several hypotheses. First, clashes between home and host country’s cultural norms will lead to conflicting role expectations associated with women’s family and career roles, undermining their ability to successfully fulfill these roles and achieve a satisfying balance. Second, women’s WFB will be substantially affected by their role-related partners in both private (husbands/partners, extended family, etc.) and professional spheres (colleagues, managers, etc.).

Third, different institutional conditions in the UK and Germany, i. e. specific academic settings and welfare systems, will considerably influence the WFB strategies of female scholars. Cross-national analysis of WFB-related cultural norms is particularly lacking in the contemporary scholarship [Kravchenko, Motiejunaite, 2008; Lewis, Beauregard, 2018; Gewinner, 2019], and this constitutes one of the major novelties of our study.

Normative expectations of the post-Soviet 'working mother' gender contract

During the Soviet period a peculiar gender contract of 'working mother' was formed [Temkina, Rotkirch, 2002; Zdravomyslova, Temkina, 2003; Attwood, Schimpfössl, Yusupova, 2018]. At its core, women were seen as being 'married' to the state, which supported them in fulfilling two equally important duties—economic production (paid employment) and reproduction (child bearing, childcare, household and family duties). Various arrangements enabled women to perform multiple roles simultaneously, including an extensive childcare system and ideology of early socialization, reliance on extended family's assistance and help of older children, pro forma jobs with limited responsibilities and lower standards of childcare. However, as public and professional responsibilities increased, WFB was disrupted and demanded a great deal of self-discipline and management from highly-skilled women [Pushkareva, 2011], who also experienced discrimination in the workplace as mothers [Gritsay, 2011; Pushkareva, 2014].

Soviet men, on the contrary, "had an at once more limited and higher status role to play" [Ashwin, 2000: 1], withdrawing themselves from the private sphere as fathers and being confined to the realization as workers, soldiers and leaders in the public sphere [id., 2006]. Such "domestic marginalization" [Ashwin, Lytkina, 2004: 189] and "detached fatherhood" [Utrata, Ispa, Ispa-Landa, 2013: 288] were partly a product of the state, latently promoting the gender ideology of biological determinism, when household duties and child rearing continued to be imagined as an essential part of femininity despite women's economic emancipation [Temkina, Rotkirch, 2002: 6—7]. Moreover, as a source of social protection for women and children, the state appropriated the role of a 'universal patriarch' undermining men's authority as fathers and heads of the household [Ashwin, 2000: 1]. As a result, it was women who routinely managed household, family and professional affairs under conditions of financial shortage and deficit of basic goods and services. Such an arrangement had ambivalent consequences for women's as well as men's well-being and life satisfaction. Although experiencing the double or even triple burden, women gained more authority in the family, developed a variety of competencies and grew self-confident. This triggered a culturally specific "ideal of the Soviet superwoman" who was expected to combine employment with running the household and bearing children and who took pride and strength in the "ability to do so" [ibid.: 20]. On the contrary, limited opportunities for the fulfillment of the traditional masculine roles of father and head of the family led to a crisis of masculinity in the late Soviet period, rendering men "ineffective" and "derogated" in the private domain [Zdravomyslova, Temkina, 2012: 26].

Changes in state ideology and the introduction of the market economy in 1991 led to the transformation of the notions of masculinity and femininity as well as diversification of the Soviet gender contract [Zdravomyslova, Temkina, 2003; Issoupova, 2000]. Although the 'working mother' contract is still dominant in post-Soviet space,

new contracts of housewife, often implying the professionalization of motherhood, and the professional woman contract, accompanied by privatization of care, acquired legitimacy [Temkina, Rotkirch, 2002; Savinskaya, 2015]. This diversification has largely been driven by pressing demands of the market, imposing new challenges on women's ability to achieve satisfactory WFB, especially when curtailment of childcare state services is coupled with the spread of standards of intensive mothering². As for men, they gained more opportunities for their realization as breadwinners and heads of the family, but their involvement in domestic affairs changed only slightly, indicating a path dependency in the private norms of masculinity [Ashwin, 2006].

Viewing 'working mother' gender contract as specific post-Soviet cultural model, in this paper we explore how it shapes WFB of Russian-speaking women after migration and, in particular, whether the ideal of a strong superwoman who takes care of everything is reproduced in a different national context.

Data and methods

Our research is based on 22 semi-structured interviews with Russian-speaking female academics conducted in 2017—2019 (11 in the United Kingdom, 11 in Germany) via Skype (8 in the UK), face-to-face (3 in the UK) or telephone (11 in Germany). In both countries, target sampling technique was used: Russian-speaking respondents were identified and then contacted through social media (Germany), or through email and academic social media (UK). Interviews lasted 90 minutes on average, ran in Russian to fully capture the meanings and subjectivities of the respondents and followed the topics to which women gave most of their attention. We deployed a thematic coding technique initially separately for British and German contexts, but using the same analytical procedure and major topics. All names of respondents were changed for confidentiality reasons according to the guidelines of 'Ethics in Social Science and Humanities' [European Commission, 2018]. Academic positions, either at the moment of data collection or latest positions while residing in the country, and countries are also stated in brackets.

Women in the sample were on average 40 (UK) and 37.5 (Germany) years old³ and originated from Russia (17 respondents), Ukraine (3), Belarus (1), and Moldova (1) (see Table 1). They migrated at a rather young age (average of 28 in the UK, 26 in Germany), mostly for education (6 in the UK, 6 in Germany) or employment purposes (3 in the UK, 3 in Germany). For the majority of Germany-based respondents (8), it was their first and only destination country, while UK-based respondents showed greater mobility, with only three women having had no prior or subsequent moves. The majority of respondents already had a rich migration history with the typical age of the first migration episode around 25 (taking place in the years 1993—2014). For seven of the interviewed respondents, the UK was the first country of destination, whereas others had already worked in Japan, Germany or Italy prior to their second migration episode within the remit of educational migration. Most of the female scholars located

² Issouпова O. (2014) You are Mother: Forced Heroism and Forced Guilt of Motherhood. *Polit.ru*. February, 1st. URL: <https://polit.ru/article/2014/02/01/issouпова/> (accessed: 14.02.2020). (In Russ.)

³ Sample characteristics valid for the time of data collection.

in Germany moved only once, and only three academics had migrated for the second time, already having gathered migration experience in France, Hungary or Italy.

Table 1. Socio-demographic characteristics of the respondents⁴

Category	Sub-category	Number of cases	
		UK	Germany
Birth cohort	1960s	1	1
	1970s	6	4
	1980s	4	6
Country of origin	Russia	9	8
	Ukraine	1	2
	Belarus	1	
	Moldova		1
Academic position	PhD student	3	2
	Postdoc		5
	Lecturer/Teaching fellow	2	
	Researcher	2	1
	Reader	2	
	Assistant professor		2
	Associate professor	2	
Marital status	Full professor		1
	Married/ In stable partnership	7	10
	Single	3	1
Children	Divorced	1	
	Yes	8	5
	No	3	6

All interviewees were engaged in academic activities except for three women in the UK (2 who had gone on to work in industry in the UK, 1 who had left academia). Women located in the UK had a fair distribution of temporary (4) and permanent (4) positions, while their German counterparts were employed mostly on temporary contracts (9), with only two scholars having a permanent contract. Women in the sample were mostly married or in a stable partnership (7 in the UK, 10 in Germany), few participants were single (3 in the UK, 1 in Germany) or divorced (1 in the UK). Curiously, the majority of female scholars in the UK had children irrespective of their marital family status (8), while academics in Germany were often childless (6). For respondents in Germany (DE) who had borne children, their number of children was lower (1.4 compared to 1.87 for the UK).

Findings

In this section, we first look at the gender contract, identifying persistent patterns of ‘working mother’ contracts inherited from the post-socialist past, but adjusted to the institutional contexts of host countries. Although the value of paid employment and motherhood continue to shape women’s lives after migration, we identify diversification of trajectories to motherhood as a result of demanding working conditions. We then describe the strategies women scholars elaborate to fulfill the ‘working mother’ gender

⁴ We cannot list detailed information about each respondent, since it contradicts the guidelines of ‘Ethics in Social Science and Humanities’ [European Commission, 2018: 15]. Instead, we provide aggregated information.

contract, provide a typology of possible WFB scenarios and their effects on women's well-being and personal satisfaction. Lastly, we discuss the resources women use to achieve WFB, revealing two main patterns of arrangements with role-related partners and tracing the reproduction of a culturally specific post-Soviet ideal of a superwoman.

Gender contract of 'working mother' on the move

We found no cases of housewife contract in which "service, motherhood and care form the core of female identity", and a few cases of a female-professional contract, in which "interests of professional self-realization" prevail [Temkina, Rotkirch, 2002: 12—13]. Russian-speaking migrant women value and devote themselves to both their families and professions, demonstrating neither home-centered nor distinct work-centered life preferences but rather adaptive life choices seeking "to combine employment with family work" [Hakim, 2000: 7]. Thus, in contrast to the cultural pattern common for European women referred to above, for post-Soviet women in both the UK and Germany, the norms of the 'working mother' gender contract, in which "women are expected to combine productive activities with motherhood and care for the family" [Temkina, Rotkirch, 2002: 8], retain their power despite being transplanted to a different context. They continue to shape women's life choices and work-family balance strategies, making it natural for women to invest in both spheres of activity, without expecting irreconcilable conflicts between the two spheres. However, the underlying ideology behind these notions has changed: while having children and employment were considered civic duties in the Soviet period [ibid.], now women regard these as individual life values and matters of private choice. Women consider both spheres as integral to their lives, indispensable for personal well-being and self-fulfillment and are not ready to sacrifice one for the other.

Within this gender contract, the mother is a central family role for Russian-speaking women, far surpassing the role of wife in meaning and importance. First, this represents a path-dependency effect from the Soviet period, when women's roles "were defined according to the perceived needs of the communist state" [Ashwin, 2002: 119], therefore the role of worker and mother were more honored and celebrated. The role of wife, with which the Soviet State was less concerned, was largely confined to the housewife, whose primary responsibility was to "care for husband" by cooking and creating at home a "cozy atmosphere and exemplary tidiness" [Khasbulatova, 2018: 53]. Second, the role of mother has more importance [Kuperberg, Stone, 2008] as a result of the spread of intensive mothering ideology [Hays, 1998]. Third, the role of wife is less prominent in our respondents' narratives because it is less problematic in terms of WFB. In comparison to having children, having a partner/husband does not force women to reduce their working hours or curtail their professional activities, although being in stable partnerships does mean that women are more likely to want to stay geographically close to their partners.

Marriage constitutes an important stage in women's life courses, but in comparison to children, it is not perceived as an ultimate life value. Having a husband is perceived as a necessary condition for having children, although marrying is not equated with bearing children soon. In addition, women, especially younger ones, often feel themselves to be independent professionals with decent earnings, capable of providing

for themselves and their children, therefore the husband is not regarded as a primary breadwinner, but as a partner in childcare and a source of emotional support.

Children continue to be a source of personal happiness even when women are ambitiously pursuing their careers: Russian-speaking female respondents, particularly in the UK, could hardly imagine a full-fledged family life without children:

"...Without the third child it would be more freedom. Older children would live on their own, and I would be busy with my work. But on the other hand, is it a family?" (Anna, Teaching Fellow, UK).

"Everything came in its place (in Russian — 'все встало на свои места'). I just could not sleep from happiness for the first two weeks of pregnancy" (Daria, Group Coordinator, UK).

On the other hand, a social pressure to bear children before the age of 35, often imposed by women's parents and justified by reasons of physiological 'best age' for childbirth, sometimes make women feel anxious or deficient if they fail to fulfill this expectation:

"After 35 there are hormonal changes and giving birth is more difficult. So do not make my mistakes, bear children earlier" (Nina, Associate Professor, UK).

While in the former Soviet Union, childbirth was not supposed to interfere much with women's employment, now women scholars encounter more pressure in both professional and private spheres and are increasingly conscious of the growing tension between the two. Thus, standards of intensive mothering set high demands on women's time, psychological and intellectual involvement. For instance, 'good mothers' are expected to be inseparable from their children in the first years of their lives, tying women to their homes and making them anxious about losing their professional identity and being disconnected from academic work:

"If I become a mother, the childcare responsibility will lie on me just because of time resources. This would mean a downshifting of my academic work. And I will die from housekeeping" (Elena, Postdoc, DE).

Progressive neoliberalization in British academic life and the structural organization of German academia require not only intensive working regimes but also demand undivided commitment to professional goals and tasks to secure tenure. Academic work is guided by increasingly family-unfriendly normative expectations that leave less space for parental duties, making women feel uncomfortable and unwelcome about having children:

"We work in a lab, we all must be there, if someone gets pregnant, this is a tragedy. I remember one case, one colleague of mine got pregnant and her boss told her directly: 'What a pity, you could have had such a nice career!'" (Larissa, Researcher, DE).

“In England and other Western countries, things can be called nicely, and certain programmes [in organizations] are created <...>, but no one is happy about a female genius in science because woman will take maternity leave anyway. No one likes it. <...> My previous boss even used to say ‘Can’t you work at 2—3 o’clock at night? It is the most productive time, you should sit and work’. And I had an infant at that time, and I slept in any position, while sitting or standing, at any time of the day. But he says: ‘If you want, you sit and write at 2—3 a. m.’” (Angelina, Reader, UK).

Under these conditions, women demonstrate three types of transition to motherhood, with the pronounced difference between women who migrated independently (educational or labour migration) and women who moved as dependents following their husbands. The latter, representing the UK case, typically had children in their 20s, when motherhood coincided with migration, PhD studies and the early stages of their scientific career (1st trajectory to motherhood or ‘early transition’). Such a combination had a detrimental effect on women’s academic advancement, which was substantially compromised. For instance, Ulyana (Lecturer, UK) was able to achieve her PhD degree only in her late 30s, when her children had started school. Despite teaching and research experience accumulated in these years, she encountered significant difficulties in obtaining a position at this age and had to accept a not particularly attractive offer from one Middle Eastern university.

In contrast, female scholars who migrated independently preferred to postpone childbearing to settle professional matters first. However, they faced high competition for academic jobs, requiring massive investments of time and energy, and uncertain professional prospects. A long route to a stable position and financial security, coupled with the difficulty of finding a partner or husband due to spatial mobility, led to women having their first children in their middle or late 30s (2nd trajectory to motherhood or ‘postponed transition’).

“Concerning children, everything is terrible. I do not know how other people manage to do it earlier. All these moves meant that I had to arrange my private life from scratch, when I moved to England” (Angelina, Reader, UK).

“I feel more Western European. I am more concerned about my own ability to cater for my children rather than about finding a man for that. Eastern European women usually use forced employment interruptions to become a mother; I am not morally ready for that yet” (Elena, Postdoc, DE).

In Germany, where academic competition is fierce and working conditions are especially demanding, women find themselves in an extremely unfavourable situation. Due to the institutional peculiarity known as the ‘chair system’, tenured positions can be found mostly on the professorial level, which causes extremely high competition among researchers. Having only vague chances to attain a permanent position in the university, women postpone childbearing again and again until they start losing hope of ever having children if they wish to keep employment in academia (3rd trajectory to motherhood or ‘uncertain transition’). The alternative option is dropping out of academic structures and finding a job outside academia:

Question: "If you decide to have children, will you continue working in academia?"

Nadia (Postdoc, DE): "This is hardly possible in Germany. The academic culture in my field of study is 'dry', non-human, people lack social skills. Gender equality is hypocrisy. <...> I need a permanent position, which is apparently impossible in Germany... In France, I would already have had three children apart from my job, but not in Germany".

Thus, the decision to have children is substantially influenced by national institutional context. While in the UK, post-Soviet women tend to demonstrate postponed transition to motherhood, in Germany women more often adhere to the uncertain transition trajectory. This partially explains why respondents from Germany are more often childless, whereas respondents from the UK mostly have children despite being roughly the same age. It means that the more competitive academic context, in which permanent positions are barely accessible and normative demands to scholars are growing, imposes substantial constraints on women's reproductive plans. As children constitute a principal life value for Russian-speaking female scholars, a forced decision to postpone childbearing to an indefinite future or abandon family extension plans altogether can have a detrimental effect on women's well-being and risks becoming a serious identity issue. Growing demands on both roles, mother and scholar, create a dramatic tension between professional and family domains that may lead to endangering or complete renunciation of one of them, in the case of female scholars, the role of mother. This case also demonstrates that although seemingly similar, childless women, who wish to have children, but cannot realize this wish due to external circumstances, should be differentiated from women with "childfree ideology", for whom children do not represent a principal value and a source of personal happiness.

Realization of 'working mother' gender contract: typical strategies and their shortcomings

When women choose to have children alongside a professional career, we explored how they manage to combine the two in the conditions of the extensive role expectations in both spheres and in a different national context. Based on how women balance normative expectations pertaining to the roles of mother and scholar, we identify three main strategies of reconciliation of private and professional life similar to the typology we devised from literature analysis and somewhat echoing the preference theory put forward by Hakim [Hakim, 2000]: family-oriented, compromise and career-oriented (see Figure 1). All strategies manifest themselves on the level of decision-making and life choices as well as everyday routine.

The family-oriented strategy is the rarest among post-Soviet women scholars. We found only two women adhering to such a strategy in the UK and not a single case in Germany. This strategy is demonstrated by women who migrated as dependents and bore children in their 20s (the 'early transition' to motherhood). This implies that women lower their standards of academic work to fulfill the norms of their family roles of wife and mother. As a result, women reconcile professional and private spheres by adapting their employment and professional aspirations to their family's needs, husbands' plans and children's interests. Although these women can hardly imagine their

life without paid work, they show readiness to prioritize their husband's employment, postpone their professional plans and lower their own career ambitions, when family circumstances interfere. For instance, Anna (Teaching Fellow, UK) gave up her PhD studies in Leningrad Electrotechnical Institute to give birth to her child and follow her husband abroad. Ulyana (Lecturer, UK) left her position in Cyprus despite promising prospects there because her husband was dissatisfied with a long-distance relationship and wanted her to live in the UK.

"If I stayed there I would get a deanship, but my husband, my family — it is most important for me" (Ulyana, Lecturer, UK).

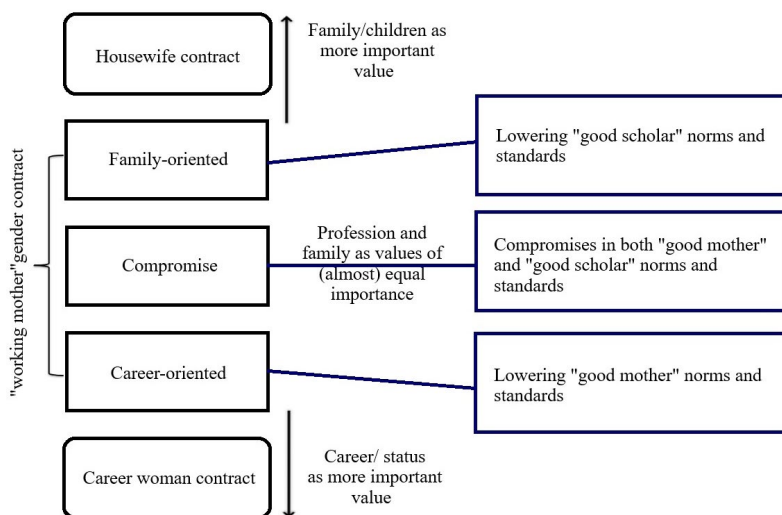

Figure 1. WFB strategies of Russian-speaking female academics⁵

Women who employ this strategy adjust their everyday life routine and temporary regimes to their husband's working activities as well as children's needs and schedules. In the UK they negotiate teaching hours with their department in order to be available to collect children from school or kindergarten. Taking primary responsibility for childcare, they considerably cut down their research activities and conference attendance due to being overloaded with domestic duties, while enabling their husbands to keep busy with their (academic) work. In addition, women are sometimes asked to substitute their husbands in teaching and perform technical or experimental work for their research projects. Nevertheless, women scholars view work in academia as a 'convenient job', with flexibility as a principal value, enabling them to cater for their family's needs, although it also implies working from home and doing irregular hours:

"Here at the university it is good that one can arrange and adjust the schedule, so it is convenient. If one goes into industry, then one should think what to do with children. <...>

⁵ Source: own presentation.

In this respect, I am lucky as I do not have to go to the trouble of seeking nannies. With a flexible schedule I can easily go home, though then I sit at home till 12 o'clock and work" (Anna, Teaching Fellow, UK).

The main shortcoming of the family-oriented strategy is slow professional development and potential stagnation, fragmented or even failed career. Another risk is the continuous dependence of women on their husbands in terms of financial, familial and academic issues. Initial inequality in their professional positions is enhanced by migration and dramatically widens with the years. As a result, woman's status and well-being abroad become greatly affected by their husbands' support. If the husband also works in academia and assists his wife in securing an academic position and attracts her to research projects, the costs of career breaks for the woman is lower as she is able to benefit from the social contacts and experience of her husband. If support is suspended for some reason, the consequences might be unfavourable and jeopardize the woman's career in academia.

The second strategy, *a compromise*, is the most common in the UK as well as in Germany. This is demonstrated by women who migrated independently and bore children in their 30s (the 'postponed transition' trajectory). This strategy implies that women try to attain a 'golden mean' in balancing family life and academic work without prioritizing any sphere. They become skillful and careful managers, adjusting their private life to professional activities as well as adapting their academic work to their family's needs. In the efforts to adjust family and professional roles to each other in their daily routine, female academics often develop two sets of flexibilization practices [Isupova, 2019]. They saturate the domestic sphere with working duties and responsibilities while incorporating family and children into their professional schedule and activities, which mixes these spheres and erodes the boundaries between them. However, contrary to Isupova's observations that the "sphere of work <...> turns out to be more elastic" [ibid.: 106], this research found that professional activities tend to resist pressure from the private domain and keep their boundaries firm, while the private space is more compliant and more easily colonized by professional tasks. Working commitments are increasingly incorporated into the private life: it is common to work from home two or three times per week⁶, while looking after children, or in the evening/at night.

"They [children] could just crawl to me for an hour, being distracted by toys and something they find on the floor, licking the floor, chairs. But I was able to do some science (in Russian — 'что-то поделять по науке') in this hour" (Alena, PhD student, UK).

"My husband and I usually plan a week in such a way that one of us is always in the city and available for our son. We both work in different universities and can arrange to be in the home office on certain weekdays" (Oxana, Postdoc, DE).

In contrast, the privatizing of the professional domain, i. e. taking children to work or using working hours for domestic chores, is a rare practice among Russian-speaking

⁶ However, the opportunity to arrange such a schedule depends on the discipline. For instance, women in STEM involved in experimental work are expected to be present in a laboratory during all working days.

female scholars. This is partially because the academic setting is not seen as a place for children and partially motivated by a wish to avoid public shaming at the university, even in childcare facilities, specifically designed to support working mothers:

"I have to take my daughter with me sometimes. She has not attended my lectures yet but she was at the Open Doors Day for potential candidates at the university, I brought her to such events..." (Kristina, Associate Professor, UK).

"There is a MiniCampus at our university where I leave my son about 15 times a year. The lady who organises it spreads rumours saying what a bad mother I am, constantly leaving my child all day with strangers" (Isolda, Assistant Professor, DE).

The shortcomings of the compromise strategy include overwork and practical absence of personal time, not filled with family duties or working tasks. In addition to never-ending busyness, women may still experience dissatisfaction and guilt for their inability to properly fulfill the role of mother as well as the role of scientist. On one hand, they cannot spend as much time with their children as they wish and provide the level of care they feel children are entitled to. The tension is especially acute when children are sick or when they have holidays and need more parental attention. On the other hand, women cannot find sufficient time for research and some (mostly in the UK) reduce international travelling as well as participation in meetings and events outside of working hours, which has a detrimental effect on their scientific output and career:

"I am deprived of almost any professional interaction outside the university because when I am not working I am with my children. All weekends, all evenings are occupied with children. No business or academic dinners when some interesting people come, it is practically impossible" (Alena, PhD student, UK).

"Having children limits it [scientific activity] very much now as well. I do not often go to conferences just because I have children" (Nina, Associate Professor, UK).

"I don't think I will obtain a professorship. Compared to others, I have not published that much, have not been that productive" (Oxana, Postdoc, DE).

While women located in the UK tend to make concessions in both spheres and lower their standards of both 'good mother' and 'good scholar', their German counterparts seemed more satisfied with their everyday duties in both domains. In this respect, participation of the women's partners plays a significant role: when children are taken care of by their father women can spend more time on work, but without feeling that they are bad mothers. Therefore, the partner's involvement contributes to a proper fulfillment of women's family and professional roles and can raise their satisfaction in both domains:

"When I have to work longer my partner takes care of my son. I seek to work full-time when my child is a bit older. For the moment, I am very satisfied with my work and private life conditions (Judith, PhD Student, DE).

"I feel confirmed through my status as a professor. It opens many doors and makes me regularly travel to conferences and be an active member of professional societies" (Isolda, Assistant Professor, DE).

The career-oriented strategy is demonstrated by women who migrated independently and gave birth to children in their 30s or late 30s (the 'postponed transition' to motherhood) or still postpone childbearing (the 'uncertain transition'). This strategy is more widespread among Russian-speaking academics in Germany while only one woman demonstrated adherence to this pattern in the UK. The strategy implies that women adjust their family's plans to fit in with their working commitments and responsibilities. It means that women are more loyal to the norms of a 'good scholar' standing for intensive research and productivity, but are less sensitive to the norms of intensive mothering, which are substantially dissolved under the pressure of academic working ethics. It is more acutely felt in German academia, with much higher competition and conservative gender culture, making compliance with its values inevitable for stepping up the academic ladder. Prioritization of professional concerns substantially structures family-related decisions, such as whether and when to have children. When women have children they usually have a short maternity leave and in some cases continue working during this break:

"I took three months and then they allowed me to work primarily from home for three months more. Because I fulfilled all my functions while at home. And I had students, I even paid them to come to me" (Angelina, Reader, UK).

"I submitted my master's thesis when I was pregnant, spent half a year at home on parental leave and started working full-time right after that" (Larissa, Researcher, DE).

Interestingly, in the UK early return to work was made possible by private childcare services (a nanny) and a senior and solidly paid academic position, making this option financially feasible. In Germany, early return to work was supported by accessible public childcare facilities and a greater involvement of fathers into childcare. Consequently, these arrangements enabled women to retain the intensive working regime with substantial time for research and regular travelling, even if it also means reducing the amount of time spent with their children and family. Therefore, although this strategy is associated with the smallest detrimental effects on women's career, the most common shortcoming is either a sense of moral guilt of not being able to provide the desired standards of care or persisting uncertainty regarding becoming a mother because these standards of care are increasingly difficult to meet:

"For a woman it is important to bear and raise a child. In German academia, it is difficult but not impossible. I would like to have a child and spend more time with them compared to what I observe in my colleagues' circle" (Inna, Assistant Professor, DE).

"Well, my daughter ceased breast-feeding at six months old only because after three months I started returning to work. For me it turned out to be so quick" (Angelina, Reader, UK).

In summary, no strategy seems to be perfect in achieving the harmonious balance between the spheres of professional and private. Either academic achievements are endangered or family life is compromised, or both spheres, crucial for women's self-realization and personal well-being, are undermined, with common feelings of dissatisfaction and underperformance coupled with frequent overwork and the stress of never-ending busyness. Again, we observe the persistent influence of the institutional context. While in the UK, respondents demonstrate a wider range of strategies, from family to career-oriented, predominantly adhering to the compromise option, German respondents are more inclined towards a career-oriented strategy. This way, the highly competitive environment means that only certain ways of achieving the WFB are feasible, indirectly excluding from academia females prioritizing family concerns. German academia also produces this selectivity effect on partnership: only women whose partners/husbands are actively involved in housework and childcare are able to pursue a scientific career and compete in the academic labour market. In the UK, academia is more inclusive in respect to different partnership relations and family orientation but more exclusive in terms of class status in the early years of motherhood as expensive kindergartens render them affordable only for high-earning female scholars.

Institutional and cultural context shaping WBF strategies:

Self-reliance vs partner's involvement pattern

The realization of WFB strategies relies on women's negotiations and arrangements with their role-related partners. By 'role-related partners' we are referring to those other people and organizations within a social network who share with women their "role-related responsibilities" and therefore contribute to their WFB [Grzywacz, Carlson, 2007: 460]. Concentrating on the compromise strategy as the most common in the UK and Germany, we explore different role-related partners in women's family and academic lives including private (husband/partner, grandparents, etc.), public (childcare/education institutions), market (nannies, domestic workers) and professional domains (colleagues). First, we observe that the lack or absence of conditions, commonly available for Soviet gender contracts (grandparents' assistance, cheap and accessible childcare, convenience job), made the realization of the compromise strategy more challenging and stressful for our respondents in the UK and Germany. Second, role-related partners proved to be interdependent in enabling women achieve a good WFB: if the involvement of one party is limited or insufficient (e.g. extended family), resources for combining motherhood and employment may be compensated by other partner(s) (e.g. husband). Third, differences in institutional contexts, including welfare provisions and academia, affect cultural norms of 'good mother' and 'good scholar' roles and give rise to different, but persistent, patterns of WFB strategies' realization — 'self-reliance' vs 'partner's involvement' pattern.

The 'partner's involvement' pattern is typical for Russian-speaking women in Germany. This pattern is characterized by extensive reliance on childcare and education institutions combined with active participation of the woman's partner in parental and household duties. State childcare facilities, inexpensive and accessible, play a principal role, guaranteeing a smooth course of the working day for highly-skilled migrant female scholars. Involvement of partners/husbands is a critical factor in WFB

as intensive fatherhood substantially reduced women's family and household responsibilities, granting them more time for professional tasks. In this way, women were able to satisfactorily meet the high standards of professional engagement imposed by German academia, which would hardly be possible without their partners' readiness to share unpaid work. Such a pattern is lived by double career couples, when both spouses assume responsibility for childcare and establish a well-organized routine in exercising everyday household duties. Interestingly, this pattern is typically sustained by Russian-speaking women with European-born husbands. It represents a case of discontinuity from the culturally specific norms of post-Soviet gender order:

"Both my husbands, the first and the second one, never tried to thwart me in my work, especially regarding attending conferences and travelling for business, for example, saying 'you have small children, stay at home'. <...> In both my marriages we never had discussions on division of work at home, we just did things simultaneously..." (Inga, Full Professor, DE).

"I get up at 5 a. m. and my working day starts at 6.30 a. m. Every morning my husband is responsible for preparing the children for school and kindergarten, so he always has a morning shift. When I'm back home at about 6 p. m., we have dinner — my husband cooks, always [smiles], and then I take over my evening shift (Larissa, Researcher, DE).

In contrast, the culturally specific norm of a Soviet superwoman is partially reproduced in the 'self-reliance' pattern that is more typical for the UK respondents. In this pattern, women take the majority of care and household responsibilities on themselves and share them only with childcare and education institutions, while the involvement of their partners is minimal. Their husbands' participation remains optional and done by choice or upon request while women are always 'on call' taking the lead in organizing childcare and encouraging their husband's involvement. Women rarely complain or problematize the insufficient participation of their husbands taking it for granted and rarely attempting to achieve more equal distribution of unpaid work:

"If the child is invited to a birthday party then of course I will choose a present, not my husband. So there are lots of such things when everything relies on me" (Kristina, Associate Professor, UK).

This continuity of the post-Soviet gender contract might be partially explained by the impact of the institutional context. More flexible requirements and options of professional engagement in British academia enable women to fulfill their professional obligations and attend to family responsibilities relying primarily on themselves, without necessarily attracting their partner's resources. In contrast, being a superwoman no longer works in a more competitive German context which imposes stricter rules on academic work and therefore requires that the woman either mobilizes maximum resources, including time and efforts of their partners, or quits academia. On the other hand, self-reliance vs. the partner's involvement pattern is partially explained by cultural norms within the relationship of the couple in which the post-Soviet 'working mother' gender contract is better preserved in the families, where both partners come from the

post-Soviet area and share similar cultural backgrounds. In addition, the context of the welfare institution determines access to dominant WFB strategies. Liberal welfare provisions in the UK, i. e. short maternity leave and even shorter period of maternity payments, private and expensive kindergartens, rendered the compromise strategy more exclusive and feasible only for middle-class women with solid financial resources, usually for women in tenured or senior academic positions. Welfare provisions in Germany with longer maternity leave, decent compensation and more affordable kindergartens renders the compromise strategy more inclusive and feasible for early career women and women in temporary positions.

We also found common arrangements with role-related partners in both patterns, some of them representing continuities of the post-Soviet 'working mother' gender contract. First, *extended family* (grandparents) retain symbolic significance as role-related partners for the mother's role despite their potential geographical remoteness and inability to provide regular assistance. Thus, almost all respondents complained about the unavailability of grandparents as a much valued source of support. On the other hand, women neither try to bring them to the host country on a long-term basis [Fernando, Cohen, 2016], nor are ready to leave the child with grandparents in the home country which is a common practice for Chinese migrants [Salaff, Greve, 2004; Man, 2007]. Second, *friends* are generally not regarded as role-related partners for childcare. Although mothers turn to friends in some urgent cases, such assistance is usually not a part of the friendship relationship ("*It is difficult to find friends who would agree to do that at all*") (Alena, PhD student, UK). This contrasts with the case of Irish skilled women who routinely receive considerable help from "close female friends" [Ryan, 2007: 305]. *Hiring nannies* also remains unconventional for the majority of female scholars in Germany and the UK, and appears to be seen to be better avoided if possible. A nanny's services might be used on an irregular basis to cover short-term needs but employing a full-time nanny is generally not a suitable option financially as well as morally. Other types of *domestic help* (e. g. private cleaning services) are more acceptable by migrant women enabling them to reduce time on routine housework activities. *Colleagues* within the workplace currently play a minor role in assisting migrant women to achieve WFB. There are rare cases, however, in which colleagues do support women in their professional roles once they become mothers, which proves that working place arrangements possess considerable potential in this respect. Family-friendly arrangements in universities, such as adjustment of the curriculum to the needs of working mothers, stimulate women's productivity and female faculty retention but remain unsystematic and rather a personal favour than an institutional rule.

Conclusion

Exploring post-migration experiences of highly-skilled women from the former Soviet Union in the UK and Germany, our paper provides a better understanding of WFB (work-family balance) and its effects on subjective well-being under the conditions of transnational mobility in contemporary academia. We explore how highly-skilled migrant women reconcile professional and private lives when they find themselves in a different institutional and cultural context, encountering difficulties

of adjustment but lacking habitual sources of support. We apply an interactional and contextual notion of WFB which connects successful balance and life satisfaction with role-related expectations and role-related partners, instead of viewing it as matter of individual effort and achievement. We analyze WFB strategies and practices as a system of social arrangements having direct effects on highly-skilled migrants' personal well-being and their integration into the host country. In this way, we trace the transformation of individual practices under the influence of institutional constraints in receiving countries by looking at the (re)production of post-Soviet cultural patterns in Western Europe. Thus, our paper also contributes to highly-skilled migration research and post-Soviet studies.

One of the major findings of our study is that the (post)-Soviet gender contract of the 'working mother' is still a model for the construction of WFB of Russian-speaking female scholars abroad. It has proven to be rather persistent and culture-specific but flexible and adaptive. Retaining the core, the expectation of obligatory fulfillment of the role of worker and mother, it has adjusted its normative content and the strategies of realization to different cultural contexts and institutional settings. We identify several major transformation trends: a shift from the rhetoric of honorable civil duty towards family and profession as individual life values; matters of personal happiness and private choice; a change from equally positioned employment and family domains to unquestionable predominance of professional demands over private concerns; and rising role-related expectations in both spheres. The last issue in particular makes fulfillment of the 'working mother' contract increasingly difficult and jeopardizes personal spare time.

How do women reconcile the roles of an academic and a mother under these pressing circumstances? First, similarly to transformations on post-Soviet space [Savinskaya, 2015], they tend to postpone motherhood until their 30s and late 30s, whereas bearing children in their 20s during studies or the start of a career is no longer common. Second, women tend to take shorter maternity leaves and send children to daycare facilities earlier than the post-Soviet contract presupposes, although this incurs emotional costs. This readiness to subordinate the standards of childcare contradicts the experience of middle-class Russian-speaking women who are more willing to lower their professional than their 'good mother' expectations [Chernova, 2012: 305]. Third, women develop a compromise strategy avoiding the prioritization of any sphere and seeking to realize themselves equally in scholarship and family.

However, we observe unique features shaped by the institutional contexts of Germany and the UK. The demanding environment of German academia induces women to concentrate on work and more often adhere to a career-oriented strategy, thus significantly constraining their reproductive plans as far as even renouncing them altogether. In the UK, women have more chances for a permanent position, therefore they prefer to fulfill their childbearing plans anyway and choose the compromise strategy. Lacking help from grandparents, available in home countries, women make arrangements with other role-related partners to compensate. Kindergartens and schools continue to play a crucial role in women's WFB in both countries but in Germany women routinely share a substantial part of child-rearing and household chores with their partners (the 'partner's involvement pattern'), while in the UK they

take more childcare and household responsibilities on themselves (the 'self-reliance pattern') partially reproducing the post-Soviet norm of a superwoman. The partner's social background (post-Soviet or European) was found to affect these strategies in combination with the institutional context: a gender disbalanced post-Soviet gender contract is more pronounced in Russian-speaking couples, whereas Russian-European couples demonstrate a more egalitarian role model. This is consistent with Vohlídalová's [Vohlídalová, 2014] statement on the importance of shared gender norms and cultural values in a couple as a whole. Friends, nannies and colleagues play a minor role as role-related partners in women's private and professional roles, therefore we conclude that women's household and family bear the major burden for achieving WFB. As a result, the private sphere has to be flexible and adaptive to women's working regimes and demands. Despite amortizing and accommodating the increasing pressures of contemporary academia, enabling women to fulfill themselves as scholars and mothers, these private arrangements are increasingly costly and difficult to sustain.

Moreover, WFB remains a tense construction, since it requires a lot of women's effort, energy and organization to make it function but still neither strategy is optimal in producing harmony in women's life. Women either focus on family and accept career stagnation, make concessions in both spheres, which sometimes results in dissatisfaction and guilt, or jeopardize their private lives when their dreams of becoming a mother are ruined by a long chase for high academic status. Thus, growing pressures of academia as a professional domain seem to impose a heavy burden and require much sacrifice from women's private life. Higher education institutions should take this into account in practices of hiring and promotion, e. g. time spent for care work, or actively motivate men taking parental leaves.

Although our study is limited by the sample size itself implying a potential loss of respondents with more diversified WFB patterns, we believe that we have provided a general picture of the post-socialist gender contract and its implementation under diverging conditions of two host countries. This piece of research also seeks to facilitate a perspective change, since it contests work centrality as a masculine work ethic, in which childcare responsibilities and family duties should be effectively managed so as not to undermine personal well-being and life satisfaction. Instead, we suggest a feminist perspective, which valorises women's point of view, emphasizing motherhood, children and family relations as an essential personal and social value, a matter of individual happiness and self-fulfillment. The study aims to overcome an individualistic approach to WFB, revealing the influence of internalized cultural norms and institutional environment on women's choices and preferences, and showing the necessity to devise various institutional mechanisms of support for satisfactory role fulfillment in both private and professional spheres. Our study seeks to stimulate discussion on the variation and transformation of cultural norms pertaining to family and professional roles, cultural and structural factors that drive formation of role-related partners' constellations, and migrants' socialization in the nationally-specific system of WFB strategies and arrangements, which could serve as directions of future research.

References

- Ashwin S. (ed.) (2000) *Gender, State, and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London; New York: Routledge.
- Ashwin S. (2002) 'A Woman is Everything': The Reproduction of Soviet Ideals of Womanhood in Post-Communist Russia. In: Rainnie A., Smith A., Swain A. (eds.) *Work, Employment and Transition: Restructuring Livelihoods in Post-Communist Eastern Europe*. London; New York: Routledge. P. 117—133.
- Ashwin S. (2006) The Post-Soviet Gender Order: Imperatives and Implications. In: Ashwin S. (ed.) *Adapting to Russia's New Labour Market: Gender and Employment Behaviour*. London; New York: Routledge. P. 30—51.
- Ashwin S., Lytkina T. (2004) Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization. *Gender & Society*. Vol. 18. No. 2. P. 189—206. <https://doi.org/10.1177%2F0891243203261263>.
- Attwood L., Schimpfössl E., Yusupova M. (eds.) (2018) *Gender and Choice after Socialism*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-73661-7>.
- Bauder H. (2015) The International Mobility of Academics: A Labour Market Perspective. *International Migration*. Vol. 53. No. 1. P. 83—96. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2012.00783.x>.
- Burchell B., Ladipo D., Wilkinson F. (eds.) (2001) *Job Insecurity and Work Intensification*. London; New York: Routledge.
- Chernova Zh.V. (2012) The Work-Family Balance: Policy and Individual Mothers' Strategies. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 295—308. (In Russ.) Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 295—308.
- Clark S. C. (2000) Work/Family Border Theory: A New Theory of Work/Family Balance. *Human Relations*. Vol. 53. No. 6. P. 747—770. <https://doi.org/10.1177%2F0018726700536001>.
- Cretu O. (2017) *Understanding Trans-Border Career Trajectories: Post-Soviet Women Professionals in London*. PhD Thesis. London: Middlesex University.
- Dumont J.-Ch., Martin J. P., Spielvogel G. (2007) Women on the Move: The Neglected Gender Dimension of the Brain Drain. IZA Discussion Papers. No. 2920. Bonn: Forschungsinstitut zur Zukunft der Arbeit. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/40232336.pdf> (accessed: 14.02.2020).
- European Commission (2018) *Ethics in Social Science and Humanities*. Brussel: Directorate-General for Research and Innovation, European Commission. URL: https://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/other/hi/h2020_ethics-soc-science-humanities_en.pdf (accessed: 14.02.2020).

Fernando W. D.A., Cohen L. (2016) Exploring Career Advantages of Highly Skilled Migrants: A Study of Indian Academics in the UK. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 27. No. 12. P. 1277—1298. <https://doi.org/10.1080/09585192.2015.1072101>.

Gewinner I. (2019) Work-Life Balance for Native and Migrant Scholars in German Academia: Meanings and Practices. *Equality, Diversity and Inclusion: An International Journal*. <https://doi.org/10.1108/edi-02-2019-0060>.

Gill R. (2016) Breaking the Silence: The Hidden Injuries of Neo-Liberal Academia. *Feministische Studien*. Vol. 34. No. 1. P. 39—55. <https://doi.org/10.1515/fs-2016-0105>.

González Ramos A. M., Bosch N. V. (2013) International Mobility of Women in Science and Technology Careers: Shaping Plans for Personal and Professional Purposes. *Gender, Place & Culture*. Vol. 20. No. 5. P. 613—629. <https://doi.org/10.1080/0966369x.2012.701198>.

Grant-Vallone E.J., Ensher E.A. (2011) Opting in Between: Strategies Used by Professional Women with Children to Balance Work and Family. *Journal of Career Development*. Vol. 38. No. 4. P. 331—348. <https://doi.org/10.1177/0894845310372219>.

Green F., McIntosh S. (2001) The Intensification of Work in Europe. *Labour Economics*. Vol. 8. No. 2. P. 291—308. [https://doi.org/10.1016/s0927-5371\(01\)00027-6](https://doi.org/10.1016/s0927-5371(01)00027-6).

Greenhaus J. H., Collins K. M., Shaw J. D. (2003) The Relation between Work-Family Balance and Quality of Life. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 63. No. 3. P. 510—531. [https://doi.org/10.1016/s0001-8791\(02\)00042-8](https://doi.org/10.1016/s0001-8791(02)00042-8).

Gritsay L. A. (2011) Motherhood and Science: The Question of Parental Installations Contemporary Russian Women Scientists. *Sociology of Science & Technology*. Vol. 2. No. 4. P. 99—104. (In Russ.)

Грицай Л. А. Материнство и наука: К вопросу о родительских установках современных российских женщин-ученых // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 4. С. 99—104.

Grzywacz J. G., Carlson D. S. (2007) Conceptualizing Work-Family Balance: Implications for Practice and Research. *Advances in Developing Human Resources*. Vol. 9. No. 4. P. 455—471. <https://doi.org/10.1177/1523422307305487>.

Hakim C. (2000) *Work-Lifestyle Choices in the 21st Century: Preference Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Hays S. (1998) *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven, CT: Yale University Press.

Hobson B., Fahlén S. (2009) Applying Sens Capabilities Framework to Work Family Balance within a European Context: Theoretical and Empirical Challenges. Working Papers on the Reconciliation of Work and Welfare in Europe, REC-WP 03/2009. Edinburgh: University of Edinburgh: Publication, Dissemination and Dialogue Centre.

URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-198251> (accessed: 14.02.2020).

Issoupova O. (2000) From Duty to Pleasure? Motherhood in Soviet and Post-Soviet Russia. In: Ashwin S. (ed.) *Gender, State, and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London; New York: Routledge. P. 40—64.

Isupova O. G. (2019) Work-Life Balance among Police Women in Vologda Oblast. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 103—121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.07>. (In Russ.)

Исупова О. Г. Баланс жизни и работы у женщин-полицейских в Вологодской области // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 103—121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.07>.

Kalleberg A. L. (2009) Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*. Vol. 74. No. 1. P. 1—22. <https://doi.org/10.1177/000312240907400101>.

Kalliath T., Brough P. (2008) Work-Life Balance: A Review of the Meaning of the Balance Construct. *Journal of Management & Organization*. Vol. 14. No. 3. P. 323—327. <https://doi.org/10.5172/jmo.837.14.3.323>.

Kalter F., Kogan I. (2014) Migrant Networks and Labor Market Integration of Immigrants from the Former Soviet Union in Germany. *Social Forces*. Vol. 92. No. 4. P. 1435—1456. <https://doi.org/10.1093/sf/sot155>.

Khasbulatova O. A. (2018) Technologies of Gender Equality Myth Creation: Soviet Practices. *Woman in Russian Society*. No. 4. P. 49—59. <https://doi.org/10.21064/winrs.2018.4.5>. (In Russ.)

Хасбулатова О. А. Технологии создания мифа о равноправии полов: Советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 49—59. <https://doi.org/10.21064/winrs.2018.4.5>.

Kinman G., Jones F. (2008) Effort-Reward Imbalance, Over-Commitment and Work-Life Conflict: Testing an Expanded Model. *Journal of Managerial Psychology*. Vol. 23. No. 3. P. 236—251. <https://doi.org/10.1108/02683940810861365>.

Kirchmeyer C. (2000) Work-Life Initiatives: Greed or Benevolence Regarding Workers' Time? In: Cooper C. L., Rousseau D. M. (eds.) *Trends in Organizational Behavior*. Vol. 7. *Time in Organizational Behavior*. Chichester: Wiley. P. 79—93.

Knights D., Richards W. (2003) Sex Discrimination in UK Academia. *Gender, Work & Organization*. Vol. 10. No. 2. P. 213—238. <https://doi.org/10.1111/1468-0432.t01-1-00012>.

Kofman E. (2012) Gender and Skilled Migration in Europe. *Cuadernos de Relaciones Laborales*. Vol. 30. No. 1. P. 63—89. https://doi.org/10.5209/rev_crla.2012.v30.n1.39115.

Kravchenko G. V., Motiejunaite A. (2008) Women and Men in Employment and at Home: Gendered Work Patterns in Russia and Sweden. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 177—200. (In Russ.)

Кравченко Ж. В., Мотеюнайте А. Женщины и мужчины на работе и дома: Гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 177—200.

Krüger H., Levy R. (2001) Linking Life Courses, Work, and the Family: Theorizing a Not So Visible Nexus between Women and Men. *Canadian Journal of Sociology / Cahiers Canadiens de Sociologie*. Vol. 26. No. 2. P. 145—166. <https://doi.org/10.2307/3341676>.

Kuperberg A., Stone P. (2008) The Media Depiction of Women Who Opt Out. *Gender & Society*. Vol. 22. No. 4. P. 497—517. <https://doi.org/10.1177/0891243208319767>.

Lewis S., Beauregard T. A. (2018) The Meanings of Work-Life Balance: A Cultural Perspective. In: Shockley K. M., Shen W., Johnson R. C. (eds.) *The Cambridge Handbook of the Global Work-Family Interface*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 720—732. <https://doi.org/10.1017/9781108235556.039>.

Liversage A. (2009) Vital Conjunctions, Shifting Horizons: High-Skilled Female Immigrants Looking for Work. *Work, Employment and Society*. Vol. 23. No. 1. P. 120—141. <https://doi.org/10.1177/0950017008099781>.

Man G. C. F. (2007) Transnational Migration, Gender, and Work: Exploring the Experience of Chinese Immigrant Women in Canada. Hong Kong: Center on China's Transnational Relations. URL: http://www.cctr.ust.hk/materials/conference/conference/papers/Man_Guida_paper.pdf (accessed: 14.02.2020).

Marsden D. (2008) 'Project-Based Employment' and Models of the Employment Contract. In: Ester P., Muffels R., Schippers J., Wilthagen T. (eds.) *Innovating European Labour Markets: Dynamics and Perspectives*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 133—162.

Meares C. (2010) A Fine Balance: Women, Work and Skilled Migration. *Women's Studies International Forum*. Vol. 33. No. 5. P. 473—481. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2010.06.001>.

Miller T. (2013) Engaging with the Maternal: Tentative Mothering Acts, Props and Discourses. In: O'Donohoe S., Hogg M., Maclaran P., Martens L., Stevens L. (eds.) *Motherhoods, Markets and Consumption: The Making of Mothers in Contemporary Western Cultures*. London; New York: Routledge. P. 159—170. <https://doi.org/10.4324/9780203469729-23>.

Miller T. (2017) Making Sense of Motherhood and Fatherhood: Competing Moral Discourses and Logics of Caring and Work 'Choices' in the UK. In: Brandth B., Halrynjo S., Kvande E. (eds.) *Work-Family Dynamics: Competing Logics of Regulation, Economy and Morals*. London; New York: Routledge. P. 105—120. <https://doi.org/10.4324/9781315716794-7>.

Prozesky H. (2018) Superwomen and the Streetlight Effect in Research on Family-Related Career Challenges among Scientists in Africa. In: Costas R., Franssen T., Yegros-Yegros A. (eds.) *Proceedings of the 23rd International Conference on Science and Technology Indicators*. Leiden: Centre for Science and Technology Studies. P. 495—503. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/65176> (accessed: 14.02.2020).

Pushkareva N. (2011) Libido Academica (The Gender Aspect of Academic Prosopography). *Forum for Anthropology and Culture*. No. 14. P. 168—191. (In Russ.)
Пушкарева Н. Libido academica (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 168—191.

Pushkareva N. (2014) “The Fiction of Aggrieved Women” or “Extra Help is not Harmful”? Do Women Academics Need any Social Protection? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 12. No. 1. P. 39—60. (In Russ.)

Пушкарева Н. «Выдумки обиженных женщин» или «дополнительная помощь не вредна»: Нужна ли женщинам-ученым социальная защита? // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 1. С. 39—60.

Raddon A. (2002) Mothers in the Academy: Positioned and Positioning within Discourses of the ‘Successful Academic’ and the ‘Good Mother’. *Studies in Higher Education*. Vol. 27. No. 4. P. 387—403. <https://doi.org/10.1080/030750702200011516>.

Riaño Y., Baghdadi N. (2007) Understanding the Labour Market Participation of Skilled Immigrant Women in Switzerland: The Interplay of Class, Ethnicity, and Gender. *Journal of International Migration and Integration / Revue de L’Intégration et de la Migration Internationale*. Vol. 8. No. 2. P. 163—183. <https://doi.org/10.1007/s12134-007-0012-1>.

Ryan L. (2007) Migrant Women, Social Networks and Motherhood: The Experiences of Irish Nurses in Britain. *Sociology*. Vol. 41. No. 2. P. 295—312. <https://doi.org/10.1177/0038038507074975>.

Salaff J. W., Greve A. (2004) Can Women’s Social Networks Migrate? *Women’s Studies International Forum*. Vol. 27. No. 2. P. 149—162. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2004.06.005>.

Sang K., Al-Dajani H., Özbilgin M. (2013) Frayed Careers of Migrant Female Professors in British Academia: An Intersectional Perspective. *Gender, Work & Organization*. Vol. 20. No. 2. P. 158—171. <https://doi.org/10.1111/gwao.12014>.

Savinskaya O. B. (2015) The Parents’ Values of Early Childhood Education and Care in Russia: Toward the Construction of Evaluation Tools. Working Paper in Education. No. WP BRP 26/EDU/2015. Moscow: Higher School of Economics. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2599981>.

Temkina A. A., Rotkirch A. (2002) Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Contemporary Russia. *Sociological Studies*. No. 11. P. 4—14. (In Russ.)

Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4—14.

- Toffoletti K., Starr K. (2016) Women Academics and Work-Life Balance: Gendered Discourses of Work and Care. *Gender, Work & Organization*. Vol. 23. No. 5. P. 489—504. <https://doi.org/10.1111/gwao.12133>.
- Utrata J., Ispa J. M., Ispa-Landa S. (2013) Men on the Margins of Family Life. In: Shwalb D. W., Shwalb B. J., Lamb M. E. (eds.) *Fathers in Cultural Context*. New York; London: Routledge. P. 279—301.
- Van den Bergh R., Du Plessis Y. (2012) Highly Skilled Migrant Women: A Career Development Framework. *Journal of Management Development*. Vol. 31. No. 2. P. 142—158. <https://doi.org/10.1108/02621711211199485>.
- Vohlídalová M. (2014) Academic Mobility in the Context of Linked Lives. *Human Affairs*. Vol. 24. No. 1. P. 89—102. <https://doi.org/10.2478/s13374-014-0208-y>.
- Yeoh B. S. A., Willis K. (2005) Singaporeans in China: Transnational Women Elites and the Negotiation of Gendered Identities. *Geoforum*. Vol. 36. No. 2. P. 211—222. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2003.07.004>.
- Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2003) Transformation of Gender Citizenship in Contemporary Russia. In: Zaslavskaya T. I. (ed.) *Where is Russia Now? The Results of Societal Transformation*. Moscow: MSSSES. P. 140—150. (In Russ.)
Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Трансформация гендерного гражданства в современной России // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации / под ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН. С. 140—150.
- Zdravomyslova E., Temkina A. (2012) The Crisis of Masculinity in Late Soviet Discourse. *Russian Studies in History*. Vol. 51. No. 2. P. 13—34. <https://doi.org/10.2753/rsh1061-1983510201>.
- Zimmermann O. (2019) Der 'kritische' und 'neoliberale' Vereinbarkeitsdiskurs in der Alltagskommunikation berufstätiger Mütter. *GENDER — Zeitschrift für Geschlecht, Kultur und Gesellschaft*. Vol. 11. No. 2. P. 121—137. <https://doi.org/10.3224/gender.v11i2.09>. (In German).

IN MEMORIAM

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.18

Правильная ссылка на статью:

Шульц И. Десятая жизнь, или Пражское наследие Бориса Грушина // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 436—454. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.18>.

For citation:

Šulc I. (2020) Tenth Life, or the Prague Heritage of Boris Grushin. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 436—454. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.18>.

И. Шульц

ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ, ИЛИ ПРАЖСКОЕ НАСЛЕДИЕ БОРИСА ГРУШИНА

ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ, ИЛИ ПРАЖСКОЕ
НАСЛЕДИЕ БОРИСА ГРУШИНА

TENTH LIFE, OR THE PRAGUE HERITAGE
OF BORIS GRUSHIN

*ШУЛЬЦ Ирина — аспирантка кафедры исторической социологии факультета гуманитарных наук, Карлов университет, Прага, Чешская Республика
E-MAIL: irina.sulc@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5164-3917>*

*Irina N. ŠULC¹ — Post-Graduate Student at the Department of Historical Sociology, Faculty of Humanitarian Sciences
E-MAIL: irina.sulc@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5164-3917>*

¹ Charles University, Prague, Czech Republic

Аннотация. В статье впервые отдельно рассматривается пражский период жизни и научной деятельности советского и российского ученого — социолога, философа, журналиста Бориса Грушина. Уже известные факты дополняются новыми документальными сведениями, включая воспоминания чешских современников. Борис Грушин обогатил чехословацкую и чешскую со-

Abstract. The article gives the first-ever specific examination of “the Prague Era” in the academic career and life of Boris Grushin, a Soviet and Russian sociologist, philosopher, journalist. The well-known facts are supplemented by the new evidence which includes the memoirs of his Czech contemporaries. Boris Grushin enriched Czechoslovak and Czech sociology and public life with

циологию и общественную жизнь двумя трудами: на чешский язык в 1972 г. была переведена его книга «Мнения о мире и мир мнений», а в 1985 г. на чешском языке вышел его сборник пивного фольклора «In pivo veritas». Личность Бориса Грушина, помещенная в контекст двух стран и эпох, дает новые перспективы для социологического воображения.

Ключевые слова: Борис Грушин, Пражская весна, Проблемы мира и социализма, чехословацкая социология, советская социология, пивной фольклор, массовое сознание, общественное мнение

Благодарность. Автор выражает благодарность журналисту Александру Братерскому за импульс к написанию статьи, а также доценту, основателю и завкафедрой исторической социологии Карлова университета Иржи Шубрту за консультации, поддержку и предоставление необходимых контактов.

Еще одна грушинская жизнь

В 2000 г. телеканал «Культура» снял документальный фильм о видном советском и российском социологе и философе Борисе Грушине. Фильм под названием «Цитаты из жизни» начинается с рассуждений главного героя: «Итак, речь идет, как я понимаю, о цитатах из жизни. И тут я задаю себе вопрос: а из какой, собственно, жизни? Ведь дело в том, что каждый человек, даже если он этого не осознает, проживает не одну жизнь, а несколько. И как личность прежде всего, как индивид, поскольку есть сфера того, что мы называем частной, приватной жизнью. И как член общества, как гражданин, который вместе со своим обществом проходит определенные исторические этапы»¹.

Борис Грушин поясняет теорию на личном примере. Родился он в период классического социализма, или сталинизма, затем следовал этап увядающего, или разлагающегося социализма и, наконец, посткоммунистическое (постсоциалистическое) общество. Ученый берет лист бумаги, ручку и строит матрицу. Три ствола: частная жизнь, профессиональная и публичная. И три пласта: времена Сталина,

two of his works: his book “Opinions of the World and the World of Opinions” translated into Czech in 1972 and his “In Pivo Veritas” beer folklore collection published in Czech in 1985. The personality of Boris Grushin, viewed in the context of two countries and eras, provides some new perspectives for the sociological imagination.

Keywords: Boris Grushin, Prague Spring, Problems of Peace and Socialism/World Marxist Review, Czechoslovak sociology, Soviet sociology, beer folklore, public opinion, mass consciousness

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Alexander Bratersky for the impetus to write this paper. Thanks also go to Jiří Šubrť, the founder and director of Department of Historical Sociology at Charles University (Prague), for his advice, support and useful contacts.

¹ Савельев В. Документальный фильм «Цитаты из жизни. Борис Грушин» // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qPC6HTXzGqQ> (последний доступ: 06.02.2020).

годы правления Хрущева — Брежнева и, наконец, времена Горбачева — Ельцина. Получается девять клеток. Значит, им прожито минимум девять жизней. Здесь, говорит ученый, и возникает вопрос: о цитатах из какой жизни идет речь?

С матрицей, на наш взгляд, можно поспорить уже потому, что в биографии Бориса Грушина можно выделить еще одну «жизнь», о которой ученый в приведенном монологе не упомянул — пражскую. В Праге Борис Андреевич в общей сложности провел семь лет (с 1962 по 1965 гг. и с 1977 по 1981 гг.) в качестве сотрудника журнала «Проблемы мира и социализма»².

Эти периоды жизни и деятельности отрывочно освещались самим Борисом Андреевичем, его коллегами Э. А. Араб-Оглы и М. К. Мамардашвили [Араб-Оглы, 1999; Мамардашвили, 1992], а также со-основателем проекта «Международная биографическая инициатива», ученым-социологом Борисом Зусмановичем Докторовым [Докторов, 2005]. Последний, в частности, указывает на то, что применимо и к пражскому периоду Грушина: «При стремлении к познанию прошлого отечественной социологии через биографии ее активных создателей необходим более тонкий индивидуально-личностный анализ. Важно найти в жизни конкретных социологов те события, обстоятельства, которые свидетельствовали бы о специфике, особенностях их погруженности в культуру той эпохи. Обнаружение подобных знаков позволит увидеть обусловленность творчества социолога влиянием атмосферы „оттепели“» [он же, 2014].

Задачи, цели, методология

Наши исследовательские задачи — обобщить разрозненные опубликованные свидетельства и дополнить их новыми данными, чтобы при помощи критического подхода реконструировать пражский период в жизни и научной деятельности Бориса Грушина. Предполагаем, что пражский период сыграл значительную роль в развитии научного, социального и человеческого мышления ученого. Цель — выяснить, какое наследие оставил после себя советский ученый в Праге (Чехословакии).

Мы воспользуемся качественным подходом к исследованию, а именно — биографическим анализом с использованием полуструктурированных интервью. Так, во-первых, мы проанализируем пражские воспоминания самого Бориса Грушина и его коллег; исследуем архивные статьи в чехословацких журналах и сборниках; интервью, диссертации, книги, в которых упомянут ученый; автографы, оставленные им чешским коллегам, а также любительскую съемку. Затем проведем интервью с чехами и словаками, знавшими Бориса Грушина.

Во-вторых, мы поместим исследуемую нами личность в социально-политический и культурный контекст Чехословакии того времени. Как отмечал Чарльз Райт Миллс, «жизнь индивида нельзя адекватно понять без учета особенностей тех институтов, внутри которых протекает его биография» [Миллс, 1998].

Исходя из этого, пражскую биографию Бориса Грушина следует сразу же разделить на два этапа не только потому, что это обусловлено хронологией. Необходимость вызвана и различиями в общественно-политическом климате

² «Сначала редактором, а потом консультантом по проблемам социологической науки и культуры шеф-редактора» [цит. по: Докторов, 2019: 405].

в Чехословакии разных периодов. Так, первое пребывание Бориса Грушина пришлось на зарождавшуюся «Пражскую весну», можно сказать «чехословацкую оттепель», второе же — на нормализацию, сравнимую с советским застоём. К тому же сотрудники журнала «Проблемы мира и социализма» находились под непосредственным влиянием политических процессов, происходивших в СССР, и под надзором Международного отдела ЦК КПСС. В 1960-х годах, после переезда в Прагу, Грушин оставался научным руководителем Института общественного мнения при газете «Комсомольская правда», и 8—10 раз в год из Праги приезжал в Москву [Грушин, 1999: 210]. То есть советские граждане, работавшие в журнале «Проблемы мира и социализма», так или иначе были включены в параллельные общественные процессы и могли переносить свой опыт и идеи в обоих направлениях. В связи с этим (пусть и с некоторой осторожностью) в фигуре Грушина пражского периода можно рассмотреть признаки, присущие так называемым транснациональным мигрантам — лицам, вовлеченным в процессы обоих обществ, при сохранении сильной связи со страной происхождения. Более того, в причинах переезда можно увидеть оба фактора — как притягивающий (pull) в первом периоде, так и выталкивающий (push) во втором. Позже мы найдем этому подтверждение.

Через чехов — к полякам

Впервые в Прагу Борис Грушин приехал в 1961 г. для участия в международном круглом столе социологов, подготовленном Э. А. Араб-Оглы в журнале «Проблемы мира и социализма». Организовать мероприятие, в котором принимали участие и марксистские социологи, и так называемые «ревизионисты», как вспоминает Э. А. Араб-Оглы, было непросто. Этому препятствовали как чехословацкие, так и советские деятели. Удалось пригласить польских социологов (А. Шаффа, З. Баумана, А. Павелчинскую и других) [Араб-Оглы, 1999: 365]: так завязалась дружба Грушина с польскими коллегами³ — в частности, с Зигмунтом Бауманом. Дружба получила продолжение, что подтверждает сам Грушин на любительской видеозаписи, сделанной в начале 1990-х годов в Чехии, предоставленной нам Любомиром Вацеком⁴: «Был такой известный социолог, Зигмунт Бауман, мой любимый, любимейший друг. Он живет в Лидсе. Первый раз за 30 лет он приезжал ко мне в Москву, мы так плакали с ним... Наташи не было, она была в Америке». Почему плакали? Наверняка их связывало нечто большее, чем профессиональные отношения. Грушин далее рассказывает, что Бауман воевал не в Армии Крайовой, а в советской армии⁵. Затем Борис

³ Интерес Грушина к польской социологии был, на наш взгляд, обусловлен тем, что к тому времени ИОМ «КП» «изучал опыт двух западных центров — Института Гэллага в США и Центра опросов общественного мнения Польского радио и телевидения» [Грушин, 2003: 65].

⁴ Любомир Вацек — чехословацкий социолог, научный сотрудник Института изучения общественного мнения ЧСАН (1969—1972). Занимался теоретическими вопросами исследования общественного мнения с позиций марксистской идеологии. Один из переводчиков книги Б. Грушина «Мнения о мире и мир мнений» на чешский язык. В настоящее время активный член Клуба общественных наук (Klub společenských věd — KSV).

⁵ На самом деле З. Бауман «добровольцем участвовал во Второй мировой войне в составе просоветского Войска польского» (цит. по: Мартынов К. К текущей вечности // InLiberty. 2017. 10 января. URL: <http://old.inliberty.ru/blog/2476-K-tekuchey-vechnosti> (последний доступ: 06.02.2020)).

Андреевич с сожалением вспоминает, как в Еванах (пригород Праги) собирал грибы и потерял шляпу, которая ему досталась от Баумана.

Участие в круглом столе в 1961 г. сыграло роль в дальнейшей частной и научной жизни Грушина. Э. А. Араб-Оглы вспоминает: «Надо заметить, что после того удалось взять на работу в журнал Б. Грушина, который, будучи в Праге, произвел хорошее впечатление на руководство» [там же]. А вот как Борис Грушин описывает это же событие: «Так, собственно, я впервые увидел Прагу и понял, что в этом международном журнале в принципе можно работать (раньше меня многое смущало). Тот „круглый стол“, ставший возможным благодаря личным знакомствам Араб-Оглы с видными фигурами того времени, получил очень серьезный отклик, потому что это была первая партийная поддержка социологии („Проблемы мира и социализма“ был все-таки международным органом коммунистических партий). До сих пор у социологии не было официальной партийной поддержки. Араб-Оглы опубликовал отчет об этой встрече, и потом долго-долго в борьбе с мастодонтами-истматчиками мы размахивали журналом, приводя цитаты из выступлений на „круглом столе“. У меня и сейчас хранится та публикация» [Грушин, 1999: 212—213].

Признаки оживления

В 1962 г. Борис Грушин добровольно переехал в Прагу, его притягивала интересная работа (pull factor). Это время, когда чехословацкая компартия рапортовала об «окончательной победе социализма и переходе к строительству коммунизма». В силу вступила новая Конституция с изменением названия страны на Чехословацкую Социалистическую Республику (ЧССР). По президентской амнистии освобождены политические заключенные. К концу года будет уничтожен гигантский монумент Сталину на Летне. Грушин вполне мог наблюдать взрыв памятника, простоявшего всего семь лет. Чехословакия вслед за СССР входила в период десталинизации. Уже в 1963 г. в Либлицком замке пройдет первая конференция, посвященная творчеству Франца Кафки: считается, что именно она стала предтечей Пражской весны. Одновременно чешский кинематограф захлестнет «новая волна». Мераб Мамардашвили вспоминал, что Грушин в Праге организовал клуб «Пражские встречи» (название придумал Мамардашвили), куда они приглашали чехословацких режиссеров «новой волны» — М. Формана, В. Хитилову, И. Немца, Э. Шорма — с их фильмами, смотрели и обсуждали. В СССР эти фильмы не пропускали [Мамардашвили, 1992: 356]. Как мы видим, атмосфера разряжалась, что благоприятствовало развитию многих сторон общественной жизни.

С собой в Прагу Грушин привез пачку анкет о разводах в СССР. Изучая их, он придет к своей главной научной теме — «массовому сознанию», и займется написанием диссертации, где определит общественное мнение через «массовое сознание» [Грушин, 1999: 211—212].

Отношения Грушина с главным редактором журнала А. М. Румянцевым складывались хорошо. Сразу после приезда в журнале вышла его статья «Pohled do Budoucnosti» («Взгляд в будущее») [Grušín, 1962]⁶ об опросах молодежи в СССР.

⁶ У нас был доступ только к хранящемуся в Академии наук ЧР архиву журнала «Проблемы мира и социализма» на чешском языке («Otázky Míru a Socialism: Teoretický a Informační Časopis Komunistických a Dělnických Stran»). Использованы выпуски журнала следующих временных промежутков: 1961—1965 и 1977—1981.

С 1963 по 1965 гг. с участием Грушина было проведено первое в истории международное социологическое исследование в странах социализма — Болгарии, Венгрии, Польше и Советском Союзе. Результаты по Польше и Болгарии были опубликованы в «Проблемах мира и социализма», включая чешскую языковую версию. Однако смена главного редактора (в 1964 г. им стал Ю. П. Францев) застопорила дальнейшие публикации. Грушин вспоминал: «Францев, по сути, не дал возможности завершить крупное международное исследование. Оно было изуродовано, и в конце 1965 г. я вынужден был уйти из журнала» [Грушин, 1999: 213]. Примечательно, что в 1968 г. не посла, а именно главреда Ю. П. Францева советское руководство обвинит в том, что он «проглядел нарастающие критические события в Чехословакии» [Семенов, 1999: 439].

От любви — к науке или от любви к науке?

Уйти из журнала означало уехать из Праги — из города, в который Борис Грушин влюбился с первого взгляда. Об этом он впоследствии расскажет в главе «Запоздавшее признание в любви» в своем сборнике пражского пивного фольклора «In Pivo Veritas»: «Этому страстному желанию быть в постоянном чувственном контакте с Прагой я отдавал в течение года практически все свое свободное время без оглядки на отдых, товарищеские обязательства, хождение в гости и нормальный сон. И потом, как известно и как происходит в каждой любви, мое отношение к городу приняло новую форму, и наступил новый этап, когда мне захотелось каким-то образом выразить свои чувства, высказать их вслух, дать им выход в делах, поступках и в позитивном действии» [Grušin, 1985: 11].

Все выходные Борис Андреевич гуляет по пражским улочкам и закоулкам, проводит на улицах Целетна и Неруды, где с соблюдением мельчайших деталей зарисовывает дома и дворцы. Затем наступает эпистолярный этап: Грушин в письмах друзьям в «Комсомольскую правду» с упоением рассказывает о Праге. Наконец, решается повторить «подвиг» чешского математика и философа Бернарда Больцано, совершенный 150 лет назад — подсчитать и описать пражские башни, но уже с современным подходом — издать фотоальбом [ibid.: 12]. Однако ни одно из начинаний по разным причинам не находит логического завершения. Озарение приходит в мае 1964 г.: ученый решает собрать и систематизировать тексты из пражских пивных. Грушина интересовали как сами аналоговые тексты, так и их происхождение, социальная функция. В фильме «Цитаты из жизни» он расскажет: «В поисках материала под теорию массового сознания я затеял ходьбу по пражским пивным с тем чтобы собрать пивной фольклор, то есть настенные тексты разного рода, которые присутствуют в пражских пивных и выражают отношение между пивом и разными частями чешского народа, в частности, пражанами»⁷.

Свое исследование он назовет «Операция 800», где число отражает примерное количество пражских питейных заведений в 1964 г. Грушин прикидывает, сколько потребуется времени, чтобы обойти все — выходит не меньше трех-четырёх лет при регулярном посещении нескольких пивных с частотой два раза в неделю.

⁷ Савельев В. Документальный фильм «Цитаты из жизни. Борис Грушин» // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qPC6HTXzGqQ> (последний доступ: 06.02.2020).

За первый год Грушину удалось посетить 192 заведения. Он увлечен своим делом, категорически отказывается уменьшить число пивных, так как боится, что упустит самые интересные афоризмы. Его девиз: «Все или ничего!» [ibid.: 18].

Основываясь на воспоминаниях Грушина, мы видим, что его модель поведения похожа на поведение мигранта, восторженно воспринимающего страну своего переезда в первые годы жизни. Важно также отметить многочисленные попытки Грушина включиться в процесс сохранения памяти обо всем пражском, что может исчезнуть — башни, дома, дворцы, пивной фольклор... Что это? Подсознательное желание связать себя с объектом почитания? Эмоциональный подъем на фоне общей атмосферы оптимизма и вместе с тем социологическая интуиция, подсказывающая, что скоро все может измениться, закончиться? Или Грушин, по меткому определению Л. В. Карпинского, и есть та самая «социологическая машина»? [Карпинский, 1999: 195].

Чехословацкая социология

Отъезд Бориса Грушина на родину пришелся на новый этап в становлении чехословацкой социологии. В 1965 г. социология в ее марксистской перспективе признается как наука на уровне ЦК Коммунистической партии Чехословакии. В 1964 г. основывается Чехословацкое социологическое общество при ЧСАН (Československá Sociologická Společnost při ČSAV), в которое на подъеме интереса к социологии входит 748 членов и которое стало предтечей открытия в 1965 г. Социологического института при Академии наук ЧССР. В 1967 г. в Праге при Социологическом институте возникает Институт изучения общественного мнения⁸. Одновременно основывается несколько кафедр социологии: при Высшей партийной школе, на философском факультете Карлова университета и на философском факультете в Брно. Начинает издаваться «Социологический журнал».

В СССР происходят схожие процессы. И хотя в 1967 г. в Москве закроют Институт изучения общественного мнения при «Комсомольской правде», Грушин опубликует книгу «Мнения о мире и мир мнений» [Грушин, 1967]. В том же году начнется масштабный и непростой «Таганрогский проект» (1967—1974 гг.).

Рамки и тема статьи не позволяют нам подробнее остановиться на сравнении истории советской и чехословацкой социологии, которое могло бы открыть много новых связей. Надеемся, что эти аспекты окажутся интересными для отдельного исследования.

Пражская весна и «Проблемы мира и социализма»

Чехословакия тем временем переживает один из самых трагических периодов своей истории — в августе 1968 г. в страну, якобы для подавления контрреволюции, вводятся войска Варшавского договора. Идее «социализма с человеческим лицом» ломают хребет. Через полгода актом самосожжения против апатии чехословацкого общества заканчивает жизнь студент философского факультета Ян Палах, который впоследствии станет символом молчаливого сопротивления.

⁸ Новая институция должна была продолжить традиции первого послевоенного Института изучения общественного мнения в Чехословакии, основанного в 1946 г. при Министерстве информации и закрытого в 1950 г. в связи с кампанией против «буржуазной лженауки».

Компартия СССР не случайно после событий Пражской весны ополчилась именно на главреда «Проблем мира и социализма». Однако он, как и другие редакторы и сотрудники журнала, не «проглядели» изменения в обществе: они все видели и понимали, были внутри процессов. «Надо сказать,— вспоминает Э. А. Араб-Оглы,— что в Праге уже работали, кроме нас с Грушиным, И. Фролов, М. Мамардашвили, Ю. Карякин; была возможность, пользуясь доверием главного редактора, рекомендовать людей. И мы организовывали на международном уровне обсуждение проблем демократии, антикоммунизма, теории постиндустриального общества. Скажем, первый раз идея о том, что общечеловеческие интересы выше классовых (со ссылкой на В. И. Ленина), прозвучала в передовой статье, которую я в 1965 г. написал для „Проблем мира и социализма“. Помню, я прямо говорил Мамардашвили, что я не марксист — да и он, конечно, не был марксистом» [Араб-Оглы, 1999: 366].

Подтверждение этому тезису мы находим у В. С. Семенова: «Еврокоммунизм и родился потому, что в странах Западной Европы коммунисты не могли принять наш „реальный социализм“ — без широкой демократии, плюрализма мнений, без прав человека и разнообразия культурных ценностей. Францев понимал, что укреплять социализм можно только путем его развития и обновления, и глубоко переживал, что ничего не мог сделать в этом отношении. Так же как Румянцев, как Федосеев. И получалось, что они работали „на вождя“ (к тому же весьма ограниченного), в то время как стремились работать на страну, на мысль, на науку» [Семенов, 1999: 439]. Полагаем, в дальнейшем исследователям еще предстоит изучить взаимовлияние «Проблем мира и социализма» и Пражской весны. В частности, в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) хранится частично рассекреченный архив журнала⁹.

Третий — после Гэллапа и Ноэль-Нойман

С 1969 г. в Чехословакии начинается период так называемой нормализации, архитектором которой становится новый руководитель страны Густав Гусак. Считается, что компартия и общество заключили негласный общественный договор, по которому государство обеспечивает относительно высокий уровень жизни населения, а население, в свою очередь, не участвует в оппозиционных политических акциях. С интеллектуалами, которые не желают обслуживать власть, у коммунистического руководства свои счеты: начинаются политические репрессии. Социология снова становится «буржуазной наукой». Кафедры закрываются. После политических проверок и чисток в Чехословацком социологическом обществе остается менее половины членов. Институт изучения общественного мнения в Праге закрывают в 1972 г., а вместо него в ведомстве Федерального статистического управления открывают Кабинет изучения общественного мнения. В этом же году на чешском языке, исключительно благодаря стараниям сотрудников Института, выходит перевод книги Бориса Грушина «Мнения о мире и мир мнений» [Grušin, 1972]. Таким образом чехословацкая социология в области изучения общественного мнения пополняется еще одним иностранным трудом.

⁹ РГАНИ. Опись 1. Документы редакции журнала «Проблемы мира и социализма». 743 ед. хр. Крайние даты: август 1949 г. — июль 1990 г. Рассекречено частично.

До Грушина на чешский язык были переведены только Дж. Гэллуп [Gallup, 1948] и Э. Нозель-Нойман [Noellová, 1968].

Рис. 1. Обложка чешского перевода книги Б. Грушина «Мир мнений и мнения о мире»¹⁰

Любомир Вацек: «Инициировал перевод книги Грушина гуру чехословацкой социологии Ченек Адамец, который был знаком с Дж. Гэллапом. Мы ему (Грушину — прим. авт.) написали письмо, согласен ли он с тем, что мы переводим его книгу на чешский. Он ответил директору Института изучения общественного мнения в Праге (Яромире Заплеталовой — прим. авт.), что согласен, и спросил, будут ли это только какие-то части книги. Мы ответили, что целиком. Нас было четыре переводчика: я, Ченек Адамец, Йозеф Бечварж, Владимир Каливода. Мы быстро работали и через год книга вышла».

Иржи Шубрт¹¹: «Грушин, по моему мнению, был важен потому, что ему удалось протолкнуть в 1960-х гг., в тогда зарождающейся советской социологии, исследования общественного мнения на основе современных способов статистической выборки, которые работают с анализом данных выбранных респондентов. В тот период его оппонентом был Уледов, который занимался, с моей точки зрения, спекулятивно, теорией структуры общественного сознания, и отрицал возможность использования выборки и с ними связанных статистических процедур как чего-то ненаучного и необоснованного. В начале нормализации у нас все шло к тому, что исследования общественного мнения как буржуазный предрассудок будут отменены. И только книга Грушина в то время была единственным аргументом того,

¹⁰ Источник: Национальная библиотека Чешской Республики.

¹¹ Иржи Шубрт — известный чешский социолог, доцент, основатель и заведующий кафедрой исторической социологии на факультете гуманитарных наук Карлова университета, научный руководитель автора данной статьи.

что раз исследования общественного сознания существуют в Советском Союзе, почему бы им не существовать у нас».

Эмиграция в «Проблемы мира и социализма»

В 1977 г. Борис Грушин возвращается в Чехословакию уже вынужденно, под давлением (push factor). В. В. Колбановский вспоминает: «Объектом следующей атаки стал Б. А. Грушин. Лишенный эмпирической базы и лучших сотрудников, он был принужден к эмиграции в „Проблемы мира и социализма“. Инструктор отдела науки и куратор ИКСИ¹² Г. Г. Квасов говорил ему: „Старик, в Москве для тебя места нет“. В 1979 г. на одной из узких улочек старой Варшавы я увидел знакомую энергичную фигуру Бориса:

*Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и крепко обнялись» [Колбановский, 1999: 40].*

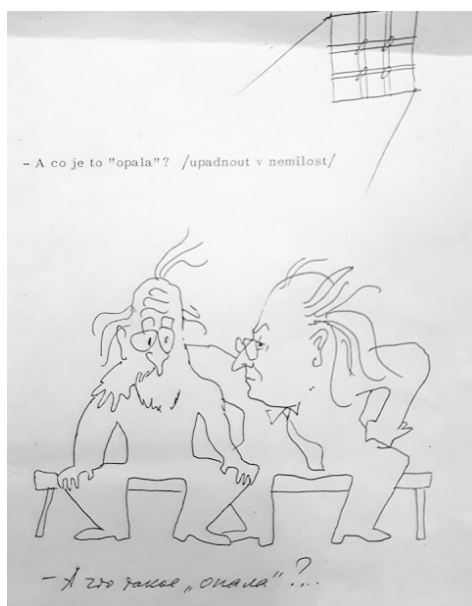

Рис. 2. Дружеский шарж на Б. Грушина и И. Филипца. Автор — Александр Рубцов¹³

Бланка Филипцова¹⁴ сохранила уникальный самодельный плакат с рисунками А. Рубцова¹⁵, сделанными им в 1988 г. на чехословацко-советском симпозиуме

¹² Институт конкретных социальных исследований. Подробнее см. [Пугачева, 1994].

¹³ Источник: личный архив Бланки Филипцовой.

¹⁴ Бланка Филипцова — чехословацкий социолог. В 1960-х годах стояла у истоков «социологии свободного времени», а в период нормализации вместе с мужем, Индржихом Филипцом, была ведущим сотрудником Института философии и социологии ЧСАН. Филипцовы и Грушины дружили семьями.

¹⁵ Александр Вадимович Рубцов (род. 1951) — в настоящее время руководитель Центра философских исследований идеологических процессов, зам. зав. Отделом аксиологии и философской антропологии Института философии РАН.

«Структура и субъекты общественного сознания в современном социалистическом обществе». На плакате в дружеских шаржах изображены чешский социолог Индржих Филипец и советские коллеги — профессора Михайлов и Грушин. На одном из рисунков в комнате с тюремным окном сидят Филипец и Грушин и обсуждают философско-лингвистический вопрос: «А что такое „опала“?»¹⁶. Об опале оба знали не понаслышке.

Любомир Вацек вспоминает, что у Грушина в Праге было много знакомых: «Точно могу сказать, что здесь он встречался с немцами — вероятнее всего, это были люди Элизабет Нозль-Нойман. Институт изучения общественного мнения поддерживал с ней контакт, хотя это было сложно, так как она была из Западной Германии. Встречался он с директором Социологического института Радованом Рихтой, знали его люди и из чешского Социологического общества, существовавшего с 1965 года».

В 2019 г. Иржи Шубрт в университетской библиотеке г. Констанц (Германия) обнаружил книгу [Grusin et al., 1970], которая состоит из четырех объемных разделов. Автор одного из них — Борис Грушин.

В поисках пражской истины

В 1977 г., по прошествии 12 лет, Грушин возвращается к своей «Операции 800», или, как он ее называет иначе, IPV («In Pivo Veritas»), и обнаруживает прискорбный факт: в связи с развитием городской инфраструктуры исчезло 84 пивных из его первоначального списка. В 1974 г. в Праге открывается метро, строится Нусельский мост, автомобильные и железнодорожные развязки. Изменилась не только Прага, но и сам Грушин. Получив огромный опыт на «Таганрогском проекте», он уже не так легкомысленно, как в первый период, подходит к своему исследованию. На определенном этапе он понимает, что ему не хватает знания чешского языка и глубинных реалий, чтобы понять и обобщить фольклор [Grušin, 1985: 22]. В этом ему помогают, как чехи (тот же Любомир Вацек), так и русские. В Праге Борис Грушин знакомится с историком Иваном Савицким, сыном эмигранта Петра Савицкого, одного из основателей евразийского учения. Вместе они обошли не одну пивную, подтвердила нам вдова историка, Этери Савицкая. Для Ивана Петровича, родившегося в Чехословакии, и чешский язык, и чешский менталитет были вторыми родными. В то время дружба с сыном бывшего заключенного ГУЛАГа и белоэмигранта для советского командировочного могла быть чревата неприятностями. Но задумывался ли над этим Грушин?

Перед завершением своей командировки, в конце 1981 г., Борис Грушин сдает книгу для оформления известнейшему в Чехословакии художнику-карикатуристу Иржи Винтеру (псевдоним — Непракта). В ноябрьском номере журнала Praha '81 выходит интервью с Грушиным, где он рассказывает, что его книга — это попытка сохранить пражский пивной фольклор: «<...> дух и характер пражских пивных — ключительный. И не только из-за атмосферы, но и из-за текстов высокого качества, которые исходят от духа вашего народа. Пивные — это важное место в жизни пражан, где столетиями создается клубная атмосфера, где решаются каждодневные проблемы, где собирается костяк одного и того же общества» [Na Stěnách..., 1981].

¹⁶ В чешском языке для обозначения этого понятия используется выражение “upadnout v nemilost”.

Рис. 3. Страница из № 11 журнала Praha '81, интервью с Борисом Грушиным¹⁷

Рис. 4. Обложка Приложения к № 12 журнала Praha '81, посвященного планируемому выходу книги «In Pivo Veritas». Художник — Иржи Винтер (Непракта)¹⁸

¹⁷ Источник: Городская библиотека г. Праги.

¹⁸ Источник: Городская библиотека г. Праги.

Борис Грушин точно все подметил: только в пивных во времена реакции или застоя, среди своих же, чехи могли свободно высказываться. В пражских пивных происходило то же самое, что на советских кухнях. Мог ли в таком случае русского-ворящий чужак, представитель страны, чьи танки еще недавно вторглись на территорию Чехословакии, просто зайти в пивную и влиться в клубное общество? Если в туристических пивных в центре города такое еще представляется возможным, то на окраинах — нет. Только если его туда вводил завсегдатай — это в идеале, в остальных случаях сопровождающий должен был говорить на родном чешском. Грушин чешский понимал, говорил, но этого было недостаточно. Однако о сложностях он упоминает мельком. Только два раза он столкнулся с негативной реакцией. В основном отношение было позитивным, ему помогали записывать выражения и объясняли суть [Grušin, 1985: 28]. Но мог ли он в 1981 г. написать иначе?

Истории с книгой

В декабрьском номере журнала Praha'81 редакция делает своим читателям подарок к Новому году — издает приложение с выдержками и иллюстрациями из будущей книги «In Pivo Veritas» [Praha Svým Čtenářům, 1981]. Однако сама книга будет издана только в 1985 г. Иллюстратор Иржи Винтер в мемуарах «Tučná Linka Černou Tuží» («Жирная линия черной тушью») рассказывает, как проходила работа: «Я получил цитаты для иллюстрирования, но дата не была точно установлена, и я постоянно откладывал. Потом мне пришло вежливое письмо от товарища Ауерсперга, значимого члена ЦК КПЧ, который занимался международными отношениями (письмо я сохранил, потому что у него была очень красивая подпись). Он писал, что для них Грушин важен, потому что это известный ученый с сердечным отношением к чехословацкому народу, и что это могла бы быть прекрасная книга, и он упрощает меня как можно быстрее закончить работу. Просьба значимого функционера меня подогнала, я изготовил 50 рисунков ко всему, что можно было проиллюстрировать, книга получилась неплохой, и всем понравилась» [Winter-Nepakta, Kopecký, 2012: 196]. Добавим, что Павел Ауерсперг также написал вступление к книге «In Pivo Veritas».

«Казалось бы, — вспоминает Борис Грушин — должен был быть безусловный успех, но и тут не обошлось без проблем. Мы влипли в историю с антиалкогольной пропагандой, которую ЦК КПСС затеял усилиями М. С. Горбачева и Егора Лигачева. Готовый тираж книги был приостановлен. И не просто приостановлен. Был грозный звонок из посольства министру культуры Чехословакии. Текст был такой: „Мы не можем позволить, чтобы наш советский профессор в пору, когда КПСС борется с алкоголизмом, вдруг занимался пропагандой алкоголя!“ Но надо сказать, что в высших эшелонах чешской власти хватало не только юмора, но и здравого смысла. Поэтому тираж книги не был уничтожен, он был припрятан на несколько лет. И спустя только три-четыре года эта книжка вышла перед Рождеством и была распродана, как мне сказали, в течение двух дней»¹⁹. Однако книге предстояло еще одно испытание. Авторские экземпляры, отосланные пражским издательством

¹⁹ Савельев В. Документальный фильм «Цитаты из жизни. Борис Грушин» // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qPC6HTXzGqQ> (последний доступ: 06.02.2020).

в Москву, на границе задержали, сочтя веселые и не по-советски откровенные рисунки Иржи Винтера порнографией.

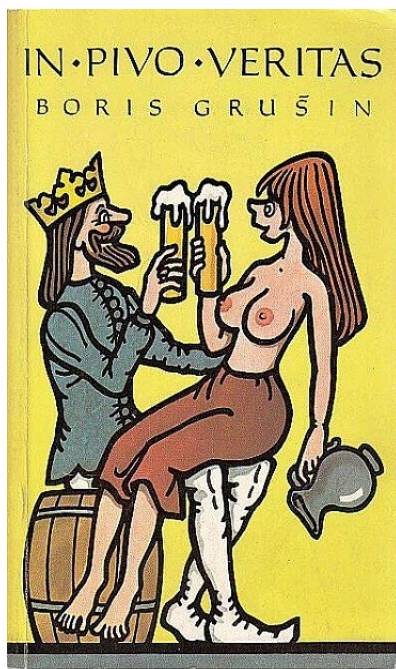

Рис. 5. Обложка книги «In Pivo Veritas». Художник — Иржи Винтер (Непракта)²⁰

Успех книги, вышедшей тиражом 10 000 экземпляров (и стоимостью 13 крон), подтверждает Любомир Вацек. Парадоксально, но до Грушина никто из чехов не догадался собрать и издать пивной фольклор! Его идея настолько понравилась тогдашнему главе столицы Зденеку Зуске (именно при нем в Праге начнется строительство, в результате которого исчезнут многие исторические пивные — прим. авт.), высокому партийному функционеру с социологическим образованием, что он пообещал Грушину выписать «документ» на бесплатное пиво во всех питейных заведениях. Об этом Борис Грушин рассказал в интервью Ивану Толстому на «Радио Свобода» [Грушин, 2010]. О чем Борис Андреевич умалчал, так это об обещании городского головы сделать его почетным гражданином Праги. Об этом упоминает дочь Ольга в некрологе Борису Грушину, опубликованном в *The New York Times*²¹, а также вдова Ивана Савицкого — Этери Савицкая — в личном разговоре. Меж тем, мы не нашли свидетельств того, чтобы обещания были выполнены. Почетными гражданами Праги в те времена становились исключительно советские генералы и космонавты.

²⁰ Источник: Городская библиотека г. Праги.

²¹ Goldstein R. (2007) Boris Grushin, Pioneer Soviet Pollster, Is Dead at 78. *The New York Times*. September, 24. URL: www.nytimes.com/2007/09/24/world/europe/24grushin.html (accessed: 06.02.2020).

Чехи о Грушине

Каким запомнился Борис Грушин чехам, его современникам, с которыми нам удалось поговорить? Прежде всего, организатором высшего класса, мыслителем, интеллектуалом, ученым, оставившим значимый след в разработке теории общественного мнения в мировом масштабе.

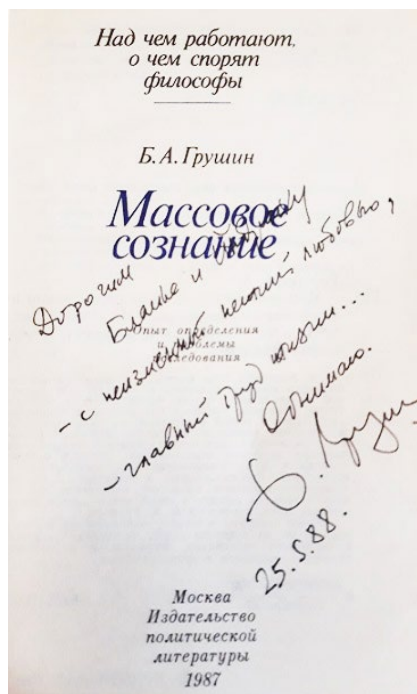

Рис. 6. Автограф на книге «Массовое сознание» Бланке и Индржиху Филипцовым²²

Ян Мишович²³: «Грушин и Хабермас независимо друг от друга поняли, что общественное мнение имеет два слоя. Есть слой поверхностный, а есть глубинный. Каждый объясняет это по-своему, но, по сути, они сходятся в том, что общественное мнение структурируется таким способом, и что поверхностный слой изменяется и находится под влиянием СМИ. А глубинный слой остается относительно стабильным».

Любомир Вацек: «Грушин у нас считался профессиональной элитой и был известен всем. На некоторых факультетах, например, на философском, на факультете журналистики Карлова университета, книга Грушина была среди обязательных к прочтению. Он улучшил метод Гэллала, в основном в теоретической части. Гэллал не был теоретиком».

²² Источник: личный архив Бланки Филипцовой.

²³ Ян Мишович — чешский социолог словацкого происхождения. Долголетний сотрудник чехословацкого Института изучения общественного мнения. В настоящее время является членом Клуба общественных наук (Klub Společenských Věd — KSV), преподает социологию в вузах.

Бланка Филипцова: «Мы дружили с Борей и его семьей, Натальей и Оленькой. Встречались у нас дома, он ездил с нами на дачу. Борис и Игорь Семенович Кон — это были два человека, которые для нас представляли связь с самой прекрасной и высокой русской культурой, в частности, с литературой. Бориса мы полюбили за его живость, с которой он любил свою профессию, с которой защищал свои взгляды. Мой муж (социолог Индржих Филипек — *прим. авт.*) был таким же. Это был один тип марксистских мыслителей, к которым относились Борис и мой муж. Они знали мировую литературу и периодически пытались противопоставить наш мир западному, а таких мыслителей было мало. Это была их заслуга, но и риск. Умение сравнить две системы с позиции людей, которые были подлинными марксистами²⁴, и верили, что социализм жизнеспособен и поправим, было очень важным. Борис делал очень большую работу для своей страны».

Рис. 7. Дружеский шарж на Б. Грушина. Автор — Александр Рубцов²⁵

Грушин как миссия и как ключ к новым исследованиям

Несмотря на интенсивное исследование, проведенное в течение четырех месяцев, мы не можем утверждать, что тема «пражского наследия» Бориса Грушина до конца исчерпана. Однако произведенная реконструкция пражской биографии ученого позволяет сделать несколько выводов, которые можно разделить на две части.

²⁴ Подробно на марксизме Грушина как методе анализа устройства мира останавливается Б. Докторов в книге «Все мы вышли из “грушинской шинели”» [2014]. В нашем распоряжении оказался автограф Б. Грушина Л. Вацеку — «Любомиру — с огромной благодарностью за помощь в распространении марксистских взглядов на сложные проблемы общественного мнения. С дружбой (подпись). 10 мая 1979», а также оценка Б. Филипцовой. Грушин не был догматиком марксизма, но философом и сторонником марксистской модели естественного мира и общества.

²⁵ Источник: личный архив Бланки Филипцовой.

1. Грушин как миссия.

Первое пребывание Грушина в Праге, его активное взаимодействие в научных кругах, возможно, сыграло определяющую роль в инициативе перевести книгу «Мнения о мире и мир мнений» на чешский язык. Насколько нам известно, это был единственный перевод грушинского труда на иностранный язык. Впоследствии книга повлияла на развитие изучения общественного мнения в стране и даже в какой-то мере в период реакции помогла его сохранить.

Книга пражского пивного фольклора «In Pivo Veritas», составленная профессиональным социологом, в современной Чехии незаслуженно забыта, хотя хранит в себе богатейший материал для изучения. Это книга с открытым финалом. Сам автор в предисловии передает эстафету для дальнейшего анализа аналоговых текстов (всего их вошло в книгу 360) другим исследователям — историкам, социологам, лингвистам, писателям, знатокам традиций, народного юмора и языка [Grušín, 1985: 28]. От себя добавим, что по прошествии 40 лет книга является бесценным источником для социологов, занимающихся повседневностью Праги времен социализма. При всем богатстве «пивной» литературы в Чехии, исследование Бориса Грушина остается уникальным.

Миссия Грушина в Праге, хотел он этого или нет, была человеческой. Не зря мы искали и находили у него черты «транснационального мигранта». Грушин умел слиться с новым обществом, не отрываясь от своего происхождения, и, судя по отзывам, стать достойным представителем русской культуры.

2. Грушин как ключ.

В ходе исследования мы поняли, что не только «открываем пражского Грушина», но и Грушин нам многое открывает. Так мы пришли к мысли о сравнении истории советской и чехословацкой социологии, о рассмотрении роли журнала «Проблемы мира и социализма» в контексте Пражской весны. И, возможно, о новом подходе к изучению биографий советских и российских социологов — с перспективы рассмотрения их биографических циклов.

Список литературы (References)

Араб-Оглы Э. А. Тогда казалось, что кое-что удавалось // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 358—370.

Arab-Ogly E. A. (1999) Then it Seemed Like Something was Working Out. In: Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 358—370. (In Russ.)

Грушин Б. А. Горький вкус не востребованности // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 205—228.

Grushin B. A. (1999) A Bitter Taste of the Unclaim. In: Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 205—228. (In Russ.)

Грушин Б. А. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2003. № 1 (63). С. 60—74.

Grushin B. A. (2003) Institute of Public Opinion of «Komsomolskaya Pravda». *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1 (63). P. 60—74. (In Russ.)

Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений: Проблемы методологии исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967.

Grushin B. A. (1967) *Opinions on the World and the World of Opinions: Problems of Methodology of Public Opinion Research*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Грушин Б. А. О пиве — поверх барьеров // Открывая Грушина / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010.

Grushin B. A. (2010) About Beer — Over the Barriers. In: Anikina M. E., Khrul V. M. (eds.) *Discovering Grushin*. Moscow: The Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

Докторов Б. З. Все мы вышли из «грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014.

Doktorov B. Z. (2014) We All Come from «Grushin's Overcoat». On the 85th Anniversary of B. A. Grushin. Moscow: Raduga. (In Russ.)

Докторов Б. З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.

Doktorov B. Z. (2019) *Founding Fathers: A History of Public Opinion Studies*. Moscow: Yurayt. (In Russ.)

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.

Doktorov, B. Z. (2005) *Pioneers of Opinion World: From Gallup to Grushin*. Moscow: Institute of «Public Opinion» Foundation. (In Russ.)

Карпинский Л. В. Работали свободно — и хорошо работали // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: РХГИ, 1999. С. 190—204.

Karpinskiy L. V. (1999) Worked Freely — And Worked Well. In: Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 190—204. (In Russ.)

Колбановский В. В. К истории постсталинской социологии // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: РХГИ, 1999. С. 18—41.

Kolbanovskiy V. V. (1999) To the History of Post-Stalin Sociology. In: Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 18—41. (In Russ.)

Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1992.

- Mamardashvili M. K. (1992) *How I Understand Philosophy* / ed. by Yu. P. Senokosova. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко ; под ред. Г. С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998.
- Mills C. W. (1998) *Sociological Imagination* / ed. by G. S. Batygin. Moscow: Strategiya. (In Russ.)
- Пугачева М. Г. Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1968—1972 // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 158—172.
- Pugacheva M. G. (1994) Institute for Concrete Social Research of Academy of Sciences of the USSR, 1968—1972. *Sociological Journal*. No. 2. P. 158—172. (In Russ.)
- Семенов В. С. Наука — выше политики // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 428—439.
- Semenov V. S. (1999) Science is Above Politics. In: Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 428—439. (In Russ.)
- Gallup G. (1948) *Průvodce po Výzkumu Veřejného Mínění*. Prague: Orbis. (In Czech).
- Grusin B., Skorzinsky Z., Stajkov S., Szántó M. (1970) *Die freie Zeit als Problem: Soziologische Untersuchungen in Bulgarien, Polen, Ungarn und der Sowjetunion* / ed. by A. Harttung. Berlin: Berlin — Verlag. (In German).
- Grušin B. A. (1962) *Pohled do Budoucnosti. Otázky Míru a Socialism*. No. 10. (In Czech).
- Grušin B. A. (1972) *Veřejné Mínění a Jeho Výzkum*. Prague: Svoboda. (In Czech).
- Grušin B. A. (1985) *In Pivo Veritas — Sentence, Aforismy a Další Pozoruhodné Texty z Pražských Restaurací, Hstinců a Pivnic*. Prague: Merkur. (In Czech).
- Na Stěnách Pražských Hospůdek. *Praha*. 1981. No. 11. P. 30—31. (In Czech).
- Noellová E. (1968) *Výzkum Veřejného Mínění*. Prague: Svoboda, 1968. (In Czech).
- Praha Svým Čtenářům. Příloha. *Praha*. 1981. No. 12. (In Czech).
- Winter-Nepakta J., Kopecký J. (2012) *Tučná Linka Černou Tuší*. Prague: Epoque. (In Czech).

IN MEMORIAM

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.19

Правильная ссылка на статью:

Бачишин В. М., Разин П. В., Владимирова М. Б. Метод анализа текстов массового сознания (МАТЕМС) (на основе научного семинара Б.А. Грушина на факультете журналистики МГУ им. Ломоносова 1983—1989 гг.) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 455—464. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.19>.

For citation:

Bachishin V. M., Razin P. V., Vladimirova M. B. (2020) A method for analyzing mass consciousness texts (MAMCT) (based on a B. Grushin seminar at the Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, in 1983-1989). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 455—464. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.19>.

**В. М. Бачишин, П. В. Разин, М. Б. Владимирова
МЕТОД АНАЛИЗА ТЕКСТОВ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ (МАТЕМС)
(НА ОСНОВЕ НАУЧНОГО СЕМИНАРА Б. А. ГРУШИНА НА ФАКУЛЬТЕТЕ
ЖУРНАЛИСТИКИ МГУ им. ЛОМОНОСОВА 1983—1989 гг.)**

МЕТОД АНАЛИЗА ТЕКСТОВ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ (МАТЕМС) (НА ОСНОВЕ НАУЧНОГО СЕМИНАРА Б.А. ГРУШИНА НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ МГУ им. ЛОМОНОСОВА 1983—1989 гг.)

A METHOD FOR ANALYZING MASS CONSCIOUSNESS TEXTS (MAMCT) (BASED ON A B. GRUSHIN SEMINAR AT THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, FACULTY OF JOURNALISM, IN 1983-1989)

БАЧИШИН Владимир Михайлович — Phd, директор, Comenius Analytica, Братислава, Словакия
E-MAIL: vladimir.bacisin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8634-3295>

Vladimir M. BACHISHIN¹ — PhD, Director
E-MAIL: vladimir.bacisin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8634-3295>

¹ Comenius Analytica, Bratislava, Slovakia

РАЗИН Павел Владимирович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета журналистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: pavel380@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8546-6392>

ВЛАДИМИРОВА Мария Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: tvmar2006@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7083-8560>

Аннотация. Статья является транскрипцией (описанием) семинара Бориса Андреевича Грушина на факультете журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1983—1989). Семинар был посвящен многомерному исследованию текстов, которые продуцировали или репродуцировали массы. Анализ текстов рассматривался как способ выхода на характеристики массового сознания, описание которого возможно также в рамках и терминах синергетики.

Ключевые слова: массы, общественное мнение, массовое сознание, текст, анализ, синергетика, динамика, полуквантитативная социология, общественность

Pavel V. RAZIN² — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Journalism
E-MAIL: pavel380@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8546-6392>

Maria B. VLADIMIROVA² — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Department of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism
E-MAIL: tvmar2006@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7083-8560>

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. This article is a transcript (description) of a B. Grushin's seminar held at the Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, (1983—1989). The seminar was devoted to a multidimensional study on the texts of masses referred to as texts producing or reproducing the masses. Text analysis was considered as a way of reaching the characteristics of mass consciousness, a description of which is also possible within the framework and terms of synergetics.

Keywords: masses, public opinion, mass consciousness, text, analysis, synergetic, dynamics, semi-quantitative sociology, public

Данная статья посвящена семинару Бориса Андреевича Грушина, проходившему с 1983 по 1989 гг. на факультете журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹. Сопоставляются разные аспекты предпосы-

¹ Семинар аккумулировал достаточно большой объем анализируемого эмпирического материала, который сохранился благодаря усилению Б. А. Грушина и его учеников П. В. Разина, В. М. Хруля и В. М. Бачишина. Некоторая часть этих материалов была оцифрована.

лок анализа текстов в рамках цепочки массовой коммуникации в бывшем СССР и других странах мира. Цель — синтезировать научную новизну разрабатывавшегося участниками семинара подхода к анализу текстов массового сознания.

Сегодня трудно поверить в то, что в начале 1980-х гг. существовали социологические семинары, на которых обсуждались массовое сознание и массовые коммуникации, ведь официально эти сюжеты не входили в преподававшиеся тогда дисциплины. Участники семинара использовали работы не только советских ученых, но и классиков философии, труды по методологии общественных наук, социологии, социальной психологии, когнитивной психологии, семиотике — в то время современных западных авторов из области социальных наук. На семинаре не использовался официальный марксизм-ленинизм.

Сегодня для России выделяется следующая типология подходов к изучению массовых социальных процессов [Чернов, 2002]:

- 1) социологический;
- 2) политологический;
- 3) социально-психологический;
- 4) культурологический;
- 5) социально-философский (интегрирующий, синтетический).

Полагаем, что работа семинара Б. А. Грушина на факультете журналистики МГУ, скорее всего, относится к пятому классу исследовательских подходов — социально-философскому.

Общественность и общественное мнение

Понятия «общественность» и «общественное мнение» вышли на первый план в связи с развитием и постепенным формированием демократических политических систем, а их историческая роль постепенно изменялась. Наравне с этим трансформировалось и их теоретическое осмысление. В далеком прошлом общественность была синонимом общественной элиты, то есть свободных, образованных и ангажированных граждан. Постепенно этот подход ушел в прошлое и уступил место концепту «плюралистических общественностей».

У понятий «общественность» и «общественное мнение» нет общепринятых определений [Splichal, 1999]. В 1994 г. немецкий социолог Ф. Найдхардт [Neidhardt, 1994] и ряд авторов высказали мнение, что в отношении опросов общественного мнения они рекомендуют использовать понятия «массовое мнение» или «мнение населения». Трудности связаны как с историческими переменами, так и с существованием множества подходов, некоторые из которых взаимно исключают друг друга. Славко Спличал разграничил [Splichal, 1999] пять смысловых плоскостей, в которых встречаются понятия «общественность» и «общественное мнение».

1. «Общественность» (a/at public) как специфическая социальная (общественная) категория или коллективность, которая появляется как актант — часто по отношению к важной общественной проблеме (и часто как противовес «толпе» или «массе»).
2. «Общественность» / «общественное» (public(ness)) как специфическое свойство определенной деятельности или пространства (например, общественное телевидение, общественные школы).

3. «Публичность», «публикация» (publicity) как проявление общественного содержания в принципе или как общее человеческое право, являющееся основой общественного мнения или доктрины суверенности.
4. «Общественная сфера» (public sphere) как специфическая сфера, область общественной жизни, общественное пространство между государством и гражданским (а когда-то — буржуазным) обществом, которая сама по себе представляет инфраструктуру для социальной интеграции посредством общественной дискуссии или рынка мнений.
5. «Общественное мнение» (public opinion), которое в нормативных теориях полагают прямым результатом или общественности как социальной категории (высказано, выражено общественностью), или общественной сферы, или обеих сфер. Несмотря на это, в XX веке в позитивистских и, более того, в эмпирических подходах общественное мнение отходит от своих исторических основ.

Концепция общественного мнения, или массового сознания *in actu*, как ясно из монографии Б. А. Грушина «Мнения о мире и мир мнений» [Грушин, 2011], создана «на полях» знаменитого Таганрогского проекта, основная схема которого восходит к теории Карла Маркса, изложенной в «Капитале» и «Экономических рукописях 1857—1861 гг.». Однако в классической цепочке «производство — дистрибуция (поставка) — потребление» товары заменены на информацию.

Через ракурс работ Карла Маркса анализировали сознание все члены Московского логического кружка — Мераб Мамардашвили, Александр Зиновьев, Георгий Щедровицкий и, наконец, Борис Грушин. Теоретики из других стран тоже использовали схему функционирования общественного мнения по К. Марксу и немало ее усовершенствовали. Например, Стюарт Холл, описывая свою модель в публикации «Кодирование/Декодирование», писал, что непрерывная цепочка «производство — дистрибуция» поддерживается посредством форм [Hall, 1974]. Так же, как Грушин оказал большое влияние на советскую и российскую социологию, так и Холл своей статьей повлиял на культурологические исследования в Европе. Метод исследования текстов массового сознания брал свое начало в семиотике, теории знаков. Отправной точкой анализа Холла тоже была семиотика.

Тексты масс

Объектами анализа в рамках семинара были тексты, которые продуцировали или репродуцировали массы (тексты СМИ, письма в редакции СМИ, популярные песни, анекдоты, письма звездам эстрады, пословицы и пр.). Их можно условно назвать «тексты масс». Участников семинара вдохновляли разного рода аналитические системы — от формального и структурного литературного анализа до формальной логики, в том числе контент-анализ [Lasswell, Lerner, de Sola Pool, 1952].

Контент-анализ² как понятие обозначает инструмент исследований, процесс³, технику, метод⁴, подход⁵, методологический путь или концептуальную рамку,

² Как вариант понятия «количественный контент-анализ».

³ Это связано с психолингвистикой и процессом под названием «кодирование».

⁴ Контент-анализ иногда определяется как метод [Krippendorff, 1969; Weber, 1990].

⁵ Понятие «подход» можно разграничить при количественном и качественном анализе.

теоретическую перспективу [Janowitz, 1968: 649]. Понимание контент-анализа вариативно и зависит от концептуальной плоскости и акцента на техническое совершенство.

Метод анализа текстов массового сознания — МАТЕМС (Грушин иногда расшифровывал эту аббревиатуру как «Многомерный анализ текстов массового сознания») — базировался во многом на использовании контент-анализа, особенно применительно к большим массивам текстовых данных⁶.

Данные исследований, проведенных с помощью контент-анализа, сопоставимы. Среди минусов метода назовем невозможность исследовать аморфные ряды текстов, свойственные общественному мнению/массовому сознанию.

Каковы исходные тезисы для изучения текстов массового сознания? Их Б. А. Грушин определил сам во введении пока что неопубликованного объемного отчета о работе семинара [Грушин, 2000]:

1. Вопреки распространенному мнению, «массовое сознание» (МС) остается до сих пор *terra incognita* — словосочетанием с совершенно неопределенным и в подавляющем большинстве ситуаций грубо ошибочным содержанием⁷.
2. Краткое описание ситуации с изучением МС до начала 1960-х гг., с акцентом на приоритет в этой области российских ученых.
3. Главные пункты теории, разрабатывавшейся автором в течение первых 20 лет, в «досеминарский» период, с 1962 по 1982 гг.:
  - определение массы как специфического типа общности людей, которая существенно отличается от всех остальных по многим параметрам, в том числе и характеру присущего им сознания;
  - выявление специфики МС в сравнении с иными типами общественного сознания, давно уже известными науке (общечеловеческое, классовое, групповое, индивидуальное сознание), на уровне состава МС, его структуры, характера формирования и функционирования в различных сферах жизнедеятельности людей (политика, искусство, право и т. п.);
  - признание множества форм (модусов) существования МС, требовавших перехода от «чистой теории» к его эмпирическому изучению.
4. Две центральные задачи, стоявшие перед участниками семинара и в той или иной мере решенные ими:
  - анализ феноменологии МС, то есть выявление всего комплекса эмпирически фиксируемых форм его существования (выражения) на уровнях вербального и деятельностного поведения людей, в том числе выбор в качестве наиболее благоприятного, доступного для анализа феномена менталитета масс так называемых текстов МС;
  - разработка методов анализа текстов МС, позволяющих зафиксировать многие существенные характеристики МС, существующего в обществе в тот или иной момент времени (для того чтобы ответить на вопрос: каково оно, это МС? Причем ответить гораздо более полно, нежели это удается сделать с помощью традиционных опросов общественного мнения).

⁶ Например, Кимберли Нойендорф — сторонница количественного подхода.

⁷ За последние 20 лет мало что изменилось (прим. авторов).

Моделирование

В рамках семинара обсуждались способы моделирования массой прошлого, настоящего и будущего [Грушин, 2000: 2] с помощью различных знаковых систем в самых разнообразных коммуникативных ситуациях, связанных главным образом с производством так называемой массовой информации, то есть информации, направленной на массу (СМИ), и информации, продуцируемой самой массой. Участники семинара размышляли над этим понятием, давая такие, например, определения: масса — это совокупность индивидов, объединенных ситуационно по некоторому внешнему поводу в силу внутренне присущих им ментальных и социальных характеристик. Это гетерогенная общность, причастная к одним и тем же текстам (информации). Масса возникает ситуативно — это случайная совокупность, множество людей с общим поведением по отношению к конкретному явлению и анонимных по отношению друг к другу [там же: 57].

Базовым знанием на семинаре стали результаты дискуссии о знаках и знаковых системах [там же: 59]. Знаковая система участвует в индивидуальных, групповых и массовых коммуникациях. Знаковые системы взаимно переводимы — одна знаковая система в другую. Каждый способ производства информации может создавать новую знаковую систему. Знаковые системы можно анализировать самыми разными способами. Весьма популярными были идеи В. Проппа, Ю. Лотмана, К. Леви-Стросса, Т.А ван Дейка [там же: 60].

Необычными были количественные и «качественные» характеристики состава участников семинара (см. табл. 1): 20 человек в первом учебном году, 35—37 — во втором-четвертом и 30 в пятом представляли собой не только сменявшие друг друга из года в год группы студентов-четверокурсников (для которых поначалу собственно и предназначался этот семинар), но и четверокурсников, ставших пятикурсниками, и пятикурсников, уже окончивших факультет и поступивших в аспирантуру и даже написавших диссертации.

Таблица 1. *Параметры семинара МАТЕМС (1983—1989)*

Характеристики семинара / Учебные годы	83/84	84/85	85/86	86/87	87/88	Итого
Общее число занятий	20	20	22	15	8	85
Общая продолжительность занятий (академических часов)	108,5	68,5	84,5	46,0	29,5	337,0
Средняя продолжительность 1 занятия (академических часов)	5,4	3,4	3,8	3,0	3,7	3,9
Общее число участников занятий	20	37	37	32	30	74*
Среднее число участников 1 занятия	12	26	22	19	14	19
Количество курсовых работ	—	18	11	6	2	37
Количество дипломных работ		6	8	6	4	24

* Б. А. Грушин не считал тех, кто бывал на занятиях лишь один раз.

Студенты были готовы продолжать дискуссии до бесконечности, без перерывов — при том что, согласно расписанию, каждое занятие должно было длиться два академических часа (по 45 минут каждое). За 4,5 учебных года в такой объем

уложились лишь девять занятий из 85 проведенных; средняя же продолжительность одного занятия равнялась без малого четырем академическим часам, причем 13 занятий длились по шесть часов, а два (21 декабря 1983 г. и 30 октября 1985 г.) — даже по семь — тогда дискуссии затянулись практически до полуночи и были прерваны угрозами ночной охраны здания на ул. Моховой, 9 вызвать сначала милицию, а потом (почему-то) пожарных.

Однако главные особенности семинара, объяснявшие сказанное, заключались, конечно же, в другом — в том, что это был семинар не учебный, а исследовательский, и что он был посвящен предмету, способному захватить дух у каждого, кто решался прикоснуться к раскрытию тайны (в те годы практически совсем неисследованной) сферы человеческого сознания, именуемой «сознанием массы», или «массовым сознанием».

О чем были дискуссии в рамках семинара, как развивался сам метод анализа текстов? Вот лишь основные темы семинара по годам, по каждой из которых делались доклады, рефераты, курсовые всеми участниками (источник: архив МАТЕМС).

1983/84

1. Специфика массовой информации как особого типа социальной информации.
2. «Язык» массовой информации.
3. Что такое массы. Эмпирические образцы групп и масс. Их сходство и отличие.
4. Функции, общие типы, моделирование действительности в массовой информации.

1984/85

1. Содержание и формы массового сознания (лингвосоциологические аспекты)
2. Что такое сознание вообще? Общественное сознание, его границы, характеристики, содержание, строение и основные типы.
3. Методы анализа знаковых множеств (текстов) — объективаций массового сознания.
4. Классы, виды, типы текстов массового сознания.
5. Возможные направления анализа текстов:
  - a. Формальный анализ: семантика, синтактика, прагматика.
  - b. Содержательный анализ: предметы суждений, их свойства, сюжеты, традиционные и новые элементы, явные и латентные смыслы и пр.
  - c. Функциональный / экстратекстовый / анализ: границы существования текстов или субъекта носителя, факторы выбора содержания, связь с интересами и пр.

1985/86

1. Морфология массового сознания.
2. Семантика массового сознания, характерные для него смыслы.
3. Синтаксис массового сознания, его специфическая логика и ее свойства.
4. Функции (познавательные/социальные) массового сознания в обществе.
5. Феноменология массового сознания: по каким внешним, эмпирически фиксируемым, признакам оно может быть «опознано».

1986/87

1. Проблемы многомерного анализа текстов массового сознания.
2. Отработка отдельных элементов / приемов / методов / техник выявления тех или иных характеристик массового сознания в рамках многомерного анализа текстов.
3. Способы фиксации в результате использования элементов анализа характеристик массового сознания как таковых.

Каким образом удалось на практике применить основы разрабатывавшегося тогда метода, можно судить по 18 дипломным работам, суть которых достаточно хорошо видна из названий, полностью приведенных в статье о семинаре в Википедии⁸.

На основании сопоставления методов анализа текстов массового сознания и классического количественного контент-анализа можно прийти к следующему выводу: количественный контент-анализ в то время, когда функционировал семинар Б. А. Грушина, опережал разработки анализа текстов в иных странах. Это был многокритериальный, многоаспектный анализ текстов, сутью которого не был поиск частоты символов в текстах, как это было в анализе исследователей в других странах. Его целью был поиск характеристик массового сознания и интерпретация их появления и функционирования в его динамичном пространстве. Проект МАТЕМС был попыткой анализа именно сознания масс с использованием синтеза многих методологических и методических подходов к продуцируемым этим типом сознания текстам.

Использование разных методов анализа текстов, разных фокусов ставило разработки семинара Б. А. Грушина в один ряд с зарождавшейся в то время «полуколичественной» (термин у нас не прижился) социологией (*semi-quantitative sociology*) [Weidlich, Haag, 1983; Schenk, 2017]. Полуколичественная социология (пер. с лат. *semi* — «половина», *quantitativus*, *quantitas* — «количество», «множество») — это пока что самая целостная и совершенная попытка использования и применения методов синергетики в социологии. Ее авторами являются В. Вайдлих и Г. Хаг, близкие коллеги основателя синергетики — немецкого физика Г. Хакена. Впрочем, один из авторов этой статьи также в те годы сделал попытку развития идей семинара в рамках достаточно продуктивной синергетической парадигмы в социологии [Разин, 2010].

Это направление социологии построено как формализованная теория социальной динамики. Формальный изоморфизм между системами в физике и социальными системами, который объясним взаимодействием элементов, переходами между состоянием элементов и переменных показателей, или так называемых макропеременных, выражающих глобальную динамику мультикомпонентной открытой системы, позволяет строить формализованную модель независимо от характера элементов системы. На основе этого подхода можно создавать, к примеру, синергетические модели формирования мнений.

⁸ Научный семинар по изучению массового сознания // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Научный_семинар_по_изучению_массового_сознания (дата обращения: 01.03.2020).

Сама синергетика как междисциплинарная парадигма способна хорошо описывать системы с большим количеством нелинейно, случайно взаимодействующих компонентов. При этом не важно, из какого «мира» эти системы — из физики (частицы), химии (атомы), массовых информационных процессов (единицы информации), массовых социальных сообществ (люди и производимые ими тексты и действия) и проч. — главное, что во всех этих пространствах обнаруживаются «сгустки» взаимодействующих частиц. Их появление и гомеостаз описываются терминами «самоорганизация» и «самоподдержка».

Список литературы (References)

Грушин Б. А. МАТЕМС: Метод анализа текстов массового сознания. Спецсеминары. Отчет о работе семинара. Рукопись. М., 2000.

Grushin B. A. (2000) MATEMS: Method for Analyzing Texts of Mass Consciousness. Special Workshops. Workshops' Output Report. Manuscript. Moscow. (In Russ.)

Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. М. : Праксис, 2011.

Grushin B. A. (2011) Opinions about the World and the World of Opinions. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Разин П. В. Масса и текст (научный рассказ о продолжающемся проекте) // Теория и социология СМИ / сост. М. Е. Аникина. Часть 1. М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. С. 171—196.

Razin P. V. (2010) Mass and Text (A Scientific Narrative on an Ongoing Project). In: Anikina M. Ye. *Media Theory and Media Sociology. Part 1*. Moscow: Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. P. 171—196. (In Russ.)

Чернов Г. Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. Дубна : Феникс+, 2002.

Chernov G. Yu. (2002) Mass-Social Phenomena: Research Approaches. Dubna: Fenix+. (In Russ.)

Hall S. (1974) A Reading of Marx's 1857 Introduction to the Grundrisse. Working Papers in Cultural Studies. No. 6. Birmingham: University of Birmingham: Centre for Contemporary Cultural Studies. URL: <https://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-artslaw/history/cccs/stencilled-occasional-papers/1to8and11to24and38to48/SOP01.pdf> (accessed: 21.02.2020).

Janowitz M. (1968) Harold D. Lasswell's Contribution to Content Analysis. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 32. No. 4. P. 646—653. <https://doi.org/10.1086/267652>.

Krippendorff K. (1969) Models of Messages: Three Prototypes. In: Gerbner G., Holsti O. R., Krippendorff K., Paisley W. J., Stone P. J. (eds.) *The Analysis of Communication Content: Developments in Scientific Theories and Computer Techniques*. New York: John Wiley & Sons. P. 69—106.

Lasswell H. D., Lerner D., de Sola Pool I. (1952) *The Comparative Study of Symbols: An Introduction*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Neidhardt F. (ed.) (1994) Öffentlichkeit, öffentliche Meinung, soziale Bewegungen. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 34. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. (In German).

Schenk J. (2017) Sociologie semikvantitativní. In: *Sociologická encyklopedie* / ed. by Z. R. Nešpor. URL: https://encyklopedie.soc.cas.cz/w/Sociologie_semikvantitativn%C3%AD (accessed: 20.02.2020). (In Czech).

Splichal S. (1999) Public Opinion: Developments and Controversies in the Twentieth Century. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.

Weber R. P. (1990) Basic Content Analysis. Newbury Park, CA: Sage. <https://dx.doi.org/10.4135/9781412983488>.

Weidlich W., Haag G. (1983) Opinion Formation — an Elementary Example of Semi-Quantitative Sociology. In: Weidlich W., Haag G. *Concepts and Models of a Quantitative Sociology: The Dynamics of Interacting Populations*. Berlin; Heidelberg: Springer. P. 18—53. https://doi.org/10.1007/978-3-642-81789-2_2.

В МИРЕ КНИГ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.20

Правильная ссылка на статью:

Каширина М. П. Обзор книги «Источники счастья: наука о благополучии на протяжении всей жизни» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 465—471. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.20>.

For citation:

Kashirina M. P. (2020) Overview of the book «The Origins of Happiness: The Science of Well-Being over the Life Course». *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 465—471. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.20>.

М. П. Каширина

ОБЗОР КНИГИ «ИСТОЧНИКИ СЧАСТЬЯ: НАУКА О БЛАГОПОЛУЧИИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ЖИЗНИ»

ОБЗОР КНИГИ «ИСТОЧНИКИ СЧАСТЬЯ: НАУКА О БЛАГОПОЛУЧИИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ЖИЗНИ»

КАШИРИНА Мария Павловна — студентка 1 курса магистерской программы «Сравнительные социальные исследования» факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: maria.kashirina06@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6236-995X>

OVERVIEW OF THE BOOK «THE ORIGINS OF HAPPINESS: THE SCIENCE OF WELL-BEING OVER THE LIFE COURSE»

Maria P. KASHIRINA¹ — 1st year student, Master's Degree Program “Comparative Social Research”, Faculty of Social Sciences

E-MAIL: maria.kashirina06@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6236-995X>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Рецензия знакомит читателей с ключевыми идеями и выводами книги «Источники счастья: наука о благополучии на протяжении всей жизни» авторов Эндрю Кларка, Сары Флеш, Ричарда Лейарда, Наттавудха Повдтхави, Джорджа Уорда.

Abstract. The review introduces the readers to the main ideas and conclusions of the book «The Origins of Happiness: The Science of Well-Being over the Life Course» by Andrew E. Clark, Sarah Flèche, Richard Layard, Nattavudh Powdthaveen, George Ward.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, факторы счастья, взрослый возраст, детский возраст, социальная политика, панельные исследования, метод жизненного цикла, счастье

Keywords: life-satisfaction, factors of the happiness, adulthood, childhood, social policy, panel studies, happiness, life-course approach

Книга «Источники счастья: наука о благополучии на протяжении всей жизни» («The Origins of Happiness: The Science of Well-Being over the Life Course») авторов Эндрю Кларка, Сары Флеш, Ричарда Лейарда, Наттавудха Повдтхави, Джорджа Уорда (Andrew E. Clark, Sarah Flèche, Richard Layard, Nattavudh Powdthavee, George Ward) написана в научно-популярном жанре и подробно знакомит читателей с детерминантами счастья¹ во взрослом и детском возрасте [Clark et al., 2018]. Все выводы основаны на материалах панельных исследований в четырех странах — Британии, США, Германии и Австралии — и комплексной методике изучения благополучия, которое рассматривается в контексте жизненного цикла индивида (Life-Course Approach). Суть такого подхода в том, что ребенок растет и развивается, взаимодействуя с множеством социальных институтов и акторов. Как следствие, различные обстоятельства периода взросления находят отражение в благополучии взрослого человека.

Книга состоит из нескольких крупных разделов. Первый описывает методику и дизайн исследования, а также особенности выборки. Второй посвящен изучению причин счастья взрослых, в том числе в пожилом возрасте. Третий раздел анализирует факторы счастья у детей, а последний описывает возможности практического применения полученных выводов в поле социальной политики.

Выборка и методика

Основными источниками информации выступали два больших британских опроса: The Avon Longitudinal Study of Parents and Children (ALSPAC)² и British Cohort Study (BCS)³, который включает людей, родившихся в одну определенную неделю в апреле 1970 г. Затем полученные результаты сравнивались с панельными исследованиями домохозяйств в Германии (German Socio-Economic Panel)⁴, Британии (British Household Panel Survey)⁵ и Австралии (Household, Income and Labour Dynamics in Australia)⁶. Данные для США были взяты из ежегодного, но не панельного исследования “Behavioral Risk Factor Surveillance System”⁷.

¹ Под термином «счастье» авторы понимают удовлетворенность жизнью (у взрослых) и эмоциональное благосостояние у детей, поэтому используют его как синоним «благополучия» и «удовлетворенности жизнью».

² Avon Longitudinal Study of Parents and Children. *University of Bristol*. URL: <http://www.bristol.ac.uk/alspac/> (accessed: 20.02.2020).

³ 1970 British Cohort Study. *Centre for Longitudinal Studies. UCL Institute of Education*. URL: <https://cls.ucl.ac.uk/cls-studies/1970-british-cohort-study/> (accessed: 20.02.2020).

⁴ SOEP. *German Institute for Economic Research*. URL: <https://www.diw.de/en/soep> (accessed: 20.02.2020).

⁵ British Household Panel Survey (BHPS). *Institute for Social and Economic Research, University of Essex*. URL: <https://www.iser.essex.ac.uk/bhps> (accessed: 20.02.2020).

⁶ Household, Income and Labour Dynamics in Australia (HILDA) Survey. *The University of Melbourne: Melbourne Institute*. URL: <https://melbourneinstitute.unimelb.edu.au/hilda> (accessed: 20.02.2020).

⁷ Behavioral Risk Factor Surveillance System. *U. S. Department of Health & Human Services*. URL: <https://www.cdc.gov/brfss/index.html> (accessed: 20.02.2020).

Детские характеристики рассматривались только в британском исследовании когорт (BCS), поскольку в нем опрашивались не только дети, но и их родители. Для анализа влияния социальных институтов был использован Gallup World Poll, включающий 126 стран (данные за 2012—2015 гг.). Известно, что исследованиям счастья отведено особое место в социальных науках, тем не менее, даже когда авторы приходят к выводам, что измерение счастья по одному пункту («В целом вы чувствуете себя счастливым?») надежно, обоснованно и жизнеспособно в опросах сообщества, а также в межкультурных сравнениях [Abdel-Khalek, 2006], проблема выявления факторов и причинно-следственных связей, а не корреляций, остается нерешенной. Эту проблему как раз и позволяют решить панельные исследования.

Авторы используют три основных подхода, чтобы как можно шире исследовать феномен счастья: (1) выявление настроений людей (хотя авторы сами указывают на то, что данный способ ограничен временем, а настроения зависят от конкретных ситуаций); (2) оценка своего собственного счастья; (3) оценка людьми тех вещей, которые они делают по жизни, — так называемая оценка эвдемонии (счастья, благоденствия). Таким образом, авторы в данной книге стараются решить проблему надежности и валидности измерения счастья, соединяя три вышеупомянутых подхода. Они определяют счастье через изучение благополучия в течение жизни. Во взрослом возрасте люди оценивают удовлетворенность своей жизнью в разных сферах, а в детском возрасте для этого используется измерение настроений и чувств. Практически во всех указанных базах данных удовлетворенность измеряется с помощью шкалы в 10 баллов от «совершенно не удовлетворен» до «полностью удовлетворен». Основным методом анализа выступает регрессионное моделирование.

Целью данной книги является составление комплексной карты причин благополучия в различных возрастных группах и выработка рекомендаций для развития социальной политики, направленной на повышение и поддержание уровня благополучия. Однако эти рекомендации нельзя считать универсальными, так как исследования проводились только в развитых странах: Британии, США, Германии и Австралии.

Факторы субъективного благополучия взрослых

В первой части книги рассматриваются детерминанты счастья во взрослом возрасте. Авторы выделяют следующие: доход, образование (квалификация), трудоустройство и работа, отношения в семье и с партнерами, криминальная активность, психическое и физическое здоровье, религиозность, социальные институты и нормы на уровне стран.

Проведенный анализ показал, что отношения с другими людьми сильнее всего влияют на уровень общего благополучия, при этом львиная доля этого эффекта принадлежит тесным партнерским связям — браку или гражданскому сожительству. А вот уровень дохода объясняет сравнительно небольшую часть вариации в субъективном благополучии. Более того, в соответствии с парадоксом Истерлина, удовлетворенность жизнью зависит от доходов нелинейно: маленькая сумма денег гораздо сильнее влияет на благополучие бедных людей, чем такая же сумма — на богатых. При этом, даже удваивая свой доход, люди могут получить не более 0,2

дополнительных балла к своей удовлетворенности жизнью (по шкале от 0 до 10). Если говорить о различных аспектах работы, то здесь значимость приобретают скорее нематериальные составляющие: интересное содержание, карьерный рост, а также возможность поиска новой работы, которая будет приносить удовольствие. Безработица ожидаемо негативно сказывается на благополучии.

Образование является еще одним фактором, который часто включается в публикации по субъективному благополучию. Применительно к данной выборке стран было выявлено, что повышение уровня образования на условную единицу (например, получение степени) влияет положительно на уровень счастья у того, кто это образование получил. Иными словами, и доход, и образование не оказали такого большого влияния на уровень благополучия, как предполагалось ранее. Поэтому авторы акцентируют внимание на недооцененной роли межличностных отношений, включая дружбу, семью и партнерство. Человеческие отношения, по их мнению, на самом интимном уровне имеют огромное значение для счастья человека. К сожалению, семейная история мало способствует раскрытию того, кто становится партнером и остается им в течение длительного периода. Однако определенные меры социальной политики — в частности, по развитию навыков, способствующих гармоничным отношениям, — могут оказать благотворное воздействие.

Ученые обращают внимание и на проблему здоровья, которое измерялось через наличие медицинских диагнозов. Психическое и физическое здоровье оказались значимыми факторами благополучия, однако психическое здоровье в большей степени обуславливало уровень несчастья, нежели физическое, и даже больше, чем бедность или безработица. Психическое здоровье оказалось важным еще с той точки зрения, что оно влияет не только на конкретного человека, но и на его близкое окружение и семью, так как психические заболевания часто передаются детям. В таком случае на уровень счастья помимо собственного здоровья оказывает воздействие еще и на здоровье близких.

Далее в поле зрения авторов попадают криминальные действия индивида. Как выяснилось, арест снижает уровень удовлетворенности жизнью того, кто совершил преступление (за один арест по известной шкале от 1 до 10 уровень падает в среднем на 1 пункт), но в то же время совершение преступлений без наказания не оказывает сильного эффекта. Именно уровень преступности в обществе и действия (или бездействие) властей в этой области влияют на уровень общего счастья людей.

Интересные результаты были получены относительно религиозности. Найдена слабая положительная связь между удовлетворенностью жизнью и частотой посещения религиозных служб и молитв. К тому же религиозность других людей в окружении положительно влияет на общий уровень счастья человека. Тем не менее данный фактор не рассматривается как основной и объясняет лишь малую часть вариации уровня счастья.

Социальные нормы и институты исследователи изучают на уровне стран, поэтому их решением было использовать Gallup World Poll, охватывающий 126 государств. Доверие, щедрость, социальная поддержка и свобода — основные объясняющие удовлетворенность жизнью факторы, выбранные авторами. Такое решение они обосновывают существующими в большом количестве работами, указывающими

на сильную связь с данными показателями. Выводы совпадают с теми, к которым приходят и другие ученые: люди несчастны, когда существует высокий уровень недоверия, социальная дислокация (социальные потрясения общества), неравенство, высокий уровень коррупции и недовольство работой правительства.

Особое внимание в книге уделяется людям пожилого возраста. В этот период жизни человека обстоятельства жизни и окружение чаще всего сильно меняются. Ранее приведенные детерминанты счастья взрослых обнаруживаются также и у пожилых людей, но меняется их приоритетность. На первый план выходит здоровье, которое по причинам естественных биологических изменений ухудшается. Кроме того, важными факторами становятся социальная активность и вовлечение в социальные связи, а одиночество является ключевой причиной падения уровня удовлетворенности жизнью в целом. Если использовать статистическую терминологию, то можно сказать, что с повышением уровня одиночества на одно стандартное отклонение люди теряют 0,5 пункта по шкале удовлетворенности жизнью.

Факторы субъективного благополучия детей

Авторы выделяют три аспекта детского развития: интеллектуальный (когнитивный), поведенческий и эмоциональный. Интеллектуальное развитие зависит от знаний и навыков, поведенческое характеризуется детским поведением, направленным на других людей, а эмоциональное касается чувств ребенка. Самым сильным фактором, который долгосрочно влияет на счастье в детском возрасте, а в дальнейшем и во взрослом, авторы называют эмоциональную стабильность и ментальное здоровье, в то время как поведенческие (как ребенок ведет себя с другими людьми) и интеллектуальные (образование и навыки) аспекты развития в меньшей степени воздействуют на будущую удовлетворенность жизнью.

Соответственно, данная часть исследования посвящена детскому возрасту, факторам и причинам, влияющим на счастье в дальнейшей жизни. Авторы начинают с описания экономической составляющей жизни детей и приходят к выводу, что доход семьи не сильно влияет на эмоциональное благополучие и поведение ребенка, но существует сильная зависимость между доходом и успехами ребенка в школе, а в дальнейшем и в высших учебных заведениях. Наличие работы у обоих родителей оказывается важным с точки зрения дохода. При этом, несмотря на распространенный стереотип, выход матери на работу не влияет негативно на счастье ребенка. То же самое касается и занятости отца.

Тема генов и генетического наследования затрагивается в книге лишь вскользь, поскольку внимание авторского коллектива больше сосредоточено на психическом здоровье родителей. Как уже было выяснено ранее, психическое здоровье родителей (в особенности матери) крайне важно для счастья и поведения ребенка, поэтому ученые указывают на необходимость мер социальной политики, направленной на помощь матерям в сложных жизненных обстоятельствах.

Стиль воспитания также оказывается значимым аспектом. Дети, родители которых использовали агрессивные методы в процессе воспитания, более несчастны на протяжении всей жизни. При этом на интеллектуальное развитие (которое, как было выяснено ранее, влияет на уровень счастья) оказывают большое влияние

родители, сильно вовлеченные в жизнь и воспитание ребенка. Такие родители проводят с детьми много времени и оценивают свои отношения с ними как близкие.

Семейные конфликты, в том числе разводы, негативно влияют на благополучие ребенка. В опросе британских жителей участвовали подростки и их родители, которым предлагалось согласиться или нет с утверждением: «Хорошие отношения родителей — это один из самых важных факторов воспитания счастливых детей». Семь из десяти подростков согласились, а среди родителей таких оказалась лишь треть. Проведенное авторами исследование показывает, что подростки были правы. В семьях без конфликтов вырастают более счастливые дети, что непосредственно влияет на поведение ребенка, а в дальнейшем на его учебу и работу. Ученые справедливо отмечают, что к таким выводам приходили уже многие исследователи, но необходимо углубить знания и рассмотреть роль образовательных учреждений.

Действительно, начальная и средняя школы оказывают сильный эффект на эмоциональное состояние детей. Дети и родители, участвовавшие в опросе, показали сильно различающиеся результаты в их оценке, так как субъективное восприятие учебных заведений детьми может отличаться от восприятия их же родителями. «Хорошие» школы (по рейтингу заведений и по оценкам школьников и их родителей) и доброжелательные отношения с учителями достаточно сильно определяют и высокие академические успехи, и благоприятное эмоциональное состояние детей и подростков. Заметно и отрицательное влияние — в случае если оценка учебного заведения была низкой, а отношение с преподавателями плохое. Важно, что отрицательное влияние имеет длительный эффект на протяжении дальнейшей жизни ребенка (пять лет и более). В то же время не было выявлено зависимости от того, какое количество человек обучается в классе, поэтому авторы делают вывод, что главным направлением образовательной политики должно быть именно повышение качества образования, а не уменьшение размера классов.

Социальная политика и счастье

Как было отмечено выше, целью данной книги было не просто изучение счастья, но и практическое применение полученных результатов в разных социальных сферах. Поэтому последняя часть работы посвящена социальной политике и рекомендациям по ее совершенствованию. И хотя авторы не указывают, для каких конкретно стран применимы новые подходы, из описания выборки следует, что речь идет о развитых странах, таких как Британия, Австралия, Германия и США.

Авторы утверждают, что анализ социальной политики должен быть непосредственно связан с измерением уровня счастья в стране, ибо именно оно является благом для общества. Использование нескольких методик для исследования благополучия позволит людям самим оценивать свой уровень счастья и понимать, изменения в какой из сфер необходимы для его повышения. Авторы уверены, что такой новый подход не только поможет повысить уровень счастья в стране, но и станет новым политическим инструментом. Они указывают, что с 1970-х гг. лучшим предсказателем переизбрания правительства в Европе была именно удовлетворенность жизнью, а не экономический рост, безработица или инфляция. Также авторы указывают, что политики часто не могут сфокусироваться на определенной сфере, они применяют широкую и достаточно общую социальную политику

в разных областях. Хотя и рано об этом говорить, но данная методика должна помочь значительно улучшить данную ситуацию, так как сделает возможным таргетирование проблемы счастья в разных сферах. Исследователи надеются, что такой эксперимент значительно улучшит процесс анализа социальной политики.

Авторы дают четыре совета людям, занимающимся социальной политикой: (1) главной целью правительства должно быть повышение уровня счастья людей и снижение уровня несчастья; (2) там, где готовность платить не является реальной мерой выгоды, правительствам следует разработать новые методы анализа социальной политики, основанные на изменении счастья в течение жизни в качестве меры выгоды; (3) все изменения социальной политики должны постоянно контролироваться на основе исследований счастья; (4) целью социальных наук должно быть исследование причин счастья и возможностей практического применения полученных знаний.

Обсуждая достоинства данной книги, стоит обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, это характер используемых данных. Панельный дизайн в комбинации с межстрановыми сравнениями позволяет осуществить глубокий и подробный анализ. Авторы рекомендуют проводить подобные исследования во всех странах для получения полной картины мира и национальной специфики благополучия и его детерминант. Во-вторых, это изучение причин счастья в детском возрасте и сопоставление их с факторами счастья у взрослых. Авторы смогли проследить изменения в течение жизни одних и тех же людей, что позволило говорить о причинно-следственных, а не корреляционных связях. Выводы, сделанные в ходе исследования, необходимо использовать при разработке мер социальной политики. Таким образом, данная книга обладает не только научной, но и практической значимостью. Единственное, но довольно значимое ограничение состоит в том, что в фокусе внимания оказались развитые страны. Для понимания специфики других государств необходимы национальные панельные исследования, позволяющие реализовать этот подход. В России таким исследованием может стать Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ.

Список литературы (References)

Abdel-Khalek A.M. (2006) Measuring Happiness with a Single-Item Scale. *Social Behavior and Personality: An International Journal*. Vol. 34. No. 2. P. 139—150. <https://doi.org/10.2224/sbp.2006.34.2.139>.

Clark A. E., Flèche S., Layard R., Powdthavee N., Ward G. (2018) *The Origins of Happiness: The Science of Well-Being over the Life Course*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

В МИРЕ КНИГ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.21

Правильная ссылка на статью:

Балова А. А. Обзор книги «Генетика психологического благополучия: роль наследственности и генетики в позитивной психологии» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 472—483. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.21>.

For citation:

Balova A. A. (2020) Book Review: “Genetics of Psychological Well-Being: the Role of Heritability and Genes in Positive Psychology”. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 472—483. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.21>.

А. А. Балова

ОБЗОР КНИГИ «ГЕНЕТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ: РОЛЬ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ И ГЕНЕТИКИ В ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ»

ОБЗОР КНИГИ «ГЕНЕТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ: РОЛЬ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ И ГЕНЕТИКИ В ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ»

БАЛОВА Александра Алексеевна — студент 1 курса магистерской программы «Сравнительные социальные исследования» Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: alexbalova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6564-7281>

BOOK REVIEW: “GENETICS OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING: THE ROLE OF HERITABILITY AND GENES IN POSITIVE PSYCHOLOGY”

Alexandra A. BALOVA¹ — 1st year student, Master's Degree Program “Comparative Social Research”, Faculty of Social Sciences

E-MAIL: alexbalova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6564-7281>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Рецензия содержит основные идеи и выводы из книги «Генетика психологического благополучия: роль

Abstract. The review contains basic ideas and findings expressed in the Genetics of Psychological Well-Being: the

наследственности и генетики в позитивной психологии». В тексте кратко освещаются существующие на данный момент достижения ученых в изучении наследуемости психологического благополучия, то есть генетических факторов, влияющих на счастье и позитивную эмоциональность человека. Книга знакомит читателя с результатами исследований, проведенных с использованием методов психогенетики и молекулярной генетики, а также научными проблемами в этой области и направлениями для будущих исследований.

Ключевые слова: позитивная психология, психологическое благополучие, наследственность, молекулярная генетика, психогенетика

Role of Heritability and Genes in Positive Psychology. The text overviews the existing achievements in studying the heritability of psychological well-being, more precisely genetic factors that determine happiness and human positive emotions. The book familiarizes the reader with the results of the studies based on psychogenetic and molecular genetics methods and challenges in this area as well as perspectives for future research.

Keywords: positive psychology, psychological well-being, heritability, molecular genetics, psychogenetics

Изучение наследуемости различных аспектов личности, таких как ценности, личностные качества, склонность к проявлению определенных эмоций и т. д., является сравнительно новым направлением в науке. Книга «Генетика психологического благополучия: роль наследственности и генетики в позитивной психологии» (Genetics of Psychological Well-Being: The Role of Heritability and Genetics in Positive Psychology) знакомит читателя с последними научными достижениями в этой находящейся на стыке двух совершенно разных наук области [Pluess, 2015]. Она представляет собой сборник из 16 научных статей разного авторства, каждая из которых освещает отдельный аспект или научную проблему в сфере наследуемости психологического благополучия и его различных составляющих.

Сборник разделен на четыре части. Первая часть знакомит читателя с базовыми понятиями, связанными с генетикой и психологическим/субъективным благополучием. Вторая содержит результаты и анализ классических количественных исследований с применением методов психогенетики (в англоязычной традиции эта наука называется *behavior genetics* — «генетика поведения»), таких как близнецовый, генеалогический, метод приемных детей и другие. Третья часть сборника посвящена более новому направлению — молекулярной генетике счастья, то есть поиску определенных участков ДНК, отвечающих за психологическое благополучие человека. В заключении авторы обобщают сделанные выводы, отмечают недостатки имеющихся результатов и предлагают направления для дальнейших исследований в этой области. В данной рецензии вниманию читателя предлагаются основные идеи книги, самые интересные и важные результаты и данные, а также их обсуждение.

Основные методы исследования наследуемости психологического благополучия

Мы не будем подробно останавливаться на раскрытии понятий «психологическое благополучие», «субъективное благополучие», истории их возникновения, основных инструментах измерения, так как тематический номер, который вы читаете, уже содержит эту информацию. Заметим лишь, что понятия психологического и субъективного благополучия в рецензируемой нами книге можно считать синонимами. Тем не менее, поскольку социология — наука, весьма далекая от генетики, мы считаем важным кратко осветить основы генетического кода человека.

Фундаментальной единицей наследственности является ген — участок молекулы ДНК, несущий информацию о каком-либо признаке или функции организма. Молекулы ДНК, в свою очередь, формируют хромосомы, каждая из которых состоит из одной длинной молекулы ДНК. В большинстве клеток человека содержится двойной, или диплоидный, набор хромосом, то есть 22 пары аутомосом и 2 половые хромосомы (XX либо XY). Генетическую структуру клеток человека называют *генотипом*, а внешнее проявление, или экспрессию, этих генов в организме — *фенотипом*. К примеру, мутация в гене *HERC2* будет соответствовать фенотипу «голубые глаза».

Структура ДНК содержит всю информацию о том, как должен выглядеть и функционировать организм человека. Поскольку психика во многом зависит именно от физиологических процессов, логично предположить, что психологическое благополучие в какой-то степени будет определяться и генетическими факторами. Однако окружающая среда также может оказывать большое влияние на формирование личности. Как же определить процентное соотношение эффектов генетики и окружающей среды на то, насколько счастливым чувствует себя человек? Именно на этот вопрос пытается ответить психогенетика, речь о которой пойдет в следующем разделе рецензии.

Молекулярная генетика же, по большей части, не имеет никакого отношения к окружающей среде. Современные научные достижения и новейшее оборудование позволяют расшифровать генотип индивида по его биологическому образцу. Такая расшифровка позволяет исследовать взаимосвязь между наличием той или иной вариации гена в молекуле ДНК и наличием/отсутствием определенного признака. В предпоследнем разделе рецензии речь пойдет о том, какие гены показали предположительное наличие связи с психологическим благополучием и какие методы при этом применялись.

Психогенетические методы исследования

Задача психогенетики — ответить на фундаментальный вопрос о вкладе наследственности и воспитания в формирование тех или иных признаков человека. Поскольку ученые начали задаваться данным вопросом очень давно, психогенетика возникла тогда, когда молекулу ДНК еще нельзя было изучить. По этой причине методы психогенетики не предполагают исследования биоматериала, а основываются на изучении фенотипических проявлений генов и некоторых постулатах.

Близнецовый метод

Близнецовый метод: классическая одномерная модель

Близнецовый метод — самый старый из существующих психогенетических методов, который до сих пор используется довольно часто.Monozygotные (однойцевые) близнецы обладают одинаковым, совпадающим на 100% набором генов, в то время как дизиготные (разнойцевые) близнецы имеют примерно 50% общих генов. Зная эти показатели, можно рассчитать степень влияния генов на разнообразие признаков в популяции. Наследуемость психологического благополучия при этом методе считается по следующей формуле:

$$h^2 = 2 \cdot (rMZ - rDZ),$$

где h^2 — это наследуемость,

rMZ — корреляция между показателями психологического благополучия у каждого из монозиготных близнецов,

rDZ — корреляция между показателями психологического благополучия у каждого из дизиготных близнецов.

В близнецовом методе выделяется три основных причины индивидуальных различий между людьми. Первая из них, обозначаемая А — это аддитивные генетические эффекты¹; вторая, С — это общая среда, то есть та среда, которая делает близнецов похожими друг на друга (например, обстановка в семье или место жительства); и Е — уникальная среда, то есть та среда, что делает близнецов разными (например, разное времяпрепровождение). Иногда добавляются и так называемые неаддитивные (интерактивные) эффекты, определяющиеся сочетанием генов. Этот параметр обозначается буквой D.

Близнецовый метод: многомерная модель

Многомерная модель представляет собой расширенную версию одномерной. Она тестирует вклад генетических и средовых факторов в вариацию различных фенотипов. Кроме того, она позволяет изучать и мультипликативные (интерактивные) эффекты. Это могут быть как фенотипические признаки (например, психологическое благополучие и психическое здоровье), так и рассмотрение одного фенотипического признака при разных состояниях (например, психологическое благополучие в детстве и взрослом возрасте). Существует несколько форм построения многомерной модели: на основе разложения Холецкого, модели индивидуальных и общих путей и т. д.

Другие методы с участием близнецов

Помимо классического близнецового метода, существуют и другие, нестандартные дизайны исследований с участием близнецов. Один из них — исследование детей близнецов, основанный на сравнении фенотипов детей монозиготных близнецов друг с другом. Мы знаем, что дети двух монозиготных близнецов имеют примерно 25% общих генов, однако при этом среда их развития и воспитания

¹ По аналогии с аддитивными и интерактивными эффектами в регрессионном моделировании, в данном случае аддитивный эффект — это линейный эффект каждого гена в отдельности, при контроле вариации других генов. В отличие от интерактивного (мультипликативного), он не предполагает анализа сочетаний различных генов.

будет уникальной. Из этого можно предположить, что сходства в их фенотипах будут обуславливаться генетическими факторами, а различия — факторами среды. Также иногда применяется и экспериментальный метод с использованием контрольной группы.

Метод приемных детей

Дети, усыновленные или удочеренные в раннем возрасте, имеют генотип биологических родителей, однако подвергаются постоянному влиянию среды, созданной приемными родителями. Если приемный ребенок не имел никакого контакта с биологическими родителями, сходство его фенотипа с их фенотипами может показывать высокую степень влияния генетики на фенотип. Обратная ситуация же подтвердит важность факторов среды для формирования тех или иных признаков. Одно из преимуществ этого метода — возможность оценить влияние факторов общей среды, что довольно сложно при использовании близнецового метода.

Результаты исследований с применением психогенетических методов

Большинство исследований, включающих психогенетические методы, показывает, что генетика и наследственность вносят большой вклад в формирование психологического благополучия индивида. Представленные в книге результаты в целом указывают на высокий уровень наследуемости таких составляющих человеческой психики, как счастье, оптимизм, удовлетворенность жизнью, черты характера (к примеру, настойчивость или склонность к поиску новизны) и даже ценности и мораль.

Статья «Наследуемость субъективного благополучия: обзор и метаанализ» [Nes, Røysamb, 2015] содержит обобщение результатов 13 независимых исследований, проведенных более чем на 30 000 близнецах в возрасте от 12 до 88 лет в семи разных странах. Результаты метаанализа показали, что в среднем генетический фактор отвечает примерно за 40 % различий в показателях субъективного благополучия, тем самым подтверждая результаты проводившегося ранее метаанализа. Все эти генетические эффекты являются аддитивными². Факторы общей среды (такие как воспитание в одной семье, развод родителей и т. д.), согласно данным, имеют настолько незначительный эффект, что ими можно пренебречь, в то время как влияние уникальной среды очень большое — около 60 %.

Данный метаанализ иллюстрирует и другой интересный вывод: наследуемость субъективного благополучия не является постоянной величиной и может сильно варьироваться в зависимости от различных характеристик, таких как возраст, пол (женщины обладают более высокой наследуемостью психологического благополучия, чем мужчины), социоэкономический статус, семейное положение и развод родителей. Иными словами, те или иные аспекты окружающей среды могут влиять на выраженность отвечающих за субъективное благополучие генов.

Авторы статьи «Наследуемость и развитие позитивного аффекта и эмоциональности» [Cloninger, Garcia, 2015] смотрят на формирование психологического

² См. определение аддитивных эффектов выше.

благополучия под другим углом — через призму концепций «позитивный аффект» и «негативный аффект», а также шкалы темперамента и характера Р. Клонингера. Согласно его теории, личность человека формируется на основе четырех свойств темперамента (поиск новизны, избегание вреда, зависимость от награды, настойчивость) и трех свойств характера (самонаправленность, кооперация, самотрансцендентность).

Под позитивным аффектом, или состояниями позитивного аффекта, понимается такое состояние, при котором человек испытывает положительные эмоции: приподнятое настроение, энтузиазм и уверенность в себе. Негативный аффект, напротив, характеризуется подавленным настроением, пассивностью, низкой мотивацией. Психологически счастливые индивиды характеризуются высоким позитивным и низким негативным аффектом. Можно считать, что высокий уровень психологического благополучия также связан с высоким позитивным и низким негативным аффектом.

Негативный аффект обладает более высокой наследуемостью, чем позитивный. Наследуемость свойств как характера, так и темперамента в целом составляет около 50 %. Отдельные исследования показывают такие показатели наследуемости, как 36 % — для избегания вреда и 31 % — для настойчивости. Стиль воспитания обычно влияет на свойства характера (особенно на самонаправленность и кооперацию), но не на свойства темперамента. Влияние общей среды в близнецовых исследованиях, как и при анализе уровней психологического благополучия, оказалось незначительным, однако чуть более выраженным для подростков, нежели для взрослых. М. Келлер и его коллеги [Keller et al., 2005], проанализировав данные Австралийского реестра близнецов, нашли доказательство неаддитивных генетических эффектов, влияющих на наследуемость экстраверсии, неврастении, избегания вреда, поиска новизны, зависимости от награды и настойчивости.

Исследования наследуемости ценностей показывают очень разные результаты. Это объясняется и большим разнообразием классификации ценностей, и многозначностью самого понятия. Тем не менее и здесь удалось зафиксировать ряд тенденций. Так, Дж. Шермер и коллеги [Schermmer et al., 2008] обнаружили наследуемость восьми из десяти³ типов ценностей, при этом процент варьировался от 10,8 % (власть) до 38 % (конформность). Гендерно-нейтральные ценности наследуются в меньшей степени (34 %), чем гендерно-специфические (49 %). Любопытные результаты показывает ценность «религиозность»: согласно данным, она определяется генетикой на 50 %. Была найдена и связь между религиозностью и психологическим благополучием, однако проявлялась она лишь в религиозной среде. Так, высокая религиозность индивида коррелировала с его психологическим благополучием только в самых религиозных штатах США.

Необходимо отметить, что исследования, результаты которых представлены выше, весьма относительны и вызывают ряд вопросов. Прежде всего, инстру-

³ Согласно классификации С. Шварца, ценности можно разделить на следующие десять типов: власть, достижение, гедонизм, риск-новизна (стимуляция), независимость-самостоятельность, универсализм (желание общего блага), благожелательность (добрые поступки по отношению к окружающим), традиция, конформность, безопасность [Schwartz et al., 2001].

менты измерения таких переменных, как «субъективное благополучие», «психологическое благополучие», «ценности», «уровень религиозности» и т. д., отличаются друг от друга и затрудняют сравнение результатов. Что еще более важно, в рамках психогенетического подхода довольно сложно отделить влияние генотипа от влияния среды. Таким образом, эта сфера нуждается в улучшении как методологии, так и измерительных инструментов.

Молекулярно-генетические методы исследования

Как уже упоминалось, молекулярная генетика занимается поиском определенных участков ДНК, отвечающих за кодирование тех или иных признаков (в нашем случае — психологического благополучия). Однако человек обладает 3,2 миллиардами пар нуклеотидов, и даже при использовании современного оборудования сложно понять, какой ген отвечает за какой признак. Для решения этой задачи в молекулярной генетике применяются следующие методы.

Анализ сцепленных генов. ДНК ребенка не копирует точно ДНК матери и отца, а формируется в результате «перетасовки» нуклеотидов, то есть образуется новая, уникальная последовательность. Техника анализа сцепленных генов основывается на предположении, что гены, находящиеся в хромосоме рядом, связаны друг с другом и наследуются вместе. Таким образом, анализируя данные родственников, можно обнаружить участки хромосом, в которых могут находиться интересующие нас гены.

Поиск ассоциаций генов-кандидатов. Гены-кандидаты — это гены, наличие которых может быть связано с проявлением определенного признака в фенотипе. Поиск ассоциаций таких генов означает поиск связи между наличием вариации того или иного гена и проявлением либо отсутствием признака, который, предположительно, с этим геном связан. Обычно гены-кандидаты выбирают на основе либо опытов на животных, либо реакции людей на медикаменты.

Полногеномный поиск ассоциаций (GWAS). При этом методе исследуются изменения в ДНК во всем геноме. Геном человека состоит из примерно трех миллиардов пар оснований, каждый тысячный из которых отличается у некоторых людей — носителей редкой вариации какого-то гена. Такие вариации называются однонуклеотидным полиморфизмом (в сокращении — ОНП). Полногеномный поиск ассоциаций при использовании современных технологий позволяет анализировать один миллион таких ОНП за раз.

Эпигеномный поиск ассоциаций. Эта методика напрямую связана с эпигенетикой, то есть с процессами, отвечающими за экспрессию тех или иных генов. Подробнее об эпигенетике речь пойдет ниже. Чаще всего эпигеномный анализ основывается на изучении процесса метилирования ДНК.

Комплексный анализ черт генома (GCTA). Это новейший из существующих ныне методов молекулярной генетики. Как и полногеномный поиск ассоциаций, объектом исследования при использовании GCTA являются однонуклеотидные полиморфизмы генов. Однако в отличие от полногеномного поиска цель GCTA — не поиск конкретного отвечающего за признак гена, а оценка взаимосвязи между одинаковыми ОНП и схожим фенотипическим признаком (например, психологическим благополучием).

Результаты исследований с применением анализа молекулярной структуры ДНК

Анализ сцепленных генов

На данный момент существует лишь одно исследование взаимосвязи так называемых локусов количественных признаков и счастья. В этом исследовании для оценки счастья использовалась Шкала субъективного счастья Любомирски [Lyubomirsky, Lepper, 1999]. Анализ данных, собранных среди 1157 детей из 414 семей, показал возможность сцепленности генов участков длинного конца хромосомы 19 и короткого конца хромосомы 1. Это могло бы значить наличие в этих участках генов, как-то связанных со счастьем их носителей. Однако при дальнейших исследованиях этих участков оказалось, что в них содержатся лишь гены, выполняющие другие функции.

Поиск ассоциаций генов-кандидатов

Количество выработки нейромедиатора серотонина, играющего одну из главных ролей в формировании позитивных эмоций у человека, кодируется участком гена SLC6A4. Этот участок, 5-HTTLPR, имеет «короткую» и «длинную» аллель, которые обозначаются буквами S и L, соответственно. «Короткая» аллель ассоциируется с гораздо меньшим количеством выброса серотонина, нежели «длинная» аллель. Таким образом, можно предположить, что носители длинной вариации будут обладать более высокими показателями субъективного благополучия, чем носители короткой вариации.

Исследование, основанное на этой гипотезе, проводилось с участием 2574 человек. Им предлагалось ответить на вопрос: «Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом?» и выбрать отметку на шкале от 1 (крайне неудовлетворен) до 7 (крайне удовлетворен). Оказалось, что носители L-аллели действительно считают себя значительно более счастливыми, чем носители S-аллели. Однако анализ, проведенный позднее на выборке большего объема (10 163), эту взаимосвязь не подтвердил. Как следствие, в данный момент в научном сообществе нет единого мнения о том, можно ли считать участок 5-HTTLPR аллелью, отвечающей за субъективное благополучие. Если мы хотим точно установить, является ли этот участок «геномом счастья», необходимы дальнейшие исследования.

Другим геном, играющим важную роль в формировании настроения и позитивных/негативных эмоций, считается ген моноаминоксидазы А, называющийся MAOA. Этот ген находится в половой хромосоме X и кодирует фермент, отвечающий за распад нейромедиаторов, таких как норэпинефрин, серотонин и дофамин. Он также обладает двумя аллелями — длинной, отвечающей за высокую активность (H-аллель), и короткой, отвечающей за низкую активность (L-аллель). Некоторые исследования подтверждают взаимосвязь между L-аллелью и алкоголизмом, агрессией и асоциальным поведением.

Поскольку ген MAOA находится в X-хромосоме, женщины могут характеризоваться высокой (HH), средней (HL) или низкой (LL) активностью моноаминоксидазы А, в то время как мужчины, обладая лишь одной X-хромосомой, имеют либо высокую, либо низкую активность. Возможно, этим можно объяснить

результаты исследования с участием 193 женщин и 152 мужчин, в ходе которого у мужчин не было обнаружено никакой взаимосвязи между аллелью гена MAOA и показателями Шкалы субъективного счастья. Интересно, что женщины, обладающие двумя L-аллелями (LL), показали гораздо более высокий уровень счастья, нежели носительницы других комбинаций аллелей. Это означает, что роль гена MAOA в формировании психологического благополучия человека достоверно неизвестна: на разных выборках и при разных условиях обнаруживается связь L-аллели как с позитивными эмоциями, так и с негативными психологическими состояниями.

Genome Complex Trait Analysis — GCTA

Недавнее исследование с применением техники GCTA показало, какой процент вариации в субъективном благополучии может объясняться однонуклеотидным полиморфизмом. Оно проводилось на примерно 11 500 шведах и датчанах, не являющихся родственниками друг друга. По оценке GCTA, около 5—10% вариации в показателях Шкалы депрессии Центра эпидемиологии, содержавшей утверждения «Последнюю неделю я чувствовал себя счастливым» и «В течение последней недели я наслаждался жизнью», объясняется одинаковым однонуклеотидным полиморфизмом у разных индивидов.

Полногеномный поиск ассоциаций

Полногеномный поиск ассоциаций — это новый и перспективный метод, который до недавнего времени был крайне дорогим и сложным в реализации, поэтому крупных исследований в области наследуемости черт характера пока не существует. В настоящий момент организация “Social Sciences Genetic Association Consortium”⁴ осуществляет масштабный проект в области психологического благополучия с использованием полногеномного поиска ассоциаций. Исследование проводится на 43 когортах и охватывает около 200 000 индивидов.

Генетическая нейровизуализация

Генетическая нейровизуализация — это новейший метод, возникший на пересечении двух входящих в его название сфер науки. Он анализирует взаимосвязь между тем или иным геном и активностью человеческого мозга, которая измеряется при помощи, например, ЭЭГ (электроэнцефалографии) и фМРТ (функциональной магнитно-резонансной томографии). Помимо некоторых данных, подтверждающих важную роль аллелей 5-HTTLPR в формировании хорошего настроения и реакции на позитивные и негативные стимулы, исследования с использованием этой технологии показали важность гена, кодирующего фермент катехол-О-метилтрансфераза. Этот ген также имеет две аллели — Met и Val, первая из которых связана с меньшей выработкой фермента по сравнению со второй. Предполагается, что носители аллели Met более склонны к депрессивным состояниям и более бурно реагируют на негативные стимулы, однако в то же время обладают лучшей памятью и вниманием, нежели носители аллели Val.

⁴ Social Science Genetic Association Consortium. URL: <https://www.thessgac.org/> (accessed: 25.02.2020).

Какие еще гены могут иметь отношение к психологическому благополучию человека?

BDNF. Этот ген кодирует нейротрофический фактор мозга, отвечающий за такие важные когнитивные функции, как память, обучаемость и синаптическая пластичность. Согласно некоторым исследованиям, Val-аллель этого гена ассоциируется с пониженным риском депрессии, улучшенными когнитивными функциями и более высокой удовлетворенностью жизнью.

Гены гипоталама-гипофизарно-надпочечниковой оси: CRHR 1, FKBP5, и NPY. Эти гены отвечают за реакцию человеческого организма на стресс и выработку гормона кортизола. Различные комбинации аллелей этих генов в структуре ДНК индивида отвечают за тип и длительность реакции на стресс, уровень тревожности и развитие психических заболеваний (например, посттравматического синдрома). Поскольку мы подвергаемся стрессу каждый день, работа этих генов может сильно влиять на наше общее психологическое благополучие.

OXTR — ген окситоцинового рецептора. Окситоцин — это нейропептид, играющий важную роль в социальном поведении человека и таких процессах, как формирование привязанностей, забота, умение распознавать социальные и эмоциональные сигналы. Этот гормон также регулирует реакцию на стресс. Исследования аллелей гена, кодирующего окситоцин, показывают довольно противоречивые результаты, однако можно сказать, что этот ген влияет на поведение человека в социуме и его психологические реакции при взаимодействии с другими людьми, например, эмпатию и взаимопонимание.

Механизмы эпигенетики: взаимосвязь генов и окружающей среды?

Хотя последовательность нуклеотидов ДНК, несомненно, вносит огромный вклад в развитие и функционирование человеческого организма, на современном этапе развития науки мы можем с точностью сказать, что далеко не все различия между людьми объясняются генетикой. Для любого организма крайне важна способность адаптироваться и изменяться в зависимости от условий окружающей среды. Поэтому одни и те же гены как человека, так и животных могут иметь разную экспрессию и по-разному проявляться в фенотипе индивида. *Эпигенетика* — новейшая отрасль генетики, занимающаяся изучением такой разницы в экспрессии и ее возможными причинами.

Следует отметить, что эпигенетические эффекты появляются не в результате изменения самой генетической информации. За них отвечают определенные процессы, например, метилирование ДНК (присоединение метиловых групп к молекуле ДНК без изменения самой структуры молекулы). Известно, что метилирование ДНК происходит на самых ранних стадиях жизни, то есть в процессе развития эмбриона. Так, исследование этого процесса на крысах показало, как цвет меха потомства может зависеть от рациона питания во время беременности.

Так как эпигенетика — наука молодая, ученым пока не удалось найти ответ на два фундаментальных вопроса. Кодируются ли эпигенетические процессы какими-то генами, или же они могут зависеть от условий окружающей среды? Происходят ли эпигенетические процессы лишь в раннем возрасте, или же их протекание возможно в течение всей жизни?

Большинство исследований в области эпигенетики сейчас ограничиваются изучением влияния эпигенетических механизмов на развитие болезней, таких как рак и психические заболевания. Однако такие механизмы могут влиять и на развитие личностных и психологических характеристик человека, например, субъективного благополучия. С этой точки зрения эпигенетика открывает множество возможностей для будущих междисциплинарных генетико-социологических изысканий.

Выводы и направления для будущих исследований

Резюмируем содержание книги и наметим направления для дальнейшего изучения генетических факторов психологического благополучия.

Изучать взаимосвязь генетических факторов и таких субъективных качеств, как психологическое благополучие, — это вызов для современных ученых. Общей проблемой в данной сфере является создание точных инструментов измерения и операционализации концепции «психологического благополучия». Исследования, представленные и проанализированные в книге, используют для этих целей разные шкалы и опросники, большинство из которых подвергается критике в современной социальной науке.

Преимуществом психогенетических методов является отсутствие необходимости проводить лабораторные анализы структуры ДНК. Это делает такие исследования более простыми и дешевыми в исполнении. Тем не менее подобные исследования вызывают вопросы и обладают рядом проблем.

1) Близнецовый метод не позволяет точно оценить влияние общей среды на развитие тех или иных признаков у индивидов.

2) Более того, при этом методе сложно отделить влияние факторов окружающей среды от факторов генетики. Мы не можем точно утверждать, что схожий уровень психологического благополучия близнецов зависит именно от генов, а не формируется в результате усвоения паттернов поведения родителей.

3) Психогенетические методы основываются на убеждении, что у человека спаривание происходит случайным образом. Однако в современной психологии существует предположение, что человек обычно выбирает партнера со схожими признаками. Если учитывать этот нюанс, результаты большинства психогенетических исследований нуждаются в коррекции.

Хотя методы анализа молекулярной генетики на первый взгляд могут показаться более точными, у них также есть ряд недостатков. Самый существенный из них — наличие большого количества противоречивых результатов о влиянии определенных генов на психологическое состояние человека. Одни и те же гены в разных исследованиях могут показывать взаимосвязь как с высоким уровнем психологического благополучия, так и с низким, а также могут не показывать никакой взаимосвязи вообще. Кроме того, точность выводов зависит от размера выборки, а в силу дороговизны используемых технологий возможность сделать выборку больше у ученых есть далеко не всегда.

Тем не менее, несмотря на все возможные ограничения, результаты имеющихся исследований внушают определенный оптимизм. Можно с уверенностью сказать, что генетика играет важную роль в формировании психологического благополучия индивида; результаты некоторых из исследований подтверждаются

и метаанализом, и репликациями. На данный момент можно выделить следующие основные направления для дальнейших исследований в области наследуемости психологического благополучия:

1) подтверждение данных о пропорциональном соотношении влияния генетики и окружающей среды на формирование психологического благополучия;

2) более подробное и углубленное изучение генов-кандидатов, в частности, тех из них, по которым данные наиболее противоречивы;

3) использование генетической нейровизуализации в сфере психологического благополучия и счастья;

4) изучение влияния эпигенетических процессов на формирование психологического благополучия.

Мы надеемся, что данная рецензия сформирует у читателя представление о влиянии генетики на формирование психологического благополучия и вдохновит на новые открытия в этой молодой и перспективной междисциплинарной области.

Список литературы (References)

Cloninger C. R., Garcia D. (2015) The Heritability and Development of Positive Affect and Emotionality. In: Pluess M. (ed.) *Genetics of Psychological Well-Being: The Role of Heritability and Genetics in Positive Psychology*. New York: Oxford University Press. P. 97—113. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199686674.003.0006>.

Keller M. C., Coventry W. L., Heath A. C., Martin N. G. (2005) Widespread Evidence for Non-Additive Genetic Variation in Cloninger's and Eysenck's Personality Dimensions Using a Twin Plus Sibling Design. *Behavior Genetics*. Vol. 35. No. 6. P. 707—721. <https://doi.org/10.1007/s10519-005-6041-7>.

Lyubomirsky S., Lepper H. S. (1999) A Measure of Subjective Happiness: Preliminary Reliability and Construct Validation. *Social Indicators Research*. Vol. 46. No. 2. P. 137—155. <https://doi.org/10.1023/a:1006824100041>.

Nes R. B., Røysamb E. (2015) The Heritability of Subjective Well-Being: Review and Meta-Analysis. In: Pluess M. (ed.) *Genetics of Psychological Well-Being: The Role of Heritability and Genetics in Positive Psychology*. New York: Oxford University Press. P. 75—96. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199686674.003.0005>.

Pluess M. (ed.) (2015) *Genetics of Psychological Well-Being: The Role of Heritability and Genetics in Positive Psychology*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199686674.001.0001>.

Schermer J. A., Feather N. T., Zhu G., Martin N. G. (2008) Phenotypic, Genetic, and Environmental Properties of the Portrait Values Questionnaire. *Twin Research and Human Genetics*. Vol. 11. No. 5. P. 531—537. <https://doi.org/10.1375/twin.11.5.531>.

Schwartz S. H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. (2001) Extending the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a Different Method of Measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 32. No. 5. P. 519—542. <https://doi.org/10.1177%2F0022022101032005001>.

